3 1761 08106697 9

3
25634

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

1892.

ДЕКАБРЬ.

AP
50
R86
v.3
Dec.

LIBRARY
DEC 10 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. УБЫЛЬ ДУШИ. Повѣсть. **Ивана Щеглова**..... 479

II. ДВОРЯНЕ, РАЗНОЧИНЦЫ И КРЕСТЬЯНЕ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ РУССКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ. **Князя Н. К. Имеретинскаго**..... 548

III. АМЕРИКАНСКІЙ ПРЕТЕНДЕНТЪ. Романъ Марка Твэна. (Переводъ съ англійскаго.) Гл. XXI—XXV. Конецъ 600

IV. НАШЕ ЗНАНІЕ О СЕБѢ. **П. Е. Астафьева**..... 647

V. РОЗА ЦЕТИНЬИ. Романъ Е. Вальдъ-Зедвица. (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. XIV—XVII. Конецъ..... 694

VI. ЧУВСТВО, ИДЕАЛЪ и ИДЕАЛИЗАЦІЯ. Психологическо-литературный этюдъ. Гл. II. *(Окончаніе.)* **Ѳ. А. Витберга**. 736

VII. РОССІЯ И АНГЛІЯ. Гл. VIII — X. *(Окончаніе.)* **П. В. Безобразова**..... 759

VIII. ПАМЯТИ А. А. ФЕТА. (Два стихотворенія.) I. **В. С.** и II. **Анатолія Александрова**..... 791

IX. ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ. Гл. XIV. *(Окончаніе.)* **М. П. Соловьева.** 794

X. НОВАЯ САНДРИЛЬОНА. Романъ. (Изъ современныхъ французскихъ нравовъ). Гл. XXX—XXXVII. Конецъ первой части. **Графа Е. А. Саліаса**..... 825

XI. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. Письмо I. **И. Яковлева**..... 867

XII. ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ. Письмо III. **О. К.** (**Ольги Новиковой**)..... 887

XIII. ЗИМА. (Стихотвореніе). **Ив. Ивина**..... 895

XIV. ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ. Состояніе православныхъ храмовъ въ Западной Россіи. — Митрополитъ Филаретъ, какъ подвижникъ.—Уменьшеніе территорій существующихъ епархій.—Новое постриженіе въ монашество свѣтскихъ лицъ.—*Церковныя Вѣдомости* о статьѣ Л. Тихомирова. **Ь**..... 896

XV. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Панамское дѣло. — Бѣлыя нитки тройственнаго союза. — Заботы Германіи, Австріи, Италіи, Англіи, Турціи, Сербіи и Болгаріи.—По поводу столѣтія со дня смерти Фонвизина.—† А. А. Фетъ.. 906

XVI. ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ. 1) Что такое народничество? 2) Изъ газетъ и журналовъ. **Л. А. Тихомирова**..... 911

XVII. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) *Святой Благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій.* Подробное жизнеописаніе съ рисунками и картами. М. Хитрова Москва 1893. Цѣна 2 рубля. **А. Ш**..... 933

2) Н. Страховъ. *Воспоминанія и Отрывки.* С.-Петербургъ. 1892. **Д**..... 937

3) *Какъ охранять жизнь и здоровье своихъ дѣтей.* Э. Брюкке, переводъ Ильиной, подъ редакціей женщины-врача М. Волковой. С.-Петербургъ 1892 года. Цѣна 2 рубля.... 940

(См. слѣдующую страницу обертки.)

УБЫЛЬ ДУШИ.

Повѣсть.

За послѣднее время Ольга Петровна Прозорова стала замѣчать, что съ ея мужемъ Семеномъ Яковлевичемъ происходитъ что-то странное. Дѣло въ томъ, что Семенъ Яковлевичъ извѣстенъ былъ своей аккуратностью и, за рѣдкими исключеніями, никогда и ни въ чемъ не измѣнялъ распорядка своей жизни. — Вставалъ онъ всегда ровно въ девять, въ двѣнадцатомъ часу отправлялся въ редакцію газеты, гдѣ состоялъ фельетонистомъ и главнымъ помощникомъ редактора, а къ шести часамъ являлся обратно— къ обѣду. Вечера онъ проводилъ, смотря по обстоятельствамъ службы, въ театрѣ, въ ученомъ или не ученомъ засѣданіи или просто въ Общедоступномъ Клубѣ, гдѣ собирались братья-писатели, чтобы подвести итоги дня и запастись другъ отъ друга матеріаломъ для ежедневныхъ собесѣдованій съ публикой. Единственный день, проводимый имъ всецѣло дома—это была пятница, когда онъ писалъ свой „Воскресный фельетонъ". И такъ шло изо дня въ день, изъ году въ годъ.

Но съ нѣкоторыхъ поръ вдругъ все перемѣнилось.

Семенъ Яковлевичъ сталъ подниматься съ постели въ десятомъ и даже въ одиннадцатомъ часу, а когда пытались будить его ранѣе, раздражался и кричалъ изъ кабинета голосомъ капризнаго ребенка, чтобъ его оставили въ покоѣ. Въ редакцію онъ выходилъ теперь часу во второмъ и не только не возвращался аккуратно къ обѣду, но зачастую и вовсе не обѣдалъ дома, отгова-

риваясь какимъ то неотложнымъ дѣломъ. Вообще, съ каждымъ днемъ, онъ замѣтно становился все болѣе и болѣе угрюмымъ, несообщительнымъ и раздражительнымъ.

На супружескій допросъ Ольги Петровны онъ лаконически отвѣчалъ, что ему просто нездоровится а когда жена стала добиваться, отчего онъ рѣдко обѣдаетъ дома и какое у него дѣло, Семенъ Яковлевичъ вспыхнулъ и рѣзко заявилъ, что онъ даетъ Ольгѣ Петровнѣ на хозяйство и ея прихоти съ излишкомъ и поэтому разъ на всегда проситъ не вмѣшиваться въ его журнальныя дѣла. Ольга Петровна приняла эти слова какъ прямой намекъ на ее участіе въ предстоящемъ благотворительномъ спектаклѣ и заблагоразсудила до поры до времени подробный допросъ отложить. — Тѣмъ не менѣе, въ особенности въ виду предстоящаго благотворительнаго спектакля, видимое нездоровье Семена Яковлевича досадно ее растревожило и она, на всякій случай, рѣшила обратиться къ врачу. Но прежде чѣмъ привести свое рѣшеніе въ исполненіе, она сочла своимъ долгомъ посовѣтоваться съ „Жозефиной Антоновной", безъ которой она не дѣлала ни одного важнаго шага въ жизни, начиная съ обсужденія новаго фасона платья и кончая воспитаніемъ своей единственной дочери—Зины.—Прозорова сблизилась съ Жозефиной Антоновной всего года два назадъ, по вступленіи своемъ въ „Танцовально-артистическій Кружокъ," въ коемъ та состояла почетнымъ членомъ, и объясняла это тѣсное сближеніе, между прочимъ, тѣмъ, что обѣ онѣ имѣли одинаковые взгляды на жизнь; хотя вѣрнѣе это объяснялось тѣмъ, что обѣ онѣ не имѣли ровно никакихъ взглядовъ и, широко пользуясь достатками своихъ мужей, одинаково праздно мелькали въ неугомонной столичной сутолкѣ.

Въ первый-же визитъ Жозефины Антоновны, Прозорова повѣрила ей свои душевныя тревоги.—Первое—что ея мужъ, Семенъ Яковлевичъ, за послѣднее время сталъ крайне несообщительнымъ и раздражительнымъ; второе—что она обѣщала участвовать въ благотворительномъ спектаклѣ въ пользу глухонѣмыхъ въ драмѣ „Нищіе духомъ" (гдѣ она играетъ заглавную роль „Нищей духомъ") и теперь не знаетъ, отказаться-ли ей отъ спектакля или участвовать; и—третье: если не отказываться и участвовать, то стоитъ ли обращаться къ „Маргаритѣ Федоровнѣ", разъ она испортила ей кружевной лифъ для „салонной комедіи".

Жозефина Антоновна внимательно выслушала свою подругу

и, по окончаніи ея признаній, снисходительно весело улыбнулась. По мнѣнію Жозефины Антоновны, Прозорова не сообщила ей ровно ничего новаго. Всѣ нынѣшніе мужья, за рѣдкими исключеніями, несообщительны и раздражительны, а всѣ нынѣшнія жены, тоже за рѣдкими исключеніями, несутъ очень тяжелый крестъ, настолько тяжелый, что если отказывать себѣ въ ничтожныхъ развлеченіяхъ, весьма легко пасть подъ его тяжестью. Отсюда выводъ простой и ясный: отъ спектакля для глухонѣмыхъ нечего и думать отказываться. Что-же до „Маргариты Федоровны", то, разумѣется, ее слѣдуетъ бросить, такъ какъ она „невозможно спускаетъ тальи", и обратиться къ Викулиной, которая призводитъ въ свѣтѣ фуроръ своими лифами. Ежели же Ольгу Петровну все-таки продолжаетъ безпокоить настроеніе Семена Яковлевича, то, въ такомъ случаѣ, для полнѣйшаго успокоенія ничего болѣе не остается, какъ обратиться къ врачу.

Прозорова сокрушенно заморгала глазами и призналась, что она и сама объ этомъ подумывала. Но тутъ, по мнѣнію Жозефины Антоновны, заключалось чуть ли не главное затрудненіе, такъ какъ во всемъ Петербургѣ она знаетъ только двухъ врачей, которымъ можно слѣпо ввѣриться — это Шварцкопфъ и Гавриленко. Шварцкопфъ—спеціалистъ по внутреннимъ и душевнымъ болѣзнямъ, но дорогъ и грубоватъ; Гавриленко же, хотя не спеціалистъ и лѣчитъ всѣ болѣзни, но дешевле и въ высшей степени сговорчивъ и обходителенъ. Ольга Петровна объявила, что она боится всѣхъ спеціалистовъ и предпочла бы скорѣй Гавриленко. Жозефина Антоновна дала Прозоровой адреса Гавриленко и Викулиной и тѣмъ окончательно ее утѣшила.

Спустя нѣсколько дней послѣ визита Жозефины Антоновны, утромъ, когда еще Семенъ Яковлевичъ находился въ постели, въ квартиру Прозоровыхъ явился докторъ Гавриленко. Въ модномъ галстухѣ, съ перстнями на пухлыхъ пальцахъ, съ физіономіей откормленнаго блудливаго кота, онъ дѣйствительно производилъ скорѣй общечеловѣческое, чѣмъ какое-либо спеціальное впечатлѣніе.—Онъ явился—какъ заранѣе было условлено—какъ бы вовсе не для Семена Яковлевича, а исключительно чтобы выслушать семнадцати-лѣтнюю Зину Прозорову, страдавшую, по словамъ матери, упорными мигренями. Выслушавъ и выстукавъ Зину Прозорову и прописавъ что слѣдуетъ, докторъ съ самымъ невиннымъ видомъ выразилъ желаніе воспользоваться счастли-

вымъ случаемъ, чтобы познакомиться „съ нашимъ извѣстнымъ фельетонистомъ“—Семеномъ Яковлевичемъ Прозоровымъ.

Къ удивленію и удовольствію Ольги Петровны, Семенъ Яковлевичъ не проявилъ на этотъ разъ своей обычной раздражительности и, при видѣ общечеловѣческаго доктора, пришелъ въ свое прежнее добродушно ироническое настроеніе. Ольга Петровна ловко перевела завязавшійся литературный разговоръ отъ литературы къ литераторскимъ нервамъ и когда Гавриленко, куря и балагуря, взялся за пульсъ „извѣстнаго фельетониста“, незамѣтно вышла изъ кабинета.

Черезъ четверть часа Гавриленко уже надѣвалъ въ передней шубу и любезничалъ съ Прозоровой. По его словамъ, онъ не нашелъ у ея мужа ровно ничего опаснаго—самое обыкновеннѣйшее умственное переутомленіе. Онъ было посовѣтовалъ сначала бросить мѣсяца на полтора всякое писаніе, но такъ какъ Семенъ Яковлевичъ призналъ это матеріально неосуществимымъ, то онъ, Гавриленко, прописалъ ему одну „очень рѣшительную микстуру“, которая должна сдѣлать свое дѣло. Вернувшись къ мужу, Ольга Петровна взяла съ него честное слово, что онъ будетъ принимать лѣкарство аккуратно и, совершенно успокоившись на этотъ счетъ, съ очищенной совѣстью отправилась съ Зиной къ портнихѣ Викулиной мѣрить лифъ для „Нищей духомъ“.

Семенъ Яковлевичъ прошелъ въ зало и посмотрѣлъ въ окно, выходившее на проспектъ, какъ жена и дочь усаживались на извощика, чему-то смѣясь и довольно кутаясь въ пушистые воротники своихъ ротондъ. Съ какимъ-то безнадежнымъ уныніемъ проводилъ онъ глазами умчавшіяся дрожки и горько усмѣхнулся...

Увы, ни супруга Ольга Петровна, ни вездѣсущая Жозефина Антоновна, ни всевѣдующій Гавриленко не догадывались, да и не могли догадаться объ истинной причинѣ мрачнаго настроенія, овладѣвшаго за послѣднее время Семеномъ Яковлевичемъ. Настоящее названіе своей болѣзни отлично зналъ одинъ Семенъ Яковлевичъ и хранилъ его ревниво про себя, какъ самую сокровенную и недоступную для пониманія окружающихъ тайну. Это была—*убыль души*...

II.

Напалъ, впрочемъ, Семенъ Яковлевичъ на опредѣленіе своей болѣзни очень недавно и, притомъ, совершенно случайно. Болѣзнь очевидно сидѣла въ немъ не первый годъ, но проявлялась до сихъ поръ весьма неопредѣленными и отрывистыми приступами, лишь смутно намекавшими на приближавшуюся опасность. — Повидимому безъ всякой причины—иногда дома во время работы, въ театрѣ или просто на улицѣ—Семена Яковлевича вдругъ схватывала такая безотчетная, нестерпимая тоска, что онъ рѣшительно не зналъ куда дѣваться. Настроеніе его духа въ эти минуты дѣлалось до того угнетающе, что если онъ находился въ театрѣ—онъ не дослушивалъ піесы и спѣшилъ освѣжиться на улицу; — если это случалось на улицѣ — заходилъ, думая разсѣяться, въ театръ или въ трактиръ; если-же эта исторія начиналась дома — одѣвался и бросался изъ дома, куда глаза глядятъ. Но тоска проходила и, по свойственной человѣческой природѣ легкомысленности, онъ также внезапно о ней забывалъ, какъ внезапно она на него находила. Еслибы Семена Яковлевича спросили въ эти скоропреходящія, но мучительныя минуты, что̀ именно онъ чувствовалъ—онъ, конечно, бы затруднился отвѣтить. Онъ сознавалъ лишь одно, что это была тоска, отъ которой слѣдовало поскорѣй какъ-нибудь отвязаться и что ни до чего другаго въ эти минуты ему не было дѣла или, вѣрнѣе сказать, все остальное становилось ему въ эти минуты безразлично противнымъ: жена, дочь, знакомые, редакція, писанье фельетоновъ и посѣщеніе театровъ и клубовъ. „Почему“ становилось все это противнымъ—онъ не вдумывался, да вѣроятно бы и не сталъ вдумываться, еслибы приступы этой странной тоски за послѣднее время не начали повторяться все настойчивѣе и чаще и не начали наконецъ мѣшать его обычнымъ занятіямъ. И вотъ, когда они начали мѣшать и какъ бы врѣзались поперегъ порядка его жизни, онъ невольно сталъ вдумываться и въ одинъ прекрасный день открылъ *почему*. Открытіе это произошло, какъ мы уже упомянули, совершенно случайно и при обстоятельствахъ самыхъ незначительныхъ, можно сказать до смѣшнаго незначительныхъ сравнительно съ такимъ важнымъ открытіемъ.

Сидѣлъ онъ однажды утромъ у себя въ кабинетѣ, за стака-

номъ чая, сосалъ сигаретку и апатично пробѣгалъ свѣже-распакованный нумеръ газеты. Газета была большая и скучная, а передовая статья, которую онъ началъ читать, тоже большая и тоже скучная: *О прогрессивномъ обмелѣніи нашихъ рѣкъ.*—Богъ знаетъ почему, въ серединѣ статьи его вниманіе остановили пять, шесть совсѣмъ шаблонныхъ строкъ: „По мѣрѣ истребленія лѣсовъ, наша почва все болѣе высыхаетъ, почвенныя воды все болѣе и болѣе оттого убываютъ и много глубокихъ источниковъ въ бывшихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ на нашихъ глазахъ вовсе исчезли.— Семенъ Яковлевичъ перечелъ эти строки нѣсколько разъ подъ-рядъ и, прослѣдивъ глазами ниже, натолкнулся на опечатку: вмѣсто „вода убываетъ“ стояло *душа* убываетъ... Эта пустяшная опечатка страннымъ образомъ навела его на цѣлый рядъ совершенно неожиданныхъ мыслей.

Сначала явился вопросъ: можетъ ли душа убывать, т.-е. можетъ ли убывать въ человѣкѣ живая нравственная вода, подобно тому какъ убываетъ рѣчная вода въ земной почвѣ и если можетъ и убываетъ, то что-же является этому причиной? Рѣки, очевидно, убываютъ оттого, что исчезаютъ вѣковые лѣса, питавшіе ихъ своей влагой, а души убываютъ оттого... ну, вѣроятно, оттого, что исчезаютъ старые вѣковые устои, высшіе нравственные идеалы, питавшіе человѣчество своею священною влагой!... И не оттого ли сердца дѣлаются все суше, люди все эгоистичнѣе и жизнь съ каждымъ годомъ становится все безцѣльнѣе и тоскливѣе?!. И однако же люди живутъ и не замѣчаютъ грозящей опасности?.. Ну что-жь, и онъ жилъ и тоже не замѣчалъ!..

Семену Яковлевичу сдѣлалось вдругъ какъ-то жутко удивительно, что онъ не замѣчалъ до сихъ поръ такой простой и ужасной вещи. Да, люди не замѣчаютъ и живутъ, но *какъ* живутъ? Какъ онъ самъ живетъ, Семенъ Яковлевичъ,—думалъ ли онъ когда-нибудь объ этомъ? Думалъ ли онъ—онъ, вышучивающій каждое воскресеніе въ своихъ фельетонахъ людскія слабости и пороки—какъ онъ живетъ, для чего пишетъ, отчего тоскуетъ??..

Предательская газета выскользнула изъ рукъ Прозорова, онъ порывисто всталъ съ мѣста и принялся ходить взадъ и впередъ по кабинету...

Въ жизни каждаго человѣка бываютъ очень неожиданные и вѣщіе моменты, когда, точно озаренное молніей, все его прошлое и настоящее выглянетъ ненадолго во всей своей обличительной наготѣ. Такой моментъ подобенъ внезапно выросшему

на перепутьѣ заблудившагося странника сказочному столбу и зачастую рѣшаетъ дальнѣйшее будущее человѣка: погрязать ли въ прежней жизни или начать новую?

Такой именно моментъ переживалъ теперь Семенъ Яковлевичъ Прозоровъ, когда онъ попытался подъ этимъ новымъ угломъ оглянуть свою жизнь: его одновременно ужаснуло—и ея ошеломляющая пошлость, и позднее озареніе и свое полное душевное безсиліе.

Теперь его опять охватила тоска, но уже не прежняя тревожно-сверлящая и скоропрехоляшая тоска, а какая-то новая—жутко-холодная и безнадежно-медлительная, точно неотвратимое предчувствіе близкой смерти.

Прозоровъ наскоро одѣлся, схватилъ шляпу и вышелъ на улицу въ состояніи близкомъ къ умопомѣшательству.

Это былъ первый день, что онъ не обѣдалъ дома.

III.

Всю остальную половину этого дня, до самаго вечера, Семенъ Яковлевичъ провелъ въ дешевомъ трактирѣ, на Гороховой, въ отдѣльной комнатѣ.—Онъ полулежалъ въ углу дивана съ газетой въ рукахъ и какъ индійскій факиръ неподвижно уставился глазами въ одну точку, ту роковую черную точку, съ которой отнынѣ его жизнь преломлялось въ самыхъ отталкивающихъ очертаніяхъ. На столѣ передъ Прозоровымъ красовалось блюдо съ майонезомъ и бутылка пива; то и другое больше для виду, потому что бутылка была полна, а майонезъ не тронутъ; для виду же очевидно держалась въ рукахъ и газета, чтобы всуе не смущать изрѣдко навѣдывавшагося въ номеръ лакея. Семенъ Яковлевичъ разсѣяно скользилъ по чуждымъ и мертвымъ для него строкамъ какого-то ремесленнаго разсказа, прозрѣвая между нихъ другія—невидимыя, живыя и жестокія строки своей собственной жизни.

И вотъ что онъ читалъ въ нихъ:

Въ Петербургѣ, въ „Измайловскомъ полку“, въ самомъ верху высокаго каменнаго дома проживаетъ семейство Прозоровыхъ. Квартиру они снимаютъ большую, обставленную съ комфортомъ, почти богато. Семья состоитъ изъ мужа, жены и дочери. Мужъ—Семенъ Яковлевичъ Прозоровъ — сотрудничаетъ въ одной изъ

самыхъ распространенныхъ Петербургскихъ газетъ, въ „Жизнерадостной Газетѣ“, зарабатываетъ до четырехсотъ рублей въ мѣсяцъ и пользуется репутаціей человѣка талантливаго и вполнѣ порядочнаго. Жена—Ольга Петровна Прозорова—состоитъ дѣятельнымъ членомъ „Танцовально-артистическаго Кружка,“ одѣвается моложе своихъ лѣтъ, но со вкусомъ, пудрится въ мѣру и называетъ своего мужа при чужихъ „Simèon“. Дочь Зина благополучно окончила пансіонъ и, по желанію матери, недавно поступила на частные музыкально-драматическіе курсы Клименталя. У Прозоровыхъ обширный кругъ знакомства и изрѣдка устраиваемые ими вечера отличаются многолюдствомъ, пестротой и веселіемъ. Словомъ, семья какъ семья... въ Петербургѣ многіе теперь завидуютъ такому семейному благоустройству!. Въ особенности же завидуютъ писательской извѣстности Прозорова, его участію въ „Жизнерадостной Газетѣ“...

Лицо Семена Яковлевича болѣзненно передернулось, онъ перевернулъ газетный листъ и *прочелъ* далѣе...

„Жизнерадостная Газета“, въ которой вотъ уже десятый годъ сотрудничаетъ Прозоровъ, какъ нельзя болѣе оправдываетъ свое названіе. Эта одна изъ тѣхъ милыхъ новѣйшихъ газетъ, въ которыхъ о дебютѣ непотребной дѣвицы Адели печатается всегда обстоятельно и крупнымъ шрифтомъ, а о землетрясеніи на югѣ и неурожаѣ на сѣверѣ—мелкимъ и вскользь; въ которыхъ описанію желѣзнодорожнаго обѣда и артистическаго ужина отводится по два столбца, а желѣзнодорожному крушенію и самоубійству отъ голода двѣ строки; въ которыхъ ежедневно на первой страницѣ, подъ видомъ переводнаго романа, посвящается цѣлый фельетонъ для опоэтизированія продѣлокъ ловкаго мазурика, а подвигамъ добродѣтели удѣляется мѣсто разъ въ недѣлю, на послѣдней страницѣ и петитомъ, въ числѣ корреспонденцій изъ заглушья—и т. д. и т. д.

Что-же дѣлаетъ въ этой милой газетѣ „талантливый“ Семенъ Яковлевичъ?

Талантливый Семенъ Яковлевичъ пишетъ въ ней, подъ характернымъ псевдонимомъ „Анчара“, еженедѣльный воскресный фельетонъ. „Анчаръ“, т.-е. древо яда, воспѣтое Пушкинымъ въ извѣстномъ стихотвореніи, есть очень тонкій намекъ на злокачественность писательскаго яда. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не тлетворнѣйшій изъ ядовъ—эти еженедѣльные воскресные фельетоны г. Прозорова, гдѣ высокіе поступки и мошенническія про-

дѣлки, пикантная сплетня и общественное бѣдствіе, имя подвижника и прозвище популярной кокотки—все безразлично сваливается и смѣшивается, какъ въ винегретѣ, въ одной безпечальной фельетонной мискѣ и заправляется въ концѣ-концовъ, въ утѣшеніе читателя, той благодушно-индифферентной и безцѣльно глумливой петербургской ироніей, которая претендуетъ возмѣстить собой недостатокъ юмора и сердца. О, это предательская вещь это безпечальная фельетонная иронія—она, какъ червь, подъѣдаетъ въ самомъ корню благороднѣйшіе человѣческіе порывы и незамѣтно дѣлаетъ читателей, такими же благодушными индифферентами, каковы сами писатели... каковъ самъ онъ, Семенъ Яковлевичъ Прозоровъ!..

А помните ли, Семенъ Яковлевичъ, еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи, съ какимъ, бывало, паѳосомъ декламировали вы нѣкія негодующія строфы...

«Да, самый гибельный развратъ,
Какого въ мірѣ нѣтъ гнуснѣе—
Развратъ пера—когда вредятъ
Съ недобрымъ умысломъ идеѣ!..»

Семенъ Яковлевичъ отшвырнулъ газету и закрылъ лицо руками... У него даже нѣтъ оправданія, какъ у другихъ поскользнувшихся: „Помилуйте, жена, дѣти!.“

Къ дочери онъ равнодушенъ, а его жена... что такое собственно его жена?..

Прежде всего Ольга Петровна „петербургская жена“, т.-е. жена, которая перемѣнчива въ своихъ настроеніяхъ какъ петербургская погода, которая никогда и ничѣмъ не довольна и въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ не знаетъ ни мѣры, ни совѣсти. Конечно, ее бы могла сдержать немного религія, еслибы у ней была какая-нибудь религія, кромѣ одной—жить въ свое удовольствіе.—Принадлежность же къ православной церкви у Ольги Петровны выражается лишь въ томъ, что она дѣлаетъ въ годъ два лишнихъ платья—къ причастію и къ заутренѣ и раздражается въ это время на свою портниху болѣе обыкновеннаго. Семейныя обязанности Ольги Петровны... гмм.?! Дѣйствительно, она всегда присутствуетъ за обѣдомъ, за которомъ вымещаетъ на мужѣ всѣ непріятности, скопившіяся за день, а когда допускаетъ его вечеромъ въ свою спальню, то на утро непремѣнно выклянчитъ какую-нибудь подачку въ видѣ уплаты по магазинному счету.—Дочь Зину она, положимъ, любитъ, но тоже какъ-то по-петербургски,

то-есть шныряетъ вмѣстѣ по моднымъ магазинамъ, читаетъ ей мораль у витринъ ювелировъ и таскаетъ съ собой въ „кружокъ“ на репетиціи... Словомъ, приготовляетъ міру вторую Ольгу Петровну. Завидная семейная картина!..

Но какже онъ женился на ней въ такомъ случаѣ, гдѣ были у него глаза? Боже мой, женился... какъ всѣ нынче женятся— зря, случайно, по первому толчку польщенной чувственности, безъ малѣйшаго проблеска идеальнаго исканья. Ну, и пожалъ что̀ посѣялъ: чувственность угомонилась и за одинъ нечистый порывъ онъ теперь расплачивается всю жизнь!

Вѣдь и съ литературой вышло почти то же—зря, случайно онъ въ нее ввязался, безъ всякаго признака тѣхъ неотвязно настойчивыхъ внутреннихъ толчковъ, выдающихъ истинное призваніе... Смерть отца застала его въ стѣнахъ университета и поставила въ очень затруднительное положеніе: продолжать прежнюю безпечальную студенческую жизнь оказалось неудобнымъ и пришлось изыскивать заработокъ на сторонѣ. Прозоровъ кстати вспомнилъ о данной ему въ гимназіи кличкѣ „Анчара“ за его злыя насмѣшки надъ начальствомъ и учителями и рѣшилъ попытаться примѣнить этотъ даръ на практикѣ. Онъ сталъ носить по редакціямъ маленкія замѣтки на злобы дня, рецензіи о клубныхъ спектакляхъ, подслушенные въ гостиныхъ и за кулисами анекдоты и т. п. Эти пробы пера, пропитанныя столь любезною г. редакторамъ петербургско-индифферентной проніей, принимались болѣе чѣмъ благосклонно и въ короткое время въ мурьѣ мелкой прессы Семенъ Яковлевичъ сдѣлался замѣтнымъ человѣкомъ. А затѣмъ университетъ пошелъ по-боку, какъ мѣшавшій „литературнымъ занятіямъ,“ завязались связи, явились новые вкусы и привычки и Семенъ Яковлевичъ не успѣлъ осмотрѣться, какъ увидѣлъ себя женатымъ, обезпеченнымъ... и искалѣченнымъ.

Подумаешь, какъ иногда легкомысленно просто завязываются тѣ роковые „Гордіевы узлы“, которые отравляютъ потомъ всю жизнь и разрѣшаются только со смертью человѣка!

О, теперь неотразимо ясно, отчего его душа убываетъ и откуда эта неотвязная тоска! Всѣ его лучшія убѣжденія давно „вырублены,“ и на днѣ души осталась одна ложь—и вотъ тянуть „барку жизни“ становится все тяжеле и невыносимѣе — увы, слишкомъ поздно онъ это понялъ!—Съ Прозоровымъ произошло почти то же, что̀ случилось съ бурлакомъ, который тянулъ на лямкѣ пустую барку по убывавшей рѣкѣ и не могъ понять, отчего

ему тяжело, пока не оглянулся и не увидѣлъ, что барка готова стать на мель. Эхъ, лучше бы было не оглядываться!!

Что̀-жь ему теперь дѣлать?

Безпечальная иронія, которой онъ до сихъ поръ отмахивался отъ смысла жизни, теперь ему ужь не поможетъ, не поможетъ, конечно, и позднее душевное озареніе. На шеѣ жена и дочь и, хотя бы онъ открылъ, что вскорѣ „убудетъ“ весь міръ,— жену и дочь все же надо поить, кормить и наряжать, надо платить за квартиру и слѣдовательно... продолжать писать въ „Жизнерадостной Газетѣ.“ Попробовать писать *иначе*, со своей новой точки!.. Но, вопервыхъ, его сочтутъ сумасшедшимъ, а, вовторыхъ, перестанутъ печатать. Бросить къ чорту всякую литературу и искать „мѣста“? Но вѣдь и на новомъ мѣстѣ будетъ та же ложь, ежели не порвать *совсѣмъ* съ прежнею жизнью... Легко выговорить: *порвать совсѣмъ*... на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія?!. А набалованная годами натура, всѣ эти въѣвшіяся какъ клопы разныя житейскія привычки и мелочи, наконецъ, временныя вспышки чувственности—позорныя и неистребимыя вспышки, роковою нитью привязывавшія его къ давно чуждой повидимому женщинѣ??—О, да будутъ прокляты всѣ эти новѣйшіе философы, такъ настойчиво тыкающіе на вопіющую изнанку современности—„узла“ вѣдь все равно не распутаютъ, а жизнь человѣческую отравятъ!!

Господи, что̀ же дѣлать? Неужели же нѣтъ никакого выхода изъ петли? Разумѣется, есть одинъ, очень простой и скорый— *это*... Семенъ Яковлевичъ запнулся, поспѣшно налилъ себѣ пива и выпилъ стаканъ залпомъ. Онъ отлично зналъ *что̀ это такое*, но не рѣшился договорить страшнаго слова. И неужели же нѣтъ другаго выхода, кромѣ *этого*? спросилъ онъ себя.— Онъ опять не договорилъ, хотя ясно понималъ, что нѣтъ и, чтобы отогнать отъ себя мелькнувшій призракъ, громко позвалъ лакея. Лакей вошелъ, Семенъ Яковлевичъ расплатился и вышелъ изъ трактира.

Онъ рѣшилъ пока больше „объ этомъ“ не думать и сталъ думать о постороннемъ: что̀ сказать женѣ, почему онъ не обѣдалъ сегодня дома, что въ редакціи безъ него, вѣроятно, вышла путаница и корректуру передовой статьи ему обязательно доставятъ на домъ и т. д.—Дорогой Прозоровъ встрѣтилъ двухъ, трехъ знакомыхъ, которые издали дружелюбно почтительно его привѣтствовали. Семенъ Яковлевичъ сухо съ ними раскланялся: то что̀

прежде ему льстило—теперь становилось невыносимымъ. Право, ему было бы гораздо легче, ежелибъ одинъ изъ нихъ подошелъ бы къ нему и далъ пощечину. Дескать, вотъ вамъ, Семенъ Яковлевичъ, за все ваше талантливое блудодѣйство!... А то вѣдь руки жмутъ, улыбаются, заискиваютъ... Фу, мерзко!..

Онъ ускорилъ шаги и черезъ десять минутъ былъ у подъѣзда своего дома. Тяжело дыша поднялся онъ въ пятый этажъ и, остановившись предъ дверью съ ярко начищенною мѣдной доской „Семенъ Яковлевичъ Прозоровъ,“ потянулъ за звонокъ. Но ему не отворяли. Семенъ Яковлевичъ подумалъ, что, вѣроятно, жена съ дочерью куда-нибудь уѣхали, а горничная Аннушка по обыкновенію заспалась—и, спустя минуты двѣ, позвонилъ во второй разъ и сталъ ждать. Такъ какъ ему опять долго не отворяли, онъ прошелся по узкой площадкѣ и заглянулъ черезъ перила внизъ, въ швейцарскую. При тускломъ газовомъ освѣщеніи, пролетъ, образуемый крутизной лѣстницы, казался бездоннымъ колодцемъ, зловѣщимъ и мрачнымъ, какъ отверстіе могилы. Въ умѣ Прозорова вдругъ мелькнуло: „какъ можно бы легко развязать *узелъ*, еслибъ сейчасъ!“ Онъ вздрогнулъ и круто отвернулся. Но онъ почему-то тутъ же рѣшилъ про себя, что разъ *это* случится, то непремѣнно *вотъ такъ*—а пока надо подождать. Чего ждать—онъ и самъ не зналъ; тѣмъ не менѣе оставаться долѣе на площадкѣ одному дѣлалось жутко и онъ почувствовалъ у себя на лбу капли холоднаго пота. Семенъ Яковлевичъ сильно, почти съ отчаяніемъ рванулъ звонокъ въ третій разъ и черезъ минуту за дверью послышалось звяканье предохранительной цѣпочки.

Ему отворила „Аннушка“, испуганная и растрепанная и съ первыхъ же словъ стала извиняться: барыня съ барышней уѣхали на театральную репетицію, кухарка ушла къ кумѣ, а она прилегла отдохнуть и заспалась.

— Никого не было? перебилъ ее Прозоровъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Ахъ, виновата-съ,—вспомнила она:—„карикатуру“ изъ редакціи принесли, я ее въ кабинетѣ на столъ положила!

Семенъ Яковлевичъ молча кивнулъ, сбросилъ шинель и, не снимая бобровой шапки, запорошенной снѣгомъ, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ едва дошелъ до письменнаго стола, какъ плюхнулся въ кресло совершенно разслабленный. Никогда еще не было на его душѣ такъ безотрадно одиноко, какъ въ этотъ разъ. Лампа съ моднымъ „донберовскимъ“ абажуромъ зажжена

была аккуратно на своемъ мѣстѣ, оконныя гардины предусмотрительно спущены, посереди стола лежалъ пакетъ съ корректурой и всѣ вещи на столѣ, какъ всегда, были въ образцовомъ порядкѣ. Но этотъ всегдашній внѣшній порядокъ, какъ противорѣчіе съ внутреннимъ безпорядкомъ, царствовавшемъ въ душѣ его, казался теперь Семену Яковлевичу постылымъ и ненужнымъ. Медленно закурилъ онъ папироску и уставился потухшимъ взглядомъ на стоявшую прямо предъ нимъ раскрашенную кабинетную фотографію въ рѣзной орѣховой рамѣ. Фотографія изображала хорошенькій и уютный дачный уголокъ. На первомъ планѣ въ креслѣ-качалкѣ полулежалъ брюнетъ съ сильною просѣдью, въ щеголеватомъ лѣтнемъ костюмѣ, съ изящно-подстриженою бородкой, съ лицомъ блѣднымъ и утомленнымъ; на колѣняхъ у него лежала книга, и онъ дѣлалъ видъ, что читаетъ. За кресломъ брюнета стояла бѣлокурая дама—красивая, полная, жизнерадостная, въ дорогомъ китайскомъ капотѣ, съ опахаломъ въ рукѣ. Одной рукой она нѣжно обвивала шею брюнета, а другой, вооруженной опахаломъ, съ кокетливою заботливостью его обмахивала. Въ ногахъ брюнета сидѣла молоденькая кукольно-миловидная дѣвушка съ голыми руками и распущенной косой и, закинувъ головку граціозно вверхъ, изображала на своемъ кукольномъ личикѣ, какъ она неизъяснимо счастлива, что находится въ сообществѣ чернаго мужчины и бѣлокурой дамы...

Это была, такъ сказать, фамильная фотографія Прозоровыхъ, снятая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они жили на дачѣ въ Павловскѣ. Казалось бы, только смотрѣть и любоваться, какая рѣдкая, какая завидно-счастливая семья!

Семенъ Яковлевичъ усмѣхнулся.

Подумаешь, сколько въ Петербургѣ такихъ завидно-счастливыхъ семей... на фотографіяхъ разумѣется!..

Въ передней звякнулъ звонокъ. Это жена и дочь вернулись изъ кружка. Прозоровъ спохватился, что онъ въ шапкѣ, снялъ ее, отряхнулъ и принялся усиленно разсматривать присланную корректуру.

IV.

И вотъ съ этого дня началась пытка. Надо было жить, то-есть писать постылые фельетоны, спорить за обѣдомъ съ женой и дочерью, выслушивать въ редакціи редакціонныя сплетни и разговаривать со множествомъ людей о разныхъ вздорныхъ вещахъ,

показывая видъ будто серьезно всѣмъ интересуешься. А между тѣмъ, ко всѣмъ этимъ вещамъ и лицамъ онъ теперь потерялъ всякую привязку и не зналъ, какъ лучше отдѣлаться отъ нихъ, чтобы остатся наединѣ съ самимъ собою. Отсюда неизбѣжнымъ образомъ и явились въ его обиходѣ тѣ докучливыя странности, которыя возбудили супружеское неудовольствіе Ольги Петровны и повлекли за собою извѣстный визитъ доктора Гавриленко.

Но послѣ докторскаго визита все какъ бы вошло въ свою колею.—Ольга Петровна теперь нетолько успокоилась, но даже нашла, что эти странности имѣютъ свою хорошую сторону: мужъ меньше прежняго мѣшался въ ея театральныя дѣла и предоставлялъ ей репетировать сколько угодно, гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно. Съ своей стороны Семенъ Яковлевичъ тоже былъ доволенъ, что его наконецъ оставили въ покоѣ и сталъ подниматься съ постели позже и обѣдать дома рѣже. Всегда прежде умѣренный въ отношеніи спиртныхъ напитковъ, Семенъ Яковлевичъ сталъ позволять себѣ теперь всякія излишества и особенно налегалъ по вечерамъ на пиво, которое дѣйствовало на него снотворно... „Забыться и заснуть“ стало какъ бы главнымъ девизомъ его существованія и, когда въ восьмомъ часу утра онъ все-таки по привычкѣ просыпался, на него находилъ продолжительный столбнякъ отъ страшнаго сознанія, что вотъ скоро надо вставать, жить и дѣйствововать. Это былъ, такъ сказать, „испугъ жизни“ — леденящій и непреодолимый, отъ котораго онъ не зналъ, куда спрятаться. И Семенъ Яковлевичъ прибѣгалъ каждый разъ къ совсѣмъ дѣтскому пріему: онъ натягивалъ на себя одѣяло съ головой, чтобы ничего не видѣть и не слышать малѣйшихъ звуковъ за стѣной, напоминавшихъ о жизни—и въ такомъ положеніи, неподвижно, съ замершимъ духомъ и боясь пошевельнуться, пролеживалъ часъ, иногда два. Но, въ концѣ-концовъ, все-таки надо было вставать и идти въ редакцію. Это была самая мучительная процедура во все продолженіе дня. Дома онъ еще кое-какъ отругивался когда становилось черезчуръ нестерпимо, но тамъ нужно было сохранять личину и выказывать посильное удовольствіе при сообщеніи, что дѣвица Адель имѣла вчера „въ сценѣ опьяненія“ шумный успѣхъ или проэктъ Власьева о налогѣ на кошекъ въ Думѣ провалился. Прозоровъ вздыхалъ облегченной грудью, когда могъ наконецъ выбраться вонъ и уединиться въ своемъ излюбленномъ трактирчикѣ на Гороховой. Тѣсная комнатка съ вишневыми обоями, въ которой онъ обык-

новенно съ тѣхъ поръ уединялся, представлялось ему какъ бы маленькой судебной камерой, гдѣ впервые были обнаружены изъяны его жизни и гдѣ онъ, Семенъ Яковлевичъ, былъ одновременно—судьей, подсудимымъ, адвокатомъ и присяжнымъ. Но съ какихъ сторонъ не переворачивалось на этомъ интимномъ судбищѣ дѣло объ „убыли души“ у дворянина Семена Прозорова, исторія выходила совсѣмъ дрянь: судья—совѣсть былъ неумолимъ, нервы—присяжные ему вторили, а адвокатъ—разумъ сбивался и не могъ придумать ловкаго выхода. Очевидно окончательный приговоръ суда былъ не за горами.

Дѣйствительно, продолжать жить такой двойственной жизнію становилось съ каждымъ днемъ все невыносимѣе и надо было наконецъ рѣшиться... Все дѣло, казалось, остановилось за пустякомъ: Семенъ Яковлевичъ никакъ не могъ отмѣтить подходящаго событію дня и все отодвигалъ числа. Но какъ всегда въ жизни, вдругъ все сложилось неожиданно само собою...

Утромъ 10 февраля, когда Семенъ Яковлевичъ уже совсѣмъ одѣтый сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и докуривалъ папиросу, приготовляясь отправиться въ редакцію, въ кабинетъ вошла Ольга Петровна. Она имѣла озабоченный, почти дѣловой видъ и молча опустилась на низенькое кресло возлѣ стола, что предвѣщало неминуемость какого-нибудь серьезнаго сообщенія. Появленіе ее очень удивило Семена Яковлевича, такъ какъ наканунѣ вечеромъ между супругами произошла очень крупная сцена по поводу все тѣхъ же злополучныхъ вѣчно репетируемыхъ „Нищихъ духомъ“. Хотя женская чисто кошачья забывчивость для Прозорова не была новостью, но на этотъ разъ онъ раздражился болѣе обыкновеннаго.

— Надо рѣшительно не имѣть совѣсти, заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — чтобы послѣ *вчерашняго*, какъ ни въ чемъ не бывало, являтся въ кабинетъ. Тѣмъ болѣе, сколько разъ я просилъ васъ не безпокоить меня по пустякамъ! — Прозорова покойно поправила оборку на своей юбкѣ и поджала свои пухлыя губы съ такимъ видомъ, который какъ бы говорилъ, что дѣло, съ которымъ она пришла, выше личныхъ интересовъ.

— Это какъ ты хочешь, спокойно начала она (т.-е. сердись или не сердись—мнѣ все равно!)—но я пришла тебѣ напомнить, что черезъ два дня 13 февраля... Прозоровъ сразу не сообразилъ въ чемъ дѣло.—Ну да, добавила она уже почти строго: 13 февраля—твои именины.

Семена Яковлевича точно озарило. Его именины и черезъ два дня? А онъ про нихъ-то именно совсѣмъ и забылъ. Знаменательнѣе дня для *этого* трудно придумать! — И, чтобы звукомъ своего голоса заглушить овладѣвшую имъ тревогу, произнесъ:

— Какъ, мои именины?

Жена подняла на него свои большіе безчувственные сѣрые глаза.

— Разумѣется, тринадцатаго февраля, въ пятницу... Въ этотъ день Симеона Столпника или какого-то тамъ „Стратилата"— ужь хорошенько не знаю. Ну, словомъ, въ этотъ день у насъ всегда собирается чуть не весь Петербургъ и надо рѣшить сегодня же—справлять или не справлять?

Семенъ Яковлевичъ опять подумалъ про себя, что удачнѣе дня лучше нельзя подобрать, выйдетъ совсѣмъ въ древне-римскомъ вкусѣ: широкій пиръ, толпа гостей, а затѣмъ... О, разумѣется, справлять!

— Разумѣется, справлять! повторилъ онъ вслухъ.

Лицо жены теперь приняло сосредоточенное выраженіе и, немного помолчавъ, она задумчиво протянула:

— Рыбу, я думаю, можно будетъ заказать на Сѣнной, а вотъ свѣжую икру надо непремѣнно взять у Стрекалова.

— Разумѣется, у Стрекалова!.. совершенно машинально подтвердилъ Семенъ Яковлевичъ и одновременно рѣшилъ, что *эти* именины надо постараться справить возможно шире и шумнѣе.

— А закуску и вина, ты будешь самъ закупать, какъ всегда? спросила Прозорова.

— Самъ, самъ, какъ всегда! торопливо проговорилъ Прозоровъ, стараясь не смотрѣть въ глаза жены и поднялся съ мѣста. Ему стало противно долѣе играть эту комедію.

— Куда ты?

— Пора въ редакцію...

Прозорова ничего не сказала и тоже встала. Она была удивлена, что вопросъ объ именинахъ, возбуждавшій всегда столько финансовыхъ пререканій, разрѣшился такъ легко и просто.

Семенъ Яковлевичъ былъ уже въ шубѣ и шапкѣ и готовился уходить, когда жена явилась на порогѣ передней, дѣлая знаки, чтобы онъ подождалъ. Она хотѣла воспользоваться спѣшкой и расположеніемъ мужа и заодно рѣшить еще одинъ щекотливый вопросъ, который на порогѣ сдѣлать было гораздо удобнѣе, чѣмъ внутри комнаты.

— Simèon, еще одно слово насчетъ именинъ, заговорила она знакомымъ ему невинно-сомнительнымъ тономъ:—Я думаю, надо будетъ пригласить Кольмана и Баташева?.. Они столько хлопочутъ для меня въ кружкѣ. Я имъ такъ обязана!..—И, не договоривъ, пытливо взглянула на мужа.—Прозоровъ отлично зналъ, въ чемъ было дѣло, но чтобы не разстраивать задуманнаго имениннаго плана, отрывисто отвѣтилъ:

— Хоть ламповщика и бутафора... Я въ твои театральныя дѣла не мѣшаюсь!..

И хлопнулъ дверью.

О, онъ отлично зналъ, въ чемъ было дѣло!—Кольманъ былъ молодой, красивый гвардейскій офицеръ, который тоже толкался въ кружкѣ и явно ухаживалъ за его женой, а Баташевъ былъ его товарищъ, который ухаживалъ за дочерью и изъ чувства товарищества отводилъ глаза отъ мамаши.—Удивительные, право, господа эти офицеры!—Стоятъ горой за честь своего полка, а до чужой, семейной чести имъ какъ будто и дѣла нѣтъ... какъ будто на свѣтѣ двѣ чести и можно быть въ одно и то же время и подлымъ и честнымъ. Впрочемъ, Богъ съ ними совсѣмъ! подумалъ онъ про себя, быстро сбѣгая внизъ по ступенькамъ. (Послѣднее время Прозоровъ всегда быстро сходилъ съ лѣстницы, а вечеромъ возвращался съ чернаго хода). Богъ съ ними... теперь всюду и во всемъ такая путаница, что ничего не разберешь—гдѣ бѣлое, гдѣ черное. Вотъ пусть бы женился—тогда бы увидѣлъ, какое сокровище навѣсилъ себѣ на шею! И Семенъ Яковлевичъ сталъ вспоминать о разыгравшейся вчера вечеромъ супружеской сценѣ.

А разыгралась вчера вотъ какая сцена.

Прозоровъ вернулся домой, болѣе чѣмъ когда-либо удрученный и разстроенный, и собирался лечь спать, когда вернулась изъ „кружка“ жена и прямо прошла къ нему въ кабинетъ, не снимая барашковой шапки, съ лохматой ангорской муфтой въ рукахъ. Лицо она имѣла красное, встревоженное, и глаза негодующе блестѣли.

— Можешь себѣ представить, что̀ продѣлываютъ у насъ въ кружкѣ?

Семенъ Яковлевичъ пожалъ плечами, запахнулъ халатъ и нехотя отвѣчалъ:

— Какое мнѣ дѣло до того, что̀ продѣлываютъ у *васъ*, въ кружкѣ!—Прозорова полупрезрительно усмѣхнулась и продолжала:

— Я отлично знаю, что тебѣ ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ себя, но все-таки выслушай... Партія Трухачевой, ну вотъ поклонники извѣстной дуры Трухачевой, которая старается оттереть въ кружкѣ драму и ввести балетный дивертисментъ—вѣдь добились-таки своего. Представь, какая наглость: они откупили на всю недѣлю сцену подъ свой дурацкій балетъ, и репетиціи „Нищихъ духомъ“ теперь оттягиваются до Масляницы!

— Ну что-жь изъ этого слѣдуетъ?

Ольга Петровна сдѣлала огромные недоумѣвающіе глаза.

— Какъ, что слѣдуетъ?.. Я думаю, ты мужъ; ты долженъ заступиться за жену—ну, написать въ газетахъ протестъ что ли... Прозоровъ усмѣхнулся.

— Насчетъ чего же это протестъ?

— Ну, насчетъ того, что балетъ затираетъ драматическое искусство и такихъ неприличныхъ особъ какъ Трухачева въ кружекъ нельзя допускать. Не мнѣ тебѣ указывать—ты литераторъ, самъ знаешь какъ лучше отщелкать. — Ольга Петровна такъ разволновалась, что у ней выступилъ на лбу потъ и, выдернувъ изъ муфты кружевной платокъ, она отерла имъ лобъ, приподнявъ немного шапочку. Прозоровъ, терпѣть не могшій кружка и въ особенности вмѣшательства его постоянныхъ дрязгъ въ хронику газеты, закусилъ губы и иронически процѣдилъ:

— И скоро вамъ надобно этотъ протестъ?

Жена въ своемъ возбужденіи не замѣтила его ироніи и затараторила дальше:

— Непремѣнно-же послѣзавтра. Это очень важно!.. Но это еще не все. Дѣло въ томъ, что туалеты для „Нищихъ“ у меня почти готовы и я ни за что не допущу, чтобъ изъ-за какой-нибудь мерзавки репетиціи затянулись! — Прозорова откашлянулась и злобно весело произнесла:—Я рѣшила устроить репетиціи пока у себя... Ты теперь по вечерамъ рѣдко бываешь дома, а наше зало какъ разъ...

Она остановилась, замѣтивъ, что при послѣднихъ словахъ лицо мужа негодующе потемнѣло.

— Что ты на меня такъ смотришь?

— Смотрю на тебя и думаю: не сошла ли ты съ ума! рѣзко отвѣтилъ Семенъ Яковлевичъ.—Одна мысль, что весь этотъ цыганскій любительскій таборъ когда-нибудь перекочуетъ къ нему въ залу, выводила изъ себя. Хотя ему теперь и все равно, но

этого ужь онъ не допуститъ—пусть увеселяются и влюбляются, если хотятъ, на сторонѣ.

Ольга Петровна вспыхнула въ свою очередь.

— Скажи лучше прямо, что ты ревнуешь? заговорила она глухимъ прерывающимся голосомъ:—Тебя просто бѣсятъ мои успѣхи въ кружкѣ, и ты рѣшилъ дѣлать мнѣ все напоперекъ!

Прозоровъ насмѣшливо оглядѣлъ ее расплывшееся сорокалѣтнее лицо, слегка припудренное, съ разстрепанною челкой на мокромъ лбу, и ничего не отвѣчалъ. Она сдѣлала видъ будто не замѣтила его взгляда и продолжала:

— Да, да, рѣшилъ дѣлать все напоперекъ, потому что ты думаешь только о себѣ, а другимъ только мѣшаешь жить. Вотъ вы все замѣчаете, а этого нѣтъ... Только, будьте покойны, я и безъ васъ сумѣю распорядиться. Не хозяйка я что ли въ своемъ домѣ, въ самомъ дѣлѣ!..

Прозоровъ поднялся съ тахты, на которой сидѣлъ и на которой, по обыкновенію, была ему постлана постель и медленно отчеканилъ:

— Ежели вы это сдѣлаете — будьте покойны, я не побоюсь скандала и выгоню всю эту сволочь безъ церемоніи! Полагаю, довольно съ меня вашихъ субботнихъ журфиксовъ... Да и, вообще, довольно всякихъ лишнихъ разговоровъ. Я хочу спать и прошу васъ меня оставить! Чортъ возьми, имѣю же я наконецъ право на отдыхъ!! — Прозорова подумала про себя, что онъ дѣйствительно, пожалуй, выгонитъ и тоже встала... Ее душила злоба.

— Такъ вы окончательно не дадите залы подъ репетицію?

— Сказалъ, нѣтъ.

— И протеста въ газетахъ не напечатаете?

— Ни въ какомъ случаѣ.

Прозорова многозначительно сверкнула глазами и, повернувшись къ дверямъ, проговорила:

— Ну, хороше же... Пеняйте потомъ на себя, если что̀ случится!

Семенъ Яковлевичъ прекрасно зналъ *что̀* можетъ случиться и иронически усмѣхнулся.

— Сдѣлайте одолженіе, развлекайтесь сколько вамъ угодно... *на сторонѣ только*! Онъ подчеркнулъ послѣднюю фразу. Прозорова была уязвлена въ самое больное мѣсто и не нашлась что̀ сказать.

— У, ненавистный!.. Хоть поколѣлъ бы ты скорѣй!! прошипѣла она про себя въ дверяхъ, но прошипѣла, однако, такъ, что онъ слышалъ фразу отчетливо отъ слова до слова.

Семенъ Яковлевичъ нѣкоторое время оставался среди кабинета, какъ въ столбнякѣ. Онъ отлично зналъ, что женщины въ своемъ гнѣвѣ въ выраженіяхъ не стѣсняются и черезъ пять минутъ готовы отречься отъ всѣхъ своихъ словъ, но это „поколѣлъ бы ты скорѣй“ Богъ знаетъ отчего полоснуло его по сердцу, какъ ножомъ, и именно полоснуло слово „поколѣлъ“. Скажи она: „заболѣлъ бы, умеръ бы“ — все казалось было бы иначе, и онъ не былъ бы такъ страшно отдѣленъ отъ своей жены. Но это случайно вырвавшаяся фраза предательски выдала ихъ давнишнія отношенія во всей ихъ наготѣ и какъ бы скрѣпила своимъ проклятіемъ его тайный приговоръ. Онъ шелъ по улицѣ и повторялъ про себя: „Хоть поколѣлъ бы ты скорѣй! У, ненавистный!“

Да, онъ всѣмъ мѣшаетъ... рѣшительно всѣмъ!—Ему, какъ нарочно, лѣзло теперь въ голову его недавнее столкновеніе съ дочерью „изъ-за музыки“. На музыкальныхъ курсахъ, гдѣ училась Зина Прозорова, предполагался въ Великомъ Посту первый публичный концертъ и, въ виду этого обстоятельства, Зина Прозорова ежедневно, послѣ обѣда, разучивала какую-то невозможную дребедень — по ее словамъ „Impromtue“ Роберта Клименталя, брата директора школы.

Семенъ Яковлевичъ, имѣвшій привычку послѣ обѣда читать книгу или обдумывать свои срочныя статьи, терпѣлъ одну недѣлю, другую, но на третью, наконецъ, потерялъ всякое терпѣніе.—Въ этотъ разъ онъ именно обдумывалъ свой воскресный фельетонъ и чувствовалъ себя въ самомъ угнетающемъ расположеніи духа. Насколько прежде обдумка этихъ фельетоновъ являлась легкимъ и даже веселымъ занятіемъ, настолько теперь, въ его новомъ настроеніи, это сдѣлалось наимучительнѣйшимъ и ненавистнѣйшимъ процессомъ. А между тѣмъ Зина играла и играла. Играла она настойчиво медленно, какъ-то досадно рѣзко ударяя по клавишамъ и постоянно сбиваясь.

Семенъ Яковлевичъ кстати вспомнилъ остроумное изреченіе Гейне: „Фортепьяно—это орудіе пытки, которымъ пытаютъ современное благородное общество“... вспомнилъ и на время какъ будто утѣшился. Но музыка продолжалась съ вѣчнымъ перепгрываніемъ неудавшихся пассажей и онъ не выдержалъ и крикнулъ:

— Зина, перестань пожалуста... мнѣ сегодня нездоровится!

Но музыка продолжалась. Зина очевидно слышала просьбу, но показала какъ будто не слышитъ и продолжала ударять по клавишамъ еще упорнѣе и рѣзче, точно хотѣла выместить на нихъ недовольство своею семейною обстановкой.

Семенъ Яковлевичъ вскочилъ съ дивана, выбѣжалъ въ залу и крикнулъ во второй разъ, дрожащій отъ гнѣва:

— Зина, слышишь, что я тебѣ говорю? Хоть сегодня меня не терзай!..

Зина покраснѣла, съ сердцемъ захлопнула крышку рояля и проговорила:

— Ахъ, Боже мой, нельзя-же, папа, быть такимъ эгоистомъ! Точно я виновата въ томъ, что у тебя развинченные нервы!!

И вышла негодующая.

Семенъ Яковлевичъ промолчалъ, но затаилъ въ душѣ жестокую боль... — Ну вотъ, онъ и ей мѣшаетъ. „У, ненавистный! Хоть поколѣлъ бы ты скорѣй!!“ повторилъ онъ опять про себя.

Подходя къ редакціи, Прозоровъ поразмыслилъ, что вѣдь онъ и тамъ начинаетъ „мѣшать“, и тамъ пробѣжала черная кошка. Черная кошка — былъ нѣкій молодой франтоватый еврейчикъ Штукенбергъ, не по лѣтамъ пронырливый и безстыжій. Несмотря на протесты Семена Яковлевича, онъ какими-то окольными путями успѣлъ пролѣзть въ газету и даже открыть свой маленькій отдѣлъ „Тайны петербургскихъ будуаровъ“.—Редакторъ „Жизнерадостной Газеты“ былъ то, что̀ называется „восторженный кулакъ“, то-есть человѣкъ, любившій поговорить объ идеалѣ и избѣгавшій объясняться о гонорарѣ, и втайнѣ давно тяготился значительнымъ окладомъ, получаемымъ Прозоровымъ.—При видимомъ успѣхѣ будуарныхъ тайнъ, сообщаемыхъ еврейчикомъ, редакторъ сталъ восторгаться фельетонами „Анчара“ тише обыкновеннаго, а еврейчику накинулъ полторы копѣйки на строку. Развѣ не ясно ему теперь, что вся его жизнь расползается по всѣмъ швамъ и что онъ всѣмъ мѣшаетъ? Женѣ—репетировать, дочери музицировать, Штукенбергу—писинупровать!...

И, звоня у дверей редакціи, Прозоровъ произнесъ вслухъ, громко и рѣшительно:

— Радуйтесь, скоро всѣхъ васъ отъ себя избавлю! Теперь ждать ужь недолго!!..

V.

Вечеромъ, наканунѣ своихъ именинъ, Семенъ Яковлевичъ Прозоровъ вернулся домой ранѣе обыкновеннаго и засталъ жену и дочь въ столовой за самоваромъ. Жена было покусилась осадить его разными мелочами по поводу предстоящихъ именинъ, но онъ очень рѣшительнымъ образомъ попросилъ отложить всѣ мелочи до утра, такъ какъ именно въ виду предстоящихъ именинъ онъ долженъ воспользоваться остаткомъ этого вечера, чтобы написать свой воскресный фельетонъ.

На этотъ разъ его оставили въ покоѣ и, захвативъ съ собою стаканъ чая, Семенъ Яковлевичъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и заперся на ключъ. *Эту* ночь онъ хотѣлъ пробыть съ собой одинъ на одинъ. Вѣдь это будетъ его послѣдній фельетонъ и потому надо напрячь всѣ свои силы, чтобы фельетонъ вышелъ блестящимъ и остроумнымъ, чтобы читатели не помянули лихомъ своего давнишняго пріятеля „Анчара“.

Но когда Семенъ Яковлевичъ очутился въ своемъ уютномъ сафьянномъ креслѣ, предъ раскрытымъ бюваромъ, съ перомъ въ рукѣ, онъ вдругъ почувствовалъ всю безнадежную неосуществимость своихъ намѣреній. Въ головѣ суетились совсѣмъ иныя, жестокія мысли, въ душѣ былъ мракъ, перо отказывалось повиноваться своему бывшему хозяину... А между тѣмъ подъ рукой, какъ нарочно, былъ такой благодарный фельетонный матеріалъ: скандалъ въ Думѣ, переходъ извѣстной примьерши на амплуа старухъ, шантажъ на романической подкладкѣ и крахъ одной банкирской конторы безъ всякой подкладки. Какіе-нибудь два, три мѣсяца тому назадъ вотъ вывелъ бы онъ по всей этой канвѣ богатѣйшіе фельетонные узоры! А теперь... о чемъ же онъ думалъ теперь? О, онъ думалъ о многомъ, можно сказать, обо всемъ, кромѣ того, что прямо относилось къ его срочному фельетону... И больше всего онъ думалъ о томъ: какая адская пытка—писать вовсе не то, что думаешь и какъ люди ухитрились изобрѣсти такую величайшую въ свѣтѣ гнусную и безполезную пытку, когда уже безъ того вокругъ столько злыхъ и мучительныхъ противорѣчій!—Семену Яковлевичу вдругъ вспомнился одинъ изъ его сосѣдей, временъ его студенческихъ мытарствъ, когда онъ жилъ въ нищенской каморкѣ на Лиговкѣ. Это былъ какой-то захудалый Нѣмецъ,

который весь день пропадалъ, а всю ночь до свѣту что-то мастерилъ. Прозоровъ заинтересовался таинственностію поведенія сосѣда и получилъ отъ хозяйки таинственное сообщеніе, что „это такъ, бывшій землемѣръ, который сошелъ со своей настоящей линіи и теперь, по бѣдности, фабрикуетъ фальшивый ладиколонъ“. Онъ тогда очень смѣялся этому сообщенію, разсказывалъ товарищамъ, и тѣ тоже смѣялись. Ну, а теперь ему ясно, что онъ, Семенъ Яковлевичъ, окруженный удачей и комфортомъ, ничѣмъ не лучше своего бывшаго сосѣда: вѣдь и онъ тоже сошелъ „съ настоящей линіи“ и тоже фабрикуетъ „фальшивый ладиколонъ“. Вся разница лишь въ томъ, что землемѣра за его фальшь могутъ упечь подъ судъ, а Семена Яковлевича не только не упекутъ, но еще помѣстятъ его портретъ на первомъ мѣстѣ въ юбилейномъ нумерѣ газеты. А чѣмъ же онъ лучше, въ такомъ случаѣ, не только этого сбившагося съ пути землемѣра, но самой послѣдней потаскушки, мыкающейся ночью по Невскому—ту, по-крайней мѣрѣ, голодъ заставляетъ продавать свое тѣло, а что же заставляетъ его продавать свою душу и совершать гнуснѣйшее въ мірѣ насиліе—насиліе надъ своею мыслью! Неужели-же только писательское тщеславіе? О, помыслить даже страшно—какъ все это устроилось и легкомысленно просто и неисправимо мерзко!!

Семена Яковлевича вдругъ озарила мысль: что если онъ напишетъ хоть разъ въ жизни *то, что онъ думаетъ?!* Да, какъ это не странно для писателя, въ первый разъ въ жизни напишетъ не то, что принято, а оторвавшись мужественно отъ всей его окружавшей и питавшей атмосферы—напишетъ то, что копошится на днѣ его души?.. Тѣмъ болѣе, теперь ужь все равно.. вѣдь это его послѣдній фельетонъ!.. Прозоровъ злорадно весело встряхнулъ головой, обмакнулъ перо въ большую бронзовую чернильницу въ видѣ рыцарскаго шлема и вверху широкаго свѣтлосиняго почтоваго листа, на какомъ онъ имѣлъ обыкновеніе писать свои фельетоны, вывелъ крупнымъ почеркомъ:

„Убыль души“.

Потомъ онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и, снова усѣвшись въ кресло, быстро сталъ писать далѣе:

„Убыль души—вотъ настоящее слово моему теперешнему состоянію. Да, душа моя убываетъ, это не подлежитъ отнынѣ никакому сомнѣнію. Она убываетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ ничтожнымъ житейскимъ толчкомъ, съ каждымъ самомалѣйшимъ

разочарованіемъ... О, не подумайте, пожалуста, что это признаніе есть въ нѣкоторомъ родѣ тотъ спасительный флагъ, который выкидываетъ въ рѣшительную минуту шкиперъ погибающаго судна... Погибель моя очевидна и взывать теперь къ человѣческой помощи было бы безполезно и безразсудно. Мнѣ лишь хочется одного: чтобы люди знали, *какимъ образомъ* я погибъ. Это послѣднее самолюбіе моей убывающей жизни! Я часто слыхалъ, что когда корабль, застигнутый бурею, обреченъ къ погибели, то всегда чья-нибудь рука напишетъ на клочкѣ кто, когда и отчего погибъ, запечатаетъ записку въ бутылку и пуститъ ее въ море, въ надеждѣ, что она доплыветъ до берега и оповѣститъ людямъ о случившейся бѣдѣ. Вотъ и мои исповѣдныя строки, какъ разъ та самая вѣстовая бутылка, предназначенная для тѣхъ, которые еще на берегу и не отважились пуститься въ дальнее плаваніе...“

Прозоровъ остановился... Ну, а что, если *тѣ*, что находятся на берегу, не поймутъ исповѣди? О, разумѣется, не поймутъ! Ихъ такъ долго развлекали и развращали, что вполнѣ искреннюю исповѣдь они, пожалуй, примутъ за бредъ сумасшедшаго... Кому она нужна, въ самомъ дѣлѣ? Для чего?.. Подумаешь, какое великое событіе—исчезновеніе со столичнаго горизонта какого-то „Анчара“! Сегодня забавлялъ „Анчаръ“, а завтра выскочитъ Штукенбергъ и будетъ забавлять еще удачнѣе, а затѣмъ явится какой-нибудь Фификусъ и т. д., и т. д. Да и потомъ, чтобы тронуть сердца и протрезвить умы—надо писать и *не то* и *не такъ*, а его перо, выверченное на разныхъ злобахъ дня и ночи, развѣ оно способно теперь на что иное, кромѣ этихъ мишурныхъ фельетонныхъ блестокъ? Да и, вообще, къ чему теперь фельетонъ? Къ чему это пошло-тщеславное кривляніе предъ приближающимся взыскующимъ призракомъ смерти?!

Семенъ Яковлевичъ нервно скомкалъ исписанный листъ и швырнулъ его подъ столъ, въ корзинку, затѣмъ онъ переломилъ надвое ручку пера — изящную слоновую ручку съ рѣзною фигуркой полишинеля на концѣ, столько лѣтъ ему служившую,—и почти съ остервененіемъ закинулъ ее обломки въ дальній уголъ.

— Все кончено, сказалъ онъ себѣ:—*Анчара* болѣе не существуетъ... Finita la comédia!!

Съ его груди точно отпалъ послѣдній камень... Но не для того онъ отпалъ, чтобъ облегчить измученную душу, а лишь затѣмъ, чтобы еще безпощаднѣе обнаружить всю ея безнадежную

опустошенность... Теперь Прозоровымъ овладѣла такая содрогающая тоска отъ сознанія своей окончательной заброшенности и ненужности на бѣломъ свѣтѣ, что ему сдѣлалось просто страшно оставаться одному въ строгомъ полумракѣ огромнаго кабинета...

Онъ всталъ, подошелъ къ замкнутой двери и прислушался. Въ столовой двигали стульями и гремѣли чашками—очевидный признакъ, что жена и дочь отпили чай и собираются спать.—Да, они пойдутъ спать, подумалъ про себя Семенъ Яковлевичъ,—поспорятъ немного, по обыкновенію, кому что надѣть завтра вечеромъ, и заснутъ самымъ благополучнымъ образомъ. И имъ даже въ голову не придетъ, что рядомъ съ ними, за стѣной, человѣкъ имъ близкій изнемогаетъ въ послѣднихъ мукахъ... О, Господи, до чего же онъ оскорбительно одинокъ! До чего жалко смѣшно одинокъ, несмотря на семью, на многолюдную толпу добрыхъ знакомыхъ, на несмолкаемую суету всякихъ дѣлъ и отношеній!.. И вотъ, готовясь совсѣмъ уйти отъ нихъ всѣхъ, онъ даже не знаетъ хорошенько чего ему здѣсь жаль, кого жаль?!

Развѣ вотъ?..

Прозоровъ быстро подошелъ къ окну и раздвинулъ тяжелую портьеру...

Кабинетъ Прозорова, какъ большинство кабинетовъ петербургскихъ мужей-работниковъ, занималъ самую неудобную комнату въ домѣ и выходилъ окнами на грязный и темный дворъ, почти упираясь въ стѣну другаго дома, занятаго съ верха до низа мастеровымъ людомъ... Окна Прозорова какъ разъ приходились противъ оконъ мастерской „мѣдныхъ трубъ и инструментовъ“ какого-то Нѣмца, и поздно вечеромъ, когда Прозоровъ, заработавшись, подходилъ изрѣдка къ своему окну, сквозь закопченныя окна мастерской просвѣчивали согнутые черные силуэты работавшихъ мастеровыхъ и въ глубинѣ, отъ времени до времени, вспыхивало пламя горна, придавая всей картинѣ фантастическое освѣщеніе кромѣшнаго ада. Весной, когда окна мастерской растворялись, мастеровые въ своихъ засаленныхъ блузахъ, съ запачканными сажей лицами, попеременно облокачивались на подоконникъ и любопытно заглядывали въ окна напротивъ, въ кабинетъ Прозорова.—И вотъ тутъ онъ сдѣлалъ одно маленькое знакомство...

Въ числѣ мастеровыхъ былъ одинъ мальчуганъ лѣтъ четырнадцати, не больше, черненькій, съ быстрыми умными глазами,

чрезвычайно симпатичный. Разъ какъ-то глаза ихъ встрѣтились, и мальчуганъ добродушно весело кивнулъ Прозорову. Семенъ Яковлевичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и отвѣтилъ тѣмъ же. И съ этой минуты они сдѣлались то, что называется „знакомые незнакомцы"...

Ежедневно утромъ Семенъ Яковлевичъ отворялъ форточку и, ежели усматривалъ напротивъ въ окнѣ знакомую лохматую голову мальчугана, улыбаясь кланялся. Мальчуганъ, въ свою очередь, весело кивалъ, и оба оставались совершенно довольны другъ другомъ. Между ними совершенно непонятнымъ образомъ образовалась какая-то неуловимая симпатія, но симпатія на столько прочная, что когда почему-либо Прозоровъ не встрѣчалъ въ окнѣ въ обычное время милаго мальчугана, ему рѣшительно чего-то недоставало и также часто, возвращаясь домой къ обѣду, онъ заставалъ своего сосѣда согнувшагося за работой и поминутно высматривавшаго не откроется ли форточка. А между тѣмъ, за все время знакомства, онъ едва успѣлъ перекинуться съ нимъ двумя словами.

Весной, когда выставляли рамы, Семенъ Яковлевичъ замѣтилъ мальчугана у окна, перегнулся черезъ подоконникъ и шепотомъ, чтобы какъ-нибудь не услышала сидѣвшая въ сосѣдней залѣ жена, спросилъ:

— Слушай, какъ тебя звать?

Тотъ тоже перегнулся и тоже шепотомъ, очевидно, чтобы не услыхалъ хозяинъ-нѣмецъ, отвѣчалъ:

— Васюкомъ меня звать...

— А ты, Васюкъ, вышелъ бы за ворота... Я сейчасъ гулять пойду!

Мальчуганъ оглянулся назадъ и еще тише прошепталъ:

— Нельзя за ворота... Нѣмецъ морду набьетъ!..

И опять согнулся надъ работой... Этимъ ограничилась вся ихъ бесѣда. Потомъ, когда Васюкъ долго не появлялся въ окнѣ, Прозоровъ уже справился о немъ черезъ кухарку и узналъ, что Васюкъ круглый сирота и не появляется въ окнѣ потому, что „нѣмецъ" раскроилъ ему физіономію за какую-то утерянную гайку и онъ лежитъ въ больницѣ. Семенъ Яковлевичу было тогда безконечно, до слезъ, жаль бѣднаго Васюка и въ то же время какъ-то тоскливо стыдно за свою интеллигентную безпомощность... Несомнѣнно, онъ привязался къ этому наивному несчастному мальчику, но несомѣнно и то, что онъ даже не попытался что-нибудь для него сдѣлать...

И что-жь бы онъ могъ для него сдѣлать?.. Притянуть Нѣмца къ мировому и разгласить о жестокой расправѣ въ газетахъ... Ну, а потомъ? Можетъ-быть, да и навѣрное даже, Васюку стало бы потомъ еще хуже... Помочь деньгами? То-есть формально успокоить совѣсть, а на самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, преждевременно развратить мальчика!.. Обратится къ женѣ, которая была записана членшей какого-то „благотворительно-кружевнаго братства", чтобъ она похлопотала черезъ Жозефину Антоновну? Объ чемъ похлопотала—о томъ развѣ, чтобы Васюка отъ драчуна-нѣмца передали въ руки педанту-педагогу, который не испортитъ его физіономіи, но зато извратитъ его душу и научитъ лгать и шаркать. Да что Васюкъ? Одинъ ли онъ!. Чуть не полъ Петербурга кишитъ такими злополучными обездоленными Васюками и всѣ это знаютъ и ничего не могутъ сдѣлать!..

А когда надъ городомъ сгустятся сумерки—попробуйте-ка пройтись по его разнымъ проулочкамъ и закоулочкамъ и у васъ сожмется сердце при видѣ этихъ малютокъ-нищихъ, лепечущихъ на углахъ какъ воробушки о крошкѣ хлѣба, при видѣ тоскливо хмѣльныхъ потерянныхъ женщинъ, тревожно мыкающихся по панели, при видѣ этихъ жалкихъ со слезящимися глазами пропившихся оборванцевъ, сталкиваемыхъ сильною рукой съ лѣстницъ трактировъ и распивочныхъ на новый вѣчный голодъ, на новое вѣчное скитаніе. — Если вы человѣкъ съ отзывчивымъ сердцемъ и у васъ нѣтъ неотложнаго дѣла — не ходите лучше поздно вечеромъ по этимъ проулкамъ и закоулкамъ, потому что тамъ меньше тумбъ и фонарей на каждомъ шагу, чѣмъ мучительныхъ противорѣчій и страшныхъ обязательствъ! О, если вы хотите, хоть на нѣсколько минутъ, душевнаго покоя—поднимите повыше воротникъ вашего пальто и шагайте быстрѣе, не оглядываясь по сторонамъ, по вашему неотложному дѣлу!!

Да, Васюка ему жаль, а больше, ей-Богу, никого не жаль! Вѣдь, кромѣ Васюка, у него нѣтъ никого на бѣломъ свѣтѣ, отъ кого бы онъ могъ получить въ отвѣтъ простой искренней улыбки... никого! У Семена Яковлевича даже слезы брызнули изъ глазъ отъ щемящаго ощущенія своей огромной душевной пустыни.

Друзья, поклонники?! Какъ будто онъ не знаетъ, что такое нынѣшніе друзья и поклонники... даже самые богатые друзья и самые назойливые поклонники?.. На могилу всѣ придутъ, всѣ— а выпутаться изъ петли никто не поможетъ!!

Никто! никто!!

Ну, а жена? Отчего же онъ не попытался къ ней обратиться—вѣдь человѣкъ же она все-таки!.. Нѣтъ, онъ попытался, но попытка, какъ и слѣдовало предвидѣть, кончилась большою пошлостью...

На прошлой недѣлѣ у него разыгралась въ редакціи весьма непріятная сцена съ „восторженнымъ кулакомъ“ и хотя подобныя сцены для Прозорова не были новостью, но на этотъ разъ онъ принялъ непріятность близко къ сердцу и вернулся домой, къ обѣду, совсѣмъ больной.—Когда онъ проходилъ къ себѣ въ кабинетъ, жена сидѣла въ залѣ, углубленная въ разсмотрѣніе какого-то моднаго журнала и имѣла со стороны видъ генерала, обдумывающаго надъ военнымъ планомъ свою будущую побѣду. Тѣмъ не менѣе отъ нея не ускользнулъ разстроенный видъ Семена Яковлевича и, спустя минуты двѣ, она явилась къ нему въ кабинетъ. Семену Яковлевичу вдругъ почему-то показалось, что она его *поняла* и, при ея входѣ, онъ далъ волю душившимъ его слезамъ... И обратившись къ ней съ плачущимъ лицомъ, съ безпомощно протянутыми руками, онъ простоналъ какъ обиженный ребенокъ:

— Ахъ, Олюша, еслибъ ты знала, какъ мнѣ подчасъ тяжело... какъ больно! Просто не знаю, что̀ и дѣлать съ собой!!

Но что̀ же *она?*

Въ отвѣтъ на его искренній порывъ, она какъ-то тяжеловѣсно и некрасиво взгромоздилась на ручку его кресла, обвила правой рукой его шею и, вытянувъ губы дудочкой, съ театральной наивностью просюсюкала:

— Бѣдный Сенюкъ! Сенюка обижаютъ? и хотѣла поцѣловать его въ лобъ. Семенъ Яковлевичъ отлично почуялъ всю оскорбительную лживость этого театральничанья, и ему захотѣлось грубо, по-мужицки, отшвырнуть ее въ дальній уголъ комнаты, такъ чтобъ она хватилась головой о печку и поняла наконецъ, что когда у человѣка надрывается сердце, совсѣмъ не у мѣста копировать актрису Савину. Но онъ подавилъ въ себѣ этотъ порывъ и, рѣзко отстранивъ отъ себя ея руки, глухо проговорилъ:

— Уйди, ради самого Бога, уйди скорѣй!.. Ничего мнѣ отъ тебя не надо... Оставь только... оставь!!

Дѣланная наивность быстро сбѣжала съ лица Ольги Петровны, которое теперь перекосилось нескрываемою злобой, какъ у актрисы сошедшей со сцены безъ единаго хлопка. Съ минуту

она совсѣмъ ничего не могла выговорить отъ явной обиды и вдругъ неожиданно разрѣшилась напряженнымъ, истерическимъ смѣхомъ.

— Ха, ха, кто тебя разберетъ, что̀ тебѣ надо! И подѣломъ тебѣ всѣ непріятности и выговоры!.. Я бы, на мѣстѣ редактора, еще бы не такъ тебя проняла!.. Ахъ, да что̀ и говорить про меня—мнѣ давно всѣ удивляются...

Прозоровъ посмотрѣлъ на жену, презрительно щуря глаза и медленно и брезгливо сощелкивая съ ворота насѣвшую пудру, спросилъ:

— Чему удивляются?.,

— Удивляются... какъ я могу жить съ такимъ идіотомъ!

— Кто же это „всѣ"—вѣроятно Жозефина Антоновна?

— Ну, хоть бы и она? Тебѣ что̀ за дѣло... У, еслибы ты только зналъ, какъ я тебя ненавижу! почти крикнула она, сверкнувъ глазами. — Да, ненавижу, ненавижу... такъ и знай!! повторила она съ какимъ-то восторженнымъ злорадствомъ, и не успѣлъ Семенъ Яковлевичъ вскочить со стула, какъ она уже хлопнула дверью передъ самымъ его носомъ и ушла къ себѣ, продолжая что-то громко кричать изъ дальнихъ комнатъ.

О, да будетъ проклята минута, когда онъ рѣшился обратиться къ ней съ искреннимъ словомъ... да будетъ проклята его поздняя зоркость, подмѣчающая каждое фальшивое движеніе сердца человѣческаго! Лучше бы онъ былъ слѣпъ и глухъ, и ничего не подмѣчалъ и не чуялъ!!

Скажите пожалуста—Жозефина Антоновна удивляется!.. Какъ ей не удивляться когда у ней мужъ что-то въ родѣ дворецкаго временъ крѣпостнаго права—только и знаетъ, что корпитъ цѣлый день въ своей военной канцеляріи, а по вечерамъ засѣдаетъ въ разныхъ постылыхъ коммиссіяхъ, являясь на глаза женѣ лишь за необходимыми приказаніями и порученіями. Увы, ни лѣта, ни рангъ, ни служебныя заслуги, ничто не уберегло его отъ этого домашняго рабства!

А спроси его — поди, тоже вѣдь скажетъ, что надрывается „ради семьи", то-есть, иначе говоря, ради пустаго звука. Какъ будто бы у насъ есть теперь „семья?" Экое смѣшное заблужденіе! У насъ есть, правда, комнаты, меблированныя по семейному—но и только: да, „меблированныя комнаты", а не „семья". Помилуйте, вѣдь это поддѣлать такъ просто! — Зажгутъ посреди такой семейно-меблированной гостиной лампу съ молнымъ

абажуромъ, жена сядетъ на диванъ съ какимъ-нибудь вздорнымъ вязаньемъ, дочь возьметъ въ руки *Ниву*—и картина семейнаго счастья готова. Милости просимъ, полюбуйтесь? И гость или гостья приходятъ и любуются.—„Simeon, nous avons du monde!“ томно протянетъ жена, тихонько постукивая въ дверь кабинета. И Simeon выходитъ изъ кабинета и черезъ силу остритъ и улыбается. А гость за порогъ — и все пошло по старому: опять брань, вражда, нервы... И кого, спрашивается, хотятъ надуть этой *олеографіей* семейнаго благополучія?!

Даже въ письмахъ къ друзьямъ все то же лганье... Пока идетъ разглагольствованіе о литературѣ, политикѣ и финансахъ, все еще какъ будто ничего, а какъ дошло дѣло до своихъ семейныхъ обстоятельствъ — сейчасъ на выручку шаблонная фраза: „Живемъ, слава Богу, ничего Жена очень кланяется!..“ А жена не только не кланяется, но и фамилію-то мужнина пріятеля давно позабыла, а это „слава Богу ничего“ въ подлинномъ переводѣ значитъ: „живемъ, какъ кошка съ собакой.“ И всѣ это знаютъ—и все-таки пишутъ!

Лгутъ, и лгутъ до тѣхъ поръ, пока станетъ ужь не въ моготу и мучительное лганье не прорвется какой-нибудь неожиданною катастрофой. И тогда, какъ дѣти, всѣ удивляются: — Слыхали, Иванъ Ивановичъ придушилъ Марью Ивановну? Съ чего бы это! И вѣдь еще недавно такъ мило устроились на Бассейной.— Или:—Можете себѣ представить, Петръ Петровичъ-то—угодилъ въ желтый домъ?.. А мы еще въ прошлый четвергъ „винтили“ у него на журфиксѣ... И ничего не было замѣтно! Съ чего бы это!—А у Глушковыхъ сынъ застрѣлился, а у Сидровыхъ дочь отравилась. И тоже ничего не было раньше замѣтно. Съ чего бы это?! Фу, дрянные лицемѣры!

То-есть, кажется, легче городъ Баку въ одинъ день очистить отъ скопившихся міазмовъ — чѣмъ выгресть изъ современнаго общества нагроможденныя горы завѣдомой лжи и пошлой фразы!!..

Прозорову вспомнился теперь почему-то одинъ американскій философъ, которому до того надоѣло отвѣчать въ письмахъ на все одни и тѣ же праздные вопросы своихъ поклонниковъ, что онъ наконецъ вовсе пересталъ писать письма и ограничивался, смотря по обстоятельствамъ, лишь указаніемъ того или другаго текста изъ Евангелія, рѣшивъ разъ навсегда, что только тамъ *настоящія* слова, а все остальное жалкія и лишнія фразы.

— Да, только тамъ настоящія слова! повторилъ про себя

Семенъ Яковлевичъ, и ему вдругъ захотѣлось, чуть ли не въ первый разъ въ жизни, приникнуть къ этимъ „настоящимъ словамъ“, впиться въ нихъ всею своею наболѣвшею душей, подлѣчить ими свои открывшіяся раны — захотѣлось неудержимо страстно, до слезъ — и сейчасъ же, не теряя ни минуты, пока не сбѣжалъ благодѣтельный порывъ...

Но на его позоръ и несчастіе, это желаніе оказалось не осуществимо: въ его домѣ Евангелія не было!

Прозоровъ остановился предъ своимъ богатымъ книжнымъ шкафомъ, съ рѣзными украшеніями, съ золочеными корешками переплетовъ, съ грандіознымъ бюстомъ Щедрина на верху, и скорбно улыбнулся Тутъ было все—начиная съ Пушкина съ одной стороны и кончая Мережковскимъ съ другой, отъ Гоголя до Потапенко и отъ Поля де Кока до Поля Бурже включительно, все — кромѣ маленькой книжечки... называемой Евангеліемъ... Онъ даже не помнитъ теперь, когда онъ послѣдній разъ слышалъ эти „настоящія слова...“

Ахъ, нѣтъ, вспомнилъ! Онъ слышалъ ихъ въ послѣдній разъ шесть лѣтъ тому назадъ... когда хоронили его Петю!..

Его Петю! Милый, хорошій мальчикъ! Можетъ-быть, еслибъ онъ былъ живъ и не простудился тогда на каткѣ... можетъ-быть все было бы иначе—съ его смертью порвалась послѣдняя духовная нить, привязывавшая его къ семьѣ, исчезъ послѣдній разумный предлогъ, заставлявшій его безропотно нести ярмо журнальнаго поденщика...

Прозоровъ бросился къ письменному столу, порывисто выдвинулъ боковой нижній ящикъ и досталъ оттуда толстую книгу въ потертомъ шагреневомъ переплетѣ... Это была „Семейная хроника“ Аксакова, любимая книга Семена Яковлевича, которой онъ подчасъ зачитывался, какъ зачитывается подчасъ ребенокъ плѣнительною и несбыточною сказкой. Въ серединѣ этой книги имъ хранился, ревниво запрятанный отъ посторонняго глаза, самый дорогой его сердцу предметъ—карточка умершаго Пети... Онъ снова усѣлся въ креслѣ у стола и впился глазами въ дорогое изображеніе... Вотъ онъ предъ нимъ какъ живой — черненькій, худенькій и болѣзненный мальчикъ, съ ласковымъ, задумчивымъ взглядомъ, въ знакомомъ узенькомъ гимназическомъ мундирчикѣ. И нѣтъ его! Богъ далъ—Богъ и взялъ! Какъ это пѣли тогда въ церкви: „Кая житейская сладость пребываетъ

печали не причастна...“ Ему ли забыть эти неизгладимыя, содрогающія минуты!..

Онъ какъ теперь видитъ—низенькую душную монастырскую церковку, посреди на катафалкѣ маленькій глазетовый гробикъ, а въ головахъ гроба, на шелковой подушкѣ, обрамленное вѣнкомъ изъ живыхъ розъ и ландышей, милое, кроткое, точно сладко заснувшее дѣтское личико... Вокругъ равнодушно шушукается толпа добрыхъ знакомыхъ, а неподалеку отъ гроба стоитъ Ольга Петровна; она въ кокетливомъ траурѣ и выговариваетъ что-то тихо по французски маленькой Зинѣ, опустившейся на колѣни и громко всхлипывающей...—А онъ, Семенъ Яковлевичъ, не видя и не замѣчая никого, распростерся ницъ у лѣваго клироса и весь вздрагиваетъ отъ глухихъ рыданій. Изрѣдка онъ поднимаетъ голову и различаетъ предъ собой, сквозь туманъ слезъ, темный, стертый ликъ какого-то угодника, и тогда ему дѣлается какъ будто немного легче; но потомъ онъ опять опускаетъ голову, и тогда въ его душѣ снова воцаряется мракъ и отчаяніе...

Да, много искреннихъ слезъ пролилъ онъ тогда,—что̀ и говорить — ну, а теперь, когда ему уяснился весь обличительный смыслъ его жизни, онъ видитъ, что, право, не стоило такъ много плакать — вѣдь его Петѣ предстояло впереди, въ жизни, слишкомъ мало утѣшительнаго!..

Прозоровъ перелисталъ лежавшую передъ нимъ книгу, натолкнулся на страницу, гдѣ герой „Хроники“ съ увлекательнымъ лиризмомъ вспоминаетъ свое свѣтлое дѣтство и свою милую родину и съ горечью подумалъ, что еслибъ *его Петя* былъ живъ и выросъ — у него не было бы такихъ радостныхъ воспоминаній... потому что, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же считать милой родиной „Шпалерную улицу“ и свѣтлымъ дѣтствомъ — прозябаніе въ пятиэтажномъ каменномъ ящикѣ и корпѣніе по ночамъ надъ латынскими вокабулами или писаніемъ какого-нибудь несуразнаго сочиненія. О, эти ненавистные вечерніе уроки на дому!—вслѣдствіе нихъ несчастный мальчикъ былъ вынужденъ, по настоянію докторовъ, уже въ двѣнадцать лѣтъ надѣть *очки*... Какая ужь тутъ къ чорту педагогія! — выругался про себя Семенъ Яковлевичъ:—Это просто какое-то систематическое избіеніе младенцевъ подъ предлогомъ педагогіи, въ своей лже-гуманной медлительности гораздо болѣе варварское, чѣмъ ветхозавѣтное избіеніе первенцовъ царемъ Иродомъ!!

Несчастный мальчикъ! Ему бы не пришлось радостно вспо-

минать, какъ герою Аксакова—„свѣтлыя воды Бугуруслана, грачевую рощу, прудъ и мельницу, и рыбную ловлю на островѣ, обсаженномъ тѣнистыми липами и березами“—ничего бы этого не пришлось вспоминать... Вѣдь у него бы пошла „своя хроника“... обыкновенная хроника затхлаго городскаго существованія: сначала воспоминаніе о какомъ-нибудь раздражительно-блестящемъ балетѣ или о нарядномъ дѣтскомъ балѣ въ Павловскомъ вокзалѣ, потомъ „Зоологія“ и оперетка въ саду г-жи Неметти, потомъ позже—товарищескіе ужины у Палкина и поѣздки въ тѣ мѣста, куда обыкновенно ѣздятъ послѣ ужина... А затѣмъ... страшно даже подумать, что̀ ожидало бы его затѣмъ — добраго, чуткаго, нервическаго, но преждевременно развращеннаго и преутомленнаго, съ слабымъ зрѣніемъ и ничтожной волей, безъ крѣпкой религіи и чистыхъ воспоминаній!.. Что̀ бы ожидало? Можетъ-быть, та самая мертвая петля, въ которой задыхается теперь его отецъ... И какъ бы онъ могъ, этотъ отецъ, сдѣлать чтобы все это было иначе, живя въ городѣ и живя все той же лживой городской жизнью?!

Прозорову вдругъ вспомнилось, что онъ уже давно не былъ на могилѣ своего дорогаго Пети, и ему сдѣлалось какъ-то жутко радостно, что онъ скоро ляжетъ рядомъ съ сыномъ. Да, скорѣй бы, скорѣй туда... рядомъ съ Петей! Не сто̀итъ дольше тянуть гнусный обманъ гнусной жизни!.. Да и къ чему, спрашивается, тянуть?..

Ну, положимъ, онъ станетъ жить... и что-жь будетъ дальше? Будетъ, по обыкновенію, „масляница“ съ неизмѣнными „Нищими духомъ“ и неизмѣннымъ артистическимъ ужиномъ, на которомъ будутъ откармливать „прессу“ и жена будетъ кокетничать съ рецензентами. Потомъ настанетъ постъ... и съ нимъ вмѣстѣ настанетъ ученическое испытаніе въ школѣ гешефтмахера Клименталя—и онъ, Семенъ Яковлевичъ, вынужденъ будетъ, скрѣпя сердце, подхваливать и гешефтмахера Клименталя и то самое великопостное „Impromtu“, которымъ его изводили въ мясоѣдъ. А затѣмъ придетъ Пасха... великая Пасха, какъ всегда, отмѣченная въ ихъ интеллигентномъ кругу великой тоской и какимъ-то лицемѣрнымъ замѣшательствомъ — и, когда она пройдетъ, жена, по обыкновенію, скажетъ: „Ну, слава Богу, наконецъ, эти дурацкіе праздники прошли!“—вмѣсто того, чтобы по совѣсти воскликнуть: „Господи да когда же, наконецъ, измѣнится эта дурацкая жизнь“!..

Нѣтъ. Петя хорошо сдѣлалъ, что умеръ... положительно хорошо! Тамъ ему ужь, конечно, лучше живется, чѣмъ жилось бы здѣсь... если только *тамъ* есть что-нибудь?!..

И Семенъ Яковлевичъ снова приникнулъ къ дорогой карточкѣ своего умершаго сына, какъ бы пытаясь допросить его по секрету—есть ли дѣйствительно *тамъ* что-нибудь... Но въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось темно, и онъ не могъ ничего разобрать... Семенъ Яковлевичъ поднялъ голову и оглядѣлся...

Лампа тухла, слабо вспыхивая дрожащимъ синеватымъ пламенемъ, и въ щель спущенной гардины прокрадывался въ комнату полусвѣтъ утреннихъ сумерекъ... Сквозь двойныя рамы теперь явственно доносился мирный гулъ церковнаго благовѣста... Это звонили къ заутрени въ ближайшемъ монастырскомъ подворьѣ, и Семенъ Яковлевичъ, самъ не зная почему, очень любилъ этотъ заутренній звонъ, зачастую застававшій его за какой-нибудь постылой срочной работой... Онъ всталъ, подошелъ къ окну и, отворивъ форточку, сталъ вслушиваться... Звонъ былъ густой, медлительно важный и разносился въ утреннемъ воздухѣ, надъ спящимъ суетнымъ городомъ, точно упрекъ стараго дѣда, не то хотѣвшаго разбудить заспанную людскую совѣсть, не то напомнить объ иныхъ отдаленныхъ, дѣдовскихъ временахъ, когда жизнь текла неторопливо строго, безъ „узловъ“ и смертельной тоски.

И онъ больше не услышитъ этого звона... никогда не услышитъ! подумалъ про себя Семенъ Яковлевичъ, затворяя фортку и вдругъ почувствовалъ, что его начинаетъ клонить ко сну и что глаза его противъ воли слипаются. Но затворяя фортку, онъ неловко задѣлъ полой халата за стклянку, стоявшую въ углу на подоконникѣ, стклянка опрокинулась и на подоконникъ пролилась какая-то зловонная жидкость. Прозоровъ съ досадой поставилъ стклянку на мѣсто и слипавшимися глазами скользнулъ по сигнатуркѣ, привязанной къ горлышку... Ба, да это микстура доктора Гавриленко, прописанная чуть не полгода тому назадъ!.. Вотъ и цѣна проставлена: „80 копѣекъ“... Экіе, подумаешь, болваны, эти доктора!—Человѣкъ изнываетъ въ тоскѣ по идеалу, а они прописываютъ на восемь гривенъ какого-то зловонія... Ну, ихъ совсѣмъ! Прозоровъ заглянулъ въ окно напротивъ... Сквозь запотѣвшее стекло уже мелькали огни и черныя тѣни просыпавшихся рабочихъ. Вонъ, они весело просыпаются... и Васекъ тоже просыпается... а онъ, Семенъ Яковлевичъ, завтра

ужь не проснется—шабашъ!.. Какъ ему жаль Васюка!.. Да, ему жаль, что онъ не услышитъ больше заутренняго звона... и еще Васюка жаль... А больше никого не жаль... ничего. Ну, ихъ!..

Онъ чувствовалъ, что голова его начинаетъ кружиться и что вихорь мыслей, налетѣвшій на него въ эту тревожную послѣднюю ночь, вконецъ укачалъ его, точно слабаго пассажира застигнутаго штормомъ. Шатаясь, добрелъ онъ до своей постели, наскоро раздѣлся, легъ и заснулъ какъ убитый, тѣмъ безотрадно глубокимъ сномъ, какимъ нерѣдко засыпаютъ осужденные наканунѣ предстоящей казни.

VI.

Когда на другой день Семенъ Яковлевичъ вышелъ въ столовую къ утреннему чаю, Ольга Петровна замѣтно была удивлена его бодрымъ и свѣжимъ видомъ.

— Ну, поздравляю, поздравляю! протянула она съ приторной улыбкой и холодно поцѣловала мужа въ губы.—Что, покончилъ съ твоимъ несчастнымъ фельетономъ?

Прозоровъ удивленно поднялъ на жену глаза, озадаченный знаменательною ироніей ея словъ, но сейчасъ же подумалъ, что сегодняшній день всякое пустое слово, всякая ничтожная мелочь могутъ быть знаменательны, и отвѣтилъ съ удареніемъ:

— Да, да, *покончилъ!*

Ольга Петровна, въ знакъ удовольствія, театрально вскинула бровями и, расположившись предъ самоваромъ, чтобы разливать чай, снова протянула тѣмъ же безучастно томнымъ голосомъ:

— Ты не сердись, Simèon, что еще не принесли кренделя. Аннушку могли задержать... Я ей велѣла, чтобъ она, *до* булочной, зашла въ церковь и вынула за твое здоровье просвирку!

Прозоровъ невольно усмѣхнулся про себя на это новѣйшее упрощеніе религіи и, въ свою очередь, безучастно пробормоталъ:

— Merçi, мой другъ!

Прозорова почувствовала своевременнымъ сказать еще какую-нибудь нѣжность, но не нашла слова и только участливо освѣдомилась:

— Тебѣ, по обыкновенію, со сливками?

— По обыкновенію.

Какъ разъ дверь отворилась и вошла Аннушка, неся подносъ съ именинымъ кренделемъ и заказной просвирой. Чай былъ налитъ, крендель разрѣзанъ, и водворилось минутное молчаніе, во время котораго оба супруга мирно кушали каждый свою порцію.—„Ну, чтобы кому-нибудь взглянуть теперь на насъ со стороны?“ мелькнуло въ умѣ Семена Яковлевича:—„чортъ возьми, пожалуй, позавидовалъ бы! Помилуйте, на столѣ именинный крендель съ сахарными инициалами, просвира съ вынутой частью и около добродушно-мурлыкающаго самовара, другъ противъ друга, мужъ и жена... Не угодно ли, какая превосходная „олеографія“ семейнаго счастія? Для полной гармоніи недостаетъ только посреди родителей ихъ милой дочки съ какимъ-нибудь веселенькомъ бантикомъ въ волосахъ!“

— А гдѣ же Зина? спросилъ онъ.

— Какой странный вопросъ, Siméon! съ легкой гримасой отозвалась Прозорова.—Разумѣется, на музыкальныхъ курсахъ—гдѣ же бы иначе она могла быть!

— Ахъ да, на курсахъ!

— Я даже настояла, чтобы она непремѣнно пошла. Согласись, было бы дико манкировать уроками, когда черезъ какія-нибудь двѣ недѣли назначенъ концертъ!!

Семенъ Яковлевичъ промолчалъ и попросилъ второй стаканъ чаю, внутренно каясь за свой странный вопросъ—какъ будто бы онъ давно не зналъ, что по нынѣшнимъ временамъ неизмѣнно принято „манкировать“ дѣйствительными обязанностями въ пользу мнимыхъ.

Наливая мужу второй стаканъ, Ольга Петровна вдругъ что-то вспомнила, торопливо сунула руку въ карманъ и достала маленькій розовый конвертикъ.

— Ахъ, чуть было не забыла сообщить тебѣ пріятную новость! заговорила она съ тою знакомою Семену Яковлевичу приторною улыбочкой, которая всегда означала, что ему готовится нѣчто совсѣмъ обратное.—Помнишь, ты еще такъ хотѣлъ слышать *Пиковую Даму* Чайковскаго и никакъ не могъ добиться билета? (Прозоровъ молча кивнулъ головой, чтобы не возбуждать спора, хотя отлично помнилъ, что вовсе не хотѣлъ и не добивался, а этого хотѣла и добивалась единственно Ольга Петровна). Ну, такъ вотъ я получила отъ Сушилиныхъ письмо: они пишутъ, что будутъ сегодня вечеромъ и предлагаютъ на завтра пополамъ ложу въ бель-этажѣ...

— На завтра? невольно вырвалось у Семена Яковлевича.

Прозорова приняла это восклицаніе за проявленіе удовольствія и весело подтвердила:

— Представь, завтра мы будемъ наконецъ на *Пиковой*!

Прозорова какъ-то болѣзненно поразило это *мы*, но онъ не подалъ вида и, глядя въ стаканъ, проговорилъ:

— Да, да, непремѣнно будемъ. Это хорошо придумано!

Онъ залпомъ допилъ свой стаканъ и пододвинулъ его къ самовару.

— Ты третій стаканъ будешь пить у себя въ кабинетѣ, какъ всегда? спросила Ольга Петровна, наливая чай.—Газеты принесли... онѣ въ залѣ на столѣ! добавила она, подливая сливки.

— Да... какъ всегда! глухо произнесъ Прозоровъ и, принимая стаканъ, рѣшилъ про себя,—что пусть сегодня все будетъ *какъ всегда*... до самой послѣдней минуты. Имъ вдругъ овладѣло какое-то злорадное мстительное чувство безпощадно перехитрить сегодня всѣхъ, начиная съ жены и сыграть свой послѣдній житейскій выходъ такъ, чтобы никто не могъ бы ничего замѣтить. Да, пусть будетъ все, какъ всегда: онъ просмотритъ, по обыкновенію, газеты, потомъ отправится за покупками и зайдетъ мимоходомъ въ редакцію, ляжетъ отдохнуть послѣ обѣда и т. д. Семенъ Яковлевичъ нервически помѣшалъ ложечкой въ своемъ стаканѣ и поднялся съ мѣста.

— Siméon, а какъ же насчетъ закусокъ для вечера? остановила его Ольга Петровна.—Развѣ не зайти ли мнѣ потомъ къ тебѣ въ кабинетъ? Я еще вчера составила маленькій списочекъ!

— Зайди, мой другъ! натянуто отвѣтилъ Прозоровъ и, взявъ стаканъ и просвирку, прошелъ въ залу, чтобы захватить газеты.

И вотъ онъ опять, *какъ всегда*, въ своемъ уютномъ креслѣ предъ своимъ письменнымъ столомъ, съ сигаретой въ зубахъ, съ газетой въ рукахъ.

— Гм... посмотримъ, что новаго сегодня въ газетахъ? усмѣхнулся онъ самъ на себя, развертывая первую маленькую газету, въ которой онъ состоялъ столь почетнымъ сотрудникомъ.

Въ газетѣ, разумѣется, былъ обычный постылый газетный вздоръ, обычно съ утра засаривающій свѣжія головы господъ читателей и госпожъ читательницъ. Между прочимъ, въ отдѣлѣ театральной хроники, сообщалось очень удручающее для Россіи извѣстіе: „Незамѣнимая блюстительница строгаго каскаднаго жанра, симпатичная дѣвица Адель, къ великому прискорбію

ея многочисленныхъ поклонниковъ, заболѣла катарральнымъ коклюшемъ.“ Бѣдные провинціалы, каково-то имъ будетъ пережить въ своей глуши такую печальную новость! едва не расхохотался вслухъ Семенъ Яковлевичъ. Онъ брезгливо отшвырнулъ отъ себя маленькую „Жизнерадостную Газету“ и принялся за большую „не жизнерадостную“. Тутъ пережовывалась все одна и та же тоскливо-либеральная жвачка, отъ чтенія которой у Семена Яковлевича всегда начинало сосать подъ ложечкой. Тѣмъ не менѣе онъ одолѣлъ литературный фельетонъ, привлеченный разборомъ *Крейцеровой Сонаты* Толстаго, принадлежавшимъ одному довольно извѣстному критику. Довольно извѣстный критикъ, отдавая справедливость „недурнымъ частностямъ“, сильно скорбѣлъ объ отсутствіи „классически-художественной стройности въ цѣломъ“. Прозоровъ невольно про себя улыбнулся и мысленно отвѣтилъ строгому критику:—Ахъ, господинъ критикъ, сомнѣнія и тревоги-съ слишкомъ доѣзжаютъ современнаго человѣка, чтобы мысль не выпирала сквозь форму и не разливалась, какъ полая вода поверхъ ледяной глади! До классической ли стройности тутъ, милостивый государь мой!!

Семенъ Яковлевичъ готовился швырнуть въ сторону и большую газету, когда ему бросилось въ глаза заявленіе въ отдѣлѣ хроники о постройкѣ Думой новаго дома для умалишенныхъ. Заявленіе гласило: „Городъ, идя навстрѣчу возрастающимъ потребностямъ населенія, призналъ за благо воздвигнуть на окраинѣ запасное зданіе для душевно-больныхъ со всѣми новѣйшими приспособленіями и удобствами“—Семенъ Яковлевичъ усмѣхнулся и подумалъ: Ужь чтобы, для вящаго „новѣйшаго удобства“ открыть абонементъ для многосемейныхъ?!—Но онъ сейчасъ же бросилъ газету и подумалъ другое: зачѣмъ онъ, вообще, обо всемъ этомъ думаетъ, улыбается и усмѣхается—какъ-будто ему теперь не все равно, объ чемъ бы ни писали? Чортъ ли ему въ томъ теперь, что дѣвица Адель кашляетъ, какая-то тупица скорбитъ о Толстомъ, а столичный хроникеръ радуется приращенію умалишенныхъ! Ну, и пусть ихъ путаются во всей этой паутинѣ новѣйшихъ удобствъ и дохнутъ какъ неосмысленныя мухи—ему-то что? На здоровье!!

Остальныхъ газетъ Прозоровъ не сталъ читать и, допивъ свой стаканъ, закурилъ новую сигарету...

Вошла Ольга Петровна, переодѣтая въ какой-то модный,

лиловато-розовый капотъ съ пучкомъ разноцвѣтныхъ лентъ на животѣ, держа въ рукахъ тоненькій почтовый листокъ.

— Вотъ, Simèon, мои „beaux desseins?“ проговорила она, протягивая мужу списочекъ съ обозначеніемъ винъ и наименованіемъ закусокъ.—Не знаю, что ты скажешь?

— Что-жь, я ничего противъ него не имѣю! процѣдилъ сквозь зубы Семенъ Яковлевичъ, обводя усталымъ взглядомъ слегка безграмотныя „beaux desseins“.

И, къ немалому удивленію супруги, онъ не только не сталъ протестовать и спорить за сокращеніе списка, какъ это случалось всегда прежде, но даже нашелъ, что комплектъ винъ слѣдуетъ увеличить, а къ реестру закусокъ кое-что добавить. Ольга Петровна, между прочимъ, предупредила, что къ обѣду Зина хотѣла привести двухъ своихъ товарокъ, учениць Клименталя—онъ и противъ этого ничего не возразилъ, хотя она отлично знала, что мужъ терпѣть не могъ ни новой музыки, ни музыкальныхъ барышенъ. „Онъ рѣшительно становится терпимымъ!“ подумала про себя Прозорова и, въ простотѣ своего женскаго тщеславія, приписала эту неожиданную метаморфозу своему модному капоту съ пучкомъ на животѣ. Ей и въ голову не приходило, что сегодняшняя уступчивость и предупредительность Семена Яковлевича была злѣйшею хитростью, на какую когда-либо пускался человѣкъ. И такъ какъ именинная конференція окончилась къ видимому взаимному удовольствію и Прозоровъ сталъ немедля собираться, Ольга Петровна вышла изъ кабинета. Впрочемъ, черезъ пять минутъ она опять вернулась, замѣтно встревоженная и, томно прищурившись при видѣ переодѣвающагося мужчины, заговорила виноватымъ голосомъ:

— Боже мой, Simèon, я чуть было не забыла о главномъ: не забудь, когда будешь выбирать закуски, купить сои?. Прошлый разъ вышло такъ неловко: Жозефина Антоновна попросила къ ростбифу сои, а сои не оказалось вовсе. Я чуть не сгорѣла отъ стыда! Ради Бога, не забудь!!

Семенъ Яковлевичъ обѣщалъ не забыть и, для ея успокоенія, приписалъ въ концѣ списка: „сои для Ж. А.“ Черезъ четверть часа онъ уже былъ на улицѣ...

Зимній день былъ такой мягко-морозный и радостно-солнечный и городъ, въ серебряномъ блескѣ своего снѣговаго убора, смотрѣлъ такъ весело и нарядно, что казалось почти невѣроятнымъ, чтобы среди оживленно сновавшихъ по панели людей

могъ находиться хоть одинъ, у котораго на душѣ былъ безысходный мракъ и желаніе смерти. Въ особенности трудно было бы повѣрить, что вотъ этотъ изящный брюнетъ, въ бобровой шапкѣ и модномъ пальто, быстро шагавшій по Загородному проспекту и разсѣянно разглядывавшій сквозь свое золотое pince-nez вывѣски магазиновъ—былъ именно такой единственный человѣкъ! А этому изящному брюнету, то-есть Семену Яковлевичу, дѣйствительно больше ничего не оставалось, какъ разсматривать вывѣски, потому что въ душѣ его давно все было пересмотрѣно и предстоящая развязка была вопросомъ всего нѣсколькихъ часовъ. Его настроеніе походило на настроеніе пассажира, который навсегда уѣзжаетъ изъ опостылѣвшаго города и уже уложилъ чемоданы, взялъ заблаговременно билетъ, но поѣздъ отходитъ лишь поздно вечеромъ и вотъ надо какъ-нибудь убить томительные часы ожиданія.

На углу Владимірской улицы ему особенно врѣзалась вывѣска надъ крыльцомъ: „Портниха Ксюнина. Наряды для гулянія“, и онъ все старался доискаться, почему она врѣзалась и когда онъ еще ее видѣлъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, что онъ ее видѣлъ ровно шесть лѣтъ тому назадъ, когда онъ шелъ мимо, за гробомъ Пети. Да, именно это было тогда. Почему именно вспомнилась „портниха Ксюнина“, а ни что-нибудь другое и почему именно сегодня—онъ рѣшительно не могъ дать себѣ отчета. Вслѣдъ за „портнихой Ксюниной“ ему стали вспоминаться другія мелочи похороннаго дня и, между прочимъ, даже такая мелочь, какъ надпись на стѣнѣ въ углу, возлѣ лѣваго клироса, гдѣ онъ стоялъ во время отпѣванія Пети. Онъ до смѣшнаго отчетливо вдругъ вспомнилъ, какъ тамъ было нацарапано кривымъ неуклюжимъ почеркомъ: „Пѣлъ *выносъ* и получилъ 40 копѣекъ. Павелъ Бубновъ“... И Семенъ Яковлевичъ уже не сталъ больше читать остальныхъ вывѣсокъ и лишь машинально повторялъ про себя: „Пѣлъ выносъ и получилъ 40 копѣекъ... Получилъ 40 копѣекъ Павелъ Бубновъ“... и т. д. Потомъ вдругъ его мысль капризно перескочила на предложеніе Сушилиныхъ взять пополамъ ложу на *Пиковую Даму*, и онъ сталъ думать сколько придется получить Сушилину?.. Если ложа стоитъ 25 рублей, то, значитъ,—ровно двѣнадцать съ полтиной! А „Павлу Бубнову“ всего 40 копѣекъ... Чортъ знаетъ, что за чепуха!..

Въ этихъ смутныхъ механическихъ соображеніяхъ онъ незамѣтно дошелъ до Литейнаго проспекта и очутился предъ дверью

виннаго погреба, гдѣ всегда бралъ вина для своего стола. Прозоровъ вошелъ, любезно поздоровался съ старымъ знакомымъ, добродушно напыщеннымъ Нѣмцемъ, стоявшимъ за прилавкомъ, и, аккуратно по списку, отобравъ вина, велѣлъ прислать ихъ по адресу. Онъ посмотрѣлъ на часы. Было половина втораго и слѣдовательно до фамильнаго обѣда, котораго, къ прискорбію, на этотъ разъ никакъ нельзя было миновать, оставалось добрыхъ три часа. Семенъ Яковлевичъ закурилъ папиросу и, выйдя изъ виннаго погреба, свернулъ влѣво, въ переулокъ, гдѣ помѣщалась редакція.

Редактора, на его счастіе, онъ не засталъ—онъ уѣхалъ по какому-то экстренному дѣлу—а сотрудники-репортеры всѣ были въ разбродѣ, за исключеніемъ Штукенберга, который временно изображалъ изъ себя редактора и секретаря и имѣлъ видъ нахальный и торжествующій. Тѣмъ не менѣе Семенъ Яковлевичъ пересилилъ себя и любезно подалъ ему руку, хотя сейчасъ же подумалъ: что еслибы всѣ сколько-нибудь порядочные люди дружно согласились не подавать руки завѣдомымъ мерзавцамъ—какъ бы сразу вдругъ выиграла литература и жизнь!—Завѣдомый мерзавецъ, разумѣется, не угадалъ затаенной мысли Семена Яковлевича и полуфамильярно, съ какимъ-то льстивымъ присюсюкиваніемъ, освѣдомился:

— Чѣмъ порадуете насъ въ это воскресенье—надѣюсь, не секретъ?

— Пока... секретъ! немного подумавъ, отвѣтилъ Прозоровъ и для виду просмотрѣвъ полученную провинціальную „почту“, оставилъ редакцію... навсегда.

Онъ шелъ теперь по лѣвой сторонѣ Невскаго и думалъ:

„Вотъ эта жидовская тварь, Штукенбергъ, всего на полчаса изображающій изъ себя редактора, уже глядитъ нахально и радуется: а—кто знаетъ—можетъ-быть, черезъ какія-нибудь шесть, семь лѣтъ, этотъ самый Штукенбергъ сдѣлается наидѣйствительнѣйшимъ редакторомъ какого-нибудь мерзко-вліятельнаго листка. Отчего жь бы тому и не быть? По нынѣшнимъ временамъ все къ тому идетъ... Ему вспомнилось пророчество Достоевскаго: „Въ концѣ-концовъ останется во главѣ всего одинъ большой банкъ, и въ банкѣ будетъ сидѣть жидъ и у жида будутъ всѣ деньги и власть“... По всему вѣроятію такъ и случится! рѣшилъ про себя Семенъ Яковлевичъ, настраивавшійся все мрачнѣе и мрачнѣе...

— А, батинька, васъ-то мнѣ и надо! окликнулъ вдругъ его кто-то пронзительнымъ голосомъ и, полуочнувшись, онъ увидѣлъ предъ собой высокаго, худощаваго господина, въ цилиндрѣ и распахнутой шинели, съ какими-то символическими жетонами на виднѣвшейся фрачной жилеткѣ, съ лицомъ чахоточнымъ, но улыбающимся и дѣтски-радостно мигающими маленькими глазками.

Это былъ нѣкій господинъ Завидонскій, неугомонный хлопотунъ и членъ-соревнователь разныхъ новѣйшихъ обществъ: „трезвенниковъ", „цѣломудренниковъ", „неубоинцевъ" и т. п.— одинъ изъ тѣхъ завидно-счастливыхъ людей, которые всю жизнь торопятся въ разныя добродѣтельныя коммиссіи, не имѣя досуга углубиться въ сущность дѣла и не замѣчая злыхъ противорѣчій, которыя опровергаютъ ихъ на каждомъ шагу.

— Васъ-то мнѣ и надо! восторженно повторилъ г. Завидонскій, потрясая руку Прозорова.

Для Прозорова, въ его настоящемъ состояніи, всякая встрѣча съ знакомымъ человѣкомъ была лишнимъ терзаніемъ, тѣмъ болѣе встрѣча съ человѣкомъ ликующимъ и самодовольнымъ.

— Что прикажите? сухо спросилъ Семенъ Яковлевичъ.

Но г. Завидонскій не замѣтилъ его тона и добродушно закудахталъ:

— Порадѣйте, родной, у вашего патрона, чтобы онъ высылалъ „Жизнерадостную Газету" въ нашу „Воскресную чайную" безплатно? Я ему уже писалъ, а вы все-таки порадѣйте...

— Нѣтъ, не порадѣю! отрѣзалъ Семенъ Яковлевичъ, вдвойнѣ раздраженный при упоминаніи о „Жизнерадостной Газетѣ".

Членъ „Воскресной чайной" на минуту обалдѣлъ.

— Позвольте, почему же? искренно заволновался онъ.—Вы, Прозоровъ—и вдругъ противъ того, чтобы народъ пилъ чай и просвѣщался? Mais c'est unoui! Неужели же вы еще не увѣрены, что для народа нѣтъ рѣшительно ничего вреднѣе водки??..

— Вотъ видите ли, господинъ Завидонскій,—рѣзко отчеканилъ Прозоровъ, насмѣшливо глядя прямо ему въ глаза:—я рѣшительно еще не увѣренъ, что для народа вреднѣе—трескать ли водку или читать мерзости... въ родѣ „Жизнерадостной Газеты"!!

И откланялся.

Господинъ Завидонскій отъ изумленія раскрылъ ротъ и растопырилъ пальцы, да такъ и остался посереди панели съ раскрытымъ ртомъ и растопыренными пальцами, къ великому недоумѣнію прохожихъ.

Пока г. членъ-соревнователь пришелъ въ себя, Прозоровъ благополучно успѣлъ дойти до Гостиннаго Двора и, оглянувъ думскіе часы, стремительно перешелъ на другую сторону Невскаго, къ Пассажу. Ему захотѣлось одновременно побыть одному и въ послѣдній разъ поглазѣть на примелькавшуюся панораму столичнаго празднопатанія; а этого всего вполнѣ можно было достигнуть, зайдя въ ресторанъ Пассажа и усѣвшись у одного изъ оконъ, выходившихъ на Невскій проспектъ. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Черезъ пять минутъ онъ сидѣлъ въ ресторанчикѣ, тоскливо потягивалъ изъ стоявшей предъ нимъ пивной кружки и тоскливо поглядывалъ въ окно на столь знакомую ему и столь опостылѣвшую теперь панораму. Долго онъ смотрѣлъ на эту пеструю путаницу уличнаго движенія, отъ которой у него подчасъ рябило въ глазахъ, и думалъ про себя: „что же, наконецъ, такое, вся эта сумасбродная гонка, какъ не отраженіе въ маломъ того всеобщаго „грандіознаго галлопада“, который именуется современною жизнью?! Всѣмъ теперь некогда, рѣшительно всѣмъ—всегда и во всемъ!.. Писателямъ некогда какъ слѣдуетъ обдумывать свои произведенія, педагогамъ некогда какъ слѣдуетъ воспитывать молодое поколѣніе, женамъ некогда какъ слѣдуетъ заботиться о своихъ мужьяхъ, мужьямъ некогда какъ слѣдуетъ относиться къ своимъ женамъ и т. д. до безконечности. О, это роковое „некогда“, рожденное нашимъ вѣкомъ, право, давно бы слѣдовало избрать девизомъ современному городу и, начертавъ саженными буквами, вывѣсить на каланчѣ Городской Думы, на мѣсто устарѣлаго циферблата... Посмотрите, пожалуста, какъ всѣ спѣшатъ и мчатся—совсѣмъ точно на призовомъ скаковомъ кругѣ?? И всѣмъ рѣшительно некогда--у всѣхъ, поди, важныя и неотложныя дѣла!..

„Охъ, знаемъ мы эти важныя, неотложныя дѣла!

„Вотъ, напримѣръ, этотъ сановитый старикъ, что мчится на вороном рысакѣ, съ такимъ хмурымъ и сосредоточеннымъ видомъ—вы, можетъ-быть, думаете, что онъ спѣшитъ предсѣдательствовать въ какую-нибудь глубокомысленную коммиссію? Вовсе нѣтъ. На самомъ дѣлѣ, онъ просто торопится къ своей Француженкѣ, которая ждетъ его, чтобы разыграть безтолковую сцену ревности и въ лучшемъ случаѣ съѣздить своею расшитою туфлей по его сановитой лысинѣ... А вотъ эта красивая дама въ малиновой ротондѣ, что поминутно погоняетъ извозчика и глядитъ по

сторонамъ съ такимъ озабоченнымъ и разстроеннымъ видомъ, точно у ней при смерти ребенокъ и она не могла разыскать доктора— не вѣрьте ей: она только что превосходно позавтракала со своимъ любовникомъ и боится, чтобы не опоздать къ обѣду съ законнымъ мужемъ... Тоже не вѣрьте и этому изящному бѣлокурому бакенбардистеру—вонъ который бѣжитъ внизу на панели, съ портфелемъ подъ мышкой... У него такая утомленная физіономія и такіе страдальчески блуждающіе глаза, что другой, пожалуй, подумаетъ, что онъ надѣлалъ сегодня кучу дѣлъ въ своей канцеляріи? Ничуть не бывало. На службѣ онъ больше курилъ и читалъ газеты, чѣмъ занимался, но жена, видите, поручила ему разыскать по обращику аршинъ какой-то тесемки и онъ добросовѣстно обрыскалъ весь Гостинный Дворъ и Перинную линію и, увы, не нашелъ, чего требовалось... Несчастный мужъ, ему рѣшительно некогда, ибо до обѣда онъ еще разсчитываетъ ошмыгать по пути пороги всѣхъ прочихъ галантерейныхъ магазиновъ!..

Впрочемъ, чего же онъ, Семенъ Яковлевичъ, такъ особенно иронизируетъ? Вѣдь и ему тоже некогда—и у него есть тоже важное неотложное дѣло... купить *сои* для Жозефины Антоновны!

Онъ посмотрѣлъ на часы, рѣшительно всталъ и, расплатившись, вышелъ изъ Пассажа... Теперь Семенъ Яковлевичъ направился къ послѣдней цѣли своего путешествія—къ Милютинымъ рядамъ, въ знакомый гастрономическій магазинъ, гдѣ онъ уже не первый годъ закупалъ „именинную закуску". Въ магазинѣ онъ пробылъ около получасу. Отбирая по списку всякой снѣди, онъ отбиралъ не торопясь и ко всему прицѣниваясь и особенно придирчиво торговался о цѣнѣ сардинъ, которыя показались ему черезчуръ дорогими. Въ сущности онѣ вовсе не показались ему дорогими, но онъ самъ, незамѣтно для себя, создалъ этотъ лишній предлогъ, чтобы протянуть время и внутренно какъ бы тѣшился этою послѣднею придиркой къ жизни.

Наконецъ вся необходимая снѣдь была закуплена, деньги уплачены и краснощекій малецъ, въ чистомъ фартукѣ и съ веселыми голубыми глазами, вынесъ вслѣдъ за Прозоровымъ къ нанятымъ санямъ увѣсистую корзину. Малецъ быстро и ловко пристроилъ корзину въ ногахъ Прозорова, застегнулъ полость и звонкимъ голосомъ пожелалъ неизмѣннаго „счастливаго пути"

— Гм... счастливаго пути! пробормоталъ про себя Семенъ Яков-

левичъ и, покосившись на прыщущее здоровьемъ лицо и смѣющіеся свѣтлые глаза мальчугана, коротко вздохнулъ и тронулъ извощика за плечо... Сани двинулись.

Теперь Семенъ Яковлевичъ больше уже ни о чемъ не думалъ и только съ какою-то болѣзненною зоркостью вглядывался въ мелькавшіе мимо него дома, магазины, въ снующіе мимо экипажи, въ толкавшихся на тротуарѣ людей, мысленно прощаясь со всей этой, когда-то милой ему столичною сутолкой... На углу Загороднаго проспекта и Гороховой ему попались навстрѣчу пустыя похоронныя дроги, съ рыжимъ мужиченкомъ на козлахъ и двумя упившимися факельщиками, сидѣвшими обнявшись на ступенькахъ. Ему набѣжалъ въ голову стишокъ Некрасова:

«Все полно жизни и тревоги,
Всѣ лица блещутъ и цвѣтутъ,
И съ похоронъ обратно дроги
Пустыя весело бѣгутъ...»

— Почемъ знать, невольно подумалось Прозорову,—можетъ быть черезъ три дня на этихъ же самыхъ дрогахъ, именно на этихъ самыхъ, а не другихъ...

Но онъ отогналъ продолженіе своей мысли и сталъ думать о Некрасовѣ. Некрасовъ—кумиръ его юности—когда-то онъ зналъ его всего наизусть и не разъ декламировалъ въ классѣ, въ кругу товарищей, самыя задорныя его строфы... А теперь онъ помнитъ только отрывки... Увы, отъ всего остались одни отрывки—и отъ Некрасова, и отъ завѣтовъ юности!..

Подъѣзжая къ переулку, на уголъ котораго выходилъ его домъ, Прозоровъ еще издали замѣтилъ, на завалинкѣ у воротъ, дворника Трифона, и онъ сейчасъ порѣшилъ подъѣхать не къ парадному подъѣзду, выходившему на улицу, а съ переулка, къ воротамъ, чтобы дать поводъ Трифону заработать лишнюю копѣйку... Этотъ Трифонъ такой славный малый! И—странно—какъ это всегда такъ случалось, что когда Семенъ Яковлевичъ поздно ночью возвращался домой съ чернаго хода—у воротъ непремѣнно караулилъ именно Трифонъ. За послѣднее время Семенъ Яковлевичъ такъ привыкъ къ этому обстоятельству, что когда на мѣстѣ Трифона встрѣчалъ другаго дворника, ему было непріятно и немного какъ будто тоскливо. Собственно Трифонъ былъ дворникъ какъ дворникъ и, разумѣется, былъ премного доволенъ получить отъ барина когда двугривенный, когда парочку, другую папиросъ; но дѣло было тутъ не въ двугривенномъ и не въ даровыхъ папиросахъ, а въ

томъ, *какъ* онъ принималъ это доброе къ нему вниманіе—въ благодушной открытой улыбкѣ, которая тогда освѣщала его грубоватое безусое лицо, въ благодарно мигающихъ глазахъ, въ той совсѣмъ особой предупредительной ласковой манерѣ, съ которой онъ услуживалъ всегда Прозорову. Въ самомъ звукѣ его голоса Семенъ Яковлевичъ чуялъ такую глубоко-сердечную ноту, что ему подчасъ казалось, что этотъ дюжій бѣлобрысый парень въ бараньемъ тулупѣ улавливалъ тяжелую пытку, происходившую въ его, Семена Яковлевича, душѣ—насколько, разумѣется, онъ могъ догадаться о ней черезъ прислугу, всегда усердную въ разглашеніи семейныхъ распрей своихъ господъ – положимъ грубо, по-своему, больше нутромъ, чѣмъ умомъ... но все-таки улавливалъ! Прозорову опять набѣжалъ въ голову обрывокъ изъ Некрасова:

„Въ каждомъ нажиться старанье,
Въ каждомъ продажная честь,
Только подъ шубой бараньей
Сердце хорошее есть...“

Онъ тронулъ извощика за плечо и указалъ ему направо въ переулокъ, къ воротамъ. Сани остановились и Трифонъ, весело предупредительный какъ всегда, кинулся къ панели, чтобъ отстегнуть полость.

— Вотъ что, милый другъ, проговорилъ мягко Семенъ Яковлевичъ, обращаясь къ нему и указывая подъ ноги, на корзину съ закусками:—возьми-ка эту исторію и снеси за мной, на верхъ...

Семенъ Яковлевичъ отпустилъ извощика и направился въ ворота, а Трифонъ понесъ за нимъ корзину. Поднимаясь по лѣстницѣ и, слыша за собою глухіе, дюжіе шаги Трифона, Прозоровъ рѣшилъ про себя: „Чортъ возьми, всучу Трифону вмѣсто какого-нибудь полтинника добрыхъ пять рублей—пусть его хорошенько помянетъ раба Божія Симеона! Положимъ, онъ натрескается до положенія ризъ, но зато натрескается и помянетъ отъ полноты души—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія... Какъ это, однако удивительно все складывается въ нашей интеллигентной жизни: живетъ себѣ человѣкъ, какъ будто бы ничего, какъ слѣдуетъ, имѣетъ жену, дочь, обширный кругъ знакомыхъ и благопріятелей, а умеръ и шабашъ—если и помянетъ кто отъ сердца, то какой-нибудь Трифонъ, который таскаетъ дрова и отворяетъ ворота... Эхъ, куда ни шло, дамъ ему всѣ десять—чего, въ самомъ дѣлѣ, скряжничать, когда часы сочтены!.. Это смѣшно даже!!“

Дойдя за Прозоровымъ до верхней площадки, Трифонъ осто-

рожно опустилъ корзину на земь и хотѣлъ отретироваться, но тотъ знакомъ его остановилъ и, вынимая деньги, взволнованно проговорилъ:

— Вотъ, что, Трифонъ, я того... сегодня именинникъ, такъ вотъ возьми это и помяни меня хорошенько...

Увидѣвъ у себя въ рукѣ красненькую кредитку, Трифонъ снялъ свою баранью шапку и отъ радостнаго ошалѣнія не могъ ни слова выговорить... Семену Яковлевичу вдругъ почему-то захотѣлось заплакать, дружески обнять его и сказать: „Прощай, братъ, Трифонъ... мы съ тобой ужь больше не увидимся!“—Но онъ овладѣлъ собою и сказалъ:

— Ну, ладно, ладно, ступай... да, смотри, хорошенько выпей за мое здоровье!

Трифонъ что-то растроганно залопоталъ, благодарно замигалъ глазами и, держа шапку на-отмашь, нерѣшительно сталъ пятиться съ лѣстницы...

Семенъ Яковлевичъ взялся за ручку звонка и прежде чѣмъ позвонить собрался съ духомъ... Ему теперь представился весь ужасъ его возвращенія: жена съ пучкомъ лентъ на животѣ, дочь, встрѣчающая его фальшиво-умильнымъ привѣтомъ, музыкальныя подруги дочери, которыхъ ему придется смѣшить за обѣдомъ всякимъ вздоромъ, потому ужь такъ принято, что барышенъ надо непремѣнно смѣшить, чтобъ онѣ впослѣдствіи заставили своихъ мужей плакать... А затѣмъ послѣ обѣда—новые гости, цѣлая толпа гостей, потомъ ужинъ, тосты... Да, ему предстоитъ теперь великій и тяжкій надрывъ... *Послѣдній надрывъ*, слава Богу! утѣшилъ себя Прозоровъ, дергая звонокъ.

VII.

Къ девяти часамъ стали собираться гости...

На журфиксахъ у Прозоровыхъ господствовала обыкновенно самая пестрая толкотня, но именины Семена Яковлевича отличались болѣе строгимъ характеромъ и блистали присутствіемъ такъ называемыхъ „литературныхъ извѣстностей“.

Подобно тому, какъ существуетъ два рода писателей — писатели „по призванію“ и писатели „по недоразумѣнію“ — точно также процвѣтаетъ и два сорта извѣстностей: однѣ, которыхъ читаютъ *до* обѣда, для поученія и другія, которыхъ читаютъ *послѣ*

обѣда, для пищеваренія: и тогда, какъ извѣстность первыхъ является, такъ сказать, сама собой, помимо ихъ воли—извѣстность вторыхъ достигается возможно частымъ и настойчивымъ наполненіемъ воздуха звуками ихъ собственныхъ именъ и фамилій.

Вотъ эти-то втораго рода „послѣ-обѣденныя извѣстности“ и удостоили своимъ присутствіемъ именинный вечеръ Семена Яковлевича Прозорова. То были: критикъ и публицистъ Сушилинъ, народная писательница Нина Гриневичъ, поэтъ Орестъ Воропаевъ и романистъ Коссовъ-Кокосовъ. Въ виду ихъ неотвратимой извѣстности, позвольте вамъ ихъ отрекомендовать нѣсколько подробнѣе.

Почему, напримѣръ, пользовался извѣстностью критикъ Сушилинъ—рѣшительно затруднительно отвѣтить. Это былъ просто на просто очень скучный господинъ, въ черномъ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ... и ничего болѣе. Единственный странный даръ, которымъ онъ былъ отмѣченъ отъ рожденія — это былъ даръ все видѣть сквозь свои золотыя очки совершенно навыворотъ, т. е. проходить бодро мимо всякаго истиннаго таланта и ребячески восторгаться всякою назойливо-вынырнувшею бездарностью. Такое странное устройство мозговаго полушарія не только не помѣшало ему сотрудничать въ одномъ большомъ журналѣ и одной большой газетѣ, но даже содѣйствовало къ написанію и изданію нѣкой увѣсистой книги, заключавшей въ себѣ исторію новѣйшей прозы и поэзіи, подъ общимъ знаменательнымъ заглавіемъ: „Лучи и Тучи“. Въ зависимости отъ заглавія и сама книга внутреннимъ образомъ распадалась на двѣ части: тѣ писатели, которые дружили съ Сушилинымъ и подыгрывались къ его направленію, были благосклонно отнесены въ отдѣлъ „Лучей“: а тѣ, которые не дружили, не подыгрывались—мстительно были занесены, на позоръ потомству, въ рубрику „Тучъ“.

Родная племянница Сушилина—Нина Гриневичъ, поэтъ Воропаевъ и романистъ Коссовъ-Кокосовъ счастливо фигурировали въ завѣтномъ отдѣлѣ „Лучей“. Въ чемъ же однако заключалась „лучистость“ этихъ послѣднихъ? Въ особенности лучистость Нины Гриневичъ имѣла очень таинственное происхожденіе и, какъ поговаривали за литературными кулисами, вѣрнѣе должна была быть отнесена къ ея большимъ, дѣтски-наивнымъ глазамъ, чѣмъ къ ея небольшимъ и также дѣтски-наивнымъ литературнымъ трудамъ. Она была замужемъ за очень хорошимъ человѣкомъ и жила довольно благополучно, когда однажды совершенно нечаянной ей

пришлось перехватить любовную переписку своей кухарки съ ефрейторомъ сосѣдней казармы. Эта самая переписка и послужила г-жѣ Гриневичъ счастливымъ предлогомъ, чтобы попасть въ непродолжительномъ времени въ отдѣлъ „Сушилинскихъ Лучей". Слегка подправить чужія письма и придумать любовной исторіи трагическій конецъ не представляло большой трудности и еще меньше того представляло затрудненія воздѣйствовать лучистыми глазами на своего недалекаго дядюшку. Словомъ, спустя какіе-нибудь два-три мѣсяца г-жа Гриневичъ сдѣлалась извѣстнымъ авторомъ „Настасьиной присухи" и, по увѣренію Сушилина, „симпатичнѣйшею народною писательницей", а спустя полгода скороспѣлая народная симпатія уже пришла къ выводу, что законное супружество мѣшаетъ ей „умственно возвышаться", и она переселилась для послѣдней высокой цѣли къ публицисту Сушилину.

Въ отличіе отъ Нины Гриневичъ, по выраженію того же Сушилина, „рѣдко баловавшей публику своими прелестными блюетками", поэтъ Орестъ Воропаевъ и романистъ Коссовъ-Кокосовъ писали очень много, неимовѣрно много, можно сказать, подавляюще много, какъ бы инстинктивно опасаясь, что ежели они не будутъ напоминать публикѣ о своей извѣстности одиннадцать мѣсяцевъ въ году, то на двѣнадцатомъ ихъ могутъ предательски забыть вовсе.

Очень странный экземпляръ былъ этотъ Орестъ Воропаевъ. На того, кто его видѣлъ въ первый разъ и, разумѣется, не могъ знать, что это былъ очень пронырливый практикъ, аккуратнѣйшій до педантизма во всѣхъ мелочахъ своей жизни, онъ прямо производилъ впечатлѣніе нетрезваго человѣка, благодаря своему никогда не остывающему восторженному состоянію. Это былъ вѣчный, какой-то оглашенно-разъяренный восторгъ предъ рѣшительно всѣмъ, что только ни попадалось ему на глаза, неизмѣнно сопровождаемый каскадомъ самаго фразистаго и смутнаго краснорѣчія. Встрѣчаетъ, напримѣръ, Орестъ Воропаевъ на своемъ пути довольно обыкновенную придорожную липу, онъ сейчасъ же восторженно вскидываетъ головой, глазами, волосами, всѣмъ, чѣмъ возможно, и начинаетъ вопіять: „Боже, какая липа! О, посмотрите, что за чудная липа предъ вашими глазами! Я обѣщаю тебѣ, прелестная липа, посвятить дивныя строки... въ слѣдующемъ нумерѣ *Иллюстраціи!* и т. д. Видитъ онъ, положимъ, въ вашемъ кабинетѣ заурядную олеографію, изображаю-

щую морской берегъ—опять новые восторги: „О, я не въ силахъ видѣть этой лучезарной картины природы! Я чувствую — мнѣ душно среди этихъ пошлыхъ каменныхъ стѣнъ и хочется скорѣе на просторъ, на этотъ чарующій невѣдомый берегъ! Ахъ, оторвите меня, оторвите отъ этой волшебной картины!“ и т. п. А случись теперь услыхать ему въ концертѣ какую-нибудь сносную, миловидную пѣвицу—конецъ:—его поэтическое изступленіе перейдетъ всякія человѣческія границы. Воропаевъ въ антрактѣ поймаетъ какого-нибудь добраго знакомаго, ухватитъ его за пуговицу сюртука и, мотая своею лѣпокудрою головой, начнетъ выкликивать:—„Гдѣ я? О, скажите мнѣ, гдѣ я? На небесахъ или на землѣ?! Я ничего не вижу и не понимаю, и только чувствую, что какой-то райскій голосъ чудно баюкаетъ мою измученную душу! О, за одну улыбку этой чародѣйки я готовъ, не задумываясь, пожертвовать моею презрѣнною свободой! Готовъ сейчасъ же умчаться на край свѣта, куда бы она ни позвала меня, моя свѣтлая богиня!! и проч. и проч.—Несмотря однако на таковыя частые и восторженные обѣты, поэтъ всегда ложился спать ровно въ одиннадцать часовъ и если дѣлалъ исключенія изъ этого правила, то лишь въ очень рѣдкомъ случаѣ... въ случаѣ именинъ, напримѣръ, вліятельнаго фельетониста въ родѣ Прозорова. Нечего и говорить, что стихи Воропаева, собранные воедино въ трехъ изящныхъ томикахъ подъ общимъ заглавіемъ „Отзвуковъ вселенной“, были такъ же фразисты и притворны, какъ всѣ его восторги; но это, однако, ни мало не воспрепятствовало г. Сушилину отмѣтить Ореста Воропаева въ исторіи новѣйшей поэзіи, „какъ счастливѣйшаго и достойнѣйшаго воспріемника Пушкинскаго стиха“.

Если Воропаевъ производилъ на посторонняго впечатлѣніе сильно нетрезваго человѣка, то романистъ Коссовъ-Кокосовъ со своими черными тревожно блуждающими глазами, нервными суетливыми движеніями и отрывистой торопливой рѣчью прямо напоминалъ собою бѣглеца изъ дома умалишенныхъ. Зачастую, съ кѣмъ-нибудь бесѣдуя, онъ вдругъ обрывалъ фразу на полусловѣ, выдергивалъ изъ боковаго кармана записную книжку и быстро что-то записывалъ (вѣроятно внезапно осѣнившую его новую геніальную идею!) и потомъ, продолжая разговоръ, косился на своего собесѣдника тѣмъ недобрымъ лихорадочнымъ взглядомъ, который какъ бы хотѣлъ сказать: „Вотъ я съ вами толкую битыхъ двадцать минутъ, а понимаете ли вы, милостивый государь, что вы меня безсовѣстнѣйшимъ

образомъ обкрадываете, потому что въ эти двадцать минутъ я бы успѣлъ написать добрую сотню строкъ, что по самому грошовому разсчету составило бы"... и т. д. И вся его фигура, съ нервическимъ подергиваніемъ плечъ и какимъ-то зудотѣшнымъ потираніемъ рукъ, какъ бы подтверждала: „Ахъ, некогда мнѣ, господа, ни говорить, ни спорить, ни чувствовать, ни сочувствовать—совсѣмъ некогда! Надо писать, писать и писать!!" Походило на то, какъ будто г. Коссовъ-Кокосовъ отнюдь не добивался авторской славы, а просто взялъ въ Думѣ тайный подрядъ вымостить въ извѣстный срокъ весь Невскій, вмѣсто торца, томами своихъ собственныхъ произведеній.—Если какая-нибудь психопатка поклонница Коссова-Кокосова—увы, таковыя были!—откровенно допрашивала его, въ какомъ именно романѣ выведена знакомая ей Анна Николаевна или всѣми уважаемый Павелъ Петровичъ, онъ также совершенно откровенно отвѣчалъ: „Не помню... рѣшительно не помню! Я такъ много творю, что не имѣю физической возможности помнить, что собственно я творю!" И благодарная публика платила ему тѣмъ же, т. е. рѣшительно ничего не помнила изъ того, что онъ творилъ и сплошь смѣшивала г. Коссова-Кокосова съ другимъ такимъ же „торцовымъ" романистомъ г. Недовѣсковымъ-Недоносковымъ.

Помнилъ его безчисленныя произведенія только одинъ Сушилинъ и не только помнилъ, но даже умудрился открыть между ними какую-то историко-психологическую связь и отрекомендовать ихъ читателямъ въ качествѣ „драгоцѣннаго свитка для изученія общественно-культурныхъ типовъ новѣйшаго времени".—Связь между ними дѣйствительно была, но только не историческая и не психологическая а, такъ-сказать, физіологическая: для его многихъ романовъ нужны были, разумѣется, многія героини (героемъ былъ всегда онъ самъ), а такъ какъ изученіе ихъ общественно-культурныхъ типовъ неизмѣнно происходило въ отдѣльныхъ кабинетахъ лучшихъ ресторановъ, то реализмъ его романовъ доставался ему не дешево и невольно заключалъ автора въ роковой бѣговой кругъ отъ будуара до гонорара и обратно.

Вотъ каковы были въ натурѣ эти извѣстности, наполнявшія воздухъ своими именами, литературное собраніе—своимъ присутствіемъ и столбцы газетъ и журналовъ—своими писательскими небылицами.—Кромѣ нихъ, удостоили еще именины своимъ благосклоннымъ появленіемъ: извѣстный, даровитый артистъ Сапу-

новъ, во фракѣ и съ какою-то брилліантовой аллегоріей въ петлицѣ, и артистка Пилсудская, мало даровитая, но за то съ очень смѣлымъ вырѣзомъ на груди и на спинѣ.

Изъ „простыхъ смертныхъ“ явилась на вечеръ, между прочимъ, пресловутая Жозефина Антоновна, по мужу генеральша Шолохова, грудастая дама съ глазами совы, въ гудѣвшемъ шафранномъ платьѣ, съ брилліантовымъ полумѣсяцемъ въ заграничной косѣ, художественно загримированная на десять лѣтъ моложе своей сущности. Явилась она, по обыкновенію, безъ мужа, подъ руку съ своимъ единственнымъ сыномъ Леонидомъ — Лулу Шолоховымъ, какъ его почему-то окрестили въ тѣсномъ кругу знакомыхъ. Лулу Шолоховъ оканчивалъ „правовѣдѣніе“, обладалъ красивою наружностью и пріятнымъ теноромъ и, имѣя успѣхъ на любительскихъ спектакляхъ, колебался между судейскимъ стуломъ и опереточными подмостками. Мать, разумѣется, души въ немъ не чаяла и, будучи сама сторонницей безпечальной жизни, одинаково восхищалась его успѣхами и на высотахъ свѣта и въ долинѣ полусвѣта.

Кромѣ этихъ главныхъ персонажей, явилось еще нѣсколько, если такъ можно выразиться, „журфиксныхъ статистовъ“ и въ числѣ ихъ новоприглашенные: поручики Кольманъ и Баташевъ.— Насчетъ послѣднихъ особенно распространяться, впрочемъ, не приходится; поручикъ Кольманъ просто былъ статный брюнетъ, съ превосходными усами, не промахъ плотно закусить и не дуракъ выпить, а Баташевъ отличался отъ товарища лишь тѣмъ, что былъ блондинъ и усами не обладалъ.

Всего собралось человѣкъ до двадцати.

VIII.

Несмотря на то, что большинство гостей было между собой давно знакомо, разговоръ вязался сначала довольно туго и — какъ это всегда бываетъ въ обществѣ, соединенномъ искусственно и лишенномъ живыхъ интересовъ—вертѣлся механически на совершенно безучастныхъ и избитыхъ фразахъ:

— Правда, что Кунавина сходитъ со сцены?

— Не думаю. Дирекція ея ни за что не отпуститъ!

— Вамъ нравится Фигнеръ въ *Пиковой Дамѣ?*

— Не скажу... Безъ бороды онъ сильно теряетъ.

— Видѣли вы Савину въ *Татьянѣ Рѣпиной?*

— Видѣла. Платье перваго акта удивительно!

— А слышали вы Мазини и Зембрихъ въ *Травіатѣ?*

— Нѣтъ.

— Ну, значитъ, вы ничего не слышали. Поразительно!! и т. п.

Въ залѣ, гдѣ столпились вначалѣ всѣ гости, стояло какое-то скучливое, томительно однообразное гудѣніе, прислушиваясь къ которому Прозоровъ невольно подумалъ про себя: „Господи, и для чего только люди себя мучаютъ? Ну, чтобы казалось—ужь если дѣло пошло на безсмысленную условность—согласиться разъ навсегда кавалерамъ говорить что-нибудь одно, въ родѣ: „ро-ро-ро!“, а дамамъ посылать въ отвѣтъ, напримѣръ: „ра-ра-ра!“. И не надобно бы было придумывать для приличія ни Фигнера, ни Савиной, ни *Травіаты*. Вышло бы просто, и мило:

— Ро-ро-ро, Марья Ивановна?

— Ра-ра-ра, Иванъ Ивановичъ! и т. д.

А затѣмъ — „пожалуйте ужинать?“ — И дѣло въ шляпѣ.

Но гости, разумѣется, до этого открытія еще не додумались и тоскливое гудѣніе продолжалось. Въ концѣ-концовъ, чтобы нѣсколько расшевелить журфиксныхъ людей, пришлось прибѣгнуть къ обычному въ такихъ случаяхъ „журфиксному вспрыскиванію“ и пустить въ ходъ пѣніе, чтеніе и музыку. „Вспрыскиваніе“ началось съ того, что Ольга Петровна, восхищавшаяся послѣднимъ концертомъ Антона Рубинштейна, вдругъ стала восторгаться талантомъ Роберта Клименталя, учителя Зины, и успѣхами этой послѣдней на поприщѣ фортепіанства. Разумѣется, гости стали просить Зинаиду Прозорову что-нибудь сыграть; разумѣется, та стала отказываться и, разумѣется, послѣ цѣлаго ряда журфиксныхъ ужимокъ и улыбокъ сыграла неотвратимое „Impromptue“ Клименталя. Вслѣдъ за музыкальною инквизиціей, наступила еще болѣе злодѣйская — инквизиція литературная: другими словами, неистовый поэтъ Воропаевъ осчастливилъ публику неистовой и не совсѣмъ внятной декламаціей двухъ своихъ стихотвореній.—Сначала онъ прочелъ свое новое и нигдѣ еще не напечатанное стихотвореніе: „Я обнялъ міръ—и не нашелъ отрады!“ и затѣмъ на bis—свое извѣстное и давно напечатанное: „Мой стихъ — это отзвукъ вселенной!“—Хотя ему, какъ и Зинѣ, много апплодировали, но, когда послѣ „отзвуковъ вселенной“ на сцену выступилъ Лулу Шолоховъ съ моднымъ цыган-

скимъ романсомъ—лица всѣхъ гостей замѣтно просвѣтлѣли. — Лулу Шолоховъ цыганилъ очень удачно, и ему пришлось спѣть не одинъ, а цѣлыхъ три романса, а въ заключеніе, по настоянію публики, онъ прекомично прогнусавилъ пикантную французскую шансонетку: „Ne me chatuoillez pas“, съ успѣхомъ копируя г-жу Жюдикъ и съ похвальнымъ тактомъ изображая различныя пріятности любовнаго щекотанія.

За это щекотаніе интеллигентныхъ нервовъ Лулу былъ награжденъ громомъ единодушныхъ рукоплесканій и окончательно расшевелилъ публику: разговорная интеллигентная машина, какъ бы смазанная французскимъ масломъ, пошла теперь дѣйствовать быстрѣе и непринужденнѣе. — Ольга Петровна сообразила, что теперь насталъ самый удобный моментъ, чтобы подогрѣть настроеніе китайскимъ чаемъ и дипломатично мигнула показавшейся въ дверяхъ залы Аннушкѣ.

Невинное раздѣленіе во вкусахъ, то-есть употребленіе чая съ лимономъ, сливками, коньякомъ и пр., до нѣкоторой степени какъ бы содѣйствовало раздѣленію гостей на партіи, и многолюдное общество незамѣтно раздробилось на разговорныя группы, въ большей части своей перекочевавъ изъ залы въ столовую, гостиную и кабинетъ Семена Яковлевича.

А что же, виновникъ торжества, Семенъ Яковлевичъ? Съ виду онъ выглядѣлъ настоящимъ именинникомъ: сюртукъ на немъ былъ съ иголочки, въ изящномъ галстукѣ играла бриллiантовая булавка, онъ былъ тщательно причесанъ и надушенъ и, по именинному обыкновенію, весело острилъ и привѣтливо улыбался. Только очень тонкій наблюдатель могъ бы, пожалуй, примѣтить какъ въ углахъ его губъ и въ глубинѣ его воспаленныхъ глазъ промелькивало изрѣдка что-то такое неуловимо-скорбное, предательски намекавшее на мужественно затаенную внутреннюю пытку. И это внутреннее страданіе сдѣлалось теперь настолько остро-сложно, душевно-расплывчато, что Семенъ Яковлевичъ терялся самъ въ лабиринтѣ своихъ собственныхъ ощущеній. Ему было какъ-то смѣшно, странно, что онъ сегодня именинникъ и что у него гости, и, расхаживая между нихъ, ему представлялось теперь, что это вовсе не гости, а какіе-то совсѣмъ чуждыя китайскія тѣни, пьющія китайскій чай и болтающія китайски непонятныя рѣчи.—Тѣмъ не менѣе Прозоровъ по возможности себя переспливалъ и старался быть любезнымъ во что бы то ни стало. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату, отъ группы

къ группѣ и тамъ и сямъ вставлялъ одно, другое острое словцо, къ великой досадѣ своей излишне волнуясь и, вмѣсто увеселительной остроты, впадая противъ воли въ злую иронію.

По пословицѣ „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“, каждая группа гостей имѣла свой особенный разговоръ, очень характерный для господъ и госпожъ разговаривающихъ. Въ гостиной, гдѣ сосредоточились по преимуществу дамы, овладѣла бесѣдой Нина Гриневичъ, повѣствовавшая о своемъ лѣтнемъ пребываніи у тетки въ какомъ-то уѣздномъ городѣ.

— Я всегда говорила, писала и буду писать, ораторствовала она:—что жить въ провинціи интеллигентному существу немыслимо! Я прожила у тетки, въ Лукоморѣ, какія-нибудь двѣ недѣли и такъ настрадалась, что дала себѣ слово—больше ни ногой на мою милую родину! Вѣрите ли, mesdames, тамъ нѣтъ перваго условія здороваго интеллигентнаго существованія—нѣтъ супу!

— Нѣтъ супу?! почти взвизгнули въ унисонъ Ольга Петровна и Жозефина Антоновна, имѣвшія о провинціи такое же смутное понятіе, какъ о лунѣ.

— Да, можете себѣ представить, нѣтъ обыкновеннѣйшаго супа съ французскими корешками... вотъ который мы ѣдимъ здѣсь каждый день. А все какія-то невозможныя похлебки... Ну, это бы еще ничего — Богъ съ ней съ животной пищей, лишь бы была духовная! Но и ея нѣтъ, такъ какъ рѣшительно не съ кѣмъ разговорить во всемъ городѣ, не съ кѣмъ живаго слова молвить!.. Просто хоть умирай со скуки!!

Въ серединѣ монолога г-жи Гриневичъ въ гостиную вошелъ Прозоровъ и счелъ своею обязанностью вмѣшаться въ разговоръ.

— Позвольте полюбопытствовать: въ какомъ это городѣ нечего ѣсть и не съ кѣмъ разговаривать?

— Въ Лукоморѣ! отвѣтила Нина Гриневичъ, устремивъ на него наивно-печальные глаза.

— Однако, насколько я слышалъ, это торговый и довольно оживленный городъ... Да, вотъ вамъ, полуусмѣхнулся Семенъ Яковлевичъ, доставая съ этажерки календарь и, раскрывъ привычною рукой нужную страницу, прочелъ: „Гор. Лукоморъ, 20.000 жителей“. Помилосердствуйте, 20.000 — и вдругъ не съ кѣмъ разговаривать?!

— Я подразумѣваю разговоръ не о прованскомъ маслѣ, а о высшихъ умственныхъ вопросахъ! съ достоинствомъ отпарипро-

вала Грпневичъ и добавила:—Однако какой вы злой... настоящій „Анчаръ“!! Она кокетливо погрозила Прозорову пальцемъ и, обращаясь къ дамамъ, подавленнымъ ужасами провинціальной жизни, продолжала:

— И потомъ, на мое несчастіе, въ городѣ ожидали холеру и все носили по домамъ какую-то икону... какую собственно, ужь не умѣю вамъ сказать. Словомъ, это мѣстный обычай и — bon gré, mal gré — пришлось прикладываться наровнѣ со всякимъ сбродомъ. А вы знаете, вѣдь по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это прямая зараза! — Нина Грпневичъ наклонилась сначала къ уху Ольги Петровны, а потомъ къ уху Жозефины Антоновны и нашептала имъ объ опасности иконы что-то необычайное, заставившее обѣихъ дамъ покраснѣть сквозь пудру.

— Grand Dieu, сколько еще этихъ préjujés когенится въ русскомъ народѣ!! сокрушенно прокартавила Жозефина Антоновна.

— Ахъ, не говорите, chère amie! сочувственно вздохнула Ольга Петровна.—Да вотъ, чего ближе—моя кухарка Агафья... Когда, послѣ смерти Пети (при этомъ упоминаніи Семенъ Яковлевичъ вздрогнулъ и уткнулся въ календарь), мы переѣхали со Шпалерной въ Измайловскій полкъ—въ кабинетъ къ Simèon, черезъ форточку, влетѣла какая-то черная птица... А Агафья вдругъ переполошилась и рѣшила, что быть въ этой квартирѣ большому несчастью. — И вотъ, какъ видите, живемъ шестой годъ... и ничего! —Прозорова снисходительно улыбнулась и пододвинула дамамъ бонбоньерку съ абрикосовскими тянушками. Дамы тоже снисходительно улыбнулись и взяли себѣ абрикосовскихъ тянушекъ.

„А вѣдь Агафья, mesdames, права!“ готово было вырваться у Прозорова, но онъ ограничился тѣмъ, что закрылъ календарь, положилъ на мѣсто и перешелъ изъ гостиной въ столовую, гдѣ Аннушка съ наемнымъ лакеемъ уже хлопотала около имениннаго стола.—Въ углу столовой, среди благоговѣйнаго молчанія нѣсколькихъ журфиксныхъ статистовъ и статистокъ, ораторствовали артистъ Сапуновъ и артистка Пилсудская. — Первый пояснялъ мужчинамъ, что истиннымъ талантамъ нынче нечего играть и сцена падаетъ съ каждымъ днемъ, а вторая доказывала дамамъ, что единственная причина паденія театра—это актриса Персикова, которая держитъ въ рукахъ и публику и авторовъ. Семенъ Яковлевичъ отлично зналъ, что актеръ Сапуновъ, которому не-

чего было играть, аккуратно каждую осенью заказывалъ, одновременно съ новою парой платья, новую піесу для своего бенефиса извѣстному передѣлывателю и что актриса Пилсудская всѣми правдами и неправдами добивалась занять завидное положеніе своей соперницы артистки Персиковой.—Зная все это, онъ равнодушно простоялъ нѣсколько минутъ посреди столовой и намѣревался пройти далѣе, въ залу, когда Пилсудская его окликнула:

— Семенъ Яковлевичъ! Мнѣ непремѣнно хочется знать ваше откровенное мнѣніе, какъ литератора...

— Что прикажете?

— Вотъ вы, который такъ ратуете о выгодѣ публики и авторовъ,—за какой собственно театръ вы стоите: за казенный или за частный?

Прозоровъ пожалъ плечами и съ тонкою улыбкой проговорилъ:

— Если вы хотите знать мое откровенное мнѣніе,—за... „театръ маріонетокъ“! И авторы и публика остались бы въ наибольшей выгодѣ!

И прошелъ въ залу.

— Вы ужасный человѣкъ! крикнула ему вслѣдъ Пилсудская, и въ столовой послышались затѣмъ раскаты ея натянутаго, театральнаго смѣха.

Посреди залы позировали двѣ послѣ-обѣденныя извѣстности. Орестъ Воропаевъ и Коссовъ-Кокосовъ, и о чемъ-то горячо дебатировали, по ораторски размахивая руками. Въ углу залы, на диванѣ, поручики Кольманъ и Баташевъ блудливо шушукались съ Лулу Шолоховымъ, разсказывавшимъ повидимому какія-нибудь скабрезныя новости изъ жизни полусвѣта. Завидѣвъ Семена Яковлевича, юный Шолоховъ фамиліарно весело воскликнулъ: „А, васъ-то намъ и надо!“ Прозоровъ слегка нахмурился, но подошелъ.

— Скажите, пожалуста, что за субъектъ пишетъ *у васъ* подъ рубрикой „Тайны петербургскихъ будуаровъ“? вопросилъ Лулу и воззрился на Прозорова нагло смѣющимися глазами.

— А вамъ на что?

— Чтобы поблагодарить автора... Очень даровито и обстоятельно пишетъ. Напримѣръ, во вчерашнемъ нумерѣ газеты, гдѣ онъ описываетъ свое интервью со шведкой Матильдой, онъ даже. мимоходомъ, адресъ ея сообщилъ. Намъ, холостымъ молодымъ людямъ это, знаете, такъ на руку! И юный Шолоховъ обмѣ-

нялся съ поручикомъ Баташевымъ такимъ многозначительнымъ взглядомъ, который выдавалъ безъ словъ, что и они тоже имѣли интервью у Матильды. И всѣ трое разсмѣялись: Лулу и Баташевъ очень громко и искренне, а Кольманъ сдерженно и неискренне. Семенъ Яковлевичъ вопросительно исподлобья оглянулъ Кольмана и, въ отвѣтъ, поймалъ тотъ полу-насмѣшливый, полусмущенный взглядъ, который предательски обнаруживалъ, что поручику Кольману въ настоящее время *не за чѣмъ* бывать у Матильды. Семенъ Яковлевичъ опустилъ глаза, скривилъ ротъ для улыбки и съ приторнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ.

— Рубрику ведетъ нѣкій еврей Штукенбергъ, порядочная дрянь!.. „Такая же, какъ вы всѣ!“ хотѣлось очень ему добавить, но онъ ограничилъ свою мстительность тѣмъ, что еще разъ значительно оглянулъ поручика Кольмана и отошелъ въ сторону Воропаева и Кокосова.

— Нѣтъ, мы еще ужасно отстали отъ Европы, непростительно отстали! горячился романистъ.—По-моему, даже ваша прославленная машинка Ремингтона рѣшительно никуда не годится... По-моему, надо бы такъ изобрѣсти, чтобы пропадало какъ можно меньше времени! Отчего бы такія общеупотребительныя фразы, безъ которыхъ романисту немыслимо обойтись, какъ, напримѣръ: „Боже, какъ я васъ люблю“, „Сердце ея забилось усиленно“, „Его охватила лихорадка страсти“ и т. п.—не имѣть бы въ машинкѣ прямо готовыми наравнѣ съ алфавитомъ. Это бы значительно облегчило работу творческаго духа!.. Какъ на вашъ взглядъ? обратился онъ къ Прозорову, замѣтя, что тотъ стоитъ подлѣ и слушаетъ. Семенъ Яковлевичъ сдѣлалъ надъ собой нѣкоторое усиліе, чтобы сохранить серьезность въ лицѣ и искусственно-дѣловитымъ тономъ отвѣчалъ.

— На мой взглядъ, дѣло можно устроить гораздо проще!

Глаза романиста заблестѣли.

— Это же какимъ образомъ?

— А такимъ образомъ, что вамъ даже не понадобится имѣть при себѣ ни машинки, ни пера, ни чернилъ. Положимъ, вы приходите въ редакцію и заявляете, что у васъ въ головѣ идея новаго романа... Разъ идея редактору на руку, вы тутъ же, на мѣстѣ, подходите къ телефону и, соединивъ его съ типографіей редакціи, прямо телефонируете первую главу новаго произведенія. Въ наше время изобрѣтенія идутъ такимъ быстрымъ шагомъ, что въ этой системѣ едва ли представится затрудненіе для типо-

графіи. Ну, а разъ вы протелефонировали главу—вы тутъ же получаете мзду, которой и можете немедля воспользоваться, не теряя времени, въ сосѣднемъ ресторанѣ. Завтра вы телефонируете новую главу и т. д., принимая, разумѣется, въ разсчетъ, что никто не можетъ вамъ воспрепятствовать телефонировать въ одинъ день хоть въ десяти редакціяхъ. Недурно, не правда ли?

— Это не только недурно, но прямо геніально придумано! осклабился романистъ и, вынувъ записную книжку, сталъ что-то быстро записывать. Орестъ Воропаевъ сначала ничего не нашелся возразить, но вдругъ запримѣтивъ, что на порогѣ залы показались двѣ миловидныя барышни и молоденькій студентикъ въ дымчатыхъ очкахъ и любопытствующее на него уставились, разразился неожиданно стремительнымъ каскадомъ фразъ:

— О, что до меня, возопилъ Воропаевъ:—я давно проклялъ въ душѣ моей и перья, и машинки и чернила! Я не могу не возмущаться духомъ, видя какъ лучшіе перлы моихъ поэтическихъ полетовъ должны считаться съ прозаическими орудіями мертваго канцеляризма! Я не могу съ этимъ мириться, я не хочу!!

— Чего-жь бы вы собственно хотѣли? сдерживая усмѣшку спросилъ Прозоровъ. Воропаевъ слегка даже подскочилъ отъ охватившаго его экстаза.

— Я бы хотѣлъ имѣть въ рукахъ звонкую лиру и брянать на ея серебряныхъ струнахъ и беззаботно пѣть, какъ соловей подъ открытымъ небомъ, предъ благоговѣйно безмолвствующей толпой народа!!

Безмолвствующая толпа, въ образѣ студентика въ дымчатыхъ очкахъ и миловидныхъ барышенъ, хотя внимала благоговѣйно возвышеннымъ рѣчамъ поэта, но, судя по выраженію лицъ, очевидно рѣшительно не понимала ихъ человѣческаго смысла.

— „Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?!“ пробормоталъ про себя, какъ Чацкій, Семенъ Яковлевичъ, начинавшій чувствовать, что нервы его натянулись до послѣдней степени и могли каждую минуту ему измѣнить. Онъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу—широкую, темную, дремавшую какъ въ саванѣ въ своей снѣговой пеленѣ. Ему почему-то вдругъ вспомнилось выраженіе Достоевскаго, что Петербуръ „самый умышленный и отвлеченный городъ въ свѣтѣ“. Если это такъ, подумалъ про себя Прозоровъ,—то его сегодняшніе гости, конечно, самые умышленные люди въ свѣтѣ, до смѣшнаго отвлеченные въ своей мнимо-серьезной болтовнѣ отъ всякой дѣйствительной жизни, отъ русской

въ особенности... Ну, а онъ самъ, г. Анчаръ, со своими безпечальными фельетонами — не живое развѣ зеркало ихъ всѣхъ — умышленно-злорадныхъ, отвлеченно-индиферентныхъ, безцѣльно-глумливыхъ?! Наконецъ-то онъ избавится отъ этихъ умышленныхъ людей, и отъ своихъ докучливыхъ угрызеній, отъ всего, отъ всего!.. О, теперь скоро, скоро!!.

Семенъ Яковлевичъ вдругъ вспомнилъ, что, поглощенный своею внутреннею тревогой, онъ позабылъ объ одной очень существенной внѣшней формальности, т.-е. позабылъ написать на клочкѣ бумаги ту неизбѣжную обидно-банальную фразу, которая какъ бы является послѣднимъ знакомъ вѣжливости по отношенію къ окружающимъ... Да, надо поспѣшить исправить скорѣй эту непростительную оплошность!

Онъ отошелъ отъ окна и, незамѣтно для гостей, проскользнулъ въ кабинетъ.

Но онъ попалъ, что называется, изъ огня да въ полымя: въ кабинетѣ, у его письменнаго стола, предъ раскрытою книгой толстаго журнала, съ сигарой въ зубахъ, сидѣлъ самый умышленный изъ умышленныхъ людей—публицистъ Сушилинъ.—При входѣ Прозорова онъ поправилъ на носу очки и полуобидчиво прогнусавилъ:

— Представьте, какая со мной непріятность?—Вижу у васъ на столѣ послѣднюю книжку *Созерцателя* съ моею новою статьей, раскрываю и нахожу возмутительнѣйшую опечатку въ мірѣ... вотъ, страница 105... У меня сказано: „Тоска подъѣдаетъ все болѣе и болѣе европейскую культуру“, а здѣсь вдругъ напечатано: „*Москва* подъѣдаетъ... европейскую культуру“. А, какъ вамъ это покажется?!

— Ну, такъ что-жь такое? почти дерзко отвѣтилъ Прозоровъ. Сушилинъ со своею глупою опечаткой казался ему теперь чѣмъ-то въ родѣ водевильнаго дядюшки.

— Какъ, что-жь такое? удивленно уставился на него Сушилинъ: — вы забываете, милѣйшій, что московская клика можетъ обернуть этотъ несчастный промахъ въ свою пользу, а я вовсе не желаю ни прямо, ни косвенно поблажать славянофильскимъ вождѣленіямъ!

Прозоровъ невольно смягчился при видѣ таковаго очевиднаго слабоумія и спросилъ:

— Виноватъ, а какъ называется статья?

— Мм... статья? *Наша психическая неуравновѣшанность.*

Семенъ Яковлевичъ насмѣшливо сжалъ губы и, глядя на критика исподлобья, процѣдилъ:

— Любопытно, чѣмъ же вы объясняете... *нашу* психическую неуравновѣшанность?

Сушилинъ опять поправилъ очки и глубокомысленно прогнусавилъ:

— Очень просто: наличностью невропатической почвы съ одной стороны и давленіемъ элементовъ наслѣдственности съ другой!

„Экій, ты братецъ, оселъ!“ чуть было не кинулъ ему прямо въ лицо Прозоровъ и непремѣнно бы кинулъ — до того вдругъ разошлись его нервы — еслибъ въ эту минуту не появилась на порогѣ кабинета Ольга Петровна и не замигала значительно мужу.

— Simèon, таинственно зашептала она, когда тотъ подошелъ: — я думаю, велѣть подавать ужинъ. Ты знаешь, Орестъ Михайловичъ никогда не остается поздно, и потомъ monsieur Коссовъ собирается еще куда-то... Я думаю, чѣмъ скорѣе со всѣмъ этимъ покончить, тѣмъ лучше?

— Разумѣется... *чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!* пробормоталъ онъ сквозь зубы и такъ злобно взглянулъ на жену, что она даже отшатнулась.

— Что это, какъ ты на меня смотришь?

— Ничего! поправился онъ, натянуто улыбнувшись и, обращаясь къ Сушилину, согбенному надъ своею „славянофильскою опечаткой“, проговорилъ:—Андроникъ Лукичъ... милости просимъ закусить?

Андроникъ Лукичъ молча поклонился, поспѣшно затушилъ сигару и поднялся съ кресла.

— Simèon... а ты что же?

— Мнѣ надо захватить съ собой папиросы... я сейчасъ!

Ольга Петровна пожала плечами и, любезно кивнувъ Сушилину, прослѣдовала подъ руку съ послѣднимъ въ залу.

Теперь терять нельзя было ни минуты! Но какъ на зло, въ виду гостей, чьей-то благодѣтельною рукой все на столѣ было тщательно прибрано и Прозоровъ не могъ найти подъ рукой ни клочка бумаги. Онъ торопливо выдвинулъ ящикъ, и ему бросилась въ глаза заложенная въ книгѣ карточка Пети. Семенъ

Яковлевичъ невыразимо обрадовался этой вдвойнѣ дорогой находкѣ, схватилъ карандашъ и, быстро написавъ на оборотѣ то, что слѣдуетъ, добавилъ еще: „похоронить рядомъ съ... Петей“ Затѣмъ онъ растегнулъ сюртукъ, сунулъ карточку въ боковой карманъ и провелъ рукой по волосамъ, какъ бы спрашивая себя: „что же еще?“...

— Какъ здѣсь накурено... надо непремѣнно отворить форточку! подумалъ онъ и, подойдя къ окну, откинулъ портьеру и отворилъ форточку... Напротивъ, въ мастерской, все было темно и только въ крайнемъ окнѣ сквозь запиндивѣвшую раму мелькала при слабомъ огнѣ чья-то тѣнь—вѣроятно тѣнь рабочаго, который ложился спать или дорабатывалъ заказъ. Но Семену Яковлевичу почему-то вѣрилось, что это непремѣнно тѣнь Васюка, и, высунувшись съ головой въ форточку, онъ громко сказалъ: „прощай, Васюкъ!“—И когда онъ это сказалъ, ему померещилось, что тѣнь вытянулась и весело закивала. Ему вдругъ стало какъ-то сладко жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно ясно, что это вовсе не тѣнь Васюка, а тѣнь его Пети, и что она весело ему киваетъ, какъ бы желая тѣмъ сказать: „вотъ и хорошо... значитъ мы скоро увидимся!“... Но свѣтъ вдругъ потухъ и видѣніе исчезло.

— Siméon, скоро ли ты тамъ? донесся до него раздраженный протяжный голосъ Ольги Петровны.

— Сейчасъ! Сейчасъ!..

Семенъ Яковлевичъ отшатнулся отъ окна, торопливо застегнулъ бортъ сюртука, поправилъ галстукъ и—какъ актеръ, который собираетъ всѣ свои силы, чтобы блистательнѣе сыграть свой послѣдній потрясающій выходъ—принявъ на себя радушно улыбающуюся личину, бодрою и легкою походкой прошелъ въ столовую.

Въ столовой уже всѣ были въ сборѣ и часть мужчинъ, значительно переглядываясь, тѣснилась въ углу, около стола съ закуской, въ ожиданіи хозяина.

Войдя, Прозоровъ вызывающе подмигнулъ мужчинамъ на стоявшія на столѣ бутылки и, весело потирая руки, своимъ обычнымъ добродушно-ироническимъ тономъ, возгласилъ:

— Ну-съ, кто принадлежитъ къ обществу трезвости—милости просимъ??

IX.

Ужинъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Тосты начались сейчасъ же послѣ бульона съ пирожками и продолжались далѣе за отварною лососиной, за цыплятами и рябчиками вплоть до пломбира и фруктовъ. Пили за здоровье дорогаго именинника, его супруги и дочери, пили за здоровье всѣхъ гостей гуртомъ и отдѣльно—за дамъ и кавалеровъ и т. д. Особенно шумно былъ встрѣченъ тостъ Лулу Шолохова, предложившаго выпить за грядущій успѣхъ Ольги Петровны въ „*Нищихъ духомъ*". Предложилъ было тостъ самъ именинникъ за нищихъ духомъ „вообще", но дамы нашли, что онъ остритъ сегодня неудачно, а Ольга Петровна не безъ колкости даже замѣтила:—„Siméon, ты знаешь, тебѣ вредно много пить!" Виновникъ торжества вынужденъ былъ стушеваться и уступить мѣсто болѣе счастливымъ ораторамъ.

Самое прискорбное, разумѣется, было не въ томъ, что Прозоровъ пилъ много, а въ томъ, что онъ, всегда такъ быстро хмѣлѣвшій, теперь никакъ не могъ напиться: сознаніе своей душевной пытки ни на минуту въ немъ не затуманивалось и умъ его продолжалъ наблюдать окружающее холоднѣе и рѣзче, чѣмъ когда-либо. И пользуясь тѣмъ, что гости слишкомъ были заняты сами собой, чтобы обращать на него постоянное вниманіе, онъ молча пилъ и исподлобья наблюдалъ...

Онъ наблюдалъ, какъ его жена—имѣвшая, по странной случайности, по лѣвую руку отъ себя дочь Зину, а по правую руку любовника Кольмана—кокетничала съ этимъ послѣднимъ не только совершенно открыто, но даже съ какимъ-то вакхическимъ одушевленіемъ. Мелькомъ она взглядывала на мужа и ея разгорѣвшіеся глаза какъ будто хотѣли сказать: „Вотъ я кокетничаю, а ты ревнуй!..." Пошлая, жалкая женщина, ей ли было догадаться, что онъ не только давно усталъ ревновать, но давно усталъ жить и горько смѣется ея ненужнымъ обезьяньимъ уловкамъ!

Поручикъ Баташевъ, съ своей стороны, увеселялъ дочь Зину, и Семенъ Яковлевичъ отлично видѣлъ, какъ та по временамъ вся вспыхивала и оглядывала его поручичьи погоны съ затаенною грустью новой Офеліи, прозрѣвавшей на погонахъ далеко не тѣ знаки, которые могли бы обезпечить законную жену.

И чѣмъ далѣе Прозоровъ наблюдалъ, тѣмъ все вокругъ казалось ему умышленнѣе и пошлѣе...

Орестъ Воропаевъ восторженно чокался съ Ниной Гриневичъ и публично клялся, что съ появленіемъ *Крейцеровой Сонаты* онъ сдѣлался слѣпымъ рабомъ Толстовскихъ завѣтовъ, а та, гримасничая, упрекала его въ „ренегатствѣ“ и выразительно мерцала глазами, давая понять, что есть завѣты гораздо слаще Толстовскихъ.—Сушилинъ сидѣлъ рядомъ съ Жозефиной Антоновной и, съ аппетитомъ обсасывая ножку цыпленка, многоглаголиво пояснялъ ей, что готовитъ большую статью „о вегетаріанствѣ съ соціальной точки зрѣнія“. Жозефина Антоновна усиленно щурила свои совиные глаза, очевидно плохо понимая въ чемъ дѣло, и наконецъ серьезно спросила:

— Вы меня извините, я не спеціалистка: вегетаріанцы это не тоже... что штундисты?

Сушилинъ не мало не оскорбился и столь же многоглаголиво сталъ пояснять въ чемъ есть различіе. Артистъ Сапуновъ сидѣлъ въ концѣ стола, попрежнему сосредоточивъ на себѣ благоговѣйное вниманіе журфиксныхъ статистовъ и статистокъ, и съ жестами и мимикой, пригодными болѣе на открытой сценѣ, чѣмъ за трапезой, представлялъ въ лицахъ ссору богомолки съ монахомъ... Впрочемъ, несмотря на представленіе, незамѣтно для своихъ слушателей, онъ бросалъ изрѣдка бѣглые ревнивые взгляды въ сторону артистки Пилсудской, которая помѣщалась наискось возлѣ Лулу Шолохова, усердно ей подливавшаго вино. Подливая, красивый правовѣдъ все время напѣвалъ сосѣдкѣ о своей страстной любви къ сценѣ и одновременно косился на ея смѣлый вырѣзъ на спинѣ.

Но болѣе всѣхъ забавлялъ Семена Яковлевича романистъ Коссовъ-Кокосовъ, который очевидно былъ поглощенъ какою-то новою идеей и раза два, подъ шумокъ тостовъ, быстро записалъ что-то на крахмальномъ обшлагѣ сорочки. „Ротозѣй и не догадывается“ подумалъ про себя Прозоровъ: „какой богатѣйшій сюжетъ я ему готовлю!“

Въ концѣ-концовъ все, что онъ наблюдалъ, было настолько глупо и мерзко, что, кажется, продлись пиршество лишнихъ десять минутъ, онъ бы не выдержалъ и выдалъ бы себя какой-ни будь неслыханною дерзостью.

Его выручилъ неожиданно Лулу Шолоховъ.

Когда пломбиръ былъ уничтоженъ и тосты изсякли, общій разговоръ почему-то вдругъ перескочилъ на французскій театръ и, такъ какъ спорить больше рѣшительно было не о чемъ, всѣ

стали спорить объ игрѣ моднаго премьера—Гитри. Дамы находили, что премьеръ прекраснодушенъ, а мужчины обратно—что онъ бездушенъ. Сторону дамъ горячо принялъ Лулу Шолоховъ и категорически объявилъ, что тотъ, кто не видѣлъ Гитри въ *Assomoir*, въ сценѣ смерти Купо – тотъ не имѣетъ понятія, что такое драматическое искусство; вдобавокъ Жозефина Антоновна какъ бы нечаянно проговорилась, что ея сынъ удивительно реально копируетъ это мѣсто, и дамы стали убѣждать представить. Лулу слишкомъ достаточно выпилъ, чтобы отказаться и, выдвинувъ свой стулъ, торжественно пояснилъ публикѣ:

— Какъ вы, конечно, знаете, Купо умираетъ отъ бѣлой горячки. Гитри это продѣлываетъ удивительно... Въ припадкѣ галлюцинацій, онъ вскакиваетъ съ полу на комодъ... вотъ эдакъ... (И Лулу Шолоховъ, глазами извинившись предъ присутствующими, взгромоздился на стулъ и вытянулъ руки кверху) и вдругъ вскрикиваетъ не своимъ голосомъ... вотъ что именно не помню... Кажется такъ: „La mort que c'est que ça?“..—Лулу, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, очевидно спуталъ репертуаръ Гитри и дѣвицы Филиппо, но духомъ не смутился и продолжалъ:

— Вдругъ вскрикиваетъ: „La mort que c'est que ça?!“—и затѣмъ трахъ съ комода—внизъ головой... такимъ родомъ...

Но тутъ вышла маленькая непріятность. Намѣреваясь совершить граціозный прыжекъ въ сторону, молодой человѣкъ потерялъ равновѣсіе и, еслибъ не своевременная помощь поручика Баташева, серьезно рисковалъ повредить и свою красоту и сосѣдній столъ съ закуской. Трагедія невольнымъ образомъ обратилась въ комедію и журфиксные люди, позабывъ всякое приличіе, покатились со смѣху, какъ послѣдніе апраксинцы. И громче всѣхъ смѣялся Семенъ Яковлевичъ. Его какъ-то особенно язвительно-больно разсмѣшила фраза „La mort que c'est que ça?“ и, громко повторивъ ее, онъ смѣялся такъ истерично-визгливо и непристойно долго, что Ольга Петровна сочла своею обязанностью вставить свое неизмѣнное: „Simèon!“

Simèon примолкъ, а журфиксные люди инстинктивно почувствовали, что перешли черту условной порядочности и значительно между собой переглянулись въ ожиданіи перваго предлога, чтобы распроститься съ хозяевами... Какъ разъ въ эту минуту столовые часы пробили два.

X.

Гости разомъ шумно поднялись со своихъ мѣстъ и стали прощаться. „Пиръ конченъ—потечемъ къ своимъ пенатамъ!“ продекламировалъ Воропаевъ, подходя въ числѣ прочихъ къ ручкѣ хозяйки.—„Пиръ *жизни* конченъ!“ произнесъ про себя Прозоровъ и, опорожнивъ залпомъ чей-то недопитый бокалъ, смертельно блѣдный всталъ изъ-за стола...

Рѣшительная минута приближалась...

Къ нему тоже стали подходить—благодарить и прощаться...

Въ отвѣтъ онъ выдавливалъ изъ себя съ усиліемъ обычныя въ такихъ случаяхъ фразы и отлично видѣлъ на всѣхъ лицахъ ту иронически-снисходительную полуулыбку, которая обозначала, что всѣ его считаютъ подвыпившимъ и находящимся въ состояніи пріятной невмѣняемости. — „Тѣмъ лучше, подумалъ онъ про себя,—значитъ, *другаго* ничего не замѣчаютъ!.. Тѣмъ лучше... тѣмъ лучше... Ахъ, только бы не мучили и скорѣй убирались!!“

Стоя въ дверяхъ передней, онъ обводилъ мутнымъ безжизненнымъ взглядомъ дамъ и кавалеровъ, обмѣнивавшихся прощальными любезностями и почему-то особенно настойчиво слѣдилъ за Лулу Шолоховымъ, который что-то напѣвалъ вполголоса и никакъ не могъ попасть лѣвою рукой въ рукавъ пальто... И въ головѣ Прозорова опять почему-то завертѣлось: „Пѣлъ *выносъ* и получилъ сорокъ копѣекъ Павелъ... Павелъ...“ Онъ мучительно хотѣлъ припомнить что дальше и никакъ не могъ...

Послѣдними выходили Сушилинъ и Нина Гриневичъ. Разыскивая калоши, они замѣшкались, а тѣмъ временемъ на лѣстницѣ потушили газъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ же вы такъ пойдете? всполошилась Ольга Петровна:—Аннушка сейчасъ вамъ посвѣтитъ!.. Аннушка, пойдите, возьмите изъ столовой канделябръ?..

Но гости рѣшительно воспротивились.

— Пожалуста, не безпокойтесь! Огня, что ли у насъ нѣтъ! отшутился Сушилинъ, доставая изъ кармана модной бекеши коробокъ шведскихъ спичекъ. Прозорова укоризненно закачала

головой, значительно мигнула дочери, и обѣ вышли изъ передней...

Семенъ Яковлевичъ, находившійся все это время въ какомъ-то томительномъ столбнякѣ, вдругъ сообразилъ, что онъ упускаетъ благопріятнѣйшій моментъ и сбиваясь заговорилъ:

— Позвольте, зачѣмъ же Аннушка? Я могу... я самъ!

Онъ бросился вслѣдъ за женой и дочерью въ столовую и почти вырвалъ изъ рукъ у горничной тяжелый канделябръ съ догоравшими свѣчами. На порогѣ онъ обернулся и мелькомъ оглянулъ жену и дочь: Зина стояла въ глубинѣ столовой и съ аппетитомъ маленькими глоточками тянула изъ недопитой рюмки чей-то ликеръ. Ольга Петровна стояла ближе къ нему, спиной, и перекладывала въ пустую бонбоньерку изъ хрустальной вазы оставшіяся конфеты. На мигъ въ немъ шевельнулось что-то въ родѣ послѣдней надежды, слабый проблескъ человѣческой жалости къ этимъ близкимъ дѣтски-недогадливымъ существамъ и ему вдругъ захотѣлось, на прощанье, сказать имъ что-нибудь такое значительное и трогательное. Но соображать было некогда и онъ только успѣлъ проговорить:

— Такъ я пойду... *посвѣщу!*

Горло его что-то сдавливало и—вмѣсто „посвѣчу"—у него вырвалось какимъ-то слезливо невнятнымъ всхлипомъ „посвѣщу". Жена оглянулась, брезгливо поморщилась, какъ при видѣ пьянаго человѣка и стала снова перекладывать конфеты изъ вазы въ бонбоньерку...

Все „это" произошло въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и Семенъ Яковлевичъ не успѣлъ очнуться, какъ уже очутился на предательской узкой площадкѣ. Гости были уже на серединѣ лѣстницы. Впереди шелъ Сушилинъ, чиркая спичками и окликая швейцара. Завидѣвъ вверху на полощадкѣ Прозорова съ канделябромъ въ рукахъ, онъ крикнулъ:

— Не надо... спасибо... намъ видно!

Семенъ Яковлевичъ переживалъ страшныя минуты, видя прямо предъ собой зіяющую пропасть и смутно сознавая, что дальнѣйшее промедленіе можетъ сломить его рѣшимость. Онъ дышалъ тяжело, голова его кружилась, колѣна подгибались... Неуловимая секунда казалась ему теперь вѣчностью... Онъ не выдержалъ и изступленно крикнулъ:

— Ну, скорѣй же...

Гости, очевидно принявшіе его слова относящимися къ швейцару, замахали руками, давая знать, что швейцаръ вышелъ и хозяину нечего безпокоиться.

— Прощайте! донесся до него визгливый голосъ Нины Гриневичъ и сейчасъ же, вслѣдъ за нимъ, раздался рѣзкій гнусавый голосъ Сушилина:

— До завтра! На Пико...

Сушилинъ крикнулъ „на Пиковой", намекая на взятую на завтра общую ложу, но въ эту минуту швейцаръ хлопнулъ дверью и послѣдній слогъ оборвался. Въ воздухѣ повисло отдѣльное „Пико" и отдалось въ пустынной темнотѣ лѣстницы страннымъ, жутко стенящимъ звукомъ, точно крикъ полуночной птицы... Теперь Прозоровъ слышалъ отчетливо, какъ швейцаръ щелкнулъ ключемъ, отворяя наружную дверь подъѣзда... Сбоку, изъ полуотворенныхъ дверей квартиры, доносилось звяканье прибираемой посуды и мелкій тонкій смѣхъ, похожій на смѣхъ Зины... „Пора!" сказалъ себѣ Семенъ Яковлевичъ и нѣмѣющею рукой опустилъ шандалъ наземь... Онъ наскоро перекрестился, закрылъ глаза и, перевѣсившись черезъ перила, ринулся внизъ...

И онъ нашелъ смерть, какъ желалъ.

XI.

Въ той самой столовой, гдѣ сутки тому назадъ весело пировали „умышленные люди", тѣ же самые умышленные люди толпились теперь здѣсь со скорбно недоумѣвающими минами, въ ожиданіи паннихиды по „боляринѣ Симеонѣ", лежавшемъ въ сосѣдней залѣ.

Ольга Петровна, въ глубокомъ траурѣ, съ кокетливою челкой и обильною пудрой на подурнѣвшемъ лицѣ, всхлипывая передавала какой-то накрашенной чопорной дамѣ подробности недавней катастрофы:—Какъ Семенъ Яковлевичъ вышелъ на лѣстницу, проводить Сушилиныхъ, а она осталась съ Зиной въ столовой и приказала Аннушкѣ прибирать со стола; а Аннушка—такая неловкая—задѣла рукавомъ шампанскій бокалъ и разбила. А Зина еще засмѣялась и говоритъ: „Это, maman, къ счастью!"—И вдругъ... Въ этомъ мѣстѣ Прозорова, которой приходилось чуть ли не въ десятый разъ повторять означенныя подробности, неизмѣнно

прикладывала къ глазамъ тончайшій платокъ ,отъ котораго разило тончайшимъ chipre'омъ... Въ итогѣ она рѣшительно винила во всемъ себя, то-есть винила въ томъ—зачѣмъ обратилась къ доктору Гавриленко, а не къ Шварцкопфу, спеціалисту *по*... Тутъ Ольга Петровна не договорила и обмѣнялась съ гостьей многозначительнымъ и сокрушеннымъ взглядомъ: — Ахъ, надо было непремѣнно, непремѣнно пригласить Шварцкопфа, какихъ бы денегъ это не стоило!!

И она была искренно увѣрена, что тогда все было бы иначе.

Иванъ Щегловъ.

19 октября 1892 года.

ДВОРЯНЕ, РАЗНОЧИНЦЫ И КРЕСТЬЯНЕ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ РУССКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ.

Такое заглавіе, можетъ-быть, слишкомъ много обѣщаетъ, хотя статья наша и писана въ деревнѣ, гдѣ нынѣ, какъ и всегда, сельскій бытъ возбуждаетъ не малый интересъ. Изслѣдователи такъ-называемыхъ „вопросовъ“ и наблюдатели всяческихъ явленій часто впадаютъ въ крайности. Одни подходятъ вплотную къ зданію и, желая узнать всю подноготную, стараются изслѣдовать добротность штукатурки и выглядывающихъ изъ-подъ нея кирпичей, послѣ чего приходятъ къ заключенію, что строеніе, хотя устарѣлое и неприглядное, а все еще два вѣка проживетъ! Другіе обглядываютъ окружающее съ высоты птичьяго полета, откуда все вообще представляется живописнымъ, именно потому, что въ частности разглядѣть ничего нельзя. Если же спуститься на землю, то, безъ сомнѣнія, живѣйшій интересъ представитъ землевладѣніе и его коренныя основанія, олицетворяемыя тѣми, кто владѣетъ землею. Но тутъ уже приходится отодвинуться, а если осмотрѣть домъ съ извѣстнаго разстоянія, то сейчасъ же бросится въ глаза, что онъ накренился, именно потому, что фундаментъ требуетъ исправленій. Вспоминали мы почти всѣ типы и портреты старосвѣтскихъ помѣщиковъ, снятые съ натуры перомъ и кистью нашихъ великихъ мастеровъ, но не могли уже найти ихъ въ практической жизни. Она успѣла создать иные типы, болѣе или менѣе опредѣленные; мы видѣли новые характеры, новыхъ людей. Не будемъ называть ихъ (nomina sunt odiosa!), а покроемъ псевдонимами. Не назовемъ и мѣстностей оффиціальными именами; скажемъ только, что прожили почти все лѣто въ одной изъ

центральныхъ губерній, въ самомъ глухомъ ея уѣздѣ, о которомъ почти никогда и ничего не пишутъ въ газетахъ. Это такая глушь, откуда, по Гоголевскому выраженію, хоть три года скачи, ни въ какое государство не доскачешь! Въ прошломъ году эта мѣстность тоже сильно пострадала отъ неурожая, такъ что намъ пришлось быть свидѣтелемъ раздачи пособій. Впечатлѣніе получилось грустное, непріятное. Собраны были нуждающіеся изъ шести деревень, а „спасибо“ сказали двое или трое. Остальные получали свои доли также безстрастно и автоматично, какъ солдаты получаютъ казенный паекъ, только у солдатъ не слышно ропота, а тутъ только и слышишь, что завистливыя, ѣдкія возраженія: „да вѣдь онъ уже получилъ... деньгами давали!..“ и прочее въ такомъ родѣ. Правда, что многіе „казанскія сироты“ успѣваютъ получить вдвое и втрое противъ другихъ, но самое безотрадное явленіе — это глубокое, закоснѣлое недовѣріе къ дателямъ, особенно если они изъ мѣстныхъ „господъ“. Въ глаза имъ, конечно, не скажутъ, за то исподтишка пускаютъ слухи, что вотъ, молъ, такой-то попечитель, хоть и важный человѣкъ, а и его скоро къ суду притянутъ! Особенно сильно недовѣріе къ землевладѣльцамъ: имъ даже и въ глаза не церемонятся высказывать, что ихъ считаютъ за враговъ. Въ прошломъ году одна помѣщица попробовала уговаривать крестьянъ не переселяться очертя голову; такъ вѣдь они осыпали ее укоризнами, чуть не бранью: „Царь, молъ, хочетъ насъ переселить да псарь не хочетъ! Это вы, *господа*, намъ поперегъ дороги становитесь!.. „Мало того,—прошлой осенью, изъ здѣшней волости выселилось въ Сибирь около пятнадцати семействъ. Кое-кто уже вернулся, а отъ оставшихся на новыхъ мѣстахъ получались письма. Изъ разсказовъ и писемъ оказалось, что на этихъ новыхъ, обѣтованныхъ мѣстахъ изъ рукъ вонъ плохо живется, а всему, молъ, виноваты тѣ же „господа“, то-есть землевладѣльцы, будто бы тормозящіе переселеніе ради личныхъ выгодъ. И, все-таки, переселеніе не прекращается! Это поступательное движеніе табуннаго свойства, инстинктивное, ребячески-наивное и чудовищно-фантастическое! Сходятся два пріятеля въ кабакѣ: „Ну что̀, Петрунька, собрался что̀ ли?“ — Извѣстно собрался... не дохнуть же тутъ съ голодухи!.. „А ты небось дома остаешься, добра насиживать?..“ — Пріятель почесывается: „Да, я что̀ же... Куда люди, туда и я!.. Господи благослови... порѣшили ѣхать“.—„Ой-ли?.. Ну, и распрекрасное дѣло!..

Слышь люди-то что̀ сказываютъ: въ тѣхъ мѣстахъ не то какъ здѣсь,—тамъ виноградъ растетъ къ примѣру... какъ у насъ подсолнухи!.. Вонъ она благодать-то какая!..“ Собесѣдникъ одушевляется, пропустивъ шкаликъ очищенной:—„Такъ, такъ... чего же лучше... а тутъ вонъ, не токмо винограду — и картошки за весь годъ не понюхаешь!.. Одначе,—боязно... все же далеконько... шутка сказать до Сибири домахнуть... еще доѣдешь ли, а тамъ-то... каково?.. невѣдомо!..“ Входитъ третій крестьянинъ, его привѣтствуютъ и сейчасъ же вопросъ: „А что̀... хату запродалъ?“—„Покончили, слава Богу, необидно, пожалуй еще съ барышкомъ!..“ „А выѣзжаете скоро?..“ — „Да вонъ бабы еще копошатся... не расшевелишь никакъ, а то бы хоть завтра, съ Богомъ въ Томское...“ Онъ обращается ко второму собесѣднику: — „Ну что̀, Петруха, носъ повѣсилъ? Остаешься, вѣдь, ты дома, у Христа за пазухой... лежи на печи да ѣшь калачи!..“ Вопрошаемый молчитъ и вздыхаетъ, а за него отвѣчаетъ сосѣдъ: „Нѣтъ, и онъ порѣшилъ съ нами выбраться, да что-то боязно ему... далеконько вишь, да еще какъ, молъ, доѣдешь да какъ разживешься?.. Не похлебать бы изъ пустой чашки!..“ Продавшій хату смѣется и подбадриваетъ: „Эхъ вы, богатыри! Какого рожна бояться! Сказано, что̀ казна выправляетъ, все какъ есть предоставятъ... на чугункѣ даромъ провезутъ, на казенный счетъ, а пріѣдемъ, — знай перебрасывай съ телѣги въ хату: все готово, и на прокормъ дадутъ... вонъ сказывали и дохтура съ нами же посылаютъ!..“—Собесѣдники не спѣшатъ повѣрить и допрашиваютъ: „Такъ-то такъ... много и лишняго болтаютъ!.. Кто тебѣ сказывалъ-то?..“—„Да не дуракъ сказывалъ: чай знаешь Григорья Чепушкина, такъ вѣдь на вѣтеръ онъ не скажетъ, потому самъ бывалый, въ полку служилъ, всѣ мѣста знаетъ... до Перми доходилъ... а нынче, слышь и въ губерніи побывалъ, отъ вѣрныхъ людей все какъ есть, доподлинно разузналъ... даромъ брехать не станетъ!..“

Читающіе могутъ подумать, что мы, какъ говорится, „пожертвовали истиной для украшенія разсказа“, но смѣемъ увѣрить, что даже боимся выписать всѣ бредни, въ какія вѣруетъ народъ. Жаль, душевно жаль смотрѣть со стороны! Невольно приходитъ на мысль: зачѣмъ они не выждали Сибирской желѣзной дороги? Тогда бы, хотя не вполнѣ, но осуществились бы мечты и на новыхъ мѣстахъ несравненно легче было бы селиться. Не странно ли, что̀ такъ слѣпо вѣритъ и такъ легкомысленно по-

ступаетъ осторожный и смышленый народъ? Правда, что смышленые и теперь оказываются въ большинствѣ, но именно такіе охотно остаются дома. Не можемъ удержаться, чтобы не привести одну черту народнаго характера, проскользнувшую не въ мимолетномъ разговорѣ. Сидитъ на крылечкѣ древняя старуха и балакаетъ съ пожилымъ крестьяниномъ: „Глупъ нынче сталъ народъ", говоритъ старуха, — „не посидится ему на родинѣ... Зачѣмъ мятутся, куда собираются, Богъ ихъ вѣдаетъ!.. Правда, что и земля-то нонѣ другая стала. Помнишь, Пахомушка, какъ въ прежніе годы хлѣбъ родился, а теперь, что!.. Не то продать — и пропитаться нечѣмъ".—„Эхъ, матушка, Фоминишна", отвѣчаетъ Пахомъ,—„ну, вотъ хоть бы вы сами, какъ молоды были, чай силы то въ васъ больше было и красы не въ примѣръ противъ нонѣшняго! А теперь—вонъ вы какія стали; такъ вотъ и земля... старѣетъ и она! Силы прежней нѣтути... побольше кормить ее надо! Опять-таки, къ примѣру сказать, кабы вы вдоволь кушали, да отдыхали, да всего бы вдоволь, да всласть доставалось... прибавилось бы силушки, помолодѣли бы, словно... и послужили бы попрежнему. Ну, вотъ такъ-то и земля... Она даетъ, кормилица наша; да не въ моготу станетъ, коли ей-то не давать ничего; а будемъ давать, такъ она еще послужитъ, да еще поболѣ, чѣмъ въ старые годы!.. Такъ-то, матушка!.." „Охъ, правду, правду, говоришь ты, Пахомушка, вѣрно слово твое", согласилась старуха,—да и мы съ этимъ вполнѣ согласны. Но, опасаясь, чтобы какая-либо изъ читательницъ не растрогалась этимъ отголоскомъ старины и народнаго здраваго смысла, спѣшимъ оговориться, что нашъ умный Пахомъ—страшнѣйшій воръ, котораго боится не только родимое селеніе его, но и всѣ окрестныя. Изъ такой, весьма непріятной, внезапности можемъ однако же вывести заключеніе, что умные крестьяне, или тѣ, кто „себѣ на умѣ", стало-быть всѣ достаточные, остаются дома, а простоватые, но смѣлые и предпріимчивые переселяются. Да, полно, простота ли руководитъ переселеніемъ народовъ? Кажется, если не человѣческій умъ, то, во всякомъ случаѣ, всеблагой разумъ Провидѣнія ясно просвѣчиваетъ въ этомъ событіи, потому что заселеніе громадныхъ нашихъ пустырей—неоспоримо величайшее благо для Россіи.

Оставимъ пока въ сторонѣ этотъ капитальный вопросъ, чтобы поближе присмотрѣться къ печальному факту неизлѣчимаго недовѣрія сельскаго люда къ „господамъ", понимая подъ этимъ

названіемъ не однихъ помѣщиковъ, но и служащихъ — до нынѣшнихъ попечителей включительно. Чѣмъ же объяснить такое закоснѣлое отчужденіе и подозрѣніе? Оно появилось во всей своей силѣ при самомъ началѣ крестьянской реформы, когда дворовые, поголовно, оставляли своихъ прежнихъ господъ; даже ни къ чему неспособные, разслабленные, полуидіоты жаждали воспользоваться свободою. Въ имѣніи, о которомъ будетъ рѣчь, сторожъ при огородѣ, хромой, гугнивый и слабоумный старикъ, даже въ то время уже пожилой человѣкъ, дезертировалъ одинъ изъ первыхъ, какъ только объявили волю. Народъ смѣялся надъ нимъ: „Ты куда!.. Бѣлены объѣлся, что ли? Вѣдь ты и лапоть сплести не умудришься, да и ноги тебя не снесутъ. Поди и версту не проковыляешь! Лучше оставайся да кланяйся, чтобы тебя хоть прокормили Христа ради!“ Но Иванъ и слушать не хотѣлъ. Его обуяла свобода, и онъ только приговаривалъ: „*открылся Ванькѣ путёкъ, Ванька взялъ да утёкъ!*“ И прослонялся онъ по бѣлу свѣту до тѣхъ поръ, пока не усталъ слоняться. Милостыню давали убогому человѣку, но на хлѣба его взять никто не хотѣлъ. Такъ и вернулся Ванька на старое пепелище, смирился, поклонился господамъ и до сихъ поръ доживаетъ свой вѣкъ въ сторожахъ. Но, когда же все это было?.. Съ тѣхъ поръ прошло ужь тридцать лѣтъ и равноправность всѣхъ предъ закономъ должна бы давно сгладить сословную рознь. Наконецъ нужда сближаетъ людей, и мы видѣли недавно, что землевладѣльцы явились на помощь голодному народу, пособляли своими средствами и личнымъ содѣйствіемъ правительственнымъ мѣрамъ. Вѣдь, земство, „Красный Крестъ“, комитеты, попечительства,—все это „господа“! Помощь оказана посильная, существенная, благотворная. Откуда же берется нелюбовь и недовѣріе народа къ руководящимъ сословіямъ, отчего оно коснѣетъ и коренится въ немъ, какъ при крѣпостномъ правѣ и дореформенныхъ судахъ? Намъ скажутъ, что тридцать лѣтъ слишкомъ короткій срокъ для того, чтобы перебродилось и выдохлось все старое и возродилось новое. Конечно, время великій факторъ; однако многое зависитъ отъ людей, и отъ того, какъ выработала ихъ современная школа, понимая подъ этимъ словомъ не училища, не книжное образованіе вообще, а настоящую, воспитательную школу практической жизни. Извѣстно, что хорошее судоустройство и судопроизводство и благоустроенная администрація положительно перевоспитываютъ народъ, заставляя его уважать чужую собственность, обуздывать

страсти, унимая кулачную расправу, пьянство, воровство и всякій порокъ, всякое преступленіе. Вѣдь судъ именно важенъ тѣмъ, что не даетъ потачки никому, кто бы онъ ни былъ! Наконецъ, *нужда*, неумолимый, строжайшій учитель, проучиваетъ даже и такихъ безшабашныхъ вольниковъ, какъ помянутый Ванька-путёкъ. Подобныя темы слишкомъ обширны для журнальной статьи. Нашъ тезисъ выражается въ убѣжденіи, что *самое лучшее, благодѣтельнѣйшее вліяніе на крестьянство можетъ оказать только благомыслящій, просвѣщенный и осѣдлый на своихъ земляхъ помѣщикъ*. Вліять же онъ можетъ не нравоученіемъ, но устрашеніемъ, не благонамѣреннымъ баловствомъ, но единственно добрымъ примѣромъ, какъ ниже пояснимъ на фактахъ; повліяетъ онъ и стойкостью характера, а главное—неподдѣльнымъ, искреннимъ человѣколюбіемъ, какое, тоже фактически, проявили многіе землевладѣльцы за послѣднее бѣдственное для народа трехлѣтіе. И вотъ, чтобы провѣрить наши положенія, отправились мы на поиски за новѣйшими типами землевладѣльцевъ. Имѣніе, гдѣ мы жили нынче лѣтомъ, до начала августа, не очень большое. Лѣса нѣтъ—ни одного прутика ни у крестьянина, ни у владѣльца, но почва все еще порядочная, хотя недостатокъ влаги уже сильно ощущается въ частыхъ засухахъ. Сѣнокосовъ и пастбищъ здѣсь тоже нѣтъ ни у кого. Прямо отъ усадьбы и влѣво отъ нея тянутся хаты, построенныя въ одну линію. Онѣ принадлежатъ бывшимъ дворовымъ; ихъ немного: дворовъ по десяти въ каждую сторону. Наконецъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ усадьбы разбросались хутора, поселки и выселки бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ оконъ дома видна церковь, въ полуверстѣ отъ усадьбы, а прямо противъ западныхъ воротъ церкви видна усадьба другаго владѣльца, имѣющаго 650 десятинъ, съ лѣсами и со всѣми угодьями. Къ востоку отъ церкви, тоже въ нѣсколькихъ саженяхъ, расположено третье имѣніе, въ триста десятинъ и, наконецъ, по дорогѣ въ уѣздный городъ, тоже въ смежности съ упомянутыми, стоитъ усадьба владѣльца менѣе 200 десятинъ. Стало-быть цѣлое землевладѣльческое гнѣздо, ютящееся около церкви! Когда-то всѣ эти имѣнія были въ однихъ рукахъ, носили одно названіе—*Чурьево*. Помѣщики были люди стариннаго дворянскаго рода и бездѣтные; они оставили все состояніе дальнимъ родственникамъ. Третья часть перешла въ чужія руки, остальная раздробилась и опять потомъ слилась въ двухъ имѣніяхъ. И теперь ни одно изъ нихъ не носитъ спеціальнаго на-

званія, а каждое само по себѣ зовется Чурьево, или же по фамиліи владѣльцевъ. Мы будемъ держаться первичнаго наименованія и означать имѣнія по нумерамъ. Землевладѣлица перваго Чурьева, потомственная дворянка, Павлина Протасьевна не принадлежитъ ни къ гоголевскимъ, ни къ какимъ типамъ. Она—сама по себѣ типична.

Покажи, гдѣ ты живешь,—и я скажу, кто ты такой. За десять лѣтъ своего управленія Павлина Протасьевна издержала на ремонтъ дома всего 50 рублей сер. Изъ этого слѣдуетъ, что ее положительно можно причислить къ типу землевладѣльцевъ новѣйшихъ временъ. Извѣстно, что нынче развѣ самые крупные собственники продолжаютъ поддерживать дѣдовскіе дворцы; помѣщикъ средней руки не желаетъ и не можетъ тратиться на ремонтъ и украшеніе своего дома, вопервыхъ, потому, что при продажѣ имѣнія стоимость усадьбы въ разсчетъ не берется, а, вовторыхъ, прогрессивное и хроническое безденежье заставляетъ жить какъ можно проще и экономнѣе. По наружности же и внѣшнимъ пріемамъ чурьевская барыня сильно напоминаетъ типъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Мы опустимъ личную характеристику, а разсмотримъ ее съ самой интересной стороны, то-есть какъ землевладѣлицу, и сразу положительно заявимъ, что землевладѣлица она далеко не образцовая: Павлина Протасьевна ничего не даетъ имѣнію, а беретъ съ него все, что можетъ, да и брать-то не умѣетъ. Кулаки всякій годъ безбожно надуваютъ ее, объявляя взапуски ничтожную плату за аренду фруктоваго сада, а барыня всегда безъ денегъ, хотя ничего на себя не тратитъ, а потому, конечно, на все согласна. Еще въ 1882 году Чурьево давало около 4.000 дохода; хозяйственныя постройки были въ исправности, домъ ремонтированъ, садъ содержался въ порядкѣ. Теперь (1892) все ветшаетъ и разваливается. Вокругъ усадьбы нѣтъ огорожи, такъ что со всѣхъ дорогъ, днемъ и ночью, черезъ дворъ ходятъ и ѣздятъ званые и незваные, рабочіе и гуляющіе. Садъ и огородъ нисколько не защищены запущенными канавами и рѣдкимъ, не забраннымъ хворостомъ, плетнемъ. Чтобы побудить владѣлицу сдѣлать, хотя бы самый ничтожный, ремонтъ на хозяйственныя постройки, надобно, чтобы случилась какая-нибудь катастрофа. Напримѣръ, если вѣтеръ снесетъ крышу или она сама обвалится отъ ветхости, или же рига (клуня) начинаетъ опасно крениться и присѣдать на одну сторону, тогда хозяйка принимается поневолѣ за ремонтъ, но дѣлаетъ все до-

машними средствами, платитъ скупо за работу, да еще частенько не доплачиваетъ: подождетъ, молъ, къ чему торопиться, за мною не пропадетъ! Вообще сельское хозяйство чурьевской барыни весьма плачевно. Изъ 50 штукъ скота былаго времени осталось шесть лошадей и пять коровъ. Прочія, осенью и зимой, ежегодно вымирали отъ безкормицы; постоянныхъ рабочихъ, живущихъ въ усадьбѣ, прежде было много, теперь же осталось трое. Владѣлица, непосредственно, обрабатываетъ десятинъ 70, то-есть третью часть; остальное раздается въ аренду крестьянамъ; но вѣрны ли эти цифры, на какихъ условіяхъ отдаются земли и какой доходъ приноситъ имѣніе, — все это неизвѣстно, потому что барыня держитъ свои хозяйственныя и финансовыя операціи въ величайшемъ секретѣ. Вообще хозяйство ея удивительное! Ни управляющаго, ни прикащика она не имѣетъ, конторщика тоже нѣтъ; счетныхъ книгъ или хотя бы простыхъ записей не ведется, такъ какъ хозяйка въ писаніи не мастерица. Сторожей ни въ полѣ, ни въ усадьбѣ, ни въ саду никакихъ нѣтъ, а имѣется только старая, проржавленная доска, въ которую когда-то били сторожа. Ее иногда выставляютъ наружу, какъ бы на посмѣяніе! Кажется нѣтъ надобности доказывать, что подобное хозяйство имѣетъ на крестьянъ не положительное, а отрицательное вліяніе. Можно даже придти еще къ худшему заключенію, если обратиться къ фактамъ. Въ здѣшнемъ сельскомъ обществѣ (верстъ на пятнадцать кругомъ) нѣтъ ни одной школы приходской или земской. За то каждымъ лѣтомъ въ клунѣ и на гумнѣ Павлины Протасьевны открывается школа лѣнтяйства и плутовства для дѣвочекъ и взрослыхъ бабъ. Дѣло въ томъ, что поденная рабочая плата въ этой мѣстности чрезвычайно мала: maximum 30 коп. мужику и 20 коп. бабѣ. Чурьевская же барыня норовитъ нанять за гривенникъ, а то и подманить на дармовщинку разныхъ неимущихъ. Конечно, къ ней идутъ дѣвчонки, сущія дѣти, да бабы изъ такихъ, что себѣ на умѣ. Правда, чурьевская барыня встаетъ съ пѣтухами, отправляется въ клуню, садится на кадушку, а дѣвчонки сейчасъ же начинаютъ махать, хлопать и всячески дѣйствовать. Часа черезъ два барыня говоритъ работнику Ивану, такому же лѣнтяю и лукавому рабу: „Ну, Иванъ, присмотри, покамѣстъ, а я сейчасъ приду“. И уйдетъ барыня, начнетъ чай пить, а работницы начинаютъ „полудновать“ и щелкать подсолнухи; барыня ляжетъ отдохнуть, и работницы завалятся, — и такъ оно и пойдетъ, въ перемежку, на

цѣлый день. Солнце еще высоко, а дѣвчонки уже бѣгутъ по домамъ. Мы не хотимъ сказать, что работа только бываетъ для виду, нѣтъ,—дѣло все-таки подвигается, но такъ, что ни одинъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ, ни за что не возьметъ работницу, побывавшую въ хозяйственной школѣ Павлины Протасьевны, да такая работница и сама не пойдетъ къ нимъ, зная, что во время жатвы и покоса порядочный хозяинъ даромъ платить не будетъ и настоитъ, чтобъ у него работали отъ восхода до заката. Вслѣдъ затѣмъ открывается здѣсь практическая, двуклассная школа воровства для мальчишекъ, мелкихъ воришекъ и для взрослыхъ, болѣе крупныхъ промышленниковъ. Помѣщичій фруктовый садъ — плохая практика. Мы уже сказали, что владѣлица, какъ можно скорѣе, сдаетъ его съемщикамъ за какую бы ни было цѣну,—только чтобы не держать сторожа. Съемщики эти являются изъ богатѣйшаго, промышленнаго села Кулакова (верстъ восемнадцать отсюда). Это все Щедринскіе „Колупаевы“ и „Разуваевы“,—народъ тертый и ловкій. Они располагаются въ саду таборомъ, съ бабами, съ дѣтьми и съ цѣпными собаками, зорко стерегутъ за садомъ—день и ночь, а по ночамъ стрѣляютъ изъ ружей на воздухъ, для острастки, такъ что воришкамъ тутъ не разгуляться! Практикой для первоклассниковъ служитъ часть сада, оставляемая владѣлицей за собой. Тутъ сосѣдніе мальчишки хозяйничаютъ день и ночь: перелѣзаютъ, подползаютъ, прокрадываются всяческимъ образомъ и дѣлятъ добычу по правиламъ товарищества. Это уроки гимнастики и ариѳметики. Еще легче и больше воруютъ на собственномъ огородѣ Павлины Протасьевны. Сторожемъ тамъ состоитъ знакомецъ нашъ Ванька-путёкъ, теперь уже восьмидесятилѣтній старикъ, еще болѣе запкающійся и едва таскающій ноги. Мальчишки опустошаютъ огородъ—прямо у него подъ глазами. Юродивый сторожъ кричитъ, шумитъ, грозитъ костылемъ, а воришки улепетываютъ, показывая ему носъ, да еще посмѣиваются: „не ори, чего орешь... все равно не поймаешь!“... Словомъ, воровать на Чурьевскомъ огородѣ не только безопасно, а еще и весело!

Второй спеціальный классъ воровства, — это экономическія поля Павлины Протасьевны. Постоянныхъ рабочихъ у нея трое,—все изъ мѣстныхъ и самыхъ ненадежныхъ людей, разсчитывающихъ не столько на заработную плату, сколько на увѣренность вознаградить себя по-своему. Единолично же владѣлица усмотрѣть за всѣмъ не можетъ, хотя садится иногда на

бѣговыя дрожки и объѣзжаетъ поля. Но объѣхать—мало, надо тамъ и оставаться, „надъ душой стоять“, какъ говорится. Старой барынѣ это не по силамъ, а такъ какъ замѣстить ее некому, то на Чурьевскихъ поляхъ начинается дневной и ночной грабежъ хлѣба. Воровство положительно обратилось въ науку и въ искусство. Увозятъ хлѣбъ прямо на телѣгахъ, цѣлыми копнами или же срѣзаютъ колосья и везутъ домой, а солому, искусно перемѣшанную, на господское гумно. Наконецъ есть и третій, самый простой и практичный, способъ: жнецы и жницы прямо молотятъ на мѣстѣ палками господскую рожь или овесъ, намолачиваютъ полновѣсные мѣшки зерна, а солому везутъ на гумно. Тутъ, какъ и въ первомъ случаѣ, артисты такъ ловко смѣшиваютъ пустые снопы съ полными, что, пока Павлина Протасьевна дойдетъ до распознанія фортеля, воровское зерно успѣютъ перемолоть и съѣсть. Подобныя продѣлки присущи не одному неурожайному времени. Вотъ уже четвертое лѣто, какъ мы здѣсь живемъ и наблюдаемъ,—все одно и то же! Нынѣшнимъ лѣтомъ урожай былъ порядочный, выше средняго. Дня за два до Ильина дня, вечеркомъ въѣхала на дворъ пустая телѣга; на ней сидѣли двѣ дѣвчонки и съ ними пришли два мужика, косившіе рожь у Павлины Протасьевны. Она задержала одного изъ мужиковъ у своего крыльца какими-то разспросами, а телѣга ждала у насъ передъ окнами. Мы смотрѣли и руками разводили отъ удивленія. Телѣга на видъ была пустая; дѣвчонки сидѣли однако же высоко, прислонившись спиной другъ къ дружкѣ и свѣсивъ ноги съ телѣги по обѣимъ ея сторонамъ. Онѣ нахально смѣялись намъ въ глаза, да и мужикъ беззастѣнчиво осклаблялся. Они знали, что и намъ хорошо извѣстно, что сидѣнье на мѣшкахъ съ краденымъ зерномъ, такъ же какъ и то, что мы—гости, дачники—ничего съ ними подѣлать не можемъ. Павлина Протасьевна, по-дворянскому гонору, не допускаетъ, чтобы кто могъ посмѣть воровать у нея среди дня, прямо подъ глазами, не говоря уже о томъ, что она не терпитъ никакого вмѣшательства въ свое хозяйство. Положимъ, что мы, какъ посторонніе люди, возмутившись до глубины души, стащили бы дѣвчонокъ съ мѣшковъ и допросили ихъ: „Это что̀!.. Откуда взяли?“...—Да онѣ бы и бровью не сморгнули: „Купили, молъ, по дорогѣ, а теперь молоть веземъ!“...

Онѣ и свидѣтелей и мнимыхъ продавцевъ бы представили, вѣдь свой своему по неволѣ другъ, а воронъ ворону глазъ не

выклюетъ! Зимой въ усадьбѣ Павлины Протасьевны никогда не обходится безъ воровства со взломомъ. Каждый годъ обкрадываютъ кладовую: полотно, холстъ, ветчина, солонина, варенье—все исчезаетъ. Сама хозяйка уѣзжаетъ обыкновенно на зиму, а двѣ древнія старухи, стерегущія домъ, только ахаютъ и сплетаютъ страшныя легенды о разбойникахъ. Къ удивленію, нынѣшнимъ лѣтомъ легенда обратилась въ быль. Дѣйствительно, въ описываемыхъ мѣстностяхъ долго странствовали и укрывались трое бѣглыхъ изъ уѣзднаго острога. По слухамъ, главнымъ коноводомъ оказался одинъ изъ бывшихъ работниковъ Павлины Протасьевны, выкравшій у нея изъ сарая конскую упряжь, уличенный и наказанный. Впослѣдствіи онъ опять попалъ въ острогъ, откуда бѣжалъ, но не домой, а на большую дорогу. Такіе разсказы наши или картинки съ натуры (за сходство ручаемся) наталкиваютъ насъ, однако, на вопросъ: да развѣ нѣтъ тамъ никакой полиціи и суда? А если есть, то чѣмъ оправдывается такое бездѣйствіе властей? Отвѣчаемъ: ближайшее начальство—сельская полиція; исполнительныя власти, староста и сотскіе, найдутся въ полверстѣ отъ Чурьева. Къ нимъ даже любитъ прибѣгать Павлина Протасьевна. Староста является немедленно, разыскиваетъ, строго допрашиваетъ, кричитъ, шумитъ, грозитъ и окончательно успокаиваетъ барыню, ручаясь, что безпорядки не повторятся. А барынѣ только этого и нужно! Какъ хотите, а все же она воздѣйствовала, припугнула! Въ результатѣ же всегда бываетъ много шуму изъ пустяковъ; ворамъ и воришкамъ староста столько же страшенъ, какъ и Ванька-путёкъ!..

Юристъ, прочитавшій эти строки, все-таки не повѣритъ намъ: вѣдь есть же уѣздная администрація? Неужели ни слѣдовъ, ни свидѣтелей никогда нельзя найти?—Конечно есть и часто врѣзаются въ землю слѣды воровской телѣги до того ясно, что по нимъ прямо доѣдете до двора похитителя, найдете у него въ клѣтушкѣ свѣжій, только-что подвезенный хлѣбъ. Спросите откуда эти снопы? Хозяинъ отвѣтитъ: мои! — Какъ твои, да вѣдь у тебя ни кола, ни двора... гдѣ взялъ?..—Сосѣди одолжили. Призовите всѣхъ ихъ, и всѣ единодушно покажутъ, что, дѣйствительно, одолжили бѣдняку. Вѣдь сосѣди-то всѣ кумы, сваты да братья, не говоря уже о томъ, что „бѣднякъ“—извѣстная, отчаянная голова,—пожалуй краснаго пѣтуха подпуститъ! Впрочемъ къ уѣзднымъ властямъ Павлина Протасьевна не любитъ обращаться, да и ловко ли оно будетъ? Пріѣзжай хоть самъ земскій

начальникъ или слѣдователь, что же имъ тутъ дѣлать? Потребуютъ управляющаго или прикащика, а ихъ и въ заводѣ нѣтъ. Пожелаютъ допросить сторожей, а такихъ не полагается. Властямъ остается только пожать плечами и сказать: „неудивительно, сударыня, что васъ обкрадываютъ, а удивительно было бы, еслибъ не крали!" Какъ бы то ни было, но о воспитательномъ вліяніи Павлины Протасьевны на крестьянскую среду не можетъ быть рѣчи,—развѣ въ обратномъ, ироническомъ смыслѣ этого слова! Нѣтъ, это не типъ, какого мы ищемъ... Пойдемъ далѣе, благо и ходить-то недалеко. Мы уже сказали, что прямо противъ церкви, въ нѣсколько саженяхъ отъ церковныхъ воротъ находится усадьба владѣльца втораго Чурьева. Зовутъ его Ахилъ Менелаичъ. Послѣ отца онъ старшій представитель стариннаго, почтеннаго дворянскаго рода, служилъ по выборамъ, а главное, обладаетъ всѣми нравственными качествами, какихъ можно ожидать отъ столбоваго дворянина. Это человѣкъ мягкій, добрый, отзывчивый къ нуждѣ и горю до того, что готовъ отдать послѣднюю рубашку нуждающемуся, хотя бы и совершенно постороннему Воздержность его отъ всякихъ излишествъ просто изумительна. Онъ честенъ до щепетильности, и душа у него на-распашку съ людьми, которыхъ онъ знаетъ и которымъ вѣритъ.

Ахилъ Менелаичъ унаслѣдовалъ дѣдовское имѣніе, но увеличилъ его своевременными и удачными прикупками. Старый деревянный барскій домъ, съ пятнадцатью комнатами, видѣнъ за три версты и показывается издали очень представительною постройкой, благодаря уцѣлѣвшей зеленой крышѣ и деревьямъ, скрывающимъ домъ наполовину. Но, поравнявшись съ домомъ, проѣзжій ахнетъ и не повѣритъ глазамъ. Онъ увидитъ великолѣпныя развалины стариннаго барскаго жилья. Каменные столбы вокругъ палисадника разрушаются, а между ними лежатъ полусгнившія деревянныя рѣшетки. Терраса передъ балкономъ совсѣмъ сгнила; перилъ и въ поминѣ нѣтъ. Палисадникъ запущенъ до невозможности и такъ далѣе: чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше лому, чѣмъ дальше во дворъ, тѣмъ гуще соръ!

Самъ хозяинъ живетъ въ смежномъ каменномъ флигелѣ, но мы и туда вхожи. Не будемъ касаться ни личности, ни житья-бытья чурьевскаго барина. Припомнимъ только его хозяйственные разговоры и похожденія. Завернули мы къ нему во флигелекъ въ самый день начала жатвы, но, къ удивленію, онъ былъ

дома, а не въ полѣ. Передъ нимъ лежали книги закона, бумаги и счеты: баринъ усердно писалъ. Привѣтствуемъ его: „Ну-съ, почтеннѣйшій хозяинъ, можно поздравить васъ съ починомъ?.. Сегодня, вѣрно, уже начали убирать рожь?..“ Но хозяинъ морщился, пожимался и отвѣтилъ какъ-то неохотно: „д-д-д-а, думалъ начать... надобно бы начать... мерзавцы они всѣ!..“—„То-есть кто же это мерзавцы?..“—„Да здѣшніе мужики!.. негодяи они!.. Давно уже разослалъ сказать, чтобы сегодня пораньше приходили, и что же?—почти никто не явился!.. Негодный, дрянный народъ!..“—„Стало-быть у васъ договоры словесные, а не письменные?“—„Нѣтъ, у меня рабочую книжку каждый имѣетъ, да самоуправцы они!.. Вотъ я пишу земскому начальнику... пускай-ка ихъ проучитъ!..“ Понятно, что мы крайне заинтересовались исходомъ дѣла. Наконецъ-то будемъ видѣть на опытѣ воспитательное вліяніе новѣйшей администраціи. Но дѣло кончилось тѣмъ, что на другой и на третій день неисправные крестьяне сами явились къ барину, не только соглашаясь, но напрашиваясь на работу. Признаемся, мы обрадовались. Вотъ что значитъ быстрый, энергичный призывъ къ порядку! Мы рѣшительно собрались ѣхать къ земскому начальнику, прямо для того, чтобы пожать ему руку и выразить глубокое почтеніе. Но поѣздка не состоялась, потому что дѣло устроилось совсѣмъ не такъ, какъ мы вообразили. Наймиты Ахила Менелаича просто позаботились о себѣ. Большая часть ихъ поспѣшила скосить собственные участки, остальные же перекочевали къ сосѣднимъ помѣщикамъ, „а Менелаичъ, молъ, подождетъ,—извѣстно, баринъ добрѣйшій,—посердится, выбранитъ и проститъ!“ Въ этомъ дѣлѣ теорія договоровъ какъ-то сама собою упразднилась и уступила мѣсто практической истинѣ: своя рубашка ближе къ тѣлу. Вслѣдъ затѣмъ наступила и другая практика—кражи господскаго зерна. Вдругъ пошли слухи, что крестьянинъ, да еще печникъ по ремеслу, намолотилъ себѣ на поляхъ Чурьевскаго барина полновѣсный мѣшокъ и свезъ его на мельницу—какъ вы думаете, куда? Да прямо въ волость,—въ ту деревню, гдѣ волостное правленіе! Но Ахилъ Менелаичъ не Павлина Протасьевна! У него есть и свой староста и полевые сторожа. За воромъ погнались, настигли и, хотя онъ бросилъ возъ и бѣжалъ, но поймали и его. Ахилъ Менелаичъ ни гу, гу! И мы молчимъ: думаемъ, вѣрно, болтаютъ пустое! Наконецъ мы не вытерпѣли, спрашиваемъ: „Послушайте-ка, вѣдь, говорятъ, васъ обидѣли?.. Сказываютъ, мѣръ двадцать

стянули!“ Пріятель нашъ отозвался, по обычаю, вяло и неохотно:—„что съ ними подѣлаешь?.. Негодяи!.. Я послалъ за урядникомъ, а когда-то онъ пріѣдетъ?.. Да еще либо пріѣдетъ, либо нѣтъ!..“ Однако урядникъ пріѣхалъ. Воръ сослался на сосѣда крестьянина: „у него, молъ, купилъ“. Только на этотъ разъ увертка была до того наглая, что и кумовство не помогло. Сосѣдъ рѣшительно показалъ, что и не думалъ продавать никакой ржи; вора уличили, составили протоколъ, и хищникъ не долженъ бы избѣжать наказанія, хотя укралъ не двадцать, а всего пять мѣръ. Но всякій знающій близко Ахила Менелапча можетъ поручиться, что и въ данномъ случаѣ, дѣло кончится безъ „воспитательнаго“ воздѣйствія судовъ. Стоитъ только разсказать, какъ разыгралось дѣло съ покражей сѣна, случившейся въ началѣ лѣта, во время покоса. Уступая неоднократнымъ требованіямъ и подтвержденіямъ, Ахилъ Менелапчъ рѣшился наконецъ ѣхать къ земскому начальнику на разбирательство этого дѣла. Какъ только онъ вернулся, мы сейчасъ же устроили ему интервью:—„Ну, что?.. Засадили?..“ - „Нѣтъ, простилъ... Богъ съ нимъ совсѣмъ!.. Онъ у меня подъ бокомъ живетъ, извѣстный разбойникъ, воръ, отчаянная голова... Еще пожалуй, надѣлаетъ мнѣ на зло что-нибудь худое... Ну ихъ совсѣмъ!“

Вообще хозяинъ втораго Чурьева или махнетъ рукой на дѣло, или проститъ по добротѣ, или, наконецъ, найдетъ предлогъ посмотрѣть на воровство сквозь пальцы. Заходитъ къ намъ какъ-то разъ этотъ почтенный сосѣдъ, очень веселый.—„Добраго здоровья, Ахилъ Менелапчъ! Что новенькаго, хорошенькаго?..“—„Да вотъ, надобно поскорѣе чечевицу снимать, а то всю раскрадутъ!..“—„Какъ такъ?.. Кто же крадетъ?..“—„Да бабы!..“ „Полноте, что вы, вѣдь сами же говорили, что здѣсь сѣятъ чечевицу только на прокормъ скотины!..“—„Ну, вотъ подите... а бабы говорятъ—вкусная это штука... бобомъ, вишь, пахнетъ!..“—„А вы бы ихъ юридически поучили, вонъ какъ надняхъ печника.“—„Да кого же я преслѣдовать-то буду?..“ - „Какъ кого?.. Извѣстно тѣхъ, кто воруетъ!..“—„Такъ, вѣдь, воруютъ-то двѣсти бабъ! Куда же я съ ними со всѣми судиться пойду!..“ Захохоталъ нашъ Чурьевскій баринъ и махнулъ рукой, но намъ было не до смѣха, и мы строже продолжали интервью: „такъ вы, пожалуй, и за неявку на работу не преслѣдовали?.. Къ земскому-то начальнику писемъ не отослали?..“—„Ничего я не послалъ... все разорвалъ!.. Мужики—негодяи и перебѣжали отъ меня къ

Маврѣ Ѳоминишнѣ и къ Марку Никандрычу, а эти господа умѣютъ надбавить цѣну... Мнѣ говорятъ, что платятъ по двадцати копѣекъ въ день, а сами даютъ по сорока! Вотъ, вѣдь, какъ они меня подводятъ!.. А мужики—мерзавцы! Стоитъ ли съ ними возиться!..“ — „Помилуйте, Ахилъ Менелаичъ, поймите же, ради Бога, что вы такую потачку даете, что они скоро начнутъ хозяйничать у васъ, какъ у себя дома!..“—А онъ намъ на это говоритъ: „Да такъ оно и есть! совершенно вѣрно! А что подѣлаешь?.. Нельзя же вѣдь такъ круто... Вонъ въ прошломъ году въ моемъ лѣсу... помните... прямо толпами набросились на орѣхи!.. До смертнаго боя со сторожами доходило... Ну, я и жаловался, слѣдствіе было и чѣмъ же кончилось?—Двѣнадцати-лѣтнюю дѣвчонку посадили въ волости въ холодную на одинъ день, а мои орѣхи почти всѣ растаскали!..“

Признаться, что тутъ уже и намъ ничего не оставалось, какъ махнуть рукой.

Поищемъ дальше новыхъ типовъ, благо Ахилъ Менелаичъ упомянулъ о своихъ сосѣдяхъ. Понавѣдаемся къ нимъ,—не найдемъ ли искомаго?

Къ владѣлицѣ третьяго Чурьева, Маврѣ Ѳоминишнѣ, мы являемся раза два-три въ лѣто засвидѣтельствовать свое почтеніе. Домъ ея такой, что какъ войдете, такъ и захочется поскорѣе изъ него выдти. Ремонта тутъ не полагается. На потолкѣ гостиной мѣстами выпала штукатурка, или же видны коричневыя пятна отъ сырости; пыль, паутина, неопрятность бросаются въ глаза. Мебель очень выигрываетъ, когда покрывается чехлами; ковры потертые, полинялые; словомъ, не только роскоши и удобства, комфорта, но даже и подобія приличной обстановки не имѣется. Въ садикѣ, передъ балкономъ, правда, всегда найдутся цвѣты, но все это плохо подобрано, скучено или разбросано, какъ попало. Словомъ, видно, что хозяйка не любительница цвѣтниковъ и все это насажденіе—дѣло привычки или рутины. Но стоитъ только выйти въ прилежащіе фруктовые сады, чтобы забыть о домѣ и о безвкусномъ цвѣтникѣ. Въ фруктовыхъ садахъ, очень обширныхъ, на каждомъ шагу видны рука и глазъ Мавры Ѳоминишны. Ни одного сломаннаго дерева или погнувшагося и оставленнаго безъ подпорки. Ни сушины, ни зарослей, ни сорныхъ травъ не видно. Напротивъ, каждое деревцо обкопано, земля подъ нимъ удобрена, и стволъ очищенъ отъ ржавчины и вымазанъ глиной. Зато сады эти даютъ отличный

доходъ и составляютъ солидную оброчную статью. Послѣ запущенныхъ, загаженныхъ съемщиками и одичалыхъ садовъ Павлины Протасьевны и Ахила Менелапча сады Мавры Ѳоминишны представляются роскошными оранжереями. То же самое впечатлѣніе получается при осмотрѣ хозяйственныхъ построекъ третьяго Чурьева. Въ клунѣ Мавры Ѳоминишны гораздо пріятнѣе побывать, чѣмъ въ ея гостиной. Даже не спеціалисту сельскаго хозяйства бросается въ глаза необыкновенная чистота и образцовый порядокъ во всемъ, начиная съ строенія и кончая машинами. Наконецъ выйдите въ поле въ какое угодно время, вы найдете работы или въ полномъ ходу, или оконченными. Когда сосѣди только что начинаютъ раздумывать пахать, сѣять или жать, Мавра Ѳоминишна уже давно распорядилась. Поэтому мы перестаемъ говорить о ея хозяйствѣ. Пришлось бы хвалить, а это лишнее: доброе хозяйство само себя хвалитъ! Перейдемъ прямо къ послѣднему имѣнію.

О хозяйствѣ владѣльца четвертаго Чурьева, Марка Никандрыча, говорить много не будемъ, иначе пришлось бы повторять все сказанное про Мавру Ѳоминишну. Подобно ей и Маркъ Никандрычъ не заботится о барскомъ домѣ, чуждается роскоши и праздныхъ затѣй. Зато хозяйственныя постройки, сады (плодовые), огороды, поля обличаютъ хозяйскій глазъ и разумную администрацію.

Зачѣмъ же растягивать разсказъ подробностями? Довольно сказать, что и тутъ мы не нашли того, чего искали. Не люди типичны, а дѣла. Въ старое время бережливыхъ и практичныхъ помѣщиковъ назвали бы образцовыми, а теперь и этого мало. Голодъ и холера какъ бы пальцемъ указали на землевладѣльцевъ, дѣйствительно стоящихъ на высотѣ своего положенія. Россія нуждается въ такихъ людяхъ, которые изъ-за чисто личныхъ интересовъ не забывали бы общественныя пользы и нужды. Такихъ мы не нашли не только въ Чурьевской мѣстности, но и въ другой губерніи, гдѣ, какъ видно станетъ, успѣли побывать. Положимъ, Маркъ Никандрычъ состоитъ тоже попечителемъ, и жена его старается, по возможности, приносить пользу, но попечительство, съ неба на нихъ упавшее, больше удивляетъ, чѣмъ занимаетъ ихъ. Если уже непремѣнно искать въ Маврѣ Ѳоминишнѣ и въ Маркѣ Никандрычѣ современные типы, то, во всякомъ случаѣ, это типы переходнаго времени. Новѣйшихъ образцовъ мы (про себя лично говоримъ) не нашли ни здѣсь, ни въ сосѣдней губерніи, о чемъ предупреждаемъ заранѣе. Мы

не хотимъ сказать, что за такими хозяевами, какъ владѣльцы третьяго и четвертаго Чурьева, совсѣмъ не стòитъ наблюдать. Нѣтъ, стòитъ! И у нихъ типичны дѣла, если сравнить ихъ со словами. Заговорите съ Маврой Ѳоминишною или съ Маркомъ Никандрычемъ о сельскомъ хозяйствѣ, и вамъ покажется, что они плохо въ немъ смыслятъ, потому что не хвалятся, не хвастаютъ, а, напротивъ, принижаются, уклоняются и говорятъ иносказательно, хотя на все отвѣчаютъ дѣльно и толково: „съ глупцомъ разумну рѣчь ведутъ!“ какъ выразился Пушкинъ о Мазепѣ.

На прямой вопросъ: „сколько у васъ копенъ на десятинѣ оказалось?“ Или: „сколько пудовъ умолота?“ — эти господа непремѣнно отвѣтятъ уклончиво: „семь копенъ, кажется, наберется... слава Богу, если восемь!“ Ну, тогда смѣло кладите десять, и не ошибетесь! То же и насчетъ умолота отзовутся, напримѣръ, такъ: „Да, какъ вамъ сказать? Не много, не мало... На сѣмена-то, вовсякомъ случаѣ, хватитъ... а, впрочемъ, я вѣдь еще только началъ молотить, —кончу, такъ видно будетъ“... Въ исходѣ жатвы былъ у насъ какъ-то владѣлецъ четвертаго Чурьева. Мы сейчасъ—интервью: „Ну, что, Маркъ Никандрычъ, чай рожь уже всю у васъ собрали?“—„Да, помаленьку подвигается... Думаю, что въ полѣ малость осталась“...— „Помогай вамъ Богъ?“— „Покорнѣйше благодарю!“ Вотъ это слова. На дѣлѣ же вотъ что оказалось: ѣдемъ мы на другой день въ городъ, вдругъ видимъ, навстрѣчу тянутся сорокъ подводъ. Спрашиваемъ: „откуда? съ чѣмъ ѣздили?“—„Хлѣбъ возили“.—„Чей?“—„Марка Никандрыча“.—„Почемъ онъ продалъ?..“ Но на это отвѣта не послѣдовало. Мужички почесываются, посмѣиваются въ бороду и наотрѣзъ говорятъ: „Не могимъ знать!“ Знаютъ-то они знаютъ, только Маркъ Никандрычъ пристегнулъ языки, да и самъ до поры до времени ни гугу! Продалъ-то онъ, положимъ, по девяносто копѣекъ съ хвостикомъ, а скажетъ только тогда, когда другіе будутъ продавать по семьдесятъ копѣекъ. Вотъ тогда и Маркъ Никандрычъ похвастается! Всякая оцѣнка выходитъ изъ сравненія. Заглянемъ къ сосѣдямъ, что тамъ дѣлается? По справкамъ оказывается, что Мавра Ѳоминишна собрала, вымолотила и продала хлѣбъ еще ранѣе Марка Никандрыча и повыгоднѣе его, но и это остается тайной. Вообще, если считать за типы этихъ двухъ хозяевъ, то развѣ тѣмъ, что они мало говорятъ да много дѣлаютъ. Заглянемъ и во второе Чурьево. Тамъ Ахилъ Мене-

лапчъ еще не свезъ всей ржи съ поля и не начиналъ молотить, да и никакъ нельзя: молотилка и вѣялка попортились, а пока ихъ поправляли цѣна на хлѣбъ понизилась съ 90 коп. на 80. Рынокъ не ждетъ! Забѣжимъ въ первое Чурьево. Тутъ у Павлины Протасьевны кое-что изъ урожая убрано и свезено въ клуню. Желала бы она молотить, но случилась пренепріятная оказія. Хозяйка теперь только спохватилась, что у молотилки зубья поломаны, такъ что не чинить, а совсѣмъ отливать новые надо. Гдѣ же возиться съ ними въ горячую пору! Пока владѣлица успѣла нанять переносную молотилку у крестьянъ, пока ее уставили, пока начали молотить,—цѣны упали на 70 коп. Вотъ и жди, пока опять поднимутся, а Павлинѣ Протасьевнѣ ждать нельзя,—деньги дозарѣзу нужны! Да, не слова типичны, а дѣла. Впрочемъ, физіономіи, манеры и костюмы тоже, безспорно, интересны въ своемъ родѣ, и мы сдѣлаемъ исключеніе для Марка Никандровича и, пожалуй, набросаемъ его портретъ въ общихъ чертахъ. Это бѣлокурый мужчина лѣтъ тридцати пяти, средняго роста съ умнымъ серьезнымъ лицомъ. Въ немъ нѣтъ ничего героическаго (въ литературномъ смыслѣ), зато и нѣтъ ничего карикатурнаго. Въ общество онъ является въ черномъ сюртукѣ или жакеткѣ, весьма приличной и безпритязательной. Можетъ-быть дома, за работой, онъ надѣнетъ большіе сапоги или шлепанцы, очень схожіе съ лаптями, рубаху, простой полушубокъ, словомъ, одѣнется, какъ можно поудобнѣе, но никогда онъ не будетъ пускать пыль въ глаза постороннимъ людямъ эксцентричными нарядами. То же самое можно сказать и о Маврѣ Ѳомишнѣ. Какъ бы они ни одѣвалась, а въ ней всѣ почитаютъ настоящую барыню, какое бы ни было ея происхожденіе. Маркъ Никандрычъ тоже настоящій баринъ. Это значитъ, что сила въ землевладѣніи: кто владѣетъ землей — тотъ и господинъ, не по прозванію, не по происхожденію, а потому, что онъ владѣлецъ, независимый человѣкъ, „самъ большой!..“ Происхожденіе отходитъ на второй планъ. О гербахъ дворянскихъ здѣсь никто и не думаетъ. О нихъ напоминаетъ развѣ какая-нибудь ливрейная пуговица, отрытая въ старомъ хламѣ отъ прежнихъ господъ. Потерялъ значеніе и практическій девизъ былаго барства: „меньше трудись, больше пріобрѣтай и безъ заботы проживай!“ Поэтому пріостановимся въ нашихъ поискахъ за дворянскими типами и будемъ говорить не объ одномъ дворянскомъ, но о всесословномъ землевладѣніи.

Начнемъ съ крестьянъ. Въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, какъ и вездѣ

въ Россіи, половина, а то и двѣ трети дворянскихъ земель выкуплены крестьянами. Душеваго надѣла пришлось по 2¾ десятины на душу. Между тѣмъ съ 1861 года, въ теченіе 30 лѣтъ, населеніе удвоилось, и узаконеніе раздѣловъ въ семьяхъ раздробило участки до такихъ ничтожныхъ долей, что пропитывать они не могутъ, а такъ какъ заработная плата, какъ сказано, тоже самая незначительная, то и дальнѣйшее существованіе на родинѣ становится невозможнымъ. Глубоко укоренившееся, безшабашное пьянство окончательно разоряетъ крестьянъ до тла, и трудно сказать, откуда это пьянство и неизбѣжное при этомъ воровство? Причина или послѣдствіе дробленія надѣловъ? Углубляться въ такое изслѣдованіе мы, конечно, не будемъ. Скажемъ положительно развѣ то, что крестьяне-собственники еще долго не могутъ быть конкуррентами даже и мелкопомѣстному дворянству. Правда, найдутся нѣсколько случаевъ владѣнія отъ 30 до 50 десят. разжившимися крестьянами, но большинство твердитъ только одно: „намъ здѣсь тѣсно... ѣсть нечего, заработать нельзя, стало-быть одна дорога — на новыя мѣста!“ Переселенческое движеніе до того популярно, до того настоятельно, что удержать его нельзя. Можно сказать, что Россія — единственная страна въ Европѣ, гдѣ эмиграція можетъ совершаться въ собственныхъ предѣлахъ, не переходя границъ. Пользу и громадное государственное значеніе перемѣщенія народныхъ силъ изъ центра на окраины доказываютъ нынѣшніе поселенцы Уссурійскаго края. И Сибирь со временемъ сдѣлается новою Россіей, заселится и Закавказье и среднеазіатскія владѣнія. Въ высшей степени интересно наблюдать за судьбой выбывшихъ и остающихся. Къ сожалѣнію, личныя наши наблюденія въ описываемой мѣстности не могутъ идти далеко. Изъ здѣшняго прихода въ прошломъ году, выселилось, какъ мы сказали, до 15 семействъ; въ текущемъ году разрѣшено выселиться 50 семьямъ, но пока не выселилось и половины. Повышеніе заработной платы еще незамѣтно. Она попрежнему остается 30 к. мужчинѣ и 20 к. бабѣ по-денно; по-десятинно же: отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 20 к., то-есть 1 р. за жатву и 50—20 к. за вязку сноповъ. Весьма утѣшительно было видѣть, что нѣкоторые изъ извѣстныхъ конокрадовъ и воровъ или говоруновъ-подстрекателей добровольно сослались въ Сибирь, но любопытную цифру подобныхъ переселенцевъ опредѣлить пока, конечно, трудно. Зато, къ прискорбію, можно рѣшительно сказать, что, по причинѣ ли дробленія

имуществъ или же общиннаго владѣнія, парализирующаго частную предпріимчивость и развивающаго страсть къ чужой собственности, но бытъ крестьянъ со времени реформы нисколько не улучшился. Русскіе крестьяне остались чѣмъ были, то-есть вегетаріанцами по преимуществу. Во всей Европѣ не найдется столько вегетаріанцевъ, сколько въ любой русской губерніи, и въ цѣломъ мірѣ не наберется ихъ столько, какъ въ Россіи. Русскіе крестьяне постятся 237 дней въ году. [1] Въ постные же дни крестьяне ѣдятъ „тюрю" (окрошка изъ чернаго хлѣба съ лукомъ), картофель, сушеные грибы, рѣдьку, капусту, горохъ и огурцы. Это вегетаріанизмъ не искусственный, не вычитанный, а естественный, суровый. Въ остальные 128 скоромныхъ дней крестьянская пища очень мало отличается отъ постной. Отправляясь въ поле на трудъ (и какой трудъ!), крестьянинъ беретъ съ собою на завтракъ кусокъ хлѣба и считаетъ благополучіемъ если можетъ прибавить къ нему нѣсколько печеныхъ картофелинъ, соленый огурецъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Обѣдъ же въ скоромные дни у громаднаго большинства русскихъ крестьянъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ большой горшокъ горячей воды бросаютъ горсть или двѣ капусты, кусокъ сала и забѣливаютъ это мукой, а кто подостаточнѣе, молокомъ,—вотъ и все! Мясо — такая роскошь для крестьянина, что оно является на столѣ только въ самые великіе праздники. Да еще мы намѣтили обиходъ крестьянина средней руки, а кто побѣднѣе, тотъ почти весь годъ пробавляется сухояденіемъ одного хлѣба да и того не хватаетъ уже послѣ зимняго Николы (6 декабря). Наконецъ, въ Бѣлоруссіи народъ круглый годъ живетъ впроголодь!.. Все это безотрадно, такъ какъ малѣйшій неурожай при такихъ условіяхъ повергаетъ народъ въ отчаянное положеніе! — Надобно прибавить къ этому гибельный недостатокъ крестьянскихъ сѣнокосовъ и пастбищъ (особенно въ центральныхъ губерніяхъ), а крестьянинъ безъ скотины какъ безъ рукъ! Говоримъ объ этомъ коротко, потому что оно слишкомъ общеизвѣстно. Засухи порождаютъ неурожай и голодъ, а голодъ—разныя болѣзни. Нынѣшнимъ лѣтомъ (1892) въ Чурьевской мѣстности свирѣпствовалъ кровавый поносъ, особенно на дѣтяхъ. Въ деревнѣ Лешовкѣ заболѣло около полсотни дѣтей. Пріѣзжаютъ туда два

---

[1] Великій постъ—49 дней; Петровскій — 29 дней; Успенскій — 15; Рождественскій—40; середы и пятницы въ цѣломъ году—104.

доктора—земскій и уѣздный. Одна изъ бабъ приноситъ къ нимъ груднаго ребенка, страдающаго сильнѣйшею диссентеріею и страшно кричащаго, а въ рученкѣ младенца доктора увидѣли огрызокъ совершенно незрѣлаго, зеленаго яблока! „Что̀ ты дѣлаешь?.. Зачѣмъ даешь ему эту дрянь?"—„Да что̀ же дѣлать-то, батюшка, коли больше кормить нечѣмъ". Доктора разразились, конечно, цѣлымъ потокомъ выговоровъ, уговоровъ и совѣтовъ, между прочимъ строго внушали давать больнымъ дѣтямъ кипяченое молоко. Но бабы только пожимались и чуть не смѣялись: „Гдѣ же, батюшка, взять-то его! Вонъ оно и стадо-то наше!" Посмотрѣли доктора и руками развели. Около пруда щипали землю пять коровъ, единственныя на 25 дворовъ...—„Голодъ не тетка!" говоритъ пословица. Въ послѣдніе годы рѣдкій землевладѣлецъ строго смотрѣлъ на воровство крестьянъ въ поляхъ, особенно же на расхищеніе огородовъ. Послѣднее доходило до смѣшнаго; одинъ мужичекъ, пользуясь долгимъ отсутствіемъ сосѣда-помѣщика и кумовствомъ сторожа, перетаскалъ къ себѣ всю барскую разсаду, принимая ее за обыкновенную капусту. Вдругъ начала расти брюссельская и цвѣтная. Мужичекъ испугался, видя, что растетъ что-то несообразное, и еще болѣе перетрусилъ, когда изъ кочешковъ повылѣзли странныя бѣлыя головки. Но помѣщикъ только засмѣялся, махнулъ рукой и оставилъ дѣло безъ послѣдствій. И смѣхъ и горе! Если желаете убѣдиться по первому же взгляду, улучшился ли бытъ крестьянъ въ какомъ-нибудь селеніи, посмотрите, много ли новыхъ построекъ и много ли новыхъ колесъ, перетянутыхъ желѣзными шинами? Если много, то несомнѣнно, что крестьяне поправляются. Новыя постройки, положимъ, умножаются; ихъ даже страхуютъ (тоже прогрессъ); лучина замѣняется керосиновыми лампочками, есть и другіе благопріятные признаки движенія впередъ, но являются они не правиломъ, а исключеніями. Когда же наступитъ прочное, повсемѣстное улучшеніе крестьянскаго быта и какія мѣры могли бы привести къ этому желаемому прогрессу? Популярнѣйшій изъ французскихъ королей, Генрихъ IV, говорилъ, что не будетъ спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока въ суповомъ горшкѣ каждаго французскаго поселянина не будетъ ежедневно вариться курица. Наши русскія пожеланія гораздо скромнѣе, зато гораздо пространнѣе. Мы желали бы: 1) чтобы каждому русскому крестьянину ежегодно хватало бы хлѣба отъ урожая до урожая; 2) чтобъ у каждаго крестьянина

былъ сѣнокосъ, пастьба и огородъ. Наконецъ, чтобы мясо доступно было крестьянскому населенію, хотя бы въ теченіе 128 скоромныхъ дней. Какъ еще далеко до подобнаго благополучія! Далеко-то далеко, а все же оно будетъ, и не пройдетъ еще 30 лѣтъ, какъ уже многое на половину осуществится. Это сейчасъ же станетъ замѣтно, потому что пьянство, безшабашное, повальное, и воровство на половину уменьшатся. Алькоголь нуженъ сѣверному человѣку вообще, — это доказано, а русскому человѣку онъ еще необходимѣе. Нѣмцы зовутъ хлѣбное вино — жидкимъ хлѣбомъ (Flüssiges Brod). Это совершенно вѣрно: и сивуха не только питаетъ нашъ простой людъ, но еще и пріятно одуряетъ. Сколько-нибудь зажиточный крестьянинъ не будетъ валяться пьянымъ въ канавѣ и лазить ему въ чужой огородъ не за чѣмъ, потому есть у него свой собственный. Практическіе люди перебьютъ насъ на этомъ словѣ и скажутъ: „все это прекрасно, а вы скажите-ка, что́ тутъ дѣлать, чтобы не на бумагѣ, а въ жизни все обстояло такъ благополучно. Говорить намъ много не придется. Есть рѣшенія, которыя выпадаютъ сами собою, какъ зрѣлый плодъ съ дерева. Вѣдь ясно же стало всѣмъ теперь, что еслибы санитарныя мѣры, принятыя во время холеры, примѣнялись бы въ нехолерное время, то и холеры бы вовсе не было. Еслибы землевладѣльцы постоянно помогали народу съ тѣмъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ, какъ въ минувшіе голодные годы, то они на половину предупредили бы катастрофу. Конечно, помѣщики не въ состояніи вновь надѣлить крестьянъ пастбищами, лѣсами, огородами. Но вотъ это именно и можетъ совершить переселеніе изъ центра на окраины. Правительство и общество, благодаря Бога, энергично взялись за переселенческій вопросъ, и животворная сила подобной дѣятельности идетъ навстрѣчу тому движенію, которое довершитъ благодѣтельный кризисъ въ народномъ благосостояніи. Мы хотимъ сказать, что Сибирская желѣзная дорога должна и будетъ имѣть значеніе регулятора. Пока она не готова, крестьяне будутъ выселяться робко, понемногу, а многіе возвратятся нищими, и неудивительно, такъ какъ пройти 12.000 верстъ съ семьею и съ пожитками не по силамъ даже и выносливому русскому человѣку. Но какъ только откроется рельсовой путь отъ Москвы до Владивостока, — тысячи и сотни тысячъ людей проговорятъ: „Ванькѣ путёкъ, — Ванька утёкъ! Дальнія области и окраины заселятся, а внутри станетъ просторнѣе. Просторъ же придастъ и об-

щинному землевладѣнію болѣе устойчивый характеръ, такъ какъ общественныя земли въ рукахъ достаточныхъ крестьянъ и надежнѣйшихъ плательщиковъ податей, будутъ лучше воздѣлываться, оставаясь надолго принадлежностью одного и того же рода и поколѣнія. Въ настоящее время такіе обороты мало замѣтны. Но вѣдь переселеніе еще, сравнительно, весьма небольшое, оно только-что начинается; однако уже и теперь во многихъ мѣстностяхъ становится похожимъ на то, что остающіеся на мѣстахъ хозяева, скупающіе теперь усадьбы и реманентъ переселенцевъ, заживутъ, конечно, шире, станутъ зажиточными и нравственный уровень поднимется. По теоріи оно такъ, а на практикѣ дай Богъ, чтобы сталось все къ лучшему и крестьяне-собственники превратились хотя бы въ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ настоящее время они даже и на однодворцевъ не похожи. Серьезными и дѣйствительными конкуррентами дворянскому землевладѣнію являются разночинцы, то-есть лица не дворянскаго происхожденія, купившіе землю дворянъ послѣ реформы. Большинство ихъ—купцы, разбогатѣвшіе промышленники, техники (особенно инженеры) и чиновники. Въ описываемой мѣстности найдутся образчики послѣ-реформенныхъ пріобрѣтателей, но о нихъ—послѣ. Всякій Русскій, помнящій современныя ему событія отъ начала крестьянской реформы по сейчасъ, знаетъ, что съ 1861 года *Петербургскія Вѣдомости*, *Московскія Вѣдомости* и всѣ сколько-нибудь распространенныя газеты разсылали объемистыя прибавленія съ длиннѣйшимъ и подробнымъ спискомъ дворянскихъ имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга такъ называемымъ „Золотымъ Банкомъ". У кого сохранилась коллекція этихъ печатныхъ объявленій, тотъ могъ бы подвести ужасающій итогъ проданныхъ земель, который и до сихъ поръ нельзя подвести окончательно, такъ какъ продажа продолжается Дворянскимъ Банкомъ и въ настоящую минуту опубликованы къ продажѣ 1273 имѣнія. Въ чьи руки перешли всѣ эти дворянскія земли? Мы, конечно, не можемъ обобщить этихъ интересныхъ данныхъ и должны ограничиться узкимъ кругозоромъ одного уѣзда, о которомъ рѣчь. Въ этомъ уѣздѣ считается вообще 241 имѣніе. Изъ нихъ 157 принадлежатъ дворянамъ и 84—не-дворянамъ. За кѣмъ будущность? Къ какимъ именно лицамъ переходятъ дворянскія имѣнія и какъ они хозяйничаютъ? Эти вопросы стоятъ серьезнаго изслѣдованія. Наши наблюденія въ четырехъ усадьбахъ не имѣютъ значенія. Если въ такой незначительной группѣ имѣній двое

владѣльцевъ хозяйничаютъ плохо, а двое хорошо, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы вездѣ было плохо. Въ 9 и 15 верстахъ отъ Чурьева живутъ два образцовыхъ хозяина изъ потомственныхъ дворянъ, и много найдется такихъ не только въ описываемомъ уѣздѣ, но и въ сосѣдней съ нимъ губерніи, гдѣ мы провели въ нынѣшнемъ же году конецъ лѣта у одного родственника. Его земли расположены въ двухъ уѣздахъ, и мы можемъ судить по личному знакомству или по наслышкѣ, но отъ вѣрныхъ и правдивыхъ наблюдателей о владѣльцахъ двадцати имѣній. Наконецъ, и въ той мѣстности, съ которой мы начали разсказъ, кромѣ помянутыхъ четырехъ имѣній, намъ извѣстны, болѣе или менѣе близко, по крайней мѣрѣ двѣнадцать.

Поэтому можемъ говорить нѣсколько смѣлѣе и будемъ продолжать разсматривать послѣ-реформенныхъ, новыхъ владѣльцевъ. Вернемся въ Чурьево. Въ четырехъ верстахъ отъ него находится селеніе Лешовка. Ея владѣлецъ Николай Петровичъ..... почтенный и опытный педагогъ, служившій инспекторомъ гимназіи въ одной изъ столицъ, гдѣ имѣетъ дома. Вообще онъ человѣкъ весьма достаточный, но въ каникулярное время хозяйничаетъ въ Лешовкѣ лично, непосредственно и превосходно. Этотъ также изъ тѣхъ, кто мало говоритъ, а много дѣлаетъ. Николай Петровичъ имѣетъ нѣсколько сыновей и дочерей. Семьянинъ онъ прекрасный и человѣкъ добрый, религіозный и всѣми уважаемый. Усадьба и обстановка его до того скромная, что, проѣзжая Лешовку, едва можно отличить господскій домъ отъ крестьянскихъ хатъ. Вообще роскоши хозяинъ избѣгаетъ, но хлѣбъ у него родится отлично, и дай Богъ побольше такихъ хозяевъ. Обратясь въ другую сторону, верстахъ въ десяти отъ Чурьева находимъ имѣніе, гдѣ владѣлецъ также педагогъ не служащій, но такой же прекрасный семьянинъ и отличный хозяинъ, какъ и Николай Петровичъ. У нихъ общія черты. По пріѣздѣ въ сосѣднюю губернію, въ одно изъ воскресеній отправляемся въ церковь и видимъ, вправо отъ дороги прехорошенькая усадьба: домъ небольшой, бѣлый, съ новенькою зеленою крышей, превесело смотритъ изъ-за деревьевъ сада.

Тутъ живетъ еще одинъ землевладѣлецъ изъ учебнаго вѣдомства, Василій Ивановичъ .... очень немалаго чина и директоръ столичной гимназіи. И у него семейство, сыновья гимназисты, одинъ, кажется, студентъ. Описывая его характеръ и хозяйство, пришлось бы повторить буквально все, что сказано о предыду-

щихъ землевладѣльцахъ-педагогахъ. Вообще, этотъ типъ очень симпатичный, вопервыхъ, тѣмъ, что, не будучи ханжами, а глубоко-религіозными людьми и отличными семьянами, они показываютъ хорошій примѣръ народу, а главное, что всѣ они люди интеллигентные, что сейчасъ же видно при первомъ знакомствѣ. Они не чванятся, не молчатъ и не глупятъ исподтишка, но и не болтаютъ и не самодурствуютъ. Они ни въ комъ не заискиваютъ, но никого не отталкиваютъ спѣсью или своенравіемъ. Они немножко педанты, какъ всѣ педагоги, но больше по своей ученой части. Въ сельскомъ же хозяйствѣ руководствуются болѣе всего здравымъ смысломъ и, что важнѣе, самолично хозяйничаютъ и сами сидятъ на своей землѣ, хотя бы лѣтомъ, а о заграничномъ или домашнемъ мотовствѣ не думаютъ. Всѣ три названныхъ землевладѣльца происходятъ изъ купеческаго званія; одинъ имѣетъ отца и мать старообрядцевъ. Купцы же происходятъ отъ крестьянъ, слѣдовательно: дѣдъ—простой землепашецъ, отецъ—купецъ, а у внуковъ уже потомственное дворянство на порогѣ! Дѣйствительно, и Николай Петровичъ и Василій Ивановичъ не сегодня-завтра выслужатъ потомственное дворянство (по чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника) и сами дѣлаются первыми дворянскими предками своего рода. Они сами себя облагородили умственнымъ и духовнымъ образованіемъ, и вотъ почему мы болѣе сочувствуемъ такому типу землевладѣльцевъ.

Изъ отставныхъ офицеровъ или чиновниковъ мы въ этихъ мѣстностяхъ землевладѣльцевъ не встрѣчали; кажется, будущность землевладѣнія не за ними и слава Богу, если такихъ поменьше будетъ. Всякій на своемъ мѣстѣ важенъ: офицеръ во фронтѣ и чиновникъ за департаментскимъ столомъ имѣютъ свое значеніе и представительность. Самомнѣніе и самоувѣренность внушаетъ имъ мысль, что сельское хозяйство пустяки! Стòитъ посидѣть годъ или два въ имѣніи, чтобы научиться хозяйничать. На дѣлѣ выходитъ не такъ легко. Чиновникъ, по привычкѣ, все „предписываетъ“, ко всему „относится“, обо всемъ страшно много разсуждаетъ, но когда посѣять, какъ пожать, вымолотить и продать своевременно и выгодно, этого самъ директоръ департамента въ толкъ не возьметъ. Офицеръ тоже по привычкѣ все норовитъ командовать, требовать, „чтобы было все въ порядкѣ“, да еще поскорѣй, поживѣй! А толку выходитъ столь же мало, какъ и у чиновника. Впрочемъ, объ этомъ еще рѣчь впереди! Наконецъ, большинство землевладѣльцевъ, не-дворянъ, какъ здѣсь, такъ

вездѣ въ Россіи, состоитъ изъ купцовъ, начиная отъ крупныхъ капиталистовъ до мелкихъ торгашей. Кажется, въ дѣлѣ покупки имѣній козыри будутъ въ ихъ рукахъ, потому что деньги сила!

Намъ не случалось пожить въ купеческомъ имѣніи, а мы все-таки рѣшаемся сказать, что едва ли много обѣщаетъ переходъ дворянскихъ имѣній къ купцамъ вообще особенно къ купцамъ, разжившимся изъ мелкихъ торгашей. Къ сожалѣнію, именно такіе всего чаще покупаютъ нынче землю и у дворянъ и у крестьянъ. Напримѣръ, имѣніе Буслаево, гдѣ желѣзнодорожная станція, и Куриловку (оба въ районѣ помянутаго Чурьева) купили два разбогатѣвшихъ крестьянина изъ Кулакова. Объ этомъ селеніи мы имѣли случай говорить; остается прибавить, что кулаковскіе крестьяне промышляютъ продажей шкуръ съ конской и коровьей падали, продажей стараго тряпья, съемкой садовъ и проч. Также и другое большое барское имѣніе, принадлежавшее когда-то отцу знакомаго намъ Марка Никандровича, и еще участокъ того же барина, который когда-то прикарманилъ его пріятель изъ подъячихъ, въ настоящее время принадлежитъ богатому хлѣбному торговцу, разжившемуся продажей кренделей.

Есть и другія купеческія владѣнія какъ въ описываемой, такъ и въ сосѣдней губерніи, гдѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ родственника нашего, многія изъ старыхъ барскихъ помѣстій теперь уже въ купеческихъ рукахъ. Хозяйничаютъ владѣльцы на славу: одинъ выстроилъ винокуренный заводъ, другой извѣстенъ за превосходнаго садовода. Все это прекрасно, но одно ли умѣнье пріобрѣтать потребно для успѣха русскаго землевладѣнія въ широкомъ, государственномъ смыслѣ этого слова? Не будемъ говорить о застарѣлыхъ бытовыхъ ранахъ купечества, обнаженныхъ Островскимъ и осмѣянныхъ Салтыковымъ. Заявимъ только о самой безотрадной чертѣ народнаго характера. Разжившійся крестьянинъ становится рѣдко землевладѣльцемъ, сразу и своимъ починомъ, а чаще всего—мелкимъ торгашемъ, а потомъ уже богатымъ торговцемъ. Къ несчастію, онъ почти всегда забываетъ своего вчерашняго собрата, сѣраго мужика, не помнитъ своей прежней горькой доли, а сейчасъ же дѣлается самодуромъ и деспотомъ надъ подвластными, такъ что въ безсердечіи, спѣси и тиранствѣ не уступаетъ самымъ безчеловѣчнымъ изъ крѣпостныхъ баръ. Правда, купецъ не будетъ хозяйничать на манеръ Павлины Протасьевны или Ахила Менелапча. Съ тѣмъ же стойкимъ терпѣніемъ, съ какимъ сидѣлъ онъ за прилавкомъ, будетъ онъ сидѣть

и въ имѣніи. Онъ также удачно пріищетъ себѣ сподручныхъ помощниковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ пріискивалъ прикащиковъ, артельщиковъ и прочихъ „молодцовъ“, но о другихъ цѣляхъ и задачахъ землевладѣнія такой помѣщикъ думать не будетъ. Торговлю онъ никогда не броситъ. Это главный его предметъ, а имѣніе—дѣло второстепенное. Главная задача—эксплоатація земли, какъ подспорье торговымъ разсчетамъ. Участь такихъ имѣній тоже имѣетъ нѣкоторое сходство съ барскими при крѣпостномъ правѣ, то-есть: дѣдъ и отецъ, воспитанные на мѣдные гроши, съ тѣхъ грошей разживались до милліоновъ, а сынки и внуки спускали все дочиста! Купеческіе сынки очень часто дѣлаютъ то же самое. Поэтому иные старые купцы ударяются въ религіозный мистицизмъ, строятъ церкви, дѣлаютъ громадныя пожертвованія съ благотворительною цѣлью, такъ что иногда получаютъ чины или ордена, дающіе потомственное дворянство; но оболочка ничего не мѣняетъ. Рѣдкіе изъ нашего купечества образуютъ себя или сыновей до степени солидныхъ иностранныхъ негоціантовъ, передающихъ свою фирму отъ отца сыну въ теченіе столѣтій. А настоящему дворянину и этого мало. Ему надобно относиться къ землѣ и къ народу не съ одной точки зрѣнія прибыли и корысти. Не будемъ говорить, что именно требуетъ наше время отъ дворянина-землевладѣльца, такъ какъ на это указали голодъ и холера, омрачившіе послѣднее трехлѣтіе. Однако въ этомъ указаніи мы именно находимъ поводъ поговорить о дворянствѣ серьезно, какъ оно того заслуживаетъ. По возможности придерживаясь фактическихъ данныхъ, мы вынуждены еще разъ вернуться въ Чурьевскія палестины. Отъ XIII до XVII вѣка тамошній край былъ окраиной Руси и служилъ оплотомъ противъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, Калмыковъ, а также противъ Литовцевъ и Польши. Здѣсь были царскія сторожи, сюда посылались на службу бояре и дѣти боярскіе, поэтому дворянство помѣстное и вотчинное издавна укоренилось въ краѣ. Оно худало, бѣднѣло, мельчало, но крѣпко держалось на старыхъ корняхъ до самой реформы 1861 года. Въ 1830 годахъ въ Чурьевѣ было двѣнадцать дворянскихъ гнѣздъ; въ 1840 годахъ осталось всего девять, а теперь, какъ мы видѣли, только четыре. Также и въ Лешовкѣ, гдѣ было четыре имѣнія, всѣ они теперь слились въ одно. Большинство прежнихъ помѣщиковъ были мелкопомѣстные, имѣвшіе отъ одного до трехъ дворовъ, а нынѣшніе владѣльцы—въ нѣкоторомъ родѣ собира-

тели Русской земли, имѣютъ отъ 100—500 десятинъ. Реформа 1861 года обратила крупныхъ владѣльцевъ, терявшихъ половину или двѣ трети земель, въ среднихъ и совершенно почти искоренила, какъ будто смыла, мелкія хозяйства. Изъ этихъ образовались, какъ въ Чурьевскомъ околоткѣ, участки въ 200 или въ 300 десятинъ, такъ что не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи преобладаетъ среднее землевладѣніе. Полагаемъ, что то же самое можно бы сказать о всей Россіи вообще. Это обстоятельство а также дробленіе имуществъ между дѣтьми владѣльцевъ и продажа ихъ съ публичнаго торга, все это вмѣстѣ породило въ обществѣ и въ литературѣ пессимистическія вѣрованія, что дворянство нищаетъ, вырождается, искореняется. Все это очень можетъ быть, только совершится оно не въ XIX, даже и не въ XX вѣкѣ. Дворянство на Руси постоянно вырождалось и нарождалось какъ ни въ чемъ не бывало. Удѣльные князья захудали до зауряднаго боярства, а боярство Рюрикова корня,—Мстиславскіе, Шуйскіе, Воротынскіе уступили мѣста новымъ людямъ какъ Годуновъ, Матвѣевъ, Морозовъ, Ординъ-Нащокинъ и прочіе.

За тридцать пять лѣтъ царствованія Петра Великаго возникло столько дворянскихъ родовъ, что дворянство удесятерилось. Теперь уже многіе изъ этихъ родовъ вымерли, но дворянство не погибнетъ и уже никакъ не искоренится, потому что *главный его корень весь русскій народъ*. Стало-быть самая важная государственная задача состоитъ въ томъ, чтобъ облегчить прирожденнымъ способностямъ простолюдина пробивать себѣ дорогу въ высшіе слои общества. Положимъ, что теперь оно легче чѣмъ прежде, а все-таки тяжело крестьянскому сынку пройти гимназію и университетъ. Нужны средства, протекція, случай... Допустимъ, что Богъ пошлетъ все это труженику, но горько подумать, что чѣмъ больше образовывается и развивается потомокъ нѣсколькихъ поколѣній землепашцевъ, тѣмъ болѣе забываетъ о кормилицѣ землѣ! Гдѣ же у насъ учатъ сельскому хозяйству? Въ гимназіи, въ университетахъ о немъ не слыхать. Были когда-то, можетъ-быть и теперь существуютъ два высшихъ училища: Горигорѣцкое и Петровская Академія, но о нихъ что-то не говорятъ. Среднія и низшія сельско-хозяйственныя школы имѣются только въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, но вѣдь это спеціальное учрежденіе, содержащее школы для своихъ фискальныхъ цѣлей и насколько ему нужно. Онѣ не могутъ вмѣстить образованія потребнаго для всей Россіи. Намъ, конечно, возра-

зятъ, что вѣдь можетъ же вмѣстить одинъ департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ сельско-хозяйственныя пользы и нужды восьмидесяти губерній и восьмнадцати областей Россіи. Дай Богъ, чтобы могъ, но это не помѣшаетъ намъ заговорить о настоятельной, насущной и безотлагательной нуждѣ распространенія сельско-хозяйственнаго образованія, начиная съ низшихъ училищъ (особенно въ уѣздныхъ городахъ) до университета и академіи.

Въ университетахъ, въ гимназіяхъ, въ кадетскихъ корпусахъ ежегодно оказывается такой приливъ желающихъ поступить, что начальство вынуждено быть крайне строгимъ и разборчивымъ въ пріемѣ, такъ что многіе родители, съ большимъ трудомъ доставившіе дѣтей въ столицу, должны уѣзжать съ ними во-свояси и раздумывать, что имъ дѣлать. Еслибъ и удалось поступить куда-либо,—того и смотри выключатъ за плохія отмѣтки въ латынѣ или въ греческомъ, а въ корпусахъ—за нѣмецкій языкъ или за спеціальные предметы. Куда же дѣваться? Нынче практикуется такъ, что неимѣющіе земельной собственности, вообще люди съ малыми средствами, поступаютъ вольноопредѣляющимися, а тамъ въ юнкера и такъ далѣе. Ну, а если у кого есть землица? Вѣдь и крестьяне со временемъ разживутся наконецъ до того, что захотятъ образовать сыновей, да еще такъ, чтобы не возить далеко, не издерживаться. Неужели долго еще будутъ изъ-за плохой отмѣтки латинскаго учителя или за недостаткомъ полубалла въ фортификаціи исключать изъ заведенія, приводить въ отчаяніе, давая волчій паспортъ неспособности! Да вѣдь въ сельскомъ хозяйствѣ не нужны ни классическія, ни военныя науки, а только одна агрономія, популярная медицина, гигіена и механика и проч. Когда можно будетъ начать подготовку въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ? Говорятъ, что скоро, что объ этомъ уже состоялись представленія, имѣются въ виду обсужденія и чуть ли не существуетъ коммиссія... Будемъ надѣяться, что слухи подтвердятся и оставляемъ вопросъ о сельскихъ школахъ, какъ предрѣшенный; но мы идемъ далѣе и уповаемъ, что кончившимъ успѣшно курсъ въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ будутъ дарованы права на чинъ или ученую степень, дающую личное дворянство. Если отецъ кончилъ ученіе и сталъ личнымъ дворяниномъ и если сынъ и внуки пріобрѣли то же преимущество тѣмъ же научнымъ путемъ и если всѣ они примѣнили познанія къ дѣлу самоличнымъ хозяйствомъ на своемъ земельномъ участкѣ,

то, по нашему, эти три поколѣнія заслужили на всѣ времена роду своему „нарицаніе благородное“, говоря словами Великой Екатерины въ грамотѣ 1785 года. Не покажется ли мудрено что-то! Вѣдь помѣщикъ получая доходы вознаграждаетъ себя за труды и блюдетъ только свои пользы и выгоду, такъ за что же награждать цѣлый родъ его потомственнымъ дворянствомъ? При крѣпостномъ правѣ такое возраженіе было бы неопровержимымъ, но теперь земская служба фактически, сама собою, становится на равнѣ съ государственною. Подъ словами „земская служба“ мы понимаемъ не служеніе въ земской управѣ или дѣятельность члена земскаго собранія, но дѣйствительное служеніе землѣ и народу, земскому и народному дѣлу. Вѣдь земля—наша кормилица, и служить ей подобаетъ: вопервыхъ, тѣмъ, что не давать ее въ руки иноплеменныхъ, иновѣрныхъ вступщиковъ. Мы говоримъ не о защитѣ родной земли противъ внѣшнихъ враговъ, что само собою разумѣется, мы говоримъ, что не слѣдуетъ позволять скупать родную землю пришлецамъ, эксплуататорамъ, а собрать ее въ русскихъ рукахъ. Легко сказать, да не легко сдѣлать! Однако, если на деньги прожитыя за границей русскими туристами, хотя бы со времени удешевленія заграничныхъ паспортовъ, можно бы было закупить имѣнія въ Россіи, то скоро разрѣшилась бы великая задача: „Россія для Русскихъ!“ Далѣе, чтобы служить землѣ, надобно умѣть ее воздѣлывать, мало того, надобно учить народъ обрабатывать землю, что неимовѣрно трудно, потому что крестьяне терпѣть не могутъ новшествъ. Однако, возьмемъ, напримѣръ, американскую молотилку. Она стоитъ 700 руб. и ее ни одинъ деревенскій кузнецъ починить не можетъ. При такихъ условіяхъ она, понятно, была недоступна крестьянству; однако умудрился же рязанскій помѣщикъ Кошелевъ облегчить народу пользованіе этимъ практическимъ изобрѣтеніемъ. Онъ упростилъ молотилку, сдѣлалъ ее передвижною, а главное—въ шесть разъ дешевѣйшею, и народъ сейчасъ же усвоилъ ее. Второй примѣръ—наша историческая соха, со временъ Гостомысла прожившая тысячу лѣтъ безъ всякихъ усовершенствованій. Иностранный новѣйшій плугъ, любимое дитя прогресса, по своей тяжести и непрактичности для русской почвы не былъ доступенъ народу. Однако тульскій помѣщикъ Головинъ безъ пропаганды и рекламъ успѣлъ-таки добиться того, что плужки, имъ усовершенствованные, вошли въ крестьянскую практику. Возвратимся къ дѣлу,—къ земской службѣ. Своей землѣ служить

тотъ, кто освобождаетъ ее отъ своекорыстныхъ наемниковъ и жадныхъ эксплуататоровъ, высасывающихъ изъ почвы всѣ соки и ничего ей не дающихъ. Что мы хотимъ сказать, всякій пойметъ безъ дальнѣйшихъ разъясненій. Говоримъ то, что вездѣ теперь говорятъ: пора на хозяйство садиться самимъ хозяевамъ! Земля даетъ сторицею, но требуетъ удобренія и ухода, а это можетъ понять и выполнить только хозяинъ земли, да и то умѣлый и практичный. Наконецъ, самая высшая и великая цѣль служенія Русской землѣ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать ее житницей Европы, чѣмъ она и была до конкурренціи американскаго и австралійскаго хлѣба. Ни одинъ, ни два, ни десять землевладѣльцевъ не могутъ совершить такого дѣла, а все сословіе можетъ. Простые русскіе люди Строгановы и Демидовы извлекли изъ своей земли природныя сокровища и удержали ихъ въ отечествѣ вопреки алчной монополіи и конкурренціи иностранцевъ. Кому они служили? Конечно Богу и Царю, но путемъ служенія землѣ и народу! Выраженіе: „служить народу“ очень темно и похоже на гремучую фразу. Служить можетъ только рабъ своему господину, а, нечего грѣха таить, нашъ господинъ народъ неряшливъ и нечистоплотенъ до отвращенія, невѣжественъ до варварства (какъ показали новѣйшія событія въ Саратовской и Тамбовской губерніяхъ). Онъ неподатливъ и неохочъ учиться, крайне недовѣрчивъ, особенно къ бывшимъ господамъ и панамъ, неблагодаренъ и преданъ пьянству, воровству и другимъ порокамъ. Такому господину не легко служить! Въ чемъ же могло бы состоять такое служеніе? Конечно не въ томъ, чтобы стричься въ скобку, носить кафтаны, тулупъ, сапожищи, класть печи, шить сапоги и лапти, подражать народному жаргону и такъ далѣе. Повторяемъ, что голодный и холерный годъ показали на дѣлѣ, какъ надобно служить народу,—что же объ этомъ говорить? Простолюдинъ, почувствовавшій на себѣ благодать истиннаго служенія человѣчеству, конечно станетъ наконецъ довѣрять... а если начнетъ вѣрить, то и послушается, а если послушается, то можетъ-быть и броситъ пить и воровать. Еслибы простой, сѣрый мужикъ выбился въ люди и сдѣлался такимъ же другомъ человѣчества, какъ Англичанинъ Говардъ или московскій докторъ Гаазъ, то, говоря словами Екатерины, онъ, конечно, „обратилъ бы службу въ достоинство и заслужилъ бы потомству своему названіе благородное“. Но чтобы служить народу, необходимо жить близко къ нему, прямо сказать: жить вмѣстѣ съ нимъ, въ его средѣ.

Это можетъ только землевладѣлецъ, и оно не такъ трудно, какъ кажется. Подобныя сужденія обыкновенно перебиваются нетерпѣливыми возгласами: похоронить себя въ деревнѣ! Лишить себя всѣхъ удобствъ и удовольствій и проч., и проч... Но что же дѣлать! Послѣднее трехлѣтіе доказало на дѣлѣ, что землевладѣльцамъ, особенно дворянамъ, необходимо проживать въ имѣніяхъ или, по крайней мѣрѣ, чаще въ нихъ заглядывать. Надѣемся, почти увѣрены, что насъ не упрекнутъ въ идеализмѣ; мы враги его и желали бы, напротивъ, согнать туманъ идеализма съ малѣйшаго просвѣта дѣйствительной, практической жизни. Именно поэтому возвратимся къ списку имѣній ...скаго уѣзда, изъ котораго мы пока заимствовали только три цифры. Этотъ списокъ чрезвычайно интересенъ. Какъ сказано, въ немъ выписаны *241* имѣніе. Изъ этого числа на долю *потомственныхъ и личныхъ дворянъ, владѣющихъ* болѣе 200 десятинъ, приходится 101 имѣніе. Мелкопомѣстныхъ (менѣе 200 дес.)—56. *Итого 157.*

Крупные владѣльцы, не принадлежащіе къ дворянамъ, владѣютъ 26 имѣніями, а мелкопомѣстные—58. Итого *84*. Цифры эти говорятъ, что съ 1861 года, то-есть въ теченіе тридцати лѣтъ, *безъ малаго третья часть дворянскихъ имѣній перешла въ недворянскія руки.* Конечно, одинъ уѣздъ не доказательство. Однако же, еслибы дворянскія собранія сдѣлали въ каждой губерніи такой же разсчетъ, оказалось бы вездѣ то же самое, то-есть, что треть дворянскихъ земель отошла къ крестьянамъ, а другая треть попала въ руки къ не-дворянамъ. И удивляться-то нечему. Сколько же лѣтъ „золотой банкъ" былъ занятъ, не продажей, а прямо сказать,—распродажей дворянскихъ имѣній! Что же изъ этого выйдетъ? Пройдутъ еще тридцать лѣтъ и еще, изъ трети третья часть, отойдетъ къ не-дворянамъ? Неужели кончится тѣмъ, что останутся только служилые дворяне, а помѣстные и вотчинные сведутся къ нулю! Пожалуй, служилыхъ-то еще и прибавится: извѣстное дѣло,—какъ только имѣніе продадутъ съ молотка, такъ сейчасъ же бывшій владѣлецъ начинаетъ искать мѣста на службѣ, что, впрочемъ, рѣдко удается. Можетъ-быть современные мыслители возразятъ намъ: „Ну и пускай остаются одни служилые! Сами же говорите, что служба, обращенная въ заслугу, даетъ дворянство, а выслужиться каждый можетъ,—такъ не все ли равно?—Нѣтъ, не все равно! Вопервыхъ, разница уже въ томъ, что служащій и владѣющій землей по выходѣ въ отставку поселяется въ имѣніи и продолжаетъ служить земскому

и народному дѣлу въ томъ смыслѣ, какъ мы сейчасъ сказали, а безземельный служащій по выходѣ въ отставку погружается въ бездѣйствіе и ржавѣетъ, какъ старая шпага, или притупляется, какъ исписанное, негодное перо. Вовторыхъ, отслужившій землевладѣлецъ никогда не будетъ нищимъ, развѣ по своей винѣ; безземельный же часто вынужденъ по неволѣ и безвинно чуть не побираться, а нужда притупляетъ честность и самостоятельность убѣжденій, энергію и охоту къ труду. Пролетарій, въ полномъ смыслѣ слова, декадентъ!" А вѣдь число пролетаріевъ растетъ не по днямъ, а по часамъ! Продажа съ молотка имѣній плодитъ массы дворянскихъ и крестьянскихъ пролетаріевъ, и эта грустная истина прямо приводитъ насъ къ роковому вопросу: „что же дѣлать?!" Не такъ страшенъ этотъ вопросъ, какъ его малюютъ! Изъ того, что нужно дѣлать, многое уже сдѣлано. Землевладѣльцамъ нуженъ дешевый кредитъ, и „Золотой банкъ" замѣненъ Дворянскимъ и Крестьянскимъ. Правда, что новые банки еще нельзя назвать совершенствомъ; правда и то, что господа дворяне все еще не оставили старую практику,—успѣли позаимствовать, прожить, не доплатить и продажа имѣній не прекращается. Ну что же?.. За то явилась мысль о меліоративномъ кредитѣ. Дай Богъ ему осуществиться. Дѣло доброе до того, что трудно и возражать противъ него по существу. Далѣе дознано, что дворянскія имѣнія разлагаются вслѣдствіе дробленія между членами семейства. Поэтому дѣлу учреждена правительственная коммиссія; а именно—для разсмотрѣнія вопроса о заповѣдныхъ дворянскихъ имѣніяхъ. Объ этомъ такъ много говорено и писано, что мы воздерживаемся отъ личныхъ сужденій, тѣмъ болѣе, что вышеисчисленныя мѣры касаются *наличнаго состава поземельныхъ дворянъ;* да въ томъ-то вѣдь и бѣда, что число ихъ уменьшается съ каждымъ годомъ съ ужасающею быстротой! Это въ высшей степени безотрадное явленіе, такъ какъ землевладѣніе лучше всего можетъ процвѣтать въ рукахъ дворянства, понимая подъ этимъ названіемъ самыхъ просвѣщенныхъ, интеллигентныхъ и передовыхъ представителей народа. Не только предвидимъ, но заранѣе предугадываемъ возраженія: „почему же такъ? Отчего непремѣнно въ рукахъ дворянъ? И не-дворянинъ можетъ быть и образованнымъ и передовымъ человѣкомъ. Сами же говорите, что заслуга тутъ главное условіе! Трудно отвѣчать на подобныя замѣчанія, въ сущности справедливыя. Понятіе о дворянствѣ очень растяжимо и не поддается

точному анализу. Извѣстное дѣло, что въ мірѣ животныхъ и въ царствѣ растеній раса облагораживается и совершенствуется культурой. То же самое явленіе еще замѣтнѣе въ прогрессивномъ совершенствѣ человѣческой природы. Развитіе физическое, умственное духовное и душевное перерождаетъ кровь, изощряетъ способности и дѣлаетъ человѣка совсѣмъ инымъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Мы твердо придерживаемся своей исходной точки, что *дворянство ничто иное, какъ дарованіе народное, пробившее себѣ путь ко знатности и славѣ доблестными подвигами и великими дѣлами на пользу государственную и общественную.* Прослѣдимъ же интересный процессъ восхожденія простолюдина изъ нижняго слоя до верхняго. Простой, сѣрый мужикъ, какъ только разбогатѣетъ, сбрасываетъ зипунъ и лапти, надѣваетъ чуйку, приличный картузъ, такъ что и въ мелкомъ торговцѣ трудно узнать его прототипъ. Когда же мелкій торговецъ разживается до второй гильдіи, прежняя неряшливость, приниженность и всяческая простота еще болѣе стушевываются. Онъ скидываетъ чуйку и тулупъ, надѣваетъ длиннополый сюртукъ, заводитъ лучшую домашнюю обстановку и смотритъ на черный народъ покровительственно и свысока. Первобытнымъ человѣкомъ онъ является только въ трактирѣ (уже не въ кабакѣ!), да и то подъ веселую руку. Сынъ его еще будетъ сидѣть за прилавкомъ—дальше его папаша не пуститъ. Наконецъ, когда торговецъ сдѣлается первогильдейскимъ, онъ ѣздитъ во дворецъ, носитъ ордена, а сынъ потомственнаго почетнаго гражданина или мануфактуръ-совѣтника попадаетъ въ университетъ, а потомъ носитъ фракъ и пойдетъ въ какую-нибудь сторону: или все промотаетъ и возвращается въ ничтожество или же надѣваетъ мундиръ и безъ труда достигаетъ потомственнаго дворянства выслугой чина или ордена. Еще поразительнѣе ступени развитія въ военной службѣ. Крестьянина заставляютъ подобрать животъ и лопатки, научаютъ ходить въ тактъ, и черезъ годъ вы не узнаете растрепаннаго, неловкаго, неуклюжаго, косолапаго рекрута. Старый солдатъ еще выше поднимается въ физическомъ, умственномъ, къ несчастію только не въ нравственномъ развитіи, а солдатскій сынъ—это просто чудо перерожденія! Кантонистъ не только не напоминаетъ крестьянина, но даже и отца-солдата. Это барченокъ, и сравнивать его съ простымъ крестьянскимъ парнемъ просто смѣшно! Во времена страшныхъ народныхъ бѣдствій, какъ было въ 1612, 1812 и въ 1854 годахъ, или же въ голодные и холерные годы

условія развитія сглаживаются и натура русскаго человѣка проявляется вполнѣ. Мясникъ Мининъ становится въ уровень боярина князя Пожарскаго, простолюдинъ по чувству и дѣламъ становится дворяниномъ, выростаютъ монументальные образы Бородинскихъ солдатъ и Севастопольскихъ матросовъ, а мелкіе помѣщики и дворяне: Суворовъ, Кутузовъ, Ермоловъ, Паскевичъ становятся великими людьми! Въ такія времена и выходитъ само по себѣ, что *дворянство и народъ одно и то же;* разница только въ положеніи и степени образованія. Если же твердо установиться на такомъ основаніи, то можно сдѣлать выводъ, что справедливо было бы позаботиться о землевладѣніи вообще, а не о какомъ-нибудь спеціально крестьянскомъ или дворянскомъ. Все сословное же землевладѣніе требуетъ прежде всего учрежденія министерства земледѣлія, сельско-хозяйственныхъ школъ и усовершенствованія путей сообщенія. Теперь можно перейти и къ частностямъ. Еще разъ и настоятельно утверждаемъ, что желательно и существенно необходимо, чтобы дворянство удержало за собой въ землевладѣніи свое исконное, первенствующее положеніе, главное потому, что только хорошо образованный дворянинъ, имѣющій за собою, по крайней мѣрѣ, три поколѣнія, да и то еще владѣющій землей, живущій постоянно въ имѣніи и практически опытный,—только такой дворянинъ знаетъ народъ, умѣетъ съ нимъ обходиться и можетъ имѣть на него благотворное вліяніе. Только такой дворянинъ твердо сознаетъ, что этотъ зловонный, грязный, полудикій, пьяненькій зипунщикъ какъ начнетъ воевать, такъ онъ города беретъ; изъ него вдругъ образуется Суворовскій солдатъ, Тотлебенскій саперъ и морякъ Лазарева, Корнилова и Нахимова! А начнетъ сермяга торговать, такъ и землю купитъ, живо перепрыгнетъ почетное гражданство, завоюетъ личное дворянство и дойдетъ до потомственнаго уже во второмъ, а то и въ первомъ поколѣніи! Боимся, что критика опять поймаетъ насъ на словѣ. Пожалуй скажутъ: „ну, вотъ вы и договорились! Второй разъ намекаете, что дворянство не можетъ оскудѣть, а между тѣмъ изъ-за вѣдомости имѣніямъ одного какого-то уѣзда поднимаете такой шумъ, что можно подумать, что нынѣшніе дворяне—послѣдніе могикане! Да и зачѣмъ же все землевладѣлецъ да помѣщикъ? Чѣмъ же безземельный дворянинъ уступаетъ въ достоинствѣ земельному? А Ломоносовъ, Сперанскій, Скобелевъ (Иванъ Никитичъ), графъ Никитинъ, графъ Евдокимовъ?.. Вѣдь все это безземельные, а они ли не дворяне!“..

Еслибы такъ поняты были наши слова, то значитъ мы не ясно выразились. Мы и не думали сказать, что не сегодня, завтра помѣстное и вотчинное дворянство кончитъ свое существованіе. Изъ списка имѣній ...скаго уѣзда мы привели цифры и дѣлаемъ изъ нихъ только то заключеніе, что пора бы поземельному дворянству пополнять свои значительно порѣдѣлые ряды привлеченіемъ въ свою среду *достойнѣйшихъ* изъ землевладѣльцевъ не-дворянъ. Вотъ наше посильное убѣжденіе, да и то, къ сожалѣнію, чисто платоническое, такъ какъ дворянство сдѣлать этого не можетъ. Какъ не можетъ?.. Да потому, что не имѣетъ, *„права представленія“*. Къ производству въ чинъ полковника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника или къ ордену *Св. Владиміра* представляютъ командиры полковъ, директоры департаментовъ и другіе ближайшіе начальники. Это представленіе, равносильное ходатайству о возведеніи въ достоинство потомственнаго дворянина, восходитъ черезъ подлежащія инстанціи на Высочайшее утвержденіе. Дворянскія собранія представляютъ собою только регистратуру, занесеніемъ въ свои списки предъявителей послужнаго формуляра. Съ другой стороны, они разсматриваютъ прошенія лицъ, доказывающихъ свое дворянское происхожденіе, но дворянское постановленіе не имѣетъ значенія безъ утвержденія герольдіей, такъ что и тутъ дѣло сводится къ простой припискѣ лицъ утвержденныхъ. Права непосредственнаго представленія дворянство не имѣетъ, да оно и не нужно было до реформы 1861 года, когда почти вся Русская земля находилась въ дворянскихъ рукахъ, когда, кромѣ дворянъ, никто не могъ пріобрѣтать земли, такъ что помѣстное и вотчинное дворянство не убывало, а прибывало, Въ настоящее же время дворянство нуждается въ правѣ представленія, не только равносильномъ съ правомъ полковаго командира и директора департамента, но и въ болѣе широкомъ полномочіи. Императрица Екатерина даровала дворянству весьма существенное преимущество: представлять о своихъ пользахъ и нуждахъ непосредственно верховной власти. Наступило время, когда самая настоятельная польза дворянства требуетъ объединенія съ народомъ, привлеченія въ свою среду высокодаровитыхъ людей и тѣмъ болѣе ощущается нужда въ помянутомъ законномъ полномочіи. Всѣ наши государи признавали неисчислимыя и великія заслуги русскаго дворянства. Всѣ они жаловали его милостивымъ словомъ и вниманіемъ, не только снисходя къ справедливымъ ходатайствамъ,

но попеченіе о дворянствѣ было всегда предметомъ монаршихъ заботъ. Даже и въ настоящее время въ печати появились слухи объ учрежденіи правительственной коммиссіи для пересмотра законовъ гражданскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что коммиссія обратитъ вниманіе и на IX томъ,—законы о состояніяхъ. Отдѣлъ этого тома, касающійся дворянства, почти не измѣнился со времени изданія 1845 года, такъ что не только не согласуется, но даже противорѣчитъ узаконеніямъ о прочихъ сословіяхъ, особенно же о крестьянскихъ. Законоположенія о дворянскомъ состояніи утверждаются на помянутой грамотѣ Екатерины 1785 года. Припомнимъ начальныя слова: „Дворянское названіе есть слѣдствіе истекающее отъ качествъ и добродѣтелей начальствовавшихъ въ древности *мужей*“... Въ настоящее время слово „мужъ“ совершенно измѣнило свое значеніе. „Мужами“ въ древности назывались дружинники князя, „мужи совѣта“; впослѣдствіи такъ именовались воеводы, думные бояре, военачальники, градоначальники и проч. При Екатеринѣ названіе „мужей“ соотвѣтствовало государственнымъ людямъ первыхъ четырехъ классовъ. Послѣ же реформы 1861 года слово „мужъ“ получило всесословное значеніе, по разуму своему указывающее на то, что дворянство перестаетъ быть кастой, а должно быть главнымъ соединительнымъ звеномъ всѣхъ заслугъ и дарованій, могущихъ обращать „самую службу въ достоинство“. Во всякомъ случаѣ наступившій послѣ реформы 1861 года коренной переворотъ въ понятіяхъ и бытовыхъ условіяхъ естественно долженъ былъ оставить пробѣлы не только въ законахъ о состояніяхъ, но и въ практической жизни. Однако дальнѣйшее изслѣдованіе на этомъ пути повело бы насъ слишкомъ далеко... Какъ бы не заблудиться!..

Ограничимся предложеніемъ одного только измѣненія, или дополненія.

Было бы весьма желательно предоставить въ законодательномъ порядкѣ дворянскимъ собраніямъ право повергать на Высочайшее воззрѣніе ходатайства о дарованіи личнаго или потомственнаго дворянства лицамъ не-дворянскаго происхожденія, владѣющимъ землей и отличившимъ себя особенными заслугами на земской службѣ или въ дѣлѣ споспѣшествованія народному благосостоянію, хотя бы таковыя лица по отбытіи всесословной воинской повинности и не продолжали государственную службу. Вообще, худо ли, хорошо ли, но мы отмѣтили два изъ самымъ естественныхъ процессовъ обращенія бывшаго „смерда“ въ „мужа

совѣта", воеводу или въ такого великаго искусника, какъ Акинѳъ Демидовъ, Кулибинъ, Ломоносовъ и другіе неисчислимые. Первый путь—книжная школа, — училище, гимназія, университетъ или академія. Дай Богъ, чтобы скорѣе прибавилось и сельско-хозяйственныя заведенія той же градаціи. Второй путь—практическая, житейская школа: самообразованіе, самодѣятельность. Вотъ на эту-то школу мы позволили себѣ обратить особенное вниманіе читающихъ, и этихъ драгоцѣнныхъ самородковъ народнаго таланта надобно бы торопиться вводить въ дворянскую среду, какъ только они успѣютъ проявиться на какомъ бы ни было поприщѣ. Наконецъ есть еще третій широкій путь облагороживанія народа до VI и VII книги дворянскихъ родовъ. Это государственная служба, военная и гражданская. До сихъ поръ мы о ней говорили какъ-то вскользь, отрывочно, неопредѣленно. Но пора высказаться рѣшительно. Служба—та же школа, даже двоякая: теоретическая, потому что нынче безъ образовательнаго ценза трудно попасть на службу и служить,—и практическая, потому что служба, особенно военная, не говоря о заслугахъ, даетъ человѣку именно тотъ складъ характера, какой приличествуетъ истинному дворянину. Служба учитъ терпѣнію, самообладанію, выносливости въ невзгодахъ, а главное, развиваетъ въ человѣкѣ чувство чести, братской и товарищеской любви и укореняетъ въ немъ мысль объ отечествѣ и благѣ родины. Съ другой стороны, нельзя смотрѣть на чины, какъ на единственную цѣль, что̀, къ сожалѣнію, часто бываетъ, а какъ на средство къ достиженію цѣли служить Царю и родной землѣ всѣмъ сердцемъ и умомъ. Чинъ не даетъ дарованія, а наоборотъ. Не чиновныхъ Россіи надо, а способныхъ тружениковъ. Но какъ бы ни было, а служба все-таки широкое поле для тѣхъ, кто хочетъ обратить „службу въ достоинство и пріобрѣсти потомству своему нарицаніе благородное". Такъ смотрѣлъ на службу проницательный умъ Екатерины; такъ понималъ ее и Великій Петръ. Теперь остается намъ только объясниться окончательно, почему землевладѣніе выдвигалось нами на первый планъ и какъ будто оттѣсняло всѣ другія средства восхожденія съ нижней ступени до верхней. А потому, что сословіе землевладѣльцевъ мы считаемъ *„безусловно консервативнымъ"*. Земля обанкрутиться не можетъ и тотъ, кто ею владѣетъ, никогда не попадетъ въ число людей, которымъ нечего терять. Крестьянинъ, имѣющій участокъ въ нѣсколько десятинъ—консерваторъ, а крупный землевладѣлецъ, прожившій свое имѣніе до тла, теряетъ консервативный

характеръ и бросается въ крайности. Не надобно забывать, что отцомъ соціализма и коммунизма былъ промотавшійся въ пухъ дворянинъ, пэръ Франціи, кавалеръ Св. Людовика, маркизъ Сенъ-Симонъ. Обезземельный крестьянинъ внутренней Россіи дѣлается проходимцемъ, не выходитъ изъ кабака, воруетъ, разбойничаетъ, поджигаетъ и наущаетъ народъ на все недоброе. Это анархистъ по всѣмъ статьямъ! А переселите его въ Томскую губернію, дайте землю, и онъ становится консерваторомъ. Консерватизмъ переселенцевъ ограждаетъ наши границы на дальнемъ Востокѣ—помогай Богъ! И внутри онъ краеугольный камень и самый крѣпкій столпъ плодородной, трудолюбивой и тишайшей Руси. Нѣтъ важнѣе государственной задачи, какъ развитіе и усиленіе землевладѣнія. Сколько бы ни было говорено и писано о немъ—все будетъ мало! Мы пишемъ и говоримъ по крайнему убѣжденію, какъ Богъ на сердце положилъ. Пускай кто другой, способнѣйшій, разобьетъ въ дребезги всѣ наши сужденія и положенія, пускай осмѣетъ, осудитъ, только бы говорилъ дѣльнѣе, разумнѣе, практичнѣе насъ. Оборони Богъ обижаться,—низкимъ поклономъ отблагодарить надо!.. Въ такихъ дѣлахъ, какъ охрана и польза земли и народное благо, личности должны стушеваться и уступить мѣсто великому, священному дѣлу!

Сдѣлаемъ теперь пресловутый шагъ отъ великаго къ смѣшному. Кончимъ тѣмъ же, чѣмъ мы начали, то-есть современными типами. Вспомнимъ въ послѣдній разъ нашихъ чурьевскихъ знакомцевъ. Ахилъ Менелаичъ и Павлина Протасьевна, какъ намъ кажется, представляютъ собою типы, долженствующіе отойти въ область анахронизмовъ. Это уже замѣтно по равнодушію ихъ къ общественнымъ дѣламъ. Ахилъ Менелаичъ никогда не ѣздитъ на выборъ и слышать о томъ не хочетъ; какъ мы съ нимъ ни воевали — ничего не подѣлаешь! Онъ вотъ какъ разговариваетъ; „Незачѣмъ туда ѣздить! Еще, пожалуй, обругаешь кого... я человѣкъ горячій!.. Вотъ, напримѣръ, такой-то, да я не только говорить, а видѣть его хладнокровно не могу, сейчасъ оборву, на первомъ словѣ!.. Что тамъ дѣлать на выборахъ?.. Пить, ѣсть, чушь говорить... нѣтъ, ужь слуга покорный! Выбирать?.. Да кого же? Ужь не такого-то или такого-то?.. Стало-быть всѣмъ кандидатамъ черняки надо положить, вотъ и дѣло съ концомъ... Развѣ для этого стоитъ ходить?“... Читающіе поймутъ, что мы позволяли себѣ возраженіе: „Помилуйте, Ахилъ Менелаичъ, еслибы всѣ такъ судили, кто же бы на выборы являлся? А онъ все свое:

„Ну, что же... хоть бы никто не являлся—не бѣда!“... И Ахилъ Менелаичъ начиналъ разсказывать о бывшемъ своемъ предводительствѣ: какъ онъ съ тѣмъ-то столкнулся, того-то осадилъ, такого-то оборвалъ и проч. Вообще, въ подобныхъ разговорахъ Ахилъ Менелаичъ нѣсколько напоминаетъ старосвѣтскіе типы. Павлина Протасьевна и не думаетъ о своемъ представительствѣ на выборахъ; ей и послать некого; а еслибъ и нашлось кого отправить, такъ она бы и не догадалась. Общественныя дѣла не по ея части!

То же самое можно сказать и о Маврѣ Ѳоминишнѣ, и о Маркѣ Никандрычѣ и о болѣе или менѣе всѣхъ землевладѣльцахъ, какихъ мы видѣли или узнали по наслышкѣ въ описываемыхъ мѣстностяхъ. Все это типы нынѣшняго переходнаго времени: ихъ по справедливости можно назвать „*Старопутными людьми*“. Мы хотимъ сказать, что такихъ называли „путными“ въ старое время, а теперь они сбились съ дороги. Дѣйствительно, понятія подобныхъ людей не помолодѣли,—они всегда спѣшатъ выбраться изъ широкой общественной колеи на свою узкую, подъѣздную, ведущую къ крыльцу ихъ усадьбы. Заговорите съ ними о государственныхъ дѣлахъ, и они сейчасъ же сведутъ рѣчь на подати, повинности, чтобы поохать, покряхтѣть и нажаловаться вдоволь. Затроньте общественныя дѣла, ну хоть бы о заповѣдныхъ имѣніяхъ,—пожимаютъ плечами, посмѣиваются: „къ чему это?.. Зачѣмъ одному завѣщать, а другихъ дѣтей обидѣть?.. Кого сдѣлать наслѣдникомъ?.. А ну какъ замѣшается тутъ семейный фаворитизмъ!.. и проч. и проч. Начните объ элеваторахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о необходимости улучшеній, — скучаютъ, отвѣчаютъ нехотя, цѣдятъ сквозь зубы и кончается всегда на одинъ ладъ: „Куда ужь тамъ новое заводить, дай Богъ концы съ концами свести!“ Заговорить о народныхъ нуждахъ до послѣдней голодухи было просто невозможно: „да что имъ помогать, все равно въ кабакъ снесутъ! Прежде проучить бы надо, чтобы воровать перестали, а то вонъ у меня...“ и пошло и пошло! А все-таки вѣдь нельзя осуждать „старопутниковъ“, хотя они и живутъ для себя и про себя. Сколько мы ихъ не видѣли—всѣ они, за немногими помянутыми исключеніями, люди бережливые, враги роскоши, сидятъ въ своихъ имѣніяхъ, хозяйничаютъ дѣльно и работаютъ не совсѣмъ для себя, а и для семьи. Семья же есть основаніе человѣческихъ обществъ, а по нынѣшнему безденежью дальше обез-

печенія семьи, кажется, идти немногимъ возможно! Но все же это не люди будущаго, а „переходные типы“.

Недавно совершилось у насъ что-то необыденное. Съ 1890 года настала засуха, затѣмъ неурожаи, а за ними болѣзни, да еще изъ Персіи налетѣла холера. Громъ грянулъ, русскій человѣкъ перекрестился, а надъ нами сбылась другая пословица: „русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ.“ Ѣздили мы ѣздили по двумъ губерніямъ, искали новыхъ образцовъ и никакихъ не нашли. По пріѣздѣ же въ Петербургъ, спокойно сидя въ кабинетѣ, мы вдругъ вспомнили... и передъ нами возникъ образъ человѣка, за которымъ, какъ мы думаемъ, кроется будущность, типъ XX столѣтія,—„дворянинъ-зѐмецъ.“ Съ удовольствіемъ можемъ удостовѣрить, что мы сами видѣли этотъ типъ, а не выдумали его. Это живой человѣкъ, коротко и близко намъ знакомый съ малыхъ лѣтъ. Назовемъ его Новоміръ Доброславичъ; живетъ онъ зимой въ одной изъ столицъ, а лѣтомъ—въ одной изъ южныхъ губерній. За дворянствомъ ему гнаться было не нужно, такъ какъ онъ стариннаго рода потомственный дворянинъ. Что касается чиновъ, то Новоміръ Доброславичъ застылъ на чинѣ титулярнаго совѣтника, полученнаго при выпускѣ изъ такъ называемаго карьернаго заведенія. Сейчасъ же по выпускѣ онъ вышелъ въ отставку, и хотя служилъ, но чиновъ не получалъ, орденовъ не имѣетъ, въ столицѣ живетъ мѣсяца два-три въ годъ, какъ бы гостемъ, а все остальное время хозяйничаетъ въ имѣніи, что не мѣшаетъ ему принимать самое широкое, самое искреннее участіе въ дворянскихъ и земскихъ дѣлахъ; въ дворянскихъ—менѣе, а въ земскихъ больше всего. Это такой оригиналъ, что глядя на него только руками разводишь. О себѣ онъ не заботится и ничего себѣ не пріобрѣтаетъ, одѣвается посвоему, и никакая мода ему не указъ, — было бы чисто, прилично и практично. Щегольства, вычуръ, модныхъ ужимокъ онъ терпѣть не можетъ; золотыя вещи и побрякушки постоянно теряетъ или раздариваетъ, самъ не зная кому, что̀ приводитъ любящихъ и дарящихъ родственниковъ въ отчаяніе. Ходитъ быстро, порывисто, смотря то въ полъ, то въ потолокъ и заложивъ руки въ карманы или за спину. Если онъ рванется въ сторону,—это значитъ, что въ умѣ его дѣлается разсчетъ или смѣта, и что цыфры не поддаются, а если вдругъ остановится и начнетъ теребить бороду, то стало-быть онъ напалъ на новую мысль и подбираетъ приличныя данныя. Въ обращеніи Новоміръ Добро-

славичъ неодинаковъ, смотря потому съ кѣмъ говоритъ. Съ обыкновенными людьми (не съ дѣловыми) онъ не особенно разговорчивъ. Такія фразы какъ: здравствуй, прощай, здоровъ ли? Когда и надолго ли? выговариваются еще довольно любезно, съ улыбкою, на свѣтскій манеръ. Но при дальнѣйшихъ околичностяхъ, о погодѣ, о холерѣ, о новостяхъ, Новоміръ Доброславичъ начинаетъ посматривать вверхъ и внизъ, словомъ, дѣлается разсѣяннымъ. Чтобы не терять времени въ такихъ разговорахъ, онъ усвоилъ себѣ привычку продолжать думать о своемъ, то-есть о дѣлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчать собесѣднику впопадъ настолько, чтобы не вывести кого-нибудь изъ терпѣнія. Дѣлъ у него въ головѣ пропасть! Для своей семьи онъ работаетъ безъ устали и дѣлаетъ весьма много, но земское общественное дѣло — его конекъ! Тутъ онъ все забываетъ, и работаетъ круглый годъ, не покладая рукъ. Въ мирное, благополучное время мало кто замѣчаетъ его дѣятельность, а онъ самъ, конечно, меньше всѣхъ. Говорить о себѣ онъ недолюбливаетъ, да и некогда ему. Вмѣсто того, чтобы говорить: „а вотъ я сдѣлалъ то-то и то-то...“ онъ говоритъ „а вотъ общественный магазинъ—такъ и такъ надо устроить... а элеваторъ хорошъ въ такомъ-то отношеніи, а съ другой стороны — вотъ въ чемъ недостатки и прочее, все въ такомъ родѣ. Наступилъ тягостный 1891 годъ, и южныя губерніи, почти никогда не знавшія неурожая, вдругъ очутились въ числѣ восьмнадцати голодающихъ. Именно въ такіе печальные дни проявляются обыкновенно на Руси типическія личности, и Новоміръ Доброславичъ явился во всеоружіи. Къ такимъ временамъ онъ былъ подготовленъ, а когда бѣда пришла, онъ выказалъ всецѣло свой характеръ, образъ мыслей и дѣятельность и до того, что олицетворилъ особый, новый типъ, далеко не изъ дюжинныхъ и старопутныхъ. Онъ быстро сорвался съ мѣстъ, насиженныхъ въ своей усадьбѣ и въ земской управѣ, совершенно неожиданно явился въ Петербургъ, имѣвшій честь видѣть его въ десять лѣтъ разъ, и сталъ бывать у насъ каждый день и по нѣсколько разъ въ день, такъ что мы, хотя съ трудомъ, однако успѣвали слѣдить за нимъ съ величайшимъ любопытствомъ. Онъ говорилъ безъ умолку по цѣлымъ часамъ о злобѣ дня, говорилъ пылко, энергично, страстно, и хотя рѣчь его складывалась иногда своеобразно и пересыпалась витіеватыми выраженіями, но она была все-таки увлекательна, именно потому, что основана была на правдивыхъ, убѣдительныхъ фактахъ. Всякій сейчасъ же по-

нималъ, что ораторъ вынесъ свои убѣжденія не изъ своего кабинета, а прямо изъ хаты голодающихъ, почерпалъ ихъ не изъ книгъ и журналовъ, а изъ неприглядной, а въ то время поистинѣ ужасной, дѣйствительности. Вѣроятно поэтому Новоміръ Доброславичъ и говорилъ безъ красномолвки и недомолвки, какъ бы не нуждаясь въ возраженіяхъ; онъ не выносилъ перерывовъ и выходилъ изъ себя, когда перебивали ему рѣчь. Но при настойчивомъ желаніи собесѣдника „свое сужденіе имѣть" дворянинъ-земецъ допускалъ реплику, но чуть она затрогивала его за живое какой-нибудь старопутностью, онъ обрушался на противника съ такою силой, что тотъ поневолѣ умолкалъ и пасовалъ. Вообще, старопутныхъ людей Новоміръ Доброславичъ чуялъ издалека, разгадывалъ ихъ по первому слову, но не особенно горячился, отрывисто продергивая ихъ ѣдкимъ словцомъ или практическимъ, но ироническимъ вопросомъ. Въ 1891 году въ Петербургѣ, какъ и во всей Россіи, почти не было другаго разговора, какъ о голодѣ и о борьбѣ съ нимъ. Новоміръ Доброславичъ налетѣлъ къ намъ осенью и съ первыхъ же словъ коротко и ясно объявилъ о цѣли своей поѣздки. Народъ сильно страдалъ; покупка дешеваго хлѣба нужна была дозарѣзу, а въ Балтійскихъ губерніяхъ его дешево продавали. Новоміръ Доброславичъ наэлектризовалъ земство и самъ вызвался закупить хлѣбъ; ему, конечно, не отказали, выдали извѣстную сумму на задатокъ, и пылкій земецъ покатилъ сначала въ Петербургъ, захватилъ по дорогѣ сильную инфлуэнцу и пріѣхалъ къ намъ въ такомъ положеніи, что не только мы, но всѣ, кто его знали и любили, совѣтывали ему не ѣхать, а лечь въ постель и лѣчиться. Но отвлечь отъ серьезнаго дѣла Новоміра Доброславича также легко, какъ остановить локомотивъ, ухватившись за рычаги. Онъ отшучивался, отсмѣивался или же рѣшительно заявлялъ, что не можетъ терять не только дня, но даже одного часа; иначе, молъ, перехватятъ и раскупятъ весь хлѣбъ.

Земецъ началъ съ того, что сталъ врачеваться самъ, глотая неимовѣрныя дозы хинина и салицила, а кончилъ тѣмъ, что поднялся, понесся въ дорогу и... пропалъ,—такъ, что ни слуху, ни духу о немъ не было. Исчезновеніе неудивительно потому, что съ нимъ приключилось недоброе. За нѣсколько станцій до губернскаго города Новоміръ Доброславичъ почувствовалъ, что лишается сознанія; онъ едва успѣлъ сказать свою фамилію, объяснить цѣль поѣздки и сдать дорожный мѣшокъ сосѣду-пасса-

жиру. Черезъ минуту больной лишился чувствъ. Къ счастію, сосѣдъ оказался практичнымъ, добросердечнымъ морякомъ. Онъ раздобылъ гдѣ-то доктора, больнаго довезли до губернскаго города и положили въ гостиницѣ въ безсознательномъ состояніи. Спасительное Провидѣніе явилось ему въ лицѣ мѣстнаго губернатора, извѣстнаго по своей энергической, истинно-русской борьбѣ противъ нѣмецкаго сепаратизма. Губернаторъ перевезъ Новоміра Доброславича къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ скоро началъ поправляться, а какъ только пришелъ въ себя, такъ сейчасъ же и началъ бесѣдовать съ начальникомъ губерніи о насущномъ своемъ дѣлѣ. Умный, опытный, высокочестный администраторъ быстро распозналъ такого же земскаго дѣльца, оцѣнилъ, полюбилъ его и оказалъ самую плодотворную помощь и содѣйствіе. Между тѣмъ родные и друзья Новоміра Доброславича, обезпокоенные его безслѣднымъ исчезновеніемъ, вынуждены были телеграфировать прямо губернатору. Отвѣчалъ самъ пропавшій земецъ: „Здоровъ. Ѣду дальше.“ А поѣхалъ онъ сто верстъ по сухопутью къ какому-то изъ Балтійскихъ портовъ, возился тамъ недѣли двѣ съ разгрузкой, нагрузкой кулей и мѣшковъ; кстати онъ подмѣтилъ нѣкоторыя весьма интересныя изъ закулисныхъ подробностей желѣзно-дорожнаго дѣла и наконецъ явился въ Петербургъ съ полнымъ успѣхомъ, очень довольный. Тутъ онъ пробылъ двое сутокъ и уже мало говорилъ о голодѣ и закупкѣ хлѣба; это одна изъ его оригинальностей: какъ дѣло сдѣлано, — онъ перестаетъ о немъ говорить и замышляетъ или пропагандируетъ новое, очередное. На этотъ разъ Новоміръ Доброславичъ разразился потокомъ дидактическаго краснорѣчія, страшно разносилъ остзейскихъ бароновъ, превозносилъ губернатора и читалъ цѣлые трактаты о Балтійской окраинѣ, впрочемъ весьма интересные. Между тѣмъ какъ разъ въ это время случилась извѣстная петербургская исторія съ пухертовскою мукой. Казалось бы, что такое дѣло должно заинтересовать нашего земца гораздо болѣе остзейскихъ губерній, но, къ удивленію, Новоміръ Доброславичъ отнесся къ нему очень легко и болѣе чѣмъ равнодушно. Онъ посмѣивался и отмалчивался, а на нашъ робкій вопросъ: „а ну, какъ и тебѣ подсыпали такой же мѣшанины?“ отвѣчалъ тремя словами: „насъ не поднадуютъ!“ Странный человѣкъ! Говоритъ, говоритъ,—вдругъ посмотритъ на часы, убѣжитъ и начнетъ ѣздить по Петербургу, пока не обдѣлаетъ свои дѣла. Какъ всегда, такъ было и на этотъ разъ. Новоміръ

Доброславичъ вдругъ встрепенулся, сорвался съ мѣста и, прогостивъ сутки въ Москвѣ, на своей зимней квартирѣ, прилетѣлъ къ себѣ въ имѣніе, а оттуда въ уѣздный городъ—отдавать отчетъ земству. Земская управа, пораженная блестящимъ успѣхомъ, до того умилилась, что поручила Новоміру Доброславичу написать себѣ самому благодарность. Написалъ ли онъ этотъ курьезный протоколъ, не знаемъ, но если написалъ, то мы можемъ смѣло набросать копію и ручаемся, что она съ подлиннымъ вѣрна. Пріятель нашъ могъ написать лишь слѣдующее: „Земская управа, признавая необходимымъ закупить столько-то хлѣба (слѣдуетъ цифра и мѣсто закупки), поручила эту операцію своему члену такому-то, который и отправилъ столько-то вагоновъ“ и т. д. Подите, ищите благодарности между мѣшками и кулями, въ цифрахъ вагоновъ, рублей и пудовъ! Уѣхалъ Новоміръ Доброславичъ, и мы остались съ пріятною надеждой снова увидѣть его лѣтъ черезъ десять у себя въ Петербургѣ, но не прошло и мѣсяца, какъ вдругъ онъ вторично является въ тотъ же Петербургъ. Это событіе до того необычайно, что вызвавшія его причины должны были быть необыкновенно вѣскими; такъ оно и оказалось. Рѣчи и разсказы земца текли какъ лава. Онъ не говорилъ, а просто рисовалъ съ мельчайшими деталями такъ-называемый подворный осмотръ крестьянскихъ селеній. На этотъ разъ онъ часто прибѣгалъ къ записной книжкѣ и къ какимъ-то оборвышамъ бумаги съ нацарапанными на нихъ цифрами и замѣтками. Новоміръ Доброславичъ превзошелъ самъ себя, объяснялъ сколько нужно хлѣба на каждую семью и на каждую душу, сколько муки, чтобы подбѣлить варево, сколько горстей капусты или бураковъ, чтобы сдѣлать изъ него хотя бы подобіе щей или борща. Онъ говорилъ объ устройствѣ сельскихъ магазиновъ на будущее время, о рытьѣ прудовъ и канавъ, о мѣрахъ противъ цынги и другихъ болѣзней, уже тогда бичевавшихъ голодный народъ; особенно же распространялся онъ о томъ, что немыслимо взыскивать съ крестьянъ недоимки и взимать подати и повинности. Не можемъ выразить до какой степени правдивы, образны и любопытны были разсказы, но странное дѣло! Случалось, что 10—12 человѣкъ слушали по часамъ повѣствованія земца, а, въ концѣ-концовъ, никто не могъ понять чего собственно онъ пріѣхалъ добиваться и что ему нужно? Самъ Новоміръ Доброславичъ отказывался отвѣчать на прямые вопросы въ этомъ смыслѣ, упорно отмалчивался и объявилъ

только, что ему необходимо повидаться съ однимъ изъ членовъ главнаго комитета о голодающихъ, съ главноуправляющимъ общественными работами и еще кое съ кѣмъ изъ второстепенныхъ администраторовъ. Преисполненные уваженія къ такому земскому дѣятелю, мы позволили себѣ просить позволенія прочесть докладныя записки, которыя онъ вѣроятно заготовилъ, такъ какъ высокопоставленному лицу невозможно запомнить всѣ изустные доклады пріѣзжихъ изъ провинціи. На это Новоміръ Доброславичъ отвѣчалъ просто и коротко: „Никакой записки нѣтъ и не будетъ!“ Далѣе онъ объявилъ, что будетъ просить всего *полчаса*, ни больше, но и не меньше, а если дадутъ меньше, то онъ откажется отъ чести аудіенціи. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день онъ надѣлъ пиджакъ и поѣхалъ куда-то въ канцелярію, а на другой день облекся во фракъ, отправился на аудіенцію, пробылъ часа полтора и по возвращеніи просилъ поздравить его съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Не только полчаса были дарованы, но съ большою надбавкой; высокопоставленное лицо выслушало докладчика съ величайшимъ терпѣніемъ, даже съ интересомъ, и его просили пожаловать вечеркомъ, назначили часъ. Вечеромъ аудіенція продолжалась довольно долго. Новоміръ Доброславичъ и тутъ остался вѣренъ самому себѣ. Онъ успѣлъ заинтересовать вліятельнаго человѣка, выложилъ передъ нимъ всю подноготную дѣла и все-таки оставляя его въ полнѣйшемъ недоразумѣніи насчетъ того, что именно желаетъ докладчикъ лично для себя и для опекаемаго имъ голоднаго населенія. А желалъ онъ только того, чтобы дѣло само за себя говорило и чтобы начальство само уразумѣло въ чемъ состоитъ насущная нужда. Такъ оно и случилось. Голодающее крестьянство, о которомъ хлопоталъ земецъ, получило значительное пособіе отъ комитета, а въ мѣстностяхъ излюбленныхъ имъ разрѣшены общественныя работы, и наблюденіе за ними поручено тому же Новоміру Доброславичу. Достигнувъ цѣли, онъ вылетѣлъ изъ Петербурга, какъ бомба, опять промелькнулъ только въ Москвѣ, очутился посреди голодныхъ и началъ работать въ качествѣ попечителя и завѣдывающаго работами. Между тѣмъ наступилъ 1892 годъ. Холера подкрадывалась къ русскимъ границамъ, и одна изъ первыхъ ея жертвъ была какъ разъ та губернія и тотъ районъ, гдѣ Новоміръ Доброславичъ подвизался. Къ довершенію несчастья, урожай опять былъ ниже посредственнаго, и опять предстояло бороться и съ этимъ бѣдствіемъ. У ста-

ропутнаго человѣка опустились бы руки, а Новоміръ Доброславичъ, напротивъ, утроилъ свою и безъ того напряженную дѣятельность, сейчасъ же записался въ санитары и продолжалъ подворные осмотры, на этотъ разъ съ опасностію жизни. Одинъ изъ близкихъ родственниковъ показывалъ намъ послѣднее письмо неутомимаго земца, но содержанія мы не выписываемъ, потому что все равно никто не повѣритъ! Новоміръ Доброславичъ съ привычною отчетливостью разсказываетъ о распредѣленіи времени и характерѣ своихъ занятій. Скажемъ коротко, что онъ двигается, какъ маятникъ, изъ имѣнія въ уѣздный городъ (въ управу) и обратно; домой пріѣзжаетъ только обѣдать и провести ночь, а въ остальное время гонитъ по всѣмъ по тремъ, то-есть работаетъ въ качествѣ попечителя, санитара и завѣдывающаго работами. Пріемная комната его усадьбы такъ же полна, какъ и пріемная государственнаго человѣка, которому въ прошломъ году пріятель нашъ докладывалъ, только тамъ преобладали мундиры и фраки, а тутъ—зипуны, полушубки, поддевки и кафтаны. Неудивительно, что Новоміръ Доброславичъ кончаетъ свое письмо такими словами: „Признаюсь, что нервы (просто переутомленіе?) даютъ себя чувствовать... надѣюсь, что вы, дорогіе мои, не посѣтуете о томъ, что рѣдко пишу“... Диковинный человѣкъ! Новоміръ Доброславичъ служитъ въ земствѣ чуть не со времени его учрежденія, но ему не приходило въ голову подумать о чинахъ и наградахъ даже и тогда, когда сами чины подошли къ нему, въ образѣ новаго земскаго положенія 1890 г., сравнявшаго земскую службу съ государственною и, между прочимъ, пріурочившаго званіе члена земской управы къ VII классу (надворный совѣтникъ). Это побудило насъ подвергнуть Новоміра Доброславича формальному „интервью“, — категорическою постановкой вопроса: какъ онъ судитъ о чинахъ и наградахъ вообще, и сознаетъ ли, что по новому положенію онъ, такъ-сказать, перепрыгнулъ черезъ коллежскаго асессора и состоитъ въ нѣкоторомъ родѣ, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ? Новоміръ-Доброславичъ слушалъ благосклонно, улыбался, кивалъ головой, поддакивалъ и снисходительно бурчалъ: да, да, я титулярный... IX класса!“ Но такая несообразность отвѣта и еще болѣе то обстоятельство, что онъ подергивалъ свою бороду и смотрѣлъ на насъ какими-то слишкомъ томными глазами, убѣждали, что онъ думаетъ не о чинахъ, а о примѣненіи устройства элевато-

ровъ къ сельскимъ магазинамъ, вопросѣ, очень его занимавшемъ. Поэтому недоразумѣніе наше не разъяснилось.

Да, это типъ XX столѣтія! То-есть такъ говоримъ мы, и только на томъ основаніи, что въ числѣ всѣхъ землевладѣльцевъ, видѣнныхъ нами, мы не встрѣтили другаго Новоміра Доброславича. Но мы вращались на ничтожномъ клочкѣ Русской земли и столько же знаемъ о всѣхъ ея обладателяхъ, сколько букашка, ползающая на трехъ листахъ громаднаго дерева, знаетъ о миріадѣ живыхъ существъ, его населяющихъ. Видѣли мы, правда, одинъ только типъ, за то слышали, что Новоміры Доброславичи считаются нынче даже не сотнями, а тысячами. Дай Богъ! Сталобыть такіе люди размножатся, пожалуй, еще и въ концѣ XIX вѣка, въ знаменитомъ: „fin du siècle“, тѣмъ лучше! Пускай „декаденты“ будутъ преобладать въ Европѣ, а у насъ, напротивъ, проявятся „ассенденты“ что ли?— если уже позволительно выражаться галлицизмами. Во всякомъ случаѣ прогрессъ не обойдетъ у насъ землевладѣнія. Объединеніе земства и дворянства было бы отраднымъ явленіемъ, слѣдовательно, типъ дворянина-земца оказывается самымъ практичнымъ и желательнымъ представителемъ землевладѣнія.

Просмотримъ, провѣримъ нашъ опытъ изслѣдованія, доскажемъ недоговоренное и подведемъ итоги. Дворянство имѣетъ свои преданія, такія же славныя, такія же древнія, какъ и сама Русь. Земство, какъ учрежденіе новое, никакихъ преданій не имѣетъ. Въ старые годы люди всѣхъ сословій стремились проникать въ дворянскую среду, но, не говоря о чести, вмѣстѣ съ дворянствомъ пріобрѣтались еще существенныя выгоды, права и преимущества, личныя и общественныя, какъ-то: освобожденіе отъ воинской повинности, отъ тѣлеснаго наказанія, право покупки недвижимости и прочее Теперь совсѣмъ иное. Права всѣхъ сословій сравнены. Земство имѣетъ права представительства, выборовъ, собраній, такъ же какъ и дворянство. Земская служба считается государственною и весьма понятно, что уже и теперь многіе земскіе владѣльцы изъ не-дворянъ думаютъ и говорятъ: „На что мнѣ дворянство? Зачѣмъ я буду его искать? владѣю землей, такъ я самъ по себѣ и господинъ не хуже дворянина!“ Это правда!.. Мы говорили и повторяемъ, что владѣніе землей даетъ не-дворянину силу, почетъ и вліяніе. Положимъ, что въ настоящее время въ землевладѣніи еще пре-

обладаютъ дворяне, но число ихъ уменьшается, они идутъ къ низу со всѣми преданіями и со всѣмъ своимъ значеніемъ и вліяніемъ, а земцы-не-дворяне будутъ постепенно возвышаться и преобладать съ своими новыми преданіями и понятіями. На западѣ Европы, въ Англіи, Австріи и Германіи, сохранилось могучее консервативное дворянство именно потому, что вѣковые корни его глубоко залегли въ почвѣ землевладѣнія. Впрочемъ западный міръ намъ не образецъ,—онъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ! Но если у насъ два сильнѣйшихъ полюса землевладѣнія не соединятся, а расползутся врозь, то разъединеніе станетъ опаснымъ не для одного дворянства, а для всего русскаго отечества. Вѣдь имущественный цензъ, въ какой бы цифрѣ десятинъ онъ не выразился, самъ по себѣ далеко не идеаленъ. Лакей, обворовавшій барина-паралитика, злостный банкротъ, крещеный еврей-ростовщикъ и многіе продувные люди легко могутъ разбогатѣть, спрятать концы въ воду и сдѣлаться крупными землевладѣльцами. Но такія сѣмена опасно насаждать и культивировать, надобно ихъ искоренять. А какъ это сдѣлать? По крайнему нашему убѣжденію, такая цѣль можетъ быть достигнута только путемъ изолированія и настойчиваго устраненія вредныхъ элементовъ, отдѣленіемъ отъ нихъ лучшихъ, здоровыхъ и надежныхъ силъ и привлеченія ихъ къ такому знамени, которое вся Россія привыкла познавать и цѣнить, т. е. привлекать ихъ въ дворянскую среду. Поэтому наше первое убѣжденіе и выразилось такъ, что самому дворянству необходимо включать въ свои ряды достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ землевадѣльцевъ изъ не-дворянъ. Намъ скажутъ: зачѣмъ это? Не-дворянинъ самъ можетъ выслужиться обыкновеннымъ путемъ чина или ордена. А мы возражаемъ: нѣтъ надобности въ такой длинной процедурѣ. Зачѣмъ лишать дворянство инициативы, особенно въ дѣлахъ, затрогивающихъ его самодѣятельность и чувство самосохраненія. Мы утверждаемъ лишь то, что всякому извѣстно, то-есть, что дворянство имѣетъ права широкаго *представительства*, но не имѣетъ почти никакого права *представленія* достойнѣйшихъ конкуррентовъ на благородное званіе въ общемъ порядкѣ дѣлопроизводства, а такое право по нынѣшнимъ временамъ болѣе чѣмъ необходимо. Намъ будутъ возражать, что дворянство и безъ того имѣетъ привилегированное положеніе, что расширять его права въ данномъ мѣстѣ не слѣдуетъ. Отвѣчаемъ: кому же лучше знать землевладѣльцевъ въ каждой губерніи, какъ не дворянскому обществу? Да если бы даже допустить, что по кумовству, интри-

гамъ или по близорукости (совершенно, впрочемъ, немыслимой), дворянское собраніе представляло бы недостойную личность, то вѣдь представленіе пройдетъ черезъ горнило многихъ инстанцій и окончательно очистится санкціей Верховной власти. Русскій Государь—первый дворянинъ своей Имперіи, чего же опасаться! Вотъ это второе наше положеніе.

Въ третьихъ, мы утверждаемъ, что служба Государю и отечеству въ рядахъ войска и въ администраціи никакъ не исключаетъ всякое другое служеніе. Убивать враговъ своей родины и достойно и праведно; но оживлять и укрѣплять ту же родную землю ея усовершенствованіемъ и возвышеніемъ производительныхъ силъ,—также похвально и также достойно всякаго русскаго человѣка. Конечная цѣль дѣятельности всей гражданской администраціи составляетъ благо народа. Но всякій землевладѣлецъ, живущій у себя въ имѣніи, можетъ облегчать крестьянамъ голодную нужду, помогать имъ въ болѣзняхъ, особенно при эпидеміяхъ, воспитывать темный людъ практически и теоретически. Не то же ли разумѣется подъ оффиціальными заголовками: народнаго просвѣщенія, народнаго довольствія, народнаго здравія и т. д.? Слѣдовательно, вездѣ и у всѣхъ служба и заслуга—однѣ и тѣ же. Съ этой точки отправленія приходимъ къ окончательному заключенію, что если талантамъ и добродѣтели слѣдуетъ ждать высшихъ чиновъ, чтобы попасть въ среду потомственнаго дворянства, то подобная проволочка столько же несправедлива, какъ и безплодна. Что касается до выслуги по чинамъ и орденамъ вообще, то мы можемъ высказаться категорически и безъ недомолвки. Существующія законоположенія по этому предмету останутся и должны оставаться въ силѣ, потому что это самый широкій, самый торный и общедоступный путь, на которомъ народная сила и доблесть могутъ получить заслуженную награду. Ни высказаннымъ въ нашей статьѣ соображеніямъ, никакимъ бы то ни было улучшеніемъ Петровскія установленія (табели о рангахъ) препятствовать не могутъ. Если не-дворянинъ, уже владѣющій землей, получитъ дворянское достоинство, то дворянамъ остается только радоваться новому сочлену, имѣющему, кромѣ заслуги, независимое состояніе. Еслибы даже новый дворянинъ и не имѣлъ земли, но имѣлъ бы средства пріобрѣсти ее, то и въ этомъ случаѣ несостоятельности и захудалости опасаться нечего. Стало-быть все дѣло сводится лишь къ тѣмъ новопожалованнымъ, у которыхъ, какъ говорится, нѣтъ ни кола, ни двора. Но даже самымъ завзятымъ адвокатамъ землевладѣнія было бы въ

высшей степени несправедливымъ жаловаться на подобныя сопричисленія. Кто можетъ знать судьбу служащаго! Мало ли бываетъ примѣровъ, что люди, не имѣвшіе при поступленіи на службу ничего, кромѣ шпаги и мундира, становились крупными помѣщиками и вотчинниками, только благодаря ихъ великимъ подвигамъ и заслугамъ. Бѣда вовсе не въ томъ, а въ совершенномъ отчужденіи служащихъ отъ земли и землевладѣнія. Даже самые крупные собственники, пока они состоятъ на службѣ, бросаютъ свои имѣнія на произволъ арендаторовъ и управляющихъ, а когда выходятъ въ отставку, то дѣлаются неспособными къ управленію и только смѣшатъ крестьянъ и сосѣднихъ помѣщиковъ своими наивностями. Позволимъ себѣ привести одинъ примѣръ и смѣемъ увѣрить, что разскажемъ не анекдотъ, а фактъ. Пріѣзжаетъ въ свое помѣстье генералъ, начинаетъ осматривать въ подробности хозяйство и велитъ управляющему называть, какое зерно, гдѣ посѣяно.—„Это, вотъ что такое?"—„Просо, ваше п—во!"—Генералъ начинаетъ твердить въ умѣ нарицательное, показавшееся ему новинкой, несмотря на давнее владѣніе землей. Послѣ завтрака, ложась на отдыхъ, онъ продолжаетъ заучивать: про—со—про—со—про... и засыпаетъ на послѣднемъ неправильномъ сочетаніи созвучій, то-есть на „сопрò". Являются сосѣди поздравить съ пріѣздомъ именитаго собрата: „А что, ваше п—во, изволили уже посмотрѣть на хозяйство?"—„Да, осмотрѣлъ... остался доволенъ... У меня ржи столько-то посѣяно, овса столько, да еще десятинъ десять сопрà... Могу сказать, ядреное, превосходное сопрò!" Помѣщики насторожили уши и, конечно, полюбопытствовали: „Это, надо-быть, новое зерно изъ-за границы выписать изволили?"—„Какое новое?.. Какъ изъ-за границы?.." удивился генералъ.—„Эй, Ванька!.. Принеси-ка мнѣ изъ кабинета образчики"... И онъ предъявилъ сосѣдямъ образцы разныхъ колосьевъ, но тутъ уже гостямъ пришлось удивиться: „Да это просо, ваше п—во!.."—„Ну, да... а я какъ сказалъ?"—„Вы изволили сказать сопрò, мы и думали: не новинка ли какая?.." Генералъ страшно разсердился, призвалъ управляющаго и разнесъ его по военному: „Ты что мнѣ навралъ про какое-то сопрò!.. Ты меня компрометируешь предъ дворянствомъ! Вонъ отсюда, невѣжа!.. Не надо мнѣ такихъ управляющихъ, которые не знаютъ назвать посѣвовъ, какъ слѣдуетъ!.." Такіе хозяева долго еще не переведутся у насъ на Руси. Многіе ли изъ господъ служащихъ, напримѣръ, умѣютъ отличить просо отъ пшеницы и гречу отъ чечевицы! А служащихъ-то много. Если возьмемъ только

дѣйствующихъ 192 пѣхотныхъ и 58 кавалерійскихъ полковъ и положимъ въ каждомъ полку по десяти землевладѣльцевъ (кажется не много!), и то получится порядочная цифра, а если сосчитать резервы да еще всѣхъ помѣщиковъ, служащихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ!.. Въ обществѣ и въ печати много толкуютъ о дворянскомъ абсентеизмѣ и о необходимости всѣмъ землевладѣльцамъ, вообще, жить въ своихъ имѣніяхъ. Чаще всего тутъ разумѣется безвыѣздное житье, зимой и лѣтомъ. Зачѣмъ же это? Рабочая пора въ деревнѣ, когда нуженъ глазъ хозяина, начинается 1 мая и кончается 1 сентября. Правда, что посѣвы начинаются въ апрѣлѣ, а картофель, напримѣръ, снимается иногда позже сентября, но мы беремъ только самую *страдную* пору, самый существенный періодъ работъ. Мы нарочно говорили о трехъ землевладѣльцахъ-педагогахъ, живущихъ каждое лѣто, вмѣсто дачи, въ своихъ имѣніяхъ. Только они могутъ это сдѣлать, потому что одно учебное вѣдомство имѣетъ каникулярные отпуски. У военныхъ же періодъ лагернаго времени (горячее время!) какъ разъ совпадаетъ съ разгаромъ сельско-хозяйственной страды. Военныхъ увольняютъ въ отпускъ только осенью, когда въ имѣніяхъ нечего дѣлать, притомъ же офицеры такъ умаялись въ лагерѣ и на маневрахъ, что гдѣ же ужь тутъ опять потѣть надъ хозяйствомъ! Желательно, чтобы начальство, конечно имѣющее списки служащихъ землевладѣльцевъ, разрѣшало имъ, хотя бы по очереди, посѣщать лѣтомъ свои имѣнія, по примѣру того, какъ это дѣлалось прошлогоднимъ лѣтомъ во время голода. Если и нѣтъ голода, — все-таки въ высшей мѣрѣ необходимо хозяину заглянуть въ свое хозяйство. Можетъ тогда и голодные годы не были бы страшны? Вообще, землевладѣніе непосредственное, практическое, составляетъ предметъ первостепенной важности. Есть четыре столпа государственнаго зданія: 1) дворянство, 2) духовенство, 3) горожане и 4) сельчане. Есть четыре краеугольныхъ камня въ ихъ основаніи: 1) религія и законъ, 2) народное просвѣщеніе, 3) всесословная воинская повинность и 4) народное богатство и его крѣпчайшій цементъ—землевладѣніе.

Всякое слово и заявленіе по такимъ предметамъ, если оно можетъ подвинуть или хотя бы разъяснить дѣло, всегда придется кстати. Даже простой разговоръ, самый безпритязательный, и тотъ пригодится, потому что можетъ дать толчекъ и вызвать другихъ на состязаніе. Вотъ причина и значеніе предлагаемой статьи.

Князь Н. Имеретинскій.

АМЕРИКАНСКІЙ ПРЕТЕНДЕНТЪ.

Романъ Марка Твэна.

(Переводъ съ англійскаго.)

XXI.

Для художника все было приготовлено, и Гвендолена не могла найти болѣе никакого предлога, чтобы остаться. Она рѣшилась поэтому уйти и сказала ему, что если что-нибудь понадобится, онъ можетъ позвать прислугу. Она простилась съ нимъ печально, оставивъ печальнымъ и его, такъ какъ она унесла съ собою необходимый художнику лучъ солнца.

Время тянулось для обоихъ мучительно долго; онъ не могъ рисовать, ибо думалъ только о ней; она не могла ни чертить, ни кроить, такъ какъ думала только о немъ. Никогда рисованіе не было для него столь безуспѣшнымъ и противнымъ, никогда модныя выкройки не были ей такъ тошны и неинтересны. Она оставила его, не повторивъ приглашенія обѣдать,—это было для него жестокое разочарованіе. Она страдала въ свою очередь, ибо чувствовала, что пригласить его не въ силахъ. Вчера это было легко, сегодня совершенно невозможно. Въ теченіе послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ она совершенно незамѣтно растеряла множество своихъ невинныхъ преимуществъ и чувствовала себя стѣсненною, не свободною, словно чѣмъ-то связанною. Ей казалось, что она не рѣшится произнести ни слова, имѣющаго отношеніе къ молодому человѣку, ибо это слово оста-

новится у ней въ горлѣ вслѣдствіе страха, что „онъ догадается“. Пригласить его сегодня обѣдать? Эта мысль приводила ее въ трепетъ. Такимъ образомъ все ея послѣ-обѣденное время состояло съ небольшими перерывами, если можно такъ выразиться, изъ одного желанія. Три раза спускалась она съ лѣстницы, чтобы взять что-нибудь внизу; другими словами, ей казалось, что тотъ или другой предметъ ей необходимъ. Входя и уходя, она въ общей сложности шесть разъ насладилась его лицезрѣніемъ, повидимому вовсе не обращая на Трэси никакого вниманія, стараясь скрыть свой электрическій экстазъ и не подать ни малѣйшаго знака. Но она чувствовала, что сильно преувеличиваетъ и что ея наружная развязность и непринужденность слишкомъ бросаются въ глаза, а ея спокойствіе слишкомъ истерически-безпокойно внутри, чтобы кого-нибудь обмануть.

Художникъ также страдалъ и наслаждался по-своему, шесть разъ почувствовавъ на себѣ взглядъ Гвендолены, и эти взгляды мгновенно поднимали его упавшій духъ, безсознательно отражаясь на его работѣ. Въ эти минуты рука его дрожала и кисть не повиновалась такъ, что какъ разъ въ шести мѣстахъ пришлось ему передѣлывать свою работу.

Наконецъ Гвендолена нашла себѣ нѣкоторое утѣшеніе, пославъ предупредить сосѣдей Томпсоновъ, что сегодня придетъ къ нимъ обѣдать. Ей не хотѣлось сидѣть за домашнимъ столомъ, за которымъ не хватало того, кого ей всего пріятнѣе было бы видѣть.

Приблизительно около этого же времени лордъ вошелъ въ гостиную, гдѣ занимался Трэси, и пригласилъ его обѣдать. Художникъ долженъ былъ напрячь всѣ свои силы, чтобы не выдать охватившаго его чувства волненія и глубокой благодарности. Онъ сознавалъ въ эту минуту, что счастливѣе тѣхъ нѣсколькихъ часовъ, которые ему предстоитъ провести въ непосредственной близости Гвендолены, наслаждаясь созерцаніемъ ея красоты и звуками ея голоса, американская почва ничего ему не дала и не дастъ.

А лордъ размышлялъ между тѣмъ:

„Да этотъ покойникъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ ѣстъ яблоки. Интересно знать, можетъ ли онъ ѣсть что-нибудь другое? Не составляетъ ли яблоко предѣлъ для него возможнаго. Вѣдь и наши прародители тоже искусились на яблокѣ... Впрочемъ нѣтъ! Я неправъ или, точнѣе, отчасти неправъ: яблоко дѣйстви-

тельно составило для нихъ предѣлъ, но нѣсколько въ иномъ смыслѣ...“

Новая пара Трэси заставила Селлерса вздрогнуть отъ чувства благородной гордости, смѣшанной съ нѣкоторою долей ужаса.

„Очевидно, подумалъ онъ,—успѣхъ огромный. Нѣкоторую часть его я уже успѣлъ возстановить въ современномъ видѣ.“

Селлерсъ заявилъ, что онъ чрезвычайно доволенъ работой Трэси и тутъ же предложилъ ему, вопервыхъ, реставрировать всю его галлерею старыхъ мастеровъ, вовторыхъ, написать портреты: его, его жены, а, если можно, то и дочери. Художникомъ овладѣло чувство жгучаго счастья. Пріятный оживленный разговоръ продолжался не прерываясь, Трэси рисовалъ, а тѣмъ временемъ Селлерсъ развертывалъ принесенную имъ съ собой картину. Это была новенькая, только-что отпечатанная хромолитографія, сверкающій самодовольствомъ портретъ господина, наводнившаго Соединенные Штаты цѣлымъ потопомъ воззваній, рекомендовавшихъ фабрикуемые имъ сапоги въ три доллара и какого-то необыкновенно-дешеваго костюма. Лордъ держалъ предъ собой развернутую картину, задумчиво и внимательно и вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ нѣжности вглядываясь въ лицо предпріимчиваго Американца. Трэси показалось даже, что на глазахъ у старика блеснули слезы. Это вызвало въ молодомъ человѣкѣ горячую симпатію и до извѣстной степени связало его, сдѣлавъ какъ бы участникомъ тайны чужаго человѣка, въ которую не слѣдовало проникать. Но сочувствіе Трэси оказалось сильнѣе, чѣмъ это соображеніе, и онъ сдѣлалъ попытку утѣшить старика нѣсколькими теплыми словами:

— Это, вѣроятно, вашъ другъ?..

— О, болѣе чѣмъ другъ! Это мой родственникъ, самый дорогой изъ всѣхъ, хотя мнѣ не суждено было никогда съ нимъ встрѣтиться. Это молодой лордъ Бэркли, погибшій геройскою смертью во время страшнаго пожара... Но, позвольте, что съ вами?

— Ничего, ничего! Меня немного поразило то, что я вдругъ увидалъ портретъ человѣка, о которомъ такъ много слышалъ. Онъ похожъ, кстати?

— О, замѣчательно похожъ. Я никогда не видалъ молодаго лорда, но его легко узнать по большому сходству съ его отцомъ, сказалъ Селлерсъ, высоко поднимая портретъ и бросая совершенно

удовлетворенные взгляды то на мнимое изображеніе лорда-узурпатора, висѣвшее на стѣнѣ, то на Американца съ сапогами въ три доллара.

— Ну, положимъ, большаго сходства между ними и нѣтъ, возразилъ Трэси.—У отца очень характерныя черты и длинное, немножко лошадиное, лицо, а у сына совсѣмъ никакого выраженія и лицо словно полнолуніе.

— Весь нашъ родъ таковъ, спокойно отвѣчалъ Селлерсъ, нимало не смутясь возраженіемъ. — Въ молодости мы всѣ глупцы съ круглыми лицами и только впослѣдствіи развиваются наши таланты и длиннѣютъ лица, становясь—ваша правда—немножко похожими на лошадиныя. Именно эта-то вотъ черта и убѣждаетъ меня въ подлинности и вѣрности портрета. Да, по началу мы всѣ большіе глупцы.

— Это фамильное качество замѣтно и въ молодомъ человѣкѣ.

— Еще бы, онъ былъ очень глупъ. Вы приглядитесь только къ этому лицу и обратите вниманіе на его идіотское выраженіе и на форму головы. Это, вѣроятно, былъ глупецъ какихъ мало!

— Благодарю васъ, невольно вырвалось у Трэси.

— За что̀?

— За то... за то, что вы мнѣ это разъяснили. Но, пожалуста, продолжайте!

— Такъ я и говорю: что онъ дуракъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Можно даже опредѣлить отдѣльныя частности.

— Это очень любопытно; въ чемъ же заключаются эти частности?

— Я думаю, вопервыхъ, что это человѣкъ постоянно колеблющійся.

— Колеблющійся?

— Да, усвоитъ себѣ человѣкъ по какому-нибудь вопросу извѣстную точку зрѣнія и кажется она ему такою же крѣпкою и вѣчною, какъ Гибралтаръ. Но проходитъ немного времени и вмѣсто Гибралтарской скалы оказывается подъ ногами трясучее болото. Вотъ вамъ лордъ Бэркли съ головы до пятъ. Да вы посмотрите сами, вглядитесь хорошенько въ это баранье лицо... Но вы краснѣете, какъ вечерняя заря? Ради Бога, дорогой мой, не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ-нибудь нечаянно?

— О нѣтъ, нѣтъ, нисколько! Я краснѣю всегда, когда при мнѣ такъ безпощадны къ своимъ близкимъ.

Мысленно онъ прибавилъ:

„Совершенно нечаянно, но какъ мѣтко онъ обрисовалъ меня. Да я именно такое несчастное существо. Когда я уѣзжалъ изъ Англіи, то считалъ себя по способностямъ и рѣшимости равнымъ, по крайней мѣрѣ, Фридриху Великому, тогда какъ въ дѣйствительности слабый и совершенно ничтожный человѣкъ. Одно только и есть у меня утѣшеніе, что мнѣ все-таки доступны высокіе идеалы и благородныя стремленія...“

Затѣмъ онъ прибавилъ громко:

— Ну, а какъ вы полагаете, въ этой бараньей головѣ можетъ зародиться какая-нибудь великая идея, требующая самоотреченія и самопожертвованія? Могло бы, напримѣръ, придти ему въ голову отказаться отъ своего графскаго титула, блеска и роскоши, стать въ рядъ съ простыми тружениками и попытаться или выдвинуться своими личными заслугами, или остаться въ бѣдности и неизвѣстности?

— Можетъ ли явиться такая идея? Посмотрите на это узкоэгоистически улыбающееся лицо и вы имѣете готовый отвѣтъ; именно это и должно было ему придти въ голову. Онъ даже не прочь бы былъ сдѣлать первый шагъ.

— А потомъ?

— Разумѣется, сталъ бы колебаться.

— И затѣмъ бы отступилъ?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія.

— Неужели же такъ было бы и со всѣми моими... виноватъ, его предположеніями.

— Точь въ точь. Это общее свойство всѣхъ Росморовъ.

— Такъ, пожалуй, это счастье, что молодой человѣкъ погибъ. Предположимъ, напримѣръ, разумѣется для того, чтобы продолжить наше разсужденіе... предположимъ, что этотъ Росморъ я...

— Этого нельзя предположить.

— Почему?

— Потому, что это совершенно неправдоподобно. Еслибы вы были Росморомъ, въ ваши лѣта вы были бы обязательно глупцомъ, а между тѣмъ вы не глупы. Вы должны были бы быть совершенно безхарактернымъ человѣкомъ, а между тѣмъ въ васъ съ перваго взгляда замѣтна твердая воля, настолько твердая, что ужь если вы куда занесете ногу, то васъ не заставитъ отступить и землетрясеніе.

Про себя полковникъ прибавилъ:

„Кажется сильно сказано, а все-таки я его не опредѣлилъ и на половину. Чѣмъ больше я его наблюдаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это замѣчательная личность. Рѣдко можно встрѣтить болѣе выразительное лицо. На немъ словно написаны замѣчательная твердость характера, непоколебимая рѣшимость и по истинѣ желѣзная сила воли. Совершенно необыкновенный юноша.“

Онъ прибавилъ вслухъ:

— Мнѣ бы хотѣлось спросить вашего совѣта еще по одному дѣлу, мистеръ Трэси. Надо вамъ сказать, что бренные останки молодаго графа до сихъ поръ... Что это вы такъ испугались?

— Ничего, ничего, продолжайте пожалуста. Такъ что же съ его останками?

— Они у меня еще.

— А вы увѣрены, что это его останки, а не кого-либо другаго?

— Совершенно увѣренъ, хотя въ сущности у меня не весь трупъ, а только часть.

— Какъ часть?

— Да, часть,—зола въ корзинахъ. Вы, вѣроятно, будете возвращаться въ свое отечество, такъ не будете ли добры захватить ихъ съ собой.

— Кто? Я?

— Да, да. Не теперь, конечно, а когда будете уѣзжать. Хотите взглянуть?

— О нѣтъ, нѣтъ! Совсѣмъ не хочу.

— Хорошо, хорошо, а я думалъ... Куда это ты собралась, моя милая?

— Я ухожу на обѣдъ.

У Трэси что-то застыло въ груди. Полковникъ сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Это жаль. Я и не зналъ, что она не будетъ обѣдать, мистеръ Трэси...

На лицѣ Гвендолены мелькнуло нѣчто похожее на отчаяніе, словно она говорила:

— Боже мой, что я надѣлала.

— Трое стариковъ и одинъ молодой,—запряжка не подходящая, могу сказать, замѣтилъ полковникъ.

У Гвендолены блеснула надежда и она сказала, стараясь быть какъ можно равнодушнѣе:

— Если хочешь, я пошлю сказать Томпсонамъ...

— Ахъ, ты къ Томпсонамъ? Это упрощаетъ дѣло и приводитъ все въ порядокъ. Мы можемъ устроить такъ, что не помѣшаемъ твоимъ планамъ, дитя мое. Я знаю, что твое сердце...

— Ахъ, папа, право это можно и въ другой разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ ни за что, ты моя милая, дорогая, трудолюбивая дочь и твой отецъ не такого сорта человѣкъ, чтобы тебѣ въ чемъ-нибудь помѣшать.

— Но, папа, я...

— Иди, иди, объ этомъ больше ни слова. Ужь мы какъ-нибудь обойдемся, моя дорогая.

Гвендолена чуть не разрыдалась отъ отчаянія. Ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ попрощаться; но ея отцу пришла необыкновенно счастливая мысль, ловко и сразу устранявшая всѣ затрудненія.

— Подожди, дорогая, знаешь, что̀ я придумалъ? Съ одной стороны ты не лишишься своего удовольствія, а съ другой и намъ будетъ очень пріятно, пришли намъ сюда Беллу Томпсонъ. Это прелестное существо, мистеръ Трэси, и замѣчательная красавица. Вы сразу въ нее влюбитесь. Такъ посылай же ее, Гвендолена, поскорѣе... Ахъ, Боже мой, она уже ушла.

Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, но дочь уже шла по двору.

„Желалъ бы я знать, подумалъ полковникъ, — въ чемъ тутъ дѣло. На что̀ она разсердилась и почему такъ передернула плечами.“

— Я совершенно согласенъ, сказалъ онъ громко Трэси,—что намъ безъ нея будетъ скучно. Что вы хотите,—родители. Таковъ міровой порядокъ. Но объ васъ я позаботился. Молодой элементъ будетъ представленъ миссъ Беллой. Мы, старики, какъ-нибудь займемъ другъ друга и вообще скучно не будетъ. Кстати вотъ вамъ случай поближе сойтись съ генераломъ Гаукинсомъ. Это рѣдчайшій характеръ, мистеръ Трэси, и, можетъ-быть, самый удивительный человѣкъ въ мірѣ. Его стоило бы вамъ поизучить. Я знаю его съ дѣтства и внимательно наблюдалъ его безпрерывное развитіе и совершенствованіе. У него чрезвычайная подвижность во всѣхъ его свойствахъ и привычкахъ; изучая ее постоянно, я только и могъ одолѣть трудную науку знанія человѣческаго характера.

Но Трэси былъ въ глубокомъ припадкѣ отчаянія и изо всей этой тирады не слыхалъ ни слова.

— Да, это удивительный характеръ. Его основная черта скрыт-

ность. Вы знаете, что при изученіи характера важнѣе всего опредѣлить именно эту основную черту. Затѣмъ весь человѣкъ предъ вами, какъ на ладони и мелкія, иногда даже противорѣчивыя, детали васъ уже не обманутъ. Что̀ говоритъ вамъ наружность сенатора? Это простота, воплощенная простота, даже немножко грубоватая и между тѣмъ это одинъ изъ самыхъ глубокихъ умовъ. Онъ замѣчательно прямой и честный человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы такъ ловко умѣлъ когда нужно отвести глаза...

— О это чертовски!..

Эти слова вырвались у продолжавшаго не слушать Трэси подъ давленіемъ мучительной мысли о томъ несчастномъ положеніи, которое создалось изъ этой путаницы въ обѣдахъ.

— О нѣтъ, не говорите такъ, сказалъ Селлерсъ, ходившій взадъ и впередъ съ заложенными за спину руками и улыбавшійся собственной характеристикѣ своего друга.

— „Чертовски", это можно бы сказать про кого-нибудь другаго, а не про сенатора. Выраженіе это хорошее, согласенъ съ вами, но его приложеніе неправильно. Вы понимаете, какая здѣсь разница? Едва ли найдется другой государственный человѣкъ, у котораго было бы такъ совмѣщено необычайное равнодушіе съ необычайнымъ искусствомъ его подавлять. Исключеніе могутъ составить только Георгъ Вашингтонъ и Кромвель, ну, пожалуй, еще Робеспьеръ, но здѣсь и конецъ. Непредупрежденный человѣкъ могъ бы цѣлую жизнь прожить съ сенаторомъ Гаукинсомъ и не найти въ немъ добродушія больше, чѣмъ на любомъ кладбищѣ.

— Это ужасно, ужасно! воскликнулъ разсѣянный художникъ, испустивъ очень глубокій и очень длинный вздохъ.

— Знаете, я бы этого не сказалъ! Наоборотъ, я искренно удивляюсь ловкости, съ которою онъ побѣждаетъ свое добродушіе, больше удивляюсь, чѣмъ даже самому добродушію. Еще долженъ вамъ замѣтить, генералъ Гаукинсъ замѣчательный умъ. Это логически строгій мыслитель съ удивительнымъ всепроницающимъ анализомъ, подобно которому я затруднялся бы указать между нашими современниками. Дайте ему тему, соотвѣтствующую размѣрамъ его генія, затѣмъ отходите и любуйтесь полетомъ его мысли. Да, я бы желалъ, чтобы вы ознакомились съ этимъ удивительнымъ мыслительнымъ аппаратомъ. По-моему, послѣ Аристотеля это одинъ изъ величайшихъ мыслителей.

Съ обѣдомъ нѣсколько запоздали, поджидая миссъ Томпсонъ:

но такъ какъ Гвендолена и не заикнулась Беллѣ о приглашеніи, то ожиданіе не помогло, и домашніе сѣли за столъ одни со своимъ гостемъ. Бѣдный старикъ употреблялъ всѣ усилія и пускалъ въ ходъ весь огромный запасъ своего гостепріимства, лишь бы занять гостя; гость со своей стороны дѣлалъ все возможное, чтобы казаться веселымъ и разговорчивымъ. Словомъ, всѣ сообща трудились, чтобы создать веселое времяпрепровожденіе, но дѣло съ самаго начала клеилось плохо. Сердце Трэси свинцомъ давило его грудь, и онъ едва могъ удерживаться, чтобы не смотрѣть постоянно въ одну точку, на кусокъ луга на дворѣ, по которому прошла Гвендолена. Мысль о ней до того исключительно владѣла всѣмъ его существомъ, что онъ былъ страшно разсѣянъ и часто среди разговора дѣлалъ мучительныя паузы именно въ тѣ минуты, когда ему приходилось давать наиболѣе категорическіе отвѣты. Это сообщало какой-то неудачный тонъ цѣлому разговору. Всѣ держали себя словно пловцы, выѣхавшіе на лодкѣ, чтобы насладиться чудною прогулкой по спокойному зеркалу водъ и поминутно вздыхающіе о берегѣ. Что̀ такое случилось? Отвѣтъ на это могъ бы дать одинъ Трэси, остальные не могли ничего даже подозрѣвать.

Совершенно также тоскливо проходили обѣденные часы и въ домѣ Томпсоновъ. Гвендолена стыдилась самой себя, сознавая до какой степени сегодняшняя неудача угнетала ее и дѣлала несчастною; но это сознаніе не только не поправляло дѣла, а, наоборотъ, казалось, лишь увеличивало ея страданія. Она заявила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою, и всѣмъ было ясно, что это правда. Поэтому всѣ принимали въ ней участіе и сожалѣли ее, но это не дѣйствовало. Да и вообще въ этихъ случаяхъ ничто не помогаетъ, и самое лучшее это оставить рану спокойно истекать кровью.

Только что кончился обѣдъ, молодая дѣвушка извинилась и поспѣшила домой, чувствуя себя невыразимо-счастливою, словно вышедшая изъ мрачной тюрьмы.

— А что если онъ уже ушелъ?

Эта мысль родилась въ ея головѣ, но подѣйствовала главнымъ образомъ на ноги. Гвендолена вбѣжала въ переднюю, сбросила шляпу и мантилью и прямо направилась въ столовую. У дверей она остановилась, чтобы перевести духъ и прислушаться. Раздавался голосъ ея отца, затѣмъ матери. Гвендолена умирала отъ

отчаянія. Послѣ небольшаго молчанія лѣниво отозвался Гаукинсъ, затѣмъ снова заговорилъ отецъ. Трэси не отзывался.

— Его ужь нѣтъ! сказала она про себя и съ мрачною рѣшимостью отворила дверь.

— Дитя мое! воскликнула мать,—какъ ты блѣдна! Скажи, вѣрно, что-нибудь случилось?

— Блѣдна, подхватилъ отецъ; да, да она сначала поблѣднѣла, а теперь покраснѣла, какъ разрѣзанный арбузъ. Садись, дорогая, садись, видитъ Богъ, я радъ, что ты вернулась! Весело ли провела время? Мы здѣсь себя чувствовали отлично. Почему не пришла миссъ Белла? Мистеру Трэси немножко нездоровится, и она бы его развлекла.

Ея счастье сполна вернулось. Глаза засвѣтились радостнымъ огнемъ, выдавшимъ ея тайну другой парѣ глазъ, испускавшей такой же радостный свѣтъ. Одной этой секунды было совершено достаточно, чтобы выразить, принять и засвидѣтельствовать оба торжественныхъ признанія. Неувѣренность, страхъ и робость сразу исчезли изъ обоихъ молодыхъ сердецъ, уступивъ мѣсто глубокой тихой радости.

Селлерсъ надѣялся, что съ прибытіемъ подкрѣпленія ему удастся наконецъ одержать побѣду надъ разсѣянностью и молчаливостью своего гостя, но эта надежда не оправдалась. Разговоръ все такъ же не клеился, какъ и прежде. Полковникъ очень гордился своей дочерью и считалъ ее первою красавицей даже сравнительно съ Беллой Томпсонъ; представлялся случай дать ихъ сравнить иностранцу, и что̀ же вышло? Полковникъ былъ не въ духѣ. Онъ волновался при мысли, что Англичанинъ со свойственною его расѣ способностью опредѣлять горныя цѣпи по одной песчинкѣ придетъ къ заключенію, что всѣ американскія молодыя дѣвушки, судя по Гвендоленѣ, должны быть также скучны и молчаливы, какъ и онъ самъ.

А Гвендолена была какъ разъ, такъ по крайней мѣрѣ думалъ отецъ, въ самомъ невыносимо скучномъ настроеніи. Ничто повидимому ея не оживляло, и полковнику казалось, что вотъ, вотъ она заснетъ за столомъ. Чтобы поддержать честь Соединенныхъ Штатовъ, онъ тутъ же рѣшилъ соединить еще разъ молодежь за столомъ, надѣясь на большій успѣхъ. Болѣзненная мысль шевельнулась въ его головѣ:

„Навѣрно онъ запишетъ въ своемъ дневникѣ, — они вѣдь всѣ ведутъ дневники,—что моя дочь совершенно неинтересна.

Вѣдь это въ сущности и правда. Не видалъ я ее никогда такой! А все-таки она чертовски красива: ну, что за занятіе—катать шарики изъ хлѣба, ощипывать цвѣты и безпокойно двигаться на стулѣ. Да и въ гостиной она ведетъ себя не лучше. Но, однако, я свое сдѣлалъ и больше не могу ничего. Пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ."

Онъ пожалъ всѣмъ по очереди руки и ушелъ, сославшись на спѣшность работы. Молодые люди были раздѣлены значительнымъ пространствомъ комнаты, повидимому вовсе не интересуясь другъ другомъ.

Скоро удалилась мать. Трэси, глубоко задумавшись, стоялъ предъ портретомъ какого-то политика изъ штата Огайо, передѣланнаго досужимъ художникомъ въ одного изъ крестоносныхъ Росморовъ, а Гвендолена сидѣла на софѣ, погрузившись въ разсматриваніе альбома, въ которомъ, впрочемъ, не было ни одной карточки.

Сенаторъ не уходилъ. Ему было жаль, что молодымъ людямъ выпалъ такой скучный вечеръ. Руководимый сердечнымъ къ нимъ участіемъ, старался онъ ихъ развлечь, чтобы какъ-нибудь загладить такъ неудачно проведенный день. Онъ пытался даже острить и смѣяться, но ему отвѣчали такъ безжизненно вяло, что сенаторъ рѣшился наконецъ бросить свои попытки и удалиться: день былъ, очевидно, словно по заказу, выбранъ самый неудачный. Но тогда Гвендолена быстро встала, сдѣлала очаровательную улыбку и голосомъ, въ которомъ звучала неподдѣльная благодарность, произнесла:

— Неужели? Вы въ самомъ дѣлѣ уходите?

Ему показалось слишкомъ жестокимъ оставлять ихъ въ эту минуту, и онъ усѣлся снова. Ему хотѣлось замѣтить что-то, но онъ удержался. Посидѣвъ немного, онъ неожиданно сообразилъ, что оставаться дольше—большая ошибка съ его стороны. Черезъ нѣсколько минутъ это убѣжденіе настолько въ немъ окрѣпло, что онъ всталъ, пожелалъ молодымъ людямъ спокойной ночи и ушелъ, надѣясь, что съ его удаленіемъ имъ будетъ веселѣе. И дѣйствительно, едва лишь дверь затворилась за нимъ, какъ Трэси и Гвендолена вскочили одновременно со своихъ мѣстъ и стали жадно смотрѣть на дверь, считая секунды съ благодарностью въ пылающихъ глазахъ. Затѣмъ они упали въ объятія другъ къ другу и прильнули сердцемъ къ сердцу, устами къ устамъ.

— Боже мой! „Онъ" ее цѣлуетъ!..

Никто не слыхалъ этого восклицанія, такъ какъ Гаукинсъ произнесъ его лишь мысленно, затворивъ дверь. Онъ уже сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ, но ему пришло въ голову вернуться, пріотворить дверь, спросить не сказалъ ли онъ чего-нибудь неподходящаго и извиниться. Онъ былъ до такой степени пораженъ видѣннымъ, что рука сама тотчасъ же прихлопнула дверь, и бѣдный сенаторъ удалился испуганный, оскорбленный и негодующій.

XXII.

Черезъ пять минутъ онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, охвативъ голову обѣими руками и опустивъ ее къ столу,—поза выражающая, какъ извѣстно, глубокое отчаяніе. Слезы градомъ катились по его щекамъ и сдержанныя рыданія изрѣдка прерывали тишину.

— Я зналъ ее вотъ какой крошкой. Сколько разъ сидѣла она у меня на колѣняхъ! Я любилъ ее какъ собственнаго ребенка... И что же? О несчастное существо! Она погибла, она погубила свое сердце, влюбившись въ этого глупаго покойника. О, отчего не подумали мы, что такъ можетъ кончиться. А впрочемъ, какъ могли мы это подумать? Развѣ могло что-либо подобное придти кому-нибудь въ голову? Нельзя же предположить, напримѣръ, чтобы здоровая, свѣжая дѣвушка влюбилась въ восковую фигуру, а этотъ даже не восковая фигура, а совсѣмъ чортъ знаетъ что!

Повинуясь терзавшей его скорби, Гаукинсъ возносилъ свои жалобы все громче и громче.

— Теперь все кончено, спасенія нѣтъ. О, съ какимъ наслажденіемъ убилъ бы я это привидѣніе! Да не поможетъ это, увы, не поможетъ!

Она любитъ его, для нея онъ совершенно живой. Потеряй она его, она будетъ также страдать, какъ о настоящемъ человѣкѣ. А кто рѣшится сказать объ этомъ ея отцу и матери? Я ни за что, скорѣе умру! Селлерсъ лучшій изъ людей, котораго я когда-либо зналъ; я не въ состояніи разбить его сердце, и сердце бѣдной Полли тоже. А все отчего? Оттого, что мы пустились въ эту чертовщину. Не сдѣлай мы этого, жарился бы онъ себѣ преспокойно въ аду, гдѣ ему и слѣдуетъ быть. Удивляюсь, какъ тѣ другіе не могли разобрать, что отъ него пахнетъ сѣрой. Для меня этотъ запахъ просто невыносимъ, и я почти задыхаюсь, когда приходится съ нимъ оставаться въ одной комнатѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ продолжалъ:

— Одно вѣрно: дальнѣйшую матеріализацію придется остановить. Если ужь ей суждено выйти замужъ за привидѣніе, то пусть, по крайней мѣрѣ, будетъ это порядочный джентельменъ, хотя бы и средневѣковой, а не какой-нибудь коровій пастухъ и воръ, въ котораго онъ обратится, если Селлерсъ будетъ работать дальше. Положимъ, что онъ стоитъ намъ пяти тысячъ долларовъ наличными деньгами и на эти деньги придется поставить крестъ, если мы оставимъ его въ теперешнемъ видѣ, но вѣдь счастье Салли стòитъ дороже.

Сенаторъ услыхалъ шаги Селлерса и спохватился. Полковникъ вошелъ, сѣлъ на стулъ и сказалъ:

— Я долженъ тебѣ признаться, любезный другъ, что я опять сбиваюсь съ толку. Онъ ѣлъ, при насъ ѣлъ, сомнѣваться невозможно. Положимъ, что ѣлъ онъ безъ большаго аппетита; въ строгомъ смыслѣ это нельзя даже назвать ѣдой; но онъ кусалъ, жевалъ и глоталъ. Теперь вопросъ: что же дѣлаетъ онъ съ этимъ проглоченнымъ? Ты понимаешь, что этотъ вопросъ совершенно логиченъ и послѣдователенъ. Отвѣтить на него я затрудняюсь, да и вообще не могу даже представить себѣ, какіе результаты могутъ быть изъ сегодняшняго важнаго открытія. Но подождемъ. Время и наука все выяснятъ. Мы должны лишь пользоваться случаемъ и не терять терпѣнія.

Но эти слова не вызывали въ Гаукинсѣ никакого интереса; онъ не отвѣчалъ, и ничто повидимому не могло вызвать его изъ его горестнаго настроенія. Наконецъ разговоръ принялъ иное направленіе, и Гаукинсъ началъ понемному прислушиваться:

— Я долженъ тебѣ признаться, мой милый сенаторъ, что я начинаю чувствовать къ нашему покойнику нѣкоторую симпатію. У него, другъ мой, большой, скажу даже, огромный характеръ. Подъ этой равнодушной наружностью скрывается величайшій духъ, который когда-либо жилъ въ человѣческой груди; это второй Кляйвъ. Да, я удивляюсь его характеру, а удивленіе, ты вѣдь знаешь, всегда въ концѣ-концовъ подкупаетъ. По правдѣ говоря, мнѣ онъ ужасно нравится, и у меня не хватаетъ духа ради денегъ разжаловать подобный характеръ въ вора или разбойника... Знаешь что: я пришелъ тебя спросить, не согласишься ли ты отказаться отъ назначеннаго вознагражденія и оставить бѣднаго малаго въ покоѣ?

— То-есть такъ, какъ сейчасъ?

— Ну да, не доводить его до совершеннаго вида.

— О, полковникъ, вотъ тебѣ моя рука! Еслибы ты зналъ, до чего желаніе моего сердца сходится съ твоимъ.

— Спасибо, Гаукинсъ, я тебѣ этого никогда не забуду, сказалъ старикъ, стараясь придать своему голосу возможное спокойствіе.—Ты приносишь ради меня великую жертву и притомъ такую, какую при твоихъ обстоятельствахъ принести особенно трудно. Я никогда не забуду твоего великодушія и если только я буду живъ, ты никогда не пожалѣешь о томъ, что ты сдѣлалъ, клянусь тебѣ!

* * *

Въ теченіе одной какой-нибудь минуты Салли Селлерсъ убѣдилась совершенно, что она стала совершенно новымъ существомъ, существомъ неизмѣримо высшимъ и какъ бы благороднѣйшимъ, чѣмъ была всего нѣсколько часовъ назадъ; изъ мечтательной дѣвушки она обратилась въ серьезнаго человѣка, вмѣсто пустаго неопредѣленнаго любопытства нашла прямую и ясную цѣль жизни. Превращеніе было такъ могущественно, что ей уже казалось, будто раньше она была только тѣнью и лишь теперь стала живымъ существомъ, обратилась въ нѣчто изъ ничто. Ея душу можно было уподобить храму, гдѣ вокругъ пылающаго алтаря возносились стройныя пѣснопѣнія въ то время, какъ еще наканунѣ въ этомъ храмѣ стояли одни лѣса и валялись въ безпорядкѣ груды сыраго матеріала.

„Леди Гвендолена". Все обаяніе этихъ звуковъ исчезло сразу, а самыя слова стали оскорбительны для слуха. Она говорила своему возлюбленному:

— Пусть этотъ обманчивый блескъ останется въ прошедшемъ, я не хочу, чтобы меня болѣе такъ называли...

— Позвольте мнѣ называть васъ просто Гвендоленой. Вы разрѣшите мнѣ, неправда ли, произносить это дорогое мнѣ имя безъ всякихъ обычныхъ прибавленій?

Она вынудила у него изъ петлицы цвѣтокъ гвоздики и замѣнила его розовымъ бутономъ.

— Вотъ такъ. Это будетъ лучше. Я ненавижу гвоздику, по крайней мѣрѣ нѣкоторые экземпляры... Пожалуй, называйте меня по имени безъ всякаго прибавленія... Хотя, впрочемъ, нѣтъ... Нѣкоторыя прибавленія могутъ быть умѣстны...

Развивать яснѣе этотъ намекъ было уже нельзя. Наступило

молчаніе. Онъ усиливался разгадать значеніе ея словъ, и ему удалось это, такъ что Гвендолену можно было вывести изъ затрудненія.

— Дорогая Гвендолена! Могу я васъ называть такъ?

— Да, до извѣстной степени. И, пожалуста, не цѣлуйте меня, когда я говорю, потому что иначе я забуду что хотѣла сказать. Итакъ, вы можете употреблять часть вашей фразы, но только первую, а не вторую, такъ какъ Гвендолена вовсе не мое имя.

— Не ваше?

Въ голосѣ Трэси прозвучало удивленіе, почти испугъ, и сердце дѣвушки болѣзненно сжалось, словно подъ вліяніемъ горькаго предчувствія. Она отвела его лицо отъ себя рукой, испытующе заглянула ему въ глаза и сказала:

— Отвѣтьте мнѣ откровенно, какъ честный человѣкъ: вы ищите моей руки не ради моего происхожденія?

Ударъ былъ такъ неожиданъ и засталъ Трэси настолько неподготовленнымъ, что чуть не отбросилъ его къ противоположной стѣнѣ. Было нѣчто высоко-комическое какъ въ сдѣланномъ вопросѣ, такъ и въ вызвавшемъ его подозрѣніи. Трэси одновременно былъ и удивленъ и пораженъ, и только это обстоятельство удержало его, чтобы не расхохотаться.

Не теряя драгоцѣннаго времени онъ началъ горячо убѣждать дѣвушку, что онъ очарованъ только ей и любитъ только ее безъ всякаго отношенія къ ея титулу и происхожденію; онъ любитъ ее всѣмъ сердцемъ и не могъ бы любить ея больше, будь она даже герцогиней. Съ другой стороны не будь у ней вовсе ни роду, ни племени, онъ любилъ бы ее не меньше.

Она смотрѣла ему въ лицо съ напряженнымъ вниманіемъ и замирающимъ отъ восторга сердцемъ. Восторгъ этотъ бушевалъ, какъ ураганъ, несмотря на то, что наружность дѣвушки казалась спокойною, трезвою и даже почти строгою. Она готовила ему крупную неожиданность, желая точно испытать значеніе каждаго слова изъ его отвѣта.

— Слушайте меня, Говардъ Трэси, и, пожалуста, не сомнѣвайтесь въ томъ, что каждое мое слово истинная правда. Я также мало дочь лорда, какъ и вы.

Къ ея великой радости и тайному изумленію этого сообщеніе не произвело на него никакого впечатлѣнія. Теперь она уже не застала его врасплохъ, и онъ могъ вовремя и чистосердечно

воскликнуть: „Я могу за это только благодарить Бога!“ и заключить ее въ свои объятія.

Это было уже свыше ея силъ, и она не могла найти словъ для выраженія своего блаженства.

— Вы сдѣлали меня самою гордою дѣвушкой въ Штатахъ, сказала она, опустивъ голову ему на шею.—Я предполагала, что васъ особенно, какъ Англичанина, могъ ослѣпить и прельстить, положимъ даже безсознательно, мой титулъ. Я боялась, что вы ошибаетесь, воображая, что меня любите, и хотѣла вывести васъ поскорѣе изъ этого недоразумѣнія. Теперь я вижу, что вы дѣйствительно любите меня, меня самое и безконечно горжусь этимъ.

— Тебя, тебя, дорогая, я обожаю и люблю! Никогда я и не думалъ о графской коронѣ твоего отца. Говорю тебѣ по чистой совѣсти, моя Гвендолена.

— Нѣтъ, нѣтъ не называй меня такъ! Это придуманное имя и я его ненавижу. Я уже тебѣ говорила, что оно не мое. Меня зовутъ Салли Селлерсъ или, если тебѣ нравится, Сарой. Съ этого дня прочь всѣ фантазіи, иллюзіи и несбыточныя мечты, я больше о нихъ ничего не хочу знать. Я хочу быть только сама собой, свободною отъ всякаго обмана, тщеславія и фальши, чтобы быть достойною тебя. Между нами нѣтъ ни малѣйшей общественной разницы Я такъ же бѣдна, какъ и ты, и такъ же точно не имѣю никакого общественнаго положенія. Ты скромный начинающій художникъ, я въ своемъ родѣ то же. Мы оба честно зарабатываемъ свой хлѣбъ, и довольно съ насъ. Пойдемъ вмѣстѣ до могилы рука объ руку, будемъ жить другъ для друга, будемъ помогать другъ другу. Пусть будетъ у насъ одно сердце, одно чувство, однѣ надежды и стремленія, неразрывно до конца жизни. И если въ глазахъ свѣта наше мѣсто будетъ скромное, мы постараемся сдѣлать его великимъ нравственно нашею честною работой и безупречною жизнью. Поблагодаримъ Бога за то, что намъ приходится жить въ странѣ, гдѣ ни одинъ человѣкъ не смѣетъ величаться предъ своимъ ближнимъ ничѣмъ инымъ, кромѣ своихъ личныхъ заслугъ.

Трэси пробовалъ было возразить, но она не допустила его и продолжала:

— Я еще не кончила. Мнѣ хочется очистить себя отъ послѣднихъ остатковъ всякой искусственности и глупыхъ претензій. Только тогда начну я жить сызнова и могу стать достой-

ною тебя подругой. Мой отецъ считаетъ себя настоящимъ лордомъ. Богъ съ нимъ! Пусть фантазируетъ себѣ: это не вредитъ никому, а ему доставляетъ удовольствіе. Точно также фантазировали и его предки, и это сдѣлало цѣлое поколѣніе Селлерсовъ глупцами. Мнѣ тоже это вскружило было голову, и я должна тебѣ признаться, тщеславіе пустило въ меня глубокіе корни. Но теперь я освободилась отъ всего этого, надѣюсь навсегда. Сорокъ восемь часовъ назадъ я была счастлива при мысли, что я дочь мельхіороваго лорда и считала, что подходящимъ женихомъ для меня можетъ быть лишь человѣкъ, равный мнѣ по происхожденію. Съ сегодняшняго дня, благодаря твоей любви, мой милый, я радикально излѣчила свой больной мозгъ. Если хочешь, я могу тебѣ дать клятву, что никакая графская корона въ мірѣ...

— Хорошо, хорошо, но, моя дорогая...

— Что̀ съ тобой? Ты смертельно перепуганъ. Что̀ это значитъ? Что̀ случилось?

— Ничего, ничего. Я хотѣлъ только тебѣ сказать...

Въ своемъ замѣшательствѣ Трэси рѣшительно не могъ придумать, что̀ собственно слѣдовало бы здѣсь сказать. Къ счастію, онъ въ это же время думалъ еще кое о чемъ другомъ, чего оказалось для даннаго случая вполнѣ достаточно.

— О, какъ ты прекрасна! У меня захватываетъ духъ, когда я на тебя гляжу.

Это было хорошо придумано, во̀время и съ большою искренностью высказано и потому надлежащимъ образомъ принято.

— Постой, на чемъ я остановилась? Да, такъ я говорила, что графскій титулъ моего отца относится больше къ области миѳологіи. Взгляни на эти ужасные портреты на стѣнахъ. ты думаешь, вѣроятно, что это его предки, Росморы. Ничуть не бывало, все это олеографіи разныхъ американскихъ знаменитостей и притомъ современныхъ. Это онъ ихъ перекрасилъ и распредѣлилъ на цѣлое тысячелѣтіе, а чтобы не сбиться, привѣсилъ надписи. Вотъ этотъ, Андрью Джексонъ, изображаетъ послѣдняго изъ американскихъ лордовъ, только-что умершаго, а вотъ это послѣднее сокровище изъ всей коллекціи, — предполагаемое изображеніе молодаго англійскаго графа. Вотъ видите это глупое лицо въ рамкѣ, обтянутой крепомъ? Между тѣмъ это вовсе не лордъ Бэркли, а какой-то шарлатанъ-сапожникъ.

— Ты въ этомъ увѣрена?

— Еще бы! Но развѣ могла быть у него подобная наружность!

— Но почему же?

— Судя по его поведенію въ послѣднія минуты пожара можно думать, что это былъ настоящій человѣкъ съ геройскою душой и благороднымъ сердцемъ.

Трэси былъ тронутъ этими комплиментами. Лицо дѣвушки, произносившей эти слова, показалось ему въ эту минуту еще прекраснѣе. Онъ сказалъ тихо:

— Какъ жаль, что покойникъ лишенъ возможности знать, какое хорошее впечатлѣніе оставилъ онъ въ молодыхъ и прекрасныхъ американскихъ сердцахъ.

— Да, я была почти въ него влюблена. Я еще и теперь все время думаю о немъ и, кажется, вижу его предъ собой, какъ живаго.

Трэси показалось, что это уже черезчуръ. Онъ почувствовалъ, какъ его кольнуло жало ревности и сказалъ:

— Конечно, это хорошо думать о немъ, разумѣется изрѣдка, съ извѣстными промежутками; можно, конечно, отдавать ему должное, но я полагалъ бы...

— Говардъ Трэси, ты ревнуешь меня къ покойнику!

Ему стало нѣсколько совѣстно, но это чувство быстро прошло. Онъ никакъ не могъ сообразить ревновалъ онъ или нѣтъ.

Въ сущности вѣдь этотъ восхваленный покойникъ былъ онъ самъ, и такимъ образомъ всѣ расточаемыя ему нѣжности и комплименты поступали сполна въ его же кассу, въ видѣ чистаго дохода. Съ другой стороны, однако, для Салли по крайней мѣрѣ, это были два разныхъ лица, и поэтому чувство ревности тоже въ извѣстной степени имѣло основаніе.

Споръ перешелъ въ минутное молчаніе, послѣ котораго влюбленные примирились и стали еще нѣжнѣе другъ къ другу, чѣмъ прежде. Чтобъ укрѣпить это примиреніе Салли прямо заявила, что она изгоняетъ изъ своей головы всякую мысль о Бэркли и чтобъ избѣжать всякаго повода къ недоразумѣніямъ обѣщается возненавидѣть это имя и всякаго, кто будетъ его носить.

Это причинило Трэси новую печаль, и онъ началъ просить, чтобы Салли смягчила нѣсколько послѣднее выраженіе. Говорилъ онъ, конечно, въ общихъ выраженіяхъ, указывая на то, что не слѣдуетъ вдаваться въ крайности, даже въ хорошемъ. Но въ концѣ-концовъ онъ предпочелъ прекратить объ этомъ разговоръ, чуть было не вызвавшій между ними новаго спора, и перевелъ рѣчь на менѣе скользкую почву.

— Скажи, дорогая, осуждая аристократическія претензіи твоего отца и отказываясь отъ нихъ, вообще вѣдь ты не отрицаешь общественныхъ различій и дѣйствительныхъ дворянскихъ прерогативовъ?

— Дѣйствительныхъ, конечно, нѣтъ. Я отрицаю лишь наши фальшивыя претензіи и навсегда ихъ отбрасываю.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ былъ какъ разъ своевременъ и умѣстенъ, чтобы спасти бѣднаго колеблющагося молодаго человѣка отъ новой перемѣны его политическихъ убѣжденій. Онъ уже былъ совершенно готовъ къ этому и безъ этой опоры непремѣнно отрекся бы снова отъ своего аристократизма и еще разъ свалился въ демократію. Возвращаясь домой, онъ былъ очень доволенъ, что сдѣлалъ Салли этотъ вопросъ.

Молодая дѣвушка не будетъ такимъ образомъ ничего имѣть противъ такого пустяка, какъ настоящая графская корона, ей противна лишь фальсификація. Да, теперь онъ могъ считать своими и красавицу Американку и графскій титулъ. Отвѣтъ Салли выяснилъ это вполнѣ.

Ложась спать, Салли тоже была совершенно счастлива, вѣрнѣе—упоена счастіемъ, и въ такомъ состояніи блаженствовала часа два.

Наконецъ, когда ея глаза стали уже совсѣмъ смыкаться, а умъ погружаться въ безсознательное, къ ней словно тѣнь подкрался дьяволъ, вѣчно живущій въ душѣ человѣка и не упускающій случая отравить счастливую минуту своего хозяина. Тѣнь прошептала:

— Вопросъ звучалъ совсѣмъ невинно. Но что̀ обозначалъ онъ? По какимъ мотивамъ былъ поставленъ? Что̀ его вызвало?

Дьяволъ нанесъ маленькій уколъ и могъ спокойно удалиться, онъ зналъ, что въ сдѣланной ранѣ начнется воспаленіе. Такъ и вышло.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Говардъ Трэси сдѣлалъ этотъ вопросъ?

Если онъ хотѣлъ жениться на ней не ради ея титула, вопросъ лишался всякаго смысла. Развѣ Трэси не выразилъ живѣйшей радости, когда услыхалъ, что ея отрицаніе общественныхъ привилегій имѣетъ извѣстныя границы?

— Нѣтъ, онъ все-таки гнался за этимъ проклятымъ титуломъ, и моего бѣднаго „я“ ему не достаточно, разсуждала бѣдная Салли въ тревогѣ и слезахъ.

Затѣмъ стала она предполагать совершенно противоположное, но утомленная мысль аргументировала слабо, и Салли не могла доказать себѣ ничего. Всю ночь въ ея душѣ шелъ ожесточенный споръ, рѣшаясь то въ ту, то въ другую сторону, пока наконецъ уже на самой зарѣ охватилъ Салли горячій безпокойный сонъ, жгучій, какъ огонь, просыпаясь отъ котораго человѣкъ чувствуетъ себя совершенно обезсиленнымъ и разбитымъ.

XXIII.

Прежде чѣмъ лечь въ постель Трэси написалъ своему отцу. Отъ этого письма онъ ожидалъ лучшаго результата, чѣмъ отъ предыдущей своей телеграммы. Весьма основательно полагалъ онъ, что для его отца будетъ пріятною новостью узнать его настоящій образъ мыслей. Онъ сообщалъ, что сдѣлалъ надъ собою опытъ по части равенства, братства и собственнаго заработаннаго куска хлѣба; онъ выдержалъ борьбу, при воспоминаніи о которой ему нѣтъ надобности стыдиться, ибо онъ вполнѣ доказалъ свою способность прожить безъ посторонней помощи, однимъ своимъ личнымъ трудомъ. Но въ концѣ-концовъ онъ не могъ не придти къ убѣжденію, что ему одному не передѣлать всего міра и потому самое лучшее вернуться на родину, занять свое прежнее общественное положеніе, предоставивъ производить подобные опыты другимъ молодымъ людямъ, для которыхъ одна отвлеченная логика является недостаточно сильною, чтобы утвердить здравый образъ мыслей.

Затѣмъ онъ осторожно затронулъ вопросъ о своей женитьбѣ на дочери американскаго претендента.

Въ своемъ письмѣ онъ говорилъ много хорошаго о молодой дѣвушкѣ, но старался все-таки черезчуръ объ этомъ не распространяться и не выдвигать этого предмета на первый планъ. Но тѣмъ настойчивѣе старался онъ выяснить представлявшійся прекрасный случай примирить Іоркъ и Ланкастеръ и привить обѣ враждующія розы, Алую и Бѣлую, къ одному стеблю, покончивъ такимъ образомъ давнишнюю вопіющую несправедливость. Трэси старался дать понять, что все это имъ хладнокровно и разсудительно придумано и что этотъ планъ гораздо проще, справедливѣе и разумнѣе, чѣмъ намѣреніе отречься отъ своихъ правъ, привезенное имъ изъ Англіи. Это послѣднее написано однако не

было, но истекало ясно изъ самаго тона и фразъ письма. Чѣмъ больше Трэси его перечитывалъ, тѣмъ болѣе оно ему нравилось и тѣмъ больше проникался онъ самъ сознаніемъ, что его собственные взгляды именно таковы, какъ тамъ изображено.

Когда старый лордъ получилъ письмо, его первая часть наполнила его большою радостью; средина и конецъ вызвали легкое ворчанье, которое можно было истолковать различно.

Онъ не сталъ тратить чернилъ ни на письма, ни на депеши, а тотчасъ же сѣлъ на пароходъ и отплылъ въ Америку, чтобы посмотрѣть на вещи собственными глазами.

Во все время переѣзда черезъ океанъ онъ сохранялъ свое обычное безстрастное и спокойное выраженіе лица, не выражая ни малѣйшимъ признакомъ свое жгучее нетерпѣніе увидаться съ сыномъ. Старикъ былъ убѣжденъ и раньше, что молодой человѣкъ излѣчится въ концѣ-концовъ отъ своей мечтательности, но для этого необходимо, чтобы онъ прошелъ всѣ стадіи болѣзни безъ всякой поддержки, въ видѣ умягчительныхъ телеграммъ изъ дому. Теперь побѣда была наконецъ одержана; но это сознаніе отравлялось этимъ безразсуднымъ планомъ брака.

Да, онъ долженъ былъ съѣздить самъ и посмотрѣть на вещи собственными глазами.

Въ теченіе первыхъ десяти дней послѣ отсылки письма Трэси жилъ какъ на волнахъ; его то подбрасывало кверху до облаковъ, то низвергало внизъ, насколько хватало закона тяготѣнія. То бывалъ онъ безконечно блаженъ, то безконечно несчастливъ,—въ зависимости отъ настроенія миссъ Салли. Онъ никогда не могъ предугадать, когда перемѣнится ея настроеніе, а когда оно мѣнялась, никакъ не могъ уяснить себѣ побудительныхъ къ тому причинъ.

То любила она его такъ горячо, что любовь казалась тропически-бурною и она не находила достаточно пламенныхъ словъ, чтобы ее выразить, то вдругъ погода мѣнялась повидимому безъ всякой причины, и бѣдная жертва чувствовада себя на сѣверномъ полюсѣ, затертою вѣчными льдами. Иногда ему приходило даже въ голову, что лучше умереть, чѣмъ выносить эти невѣроятныя климатическія крайности.

А дѣло было очень просто: Салли хотѣла убѣдиться, достаточно ли свободна отъ постороннихъ элементовъ любовь къ ней Трэси. Она придумывала самыя разнообразныя испытанія, надѣясь получить какъ можно больше совершенно очевидныхъ и не-

опровержимыхъ доказательствъ его привязанности. Бѣдный Трэси и не подозрѣвалъ какого рода эксперименты производятся надъ нимъ, а потому легко попадался во всѣ разставляемыя ловушки. Дѣвушка большею частію ловила его среди случайныхъ повидимому разговоровъ объ общественныхъ различіяхъ, титулахъ, привилегіяхъ и тому подобныхъ вещахъ; иногда Трэси выражался недостаточно предусмотрительно, не соображая, что каждое его слово взвѣшивается и разбирается и что дѣвушка внимательно слѣдитъ за выраженіемъ его лица, словно онъ подсудимый, котораго жизнь, честь и имущество находятся вполнѣ во власти судьи.

Ежедневно, самъ того не замѣчая, наносилъ онъ тяжелыя раны сердцу своей возлюбленной. Каждую ночь мучилась бѣдная дѣвушка, вмѣсто того чтобы спокойно спать. Всякій другой на мѣстѣ Трэси могъ бы давно сообразить, что погода мѣнялась всегда, какъ только затрогивалась одна опредѣленная тема. Онъ могъ бы вывести изъ этого, что разговоръ на эту тему наводится умышленно, и конечно постарался бы задать себѣ вопросъ, нельзя ли какъ-нибудь проще и легче достигнуть той же цѣли. Но Трэси не былъ въ данномъ случаѣ ни достаточно недогадливъ, ни достаточно недовѣрчивъ, чтобы думать о подобныхъ вещахъ. Онъ замѣчалъ лишь, что при началѣ каждаго его посѣщенія погода была безоблачна. Тучи собирались лишь въ концѣ. Загадка эта разъяснялась тѣмъ, что въ теченіе шести часовъ, пока Салли не видала Трэси, пламенное желаніе его видѣть сжигало накопившіяся подозрѣнія и потому встрѣча выходила радостною. По мѣрѣ же того, какъ свиданіе затягивалось, жгучія сомнѣнія накоплялись и отравляли разставанье.

При подобныхъ обстоятельствахъ, выполненіе предположенныхъ портретовъ подвергалось многимъ опасностямъ. Портретъ Селлерса, надъ которымъ работалъ Трэси, боролся все время съ непостоянствомъ погоды, и ему мимовольно сообщались несмываемые отпечатки перемѣнчивой жизни, которую велъ Трэси. Судя по нѣкоторымъ чертамъ, это былъ едва ли не самый удачный портретъ. Съ другой стороны казалось, что сквозь эти черты глядитъ изъ ада проклятая душа, осужденная на всевозможныя страданія, начиная отъ разстройства желудка.

Самъ Селлерсъ былъ отъ портрета въ восторгѣ. Онъ находилъ, что жизнь и энергія брызжутъ изо всѣхъ поръ и что его лицо имѣетъ одновременно множество разнообразныхъ выраженій. Въ самомъ дѣлѣ портретъ если съ точки зрѣнія искусства

и можно было назвать совсѣмъ плохимъ, то какъ отпечатокъ психическихъ настроеній художника былъ въ своемъ родѣ рѣдкостью.

Онъ былъ писанъ въ натуральную величину и изображалъ лорда въ горностаевой мантіи, знакѣ его достоинства. На сѣдыхъ волосахъ покоилась графская корона, сбившаяся немного набекрень, соотвѣтственно веселому расположенію духа оригинала. Когда Салли была въ хорошемъ настроеніи, портретъ заставлялъ Трэси хохотать; въ остальныхъ случаяхъ онъ казался ему верхомъ безстыдства и заставлялъ кровь стынуть въ его жилахъ.

Однажды вечеромъ, послѣ того какъ влюбленные провели въ безмятежномъ настроеніи цѣлый день, дьяволъ снова началъ поддразнивать Салли, и разговоръ вступилъ на обычную скользкую тропинку. Среди оживленной рѣчи Трэси вдругъ почувствовалъ дрожь, но не внутри, а внѣ себя. Кто-то дрожа прижимался къ его груди и вдругъ зарыдалъ. Это была Салли.

— Дорогая, что̀ съ тобой? Скажи мнѣ, что̀ я сказалъ, или что̀ я сдѣлалъ? Вотъ ты опять въ своемъ ужасномъ настроеніи. Неужели я тебя чѣмъ-нибудь оскорбилъ?

Она вырвалась изъ его объятій и посмотрѣла на него укоризненнымъ взглядомъ.

— Что̀ ты сдѣлалъ? Я тебѣ скажу. Ты, самъ того не замѣчая, въ двадцатый разъ уже доказалъ мнѣ, что ты любишь не меня, а эту глупую графскую корону моего отца. Я не вѣрила этому, но, къ несчастію, это такъ.

— Дитя мое, опомнись, что ты говоришь! Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго.

— О Говардъ, Говардъ, тебя выдали нѣкоторыя высказанныя тобой мнѣнія. Ты не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, удержать своего языка.

— Мои мнѣнія? Я не умѣлъ удержать моего языка? Это жестокія слова. Когда же мнѣ нужно было его удерживать? Мой языкъ умѣетъ лишь одно: говорить правду. Удерживать его совсѣмъ не нужно.

— Говардъ, я взвѣшивала каждое твое слово. Иногда ты говорилъ, не придавая словамъ значенія, а эти слова сказали мнѣ больше, чѣмъ бы ты этого хотѣлъ.

— Такъ что же! Хочешь ли ты этимъ сказать, что ты злоупотребляла моею довѣрчивостью и подстерегала меня изъ

засады, ожидая, что я проболтаюсь. Нѣтъ, нѣтъ. ты этого не дѣлала. Ты не могла этого дѣлать. Даже врагъ не рѣшился бы такъ поступать.

Это была такого рода квалификація ея поведенія, которая ей раньше не приходила въ голову. Такъ, значитъ, это было предательство, измѣна, злоупотребленіе его довѣріемъ? Бѣдная дѣвушка покраснѣла отъ стыда при этой мысли.

— Прости меня, мой милый, сказала она, — я не знала сама что дѣлала. Я была такая несчастная. Ты меня простишь, ты долженъ меня простить. Я такъ изстрадалась, мнѣ было невыносимо грустно. Ты простишь меня, не правда ли? Ты не оттолкнешь меня отъ себя? Право, это моя любовь всему виновата. Но ты знаешь, какъ я тебя люблю, люблю всѣмъ сердцемъ. Я не могла вынести, чтобы... О Господи! какую я дѣлала подлость. Но, право же, я ничего не хотѣла сдѣлать дурнаго; я не знала къ чему это приведетъ. Не думала, что оскорблю этимъ тебя, моего дорогаго, моего единственнаго. Обними же меня, прижми къ своему сердцу. У меня нѣтъ другаго убѣжища, нѣтъ ничего больше въ цѣломъ свѣтѣ.

Примиреніе наступило непосредственно вслѣдъ за этимъ, примиреніе полное, безусловное, вернувшее сполна отравленное было счастье. Было бы самое благоразумное отложить всякіе дальнѣйшія препирательства. Но дьяволъ внимательно сторожилъ и какъ только изъ сердца молодой дѣвушки исчезло сомнѣніе въ истинномъ характерѣ любви своего обожателя, онъ подшепнулъ Трэси несчастную мысль постараться окончательно и навсегда разсѣять всякія возможныя впредь подозрѣнія.

Трэси сказалъ:

— Позволь мнѣ шепнуть тебѣ на ушко одну тайну, которую до сихъ поръ я хранилъ въ своемъ сердцѣ. Твой титулъ и происхожденіе никакой особенной притягательной силы для меня имѣть не могутъ. Я самъ сынъ и наслѣдникъ англійскаго лорда.

Дѣвушка пристально посмотрѣла на него секунды двѣ, три, можетъ-быть, даже нѣсколько больше.

— Ты?! спросила она, отступивъ отъ него съ изумленіемъ.

— Я, разумѣется, я. Что же тутъ такого ужаснаго? Почему это тебя такъ поразило?

— Еще бы не поразило! Согласись, что это довольно странное признаніе.

— Да, пожалуй, сказалъ онъ, съ легкою улыбкой,—признаніе довольно странное. Интересно, что̀ ты скажешь, если оно справедливо?

— Если оно справедливо? Ты уже берешь свои слова назадъ.

— Вовсе не беру. Зачѣмъ ты такъ говоришь? Я, право, этого не заслуживаю. Я сказалъ тебѣ правду и мнѣ непріятно, что ты сомнѣваешься.

— Отчего же ты мнѣ раньше этого не сказалъ?

— О! произнесъ онъ почти со стономъ, и въ этомъ стонѣ выразилось полное убѣжденіе въ необходимости молчанія.

— Ты долженъ былъ разсказать мнѣ все до послѣдней мелочи; ты не долженъ былъ, ты не имѣлъ права скрывать отъ меня ничего съ тѣхъ поръ, какъ ты... Ну, словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я стала твоя невѣста.

— Правда, правда, знаю я это. Но, дорогая моя, повѣрь, были обстоятельства...

Она сдѣлала движеніе рукой, какъ-будто однимъ взмахомъ желала отстранить съ дороги всякія обстоятельства.

— Видишь ли, сказала она тономъ нѣжнаго упрека:—мнѣ казалось, что ты такъ высоко цѣнилъ свой честный трудъ и гордую бѣдность, что я даже немного испугалась... То-есть я боялась... Ну да ты самъ припомнишь, что̀ ты говорилъ.

— Помню, помню, но я помню также, что не успѣлъ я кончить, ты спросила меня, что̀ я думаю о сословныхъ привилегіяхъ? Моимъ отвѣтомъ я хотѣлъ разсѣять всѣ твои опасенія.

Онъ помолчалъ съ минуту и сказалъ съ выраженіемъ почти отчаянія:

— Я не вижу никакого выхода. Я сдѣлалъ ошибку, но только ошибку. Клянусь тебѣ, никакой дурной мысли у меня не было. Я только не подумалъ о томъ, какъ это выйдетъ впослѣдствіи. Что̀ дѣлать, что я такой непредусмотрительный человѣкъ.

На минуту дѣвушка была почти обезоружена, но затѣмъ возразила снова:

— Сынъ лорда! Да развѣ сыновья лордовъ берутся за обыкновенную черную работу, чтобъ заработывать себѣ насущный хлѣбъ?

— Богъ видитъ, что они этого не дѣлаютъ; но я бы желалъ, чтобы они это дѣлали.

— Бросить графскую корону, спуститься въ народъ въ такой

странѣ, какъ наша, трезво и спокойно предложить свою руку и сердце бѣдной дѣвушкѣ въ то время, какъ можно было жить въ роскоши и выбрать себѣ невѣсту съ милліоннымъ приданымъ... Это что-то невѣроятно! Ты говоришь, что ты сынъ лорда... Чѣмъ ты можешь мнѣ это доказать?

— Еслибы я имѣлъ только тѣ признаки, которые ты перечислила, я бы долженъ былъ благодарить Бога, что не могу тебѣ этого доказать. А все-таки я сынъ и наслѣдникъ лорда; вотъ все, что я могу тебѣ сказать. Я бы желалъ, чтобы ты мнѣ вѣрила, но ты этого не хочешь. Никакихъ доказательствъ представить тебѣ я не могу.

Она опять была близка къ тому, чтобы смягчиться, но его послѣднія слова заставили ее гнѣвно топнуть ногой и воскликнуть:

— Ты, положительно, выводишь меня изъ терпѣнія! Я должна тебѣ вѣрить, что у тебя нѣтъ никакихъ доказательствъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ ты тотъ самый, кѣмъ себя называешь. Ты не хватаешься за свой боковой карманъ, потому что тамъ нѣтъ ничего. Ты заявляешь такого рода претензіи и вмѣстѣ съ тѣмъ путешествуешь безъ документа, который могъ бы удостовѣрить твою личность. Все это въ высшей степени нелѣпо. Ты съ этимъ не согласенъ?

Онъ усиливался найти что-нибудь, что̀ могло бы послужить къ его оправданію, и послѣ нѣкотораго колебанія сказалъ тихо и съ разстановкой, словно ему тяжело было это высказывать:

— Я долженъ сказать тебѣ всю правду, какъ бы она ни показалась тебѣ вздорною. Впрочемъ, такою же, вѣроятно, она покажется и другимъ. Тѣмъ не менѣе это правда. У меня былъ идеалъ,—назови его фантазіей, глупостью, какъ тебѣ угодно,— я хотѣлъ отказаться отъ тѣхъ несправедливыхъ преимуществъ, которыми пользуется у насъ въ Англіи аристократія и которыя создались путемъ обмана и насилія надъ народомъ; я хотѣлъ очистить себя отъ участія въ этомъ нарушеніи права и справедливости тѣмъ, что надѣялся побрататься съ бѣдными и униженными, зарабатывая мой хлѣбъ среди нихъ при равныхъ съ ними условіяхъ, и если мнѣ суждено было бы выдвинуться изъ толпы, то выдвинуться только своими личными заслугами.

Молодая дѣвушка внимательно и испытующе смотрѣла ему въ лицо, пока онъ говорилъ; въ его словахъ была та же простота

и порядочность, какъ и во всемъ его существѣ, и это трогало ее и заставляло сдаться; но она справилась съ своимъ духомъ уступчивости и принудила его молчать: было бы слишкомъ неосторожно поддаться слабости или другому подкупающему чувству. Ей хотѣлось поставить ему еще нѣсколько вопросовъ.

Трэси смотрѣлъ на нее, стараясь прочесть свой приговоръ въ чертахъ ея лица; но то, что̀ онъ въ нихъ видѣлъ, едва ли было способно оживить его поникшія надежды.

— Такъ могъ бы поступить англійскій аристократъ? Да, это былъ бы дѣйствительно человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. Его не то, что любить, его можно бы было боготворить...

— Ну, такъ я...

— Только такихъ людей нѣтъ. Подобный человѣкъ еще не родился, вѣроятно и не родится никогда. Пусть это его самоотреченіе будетъ сдѣлано даже подъ вліяніемъ пустой мечтательности и въ самомъ лучшемъ случаѣ послужитъ лишь слабымъ примѣромъ для другихъ, все-таки это будетъ необыкновенное величіе души, особенно въ нашъ коммерческій вѣкъ, не знающій другихъ идеаловъ, кромѣ наживы и грубаго успѣха. Подожди еще минуту, я не кончила. Я должна задать тебѣ еще одинъ вопросъ: твой отецъ графъ... графъ...

— Росморъ, а я графъ Беркли.

Чаша была переполнена. Дѣвушка была такъ оскорблена, что едва была въ состояніи говорить:

— Послушайте, это ужасное безстыдство! Вамъ вѣдь извѣстно, что онъ умеръ и что я объ этомъ знаю. Воспользоваться именемъ и честью живаго есть уже преступленіе; но какъ же назвать человѣка, который рѣшится продѣлать это надъ беззащитнымъ покойникомъ?..

— Послушай, дорогая... Еще одно слово... Не отворачивайся отъ меня, не уходи... останься одну минуту. Клянусь тебѣ честью...

— Онъ клянется честью!

— Ну, даю тебѣ слово, не самозванецъ же я, наконецъ! Я докажу тебѣ это и заставлю мнѣ повѣрить. Я принесу тебѣ письменное подтвержденіе, океанскую телеграмму.....

— Когда?

— Завтра или послѣ завтра.

— И будетъ подпись Росморъ?

— Да, будетъ подписано.

— Ну, что̀ же будетъ этимъ доказано?

— Что̀ будетъ этимъ доказано? Я не знаю, что̀ можно этимъ доказать?

— Вы вынуждаете меня вамъ это объяснить, доказано этимъ можетъ быть только одно: что у васъ въ Англіи есть сообщники.

Это былъ жестокій ударъ, совершенно сразившій Трэси. Онъ едва могъ прошептать:

— Это правда, я объ этомъ не подумалъ. Господи! но я же не знаю, что̀ мнѣ теперь дѣлать: у меня все какъ-то выходитъ наоборотъ... Но ты уходишь и не хочешь даже сказать мнѣ: „до свиданія“ или „покойной ночи“... Боже мой, никогда еще мы съ тобой такъ не разставались.

— Мнѣ нужно идти... Нѣтъ, впрочемъ, уходите вы.

Послѣ небольшаго молчанія она прибавила:

— Когда придетъ ваша депеша, можете мнѣ ее принести.

— Могу? Благослови тебя Богъ за это.

Онъ ушелъ какъ разъ во̀время. Уже губы Салли начинали дрожать и ея самообладаніе приходило къ концу. Тотчасъ же по его уходѣ она жестоко разрыдалась.

— Конечно, я его потеряла! Онъ уже не придетъ больше. Онъ не поцѣловалъ меня на прощанье, не попытался даже потребовать отъ меня, чтобъ я его поцѣловала, хоть бы въ послѣдній разъ, а я такъ ждала этого; это было бы такъ справедливо послѣ того, чѣмъ мы были другъ для друга... О, что̀ мнѣ дѣлать, что̀ мнѣ дѣлать. Это милый, бѣдный, несчастный, добродушный лгунъ и шалопай, но я... я такъ крѣпко его люблю!

Минуту спустя въ ея душѣ раздались новыя жалобы.

— Онъ такой милый, мнѣ его такъ жалко. Ну, чтобъ ему сочинить депешу и принести мнѣ ее поскорѣй. Но нѣтъ, онъ этого не сдѣлаетъ, онъ не думаетъ ни о чемъ; онъ такъ простъ и честенъ, что ему ничего подобнаго не придетъ въ голову. И что за несчастная мысль подумать, что ему могъ удаться обманъ. Онъ и солгать-то какъ слѣдуетъ не умѣлъ, это же видно было. Господи! теперь я лягу въ постель и все ему прощу. Ну, чтобы мнѣ ему велѣть придти сказать, что никакой депеши не получено? Теперь, если я его не увижу больше, сама виновата... Воображаю, каковы теперь мои глаза.

XXIV.

Прошелъ день, телеграммы не было. Это было ужасное несчастіе. Телеграмма хотя и не могла доказать ничего, но послужила бы для Трэси входнымъ билетомъ.

Если можно было назвать ужаснымъ несчастіемъ запозданіе телеграммы на одинъ день, то въ какомъ словарѣ могло бы найтись выраженіе, достаточно подходящее для характеристики постоянно обманываемыхъ надеждъ въ теченіе цѣлыхъ десяти дней? Въ каждый изъ послѣдующихъ дней напраснаго ожиданія депеши Трэси переживалъ по сорокъ восемь часовъ самаго жгучаго стыда, а Салли пріобрѣтала все больше и больше увѣренности, что у него нѣтъ не только отца, но даже и порядочнаго сообщника, изъ чего слѣдовало, что Трэси ничего больше какъ жалкій хвастунъ.

Тяжелые это были дни для Барроу и художественной компаніи. Они употребляли всѣ усилія, чтобъ утѣшить Трэси. Особенно тяжела была задача Барроу, который былъ избранъ молодымъ Англичаниномъ въ повѣренные его душевныхъ скорбей и волей-неволей долженъ былъ раздѣлять безумное убѣжденіе Трэси, что у него есть отецъ, что этотъ отецъ англійскій лордъ и непремѣнно пришлетъ ему подводную депешу. Пробовалъ было Барроу убѣдить своего друга, что никакого отца у него не существуетъ, но скоро долженъ былъ оставить свое намѣреніе, такъ какъ эти убѣжденія производили на паціента чрезвычайно нежелательное впечатлѣніе и усиливали его возбужденіе до размѣровъ, уже не безопасныхъ.

Въ видѣ опыта онъ сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ легендѣ Трэси насчетъ его отца; успѣхъ былъ такъ великъ, что онъ сдѣлалъ еще шагъ и согласился уже, что этотъ отецъ могъ быть и англійскимъ лордомъ; дѣло пошло еще лучше, и обрадованный Барроу для блага своего пріятеля не отказался бы даже признать у бѣднаго малаго хоть двухъ отцовъ. Но это для Трэси было уже лишнее, и онъ хотѣлъ ограничиться лишь на томъ, чтобы Барроу увѣровалъ въ заокеанскую телеграмму. Этой послѣдней Барроу про себя однако упорно не допускалъ, и былъ совершенно правъ. Но онъ пользовался ежедневно этимъ ожиданіемъ телеграммы и былъ совершенно увѣренъ, что этимъ способомъ сохранилъ жизнь и здоровье своего друга.

Для бѣдной Салли это были тоже горькіе дни, посвященные главнымъ образомъ уединеннымъ слезамъ. Этотъ мокрый элементъ, вмѣстѣ съ душевнымъ горемъ и холодомъ до такой степени лишили ее аппетита, что бѣдная дѣвушка исхудала, какъ тѣнь. Итакъ ея состояніе было плачевно, а тутъ казалось соединились всѣ силы природы и всѣ обстоятельства, чтобъ его еще болѣе ухудшить.

Въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ ухода Трэси, Селлерсъ и Гаукинсъ прочли въ газетахъ, что головоломная игрушка, называемая „свинки въ стойлѣ", получила вдругъ неожиданный успѣхъ и что все населеніе Соединенныхъ Штатовъ отъ Атлантическаго и Тихаго океана, забывъ всѣ текущія дѣла, набросилось на эту игрушку, вслѣдствіе чего начала страдать даже промышленность и торговля. Судьи, адвокаты, священники, разбойники, торговцы, воры, рабочіе, убійцы, женщины, дѣти, даже грудные младенцы, словомъ, всѣ набросились на свинокъ и съ ранняго утра до поздней ночи занимаются лишь тѣмъ, чтобъ ихъ размѣстить по хлѣвкамъ и разгадать секретъ игрушки. Исчезли въ Штатахъ непринужденность и веселье, и на всѣхъ лицахъ можно прочесть одну лишь напряженную заботу. Морщины утомленія и сомнѣній вырѣзались на всѣхъ, даже сильныхъ и молодыхъ физіономіяхъ, а на многихъ показались страшные признаки умственнаго безсилія и начинающагося помѣшательства. Фабрики восьми городовъ вынуждены работать день и ночь, но спросъ такъ великъ, что до самой послѣдней минуты ему невозможно было удовлетворить.

Гаукинсъ былъ внѣ себя отъ радости, но Селлерсъ отнесся къ этому совершенно спокойно. Подобныя мелочи не могли нарушать его душевнаго равновѣсія. Онъ сказалъ только:

— Другъ мой, такъ бываетъ всегда. Человѣкъ дѣлаетъ открытіе, которое производитъ переворотъ въ искусствахъ и промышленности, приноситъ горы золота и можетъ осчастливить человѣчество. Кто заинтересуется имъ, кто за него возьмется? Человѣкъ можетъ умереть съ голоду, но пусть изобрѣтетъ онъ ничтожный пустякъ, игрушку, которую повертятъ въ рукахъ и бросятъ,—весь міръ бросается на это изобрѣтеніе, и человѣкъ наживаетъ милліоны. Отыщи, пожалуста, этого янки и получи у него что̀ слѣдуетъ по разсчету. Половина, какъ ты помнишь, принадлежитъ тебѣ, а мнѣ не мѣшай работать. Полковникъ трудился надъ докладомъ о трезвости. Онъ былъ главнымъ иниці-

аторомъ основаннаго имъ общества и дѣлалъ уже нѣсколько докладовъ. Но дѣло шло очень туго, онъ былъ недоволенъ и ломалъ себѣ голову, какъ добиться лучшихъ результатовъ. Наконецъ ему пришелъ въ голову слѣдующій планъ.

По зрѣлому обсужденію онъ сдѣлалъ выводъ, что слабая сторона всѣхъ его предыдущихъ докладовъ была ихъ теоретичность, вѣрнѣе дилетантизмъ. Для публики было очевидно, что лекторъ, описывая ужасное дѣйствіе спиртныхъ напитковъ на организмъ человѣка, говоритъ съ чужаго голоса, то-есть самъ лично съ этимъ дѣйствіемъ совершенно незнакомъ и состояніе опьяненія вовсе не испытывалъ. Планъ полковника состоялъ въ томъ, что онъ предполагалъ говорить на основаніи горькаго опыта. Полковникъ рѣшилъ напиться, причемъ поить его долженъ былъ Гаукинсъ, отсчитывая тщательно дозы, дѣлая отмѣтки о дѣйствіи спирта на организмъ, словомъ, состоя при немъ ассистентомъ.

Времени оставалось немного, такъ какъ дамы должны были вернуться къ обѣду (разумѣй „Общество трезвости дщерей Силоамскихъ“) и Селлерсъ долженъ былъ окончить свой опытъ.

Но часы проходили, Гаукинса не было. Ждать далѣе полковникъ не могъ; поэтому онъ началъ прикладываться къ фляжкѣ и заносить свои наблюденія въ тетрадку. За этимъ занятіемъ засталъ его вѣрный другъ, бросилъ на него выразительный взглядъ, покачалъ головой и пошелъ внизъ, чтобы занять за столомъ предсѣдательское мѣсто.

Дамы были очень смущены извѣстіемъ, что ихъ рыцарь неожиданно и сильно заболѣлъ, такъ что не будетъ въ состояніи выходить нѣсколько дней. Утѣшительно было лишь то, что болѣзнь не принадлежала къ числу опасныхъ.

Полковникъ пролежалъ цѣлыхъ двадцать четыре часа безъ всякихъ признаковъ жизни. Затѣмъ онъ освѣдомился, что происходило на засѣданіи, и былъ очень сокрушенъ его исходомъ и разговорами. Горе его было такъ велико, что онъ нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Жена и дочь попеременно ухаживали за нимъ. Больной нѣжно бралъ Салли за подбородокъ и пытался ее утѣшить:

— Не плачь, дитя мое, по крайней мѣрѣ не плачь такъ горько. Ты знаешь, что твой старый отецъ сдѣлалъ это не съ дурною цѣлью, а ради опыта. Ты знаешь, что онъ за всѣ сокровища не сдѣлаетъ ничего, что̀ бы могло заставить тебя покраснѣть. У меня были благородныя намѣренія. Я желалъ добра моимъ ближ-

нимъ. Гаукинса не было, настоящей дозы я не зналъ, а потому и вышелъ такой ужасный результатъ. Не плачь же, дочь моя, не разрывай моего стараго сердца, не заставляй меня думать, что я, который тебя такъ люблю, причинилъ тебѣ такой стыдъ и страданіе. Это не повторится болѣе никогда, клянусь тебѣ, только утѣшься, не плачь и будь моею хорошею дѣвочкой.

Но слезы Салли съ неменьшею силой текли и тогда, когда ея не было около отца. Тогда пыталась ее утѣшить мать и говорила:

— Не плачь, моя дорогая, въ самомъ дѣлѣ же онъ не имѣлъ дурной цѣли. Ты знаешь, что при его опытахъ могутъ быть случайности еще хуже. Ты видишь, я совершенно спокойна, потому что я его хорошо знаю. Я бы сама не могла глазъ ни на кого поднять, еслибы мой старый Мелберри напился, какъ обыкновенный сапожникъ. Но вѣдь онъ сдѣлалъ это ради идеи, съ самою возвышенною, благородною цѣлью. Вся бѣда его въ томъ, что онъ не разсчиталъ и хватилъ лишняго. Не огорчайся же, моя милая, стыдиться тутъ нечего и не объ чемъ плакать.

Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней полковникъ былъ очень полезенъ Салли, давая вполнѣ удовлетворительное объясненіе ея слезамъ. Она была ему очень признательна за этотъ доставленный предлогъ, хотя часто и говорила себѣ:

— Мнѣ стыдно, что мои слезы являются для него словно упрекъ, какъ будто онъ можетъ совершить что-либо постыдное, но я не могу ничего подѣлать съ собой, это мое единственное оправданіе, а мнѣ оно такъ нужно...

По выздоровленіи Селлерсъ узнавъ, что Гаукинсъ и янки внесли на его имя въ банкъ огромную сумму денегъ, сказалъ:

— Ну, теперь посмотримъ, кто изъ насъ претендентъ и кто настоящій лордъ. Надо поѣхать на ту сторону и подвинтить немного Верхнюю Палату.

Въ теченіе слѣдующихъ дней полковникъ и его жена были до такой степени заняты приготовленіями къ отъѣзду, что Салли могла уединяться и плакать сколько душѣ угодно. Затѣмъ старики уѣхали въ Нью-Іоркъ, чтобъ оттуда ѣхать въ Англію. Салли пришла къ убѣжденію, что при настоящихъ условіяхъ не стоило жить. Самымъ лучшимъ исходомъ казалось ей бросить обманщика и умереть. Она уже была къ этому почти готова, но ей хотѣлось предварительно передать всю свою печальную исторію на судъ безпристрастнаго посторонняго человѣка, разсказать

ему все и обсудить, нельзя ли найти какой-либо болѣе счастливый исходъ. Долго раздумывала она надъ этимъ. При первомъ же свиданіи съ Гаукинсомъ послѣ отъѣзда родителей разговоръ зашелъ о Трэси, и Салли почувствовала живую необходимость разсказать свое горе этому государственному человѣку. Такъ подсказывало ей ея сердце, а она слушалась его всегда.

— Не говорите мнѣ, пожалуста, что онъ обманщикъ. Я сама хорошо знаю, что это такъ. Но не кажется ли вамъ, что онъ не таковъ? Вы здѣсь человѣкъ посторонній и можете смотрѣть на дѣло хладнокровно. Я не могу смотрѣть на него иначе, какъ на обманщика, но можетъ-быть вамъ онъ представляется инымъ? Судя по вашимъ глазамъ, я догадываюсь, что это такъ. Ну, хоть для меня, попробуйте усвоить себѣ такой взглядъ.

Бѣдный сенаторъ былъ сильно смущенъ, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя обязаннымъ держаться ближе къ истинѣ. Съ минуту онъ колебался, какъ бы борясь съ собой, затѣмъ, словно уступая, заявилъ, что у него дѣйствительно нѣтъ никакихъ основаній оправдывать Трэси.

— Нѣтъ, прибавилъ онъ, вы, я думаю, правы: онъ лжецъ.

— Вы думаете это, то-есть, вы въ этомъ еще не увѣрены... Ради Бога, скажите, что вы въ этомъ не совсѣмъ увѣрены, мистеръ Гаукинсъ!

— Мнѣ очень грустно... Я въ отчаяніи, что долженъ это высказывать, но я не только думаю, а знаю навѣрное, что онъ мошенникъ.

— О! мистеръ Гаукинсъ, зачѣмъ вы заходите такъ далеко? Никто не можетъ знать этого навѣрное. Вѣдь вовсе не доказано, что онъ не тотъ, кѣмъ себя называетъ.

Долженъ ли былъ Гаукинсъ разсказать дѣвушкѣ всю несчастную исторію и тѣмъ облегчить свою совѣсть? Да, онъ полагалъ, что обязанъ это сдѣлать, насколько возможно по крайней мѣрѣ. Щадя дѣвушку, онъ рѣшилъ скрыть лишь прямую преступность молодаго человѣка.

Стиснувъ зубы, онъ началъ рѣшительно:

— Я разскажу вамъ очень простую исторію. Мнѣ ее очень непріятно разсказывать, а вамъ слушать, но что дѣлать, надо это перенести! Я знаю все объ этомъ господинѣ и могу васъ увѣрить, что онъ вовсе не сынъ лорда.

Дѣвушка сверкнула глазами и отвѣчала:

— Мнѣ это рѣшительно все равно. За это лордство я не дамъ ни одного цента... Продолжайте!

Это было такъ неожиданно, что оборвало разсказъ. Гаукинсъ сомнѣвался, не ослышался ли онъ, и спросилъ:

— Не знаю, хорошо ли я васъ понялъ. Хотите ли вы сказать, что если въ другихъ отношеніяхъ онъ оказался хорошимъ и порядочнымъ человѣкомъ, то относительно графскаго титула вы совершенно равнодушны?

— Безусловно.

— То-есть, вамъ будетъ рѣшительно все равно, если онъ не графъ, а еслибы онъ оказался графомъ, то это не прибавитъ ему никакой цѣнности въ вашихъ глазахъ?

— Ни малѣйшей, мистеръ Гаукинсъ. Да я уже пережила всѣ эти безумныя мечты о графской коронѣ, аристократическихъ привилегіяхъ и прочемъ. Я снова стала обыкновенною простою Американкой, и этимъ излѣченіемъ обязана ему одному. Ни что не въ состояніи возвысить его болѣе въ моихъ глазахъ, въ немъ для меня заключается весь міръ со всѣми его сокровищами... Что̀ же тутъ можно еще прибавить.

„Ого! куда она хватила, сказалъ Гаукинсъ про себя.—Нѣтъ, когда такъ, то мой планъ не годится. Ее, очевидно, не убѣдишь. Эти фантазіи засѣли въ нее твердо. Я не буду выставлять малаго преступникомъ, но постараюсь разсказать такую штуку, которая ее разочаруетъ. А если ужь это не поможетъ, то придется оставить бѣднягу въ покоѣ: пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ.“

— Такъ вотъ, Гвендолена...

— Я желала бы, чтобы вы называли меня Салли...

— Очень радъ. Это имя и мнѣ лучше нравится. Такъ вотъ я вамъ началъ разсказывать о нѣкоемъ Снодгрэссѣ...

— Постойте, Снодгрэссъ это его имя?

— Да, Снодгрэссъ. Говардъ Трэси это его nom de plume.

— Что за ужасное имя!

— Знаю, знаю, но что-жь съ этимъ подѣлаешь?

— И это, дѣйствительно, его настоящее имя, а не Говардъ Трэси.

Гаукинсъ отвѣчалъ тономъ глубокаго сожалѣнія:

— Да, къ несчастію.

Дѣвушка задумчиво повторила это странное имя нѣсколько разъ.

— Снодгрэссъ, Снодгрэссъ... Нѣтъ, это я рѣшительно не могу вынести. Къ этому имени я никогда не привыкну. Придется называть его только по имени. Его имя?..

— Имя... Гм!.. Начинается оно на буквы С. М.

— Я васъ спрашиваю не о буквахъ, а объ имени.

— Видите ли... Отецъ его врачъ... Онъ обожаетъ свое ремесло... Ну, и притомъ довольно эксцентричный человѣкъ...

— Скажите мнѣ, что̀ обозначаютъ эти буквы? Что̀ это съ вами, что отъ васъ нельзя добиться толку?

— Буквы-то? Понимать ихъ надобно: Спиналь Менингитисъ... Отецъ его врачъ.

— Никогда въ жизни не слыхала я такого ужаснаго имени. Такъ и собаку нельзя назвать, не только человѣка. Это даже не имя, а какое-то глупое прилагательное.

Подумавъ немного, она продолжала совершенно убитымъ голосомъ:

— А вѣдь это будетъ между прочимъ и мое имя, такъ и на конвертахъ будутъ писать.

— Разумѣется: мистрисъ Спиналь Менингитисъ Снодгрэссъ.

— Ради Бога не повторяйте, я не могу этого слышать. Что̀ его отецъ былъ помѣшанный?

— Нѣтъ, это еще не доказано.

— Очень рада, потому что это могло бы быть наслѣдственно Но, однако, онъ вѣроятно былъ не совсѣмъ въ порядкѣ.

— Не знаю, какъ вамъ сказать... Въ его семьѣ были и сумасшедшіе.

— Ну, понятное дѣло, значитъ и отецъ такой же.

— Очень можетъ быть, это даже подозрѣвали.

— Подозрѣвали? Я думаю, можно подозрѣвать, что наступитъ темнота, когда солнце, мѣсяцъ и звѣзды свалятся съ неба. Но довольно говорить о сумасшедшихъ. Пойдемъ къ сыну.

— Съ удовольствіемъ. Этотъ старшій, но любимцемъ въ семьѣ не былъ. А вотъ братъ его Цилобальзамъ...

— Подождите... Дайте мнѣ сообразить... Это что-то совсѣмъ чудовищное. Цило... какъ вы сказали?

— Цилобальзамъ.

— Отъ роду никогда не слыхала. Это звучитъ, какъ какая-то болѣзнь. Это не болѣзнь?

— Нѣтъ, я не думаю. Это, вѣроятно, что-нибудь библейское, или...

— Нѣтъ, въ Библіи ничего подобнаго нѣтъ.

— Ну, такъ значитъ это изъ анатоміи. Я хорошо помню, что одно изъ двухъ. Ну, конечно, изъ анатоміи. Такъ называется

какой-то нервный узелъ, потому что говорятъ цилобальзамическій процессъ.

— Продолжайте, пожалуста, только когда будете говорить объ этомъ братѣ, пропускайте его имя, а то со мной можетъ быть дурно.

— Хорошо. Такъ вотъ, какъ я уже сказалъ, этого старшаго въ семьѣ не любили и потому понятно пренебрегали имъ и не заботились о немъ; въ школу его не посылали, позволяли ему дружить съ разными негодяями и подозрительными личностями... Совершенно понятно, что изъ него вышелъ грубый невѣжда и легкомысленная каналья.

— Изъ него? Вы говорите невѣроятныя вещи. Я была увѣрена въ вашемъ благородствѣ и не думала, что вы станете клеветать такъ ужасно на бѣднаго молодаго иностранца. Господи! Да онъ совершенно противоположность тому, чѣмъ вы его изображаете. Онъ въ высшей степени благовоспитанъ и вѣжливъ, обязателенъ, скроменъ, мягокъ, отлично образованъ... Какъ вамъ не стыдно разсказывать про него подобныя вещи.

— Я васъ не осуждаю, Салли, я очень хорошо понимаю ваше положеніе. Вы такъ ослѣплены, что рѣшительно не въ состояніи видѣть тѣхъ небольшихъ недостатковъ, которые бросаются въ глаза всякому.

— Это мнѣ нравится! Небольшіе недостатки! Что же тогда по вашему убійство или поджогъ?

— Мнѣ очень трудно отвѣтить сразу на вашъ вопросъ: эти вещи имѣютъ различное значеніе смотря по обстоятельствамъ. У насъ, напримѣръ, на дальномъ западѣ онѣ не производятъ такого впечатлѣнія, какъ здѣсь у васъ; но однако же и тамъ ихъ не одобряютъ.

— Не одобряютъ! Интересно, о какихъ пуританахъ это вы говорите... Но позвольте, какъ узнали вы все то, что разсказываете вы объ этомъ семействѣ? Ваши свѣдѣнія изъ вторыхъ или изъ третьихъ рукъ?

— Вы ошибаетесь, Салли. Я знаю все это не по слухамъ. Мнѣ эта семья лично извѣстна.

Дѣвушка была поражена.

— Вы? Вы знаете ихъ лично?

— Я зналъ Цило, какъ его обыкновенно называли, зналъ и его отца, доктора Снодгрэсса. Съ этимъ вашимъ Спиналемъ лично знакомъ я не былъ, но изрѣдка видалъ его и постоянно о немъ слышалъ, такъ какъ о немъ все говорили.

— Вѣроятно потому, что онъ не былъ ни убійцей, ни поджигателемъ. Это сдѣлало бы его слишкомъ банальнымъ и не интереснымъ, не правда ли? Гдѣ вы ихъ знавали?

— Въ Чироки-Стрипѣ.

— Что̀ за ужасное названіе. Я думаю, что у васъ тамъ не хватитъ людей, чтобы составить о комъ-нибудь хорошее или дурное мнѣніе. У васъ, должно-быть, тамъ нѣтъ даже мироваго судьи, потому что все населеніе состоитъ изъ конокрадовъ.

Гаукинсъ отвѣчалъ невозмутимо:

— Онъ и былъ изъ ихъ числа.

Глаза Салли гнѣвно сверкнули. Она сильно и рѣзко вздохнула, но удержала свой гнѣвъ и не позволила ему одержать надъ ней побѣду. Государственный человѣкъ сидѣлъ молча и ждалъ результатовъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ сочиненіемъ, считая его верхомъ дипломатическаго искусства. Теперь дѣвушка должна была сдѣлать выборъ. Сенаторъ былъ увѣренъ, что она откажется отъ этого привидѣнія, въ этомъ у него не было сомнѣнія. Рѣшаться на что-нибудь было необходимо, и онъ надѣялся, что это рѣшеніе достаточно подготовилъ.

Тѣмъ временемъ Салли успѣла уже обдумать положеніе дѣла и сдѣлать свое заключеніе. Оно было противъ Гаукинса. Салли сказала:

— У него не было ни одного друга, кромѣ меня, и я не могу его покинуть. Если онъ дѣйствительно безнравственный человѣкъ, я за него замужъ не выйду. Но если онъ въ состояніи доказать, что это не такъ, я рѣшусь на это безъ колебаній. И онъ долженъ знать объ этомъ. Мнѣ лично онъ очень, очень нравится. Я ровно ничего не замѣтила въ немъ дурнаго, кромѣ, разумѣется, этой несчастной претензіи, что его отецъ лордъ. Но, можетъ-быть, если обсудить дѣло основательно, это совершенно невинное хвастовство, а вовсе не такое ужь тяжкое преступленіе. Я совершенно не вѣрю, чтобъ онъ былъ таковъ, какимъ вы его обрисовали. Я хочу поговорить съ нимъ сама и потому прошу васъ разыскать его и прислать ко мнѣ. Я буду заклинать его разсказать мнѣ чистосердечно всю правду и не бояться ничего.

— Какъ знаете. Если вы такъ рѣшили, готовъ вамъ служить. Но вѣдь вамъ должно быть извѣстно, Салли, что у него ничего нѣтъ, кромѣ того...

— Объ этомъ я вовсе не думаю. Вы мнѣ его пришлете?

— Когда прикажете?

— Ахъ! сегодня, къ несчастію, уже поздно. Но вы мнѣ разыщите его завтра утромъ. Вы мнѣ это обѣщаете?

— Притащу его къ вамъ, если угодно, на разсвѣтѣ.

— Спасибо вамъ! Вотъ вы опять мой милый, добрый Гаукинсъ.

— Такъ-то всего лучше. Спокойной ночи, моя дорогая.

Оставшись одна, Салли подумала съ минуту и сказала совершенно серьезно: „Какъ это имя ни противно, а я все-таки его люблю,“ и съ облегченнымъ сердцемъ она принялась за свою работу.

XXV.

Вашингтонъ Гаукинсъ прошелъ прямо на телеграфъ. Ему было нужно облегчить свою совѣсть. Онъ говорилъ себѣ:

— Она ни за что не разстанется съ этимъ гальванизованнымъ трупомъ, это ясно. Дикія лошади и тѣ ее отъ него не оторвутъ. Я свое дѣло сдѣлалъ, а тамъ пусть Селлерсъ поступаетъ, какъ знаетъ.

И онъ отправилъ въ Нью-Іоркъ слѣдующую депешу:

„Возвращайся немедленно, бери экстренный поѣздъ. Она выходитъ замужъ за покойника.“

Одновременно съ этимъ въ замокъ Росморъ подали письмо, гласившее, что лордъ Росморъ, только что прибывшій изъ Англіи, предполагаетъ имѣть удовольствіе посѣтить полковника Мёльбери Селлерса сегодня же.

Салли прочла письмо и сказала про себя:

— Какая жалость, что онъ не остался въ Нью-Іоркѣ! Ну, да это ничего, онъ можетъ туда поѣхать завтра же и переговорить съ папой. Вѣроятно, онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы или помириться съ нами, или купить у папы его претензіи. Раньше бы, пожалуй, это меня возмутило, но теперь для меня этотъ пріѣздъ имѣетъ только одинъ интересъ. Я могу завтра же сказать Спини... Спинлю... Спиналю... что̀ за ужасное имя, никакой ласкательной формы не придумаешь! Я могу сказать ему завтра же: „ну другъ любезный, попробуй-ка повторить еще разъ, кто у тебя отецъ. Я разскажу тебѣ тогда, съ кѣмъ я говорила вчера вечеромъ, и посмотримъ, какую ты фигуру изобразишь“.

Трэси совершенно не ожидалъ, что его пригласятъ на завтрашнее утро, иначе, можетъ-быть, онъ былъ бы терпѣливѣе.

Онъ былъ въ такомъ ужасномъ состояніи, выразить которое словами невозможно. Его послѣдняя надежда лопнула, письмо отъ отца, которое по самому крайнему разсчету должно было получиться сегодня, не пришло. Можетъ-быть отецъ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ отказался отъ него? Ничего другаго нельзя было придумать. На сколько онъ зналъ своего отца, это было довольно-таки невѣроятно и однако же... Старый лордъ былъ орѣхомъ съ порядочно твердою скорлупой, хотя испытывать этого свойства на себѣ сыну до сихъ поръ и не удавалось.

Это десятидневное молчаніе было по истинѣ ужасно. Какъ бы тамъ ни было, Трэси все же рѣшился идти въ за́момъ. Зачѣмъ? Что̀ будетъ онъ тамъ говорить? Онъ этого и не зналъ и не пытался даже обдумывать. Его голова совершенно изнемогла отъ черныхъ мыслей, онъ шелъ машинально, не зная, чѣмъ это кончится и думая, что авось что-нибудь выйдетъ само собою. Только бы взглянуть разокъ на Салли, а тамъ будь, что̀ будетъ. Онъ дошелъ уже до такого состоянія, когда человѣку безразлично.

Едва ли онъ помнилъ, когда и какъ попалъ въ жилище Селлерса. Онъ соображалъ только, что остался наединѣ съ Салли. Она была къ нему очень благосклонна, почти добра, глаза ея были подернуты легкою влажностью, на лицо просилась ласковая улыбка, которую она съ трудомъ скрывала, усиливаясь быть сдержанною и холодною.

Они поговорили съ минуту. Затѣмъ она сказала, искоса поглядывая на выраженіе его лица, чтобы слѣдить за производимымъ впечатлѣніемъ:

— Я осталась совсѣмъ одна съ тѣхъ поръ, какъ мама и папа уѣхали. Пробовала было читать, но не могла раскрыть ни одной книги. Начала было перелистывать газеты, тоже не могла: тамъ однѣ сплошныя глупости. Вамъ хочется найти что-нибудь интересное, а васъ угощаютъ разсказами о какомъ-то... докторѣ Снодгрэссѣ.

Трэси не сдѣлалъ никакого движенія, не дрогнулъ ни однимъ мускуломъ. Салли была просто изумлена его самообладаніемъ и до того сбита съ толку, что даже остановилась и замолчала.

— Ну, что-же? спросилъ Трэси.

— А я думала, что ты меня не слушалъ... Толкуютъ о какомъ-то докторѣ Снодгрэссѣ безъ конца... Надоѣли ужасно. У этого Снодгрэсса какой-то любимецъ сынъ... Цилобальзамъ Снодгрэссъ...

Трэси попрежнему оставался совершенно невозмутимымъ и продолжалъ сидѣть понуривъ голову.

„Удивительное самообладаніе! Вотъ дьявольская натура“, размышляла про себя дѣвушка.

Она взглянула на своего собесѣдника въ упоръ и снова вернулась къ взятой темѣ съ твердымъ намѣреніемъ вывести наконецъ Трэси изъ его дѣланнаго равнодушія. Она была увѣрена, что каждое ея слово начинено динамитомъ, и вдругъ этотъ динамитъ оказывается совершенно безъ дѣйствія...

— Затѣмъ говорятъ о другомъ его сынѣ, котораго не любили въ семьѣ... Его воспитаніемъ пренебрегали, дѣтство его было пусто и печально, выросталъ онъ грубымъ невѣждой, развивались въ немъ самые дурные инстинкты и сталъ онъ въ концѣ-концовъ безбожнымъ, безсовѣстнымъ негодяемъ...

Трэси сидѣлъ попрежнему грустный и неподвижный.

Салли встала, торжественно подошла къ нему и остановилась въ двухъ шагахъ. Ея собесѣдникъ наконецъ поднялъ голову, и его тоскливый взоръ встрѣтился съ горящими, гнѣвными глазами дѣвушки. Медленно и съ большимъ выраженіемъ произнесла она:

— Звали этого господина Спиналь Менингитисъ Сподгрэссъ.

На лицѣ Трэси показалось лишь еще бо̀льшая усталость. Дѣвушка была взбѣшена этою непостижимою каменною безчувственностью и воскликнула:

— Скажи мнѣ, изъ чего ты сдѣланъ?

— Я? То-есть какъ изъ чего?

— Есть ли у тебя хоть капля чувства? Неужели эти имена не вызываютъ въ тебѣ никакихъ воспоминаній?

— Н... нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ искреннимъ удивленіемъ;—не замѣчаю. Да, что-же мнѣ тутъ вспоминать?

— Господи! воскликнула Салли внѣ себя.—Я говорю тебѣ такія ужасныя вещи, а ты слушаешь ихъ съ такой наивностью и невинностью, какъ будто все это до тебя ни малѣйшимъ образомъ не относится. Посмотри мнѣ прямо въ глаза. Такъ! Теперь отвѣчай мнѣ прямо и безъ увертокъ: докторъ Сподгрэссъ не твой отецъ, Цилобальзамъ не твой братъ?

Гаукинсъ въ эту минуту былъ за дверью, намѣреваясь войти въ комнату. Услыхавъ послѣднія слова, онъ потихоньку повернулся и ушелъ, предпочитая сдѣлать прогулку по городу.

— Отвѣчай мнѣ, я требую: развѣ твое имя не Спиналь Менингитисъ? Развѣ твой отецъ не врачъ и не сумасшедшій, какъ,

впрочемъ, всѣ ваши предки? Развѣ онъ не прозвалъ всѣхъ васъ, своихъ дѣтей, самыми глупыми названіями ядовъ, болѣзней и медицинскихъ уродливостей? Я жду отвѣта, поскорѣе. Ты молчишь и смотришь на меня какъ конвертъ безъ адреса, а твои помѣшанные глаза могутъ меня вывести совершенно изъ терпѣнія!

— Какъ бы я желалъ имѣть возможность что-нибудь сдѣлать или сказать... Что-нибудь лишь бы тебя успокоить и сдѣлать опять счастливою... Но не могу я подѣлать ничего, дорогая... Я ничего не знаю... А объ этихъ людяхъ слышу въ первый разъ въ жизни.

— Какой честный у тебя видъ, когда ты все это говоришь. Скажи, пожалуста, неужели все это правда? Конечно, правда? Не могъ бы ты такъ сидѣть, не могъ бы прикидываться такимъ невиннымъ... Вѣдь не могъ бы, скажи мнѣ?

— Не могъ, дорогая, и не сталъ бы, повѣрь мнѣ. Кончи, ради Бога, эту муку... Верни мнѣ и твою любовь и твое довѣріе.

— Подожди, еще одинъ вопросъ: скажи мнѣ, что ты изъ простаго хвастовства солгалъ мнѣ тогда, и что ты въ этомъ раскаиваешься? Скажи мнѣ, что ты никогда не хотѣлъ и не ожидалъ графской короны?

— Да, да, это вѣрно. Теперь я совершенно излѣченъ... Начиная съ сегодняшняго дня. Ничего я не желаю и не ожидаю.

— Ну, такъ теперь ты мой! Опять мой во всей красотѣ и величіи твоей честной бѣдности и твоего гордаго ничтожества; никто тебя у меня не вырветъ, даже смерть. И если...

— Лордъ Росморъ изъ Англіи, доложилъ съ комически перепуганнымъ видомъ старый Дэнль.

— Отецъ!

Молодой человѣкъ выпустилъ дѣвушку изъ своихъ объятій и грустно опустилъ голову.

Старый лордъ стоялъ въ дверяхъ, смотря на обоихъ: на нее, весело прищуривъ правый глазъ, на него—нахмуривъ нѣсколько лѣвую бровь;—выраженіе лица, не часто встрѣчающееся и очень трудное. Но скоро доброе чувство взяло верхъ, и онъ сказалъ сыну:

— Я полагаю, сэръ, что вы могли бы меня обнять.

Молодой человѣкъ исполнилъ это съ большимъ усердіемъ.

— Такъ ты все-таки сынъ лорда? обратилась Салли къ своему возлюбленному тономъ упрека.

— Какъ видишь... я...

— Ну, такъ я тебя знать не хочу.

— Салли, но вѣдь ты же знаешь...

— Ничего я не знаю; знаю только, что минуту назадъ ты опять мнѣ солгалъ.

— Миссъ совершенно права. Иди, оставь насъ. Мы должны переговорить наединѣ.

Бэркли повиновался, но ушелъ недалеко, придерживаясь ближайшихъ окрестностей. Почти до полночи продолжалась конференція между старымъ лордомъ и молодою дѣвушкой. Она была очень обстоятельна. Наконецъ старый лордъ сказалъ:

— Я нарочно сюда пріѣхалъ, чтобъ увидать васъ, миссъ; вообще говоря, я имѣлъ намѣреніе разстроить вашъ бракъ, ибо предполагалъ, что вы оба сумасшедшіе. Но такъ какъ я убѣдился теперь, что сумасшедшій изъ васъ только одинъ, то, если вамъ угодно, можете получить мое согласіе.

— Merci. Можно васъ поцѣловать?

— Можете. Благодарю васъ. Съ этого дня это будетъ ваше законное право, если, разумѣется, ваше поведеніе будетъ этому соотвѣтствовать.

Гаукинсъ между тѣмъ вернулся домой и прошелъ въ лабораторію. Онъ былъ чрезвычайно непріятно пораженъ, найдя тамъ свое новѣйшее неудачное изобрѣтеніе Спиналя Менингитиса Снодгрэсса. Отъ него онъ узналъ новость.

— Старый лордъ Росморъ пріѣхалъ и сидитъ внизу, а я болѣе не Говардъ Трэси, а лордъ Бэркли.

Гаукинсъ вознегодовалъ:

— Какъ это такъ? Да вѣдь вы уже умерли...

— Умеръ?

— Умерли, да, сгорѣли на пожарѣ. Мы даже собрали вашъ пепелъ и бережемъ его до сихъ поръ.

— Какая безсмыслица! Надо будетъ передать этотъ пепелъ моему отцу.

Медленно и съ большими усиліями уразумѣлъ государственный человѣкъ, что молодой графъ былъ дѣйствительно живымъ существомъ съ кровью и костями, а не вызванный изъ ада покойникъ, за котораго Селлерсъ выдавалъ его такъ долго. Сенаторъ произнесъ съ большимъ чувствомъ:

— Какъ я радъ, какъ я радъ за бѣдную Салли! А мы, представьте себѣ, были увѣрены, что вы матеріализованный кассиръ,

обокравшій банкъ въ Талеква. Для Селлерса узнать это будетъ ужасно.

Онъ разсказалъ Бэркли извѣстную уже читателямъ исторію. Тотъ отвѣчалъ:

— Ну, что̀-жь дѣлать? Ужь пусть какъ-нибудь нашъ милѣйшій полковникъ переживетъ этотъ ударъ, какъ онъ ни тяжелъ. Я ничего съ этимъ подѣлать на могу.

— А, впрочемъ, я думаю, что полковникъ его легко переживетъ. Нужно только, чтобъ онъ напалъ снова на какую-нибудь великую идею въ родѣ своей матеріализаціи мертвецовъ. У него, кажется, уже что̀-то зрѣетъ въ этомъ родѣ. Но скажите же мнѣ, пожалуста, что̀ сдѣлалось съ тѣмъ мошенникомъ, за котораго мы васъ все время принимали?

— Не имѣю никакого понятія. Я спасъ только его платье, а что̀ съ нимъ сдѣлалось, не знаю. Боюсь, не сгорѣлъ ли онъ.

— Ну, такъ вы должны были найти у него въ карманѣ двадцать или тридцать тысячъ долларовъ, золотомъ или бумажками...

— Нѣтъ, я нашелъ только пятьсотъ долларовъ и мелочь. Мелочь я взялъ себѣ, остальное положилъ въ банкъ.

— Что̀ вы думаете дѣлать съ этими деньгами?

— Возвратить владѣльцу.

— Это легче сказа̀ть, чѣмъ сдѣлать. А, впрочемъ, подождемъ объ этомъ говорить, пока не выслушаемъ мнѣнія Селлерса. Кстати я долженъ его встрѣтить и разъяснить ему, что вы совсѣмъ не то, за что̀ мы васъ считали. А то онъ явится сердитый, чтобы помѣшать своей дочери выйти замужъ за покойника... А какъ же будетъ теперь? Вѣдь вашъ родитель пріѣхалъ тоже съ такимъ намѣреніемъ.

— Онъ познакомился съ Салли и сидитъ съ ней внизу: бояться нечего.

Гаукинсъ ушелъ, чтобы встрѣтить и приготовить своего друга.

За̀мокъ Росморъ переживалъ великіе дни и долгія вечернія засѣданія въ теченіе почти всей слѣдующей недѣли. Оба лорда по природѣ своей представляли такую крайнюю противоположность, что быстро сошлись и подружились другъ съ другомъ. Селлерсъ конфиденціально сообщалъ своимъ домашнимъ, что лордъ Росморъ обладаетъ необыкновеннѣйшимъ характеромъ, который ему едва ли когда-либо приходилось встрѣчать: это человѣкъ, все

существо коего соткано изъ благодушія, терпѣнія, кротости и любви къ ближнему, но при этомъ это такая бестія, такой хитрецъ, такъ привыкъ скрывать свою замѣчательную сущность и носить маску, что даже человѣкъ съ огромною наблюдательностью можетъ прожить съ нимъ сотни лѣтъ, даже не подозрѣвая его истинныхъ свойствъ.

Наконецъ въ замкѣ Росморъ состоялась свадьба, очень тихая и скромная къ великому огорченію полковника, который предполагалъ для этой цѣли воспользоваться англійскимъ посольствомъ, поднять на ноги всю милицію, пожарныя команды и общество трезвости и соединить ихъ въ огромнѣйшемъ факельномъ шествіи. Художественная фирма Сольдмаршъ Гандля и Барроу присутствовали при церемоніи, цинковому литейщику и дѣвицѣ Пуссъ были посланы приглашенія, но они ими не воспользовались, такъ какъ молодой человѣкъ былъ боленъ, а Пуссъ, ставшая его невѣстой, должна была за нимъ ухаживать.

Семейство Селлерсовъ должно было уѣхать на короткое время въ Англію съ визитомъ къ своему высокопоставленному свойственнику, но передъ самымъ отходомъ поѣзда, долженствовавшаго увезти ихъ изъ Вашингтона, полковникъ неожиданно исчезъ. Гаукинсъ, провожавшій общество до Нью-Іорка, заявилъ, что разъяснитъ дѣло дорогой, такъ какъ передъ отъѣздомъ полковникъ передалъ ему какое-то письмо.

Въ этомъ письмѣ Мёльберри Селлерсъ обѣщалъ вскорѣ пріѣхать съ женой въ Англію и дальше писалъ слѣдующее: „сказать тебѣ правду, мой милый Гаукинсъ, въ теченіе одного какого-нибудь часа родилась во мнѣ удивительная идея, настолько великая, что я не имѣю права остаться даже затѣмъ, чтобы сказать „прости“ моимъ дорогимъ и близкимъ. Крупная обязанность человѣка идетъ впереди его обязанностей болѣе мелкихъ и онъ долженъ исполнить ее со всею быстротой и энергіей, принося въ жертву личныя пристрастія и слабости. А наиважнѣйшая обязанность каждаго порядочнаго человѣка имѣть незапятнанную честь.

„Къ несчастію, моя честь въ опасности. Будучи увѣренъ въ моей огромной платежной способности на самое ближайшее будущее, я,—можетъ-быть нѣсколько поспѣшно,—предложилъ турецкому султану продать мнѣ его европейскія владѣнія и предложилъ за нихъ очень серьезную сумму. Послѣ того, какъ тебѣ извѣстно, случился эпизодъ, который далъ мнѣ понять, что спо-

собъ заработать огромное состояніе посредствомъ универсальной и безграничной матеріализаціи мертвецовъ,—я не скажу не вѣренъ, но выражусь такъ: недостаточно современенъ. Между тѣмъ его величество можетъ каждую минуту принять мое предложеніе. Случись это, я буду поставленъ въ чрезвычайно непріятное положеніе по несоотвѣтствію моихъ настоящихъ средствъ съ размѣромъ оборота. Пока что, я Европейскую Турцію взять не могу. Это, конечно, узнаютъ на биржѣ и дурно отзовется на моемъ кредитѣ.

„Могу тебѣ сказать, что, благодаря этому обстоятельству, я провелъ нѣсколько очень тяжелыхъ, уединенныхъ часовъ; но солнце вновь взошло надо мной и я могу смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ моимъ обязательствамъ, не нуждаясь ни въ разсрочкахъ, ни въ отсрочкахъ.

„Моя новая идея, — самая грандіозная изо всѣхъ когда-либо приходившихъ мнѣ въ голову, спасетъ меня безусловно, я въ этомъ твердо увѣренъ. Сію минуту я уѣзжаю въ Санъ-Франциско, чтобы провѣрить ее при помощи большаго телескопа Лика. Какъ и всѣ другія мои замѣчательныя изобрѣтенія и открытія, эта идея опирается на строгія практическія соображенія и научные законы. Всѣ остальныя основанія шатки и неразуменъ тотъ, кто на нихъ опирается.

„Вотъ тебѣ дѣло въ короткихъ словахъ: мнѣ пришла въ голову богатѣйшая мысль реорганизовать на землѣ климатическія условія, согласно желаніямъ и потребностямъ заинтересованныхъ населеній, такъ чтобы тотъ или другой климатъ поставлялся за деньги или серьезныя, имѣющія курсъ, бумаги, конечно. съ надлежащимъ учетомъ кому угодно по востребованію, причемъ прежній климатъ могъ бы зачитаться въ счетъ платежа, разумѣется при тѣхъ условіяхъ, если стоимость его улучшенія не будетъ чрезмѣрно высока. Бѣдныя страны могутъ у болѣе богатыхъ получать необходимые климатическіе авансы, на основаніи ихъ взаимнаго соглашенія, но я желаю имѣть дѣло только съ единицами болѣе крупными.

„Изучая метеорологію, я пришелъ къ убѣжденію, что управленіе климатическими перемѣнами и созданіе новыхъ метеорологическихъ условій—вещь въ высшей степени возможная. Я убѣжденъ что въ древнія доисторическія времена это дѣло было въ большомъ ходу, но самые способы не были записаны, утратились и не дошли до насъ. Повсюду видимъ мы слѣды искусственнаго

образованія климатовъ въ прежнія времена. Обрати вниманіе на ледяной періодъ, неужели же приписывать его случайности? Совсѣмъ нѣтъ, это дѣлалось на строго коммерческихъ основаніяхъ. На это у меня имѣются тысячи доказательствъ, которыя я современемъ оглашу.

„Оговорившись, что сообщаю тебѣ все это строго конфиденціально, продолжаю: идея моя состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать полезными солнечныя пятна, получить ихъ въ свое обладаніе и употреблять ихъ огромную живую силу въ цѣляхъ управленія и перемѣны климатовъ. Въ настоящее время эти пятна вызываютъ лишь пертурбаціи и образованіе циклоновъ и другаго рода электрическихъ бурь и вслѣдствіе этого происходитъ зло, но достаточно подчинить ихъ разумному человѣческому контролю, чтобъ это зло обратилось въ благодѣяніе для человѣчества.

„У меня совершенно готовъ планъ, посредствомъ котораго я надѣюсь достичь безусловнаго управленія солнечными пятнами готовы также техническія подробности, равно какъ и детали, относящіяся къ коммерческой сторонѣ дѣла. Но я не могу заниматься подробностями до тѣхъ поръ, пока не получу всѣхъ необходимыхъ патентовъ. Я надѣюсь, что буду въ состояніи передать маленькимъ странамъ право эксплуатаціи моего открытія за недорогую цѣну, что же касается до великихъ державъ, то я могу самъ поставлять имъ прекрасный климатическій товаръ, равно какъ и необходимую погоду для публичныхъ гуляній, фейерверковъ, коронацій, сраженій и тому подобныхъ случаевъ. Ты согласишься, что это милліардное дѣло; оно совсѣмъ не требуетъ большихъ затратъ и черезъ нѣсколько дней или самое позднѣе, черезъ нѣсколько недѣль, я уже надѣюсь открыть мои операціи и заработать нѣсколько милліоновъ. Тогда я буду снова въ состояніи взять Европейскую Турцію, какъ только получу отвѣтъ, и такимъ образомъ спасти и мою честь, и мой кредитъ. Сомнѣній здѣсь быть не можетъ.

„Я былъ бы тебѣ очень благодаренъ, еслибы ты былъ въ состояніи надлежащимъ образомъ подготовивъ себя выѣхать не медленно на сѣверъ, днемъ или ночью, какъ только получишь отъ меня телеграмму. Я передамъ тебѣ всю мѣстность кругомъ сѣвернаго полюса до извѣстныхъ градусовъ сѣверной широты, Гренландію же и Исландію ты можешь пріобрѣсти самъ довольно дешево, пока дѣло не разгласилось. Я предполагаю на первый

случай передвинуть туда одинъ изъ тропиковъ, а полярнымъ климатомъ изъ тамошнихъ твоихъ владѣній поостудить нѣсколько экваторъ. Къ будущему году весь полярный кругъ будетъ пущенъ мной на рынокъ, какъ роскошная дачная мѣстность; что дѣлать съ экваторомъ, когда температура въ немъ будетъ умѣрена, мы сообразимъ въ свое время.

„Я думаю, что изложилъ тебѣ достаточно ясно какъ удивительную научную подкладку моего плана и его научную примѣнимость, такъ и его огромное практическое значеніе. Я встрѣчусь съ моими дорогими Англичанами тотчасъ же, какъ только реализую нѣсколько главныхъ климатовъ и покончу съ султаномъ. А пока жди отъ меня во всякое время обѣщаннаго извѣстія. Черезъ восемь дней мы съ тобой будемъ далеко другъ отъ друга: я на берегахъ Тихаго океана, вы, друзья мои, на Атлантическомъ, у береговъ Англіи. Въ этотъ день, если я буду живъ и мое великое открытіе осуществится, я пошлю вамъ привѣтъ и мой вѣстникъ найдетъ васъ всюду, гдѣ бы вы ни находились, даже уединенныхъ среди океана. Я брошу на дискъ солнца нѣсколько могущественныхъ пятенъ: знайте, что это дѣло рукъ моихъ, умилитесь духомъ и скажите:

„Мельберри Селлерсъ черезъ всю вселенную шлетъ намъ свой поцѣлуй.“

КОНЕЦЪ.

НАШЕ ЗНАНІЕ О СЕБѢ.

I.

«Omnia mea mecum.»

Простота искони почиталась однимъ изъ безошибочнѣйшихъ признаковъ и могущественнѣйшихъ средствъ неодолимо обаятельнаго дѣйствія на души и всякой дѣйствительной красоты и подлинной истины и нравственной доброты. Чѣмъ сложнѣе и искусственнѣе тѣ условія, которыхъ требуютъ мысль, образъ или поступокъ для того, чтобы выступить съ притязаніемъ на признаніе ихъ истинными, прекрасными и добрыми, тѣмъ сомнительнѣе ихъ внутреннее достоинство, тѣмъ двусмысленнѣе производимое ими впечатлѣніе, тѣмъ ограниченнѣе кругъ ихъ дѣйствія.

Ничто, съ этой точки зрѣнія, не представляетъ менѣе ручательствъ за свою истину и красоту, чѣмъ господствующія въ современности философскія міровоззрѣнія. Болѣе чѣмъ когда-либо далекія отъ простоты, отъ согласія съ непосредственными вѣрованіями и самоочевидностями общечеловѣческаго сознанія, они болѣе чѣмъ когда-либо требуютъ отъ мысли, для своего усвоенія, крайне сложныхъ и искусственныхъ предположеній. Они болѣе чѣмъ когда-либо даютъ этой мысли и лишь чисто-условную и незаконченную картину произвольно урѣзанной, невмѣщающейся въ ихъ рамки дѣйствительности. И условность, искусственность, и вызванная односторонностью лежащихъ въ ихъ основѣ предположеній неполнота этихъ міровоззрѣній тѣмъ сильнѣе говорятъ противъ нихъ, чѣмъ глубже, неистребимѣе тѣ самоочевидныя истины общечеловѣческаго сознанія, которыя они

стремятся упразднить и замѣнить своими условными и искусственными предположеніями, чѣмъ родственнѣе, ближе и жизненно-важнѣе человѣческому духу тѣ предметы и вопросы, которые односторонностью ихъ искусственныхъ умственныхъ построеній изъ философскаго міровоззрѣнія исключаются. Въ статьѣ „Родовой грѣхъ философіи", я старался показать, что современное господствующее философское міровоззрѣніе стремится упразднить и замѣнить крайне-условными и искусственными построеніями именно самыя самоочевидныя и неустранимыя вѣрованія общечеловѣческаго сознанія. Оно исключаетъ изъ общей картины міра именно наиболѣе крупные, близкіе и жизненно-важные предметы и вопросы духовной жизни. Ибо, что̀ можетъ быть и самоочевиднѣе и непосредственнѣе, ближе и яснѣе для человѣческаго сознанія, чѣмъ самое это сознаніе и его жизнь, *я*, воля, субъектъ? Какіе вопросы могутъ быть жизненнѣе и неизбѣжнѣе для этого сознанія, чѣмъ вопросы о субъектѣ и его внутренней жизни, о сознаніи, волѣ, я? А именно субъекту, *я*, сознанію и нѣтъ мѣста въ той объективной дѣйствительности, которую одну признаютъ эти господствующія міровоззрѣнія, — именно вопросы о субъектѣ и его внутренней жизни и исключаются здѣсь изъ сферы *научныхъ* вопросовъ. Субъектъ, *я*, сознаніе, воля понимаются здѣсь, какъ лишенныя всякой самобытности и дѣйственности производныя явленія слѣпыхъ механическихъ или безлично-логическихъ процессовъ объективнаго міра, которому одному приписывается непризрачная дѣйствительность; какъ бездѣйственныя иллюзіи или особыя отраженія жизни безличной объективной природы. Они и признаются — если и не иллюзіями — то во всякомъ случаѣ навсегда недоступными дѣйствительному научному познанію загадками.

Мы думаемъ, что общечеловѣческое сознаніе, считающее всѣ эти признаваемые господствующимъ міровоззрѣніемъ за непознаваемые, за психологическій самообманъ некритической мысли предметы, наоборотъ наиболѣе ясно, очевидно и близко намъ извѣстными и не только практически, но и теоретически цѣнными, отнюдь не заблуждается. Показать, что эти предметы и дѣйствительно непосредственно-вѣдомы намъ и вполнѣ доступны научному, достовѣрному и доказательному познанію, — значило бы подорвать одно изъ главныхъ основаній, на которыя опирается міровоззрѣніе, отрицающее дѣйствительность субъекта и показаній его внутренней жизни. Показать, далѣе, что субъ-

ектъ, внутренняя жизнь не только доступны дѣйствительному познанію, но и что это познаніе есть не познаніе субъективныхъ иллюзій, кажущихся явленій, отраженій чего-то имъ чуждаго, безличнаго и чисто-объективнаго, но познаніе несомнѣннѣйшей и даже единственной несомнѣнной дѣйствительности, — значило бы обнаружить уже не одну неосновательность, но и прямую ложность этого міровоззрѣнія. Это значило бы, вмѣстѣ съ тѣмъ и — вернуть философію съ ея условныхъ и искусственныхъ нынѣ признанныхъ путей на почву общечеловѣческаго непосредственнаго сознанія — единственную почву, развиваясь на которой философія можетъ не утратить въ умственной жизни человѣчества и своего всеобщаго интереса и своего дѣйствительно—руководящаго значенія, и правъ на полноту и всепокоряющую простоту искомой ею истины.

Нѣтъ задачи труднѣе и неблагодарнѣе, какъ *доказывать* несостоятельность отрицанія вполнѣ самоочевидныхъ, казалось бы, и несомнѣнныхъ истинъ. Таково присущее каждому убѣжденіе въ реальности его *я*, источника его внутренней жизни, его мыслей, чувствованій и поступковъ, не только бездѣятельно созерцающаго свою жизнь, какъ она совершилась, но и дѣятельно направляющаго ея теченіе. Таково убѣжденіе въ непризрачности воли, въ достовѣрности показаній сознанія о своихъ собственныхъ состояніяхъ и т. п. Это убѣжденіе такъ живо, такъ ясно и такъ неустранимо лежитъ въ основѣ каждаго акта нашей мысли, каждаго усилія нашей воли къ какому-либо движенію, оно такъ неотдѣлимо отъ самаго дѣйствительнаго процесса нашей внутренней жизни, что никакіе теоретическіе доводы, доказывающіе его призрачность, не въ состояніи подорвать того довѣрія, съ которымъ на него полагается даже и наиболѣе скептическій умъ въ своей практической жизни. Даже признанное за иллюзію въ теоріи, оно неустранимо руководитъ всей нашей живой дѣятельностью. Теоретическое отрицаніе его по большей мѣрѣ способно вносить въ нашу умственную жизнь лишь внутренній разладъ, болѣзненное противорѣчіе признанныхъ „истинъ“ науки признаннымъ же и неустранимымъ основамъ дѣйствительной жизни и дѣятельности. При такихъ условіяхъ это отрицаніе, конечно, должно опираться на очень убѣдительныя, логически неодолимо-понудительныя основанія. Недоразумѣніе, ставящее самую дѣйствительность переживаемой нами жизни въ противорѣчіе съ тою мыслію, задача которой — научно понять именно

эту жизнь, должно корениться очень глубоко, быть очень тонкимъ и очень скрытымъ. Иначе оно не могло бы продержаться и самое краткое время, не могло бы лечь въ основу цѣлаго ряда міровоззрѣній, владѣющихъ умами почти безраздѣльно уже не одно столѣтіе. Въ чемъ же коренится, изъ какихъ скрытыхъ основаній вытекаетъ отрицаніе дѣйствительности субъекта, какъ самобытнаго источника своей жизни, самосущаго начала дѣйствительности,—признаніе его навсегда недоступнымъ познанію, исключеннымъ изъ области возможныхъ теоретическихъ истинъ, изъ научно-философскаго міровоззрѣнія?

Никто не можетъ—по крайней мѣрѣ въ отношеніи самого себя—отрицать, ни даже считать въ какой-либо мѣрѣ сомнительнымъ самый *фактъ* существованія у него нѣкоторой субъективной, внутренней жизни, то-есть жизни, знающей о себѣ въ самомъ переживаніи ея. Сознаніе: я мыслю, я страдаю, я наслаждаюсь, я желаю и т. п.—неотдѣлимо отъ самаго процесса внутренней жизни и составляетъ *все* ея содержаніе и весь ея интересъ для самого живущаго. Поэтому оно для него и есть не только самая непререкаемая *дѣйствительность*, но и самая достовѣрная, недоступная никакому сомнѣнію *истина*, лежащая въ основѣ всѣхъ другихъ истинъ. Только черезъ посредство ея становится для него доступною и какая-либо другая истина, и всякая дѣйствительность. Во всемъ можно усумниться, всѣ наши понятія о внѣшнемъ мірѣ и насъ самихъ можно признать ложными, всѣ наши чувства призрачными и желанія обманчивыми,—но самый фактъ сознанія, внутренней жизни, самое знаніе мое, что я нѣчто мыслю, чувствую и желаю, для меня сомнѣнію недоступны: „Вообще, повторимъ слова Н. Н. Страхова: „вся моя жизнь и весь мой міръ можетъ-быть только сонъ; но этотъ сонъ мнѣ несомнѣнно снится“ (объ осн. пон. псих. и физ. с. 17). *Какъ фактъ*,—независимо отъ достоинства его и содержанія, отъ значенія того, о чемъ этотъ фактъ намъ говоритъ, помимо своей собственной наличности, сознаніе, внутренняя жизнь—внѣ возможнаго сомнѣнія. Сомнѣваться здѣсь могъ бы лишь тотъ, кто самъ сознаетъ, самъ переживаетъ внутреннюю, вѣдомую себѣ жизнь, самъ свидѣтельствуетъ этимъ сомнѣніемъ объ отрицаемомъ фактѣ.

Отсюда—огромное значеніе нашихъ понятій о сознаніи, внутренней жизни, для всего міровоззрѣнія. „То, что сознаніе непосредственно открываетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что изъ этихъ

откровеній его можетъ-быть законно выведено, составляетъ по общему признанію все, что мы можемъ знать о духѣ или о какихъ бы то ни было другихъ предметахъ. Зная, что именно тотъ или другой философъ считаетъ за откровеніе сознанія, мы имѣемъ ключъ къ объясненію характера всей его метафизической системы" (I. St. *Mill*. Examin. o. s. W. Ham. philos. 137—138). Что же именно непосредственно открываетъ каждому фактъ его внутренней жизни, сознанія, о чемъ онъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ?

Прежде всего и совершенно несомнѣнно онъ свидѣтельствуетъ о себѣ самомъ, о томъ, что сознаніе, внутренно-вѣдомая себѣ жизнь *есть* какъ фактъ. Вовторыхъ, онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что эта жизнь *знаетъ* о себѣ въ переживаемыхъ ею *состояніяхъ* сознанія, въ состояніяхъ мысли, чувства и воли. И это свидѣтельство столь же несомнѣнно, какъ первое, пока остается только свидѣтельствомъ *о фактѣ*, что я переживаю состоянія сознанія, называемыя мыслію, чувствомъ и хотѣніемъ, но не предрѣшаетъ еще вопросовъ о происхожденіи этихъ состояній, ихъ отношеніи между собой и къ внѣшней дѣйствительности, ихъ значеніи и достоинствѣ и т. п. Какъ состоянія сознанія, факты моей внутренней жизни, моя мысль, мое чувство, мое усиліе суть именно то, какъ они сознаются, и ничего больше,—только мысль, только чувство, только сознаваемое усиліе. Наконецъ, втретьихъ, фактъ сознанія, внутренней жизни, свидѣтельствуетъ о томъ, что эти вѣдомыя ей состоянія ея суть именно *ея* состоянія, ея мысль, ея чувство, ея хотѣнія. Только въ отношеніи къ ней, въ ея замкнутой въ себѣ сферѣ, и остаются эти состоянія состояніями сознанія, фактами внутренней жизни. Они могутъ указывать мнѣ на какой-то внѣшній міръ, на какія-то мои къ нему отношенія, лежащіе въ немъ предметы моего познанія и дѣятельности, моего влеченія или отвращенія: но сами по себѣ они только *мои* состоянія, событія *моей* именно внутренней жизни. Эта замкнутость въ себѣ внутренней жизни, это отнесеніе сознаніемъ всѣхъ ея событій къ ея внутреннему средоточію, *къ я*, составляетъ третье свидѣтельство сознанія, само по себѣ еще нисколько не опредѣляющее природы этого средоточія, этого *я*, но лишь указывающее на *замкнутость* моей внутренней жизни въ себѣ, на знаніе ея о себѣ, на ея сосредоточенность въ себѣ, недѣлимость. [1] Только въ этихъ предѣлахъ и безусловно-достовѣрно и

[1] Не на томъ основана вѣра наша въ единство души, что мы сами себѣ

для каждаго ясно это свидѣтельство его непосредственнаго сознанія: внутренняя жизнь постольку и есть внутренняя, поскольку она въ себѣ замкнута, недѣлима, цѣлостна. [2]

Эти „откровенія“ непосредственнаго сознанія столь же самоочевидны, недоступны сомнѣнію каждаго въ отдѣльности, какъ и самый фактъ сознанія, внутренней жизни. Но, будучи безусловно достовѣрными и несравнимыми ни съ какимъ другимъ знаніемъ по ихъ ясности и живой убѣдительности для субъективнаго сознанія, они, повидимому, очень мало подвигаютъ насъ въ дѣлѣ *познанія*, отчетливаго пониманія внутренней жизни. Они свидѣтельствуютъ, повидимому, каждому только *о фактѣ* ея, нисколько не разрѣшая вопроса объ отношеніи этого факта къ другимъ фактамъ, не объясняя ни его причинъ, ни его смысла. Что̀ такое внутренняя жизнь? Каковы ея отношенія къ ея состояніямъ,—мыслямъ, чувствамъ и хотѣніямъ? Есть ли она только ихъ производный результатъ, сумма, слагающаяся изъ перелетающихся рядовъ этихъ состояній или, напротивъ, производящее, развивающее ихъ изъ собственныхъ нѣдръ, собственною дѣятельностью, начало? Что̀ такое самыя эти состоянія внутренней жизни, въ которыхъ она о себѣ узнаетъ, наши мысли, чувства и хотѣнія? Въ чемъ ихъ источникъ? *Ея ли* они дѣйствительно состоянія, или, если сама она есть только ихъ сумма, нѣчто производное, то и они могутъ быть лишь результатами, явленіями, отраженіями другихъ процессовъ, выходящихъ за предѣлы *внутренней*, вѣдомой себѣ жизни, въ область безсознательнаго, объективнаго? Что̀ такое замкнутость въ себѣ, недѣлимая

представляемся единствомъ, но на томъ, что мы можемъ представляться себѣ вообще (*Лотце* Микрокосмъ, пер. Корша I, 193). Безъ отнесенія представляемаго содержанія къ единству, невозможно самое представленіе, какъ бы разнообразно, или связно ни было это содержаніе. *Рядъ* ощущеній, или представленій, состояній сознанія вообще, или вовсе невозможенъ, или предполагаетъ отнесеніе всѣхъ его членовъ къ единству сознанія, предполагаетъ *знаніе* объ этомъ рядѣ, какъ рядѣ состояній одного сознанія, «si une conscience indivisible n' est pas présente à tous les termes de la série, ce ne sont plus des phénomènes de l' esprit humain, pas plus que d'un esprit quelconque *Boudler* la vraie conscience p. 120). Loin de rendre la conscience multiple, c'est cette multiplicité même (de nos sensations, images ou souvenirs) qui est elle—même ramenée à l'unité par la conscience, sans laquelle elle ne saurait être perçue et serait pour nous comme si elle n' existait pas (ib. 127).

[2] То-есть есть не простой рядъ состояній, но *знающій о себѣ рядъ* состояній, которыхъ внѣ этого знанія и не существуетъ.

цѣлость внутренняго міра? Есть ли это внутреннее единство *я*, субъекта, развивающаго изъ себя весь этотъ міръ мыслей, чувствъ и хотѣній, или же это единство только внѣшнее, производное, обусловленное игрой силъ и процессовъ, лежащихъ за предѣлами внутренней, субъективной жизни, въ области незнающаго о себѣ объективнаго?

Только разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ составило бы дѣйствительное *знаніе* о субъектѣ, о томъ, что живетъ внутреннею, себѣ вѣдомою жизнью, и о ея отношеніи къ міру не знающихъ о себѣ, но вѣдомыхъ только внѣшнему зрителю объективныхъ процессовъ и движеній. Пока же, повидимому, непосредственное сознаніе доставляетъ лишь, — правда безусловно-достовѣрныя, но ничего въ поставленныхъ вопросахъ сами по себѣ не разрѣшающія, *чисто фактическія данныя*, еще не составляющія осмысленнаго знанія. Эти данныя, въ ихъ безусловной достовѣрности, присущи каждому сознающему свою жизнь существу, суть основныя данныя его собственнаго *внутренняго опыта* или, что то же, его собственной внутренней жизни: но возможно ли, и какъ возможно изъ этихъ данныхъ, изъ этихъ свидѣтельствъ о внутренней жизни построить дѣйствительное знаніе о состояніяхъ сознанія, о субъектѣ?

Таковъ вопросъ, *въ самой постановкѣ котораго сокрыты уже задатки многозначительныхъ недоразумѣній*, рѣшительно вліяющихъ на рѣшеніе и самихъ вопросовъ о сознаніи, волѣ, субъектѣ, а слѣдовательно на все построеніе міровоззрѣнія. Дабы облегчить читателю возможность слѣдить за послѣдующимъ развитіемъ моей мысли, укажу уже здѣсь, что въ приведенной постановкѣ вопроса дѣло представляется такъ, какъ будто *внутренній опытъ есть органъ, средство познанія* о сознаніи, внутренней жизни, волѣ, субъектѣ; а сознаніе, воля, субъектъ, внутренняя вѣдомая себѣ (психическая) жизнь представляютъ тотъ предметъ, *который данъ* во внутреннемъ опытѣ и посредствомъ его можетъ или не можетъ быть дѣйствительно познанъ. Для того же удобства читателя предупрежу его уже здѣсь, что, какъ выяснится изо всего послѣдующаго изложенія, и смыслъ самаго вопроса и то рѣшеніе, которое онъ получаетъ, становятся совершенно новыми, если на внутренній опытъ и его отношеніе къ субъекту, волѣ, сознанію взглянуть иначе. Все рѣшительно измѣняется въ нашихъ глазахъ, если мы во внутреннемъ опытѣ будемъ видѣть не одно *средство познанія*, истолкованія субъек-

та, внутренней жизни, какъ даннаго ему и отличнаго отъ него предмета, но *самый этотъ предметъ,—самаго субъекта*, самую внутреннюю жизнь въ ихъ существѣ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія познаніе субъекта представляется, какъ я постараюсь далѣе показать, и возможнымъ и достаточно-полнымъ для главныхъ цѣлей міровоззрѣнія. При первой же постановкѣ вопроса, гдѣ внутренній опытъ понимается не какъ *самый субъектъ*, составляющій задачу познанія, но какъ *средство* познанія даннаго ему и отличнаго отъ него субъекта, познаніе послѣдняго представляется *никакими путями недостижимымъ*. Субъектъ, изъ себя, собою и для себя живущее существо здѣсь остается вѣчнымъ неизвѣстнымъ; знаніе о немъ изъ области теоретически-достовѣрныхъ истинъ навсегда исключено и въ міровоззрѣніи, построенномъ изъ такихъ истинъ, мѣста его признанію сознательному, небезотчетному нѣтъ.

Путь, которымъ приходитъ мысль къ отрицанію возможности теоретически-твердаго и точнаго, научнаго познанія субъекта и ко всѣмъ крайностямъ чисто-объективнаго, безсубъектнаго, незнающаго никакого личнаго, духовнаго и свободнаго начала міровоззрѣнія; исходя изъ понятія о внутреннемъ опытѣ, какъ только методѣ, средствѣ познанія субъекта (а не самомъ субъектѣ, по существу), чрезвычайно поучителенъ. На этомъ пути возникаютъ наиболѣе важныя психологическія и метафизическія недоразумѣнія, приводящія съ неуклонною послѣдовательностью или къ матерьялизму, или къ новокантіанскому феноменизму и позитивизму современной господствующей философіи. И путь этотъ пройденъ съ начала до конца столькими превосходнѣйшими изслѣдователями, такъ полно во всѣхъ направленіяхъ и подробностяхъ изученъ и испытанъ, что изобиліе такихъ образцовъ его, на которыхъ ясно видны всѣ его заманчивыя удобства и скрытыя опасности, въ современной философской литературѣ просто чрезвычайно. Остановимся на одномъ-двухъ изъ такихъ образцовъ философствованія, приходящаго къ признанію субъекта, того что живетъ внутреннею жизнью теоретически-непознаваемымъ, иллюзіей въ смыслѣ *теоретической* истины.

Въ своей книгѣ „объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“ Н. Н. Страховъ съ образцовою ясностью, точностью и послѣдовательностью мысли выясняетъ тѣ существенныя черты, которыми явленія внутренней, субъективной жизни (психическія) рѣзко отличаются отъ предметовъ внѣшняго міра (физическихъ),

ставя для тѣхъ и другихъ совершенно различныя условія познанія о нихъ. Сознаніе о субъективныхъ явленіяхъ совершенно необходимо,—для того, чтобы онѣ *были* субъективными, психическими мыслію, чувствомъ или хотѣніемъ; между тѣмъ, какъ для бытія внѣшняго міра совершенно безразлично, знаетъ ли о немъ кто-нибудь вообще или нѣтъ, знаетъ ли о немъ одинъ умъ, или знаютъ многіе, или всѣ. Независимость въ своихъ опредѣленіяхъ, отъ чьего-либо знанія или незнанія о ней — составляетъ основную черту внѣшней природы, разъ мы ее признаемъ внѣшнею. Наоборотъ — зависимость отъ знанія о нихъ тѣмъ самымъ существомъ, которое ихъ переживаетъ, мыслитъ, чувствуетъ и хочетъ, необходимо характеризуетъ явленія психологическаго, субъективнаго міра,—мысль, чувство и хотѣніе. Поэтому явленія внѣшняго объективнаго міра могутъ быть и никому неизвѣстны и извѣстны кому-либо и всѣмъ равно извѣстны, тогда какъ нѣтъ такого психическаго, субъективнаго явленія, которое было бы *никому* неизвѣстно (такой мысли, которой никто не мыслитъ, чувства, котораго никто не чувствуетъ), но за то, какъ субъективное, оно и извѣстно непосредственно *только тому* сознанію, которое его переживаетъ. Оно отвнѣ недоступно, не можетъ быть прямо извѣстно другимъ. Отсюда—съ одной стороны—совершенная несомнѣнность психическихъ состояній для того существа, которое ихъ переживаетъ,—несомнѣнность, которой ни въ какомъ случаѣ не обладаютъ явленія внѣшняго міра. „Все то, что можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, составляетъ внѣшній міръ, какъ такой: несомнѣнны только субъективныя состоянія; именно какъ такія“ (l. c.). Отсюда же съ другой стороны—полная недоступность внутренняго міра и совершенная доступность внѣшняго для познанія отвнѣ со стороны. У субъективной жизни нѣтъ поэтому той *общей* достовѣрности, всѣмъ равно доступной, какая возможна для познаній о внѣшнемъ мірѣ. Такимъ образомъ „изъ того, что психическія явленія для насъ всего несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, вовсе не слѣдуетъ“ заключаетъ Н. Н. Страховъ, „что они всего доступнѣе для познанія и даже что они вообще для него доступны“ (с. 32). Съ этой точки зрѣнія получаются и противоположныя опредѣленія вещества и духа. „Вещество есть чистый объектъ, то-есть нѣчто, вполнѣ познаваемое, но ни мало не познающее. Оно не имѣетъ въ себѣ ничего субъективнаго, ни познаній, ни чувствъ, ни желаній. Въ немъ нѣтъ ничего внутренняго, недо-

ступнаго для нашего познанія. Духъ, напротивъ, есть чистый субъектъ, то-есть нѣчто познающее, но ни мало недоступное для объективнаго познанія. Духъ не имѣетъ въ себѣ ничего общедоступнаго, внѣшняго, подлежащаго такому познанію, какъ объективный міръ; въ немъ все внутреннее, закрытое для чужаго взгляда (с. 26), Настоящимъ предметомъ полнаго, общедоступнаго и обладающаго общею достовѣрностью знанія является такимъ образомъ міръ объективный (32 и дальше). Какое же, въ какихъ предѣлахъ возможно при этомъ знаніе о мірѣ внутреннемъ, субъективномъ, безусловно достовѣрномъ только для самаго субъекта?

Отвѣтъ очевиденъ послѣ того, какъ все различіе между знаніе субъективнымъ (внутренній опытъ, который и составляетъ самую внутреннюю, субъективную жизнь) и объективнымъ (знаніе отвнѣ, внѣшній опытъ) понято, какъ различіе двухъ родовъ знанія, изъ которыхъ одинъ безусловно, но только субъективно-достовѣренъ, другой же допускаетъ сомнѣніе, но за то и общую достовѣрность. „Для всякаго непредубѣжденнаго взгляда ясно, что только чисто-объективный міръ есть настоящее поприще человѣческаго познанія“ (34). Субъективный міръ только въ тѣхъ предѣлахъ становится предметомъ дѣйствительнаго познанія, въ какихъ его явленія могутъ быть *объективируемы* мыслію, разсматриваемы ею, какъ имѣющія собственную, независящую отъ субъективнаго воззрѣнія на нихъ опредѣленность. „Въ каждомъ познаніи“ говоритъ Н. Н. Страховъ, „необходимо различаются познающій субъектъ и познаваемый объектъ, и слѣдовательно, все познаваемое должно быть въ какой-либо мѣрѣ обособлено отъ субъекта, такъ или иначе должно отъ него не зависѣть... Когда мы стараемся сдѣлать своимъ объектомъ психическія явленія, мы и имъ должны приписывать нѣкоторую отдѣльность отъ субъекта, нѣкоторую независимость (48). Можемъ ли мы, спрашивается, объективировать свой внутренній міръ, отдѣлить его отъ его субъекта и разсматривать его, какъ нѣкоторый *данный* этому субъекту, относительно-независимый отъ него *предметъ* его познанія?

Въ нѣкоторой мѣрѣ да, но только въ нѣкоторой, очень ограниченной мѣрѣ. Объективировать, разсматривать какъ независимые въ своемъ бытіи отъ субъекта, только — данные его познанію предметы, возможно очевидно лишь отдѣльныя *состоянія* внутренней жизни, — мысли, чувствованія, желанія, — но

не самого субъекта этихъ состояній, не самое знаніе имъ о нихъ. Субъектъ никогда и никакъ не можетъ стать объектомъ и быть познанъ, какъ такой; онъ — внѣ предѣловъ объективаціи, а слѣдовательно и внѣ предѣловъ настоящаго познанія. И въ области психическихъ явленій, состояній внутренней жизни, не всѣ въ равной мѣрѣ поддаются пріему объективаціи, обособленія ихъ отъ самого субъекта, какъ чего-то независимо отъ него опредѣленнаго. Наиболѣе приложимъ этотъ пріемъ въ области *интеллектуальныхъ* состояній,—воспріятій, представленій и т. п. (содержаніе которыхъ относится къ независимымъ и неизмѣннымъ объектамъ),—менѣе, къ состояніямъ чувства, — и почти вовсе неприложимъ къ волевымъ явленіямъ. Отдѣлить ихъ отъ субъекта, какъ мы отдѣляемъ содержаніе представленій, ассоціацій и т. п., невозможно; невозможно и достигнуть въ этой области того объективнаго, точнаго познанія законовъ механизма ихъ теченія, какъ въ области представленій, ощущеній и т. п. Но самый субъектъ вовсе остается внѣ возможной объективаціи, а слѣдовательно и познаваемости. „Если мы", говоритъ Н. Н. Страховъ, „отличаемъ себя отъ нашихъ собственныхъ мыслей, чувствъ и желаній, то значитъ въ нашемъ *я* мы не должны предполагать ничего, что открываемъ въ своей душѣ внутреннимъ наблюденіемъ; въ немъ нѣтъ ни разнообразія, ни перемѣнъ, ни частей, ни послѣдовательности, ни связей и законовъ, словомъ ничего, что мы могли бы объективировать. Это уже есть чистый субъектъ, который поэтому опредѣляется лишь отрицательными чертами, своею *недоступностью для познанія* (58—59). „Всѣ явленія нашего психическаго міра можно относить къ нашему *я*, какъ его принадлежности или проявленія; но нужно помнить при этомъ, что само оно нисколько не входитъ въ нихъ и, давая имъ извѣстнаго рода бытіе, само этому бытію нисколько не причастно" (60). Оно—только неподвижная центральная точка нашего психическаго міра, безъ всякаго содержанія, всякихъ перемѣнъ и т. п.

Нужно сознаться, что картина такъ достовѣрно и непосредственно вѣдомой намъ и такъ безконечно-цѣнной для насъ внутренней жизни нашей, получающаяся въ результатѣ изложеннаго хода мысли, весьма неутѣшительна! Она едва ли способна удовлетворить самую нетребовательную мысль, съ самыми невысокими научными запросами! Какъ представляется здѣсь нашъ субъективный міръ? Съ одной стороны, субъектъ „опре-

дѣленный только отрицательными чертами недоступности для познанія“ субъектъ, въ которомъ мы „не должны предполагать ничего, что открываемъ въ своей душѣ внутреннимъ опытомъ“ (то-есть что сами внутренно переживаемъ), который даетъ нашей внутренней жизни какое-то бытіе, но самъ въ эту жизнь „нисколько не входитъ, этому бытію отнюдь непричастенъ“! Субъектъ—совершенно чуждый самой субъективной жизни, характеризуемый только своею непознаваемостью, недоступностью нашей мысли и рѣчи, и тѣмъ, что онъ—„неподвижная, безсодержательная, центральная точка“!! Съ другой стороны,—міръ внутренно-переживаемыхъ нами и вѣдомыхъ намъ состояній мысли, чувства и воли, которыя мы *относимъ* къ той непознаваемой и не входящей въ нихъ, непричастной ихъ бытію „центральной точкѣ“, ничѣмъ себя въ ихъ жизни, ихъ теченіи, составляющемъ нашу внутреннюю жизнь, не заявляющей, остающейся *внѣ* ея границъ! Міръ, подчиненный, поскольку онъ познанъ, объективированъ (изученъ въ своей *независимой* отъ субъекта опредѣленности) чисто-механическимъ законамъ, при господствѣ которыхъ о какой-либо волѣ, какой-либо свободѣ, какомъ-либо моемъ свободномъ вліяніи на направленіе моей внутренней жизни говорить—уже непослѣдовательно!! Какая связь между этимъ *познаннымъ* мною, чисто-механическимъ міромъ психическихъ объективированныхъ явленій (объективируемы, какъ мы видѣли, только познавательныя состоянія, представленія) и тѣмъ *непознаваемымъ* и ничему непричастнымъ, ничѣмъ въ жизни о себѣ не заявляющимъ субъектомъ, тою „центральною точкой безъ содержанія“?! Зачѣмъ нуженъ *такой* субъектъ *такому* внутреннему, психическому міру, и такой психическій міръ подобному субъекту?! Не проще ли и не послѣдовательнѣе ли, если субъектъ не вмѣшивается, не входитъ въ жизнь вѣдомую мнѣ, какъ мой внутренній опытъ, не причастенъ ей и никакъ ее не опредѣляя никакъ и непознаваемъ, — вовсе отбросить это caput mortuum, этотъ ни на что негодный призракъ субъекта? Не проще ли и не послѣдовательнѣе признать внутренно-вѣдомую мнѣ психическую жизнь мою, не прибѣгая къ подобнымъ „пустымъ“, предположеніямъ, просто за совокупность явленій нѣкоторыхъ лежащихъ *внѣ* предѣловъ этой субъективной жизни внутренняго опыта, объективныхъ процессовъ и силъ, — совокупность, подчиненную чисто-механическимъ законамъ и недопускающую уже обманчивой мысли о какомъ-либо

самоопредѣленіи, какой-либо самобытности того, что я называю своимъ *я*?

Конечно это было бы и проще и послѣдовательнѣе. Если отъ подобнаго вывода стараются уйти на *этой* почвѣ мыслители, подобные Н. Н. Страхову,—если они стараются избѣжать прямого отрицанія дѣйствительности субъекта, самоопредѣленія, внутренняго, самобытнаго источника психической жизни, — то дѣлаютъ они это не ради требованій *теоретической* истины, а лишь ради незаглушимыхъ внушеній и запросовъ *нравственнаго* чувства. Достигаютъ они нѣкотораго признанія субъекта, самоопредѣленія, самобытнаго духовнаго начала лишь цѣной непослѣдовательности: цѣной принципіальнаго разлада между признаваемою ими за достовѣрную теоретическою истиной и нравственнымъ убѣжденіемъ, руководящимъ дѣйствительною жизнью. Дальше этого принципіальнаго разлада не уходитъ и Н. Н. Страховъ, когда, признавъ субъекта душевной жизни за непознаваемую, неподвижную центральную точку ея, отнюдь не причастную внутренно-вѣдомой психической жизни моей, думаетъ спасти самостоятельный смыслъ и достоинство этой лишенной реальнаго субъекта, обращенной въ призракъ („сновидѣніе") жизни, разсматривая ее какъ *осуществленіе требованій (императивовъ) истины блага и свободы.* Если вся реальность моего *я* и моей душевной жизни есть только выводъ изъ идеальныхъ требованій истины и блага, — то эта реальность и есть не теоретическая истина, но нравственный *постулатъ.* Теоретическая истина при этомъ остается удѣломъ одного лишь міра объективныхъ, механически совершающихся, безличныхъ и лишенныхъ духа явленій. Духъ вообще для метафизики обращается въ постулатъ нравственнаго чувства, недоступный какъ теоретическая истина!

Эта мысль именно и лежитъ въ основѣ всего критицизма нашего времени, начиная съ Канта и Фихте, и кончая послѣдними, современными намъ, новокантіанцами, позитивистами и скептиками-феноменистами, признающими познаваемыми одни явленія, одни объекты,—всякую же реальность, внутренно-сущее, субъекта—за непознаваемое. Признаніе этого непознаваемаго въ этомъ направленіи вездѣ сводится на требованія нравственной воли, нравственнаго чувства. Наиболѣе остроумнымъ и глубокомысленнымъ выразителемъ этой основной мысли всего новаго критицизма (въ наши дни—неокантіанства) является у насъ профессоръ Введенскій, въ недавно-изданной книжкѣ его „о предѣ-

лахъ и признакахъ одушевленія.“ Выводы, до которыхъ доходитъ авторъ этой книжки, окончательно уяснятъ намъ ту естественную послѣдовательность, съ которой приводитъ къ отрицанію дѣйствительности субъекта,—къ феноменизму, понятіе о внутреннемъ опытѣ, какъ орудіи познанія отличныхъ отъ него и данныхъ ему сознанія, субъекта, воли и т. д.

Н. Н. Страховъ не находитъ дѣйствительнаго, теоретически-познаваемаго субъекта потому, что ищетъ его *внутри* предѣловъ внутренняго опыта, сознанія; а *внутри* этихъ предѣловъ мы субъекта естественно не найдемъ, если онъ есть *самый* внутренній опытъ! Но отрицаніе дѣйствительности (въ смыслѣ теоретической истинности) всей нашей внутренней жизни, какъ лишенной реальнаго, и ясно мыслимаго субъекта, у него еще не высказано прямо, хотя дѣйствительность и придаютъ этой жизни только осуществляемые ею императивы истины, блага и свободы. Проф. Введенскій идетъ дальше и выговариваетъ мысль новокантіанства до конца. Для него не только реальность *субъекта* не входитъ въ кругъ теоретическихъ истинъ, но и дѣйствительность всей нашей внутренней жизни, несмотря на всю ея кажущуюся безусловную самоочевидность, достовѣрность, лишается значенія теоретической истины и обращается въ простой *постулатъ* нравственнаго чувства.

Къ этому выводу онъ приходитъ изъ рѣшенія вопроса: на чемъ основана моя увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи душевной жизни въ какихъ-либо существахъ *внѣ* меня? Моя собственная душевная жизнь мнѣ несомнѣнно и безспорно вѣдома въ моемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ; но только мнѣ она и вѣдома непосредственно. Именно потому, что она мнѣ вѣдома непосредственно, во внутреннемъ опытѣ, а не по какимъ-либо объективнымъ признакамъ, душевная жизнь и не связана ни съ какими *достовѣрными* объективными признаками. Она внѣ, черезъ такіе объективные признаки познанію нисколько недоступна. Если я истолковываю чужую рѣчь, мимику, взоръ, поступокъ какъ свидѣтельства существованія душевной жизни у другаго человѣка, то только потому, что уже независимо отъ всякаго опыта и выводовъ изъ него *предположилъ* въ этомъ другомъ существованіе этой жизни. Внутренній опытъ этого предположенія не вызываетъ, ибо говоритъ мнѣ лишь о моей собственной душевной жизни; внѣшній опытъ—еще менѣе, ибо у душевной жизни по существу ея (вѣдомость себѣ, внут-

ренняя вѣдомость) объективныхъ признаковъ нѣтъ. Внѣшній опытъ самъ по себѣ говоритъ мнѣ не о душѣ, а лишь о матеріальныхъ процессахъ, движеніяхъ. И рѣчь, и мимика, и поступокъ сами по себѣ могутъ быть разрѣшены въ сложные комплексы разнообразныхъ движеній — и только! „Но всякое матеріальное явленіе, гдѣ бы оно ни наблюдалось (въ организмахъ ли, или въ неорганизованныхъ тѣлахъ) и чѣмъ бы на самомъ дѣлѣ ни вызывалось (хотя бы и душой), всегда совершается по законамъ матеріальной природы и можетъ быть объяснено одними ими, безъ всякой помощи души (32). Поэтому скептикъ, знающій о другихъ существахъ только изъ внѣшняго опыта, знающій достовѣрно одни матеріальныя измѣненія ихъ и движенія, можетъ, нисколько не противорѣча опыту и уму, отрицать ихъ одушевленность. И даже тамъ, гдѣ „душевная жизнь дѣйствительно существуетъ (то-есть во мнѣ самомъ) ходъ и взаимная зависимость тѣсныхъ явленій другъ отъ друга нисколько не измѣнятся отъ ея присутствія и совершаются такъ, *какъ бы ея и не было* (с. 60). Необходимости заключать къ душевной жизни изъ этихъ явленій не существуетъ. Я могу, не грѣша противъ логики и опыта, вовсе отрицать эту душевную жизнь въ другихъ существахъ, да и въ себѣ самомъ, гдѣ я ее нахожу несомнѣнно, признать ее не за нѣчто необходимое вообще и самобытное, но за исключительно мнѣ свойственную *индивидуальную особенность*, образовавшуюся въ особыхъ условіяхъ моего развитія, производную. Если человѣкъ непоколебимо увѣренъ въ дѣйствительности душевной жизни не какъ своей только производной индивидуальной особенности, то понуждается онъ къ этому не опытомъ (внѣшнимъ ли или внутреннимъ) и не логикой. Онъ непоколебимо увѣренъ въ дѣйствительности одушевленныхъ существъ потому, что этого *требуетъ* его нравственное чувство („практическій разумъ“ Канта), потому что нравственная дѣятельность, выполненіе нравственнаго назначенія невозможны въ мірѣ существъ, необладающихъ душевною жизнью (115 и сл.). Дѣйствительность душевной жизни, ея бытіе, есть такимъ образомъ не теоретическая истина, но нравственный постулатъ. Такими же постулатами оказываются и всѣ другія истины метафизики—и бытіе Бога и бытіе внутренно-осмысленнаго міра. Ихъ дѣйствительность опирается не на опытъ и логику, но на *несомнѣнную* дѣйствительность нравственнаго чувства, практическаго разума. Ему принадлежитъ первенство, приматъ

надъ разумомъ теоретическимъ, какъ учили еще Кантъ и Фихте: но вопросъ объ *истинѣ* — внѣ его области. „Мы дѣйствуемъ“, повторяетъ авторъ вслѣдъ за Фихте (sen.) въ заключеніи, „не потому, что мы познаемъ, но мы и познаемъ потому, что назначены къ дѣятельности.“ (с. 115).

Здѣсь не мѣсто подвергать обстоятельному разбору это замѣчательно-остроумное и мастерски-ясное изложеніе профессоромъ Введенскимъ основной мысли всего критицизма, переходящаго въ наши дни уже въ чистый, на все распространяющійся иллюзіонизмъ, замѣняющій нынѣ безусловный „практическій разумъ“ Канта и Фихте естественными инстинктами, условными, житейскими интересами и нуждами особи и т. п. и т. п.[1] Здѣсь важно для нашихъ цѣлей лишь указать на рѣзко бросающіяся въ глаза особенности того понятія о внутреннемъ опытѣ, которое лежитъ въ основѣ всего этого ряда мыслей. Дѣйствительность душевной жизни здѣсь признается за постулатъ нравственнаго чувства, лишенный значенія теоретической, логически-понудительной (обязательной) истины, на *томъ* основаніи, что о душевной жизни мы знаемъ только изъ субъективнаго, внутренняго опыта. А послѣдній не имѣетъ-де той общей, свойственной теоретической истинѣ достовѣрности, какая принадлежитъ лишь опыту внѣшнему, познанію міра объектовъ, но не внутренней жизни! Но можетъ ли не броситься сразу въ глаза вопросъ: а развѣ то „нравственное чувство“, на реальности и достовѣрности котораго вы опираете реальность и достовѣрность *требуемыхъ* имъ Бога, осмысленнаго міра, души, субъекта,—вѣдомо вамъ изъ имѣющаго „общую достовѣрность“ внѣшняго опыта, а не изъ только субъективно-достовѣрнаго внутренняго? Развѣ ручательство за нравственное чувство и его требованія доставляетъ вамъ худо ли, хорошо ли познанный міръ объектовъ, а не внутренній, субъективный міръ, міръ внутренняго опыта? Можетъ ли, далѣе,— по крайней мѣрѣ, въ умѣ привыкшаго размышлять объ этихъ предметахъ философа, — не возникнуть вопросъ: обладаетъ ли, полно, внѣшній опытъ *общею достовѣрностью* въ отличіе отъ только *субъективной* достовѣрности внутренняго опыта, сознанія, если *всякій внѣшній опытъ разрѣшается въ концѣ-концовъ во внутренній, въ состоянія сознанія*, есть лишь видъ опыта вну-

---

[1] Такова вся мораль эволюціонизма, приспособленія, утилитаризма, „свободнаго идеала“ и т. п.

тренняго, какъ рода? Вѣдь даже въ средѣ новокантіанцевъ одинъ изъ талантливѣйшихъ, А. Ланге, приводилъ *противъ* сторонниковъ внутренняго опыта то соображеніе, что отдѣлить внутреннее отъ внѣшняго въ нашихъ представленіяхъ о разныхъ предметахъ нельзя, что всякое такое представленіе есть вмѣстѣ и внѣшнее и внутреннее знаніе.[1] Если это такъ, то что станется съ „общею" достовѣрностью внѣшняго опыта, всецѣло зависящей отъ „субъективной"—внутренняго? Что станется, тѣмъ болѣе, съ довѣріемъ къ опыту внѣшнему и недовѣріемъ къ внутреннему, еслибы оказалось, что тогда какъ *всякій* внѣшній опытъ есть вмѣстѣ и внутренній (состояніе сознанія), *не всякій* внутренній опытъ есть вмѣстѣ и внѣшній, то-есть оказалось бы, что внѣшній опытъ есть лишь видъ, подчиненная *часть* внутренняго?

Очевидно въ понятіяхъ современной философіи о внутреннемъ опытѣ царитъ еще слишкомъ много недоразумѣній, неопредѣленности, неясности...

II.

Обильнѣйшимъ источникомъ этихъ недоразумѣній, неточности и неясности является соблазнъ, отъ котораго рѣдкій философъ уходитъ. Это—соблазнъ—видѣть во внутреннемъ опытѣ только источникъ, или орудіе познанія о фактахъ психической жизни, забывая, что онъ *и самъ есть одинъ изъ такихъ фактовъ*, и притомъ—наиболѣе общій, постоянный, основной изъ нихъ. Безъ этого факта внутренняго опыта—вовсе и не существуетъ знанія о какомъ-либо представленіи, чувствованіи и хотѣніи. Но психическимъ становится какое-либо событіе нашей жизни именно въ той мѣрѣ, въ какой она нетолько происходитъ въ ней невѣдомо для насъ, но переживается нами и въ этомъ переживаніи нами сознается,—въ какой мысль дѣйствительно мыслится, чувство дѣйствительно чувствуется, воля дѣйствительно въ какомъ-либо направленіи напрягается, совершаетъ усиліе. Не одно *знаніе* о фактахъ нашей внутренней жизни дается намъ внутреннимъ опытомъ, но и самое *бытіе* ихъ, какъ фактовъ субъективной, внутренней жизни. Представленіе, чувство, усиліе воли я не только узнаю, испытываю когда они даны моему внутреннему

---

[1] *Ланге.* Исторія матеріализма р. пер. II, 337—340 и сл.

опыту въ извѣстной готовой опредѣленности, но я ихъ узнаю только *совершая* акты усилія, представляя и переживая соотвѣтствующія этимъ актамъ чувства. Испытать внутренно какое-либо свое душевное состояніе я могу только поскольку самъ своею жизнью произвожу или воспроизвожу его. Внутренній опытъ, такимъ образомъ, является не спокойнымъ, чисто-созерцательнымъ стороннимъ *зрителемъ* того, что совершается въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, но дѣятельнымъ участникомъ въ его жизни, его ростѣ и развитіи, факторомъ этой жизни. Акты воли, напряженность и тонъ чувства, представленіе—не *узнаются* только внутренимъ опытомъ, но *суть* внутренній опытъ, и лишь какъ внутренній опытъ и суть психическія состоянія воли, чувства и представленія. Область внутренняго опыта и его процессы, акты, состоянія, совершенно *совпадаютъ*, поэтому, съ областью, съ актами и состояніями самой внутренней жизни нашей. Эта внутренняя субъективная жизнь и есть внутренній опытъ, и тамъ, гдѣ кончается одно, кончается и другое. Вотъ почему нельзя видѣть въ сознаніи во внутреннемъ опытѣ только „одно изъ явленій душевной жизни, стоящее на ряду съ другими; оно есть нѣкоторая общая ея черта (*Н. Н. Страховъ* l. c. 65)“. Вотъ почему правъ Bouiller, утверждая, что „сознаніе есть не часть нашего *я*; оно есть это я во всей его цѣлости („la vraie conscience“ p. 312)“ „поэтому-то“, прибавилъ онъ, „внутреннее наблюденіе и не останавливается на явленіяхъ, но проникаетъ до ихъ существа“. „На сознаніе“, читаемъ мы у Д. Ст. Милля (*Examin.* of S. W. Ham. phil. p. 148), „нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто отличное отъ самихъ душевныхъ состояній или движеній. Нельзя видѣть въ немъ освѣщеннаго круга, въ который поочередно вступаютъ и изъ котораго уходятъ проходящіе мимо предметы; нельзя даже смотрѣть на него, какъ на зрителя, а на душевныя состоянія — какъ на созерцаемое имъ зрѣлище, явленіе. Сознаніе есть именно самыя душевныя движенія, достигающія въ извѣстной степени напряженности“. Внутренній опытъ, сознаніе, есть такимъ образомъ не зритель, познающій душевную жизнь, но самая эта жизнь, то, что составляетъ ея существо, дѣлаетъ ее душевною.

Въ этомъ мы ближе убѣдимся, разсмотрѣвъ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ особенности внутренняго опыта по его значенію въ нашей жизни и нашемъ знаніи, по его существенному содержанію, также какъ и по тѣмъ чертамъ, которыми онъ отличает-

ся, какъ *орудіе познанія*, отъ внѣшняго, и которыя принято считать его *недостатками*, дѣлающими всѣ построенія на его почвѣ шаткими, ненаучными чисто-субъективными.

Что внутренній опытъ, субъективность составляетъ самое существеное опредѣленіе жизни вообще—совершенно несомнѣнно. Жизнь есть именно то, въ чемъ существо узнаетъ о своемъ бытіи и чѣмъ оно, это бытіе, себѣ съ начала до конца своей жизни подтверждаетъ. Жизнь есть та совокупность событій, процессовъ, въ которой бытіе становится *субъективнымъ*, замкнутымъ въ себѣ, вѣдомымъ себѣ и для себя цѣннымъ. Никакой цѣнности само-по себѣ не имѣетъ бытіе, пока оно не стало субъективнымъ, вѣдомымъ себѣ хотя бы въ самой смутной формѣ самочувствія и его элементарныхъ страданій и наслажденій, стремленій и усилій, напряженій. Безъ этой вѣдомости себѣ, цѣнности для себя въ какой бы то ни было элементарной формѣ, а слѣдовательно и безъ замкнутости въ себѣ, внутренней недѣлимости, нѣтъ и не можетъ быть жизни не только въ психическомъ, но и въ физіологическомъ смыслѣ. Жизни столько же, сколько и субъективности, вѣдомости себѣ. Отрицаніе внутренняго опыта, сознанія, вѣдомости бытія себѣ—есть поэтому по существу и отрицаніе самой жизни, и отрицаніе только въ субъективномъ, въ жизни обнаруживающейся цѣнности бытія вообще. Міръ, въ которомъ вовсе не было бы субъектовъ, внутренно-вѣдомыхъ себѣ и въ себѣ замкнутыхъ существъ, былъ бы міромъ вовсе безжизненнымъ, мертвымъ. Такой міръ не имѣлъ бы и никакой собственной, внутренной цѣнности, но могъ бы имѣть ее лишь для стоящаго внѣ его наблюдателя. Въ такомъ мірѣ и тѣ или другія существа могли бы возникать и уничтожаться единственно въ силу механической игры разнообразно слагающихся слѣпыхъ массъ и движеній, но ни о какомъ *стремленіи* къ самосохраненію, къ самоутвержденію этихъ существъ, ни о какихъ *побужденіяхъ* ихъ къ актамъ „приспособленія“ не могло бы быть и рѣчи. Безъ субъективности, нѣкоторой вѣдомости себѣ, нѣкотораго внутренняго опыта, — всѣ наши представленія о самосохраняющихся и приспособляющихся существахъ, о жизни обращаются въ чистѣйшую *иллюзію*.

Не менѣе ясно и совпаденіе съ областью внутренняго опыта, сознанія, всей области возможнаго *знанія* нашего вообще, будь это знаніе о какихъ-либо предметахъ внѣшняго міра, или знаніе о событіяхъ нашей собственной внутренней жизни. Всякое знаніе

имѣетъ всегда дѣло не прямо съ предметами, но лишь съ состояніями сознанія,—ощущеніями, представленіями, понятіями,—съ содержаніемъ внутренняго опыта въ широкомъ смыслѣ слова. Одинъ внутренній опытъ знаетъ не только о тѣхъ или другихъ состояніяхъ своихъ, но и *о себѣ самомъ;* въ этомъ знаніи состоитъ и все его бытіе. Все остальное сознаніе знаетъ непосредственно только какъ свои состоянія. И уже изъ различныхъ признаковъ этихъ непосредственно вѣдомыхъ ему состояній своихъ построяетъ оно исподоволь весь міръ своихъ предметовъ, въ отличіе отъ міра собственной внутренней жизни. Самое общее и основное изъ непосредственно сознаваемыхъ живымъ существомъ различій между переживаемыми имъ состояніями,—различіе, лежащее въ основѣ всѣхъ послѣдующихъ, болѣе сложныхъ душевныхъ образованій его, — есть различіе между переживаемыми имъ состояніями, какъ *активными и пассивными* его состояніями, производимыми имъ или только испытываемыми. *Усиліе и сопротивленіе*—вотъ основное элементарное содержаніе всякаго внутренняго опыта, изъ котораго построяется и все его послѣдующее содержаніе, и весь его внутренній міръ, и его представленіе о своемъ тѣлѣ, и представленіе о мірѣ внѣшнемъ.

Что чувства усилія и сопротивленія, дающія начало сознанію существомъ своей активности или своей пассивности, составляютъ самое основное, постоянное и важное для психической жизни содержаніе всякаго внутренняго опыта,—въ этомъ между психологами меньше разногласія, чѣмъ по всѣмъ другимъ пунктамъ ихъ науки. „Не существуетъ въ нашей природѣ“, говоритъ Bain, „чувства болѣе важнаго, чѣмъ чувство сопротивленія. Изъ всѣхъ нашихъ чувствъ это одно никогда не прерывающееся... мы вѣчно носимъ, съ собою чувство или сознаніе (notion) сопротивленія“ (the, senses and the intellect p. 378). „Это—первоначальная, всеобщая, вѣчно имѣющаяся налицо составная часть (constituent) сознанія“ признаетъ и H. Spencer (Осн. псих. XVI). Но сознаніе сопротивленія непремѣнно есть и сознаніе дѣйствія, усилія, задерживаемаго сопротивленіемъ. Безъ чувства усилія невозможно и чувство сопротивленія, хотя отсюда еще, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, какъ заключаютъ иные, что и наоборотъ—безъ чувства сопротивленія нѣтъ и чувства усилія, активности. Это послѣднее чувство, какъ *положительное*, должно лежать въ *основѣ*, составляетъ prius чувства сопротивленія, чувства отрицанія, границы усилія. Какъ чисто-отрицательное, безъ чувства

того положительнаго, что имъ отрицается, сопротивленіе чувствоваться не можетъ, и основнымъ положительнымъ содержаніемъ внутренняго знанія существа о своей жизни является такимъ образомъ чувство *усилія, активности*. Съ усиліемъ, съ активностью сливается въ его внутреннемъ опытѣ его собственная жизнь, ограничиваемая и сдерживаемая непрерывнымъ чувствомъ сопротивленія. Естественно, поэтому, что въ усиліи, въ активности многіе видятъ самое существо душевной жизни, какъ въ вѣдомости ея себѣ—ея необходимую форму, приходя такимъ образомъ къ старинному опредѣленію начала душевной жизни, какъ vis sui conscia. „Давленіе, сопротивленіе, борьба, усиліе, которыя входятъ во всѣ состоянія сознанія, что они такое?“ спрашиваетъ Bouiller, „какъ не та сила, которая есть мы сами“, сила постоянно и непосредственно сознаваемая нами, сказывается ли она дѣйствіемъ на наши члены или просто въ поддержаніи и чувствѣ ихъ тяжести? Усиліе, не есть ли оно самое существо наше? (la vraie conscience p. 218). Но если въ *усиліи, въ активности* естественно видѣть существо психическаго субъекта, то въ чувствѣ *сопротивленія* страдательно-испытываемаго ограниченія этой активности—столь же естественно видѣть начало сознанія того, что *не субъектъ*, что внѣ его и ему чужло, начало сознанія объекта.

Въ какомъ бы отношеніи другъ къ другу не стояли чувства усилія и сопротивленія,—въ такомъ ли, что безъ сознанія усилія нѣтъ и чувства сопротивленія и безъ сознанія сопротивленія нѣтъ и чувства усилія, или въ такомъ, что чувство положительнаго усилія есть *основа* отрицательнаго сознанія сопротивленія, границы,—эти чувства составляютъ самое всеобщее, постоянное и элементарное содержаніе всякаго внутренняго опыта въ широкомъ смыслѣ. Выражаясь во всѣхъ состояніяхъ сознанія, какъ сознаніе переживающимъ ихъ существомъ себя активнымъ или пассивнымъ, они становятся основаніемъ для выдѣленія изо всей области внутренняго опыта, состояній сознанія, двухъ міровъ: міра, представляющаго ограниченіе моей активности, характеризуемаго сопротивленіемъ мнѣ, моею относительно его пассивностью, и міра состояній моей активности, характеризуемаго дѣятельнымъ усиліемъ. Первый исподволь слагается для сознанія въ образъ *внѣшняго* его міра, міръ объектовъ,—второй—въ образъ его собственнаго *субъективнаго* міра, въ міръ внутренняго опыта въ тѣсномъ смыслѣ.

Процессъ этого сознанія объекта въ его противоположности субъекту совершается довольно медленно, очень сложенъ и заканчивается въ сравнительно позднюю пору душевнаго развитія. Въ первыя недѣли жизни ребенка, а у многихъ животныхъ несомнѣнно и во всю ихъ жизнь, нѣтъ еще яснаго различенія и противоположенія *я* и *не я*, сознанія внѣшняго міра, какъ внѣшняго и себя, какъ субъекта. Это ясное сознаніе есть уже дѣло извѣстнаго развитія, не непосредственно. Непосредственны и всякому, даже самому раннему и смутному періоду всякой жизни присущи только чувства усилія и сопротивленія, активности и пассивности. Но, когда процессъ совершился, внѣшній міръ для сознанія выдѣлился изъ всей массы его содержанія и ясно противоположился его внутреннему міру, его *я*, — источникъ, изъ котораго возникаютъ для него эти образы внѣшняго и внутренняго міра непререкаемо продолжаетъ свидѣтельствовать о себѣ, опредѣляя *все содержаніе* того и другаго. Основною чертой всего, что входитъ въ представленіе внѣшняго міра, объекта, остается навсегда сопротивленіе, непроницаемость, внѣшность всему, что не оно,—*матерьяльность*. Основною чертой всего, что относится къ міру внутреннему, къ области внутренняго опыта въ тѣсномъ смыслѣ, всего, что понимается мною не какъ объектъ, а какъ мое состояніе, тоже навсегда остается дѣятельное усиліе,—внутренняя *активность*. Опредѣленіемъ всякаго объекта навсегда остается непроницаемость, ограниченіе отвнѣ, внѣшность (а слѣдовательно, и *множественность*, отношеніе къ *другому* объекту или субъекту); опредѣленіемъ же внутренняго опыта во всемъ его объемѣ и содержаніи остается активность, отнесеніе *къ себѣ* (а слѣдовательно и единство, внутренняя законченность). Самаго себя внутренній опытъ знаетъ только, какъ активность, непрерывное дѣятельное усиліе (а не только находитъ въ себѣ, между прочимъ, усилія). Въ мірѣ же *объектовъ* своихъ никакой активности, ничего кромѣ косности, непроницаемости, внѣшности и множественности онъ не видитъ, пока они для него остаются объектами. Но оба міра, и внутренній міръ вѣдомой себѣ активности, и внѣшній міръ косныхъ объектовъ,—и міръ внутренняго, и міръ внѣшняго опыта, суть только выдѣленныя изъ внутренняго опыта въ широкомъ смыслѣ (состоянія сознанія) подъ руководствомъ чувствъ усилія и сопротивленія, сознанія активности и пассивности, части его. *Внѣшній опытъ есть лишь часть внутренняго опыта, подчиненный видъ его*, какъ рода.

Таково происхожденіе нашихъ понятій объекта, внѣшности и вещественности вообще. Мы познаемъ внутреннимъ опытомъ непосредственно только свои состоянія усилія и сопротивленія, активности и пассивности. То, что въ этихъ состояніяхъ сознается нами какъ встрѣченное нашимъ вѣдомымъ усиліемъ сопротивленіе, какъ нѣчто *чуждое* ему, не имъ положенное, но только данное ему,—выдѣляется нами въ особую категорію внѣшняго намъ, объективнаго, насъ ограничивающаго. При этомъ для дѣйствительнаго ограниченія нашей вѣдомой себѣ дѣятельности совершенно все равно,—соотвѣтствуетъ ли что-либо дѣйствительно *отвнѣ* ее ограничивающее тѣмъ ея состояніямъ, которыя она сознаетъ, какъ свое ограниченіе, или нѣтъ. Для этого ограниченія совершенно все равно, существуетъ ли дѣйствительно внѣшній міръ объектовъ, или же только состоянія сознанія, чувствуемыя какъ сопротивленіе, граница. Разъ эти состоянія сознаются этой дѣятельностью, какъ неодолимо ограничивающее ее сопротивленіе, что то ей самой чуждое, неустранимо данное ей, — они также дѣйствительно опредѣляютъ, ограничиваютъ ее, какъ ограничало бы ее нѣчто дѣйствительно ей внѣшнее. Такъ и живо представившаяся мнѣ на моемъ пути стѣна и живо воображаемая мною, хотя бы и мнимая опасность, столь же дѣйствительно остановятъ меня, на моемъ пути и въ задуманномъ предпріятіи, какъ и дѣйствительная, не воображаемая только стѣна и опасность. Самое понятіе наше о веществѣ, о матеріи нашего внѣшняго міра всецѣло разрѣшается на элементарное чувство сопротивленія, на свойства непроницаемости, косности и т. д. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого сопротивленія, тамъ и не предполагается нами ничего внѣшняго, чуждаго намъ, вещественнаго, и на оборотъ. Ограничивающій, опредѣляющій насъ характеръ всего, полагаемаго нами внѣшнимъ, объективнымъ, вещественнымъ, вытекаетъ не прямо изъ дѣйствительнаго бытія внѣ насъ чего-либо вещественнаго (которое ни *непосредственно* не сознается ни *доказано* быть не можетъ), а изъ тѣхъ состояній нашего внутренняго опыта, въ которыхъ мы сознаемъ свою пассивность, ограниченіе сознаваемой нами какъ наше внутреннее существо дѣятельности. *Непосредственно сознаваемымъ, въ основѣ всего, что мы знаемъ о себѣ ли, о внѣшнемъ ли мірѣ, остается только наше усиліе, наша активность въ ея ограничиваемыхъ ли или неограниченныхъ движеніяхъ.* Внѣшній міръ, объектъ *не есть* нѣчто непосредственно сознаваемое, какъ хотятъ того многіе (напри-

мѣръ, изъ приведенныхъ уже авторовъ, Гамильтонъ, Булье, у насъ Л. М. Лопатинъ), не есть слѣдовательно и непремѣнное *условіе сознанія* вообще. Это явствуетъ уже изъ того, что сознаніе внѣшняго міра, объекта какъ такого, далеко не всѣмъ живымъ существомъ и не на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія присуще, тогда какъ сознаніе вообще, чувство усилія и сопротивленія необходимо предполагается во всякой жизни, хотя бы и самой элементарной. Нельзя, поэтому, и опредѣлять сознаніе, какъ *отношеніе* субъекта къ объекту, взаимодѣйствіе субъекта съ объектомъ, ибо объектъ уже предполагаетъ сознаніе, есть позднѣйшая, производная данная его.[1]

Такимъ образомъ весь внѣшній опытъ, все наше знаніе объ объектахъ есть подчиненный видъ опыта внутренняго; знаніе позднѣйшее и опосредствованное, имѣющее въ своей основѣ непосредственное и основное знаніе опыта внутренняго, субъективнаго. Области внѣшняго и внутренняго опыта при этихъ условіяхъ очевидно не могутъ совпадать ни по объему своему, ни по содержанію. То, о чемъ знаетъ внутренній опытъ непосредственно, какъ о самомъ существѣ своемъ,—активность, дѣятельная, вѣдомая себѣ сила, усиліе,—ни въ какой мѣрѣ и ни въ какой формѣ не дано и не можетъ быть дано въ мірѣ объектовъ, внѣшняго опыта. Ничего внутренняго, никакихъ усилій и дѣятельныхъ силъ въ этомъ мірѣ объектовъ, только внѣшнихъ другъ

---

[1] Въ этомъ—едва ли не единственный *существенный* пунктъ, въ которомъ я рѣшительно расхожусь съ Л. М. Лопатинымъ. Опредѣляя сознаніе, какъ *отношеніе* субъекта къ объекту (l. c. 150 и сл.) объясняя его *взаимодѣйствіемъ* субъекта съ объектомъ (l. c. 181 и сл.), почтенный философъ въ самомъ корнѣ подрываетъ возможность того спиритуалистическаго міровоззрѣнія, которое пытается обосновать. Если сознаніе есть не самый субъектъ, а лишь отношеніе послѣдняго къ объекту, то субъектъ *самъ по себѣ безсознателенъ*. Но въ чемъ тогда его духовность? Въ чемъ его дѣятельный характеръ, если «подлинная дѣятельная сила» есть только сознательная? Если сознаніе—только продуктъ *взаимодѣйствія* какихъ бы то ни было силъ, то вся его жизнь, безъ малѣйшаго изъятія, подчинена *механическому порядку*, ибо всякое взаимодѣйствіе силъ, свободныхъ ли или несвободныхъ, сознательныхъ ли или безсознательныхъ, даетъ неизбѣжно механическую равнодѣйствующую по параллелограму силъ. Міръ взаимодѣйствій неизбѣжно есть міръ чистаго механизма. Если гдѣ искать самоопредѣленія, изъ себя дѣятельной силы (а не отвнѣ сообщеннаго движенія); то не въ мірѣ взаимодѣйствій, явленій, отношеній между существами, но во внутренней жизни самаго существа. Субъектъ есть дѣятельная, самоопредѣляющая сила только если онъ *самъ по себѣ*, независимо отъ какихъ-либо отношеній и взаимодѣйствій, есть сознаніе, вѣдомая себѣ, внутренняя, въ себѣ замкнутая жизнь *монада*.

другу, только отвнѣ, во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ опредѣленныхъ, только непроницаемыхъ и косныхъ, — ничего кромѣ массъ, движеній и ихъ механическихъ сочетаній,—быть не должно и не можетъ. Здѣсь *механическое* пониманіе по самому существу дѣла обязательно,—пониманіе, не знающее никакихъ дѣятельныхъ силъ, но лишь сохраняющіяся массы и движенія, для котораго цѣлое всегда есть лишь измѣнчивая сумма разнообразнаго сложенія и разложенія неизмѣнныхъ элементовъ, безъ всякаго внутренняго единства и т. п. Только съ тѣхъ поръ, какъ изъ изученія міра объектовъ, природы были изгнаны всѣ понятія о внутреннихъ двигателяхъ, субъектахъ, производящихъ силахъ, то-есть со временъ Декарта, взглянувшаго на природу, какъ на мертвый механизмъ, и стало это изученіе на плодотворную, строго научную почву. Наоборотъ—въ области внутренняго опыта, субъективной жизни, съ одними понятіями механическаго порядка и взаимодѣйствія, сложенія и разложенія элементовъ,—безъ помощи понятія усилія, дѣятельной воли, ничего нельзя достигнуть. Безъ этой помощи на вѣки остается здѣсь непонятнымъ именно самое главное,—самый внутренній опытъ, сознаніе, субъективность внутренней жизни, которая и *есть* только какъ дѣятельность и *вѣдома* себѣ только, какъ дѣятельность. Не совпадаютъ внѣшій и внутренній опытъ и по своему объему: первый, какъ мы видѣли, входитъ во второй, какъ часть позднѣйшая и спеціально опосредствованная.

Но еще важнѣе этихъ различій между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ по ихъ объему и содержанію—различіе ихъ по тому *значенію*, которое имѣютъ доставляемыя ими знанія для всего нашего міровоззрѣнія. Для внѣшняго опыта объектъ познаваемый имъ, полагается какъ нѣчто чисто—и во всѣхъ отношеніяхъ внѣшнее, только отвнѣ и во внѣшнихъ отношеніяхъ опредѣленное. И все знаніе о такомъ объектѣ можетъ быть только знаніемъ внѣшнихъ отношеній и по внѣшнимъ отношеніямъ, никогда не становясь знаніемъ самаго существа предметовъ. Внутреннее существо объекта есть уже не объектъ, поэтому и все знаніе объекта, какъ такого есть лишь знаніе *явленій*, отношеній нѣкотораго неизвѣстнаго мнѣ внѣшняго существа къ остающемуся здѣсь неизвѣстнымъ же чуждымъ объекту, моему собственному познающему существу. Ограниченіе областью явленій, внѣшнихъ отношеній, столь же обязательно для познанія объектовъ,

какъ и признаніе господства здѣсь законовъ мертваго, бездушнаго механизма.

Иное дѣло — знаніе, достигаемое во внутреннемъ опытѣ. Здѣсь очень часто говорятъ то же о знаніи какихъ-то явленій, но слово „явленіе“ здѣсь совершенно теряетъ свой обычный смыслъ, ибо явленія нѣтъ безъ внѣшности, внѣшняго отношенія между тѣмъ, *что* является и тѣмъ, *кому* является. Явленія нѣтъ безъ внѣшняго объекта и сознающаго его субъекта. Самое сознаніе, самая субъективность, вѣдомая самой себѣ и только себѣ, не внѣшняя себѣ, но все бытіе которой состоитъ именно въ вѣдомости самой себѣ, явленіемъ быть не можетъ. Сознавая свою мысль, свое чувство, свое усиліе воли, я сознаю не внѣшнюю сторону какого-то внѣшняго мнѣ и неизвѣстнаго существа или процесса, но свое собственное, переживаемое мною состояніе Мнѣ при этомъ не *кажется* только, что я мыслю, страдаю и наслаждаюсь, хочу или не хочу, но моя мысль, мое страданіе и хотѣніе суть дѣйствительно переживаемыя мною, какъ мысль или чувство состоянія сознанія. Я знаю ихъ такими именно, каковы они есть, а не одни внѣшніе признаки ихъ. Если при этомъ ихъ можно назвать „явленіями“, то уже не въ смыслѣ отношеній ко мнѣ какихъ-то невѣдомыхъ мнѣ по существу своему предметовъ, но лишь въ смыслѣ состояній или произведеній моего собственнаго существа, вся жизнь котораго состоитъ въ томъ, чтобы *быть себѣ вѣдомымъ*. Но самое сознаніе, самый внутренній опытъ даже и въ этомъ смыслѣ нельзя назвать явленіемъ. Нельзя сказать, что сознаніе, внутренній опытъ есть состояніе или произведенія сознанія, внутренняго опыта. Одно, что можно сказать о немъ и что непосредственно знаетъ всякая, даже самая элементарная субъективная жизнь, это то, что сознаніе, внутренній опытъ, есть *актъ*, *есть дѣятельное усиліе*, составляющее самую эту жизнь и никогда не могущее быть *явленіемъ*.

Нѣтъ, поэтому, утвержденія болѣе невѣрнаго и произвольнаго, чѣмъ издавна уже ставшее привычнымъ и потому уже рѣдко возбуждающее наше внимательное обсужденіе утвержденіе Канта, будто „всякій опытъ (эмпирическое познаніе), внутренній не менѣе чѣмъ внѣшній, есть лишь познаніе предметовъ, какъ они намъ *являются*, но не такъ какъ они (сами по себѣ) дѣйствительно *суть*“ (Werke, ed Hart. X, 138). Внутренній опытъ, сознаніе или вовсе не существуетъ (но отрицать *фактъ* сознанія, внутренняго опыта, конечно, невозможно) или онъ знаетъ

о себѣ, о внутреннемъ опытѣ. А чѣмъ можетъ быть внутренній опытъ, поскольку онъ знаетъ о себѣ, кромѣ именно знанія о себѣ? Чего или кого, помимо себя, онъ можетъ быть явленіемъ, и кому, помимо себя, можетъ являться? Новому субъекту, новому сознанію и опять новому до безконечности? Очевидно нѣтъ. Или внутренняго опыта, сознанія вовсе нѣтъ,—что нелѣпо,—или внутренній опытъ, сознаніе, субъективность *не есть явленіе*.

Сознаніе или вообще *ничего* не знаетъ, но тогда нельзя говорить и о какомъ-либо внѣшнемъ опытѣ и знаніи объектовъ,—или оно знаетъ что-либо, но тогда знаетъ прежде всего самаго себя, собственную переживаемую имъ жизнь такъ, какъ она именно переживается. Допустивъ однажды сознаніе, а не допустить его невозможно, мы этимъ самымъ допускаемъ знаніе не однихъ *явленій*, но и знаніе во внутреннемъ опытѣ самого существа его. Мы допускаемъ въ фактѣ внутренняго опыта *знаніе метафизическое*. Это метафизическое и непосредственное знаніе внутренняго опыта о себѣ, составляющее самое существо субъективности, внутренней жизни, есть какъ мы видѣли основное знаніе субъекта о себѣ, какъ о *дѣятельномъ усиліи*.

Что это вѣдомое себѣ дѣятельное усиліе составляетъ самое метафизическое существо субъекта, внутренняго опыта, въ этомъ мы убѣдимся, разсмотрѣвъ различное отношеніе внутренняго опыта къ состояніямъ мысли, интеллекта, съ одной стороны, и состояніямъ воли и чувства съ другой. Это разсмотрѣніе покажетъ намъ, что внутренній опытъ есть вопервыхъ, усиліе, а вовторыхъ, есть не часть, не одно изъ психическихъ явленій наряду съ другими, но *цѣлое* психическаго бытія, такъ же какъ и что онъ—не зритель событій психической жизни, но факторъ, дающій имъ самое ихъ бытіе. Окончательное подтвержденіе нашей мысли дастъ намъ анализъ тѣхъ, такъ-называемыхъ *недостатковъ*, вслѣдствіе которыхъ внутренній опытъ обыкновенно отрицается въ качествѣ источника и орудія достовѣрнаго—научнаго познанія.

III.

Одно изъ самыхъ общеизвѣстныхъ, ходячихъ психологическихъ наблюденій, на которое особенно охотно ссылаются именно *противники* „научности" внутренняго опыта, касается того вліянія, какое оказываетъ на теченіе нашей душевной жизни самонаблю-

деніе, попытка наша узнать это теченіе въ самомъ его совершеніи. Уже давно и совершенно вѣрно было замѣчено, что *наблюденіе* нами нашихъ внутреннихъ, психическихъ состояній далеко не безразлично для опредѣленности, силы, яркости и т. п. самаго наблюдаемаго предмета, самихъ этихъ психическихъ состояній. Оно очень замѣтно измѣняетъ опредѣленность этого своего предмета, не овладѣваетъ ею, какъ она *дана;* но непремѣнно вноситъ въ нее отъ себя новыя черты. Въ области внѣшняго наблюденія не происходитъ и не должно происходить ничего подобнаго. Тѣ объекты, которые даны внѣшнему наблюденію, по самому своему понятію объектовъ, обладаютъ своею собственною опредѣленностью, независимою отъ того, знаетъ ли о ней кто-нибудь или не знаетъ, наблюдаетъ ли ее кто-нибудь или не наблюдаетъ. Законы природы также стары, какъ и она сама, и существуютъ не съ того момента, какъ тому или иному наблюдателю удалось ихъ открыть. Задача наблюдателя здѣсь именно въ томъ, чтобы уловить ту опредѣленность, которая принадлежитъ данному ему предмету независимо отъ случайныхъ, субъективныхъ примѣсей воззрѣнія на предметъ внѣшняго зрителя. Чѣмъ тщательнѣе, обдуманнѣе и внимательнѣе наблюденіе въ этой области, тѣмъ болѣе приближается оно къ совершенству въ выполненіи этой задачи, состоящей не въ томъ, чтобы создать свой предметъ, но въ томъ, чтобы *узнать* его, какъ онъ *данъ*, во всей его объективной независимости отъ зрителя. Совершенно иное видимъ мы въ области внутренняго наблюденія. Здѣсь чѣмъ наблюденіе психическихъ состояній внимательнѣе, напряженнѣе, тѣмъ болѣе измѣняются самыя наблюдаемыя мысли, чувства и волевыя состоянія, тѣмъ ихъ теченіе становится искусственнѣе, полнота, ясность и яркость—ненормальнѣе, дальше отъ естественности.

Особенно поучительно въ этомъ отношеніи различное дѣйствіе усиленнаго, сосредоточеннаго вниманія на разныя области подвергаемой намѣренному наблюденію душевной жизни. Тогда какъ состоянія интеллекта, воспріятія, сужденія, понятія,—отъ сосредоточенія на нихъ вниманія только выигрываютъ въ ясности, полнотѣ и точности ихъ мыслимаго содержанія (рисующаго намъ какой-либо *объектъ)*, наши чувства и волевыя напряженія отъ того же сосредоточенія на нихъ вниманія или утрачиваютъ свою ясность и опредѣленность, или получаютъ ненормальное развитіе и направленіе. Лучшее средство подавить въ себѣ вспышку

чувства—понять его; лучшее средство быть вялымъ и неловкимъ въ своей рѣчи, ходьбѣ, игрѣ на музыкальномъ инструментѣ—внимательно вдумываться во всякое произносимое слово, совершаемое движеніе и т. п. Съ другой стороны—усиленное вниманіе, направленное на жизнь собственнаго чувства и воли, вызываетъ въ ней такія чувства и стремленія, къ которымъ ранѣе не было въ душевномъ строѣ никакого повода и расположенія,—создаетъ совершенно искусственныя, ненормальныя страсти, влеченія, напряженія волевой энергіи. Поэтому Кантъ былъ совершенно правъ, когда въ такомъ усиленномъ вниманіи къ теченію своей внутренней жизни, *намѣренномъ наблюденіи ея* видѣлъ прямой путь къ ложной мечтательности и безумію (W. X, 127), когда утверждалъ, что путемъ намѣреннаго самонаблюденія мы дѣлаемъ въ своей душѣ „мнимыя открытія того, что сами же самонаблюденіемъ внесли“ въ эту душу (ib. 129). Намѣренное самонаблюденіе—не *узнаетъ*, но всего чаще *искажаетъ* свой предметъ.

Еслибы внутренній опытъ былъ только орудіемъ, методомъ познанія, то это свойство намѣреннаго самонаблюденія безповоротно осуждало бы внутренній опытъ, лишало бы его показанія всякой достовѣрности, всякаго научнаго значенія. Но дѣло совершенно измѣнится, когда мы постараемся *понять* это странное свойство самонаблюденія—искажать свой предметъ,—такъ рѣзко отличающее его отъ внѣшняго наблюденія, когда мы на внутренній опытъ посмотримъ, какъ на *основной и всерѣшающій фактъ и факторъ* нашей душевной жизни. Вѣдь указанной особенности внутренняго опыта, искусственности и „лживости“ показаній *намѣреннаго* самонаблюденія, не можетъ не быть, именно *если* внутренній опытъ есть, какъ мы утверждаемъ, основной производящій факторъ всей психической жизни (vis sui conscia), а не пассивный зритель ея событій. Ея не можетъ не быть—*если* не мысли, чувства и желанія живутъ въ немъ, чередуются и вступаютъ отъ себя въ разнообразныя между собой отношенія, но *онъ самъ* живетъ, выражаетъ и опредѣляетъ себя въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ! Этотъ *недостатокъ* намѣреннаго самонаблюденія только подтверждаетъ нашъ взглядъ на внутренній опытъ, какъ *вѣдомую себѣ дѣятельность*, vis sui conscia, и самобытное начало всей создаваемой имъ внутренней, психической жизни. Совершенно непонятнымъ остается онъ, наоборотъ, при взглядѣ на внутренній опытъ, сознаніе, какъ на бездѣятельнаго зрителя

какихъ-то данныхъ ему отвнѣ, съ готовою опредѣленностью, безъ его участія и вѣдома слагающихся событій. Совершенно необъяснимъ онъ при томъ взглядѣ, который въ вѣдомыхъ сознанію, внутреннему опыту представленіяхъ, чувствахъ и желаніяхъ видитъ только *явленія* чего-то, что не самое сознаніе и отъ него *независимо!* Только потому и „искажаетъ" намѣренное самонаблюденіе тѣ психическія состоянія, на которыя оно направлено, что оно о нихъ не только узнаетъ, но и производитъ ихъ, даетъ имъ ихъ бытіе и опредѣленность. Если внутренній опытъ, сознаніе есть дѣятельная сила, *производящая* своею дѣятельностью представленія, чувства и импульсы къ движенію, то когда она пріостанавливается, чтобы *наблюдать* ихъ со стороны, она перестаетъ *производить* ихъ, но создаетъ иныя, новыя. Происходитъ то, что издавна приводили, какъ возраженіе противъ самонаблюденія, то-есть, что „когда движущія силы моей душевной жизни въ дѣйствіи, я себя не наблюдаю, когда же я себя наблюдаю,—онѣ бездѣйствуютъ" (*Kant* W. X, p. 117).

Что таково именно положеніе дѣла, становится еще яснѣе, когда мы обратимъ вниманіе на указанное уже различіе вліянія намѣреннаго сосредоточенія вниманія на *различныя* душевныя состоянія. Не всѣ они въ равной мѣрѣ ослабляются, искажаются и ненормально развиваются отъ усиленнаго къ нимъ вниманія, но лишь состоянія чувства и волевыхъ импульсовъ. Состоянія познающаго объекты интеллекта, наоборотъ, отъ этого только выигрываютъ въ силѣ, ясности и полнотѣ содержанія. Почему это такъ? Именно потому, что внутренній опытъ, производящій, развивающій изъ себя психическую жизнь, самъ есть активность, вѣдомая себѣ дѣятельная воля,—что онъ *совпадаетъ* съ актами воли и состояніями чувства. И эти акты и эти состоянія—субъективны: они *суть* самый внутренній опытъ. Состоянія познающаго интеллекта,—воспріятія, представленія etc.,—напротивъ, содержаніемъ своимъ имѣютъ *объективное*, указываютъ на объектъ, и только это содержаніе и существенно въ нихъ, какъ познавательныхъ. Поэтому сознаніе, внутренній опытъ и можетъ относиться къ нимъ, какъ къ чему-то отъ себя отличному, независимому, данному ему. Оно можетъ отдѣлиться отъ нихъ и ихъ *объективировать*, чего не можетъ сдѣлать съ чувствами и волей, ибо въ нихъ—оно само и все. Поэтому-то и сосредоточеніе вниманія на умственной дѣятельности только усиливаетъ, уясняетъ и совершенствуетъ ее, ослабляя, разрушая и искажая жизнь чувства и

воли. Намѣренное самонаблюденіе, прямо пропорціональное энергіи и полнотѣ интеллектуальной жизни, обратно пропорціонально энергіи и полнотѣ жизни чувства и воли. Но этотъ законъ только подтверждаетъ, какъ видно, наше понятіе о внутреннемъ опытѣ, какъ вѣдомой себѣ дѣятельности, производящей душевную жизнь, *какъ о субъектѣ*. Доказываетъ онъ и другое, очень важное для метафизики положеніе: что искать *непосредственнаго* содержанія сознанія возможно не въ области интеллектуальныхъ состояній (ощущеній, представленій etc.), но лишь въ чувствѣ и волѣ. Только чувство и воля—непосредственныя данныя сознанія.

Но, доказывая наше понятіе о внутреннемъ опытѣ, какъ основномъ *факторѣ* душевной жизни, не подрываетъ ли все предшествующее разсужденіе въ конецъ всякое довѣріе наше къ этому внутреннему опыту, какъ орудію *познанія* о ней? Если остановка въ дѣятельности производящей душевныя состоянія силы, требующаяся для *наблюденія* ихъ, уничтожаетъ или искажаетъ самыя эти состоянія, то какъ возможно какое-либо знаніе о нихъ, какое-либо самонаблюденіе вообще? Это возраженіе очень старо и ставитъ подъ сомнѣніе *самую возможность сознанія*, какъ такой дѣятельности, которая совершаясь, должна и знать о себѣ, быть вмѣстѣ и дѣятелемъ, и зрителемъ, и картиной и живописцемъ!

Невозможность такого самораздвоенія въ наблюдающей самому себя психической дѣятельности есть, вопервыхъ, невожможность наблюдать только тѣ состоянія, которыя чисто-субъективны, никакого объективнаго содержанія не имѣютъ, съ самою психическою дѣятельностью, какъ отъ нея неотдѣлимыя, совпадаютъ. Такія чисто-субъективныя состоянія суть чувство и усиліе, напряженіе воли. Состоянія же познавательныя имѣютъ объективное содержаніе, въ этомъ *весь* ихъ смыслъ: ничего не представляющее представленіе, ничего не мыслящее понятіе—невозможны. Они и *могутъ* поэтому быть объективируемы дѣятельностью сознанія, какъ бы отдѣлены ею отъ себя и со стороны наблюдаемы, изучаемы. Вовторыхъ же, невозможность эта относится лишь къ тому *намѣренному* самонаблюденію, которое хочетъ уловить, узнать психическое событіе, психическій актъ *въ тотъ самый моментъ*, когда это событіе, этотъ актъ совершаются.

Только для такого самонаблюденія необходимо то невыполнимое и искажающее душевную жизнь самораздвоеніе душевной дѣятельности, на которое указываютъ. Но такое намѣренное самонаблю-

деніе и есть вовсе не единственное, путемъ котораго я знаю что-либо о своей собственной внутренней жизни. Оно даже есть пріемъ исключительный, требующій особаго напряженія, особой привычки, особой спеціальной подготовки для того, чтобы быть даже отчасти выполненнымъ. Всеобщее, непрерывающееся, постоянное самонаблюденіе, познаніе себя въ человѣчествѣ совершается совершенно инымъ путемъ. Это путь—сознанія, подмѣты уже *совершеннаго* моей душевной дѣятельностью акта, уже пережитаго ею состоянія, въ самый моментъ *перехода* ея въ другое состояніе, къ другому акту. Именно потому, что сознаніе, внутренній опытъ, есть не пассивное законченное *состояніе*, но непрестающая дѣятельность,—и знаетъ оно себя только *въ дѣятельности, только въ переходѣ отъ одного состоянія къ другому*. Поэтому только и сохраняетъ оно, удерживаетъ образъ того состоянія, которое уже пережито, котораго *уже нѣтъ* налицо. Поэтому только оно и *помнитъ* сейчасъ пережитое и можетъ такимъ образомъ знать о себѣ безъ невыполнимаго самораздвоенія. Еслибы сознаніе не было дѣятельностью, но было бы пассивнымъ состояніемъ, оно не могло бы помнить, знать того, что уже не оно, чего уже въ немъ и для него не существуетъ. Оно бы не могло и быть сознаніемъ, знать о себѣ, ибо это знаніе возможно только благодаря памяти о пережитомъ, уже совершенномъ, уже ставшемъ прошлымъ. Если есть у насъ знаніе о себѣ, то лишь благодаря тому, что внутренній опытъ *помнитъ* то состояніе, изъ котораго переходитъ въ другое; если же онъ помнитъ, то лишь потому, что онъ—живая дѣятельность, а не пассивное состояніе.

Если мы въ томъ обстоятельствѣ, что нашъ внутренній опытъ знаетъ о себѣ дѣйствительно (безъ завѣдомыхъ искаженій) лишь по *вспоминаніямъ* о пережитой имъ жизни, видимъ лишнее доказательство того, что онъ помнитъ, а слѣдовательно и есть не состояніе или явленіе, но *дѣятельная сила*,—то отрицающіе познаваемость и дѣйствительность внутренней, субъективной жизни видятъ здѣсь еще лишній доводъ противъ достовѣрности и точности внутренняго опыта, какъ орудія, метода *познанія*. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, признать достовѣрными и точными познанія, почерпнутыя изъ однихъ воспоминаній, никогда не провѣряемыхъ непосредственнымъ, настоящимъ наблюденіемъ наличнаго факта. Какъ сравнить научную цѣнность подобныхъ, только приблизительныхъ познаній „по памяти“ съ цѣнностью точныхъ наблюденій внѣшняго опыта, всегда доступныхъ непо-

средственной провѣркѣ наличными фактами! Какое, тѣмъ болѣе, значеніе въ наукѣ можно придавать приблизительнымъ, неточнымъ истинамъ самонаблюденія, если въ его области не только даны одни воспоминанія, а не наблюденія, но и совершенно невозможенъ *экспериментъ*, искусственный опытъ, составляющій главное средство установленія точныхъ, „научныхъ" истинъ? Не обречена ли поэтому область внутренней, субъективной жизни, поскольку она доступна лишь внутреннему опыту, навсегда ограничиваться только приблизительными, недоказанными, не имѣющими значенія научныхъ истинъ эмпирическими обобщеніями? Не слѣдуетъ ли и эту внутреннюю, субъективную жизнь признать доступною дѣйствительно научному познанію лишь въ той мѣрѣ, въ какой ее можно изучать по даннымъ внѣшняго опыта и его точными методами, то-есть по внѣшнимъ обнаруженіямъ душевной жизни, физіологическимъ, историческимъ, общественнымъ и т. п., вовсе отказавшись отъ внутренняго опыта, какъ источника и метода познанія?

Утвердительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы въ господствующемъ міровоззрѣніи современности извѣстенъ. Внутренній опытъ отрицается имъ не только какъ метафизическій предметъ и органъ метафизическаго знанія, какъ *начало* міровоззрѣнія міропониманія въ цѣломъ, — но и какъ источникъ точнаго, эмпирическаго знанія даже въ научной психологіи. Даже въ этой ограниченной области какого-либо научнаго пониманія смысла и законовъ психической жизни ожидаютъ не отъ изученія внутренняго опыта и его данныхъ, но отъ физіологіи, соціологіи, изученія произведеній душевной жизни въ искусствѣ, правѣ, бытѣ, отъ наблюденій надъ внѣшними проявленіями жизни у дѣтей, дикарей, животныхъ и т. п. *Недостатки* неточности внутренняго опыта, какъ научнаго метода познанія, въ сравненіи съ достоинствами опыта внѣшняго представляются слишкомъ очевидными, чтобы не отказаться отъ перваго. И отказываясь отъ него, ради этихъ „недостатковъ", какъ отъ источника и способа познанія, совсѣмъ забываютъ о немъ, какъ о *фактѣ*, предметѣ знанія.

Казалось бы, что по крайней мѣрѣ въ психологіи-то невозможно отрицать внутренній опытъ, ни какъ предметъ изученія, ни какъ источникъ и средство познанія. Данныя психологіи, факты внутренней, психической жизни, какъ *психическіе* факты, даны каждому только во внутреннемъ опытѣ, только изъ него

вѣдомы. Если я имѣю какое-либо понятіе о томъ, что такое мысль, чувство или усиліе воли, то лишь потому и въ той мѣрѣ, въ какой самъ мыслю, чувствую и усиливаюсь. Я испытываю, узнаю акты психической жизни только самъ совершая ихъ. Поэтому, каковы бы ни были внѣшнія проявленія душевной жизни, она сама познанію отвнѣ, по однимъ этимъ проявленіямъ недоступна. Если какія-либо событія внѣшняго опыта истолковываются мною по ихъ психическому смыслу, какъ указанія, свидѣтельствующія о какой-то психической жизни помимо моей собственной, той, которую я знаю изъ собственнаго внутренняго опыта,—то основаніемъ такого истолкованія является единственно этотъ мой внутренній опытъ. Каковъ онъ, таково будетъ и мое истолкованіе внѣшнихъ выраженій чужой мысли и чувства: только то, что я нахожу въ себѣ — найду я и за этими выраженіями. И чѣмъ бѣднѣе, грубѣе, смутнѣе мой собственный внутренній опытъ, тѣмъ бѣднѣе и грубѣе для меня и чужая душевная жизнь, въ какихъ бы совершенныхъ созданіяхъ и внѣшнихъ обнаруженіяхъ она ни выражалась. Чужая душевная жизнь какъ чужая, намъ вовсе *непредставима*, можемъ же мы лишь представлять собственную внутреннюю жизнь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся другія существа, какъ она въ этихъ условіяхъ *протекала бы*, еслибы я въ нихъ находился.

Всѣми признается, что только въ вѣдомости психическихъ состояній внутреннему опыту лежитъ самый поводъ къ выдѣленію ихъ въ особую группу психическихъ, что безъ этого не могло бы быть и рѣчи о душѣ и душевной жизни. Всѣми признается и необходимость, для начала ихъ изученія, знать ихъ именно въ тѣхъ своеобразныхъ формахъ мысли, чувства и воли, въ какихъ они даны внутреннему опыту. Признается и невыразимость этого ихъ психическаго своеобразія въ терминахъ, заимствованныхъ изъ опыта внѣшняго, изъ міра объектовъ, массъ и движеній. Признается охотно и тотъ вредъ, какой наноситъ наукѣ замѣна описанія психическихъ явленій, какъ психическихъ, однимъ изученіемъ заслоняющихъ ихъ психическую форму внѣшнихъ спутниковъ и обнаруженій психической жизни (Вундтъ, Дж. Ст. Милль, Г. Спенсеръ, даже Льюисъ). И тѣмъ не менѣе, заимствуя свой матеріалъ для психологіи изъ внутренняго опыта, для научной обработки его обращаются къ внѣшнему опыту и эксперименту. Прямое изученіе внутренней жизни во внутреннемъ опытѣ замѣняютъ косвеннымъ изученіемъ ея по ея внѣш-

нимъ признакамъ, сопутствующимъ тѣлеснымъ явленіямъ, обнаруженіямъ, произведеніямъ и т. п. Психологія замѣняется психофизіологіей или соціалогіей (какъ у Льюиса въ его „объ изученіи психологіи“), наблюденіями надъ жизнью дѣтей и животныхъ, психологіей народовъ и т. п.

Все это вызывается и оправдывается тѣми особенностями внутренняго опыта, которыя представляются его *недостатками*, сравнительно съ опытомъ внѣшнимъ, въ качествѣ орудія вполнѣ точнаго и достовѣрнаго научнаго познанія. Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ мнимыхъ „недостатковъ“ мы уже отчасти разобрали. Но таково же и значеніе и *всѣхъ* ихъ: всѣ они суть лишь прямыя доказательства того, что внутренній опытъ есть не зритель душевной жизни, пассивно со стороны ее узнающій, но основная дѣятельная сила, раскрывающаяся и опредѣляющаяся, становящаяся себѣ вѣдомою въ событіяхъ этой жизни, — мысляхъ чувствованіяхъ и усиліяхъ воли. Всѣ они свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что онъ есть vis sui conscia, самый источникъ психическаго бытія, самый субъектъ психической жизни.

Именно этимъ отношеніемъ внутренняго опыта къ познаваемымъ имъ состояніямъ своимъ, — мыслямъ, чувствамъ и актамъ воли, — и объясняется, какъ мы видѣли, та особенность, что онъ знаетъ ихъ не черезъ непосредственное наблюденіе (въ самый моментъ ихъ переживанія), но лишь по *воспоминаніямъ* о пережитомъ, никогда недоступнымъ провѣркѣ непосредственнымъ наблюденіемъ. Въ области объектовъ, внѣшняго опыта, непосредственное наблюденіе возможно только именно потому, что наблюдатель только со стороны созерцаетъ свой объектъ, но не созидаетъ его, что онъ отвнѣ узнаетъ объектъ, независящій въ своемъ бытіи отъ того, наблюдаетъ ли его кто-нибудь вообще или нѣтъ. Здѣсь возможны и непосредственное наблюденіе и провѣрка воспоминаній прежнихъ наблюденій новыми непосредственными наблюденіями. Но много ли выигрываетъ черезъ это внѣшній опытъ сравнительно съ внутреннимъ въ отношеніи *точности* своихъ показаній? Внутренній опытъ обладаетъ одними воспоминаніями, не имѣя возможности провѣрять ихъ, контролировать непосредственнымъ наблюденіемъ. Да! Но эти воспоминанія его въ теченіе всей его жизни снова и снова безконечно воспроизводятся, снова и снова провѣряютъ одни другія. Какой-нибудь любопытный объектъ внѣшняго міра я могъ непосредственно наблюдать одинъ разъ въ моей жизни, и затѣмъ уже мое воспомина-

ніе о немъ можетъ становиться, за отсутствіемъ повторныхъ наблюденій, болѣе и болѣе неяснымъ и неточнымъ. Но можетъ ли случиться нѣчто подобное съ моимъ воспоминаніемъ о состояніи мысли, чувства, воли, когда вся моя внутренняя жизнь состоитъ въ безпрерывномъ воспроизведеніи состояній чувства, мысли и воли, въ безпрерывной провѣркѣ болѣе отдаленныхъ воспоминаній болѣе свѣжими, въ вѣчномъ ихъ сличеніи? Очевидно нѣтъ! Но тогда возможность внутренно знать психическія состоянія только по воспоминаніямъ вовсе и не свидѣтельствуетъ о *неточности* этого внутренняго знанія. Она свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что внутренній опытъ не *узнаетъ* только, но дѣятельно создаетъ, опредѣляетъ и устрояетъ внутреннюю жизнь. Именно этимъ же объясняется и чрезвычайная, неуловимая *текучесть* психическихъ состояній, невозможность остановить, *систировать* ихъ для наблюденія въ разъ навсегда данной, неизмѣнной опредѣленности, какъ систируемъ мы объекты внѣшняго наблюденія. Отсюда же—и сложность, *слитность* между собою психическихъ состояній, никогда не данныхъ изолированно (одно чувство, одно усиліе, одно представленіе) и не допускающихъ уединенія ихъ, выдѣленія по произволу изъ живой совокупности для наблюденія въ разнообразныхъ условіяхъ и эксперимента,—этого главнаго орудія точной науки. Если внутренній опытъ не можетъ производить искусственныхъ экспериментовъ надъ психическими состояніями, [1] то безконечное разнообразіе, богатство

[1] Вѣрно утвержденіе невозможности искусственнаго эксперимента надъ психическими состояніями только въ отношеніи недоступныхъ объективаціи, совпадающихъ съ самимъ субъектомъ состояній чувства и воли. Въ области же интеллектуальныхъ, познавательныхъ состояній, имѣющихъ объективное содержаніе (представленіе, понятіе) мы очень часто, почти постоянно производимъ искусственный экспериментъ. Вся дѣятельность *логическаго*, отчетнаго мышленія состоитъ не въ томъ, что мы безучастно всматриваемся въ теченіе нашихъ представленій, слагающихся помимо нашей воли въ разныя сочетанія, какъ того требуетъ отъ философа, по непостижимому недоразумѣнію, Ренанъ, въ своей «философской исповѣди». Логическимъ становится мышленіе лишь по скольку оно дѣятельно *построяетъ* содержаніе своихъ понятій и сужденій, анализируетъ ихъ и синтезируетъ, разлагаетъ одни ихъ сочетанія и вводитъ ихъ въ новыя и т. п. Только построяя свою мысль, даетъ мой умъ себѣ отчетъ въ ней, логическое ея оправданіе, и безъ этой построяющей понятія дѣятельности, только бозвольно слѣдя за игрою моихъ понятій, я уже перестаю мыслить, а начинаю мечтать, грезить. Утверждать, какъ дѣлаютъ это многіе матеріалисты (Маудсли, Сѣченовъ и др.) будто мы не можемъ вліять на теченіе своихъ мыслей, значитъ утверждать, что логическое мышленіе, наука вовсе *невозможны*.

этого его матеріала, являемаго его жизнью во всевозможныхъ сочетаніяхъ настолько превышаютъ всякое возможное богатство и разнообразіе внѣшняго наблюденія, всегда ограниченнаго спеціальными условіями,—что едва ли преимущество послѣдняго очень ужь значительно. Та же чисто-логическая дѣятельность мысли, которая, идя далѣе фактовъ и ихъ сочетаній, построяетъ *теоріи*, объясненія, — одна и та же, составляютъ ли ея матеріалъ эксперименты внѣшняго опыта, или эмпирическія обобщенія психологіи:—въ этомъ отношеніи естествознаніе и психологія—въ одинаковомъ положеніи. Наконецъ—уже прямо не вѣренъ тотъ упрекъ внутреннему опыту, доказывающій будто бы его ненаучность, что ему непосредственно даны и доступны лишь самыя сложныя, позднѣйшія образованія душевной жизни, но никогда не ея первоначальныя, элементарныя состоянія (*Маудсли* Физіол. и пат. души 12 и слѣд.). Вѣдь, вопервыхъ, и внѣшнее наблюденіе всегда имѣетъ дѣло съ сложными комплексами движеній, массъ, качествъ, но не съ простыми началами: атомами, динамидами, вихрями и молекулами, которыхъ еще, конечно, никто не *наблюдалъ*. Вовторыхъ же, тогда какъ эти простые элементы объективнаго міра, внѣшняго опыта навѣки остаются только мыслимыми, но недоступными наблюденію, послѣднее же всегда ограничено областью *сложныхъ* явленій, — внутренній опытъ непосредственно знаетъ, какъ мы видѣли, не одни сложныя состоянія мысли, чувства или хотѣнія, но и такія безспорно-первоначальныя, элементарныя, какъ *усиліе и сопротивленіе*. Элементы его области, ея начала, ему доступны, тогда какъ внѣшнему опыту элементы его міра недоступны прямо, только—мыслимы. Въ этомъ отношеніи преимущество, въ смыслѣ орудія познанія, очевидно не на сторонѣ внѣшняго опыта!

Таково значеніе тѣхъ особенностей, на которыя указываютъ, какъ на недостатки внутренняго опыта въ смыслѣ источника и орудія познанія о внутренней субъективной жизни. Какъ въ источникѣ и орудіи *познанія* эти особенности внутренняго опыта далеко не имѣютъ того значенія коренныхъ и ничѣмъ неискупимыхъ *недостатковъ* сравнительно съ точностью и достовѣрностью внѣшняго опыта, какое имъ привыкли приписывать въ наше время. Разсматривая же внутренній опытъ не какъ способъ психологическаго познанія, а какъ важнѣйшій изъ самыхъ подлежащихъ изученію *фактовъ* субъективной жизни, мы во всѣхъ этихъ особенностяхъ его находимъ лишь прямое свидѣ-

тельство о томъ, что онъ есть *дѣятельное, созидающее начало* этой жизни. Этихъ особенностей не существовало бы, онѣ были бы вовсе непонятныя, еслибъ онъ былъ пассивно-воспринимающимъ зрителемъ внутренней жизни, еслибы событія ея были ему даны съ тою же готовою и независящею отъ него опредѣленностью, съ какой даны наблюдателю объекты внѣшняго міра. Называть эти особенности, вытекающія неизбѣжно изъ самой природы внутренняго опыта и свидѣтельствующія о ней, *недостатками* — столь же нелогично и непослѣдовательно, какъ еслибы кто-нибудь отправившись въ театръ съ телескопомъ или микроскопомъ, призналъ бы эти инструменты неточными и никуда негодными потому только, что они не помогали, но мѣшали ему видѣть происходящее на сценѣ. Для театра они дѣйствительно негодны, но не для него они и предназначены; не для изученія объектовъ, но для познанія субъекта предназначенъ и внутренній опытъ, — дѣятельный субъектъ внутренней жизни, vis sui conscia.

IV.

При всемъ томъ, научное достоинство и значеніе для выступающаго съ притязаніями на теоретическую истину міровоззрѣнія того знанія, какимъ каждый изъ насъ повидимому обладаетъ въ своемъ внутреннемъ опытѣ, еще далеко не поставлены внѣ сомнѣнія пока не устранено одно послѣднее и самое вѣсское недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что внутренній опытъ есть чисто-личный, индивидуальный, понятный и безспорный только въ замкнутой сферѣ отдѣльной субъективности. Мое внутреннее, субъективное состояніе какъ такое вѣдомо и самоочевидно только мнѣ одному и никому другому непосредственно вѣдомо быть не можетъ. Всякое сообщеніе о событіяхъ моей внутренней жизни другому путемъ слова, жеста, поступка, толкуется этимъ другимъ по своему, такъ какъ указываетъ ему его собственный личный внутренній опытъ, можетъ быть и очень отъ моего отличный. То, что для меня вполнѣ очевидно и доступно, ему можетъ оказаться вовсе непонятнымъ и невозможнымъ. Здѣсь повидимому столько же разнообразныхъ личныхъ толкованій данныхъ внутренняго опыта, сколько различныхъ толкователей. Поэтому, казалось бы, на почвѣ внутренняго опыта никогда не можетъ получиться *единаго, общепризнаннаго* знанія и пониманія предмета—внутренней жизни,

Казалось бы, что здѣсь неизбѣжно получится столько же воззрѣній, сколько лицъ, тогда какъ факты внѣшняго опыта всѣмъ равно и въ одинаковомъ видѣ могутъ быть предложены для наблюденія, отъ всѣхъ вынуждая и одинаковое толкованіе ихъ.

Такъ ли это убѣдительно, какъ оно на первый взглядъ представляется? Далеко не такъ! Въ *идеѣ* объекты, предметы внѣшняго опыта дѣйствительно всѣмъ равно доступны, могутъ быть предложены наблюденію всѣхъ и каждаго въ одинаковой полнотѣ и опредѣленности,—будь это даже южный полюсъ, кольца Сатурна, интимный бытъ высшей аристократіи или жизнь обитателя Центральной Африки. Но многіе ли обладаютъ въ *дѣйствительности* тѣми внѣшними условіями времени, пространства, средствъ, общественнаго положенія, и внутренними—научной или свѣтской подготовки, интереса и способности подмѣтить и понять предлежащее имъ явленіе, какія необходимы для наблюденія, испытанія всѣхъ этихъ *общедоступныхъ* фактовъ? Многіе ли изъ насъ въ состояніи повидать то, что видѣлъ Стэнли, и много ли увидитъ и пойметъ иной образованнѣйшій филологъ посмотрѣвъ, безъ указаній спеціалиста, въ микроскопъ? Много ли найдется такихъ объектовъ внѣшняго міра, знанія о которыхъ у всѣхъ людей было бы хотя приблизительно *одинаковы*, будь это знаніе почерпнуто изъ непосредственнаго наблюденія, или изъ книгъ, чужихъ разсказовъ и т. п.? Не становится ли при этомъ восхваляемая доступность объектовъ каждому любознательному уму безъ исключенія нѣсколько похожею на доступность каждому жаждущему обогащенія тѣхъ бумагъ и монетъ, изъ которыхъ составляются Ротшильдовскіе милліоны?

И наоборотъ. Въ идеѣ внутренній опытъ совершенно индивидуаленъ, у каждаго свой собственный, особый и лишь весьма неполно и несовершенно сообщаемый другимъ (наиболѣе точно и полно сообщаемы другимъ интеллектуальныя состоянія, представленія и понятія, очень мало сообщаемы чувства, и вовсе не поддаются сообщенію волевыя усилія). Но много ли въ дѣйствительности существуетъ различій въ *существенномъ* содержаніи внутренняго опыта каждаго изъ насъ, столь отличающагося отъ себѣ подобныхъ и по роду, и по количеству, и по качеству своего внѣшняго опыта, своихъ знаній о различныхъ объектахъ? Очень различаются между собой люди этими послѣдними знаніями, смотря по условіямъ времени, пространства, образованія, средствъ, положенія и т. п. Очень различна у нихъ и та область психи-

ческихъ, внутреннихъ состояній, которыя имѣютъ объективное своимъ содержаніемъ и на объективное направлены, то-есть состояній интеллектуальныхъ, познавательныхъ: понятія, сужденія, теоріи, міровоззрѣнія. Но именно самыя *субъективныя* состоянія внутренней жизни, самыя индивидуальныя и неподдающіяся сообщенію,—состоянія чувства и волевыхъ усилій—, и представляютъ *наиболѣе одинаковости* не только у различныхъ людей, какъ бы ни велики были различія ихъ образованія, положенія и т. п., но даже *у всѣхъ существъ одного животнаго типа*. Самое основное, элементарное и субъективное содержаніе внутренняго опыта, чувства усилія и сопротивленія, обще *всякой* субъективной жизни, всѣмъ живымъ существамъ безъ исключенія. Такимъ образомъ очень сомнительнымъ представляется повидимому благовидное утвержденіе: „*все* субъективное, будучи неизмѣннымъ и несомнѣннымъ для самаго субъекта, которому оно принадлежитъ, не имѣетъ той общей достовѣрности и неизмѣнности, которыя свойственны объективному міру“ (*Н. Н. Страховъ* l. c. 28).

Если самый объектъ внѣшняго опыта, какъ такой (независящій самъ по себѣ отъ знанія о немъ) можетъ одинаково стать предметомъ наблюденія и познанія всѣхъ и каждаго (но также—и никого)—то сами мы далеко не всѣ и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ и одномъ направленіи способны воспользоваться этой возможностью. Для каждаго изъ насъ она ограничивается, индивидуализируется массой наличныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Знанія о предметахъ внѣшняго опыта, при всей объективной годности послѣднихъ стать опытомъ общечеловѣческимъ, всегда *спеціализируются* по положенію людей, ихъ профессіи, ихъ талантамъ и симпатіямъ, ихъ привычкамъ и строю жизни. Чѣмъ далѣе идетъ спеціализація положеній, занятій, привычекъ,—а съ развитіемъ жизни она все усиливается,—тѣмъ болѣе дробится область объективнаго знанія на замыкающіяся въ болѣе и болѣе тѣсные кружки спеціалистовъ отрывки знанія. Всѣмъ доступное, общечеловѣческое по идеѣ своей, знаніе внѣшнихъ объектовъ въ дѣйствительности оказывается раздѣляющимъ, *обособляющимъ* умственную жизнь отдѣльныхъ людей. Что общаго, что взаимно связующаго, объединяющаго умственную жизнь, найдется въ объективныхъ знаніяхъ, во *внѣшнемъ опытѣ* нашего крестьянина земледѣльца и парижскаго бульварнаго гамена, аѳонскаго монаха и репортера большой американской газеты? Еслибъ они не обладали никакимъ *инымъ*

духовнымъ содержаніемъ, кромѣ совершенно различнаго у всѣхъ ихъ внѣшняго опыта, объективнаго знанія, то у нихъ не было бы вовсе *никакой* общей духовной почвы. Не могло бы нетолько развиться какой-либо общности вѣрованій, убѣжденій, стремленій, но даже исчезла бы постепенно и возможность взаимнаго пониманія. Оно становилось бы тѣмъ невозможнѣе для людей, чѣмъ далѣе отстоятъ они другъ отъ друга по времени, пространству, культурѣ и т. п.

Если несмотря на все разнообразіе внѣшнихъ и внутреннихъ условій люди все-таки живутъ *одною* общею духовною жизнью, понимаютъ другъ друга и имѣютъ общую исторію; если мы понимаемъ, какъ и чѣмъ жило человѣчество самыхъ отдаленныхъ странъ, эпохъ и культуръ, то не благодаря *различному* для каждой изъ нихъ внѣшнему опыту, объективному знанію. Возможно это лишь потому что мы всѣ обладаемъ внутреннимъ опытомъ, который у всѣхъ насъ, во всѣ времена и во всякихъ условіяхъ въ существенномъ тождествененъ,—котораго никто изъ насъ не можетъ не имѣть въ цѣломъ и въ частяхъ, какъ можетъ не имѣть въ цѣломъ и въ частяхъ знанія внѣшней природы. Этого внутренняго опыта не нужно пріобрѣтать цѣной намѣренныхъ и разсчитанныхъ трудовъ, какъ знаніе о тѣхъ или другихъ объектахъ; его не нужно *искать*, какъ ищемъ мы опыта внѣшняго, и отъ него мы не можемъ отрѣшиться, какъ отъ того или другаго объекта, ибо онъ дается каждому самою его жизнью и *есть* самая эта жизнь.

Во внутреннемъ опытѣ, поэтому, несмотря на его субъективность, звено, *объединяющее*, а не разъединяющее всѣ наши безчисленные, замкнутые въ себѣ и отвнѣ недоступные умственные міры, всѣ эти „не имѣющія оконъ монады.“ Въ немъ—и единственная почва, на которой можетъ развиться дѣйствительно единое, общечеловѣческое міровоззрѣніе. Внѣшній опытъ и его объективное знаніе никогда не замѣнятъ этого звена, не дадутъ этой почвы, какъ бы ни были заманчивы обѣщанія въ этомъ отношеніи позитивизма. Не въ изслѣдованіяхъ по астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи, соціологіи и т. п. выражается и слагается единое и объединяющее общечеловѣческое міровоззрѣніе, равно понятное, дорогое и близкое всѣмъ людямъ, всѣмъ странамъ, вѣкамъ и народамъ, и богатымъ и бѣднымъ, и ученымъ, и „нищимъ духомъ“. Оно выражается именно въ тѣхъ созданіяхъ мысли и чувства, которыя имѣютъ дѣло съ предметомъ внутренняго

опыта, съ *внутреннею* жизнью духа,—въ *вѣчныхъ* произведеніяхъ искусства, въ *міровыхъ* системахъ, религіозныхъ, метафизическихъ и нравственныхъ. Только въ нихъ и сказывается непререкаемо единство той духовной жизни, которою мы живемъ обще со всѣмъ человѣчествомъ!

Другая черта внутренняго опыта, тѣсно связанная съ его тождественностью по самому основному, существенному содержанію своему, у всѣхъ живущихъ внутреннею жизнью существъ, и рѣзко противополагающая его міру внѣшняго, объективнаго знанія, — есть его внутренняя законченность, цѣльность. Область внѣшняго опыта не только никогда, нигдѣ и никѣмъ не исчерпана, но и *не можетъ быть* исчерпана, завершена. Она всегда составляетъ лишь часть безпредѣльнаго, невѣдомаго цѣлаго, отрывокъ этого цѣлаго безъ начала и безъ конца. Какіе успѣхи ни сдѣлали бы наши науки внѣшняго опыта, — какъ далеко ни отодвинули бы мы предѣлы доступнаго нашему наблюденію міра объектовъ нашими телескопами, микроскопами, спектральнымъ анализомъ, сигмографами и т. п.—все же этотъ познанный нами міръ будетъ составлять лишь конечную часть того безконечнаго и невѣдомаго, которое лежитъ за этими предѣлами. Знаніе наше здѣсь вѣчно останется исчезающею частью безконечнаго и неизвѣданнаго, никогда не будетъ имѣть цѣлости, законченности въ пространствѣ и времени. Новыя открытія совершенно невѣдомыхъ ранѣе существъ, силъ и отношеній, здѣсь всегда возможны и неизбѣжны.

Не то въ области внутренняго опыта. Здѣсь возможно болѣе ясное или болѣе смутное сознаніе, бо̀льшая или меньшая рефлективность, точность и глубина анализа и т. п.,—но цѣлое неизмѣнно равно себѣ и закончено. Какъ первобытный человѣкъ во внутренней своей жизни переживалъ *только* акты и состоянія представленія, чувства и воли, такъ только эти же акты и состоянія найдетъ въ собственномъ опытѣ, подъ болѣе сложными формами въ болѣе сложныхъ *сочетаніяхъ*, и современный философъ. Цѣлое здѣсь дано разъ навсегда и вполнѣ закончено: оно можетъ лишь раскрывать полноту своего содержанія, развиваться извнутри, но не *наростать* отвнѣ приходящими дополненіями, какъ ростетъ наше знаніе объектовъ. Поэтому только на почвѣ внутренняго опыта можетъ быть достигнуто построеніе міровоззрѣнія и общечеловѣческаго и единаго, цѣльнаго, представляющаго

внутренно-законченную систему, внутреннее единство и полноту началъ.

Тѣ черты внутренняго опыта, которыя выяснились намъ въ изложенной характеристикѣ его, даютъ намъ достаточное основаніе въ немъ, и только въ немъ видѣть искомое начало міровоззрѣнія, обладающее и требуемое отъ такого начала очевидностью, достовѣрностью и внутреннею полнотой, изъ нѣдръ которой можетъ развиться всякое возможное содержаніе мысли. Внутренній опытъ выясняется намъ и какъ основное начало всякаго *знанія*, и какъ несомнѣннѣйшая дѣйствительность, истинносущее начало дѣйствительнаго *бытія*.

Что касается до его годности служить началомъ знанія, то за нее должно бы ручаться уже одно то соображеніе, что всякое знаніе, всякая мысль, будь это мысль о субъектѣ или объ объектѣ внѣшняго міра, принадлежитъ къ области внутренняго опыта въ широкомъ смыслѣ, изъ состояній его слагается, новыми – его же состояніями провѣряется и утверждается. Всѣ тѣ основныя понятія, подъ которыми мыслятся нами объекты внѣшняго міра и ихъ взаимныя отношенія, всѣ тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ вообще возможно для насъ представленіе внѣшняго міра, коренятся въ элементарномъ содержаніи внутренняго опыта въ тѣсномъ смыслѣ (вѣдомой себѣ субъективности). Какъ въ основѣ всего знанія субъекта о себѣ лежатъ элементарныя чувства усилія и сопротивленія, такъ и въ основѣ всѣхъ понятій, подъ которыми мыслится нами міръ, лежатъ понятія дѣятельности и косности, силы и массы. внутренняго и внѣшняго, субстанціи и явленія, причины и дѣйствія. Только изъ сознаваемой нами въ себѣ, какъ составляющая самое существо нашей жизни, *дѣятельной силы*, *воли*, почерпаетъ общечеловѣческое сознаніе то первоначальное понятіе *причинности* (какъ полагающей нѣкоторое бытіе, а не единообразной послѣдовательности) дѣйствительности, внутренной связности существующаго, безъ котораго весь мыслимый нами міръ,—и внутренній, и внѣшній распадается въ безсмысленную и случайную толчею призраковъ, въ какой-то безконечный нелѣпый кошмаръ. Только къ *дѣятельности*, составляющей и самое существо нашей внутренней, субъективной жизни и основное содержаніе нашего внутренняго опыта, приложимо и понятіе о *безконечности*. Никакой объектъ не можетъ быть мыслимъ какъ безконечность, ибо онъ и есть объектъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ данъ, опредѣленъ, ограниченъ, ко-

неченъ. Объективированная безконечность была бы поэтому безконечность сочитанная, измѣренная, конечная, — чистое самопротиворѣчіе. Если что можетъ мыслиться безконечнымъ, то не число, не величина, не объектъ, а дѣятельность счисленія, измѣренія, ограниченія, не произведеніе дѣятельности, но сама она.

Задача сведенія всѣхъ основныхъ понятій нашего знанія на коренные элементы внутренняго опыта, знанія субъектомъ о своихъ собственныхъ актахъ, формахъ своей внутренней жизни, какъ типическихъ формахъ всякой жизни и бытія вообще,—задача чрезвычайно обширная. Она еще далеко не выполнена до конца, но для выполненія ея многое уже сдѣлано, со времени Мэнъ де-Бирана. Въ нашей литературѣ особенная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Л. М. Лопатину, автору сочиненія „Положительныя задачи философіи“.

Еще яснѣе необходимость—въ нашемъ знаніи о собственной внутренней жизни искать источника нашихъ *нормативныхъ* понятій, руководящихъ нашими логическими, этическими и эстетическими дѣятельностями. Это понятія истины, добра и красоты,—не даннаго, не сущаго еще налицо, но *долженствующаго быть*, направляющаго нашу дѣятельность. Изъ міра объектовъ этихъ понятій никогда нельзя почерпнуть. Объектъ ни на что „долженствующее быть“, ни на какую норму по самому своему понятію указывать не можетъ, ибо быть объектомъ значитъ быть *даннымъ* мысли, но не *создаваемымъ* мыслію, имѣть бытіе, опредѣленное *независимо* отъ случайнаго знанія и сужденія о немъ внѣшняго ему наблюдателя. Объектъ, какъ такой, только *есть*: какъ объектъ — онъ ни истиненъ, ни ложенъ, ни добръ, ни дуренъ, ни прекрасенъ, ни безобразенъ, но только существуетъ, данъ. Иное дѣло—субъектъ, какъ онъ себя знаетъ во внутреннемъ опытѣ. Онъ не *данъ* себѣ съ готовою, законченною опредѣленностью, какъ нѣчто готовое, независимое отъ его собственной жизни и дѣятельности. Онъ знаетъ себя именно какъ *дѣятельность*, свою жизнь—какъ нѣчто не просто данное, но совершающееся, этою его дѣятельностью *совершаемое*. Онъ знаетъ себя не какъ отвнѣ и пассивно *воспринимающаго* свою жизнь, но какъ устрояющаго, опредѣляющаго ее. Отсюда и взглядъ его на свое представленіе, чувство, усиліе воли, какъ на одно лишь изъ *многихъ возможныхъ* представленій, чувствъ и усилій. Отсюда и возможность *сужденія* о своихъ представленіяхъ, чувствахъ и усиліяхъ, возможность оцѣнки ихъ, какъ имѣющихъ различное

достоинство, признаніе, слѣдовательно какого-либо общаго *мѣрила* этого достоинства своихъ душевныхъ состояній помимо ихъ простой наличности. Въ этомъ сужденіи о себѣ, требованіи согласія своихъ мыслей и актовъ съ какимъ-либо критеріемъ, требованіи *формальной закономѣрности* своей дѣятельности, — основаніе всей нашей логической, этической и эстетической дѣятельности, корень всѣхъ нашихъ нормативныхъ понятій. Дается же это основаніе, какъ мы видимъ, знаніемъ нашимъ о *своей жизни, какъ о своей дѣятельности*, своемъ актѣ. Если моя внутренняя жизнь не есть дѣятельность, изъ своихъ нѣдръ развивающая опредѣленность моихъ понятій, чувствъ и поступковъ—но лишь со стороны созерцаетъ ихъ, какъ данныя ей внѣшнія событія,— то и никакихъ *нормъ* для этихъ понятій, чувствъ и поступковъ быть не можетъ. Измѣнить ихъ теченіе я ни въ чемъ не могу, а слѣдовательно и не обязанъ къ этому.

Какъ непрерывный актъ, какъ дѣятельность, наша субъекивная внутренняя жизнь (а внутреннею она остается лишь поскольку о себѣ знаетъ, есть внутренній опытъ) представляется и несомнѣннѣйшею *дѣйствительностью*, истинно—сущимъ, реальнымъ началомъ бытія. Вѣдь дѣйствительнымъ, существующимъ можетъ быть признано лишь то, что въ какомъ бы то ни было отношеніи оказываетъ или воспринимаетъ какое бы то ни было дѣйствіе! То, что вовсе не *дѣйствуетъ* никакъ и ни въ какомъ отношеніи, и никакого дѣйствія не воспринимаетъ (хотя бы сопротивляясь), никакому воздѣйствію ни въ какомъ отношеніи не подлежитъ, то вовсе и *не есть*, не существуетъ, даже какъ призракъ. „Что не дѣйствуетъ, то не существуетъ“,—таково основное положеніе нетолько Лейбницевой, но и всякой метафизики, признающей какое-либо *дѣйствительное* бытіе, какую-либо *Wirklichkeit*, какой-либо *factum*. Но дѣйствовать, быть активнымъ—составляетъ самое существо, внутренней жизни, внутренняго опыта. Онъ и *есть* непрерывная дѣятельность, и *знаетъ* о себѣ только какъ о дѣятельности, — прежде всего въ чувствахъ усилія и сопротивленія. Да подлинною дѣятельностью только и можетъ быть вѣдомая себѣ, субъективная, внутренняя дѣятельность, vis sui conscia; безъ этой вѣдомости себѣ, субъективнаго, волеваго характера—остается уже не дѣятельность, а простое измѣненіе положенія, внѣшнихъ отношеній, простая *передача механическаго движенія* (ср. мое „къ вопросу о свободѣ воли“). Такимъ образомъ и субъективная жизнь есть только какъ дѣятельность и дѣятельность есть только, какъ вѣдомая

себѣ (усиліе, воля), субъективная. Внутренній опытъ, субъектъ — оказывается истинно сущимъ, подлиннѣйшею дѣйствительностью. Внутренній опытъ и есть только какъ дѣятельность, воля, и знаетъ себя только какъ дѣятельность, волю. Изо всѣхъ философовъ нашего вѣка ни у одного (за исключеніемъ Мэнъ де Бирана, не создавшаго, однако, законченной метафизической системы, но ограничившагося однимъ нравственно-религіознымъ истолкованіемъ воли) *воля* не имѣетъ въ міровоззрѣніи такого центральнаго, всерѣшающаго значенія, какъ у Шопенгауэра. Но ни одинъ философъ и не внесъ въ понятіе воли столько недоразумѣній и заблужденій, какъ Шопенгауэръ. Онъ признаетъ, что „понятіе *воля*—единственное между всѣми возможными, которое истекаетъ не изъ явленія, не изъ простаго созерцательнаго представленія, но исходитъ изнутри, истекаетъ изъ непосредственнаго сознанія каждаго, въ которомъ онъ узнаетъ собственный индивидуумъ въ его существѣ, непосредственно, безо всякой формы, даже безъ таковой субъекта и объекта, и которымъ онъ оказывается самъ, такъ какъ здѣсь познающее и познаваемое совпадаетъ (М. к. В. и. П. пер. Фета, с. 136). Но онъ эту волю ищетъ и находитъ *въ* непосредственномъ сознаніи, во внутреннемъ отвѣтѣ, какъ сферѣ знанія о волѣ, о существѣ. Ему ни разу не вспадаетъ на мысль, что воля не во внутреннемъ опытѣ особо, своеобразно познается, *но есть самый этотъ внутренній опытъ, самодѣятельность познаванія имъ себя.* Еслибъ ему было ясно совпаденіе воли, дѣятельности, съ самимъ внутреннимъ опытомъ, самимъ сознаніемъ, то все его міровоззрѣніе не было бы въ корень искажено нелѣпымъ понятіемъ *безсознательной воли*, нелѣпость котораго еще усугубляется тѣмъ, что эту „безсознательную“ волю онъ находитъ именно въ сферѣ „сознанія“, внутренняго опыта! Не было бы у него и несчастной мысли, будто мы непосредственно знаемъ не самую единую волю, но единичныя *хотѣнія и акты.* Внутренній опытъ или не существуетъ, или знаетъ прежде всего о самомъ себѣ, и знаетъ себя не какъ рядъ хотѣній, а какъ непрерывную единую дѣятельность. Изъ „хотѣній“, желаній—никакой воли не получается, ибо существо воли не въ хотѣніи, похоти, а въ *усиліи.* Спиноза очень хорошо зналъ „хотѣнія“ (appetitus) и изслѣдовалъ ихъ; однако для *воли* въ его міровоззрѣніи нѣтъ ни малѣйшаго мѣстечка. И Шопенгауэръ, замѣняя волю, какъ внутренній опытъ,—безсознательною, а непосредственно вѣдомую себѣ дѣятельность усилія,—хотѣніемъ, пришелъ и къ детерминизму, и къ отрицанію

идеи долга (die beiden Grundprobleme der Ethik.),—то-есть пришелъ къ *отрицанію воли*. Его примѣръ—поучительнѣйшее предостереженіе противъ соблазна — видѣть во внутреннемъ опытѣ одно *средство знанія* объ истинно-сущемъ, а не самое это *истинно-сущее*, не самаго субъекта.

Въ этомъ признаніи знающаго себя, какъ дѣятельность (волю) субъективнаго бытія за единственное несомнѣнное истинно-сущее, за *монаду* — основаніе для всякой спиритуалистической (единственной, какъ мы думаемъ, точной и достовѣрной) метафизики Основаніе это тѣмъ прочнѣе и достаточнѣе, что въ самомъ содержаніи субъективной жизни, внутренняго опыта, какъ оно выяснилось намъ, лежитъ неустранимое свидѣтельство о реальности лежащей *внѣ* повидимому непреходимыхъ границъ вѣдомой себѣ субъективности, монады. Существеннѣйшее въ этомъ содержаніи, какъ мы видѣли, *дѣятельная воля*, совпадающая съ самимъ *я* монады. Но дѣятельная воля, производящая, творческая—по самому понятію своему не покрывается, не исчерпывается ни однимъ опытнымъ проявленіемъ, актомъ своимъ, ни какимъ угодно рядомъ ихъ: она всегда бо̀льше своего опытнаго проявленія, за его предѣлы выходитъ, *трансцендентна*. А внутренній опытъ, составляющій *всю* мою субъективную жизнь, знаетъ эту трансцендентную, творческую волю только въ предѣлахъ *своего опыта*. И начало ея и конецъ внѣ ихъ. Онъ знаетъ, поэтому свое собственное существо, свою субъективность, какъ только *моментъ* въ жизни выходящей за ея предѣлы, трансцендентной Творческой Воли. Зная несомнѣнную реальность своего *я*, какъ творческой воли, онъ знаетъ и то, что эта *его* реальность есть лишь конечный, ограниченный, условный моментъ, *актъ* (нельзя говорить о „частяхъ“ воли: возможны ея частичные акты, но не части) *Творческой трансендентной, безусловной Воли*.

Вся моя реальность и вся реальность моего внѣшняго міра—въ *моей* внутренней жизни, въ *моемъ* знаніи о себѣ. Но именно это замкнутое въ себѣ знаніе „неимѣющей оконъ“ душевной монады моей и говоритъ мнѣ, что *я—не все*, что я не безотрадно, безпомощно и безплодно одинокъ въ бытіи, но участникъ широчайшей, безконечно могучей и высшей жизни, созданіе высшей Воли. Оно именно и говоритъ мнѣ, словами М. А. Хитрово:

Богъ внѣ меня, превыше міра,
Въ немъ смыслъ и цѣли бытія;
Не сотворю-жь себѣ кумира
Въ соблазнѣ собственнаго я.

П. Е. Астафьевъ.

РОЗА ЦЕТИНЬИ.

Романъ Е. Вальдъ-Зедвица.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

XIV.

„Браво, браво, браво, брависсимо!“ раздавалось въ циркѣ Референцини въ Майландѣ; цвѣты и конфекты сыпались на удалявшуюся наѣздницу, синьору Феги. Дама граціозно раскланивалась, посылая зрителямъ воздушные поцѣлуи и выразительные взгляды, и дѣлала это такъ ловко, что бо́льшую часть всѣхъ этихъ выраженій благодарности получили офицеры гарнизона и мѣстные львы, сидѣвшіе въ ложахъ. Одинъ изъ этихъ господъ уловилъ ея особенно жгучій взглядъ; это было удивительно, такъ какъ онъ не носилъ блестящаго военнаго мундира, а былъ задрапированъ въ черный бархатный плащъ, изобличавшій въ немъ художника.

Это былъ Іоганнъ фонъ-Шарренштейнъ, рѣзко отличавшійся отъ своихъ блестящихъ сосѣдей: блѣдное лицо и бѣлокурые волосы указывали на его нѣмецкое происхожденіе, тогда какъ черные волосы и смуглый цвѣтъ лица остальныхъ ясно изобличали чистокровныхъ Итальянцевъ.

Шарренштейнъ казался въ полномъ восторгѣ, хлопалъ громче всѣхъ и перекрикивалъ всѣхъ своимъ „браво, брависсимо!“ тогда какъ другіе дѣлали все это довольно спокойно.

„Божественная женщина!“ наконецъ воскликнулъ Іоганнъ,—но

въ то время, когда губы повторяли эти восторженныя слова. лицо оставалось спокойнымъ и холоднымъ, какъ-будто онъ не сознавалъ, что говоритъ. Наконецъ онъ вскочилъ и, при смѣхѣ знакомыхъ и сосѣдей, покинулъ ложу.

„Чортъ возьми! Я, кажется, готовъ влюбиться до сумасшествія въ эту особу!“

Торопливо рылся онъ въ корзинѣ продавщицы цвѣтовъ, выбирая букетъ; но долго ничего не находя, онъ бросилъ ей золотую монету, а самъ, вырвавъ корзину, побѣжалъ, какъ ему показалось, по направленію къ конюшнѣ. Но двери онъ перепуталъ и очутился какъ разъ противъ ложи, занимаемой пріятелями; не обращая ни малѣйшаго вниманія на переполненныя зрителями мѣста, онъ черезъ весь циркъ по глубокому песку направился ко входу въ конюшню.

Раздавшійся смѣхъ зрителей и оглушительное „браво“ напомнили ему, гдѣ онъ находился; но все еще не могъ онъ додуматься до причины общаго веселья; случайно взглянувъ въ корзину, онъ увидѣлъ, что она была почти пуста.

Три клоуна потихоньку слѣдовали за нимъ, таскали букеты и заставляли танцовать ихъ на носу, головѣ, спинѣ и носкахъ сапогъ. Шарренштейнъ пришелъ въ ярость: бросивъ корзину имъ въ голову, онъ хотѣлъ уже покинуть циркъ, какъ вдругъ увидалъ синьору Феги; она передала лошадь и, занявъ мѣсто въ ложѣ, ласково обратилась къ художнику; минуту спустя онъ уже сидѣлъ рядомъ. Шуты не угомонились; они кривлялись, танцовали, кланялись синьорѣ и почтительно подносили похищенные цвѣты; снова раздавшееся „браво“ было отвѣтомъ. Первыя минуты Шарренштейнъ покраснѣлъ отъ злобы, но затѣмъ успокоился и даже радовался всему случившемуся.

„Хотя бы одинъ какой-нибудь газетный писака подробно описалъ всю эту исторію“, подумалъ Шарренштейнъ: „листокъ газеты можетъ попасться и ей на глаза, и она узнаетъ, что на свѣтѣ есть много красивыхъ женщинъ для утѣшенія“,—и изъ всѣхъ силъ старался быть любезнымъ съ наѣздницей.

Синьора Феги принимала всѣ любезности слишкомъ охотно и зашла даже такъ далеко, что предложила живописцу позировать для большой картины; сегодня послѣ представленія въ кафе Риволи должны были обсуждаться подробности.

На слѣдующее утро Іоганнъ проснулся съ совсѣмъ пустою головой. Точно въ туманѣ представлялся ему весь вчерашній день;

онъ даже смутно понималъ все происшедшее вчера, и только ясно представлялось ему одно: сегодня явится примадонна цирка, чтобы позировать для картины.

Гнѣвъ овладѣлъ имъ; портретъ Габріэллы долженъ быть послѣднимъ его произведеніемъ; онъ торопливо началъ укладываться и черезъ нѣсколько дней былъ уже въ Падуѣ.

Какъ сумасшедшій скакалъ онъ, не взирая на препятствія. Лошадь его упала, но поврежденія, полученныя имъ при этомъ паденіи, не были настолько серьезны, чтобъ удержать его на долго дома; онъ покинулъ и этотъ городъ, предпринявъ путешествіе пѣшкомъ въ Тирольскія Альпы.

„Какъ вѣчный жидъ брожу я съ мѣста на мѣсто и куда бы ни пришелъ—ея образъ всюду преслѣдуетъ меня.“

Рѣка шумѣла у его ногъ; ледяныя вершины горъ какъ бы стремились въ вышину; откуда-то донесся звонъ колокола. Тишина наполняла его мятежную душу; онъ опустился на скалу и мечтательно слѣдилъ за извилинами дорожки, спускавшейся въ долину.

Въ ближайшемъ монастырѣ звонили къ обѣднѣ, и по тропинкѣ поднимался монахъ, задыхаясь подъ тяжестью щедрыхъ даяній окрестныхъ деревень.

Шарренштейна озарила мысль: „въ монастырь! тамъ покой, тамъ миръ!“ Онъ чувствовалъ подъемъ духа; увлеченіе стараго романтика сказалось въ немъ, и онъ пошелъ навстрѣчу монаху.

Быстро сообщилъ онъ ему свое намѣреніе; грустное выраженіе появилось на лицѣ старика, понявшаго ясно, что причина этого удивительнаго намѣренія—сердечныя неудачи; но отговаривать онъ не рѣшился, зная, что этимъ возбудитъ только упорство.

— Хорошо, мой молодой другъ; слѣдуйте за мной, оглядитесь и, если вамъ понравится, вы можете переговорить съ настоятелемъ.

Скоро достигли они монастыря; дверь отворилась,—и холодомъ, и сыростью пахнуло въ лицо Шарренштейна; сердце его сжалось, кашмаръ сдавилъ ему грудь,—и на слѣдующее утро онъ дружески пожималъ руку монаха при прощаніи. О его водвореніи въ монастырѣ или возвращеніи не было и рѣчи. Съ радостью привѣтствовалъ онъ ярко свѣтившее ему при выходѣ изъ монастыря солнце и чувствовалъ себя очень мирно и спокойно при дальнѣйшемъ путешествіи.

Онъ почти не сознавалъ, куда идетъ; ему казалось, что свѣтлый образъ дѣвушки указываетъ ему путь, и онъ, не сопротивляясь, слѣдовалъ за нимъ черезъ горы и равнины верхней Италіи; не прошло немного времени, и онъ снова стучалъ въ дверь своей хижины, окруженной виноградниками близъ St.-Pietro, и только когда онъ увидѣлъ большой портретъ Габріэллы, онъ почувствовалъ, что миръ и спокойствіе снизошли въ его душу.

* * *

Дорога и волненіе утомили княгиню; Габріэлла тоже устала, а Гиги ничего такъ не желалъ, какъ остаться одинъ; поэтому всѣ скоро распрощались, и веттурино проводилъ дамъ въ самый большой трактиръ Цетиньи, носившій громкое названіе „гостиницы".

Было совсѣмъ темно, но на улицахъ было необыкновенное оживленіе, вызванное похищеніемъ невѣсты. Въ гостиницѣ было еще шумнѣе; многіе обыватели, не приглашенные къ Старовочевичамъ на пиръ, сидѣли здѣсь за бутылкой вина, съ пѣснями и громкими разговорами. Теперь нельзя было разсчитывать на тотъ относительный покой, который могли имѣть здѣсь даже въ обыкновенные дни двѣ такія избалованныя дамы. Княгиня отшатнулась въ ужасѣ, когда увидала въ комнатѣ среди табачнаго дыма совсѣмъ дикія лица.

Дѣлать было нечего, она должна была пройти всю комнату вслѣдъ за хозяиномъ.

Единственная комната была свободна. Княгиня должна была помѣститься въ ней вмѣстѣ съ Габріэллой и двумя горничными, а Фрагіолетто нашелъ себѣ пристанище на чердакѣ; ему это было непривычно, и онъ съ грустью думалъ о своей мягкой постели во дворцѣ княгини. Генріэтта имѣла видъ мученицы: камеристка покрыла ей постель привезеннымъ бѣльемъ, и все-таки старая княгиня не могла принудить себя раздѣться. Одѣтая улеглась она и все думала о томъ, что долженъ былъ чувствовать Гиги, ея избалованный Гиги, въ этой дикой обстановкѣ: рѣшеніе ея было твердо: какъ можно скорѣе увезти его отсюда. Она спросила мнѣніе Габріэллы на этотъ счетъ и получила утвердительный отвѣтъ. Рѣшено было, какъ только позволитъ состояніе его здоровья, покинуть Цетинье.

* * *

Сердце стучало у Михаила; наконецъ задушевное его желаніе исполнилось—Аѳина принадлежала ему. Похищеніе невѣсты было какъ бы оффиціальною помолвкой, черезъ недѣлю должно было состояться, по старому обычаю, благословеніе молодыхъ священникомъ. Впереди всѣхъ несся онъ съ своею драгоцѣнною ношей по улицѣ Цетиньи къ дому своего отца.

Животное, чувствуя мощные шенкеля и шпоры въ бокахъ, неслось стрѣлой и быстро опередило остальныхъ; близость молодой дѣвушки опьяняла Михаила.

— Аѳина, какъ я тебя люблю, моя жизнь! ничего для тебя не пожалѣю; ты моя звѣзда, солнце, ты роза Цетиньи!

Аѳина безъ движенія лежала на его рукахъ; слова, звучавшія прежде для нея небесною музыкой, казались теперь адскимъ шепотомъ. Объятія, заставлявшія ее дрожать отъ счастья, пробуждали въ ней теперь ужасъ. Кровь, невинная кровь была на нихъ, и ей казалось, что самъ сатана сжимаетъ ее въ объятіяхъ.

Сильно прижалъ онъ ее къ себѣ и хотѣлъ сорвать покрывало съ головы,—но это не удалось; Аѳина крѣпко держала покрывало,—только не теперь, не въ эту минуту видѣть эти злые, ненавистные глаза.

Михаилъ дернулъ еще разъ платокъ и, съ сердцемъ сорвавъ его, откачнулся: дѣвушка походила на мертвеца, вѣки были сомкнуты, губы сжаты, и въ лицѣ ни кровинки.

— Аѳина, гдѣ же тѣ упоительные взгляды, которыми ты меня когда-то встрѣчала? Аѳина, моя дѣвочка...

Онъ остановился и умолкъ въ бѣшенствѣ. Она предчувствовала нѣчто ужасное; внезапный страхъ охватилъ ее: она знала впередъ, что̀ онъ скажетъ. Но не за собственную жизнь дрожала она; съ удовольствіемъ пожертвовала бы она ею; нѣтъ она знала, что жизнь Гиги виситъ на волоскѣ.

Она должна была спасти его, во что бы то ни стало. Открывъ глаза, она обняла Михаила и приникла щекой къ его лицу.

— Я слишкомъ счастлива, слишкомъ взволнована, потому и имѣю видъ холодной и молчаливой.

И опьяненный Михаилъ вновь повѣрилъ ей и объяснялъ себѣ ея страхъ и трепетъ дѣвическою робостью.

Поѣзжане догнали ихъ; раздались выстрѣлы, крики живіо, ура, и пламя факеловъ смѣнило матовый свѣтъ луны; Аѳина надвинула покрывало на лицо.

О, еслибъ это брачное покрывало могло сдѣлаться для нея саваномъ!

Домъ, освѣщенный разноцвѣтными фонарями, имѣлъ торжественный видъ; разодѣтыя по праздничному женщины стояли у дверей въ ожиданіи подруги, а ворота осаждены были толпой любопытныхъ, желавшихъ посмотрѣть на невѣсту. Наконецъ они подъѣхали, и Михаилъ бросилъ въ толпу нѣсколько золотыхъ: Аѳина дрожащею рукой щедро разсыпала дары. Столъ былъ накрытъ, ожидавшій священникъ началъ богослуженіе и благословилъ нареченныхъ; онъ внушалъ невѣстѣ послушаніе, какъ первое достоинство женщины; руки Аѳины сжимались въ кулаки; она хорошо знала, въ чемъ состоитъ послушаніе. Такъ стояла она рядомъ съ Михаиломъ, и, казалось, роза Цетиньи завяла, а на ея мѣстѣ расцвѣла лилія...

Начался пиръ. Зорка, жена хозяина, и его дочери прислуживали мужчинамъ, какъ покорныя рабыни. Сегодня Аѳина была единственная женщина, сидѣвшая за столомъ; ей представлялось, какъ позднѣе будетъ и она вмѣстѣ съ другими угощать мужчинъ яствами и виномъ.

Ей невольно пришли на память разсказы Гиги, какимъ почетомъ пользуются женщины на Западѣ, съ какою любовью стараются угодить имъ, чтобъ взамѣнъ освѣжиться и успокоиться въ ихъ обществѣ. Въ первую минуту она думала вскочить и убѣжать, но потомъ осталась такъ, какъ сидѣла, съ твердою рѣшимостью умереть скорѣе, чѣмъ сдѣлаться женой Черногорца.

Вино оказывало свое дѣйствіе; все шумнѣе и необузданнѣе дѣлалась бесѣда, не взирая на присутствіе женщинъ. Наконецъ наступила полночь—время возвращенія невѣсты въ домъ отца. Подвели лошадей, и еще шумнѣе, чѣмъ прежде, направился поѣздъ къ дому воеводы.

По обычаю, Аѳина должна была отправиться въ свою комнату, что̀ она, конечно, сдѣлала съ большимъ удовольствіемъ, предоставивъ мужчинамъ проводить время въ свое удовольствіе. Наверху ее ожидала Наталья; съ той минуты, какъ Аѳина столкнула ее со скамейки, злоба росла въ ней, пока не разразилась наконецъ цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ противъ своей любимицы.

Аѳина указала на дверь, но старуха не поняла; тогда Аѳина подошла, молча обняла ее одною рукой, а другой взяла за талію и шутя вытолкнула кричавшую женщину за дверь.

Только когда защелкнулась дверная задвижка, почувствовала себя Аѳина свободною, разразилась рыданіями, облегчившими ея бѣдное, измученное сердце, и не раздѣваясь бросилась на кровать, гдѣ наконецъ крѣпко заснула.

Едва забрезжило утро, какъ въ комнатѣ княгини появился Цисселакъ. Пришелъ онъ не по собственному побужденію; Гиги послалъ его сообщить матери, что онъ во всякомъ случаѣ выѣзжаетъ сегодня утромъ въ Каттаро.

Онъ такъ измучился, что не хотѣлъ подвергать себя пыткѣ новаго свиданія съ Аѳиной, однимъ ударомъ хотѣлъ порвать все связывавшее его и какъ можно скорѣе придти къ безповоротному окончанію. Подчиняясь желанію матери, онъ хотѣлъ отпраздновать свою грустную свадьбу въ пустынной гавани, только бы не видѣть *ее*, дать сердцу отдыхъ и дѣйствовать далѣе благоразумно.

Княгиня была очень рада. Карета, лошади, на которыхъ она пріѣхала вчера изъ Каттаро, еще не уѣхали и теперь могли служить для обратнаго путешествія.

Цисселакъ спѣшилъ укладывать вещи, а Гиги сообщилъ воеводѣ о своемъ отъѣздѣ. Скоро пріѣхала княгиня и робко предложила домовладыкѣ царскій подарокъ, отъ котораго тотъ высокомѣрно отказался; Наталья была податливѣе и быстро спрятала данныя ей золотыя. Гиги все время искалъ глазами Аѳину; княгиня замѣтила это и спросила:

— А гдѣ же милая дѣвушка, которая такъ ухаживала за тобой во время болѣзни?

Наталья повернулась, чтобы позвать, но Гиги остановилъ ее, сказавъ:

— Оставьте ее, она устала! Передайте ей, Наталья, мой поклонъ и искреннюю благодарность.

Отчаяніе овладѣло имъ, и онъ замолчалъ, боясь выдать себя слезами.

Съ громкимъ крикомъ отскочила княгиня отъ окна, въ которое однимъ прыжкомъ вскочилъ громадный волкъ.

— Оставьте его, мама, сказалъ Гиги, гладя животное, — онъ васъ не тронетъ, это мой вѣрнѣйшій товарищъ во время болѣзни.

Животное, какъ бы предчувствуя разлуку, подскочило къ князю и начало лизать ему щеки. Гиги взялъ обѣими руками его острую, умную голову и, нѣжно гладя, прошепталъ едва слышно:

— Иди къ Аѳинѣ и кланяйся ей. Волкъ, какъ бы понимая,

ринулся въ дверь и быстро застучалъ когтями по лѣстницѣ въ ея комнату. Началось прощаніе; Гиги протянулъ Натальѣ руку, которую та поцѣловала. Воевода сильно хлопнулъ по рукѣ и проговорилъ дрожавшимъ голосомъ:

— Кланяйтесь моему Іесто и передайте ему родительское прощеніе и благословеніе; онъ не вернется, я знаю, и хорошо сдѣлаетъ. Онъ отсутствовалъ слишкомъ долго, такъ что теперь не подходитъ къ намъ, дѣтямъ суровыхъ горъ.

Отцовское сердце не выдержало, и голосъ задрожалъ при послѣднихъ словахъ. Гиги растроганный обнялъ его и вышелъ садиться въ экипажъ, гдѣ давно уже ожидала его княгиня.

Больной тѣломъ вступилъ онъ въ этотъ домъ, а покидалъ его съ больною душей. Ему казалось, что двери рая замкнулись за нимъ. Наталья все время вертѣлась около, но Цисселакъ мѣшалъ ей говорить.

Габріэлла сидѣла верхомъ на лошади; вдругъ вспомнила она про письмо, которое должна была тайно передать Аѳинѣ. Въ минуту соскочила она съ лошади и спросила старуху:

— Гдѣ Аѳина?

Наталья медлила отвѣтомъ и наконецъ сказала:

— Она спитъ, синьора; она утомлена.

— Я должна говорить съ ней; какъ могу я уѣхать, не высказавъ благодарности за ея заботы о моемъ женихѣ?

И не успѣла Наталья помѣшать, какъ она исчезла въ домѣ и, по указанію самого воеводы, достигла комнаты Аѳины. Постучавъ въ дверь и не получая отвѣта, она распахнула ее и, очутившись въ комнатѣ, остановилась въ изумленіи.

У окна на колѣняхъ стояла Аѳина, опершись подбородкомъ на подоконникъ; схватившись блѣдными пальцами за волосы, она рыдала, обливаясь слезами, и не спускала глазъ съ экипажа, въ которомъ сидѣлъ Гиги. Шаговъ Габріэллы она не слыхала и страшно испугалась, почувствовавъ на плечѣ чью-то руку.

— Ты плачешь? сурово спросила Габріэлла.

— Да, плачу,—былъ едва слышный отвѣтъ.

Ревность закипѣла въ сердцѣ Габріэллы; она не любила Гиги, но онъ составлялъ ея собственность. Гордость заговорила въ ней: какъ смѣла оплакивать эта простая дѣвушка отъѣздъ человѣка, принадлежавшаго ей, Габріэллѣ, графинѣ St. Angelo!? Она горько засмѣялась; онъ измѣнилъ ей! Лицо, покраснѣвшее отъ злобы, напоминало теперь голову Медузы, и она не старалась

вспомнить, сколько разъ сама мысленно измѣняла своему жениху. Она могла грѣшить, но противъ нея никто.

— Ты оплакиваешь его, я это знаю! Не лги! Я знаю навѣрно.

Письмо Іесто полетѣло въ лицо... Выскочивъ въ дверь, она была настигнута волкомъ, схватившимъ ее за платье. Аѳина позвала его и увидѣла въ его дымящейся пасти лоскутья одежды. Графиня снова сидѣла на лошади, Аѳина же стояла передъ образомъ Богоматери; карета двинулась. Тревожно всматривался Гиги въ окно, но оно было пусто. Наталья стремительно бросилась къ экипажу и несмотря на грязь, летѣвшую изъ-подъ колесъ, вскочила и проговорила крикливымъ голосомъ:

— Она васъ очень любитъ, князь!

Это было послѣднее, что̀ слышалъ Гиги въ Цетиньи.

* * *

Іесто былъ какъ въ туманѣ. Свиданіе съ Габріэллой такъ перевернуло его, что онъ не могъ думать въ эти минуты о будущемъ. Онъ чувствовалъ, что не уѣдетъ изъ Каттаро въ Тріестъ, пока она будетъ въ Цетиньи; можетъ-быть, онъ успокоится, когда она будетъ далеко.

Оставаться въ Каттаро было невозможно; частыя столкновенія съ земляками и, можетъ-быть, даже съ отцомъ были бы неизбѣжны; онъ долженъ избѣгать возможности становиться имъ на пути. Аѳина вѣроятно получила уже его письмо; можетъ-быть, подъ предлогомъ сдѣлать покупки, она пріѣдетъ къ нему, — и тогда, съ первымъ отходящимъ пароходомъ, они могутъ бѣжать. Судьба Аѳины не безпокоила его: такая умная, ловкая и трудолюбивая дѣвушка никогда не пропадетъ.

Сейчасъ онъ жилъ въ гостиницѣ Al-Sacciatore и придумывалъ, гдѣ провести вечеръ, не встрѣтивъ обитателей Цетиньи, что̀ было довольно трудно.

Онъ началъ раздумывать, не замѣнить ли ему свое національное платье общеевропейскимъ, но, при одной мысли объ этомъ, ему стало больно.

Пребываніе въ гостиницѣ представляло мало привлекательнаго: комнаты были мрачны и душны, а стѣны точно давили его.

Его потянуло на воздухъ, онъ пошелъ мимо церкви святаго Трифона, черезъ портъ Марино, гдѣ впервые надѣлъ оружіе, и не успѣлъ оглянуться, какъ уже шелъ по извилистой улицѣ, ведущей на его родину. Съ грустью смотрѣлъ онъ на черныя горы, которыя, казалось, говорили ему строго и печально:

— Ты для насъ чужой,—и стоголосное эхо какъ бы повторяло:—Чужой! чужой!

А внизу, въ полной красѣ вечерняго заката, блестѣла Адріатика и своимъ видомъ вселяла столько надеждъ на будущее. Вздувавшіеся паруса, казалось, говорили:—„Слѣдуй за нами!“ Гдѣ-то выстрѣлъ, и снова повторяло эхо: „слѣдуй за нами—слѣдуй“.

Іесто присѣлъ на пограничный камень и отдался весь своимъ мыслямъ. Изъ города доносился звонъ, призывавшій къ вечерней молитвѣ; дѣтски отрадное чувство наполнило его,—онъ сложилъ руки, какъ въ дѣтствѣ учила его мать, и сталъ горячо молиться...

Успокоившись, онъ всталъ и направился къ городу; тутъ вспомнилъ онъ, что карета, отвозившая вчера княгиню въ Цетинье, должна скоро возвратиться. Ему казалось, что Аѳина сообщитъ ему что-нибудь черезъ веттурино, и невольно направился онъ по извилистой улицѣ имъ навстрѣчу. Безпокойство овладѣло имъ; торопливо шелъ онъ впередъ, пока не остановился, обливаясь потомъ, заслышавъ стукъ колесъ. Въ Черногоріи рѣдко ѣздятъ ночью; всѣ стараются прибыть въ Каттаро рано утромъ.

Напряженно прислушивался онъ; стукъ приближался — несомнѣнно это была возвращавшаяся карета княгини.

Безмолвный отъ удивленія остановился онъ при видѣ сидѣвшаго въ каретѣ князя.—Подчиняясь первому влеченію, онъ подбѣжалъ къ Габріэллѣ, холодно поклонившейся ему и указавшей на княгиню, какъ будто желая показать ему, какъ невѣжливо не откланяться прежде ея теткѣ. Іесто горѣлъ нетерпѣніемъ узнать что-нибудь о сестрѣ и спросилъ Габріэллу, не привезла ли она ему отвѣтъ на письмо.

— Нѣтъ, синьоръ Пресаевичъ, злобно усмѣхнулась она, — ваша сестра была слишкомъ взволнована отъѣздомъ своего протеже, а вы, конечно, знаете, что въ подобныя минуты ни одна дѣвушка не вспоминаетъ о письмѣ брата!

Она смотрѣла въ даль; сдерживаемый гнѣвъ проглядывалъ во всѣхъ чертахъ ея лица. Іесто переводилъ смущенный взглядъ съ княгини на Габріэллу. Гиги вспыхнулъ и почти съ ненавистью посмотрѣлъ на свою невѣсту, которая между тѣмъ приготовилась къ борьбѣ.

— Я никогда не предполагала такой чувствительности въ дѣвушкѣ Черногоріи, увѣряю васъ, синьоръ Пресаевичъ! Я за-

стала ее всю въ слезахъ, по случаю отъѣзда ея протеже, за которымъ она ухаживала съ такимъ самоотверженіемъ. Ха, ха, — Гиги, радуйся, что ты уѣхалъ изъ Цетиньи: иначе вниманіе этой дѣвушки познакомило бы тебя съ оружіемъ ея жениха! Подумайте только, синьоръ Пресаевичъ,—вчера только помолвленная съ однимъ, сегодня такъ горько оплакиваетъ отъѣздъ красиваго офицера... Кому изъ Черногорцевъ это понравилось бы?

Гиги покраснѣлъ отъ злобы.

— Не издѣвайся, Габріэлла; пожалѣй бѣдную дѣвушку; она и безъ того несчастна!

Глаза графини болѣзненно засвѣтились Раздраженная вниманіемъ, которое Гиги оказывалъ Аѳинѣ, она видѣла въ этомъ равнодушіе къ своей особѣ, чего она не переносила, особенно теперь, въ присутствіи Іесто, подозрѣвавшаго, можетъ-быть, чувство, которое она сама къ нему питала. Все это вмѣстѣ доводило ее до изступленія.

Она чувствовала, что теряетъ уваженіе Іесто и Гиги, а это было слишкомъ много для ея тщеславія.

— Увѣренъ ли ты въ этомъ, милый Гиги? тревожно спросила она.

— Я знаю навѣрно, что она не любитъ жениха и долго сопротивлялась, прежде чѣмъ согласиться на помолвку, отвѣтилъ онъ.

— Бѣдная моя, бѣдная Аѳина! воскликнулъ Іесто, понявшій, что заставило ее рѣшиться на обрученіе съ Михаиломъ.

Габріэлла закусила губу; гордость была преобладавшимъ въ ней чувствомъ; она позволила бы растерзать себя, только-бъ не показать Іесто, что она несчастна; она докажетъ ему, и онъ повѣритъ, что она самая счастливая невѣста въ мірѣ.

Поэтому она взяла руку Гиги, нѣжно погладила ее, затѣмъ нагнулась къ его уху и прошептала, но такъ, что Іесто все долженъ былъ слышать:

— Прости меня, Гиги; я была немножко ревнива, но вѣдь ты не истолкуешь это въ дурную сторону? Какая невѣста спокойно допуститъ ухаживать за женихомъ такую красивую дѣвушку, которая такъ волнуется къ тому же его отъѣздомъ – не правда ли, ты понимаешь меня, Гиги?

Князь молча наклонилъ голову въ знакъ согласія и не замѣтилъ, какъ Габріэлла поднесла его руку къ своимъ пылавшимъ губамъ.

Іесто, никогда не видавшій ихъ вмѣстѣ и слышавшій до послѣдняго слова все сказанное Габріэллой, былъ какъ въ лихорадкѣ; совершенно несчастный пристально смотрѣлъ онъ на нихъ издалека. А княгиня крѣпко спала.

Спустя нѣсколько часовъ сидѣли Іесто и Гиги въ гостиницѣ одинъ противъ другаго и оба молчали.

Гиги первый нарушилъ наконецъ молчаніе, спросивъ Іесто, что онъ думаетъ предпринять? Не любопытство заставило его сдѣлать этотъ вопросъ; — нѣтъ: какъ другъ Іесто, какъ гость его роднаго дома, гдѣ онъ встрѣтилъ такой радушный пріемъ, онъ чувствовалъ себя обязаннымъ сдѣлать это. Кромѣ того Іесто братъ Аѳины, и будь онъ ему смертельнымъ врагомъ, онъ и тогда позаботился бы о его дальнѣйшей судьбѣ.

Іесто Пресаевичъ почти испугался вопроса; подумавъ, онъ отвѣтилъ:

— Возвратиться въ Цетинье я не могу и не хочу; буду искать себѣ занятія въ Вѣнѣ: большаго я не ищу, такъ какъ очень ограниченъ въ своихъ требованіяхъ отъ жизни; но понимаю, что и это не легко. Признаюсь, я очень разсчитывалъ на твою помощь.

— Я уже переговорилъ съ матушкой, отвѣтилъ Гиги. — Теперь ты ѣдешь съ нами въ Тріестъ; затѣмъ мы предпринимаемъ поѣздку по всѣмъ имѣніямъ, чтобъ обревизовать ихъ, такъ какъ я думаю самъ управлять ими, какъ только оставлю военную службу. Дѣятельный помощникъ для этого мнѣ необходимъ; видишь, такимъ образомъ устраняется вопросъ самый серьезный. Къ нашимъ владѣніямъ присоединится и С. Піетро послѣ моей свадьбы, такъ что образуются обширныя помѣстья, требующія надзора.

При послѣднихъ словахъ лицо Гиги не выражало удовольствія; сколько теплоты и участія слышалось въ его словахъ, пока онъ говорилъ о будущности Іесто, столько дѣловитости звучало въ его голосѣ, когда онъ заговорилъ о женитьбѣ.

Въ Іесто началась борьба чувствъ; предложеніе было такъ хорошо, что о лучшемъ нельзя было и мечтать, но оно обѣщало ему мученіе Тантала: постоянно думать о Габріэллѣ и, что еще хуже, часто видѣть ее было бы неизбѣжно; на это онъ не могъ согласиться и въ душѣ рѣшилъ отказаться отъ предложенія; онъ только подыскивалъ выраженія помягче, чтобъ это сдѣлать.

— Я не тороплю тебя отвѣтомъ, сказалъ князь,—такой серьез-

ный шагъ слѣдуетъ хорошенько обсудить, и у насъ много времени впереди.

Онъ глубоко вздохнулъ; такъ понималъ онъ грустное положеніе друга.

— Ты многое испыталъ за послѣдніе дни, Іесто, продолжалъ онъ,—едва возвратился на родину, и снова долженъ покинуть ее

Пресаевичъ сжалъ его руку.

— Но я привезъ тебѣ утѣшеніе: привѣтъ твоего отца и его прощеніе.

— О, какъ я радъ! воскликнулъ Іесто.—Отецъ любитъ меня, я это знаю, но любитъ на свой ладъ. Для нашего покоя необходимо намъ жить вдали одинъ отъ другаго. Я бы совсѣмъ спокойно покинулъ родину, еслибы не безпокоился о судьбѣ сестры Аѳины.

Гиги вспыхнулъ при этомъ имени и, повернувшись къ стѣнѣ, проговорилъ:

— Пора спать, я утомился; пароходъ уходитъ завтра очень рано, а тебѣ еще нужно собрать вещи.

Глубоко вздохнулъ Іесто; Гиги съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ты ѣдешь съ нами, не правда ли? и, не получая отвѣта, онъ продолжалъ,—ты не откажешь мнѣ въ этой дружеской услугѣ. Мои дамы и Флагіолетто подвержены морской болѣзни, и какъ я, такъ и моя мать чувствовали бы себя покойно, еслибы ты былъ съ нами.

Буря поднялась въ Іесто, но онъ побѣдилъ себя и, протягивая руку, отвѣтилъ Гиги.—„Я ѣду съ вами". Чувствуя необходимость быть одному, онъ покинулъ комнату. Цисселакъ явился на свое ночное дежурство, но немного времени спустя онъ почувствовалъ туфлю своего барина на головѣ, потому что храпѣлъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ. Гиги прогналъ его; но скоро найденъ былъ благоухающій чердакъ, на которомъ Богемецъ, не обладавшій такими чувствительными нервами и шкурой, какъ Флагіолетто, спокойно заснулъ.

* * *

Все это время Окружный судъ пытался открыть преступника, и труды не были совсѣмъ безуспѣшны, хотя ничего не вышло удовлетворительнаго. Боснійцы сваливали на Черногорцевъ, а эти обвиняли Боснійцевъ. Прибѣгли къ хитрости, чтобъ открыть

преступника: тысяча гульденовъ была обѣщана за голову злодѣя. Въ то же время узнавали, кто покупалъ взрывчатыя вещества— Черногорцы или обитатели Каттаро, но и здѣсь результаты слѣдствія были неудовлетворительны.

Долго, послѣ отъѣзда князя, стояла Аѳина передъ образомъ Богоматери, моля безъ словъ, и Царица Небесная понимала ея молитву. Наконецъ она успокоилась, встала и вскрыла письмо брата: она должна была слѣдовать за нимъ туда, въ далекія страны; тамъ онъ уже будетъ заботиться о ней.

— Бѣги отъ недостойнаго ига, которое тебѣ грозитъ, только гдѣ сердце находитъ путь къ другому сердцу, можетъ быть полное счастье. Бѣги Михаила и довѣрься своему брату Іесто.

Она пристально смотрѣла въ письмо; буквы прыгали у нея передъ глазами; предусмотрительно спрятала она его на груди.

— Только когда сердце откроетъ путь къ другому сердцу, беззвучно произнесла она и съ отчаяніемъ устремила взоръ на небо; этотъ путь былъ ей недоступенъ. Угрожающій образъ Габріэллы стоялъ между ними. Наталья пришла взглянуть на свою любимицу и отшатнулась при видѣ ея. Темные круги подъ глазами, непривѣтливо блиставшими въ своихъ глубокихъ впадинахъ, смертная блѣдность лица и холодныя безкровныя руки испугали старуху.

— Оставь, не смѣй до меня дотрогиваться! закричала Аѳина.

Наталья была ей ненавистна; все время она подливала сладкій ядъ, который теперь стучалъ въ ея жилахъ и грозилъ разорвать ея бѣдное сердце.

— Уходи, вѣдьма! уходи!

Она выхватила карты, торчавшія изъ кармана Натальи и бросила ихъ ей въ лицо; Сербка не остановила ее и только искоса смотрѣла.

— Тысяча гульденовъ обѣщана за голову Михаила; я не хочу ихъ получать; но могу освободить тебя отъ него... Сдѣлать это, Аѳина? Сама знаешь, Аѳина, человѣкъ съ отрубленною головой не можетъ жениться.

Дѣвушка вздрогнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ могу я довести до казни человѣка, котораго я люблю! Я его цѣловала... Да къ тому же развѣ это поможетъ мнѣ? съ глубокою грустью добавила она.

Наталья закрыла лицо своими мозолистыми руками: слова ея питомицы потрясали ее; она вспомнила; давно, давно прошедшія

времена и событія встали, какъ живыя, предъ ея глазами. Опустивъ голову, она, казалось, забыла все окружающее.

— Да, да, я знаю! если сердце женщины горѣло любовью къ кому-нибудь, то вся ненависть, которая потомъ явится, не въ состояніи загасить искорку, тлѣющую въ сердцѣ, проговорила она точно во снѣ.

Воцарилось глубокое молчаніе; старуха замѣтила письмо Іесто.

— Отъ Іесто? спросила она.

Аѳина утвердительно кивнула.

— Что̀ пишетъ онъ?

— Чтобъ я ѣхала къ нему.

— Такъ, такъ, ты ѣдешь, Аѳина.

Аѳина покачала головой.

— Нѣтъ, я остаюсь.

— Дѣвочка моя, дѣвочка, я знаю, что̀ тебя смущаетъ. Ты надѣешься, что страстныя объятія Михаила заставятъ молчать твое сердце. Вѣрь мнѣ, голубка, чувство не умираетъ такъ скоро; слушай меня: за похищеніемъ невѣсты слѣдуетъ торжественный выѣздъ; сегодня ты нарядишься, ты должна сіять какъ роза, чтобы сдѣлать честь своему имени. Если щечки сами не покраснѣютъ, мы имъ поможемъ; какъ самая счастливая невѣста, отправишься ты въ городъ рядомъ съ Михаиломъ, а вечеромъ Присто выполнитъ свою обязанность, только довѣрься ему.

Наталья ушла, оставивъ Аѳину въ тревожномъ раздумьи. Она погладила сѣрую шкуру волка.

— Ты останешься здѣсь, сказала она съ нѣжностью,—мы должны разстаться, мой самый дорогой товарищъ: тотъ міръ не для тебя; а когда я уѣду, бѣги въ горы.

Наступилъ полдень; солнце жгло; лучи его какъ будто преломлялись о зубчатыя скалы Черногоріи. Аѳина сіяла вся въ бѣломъ: контушъ бѣлый съ золотомъ и жемчугами; головной уборъ такой же бѣлый, убранный розами и золотыми монетами, спускался, какъ вуаль; бѣлая юбка и бѣлый корсажъ. Лицо блѣдное, какъ изваянное изъ мрамора; черные, какъ смоль, распущенные волосы и черные блестящіе глаза. Счастливая улыбка, судорожно, безъ измѣненія игравшая около губъ, казалось сдѣлана была рѣзцомъ художника.

Михаилъ, гордый, былъ очень красивъ; въ ярко-красной, обшитой золотомъ, кабаницѣ, свѣтло-голубыхъ суконныхъ панталонахъ и бѣлыхъ, затканныхъ пестрыми нитками, плотно облегав-

шихъ гамашахъ. Оружіе, надѣтое на немъ, усыпанное драгоцѣнными камнями, было великолѣпно.

Аѳина приколола ему большой букетъ розъ на то мѣсто на груди, гдѣ виднѣлись медали, полученныя имъ за послѣдній набѣгъ на Турокъ. Аѳина и Михаилъ выступали среди празднично разряженной толпы; музыка играла, раздавались выстрѣлы; воевода по правую сторону, а старый Старовочевичъ по лѣвую сторону молодыхъ. Такъ переходили они изъ дома въ домъ ко всѣмъ родственникамъ. Вездѣ ихъ встрѣчали радостно, желали счастья, предлагали кушанья, вина и небольшіе подарки. Наталья, напоминающая попугая своею пестрою одеждой, крадется тутъ же и собираетъ подарки въ корзину.

— Живіо Михаилъ! Аѳина! раздается вездѣ.—Никогда не видали въ Цетиньи такой красивой пары!

Наконецъ Аѳина дома, у себя; маскарадъ конченъ. Праздничный нарядъ ее давитъ, она срываетъ его и накидываетъ старое платье. Наталья слѣдитъ за ней блестящими глазами.

— Ну, голубка?

Аѳина поняла вопросъ.

— Пойдемъ, твердо говоритъ она,—и обѣ пробираются подъ покровомъ ночи къ коновязи.

— Присто! позвала Аѳина; лошадь заржала и побѣжала къ ней; въ минуту она осѣдлана, старуха подняла свои костлявыя руки и съ благословеніемъ опустила на молодую голову дѣвушки, покачивавшейся уже въ сѣдлѣ.—Прощай, Наталья!

Копыта лошади застучали по камнямъ; Сербка упала на колѣна и рвала свои взъерошенные волосы.

— Теперь я совсѣмъ одна.

Волкъ неистовствовалъ, стараясь изо всѣхъ силъ порвать цѣпь.

* * *

Въ гостиницѣ Каттаро жизнь начиналась рано; все общество спѣшило на пароходъ, въ скоромъ времени отправлявшійся въ Тріестъ. Княгиня и Габріэлла уже на палубѣ; Гиги, поддерживаемый Іесто, взбирается на трапъ. Любящая мать слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, дрожа при мысли, что онъ можетъ оступиться. Страстный взглядъ Габріэллы не покидаетъ Черногорца; тоска сжимаетъ ей сердце при мысли, что сейчасъ наступитъ минута разлуки, и разлуки на вѣки.

Наконецъ они наверху; Іесто кланяется ей учтиво и спокойно; она отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Съ слѣдующею лодкой прибыла прислуга и вещи; уже два раза прозвонилъ колоколъ; послѣ третьяго звонка колеса задвигаются, и пароходъ двинется въ путь. Іесто продолжаетъ стоять и не дѣлаетъ никакихъ приготовленій къ возвращенію на берегъ.

— Я думаю вамъ пора, сеньоръ Пресаевичъ; черезъ нѣсколько минутъ пароходъ двинется, обратилась она къ нему. Іесто вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Я ѣду съ вами, уважаемая графиня.

— Вы ѣдете? съ удивленіемъ спросила она; легкая дрожь слышалась въ голосѣ. Пресаевичъ наклонился молча.

— Вотъ какъ! холодно сказала она, и повернулась, чтобъ уйти; вначалѣ тихо и, повидимому, спокойно, затѣмъ быстрѣе и быстрѣе внизъ по лѣстницѣ, и скрылась въ каютѣ.

Никто, а менѣе всѣхъ Іесто, не долженъ подозрѣвать ея сильнаго волненія.

Раздался третій звонокъ; пароходъ издастъ звуки, похожіе на стоны; голубая вода покрывается бѣлою пѣной. Іесто стоитъ на брустверѣ и съ тоской посылаетъ своей родинѣ послѣднее прости.

На пристань во весь опоръ вскочила женщина; лошадь покрыта пѣной, изъ подъ ногъ ея летятъ искры. Она остановилась, видитъ Іесто, простираетъ къ нему руки, зоветъ по имени, быстро, какъ молнія, соскакиваетъ съ сѣдла, прыгаетъ въ лодку и съ нечеловѣческою силой спѣшитъ за пароходомъ.

— Аѳина, сестра! остановитесь! капитанъ, ради Бога остановитесь!

Тихо покачивается пароходъ; лодка очень близко; капитанъ не допускаетъ безумно смѣлую дѣвушку. Слышенъ толчекъ; легкая лодка перевернулась, и въ ту же минуту Іесто бросается въ воду, хватаетъ утопающую, цѣпляется съ нечеловѣческою силой за спущенный ему канатъ. Усиліями Циселлака и матросовъ удалось наконецъ спасти брата и сестру.

Гиги, забывъ собственную слабость, нѣжно ухаживаетъ за дѣвушкой, пока она не открываетъ глаза, блестящіе счастьемъ. Княгиня видитъ это и падаетъ въ обморокъ.

А на набережной стоитъ Присто и ржетъ, какъ будто спрашиваетъ, какъ возвратится онъ теперь домой.

Заливъ блисталъ милліономъ разноцвѣтныхъ огней; голубая морская зыбь отливала золотомъ; вершины горъ, казалось, бро-

сали огненныя молніи; вся природа какъ будто вырядилась въ праздничный нарядъ, чтобы проводить своихъ любимыхъ дѣтей. Пароходъ двигался впередъ, разсѣкая килемъ морскія волны: отъ колесъ поднималась серебристая пѣна, какъ бы шутя, нѣжно обнимавшая киль. Тамъ, на набережной гуляющая толпа гонялась за звѣремъ.

— Волкъ, волкъ! Бейте его! онъ укуситъ дѣтей,—слышалось со всѣхъ сторонъ; палки, камни, все, что попадалось подъ руки, летѣло въ него. Какъ бѣшеный бѣжалъ онъ, опустивъ морду низко къ землѣ, чтобы не потерять слѣдъ Аѳины. Около Присто волкъ остановился, съ лаемъ подскочилъ къ лошади, потомъ кинулся къ морю; большой прыжокъ,—и онъ исчезъ подъ водой! Аѳина видитъ его, протягиваетъ руки; волкъ усиленно борется съ волнами, скрывается, опять голова всплываетъ, чтобы черезъ минуту исчезнуть уже навсегда... Безсердечныя волны приготовили вѣрному другу дѣвушки безпощадную смерть въ своихъ глубинахъ!

XV.

Былъ день, въ который выходила газета *Глас Чрнагорца*. На площади противъ Бильярда,—такъ называли старый дворецъ, потому, что въ немъ была бильярдная зала,—толпились жители Цетиньи, чтобъ прочитать скорѣе эту газету, печатавшуюся въ городской типографіи. Съ гордостью бралъ каждый еще не просохшую, съ запахомъ краски, газету въ руки и углублялся въ чтеніе этого единственнаго общественнаго органа.

Правительство извѣщало, что палата достопримѣчательностей во дворцѣ, старинный залъ съ трофеями будетъ открытъ для посѣтителей сегодня и въ послѣдующіе дни. Это имѣло, такъ сказать, воспитательный характеръ; жители Черныхъ Горъ, при видѣ развѣшеннаго въ этихъ залахъ оружія, захваченнаго ихъ предками въ кровопролитныхъ битвахъ съ врагами, должны были воодушевляться этимъ зрѣлищемъ на новые подвиги.

Двери отворились. Съ любопытствомъ устремилась пестрая толпа впередъ и сразу притихла, при видѣ этихъ памятниковъ военныхъ доблестей предковъ: великолѣпныя ружья, пистолеты, кинжалы, ятаганы, панцыри, копья и пики, развѣшенные по стѣнамъ, возбуждали удивленіе зрителей. У многихъ блестѣли глаза и сжимались кулаки отъ желанія походить на своихъ предковъ.

Безъ шапокъ, со скрещенными на груди руками, благоговѣйно смотрѣли они на Алайбарьякъ, большое красное знамя, взятое у Турокъ въ 1878 году. Вонъ тамъ видна сабля Махмудъ-паши, побитаго Черногорцами въ 1712 году близъ Подгорицы; въ томъ великолѣпно-вызолоченномъ ящикѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями и запертомъ стеклянною крышкой, хранится бальзамированная голова Каре-Махмуда, взятаго въ плѣнъ въ битвѣ при Крузо и казненнаго въ Цетиньи. Черногорцы благоговѣйно преклонялись и цѣловали красное сукно знамени.

Отецъ Михаила находился также здѣсь и внимательно разсматривалъ народныя святыни.

Воевода отправлялся во дворецъ князя, самое большое зданіе въ Цетиньи. Князь Даніилъ выстроилъ его въ европейскомъ вкусѣ; для Цетиньи онъ былъ великолѣпенъ, въ другомъ же европейскомъ городѣ средней величины дворецъ былъ бы незамѣтенъ. Высокая стѣна окружала его; въ нижнемъ этажѣ находились комнаты прислуги и залъ для засѣданій сенаторовъ и воеводъ.

Назначено было засѣданіе совѣта, и Аязитаосъ Пресаевичъ отправился туда. Князь Николай желалъ самъ присутствовать на засѣданіи и приглашалъ нѣкоторыхъ приближенныхъ до начала засѣданія къ себѣ въ аудіенцъ-залу, находившуюся въ первомъ этажѣ. Пестрые полы, сдѣланные изъ разноцвѣтнаго дерева, были покрыты толстыми коврами.

Князь уже пришелъ и сидѣлъ посреднѣ залы, на возвышеніи, покрытомъ розовымъ бархатомъ. Онъ носилъ такую же одежду, какъ и послѣдній изъ его подданныхъ, только сдѣлана она была изъ болѣе тонкаго сукна и отдѣлана богаче.

Одинъ за другимъ входили сенаторы, старосты, воеводы и адъютанты; каждому онъ протягивалъ руки и говорилъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Довѣрчивое „ты“ царило въ этомъ близкомъ кружкѣ, потому что князь, происходившій самъ изъ народа, находился среди самыхъ близкихъ родныхъ.

— Какъ поживаешь, Аязитаосъ Пресаевичъ? сказалъ онъ.—У тебя въ домѣ радость. Аѳина, роза Цетиньи, позволила себя похитить. Молодая чета можетъ ко мнѣ придти и принять мои сердечныя поздравленія. Я возвращался изъ Каттаро, когда они разъѣзжали.

— Благодарю тебя, мой князь и братъ: Аѳина сумѣетъ оцѣнить эту честь.

Дверь стремительно отворилась, и Михаилъ блѣдный, разстроенный, съ спутанными волосами, ворвался въ залъ.

Появленіе его поразило всѣхъ, потому что только въ самыхъ важныхъ случаяхъ могъ явиться молодой человѣкъ къ князю безъ доклада. Только званіе офицера оправдывало нѣсколько его шумное вторженіе.

— Какія извѣстія принесъ ты, Михаилъ Старовочевичъ? спросилъ Николай.

Молодой человѣкъ съ трудомъ перевелъ дыханіе.—Аѳина Пресаевичъ, моя нареченная невѣста скрылась!—сказалъ онъ, обращаясь наполовину къ князю, наполовину къ воеводѣ,—по всей вѣроятности австрійскій офицеръ увезъ ее съ собой!

Всѣ сидѣвшіе онѣмѣли; Аязитаосъ вдругъ заревѣлъ:

— Какъ смѣешь ты говорить такія дерзкія слова!

Онъ подскочилъ къ нему съ намѣреніемъ схватить за горло.

— Посмотри самъ, Аязитаосъ Пресаевичъ: гнѣздо пусто, голубка улетѣла! простоналъ Михаилъ.

Красный отъ ярости, воевода сразу поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, и не былъ въ состояніи произнести ни слова.

— Разберитесь у себя дома! съ достоинствомъ сказалъ князь и покинулъ собраніе.

Аязитаосъ, шатаясь, пошелъ домой; Михаилъ бросился въ оружейный залъ Бильярда и сообщилъ отцу все случившееся. Яростно шумѣла толпа, собравшаяся около нихъ, и, сжимая кулаки, грозила врагу.

— Клянемся святымъ знаменемъ Алайбарьякъ, это требуетъ кровавой мести! Михаилъ, мы твои слуги! кричали мужчины и окружили молодаго Старовочевича.

— Молчать! загремѣлъ старикъ.

— Мой сынъ самъ не ребенокъ; онъ сумѣетъ найти и освободить свою невѣсту! Иди, Михаилъ, и исполни свой долгъ!

Какъ сумасшедшій, вышелъ онъ изъ зала. Онъ былъ какъ въ туманѣ и безцѣльно бросился на свѣжій воздухъ. Онъ спѣшилъ пройти мимо монастыря Божіей Матери, служившаго въ шестнадцатомъ столѣтіи резиденціей Владыкѣ, духовному главѣ Черногоріи, чтобъ поскорѣе достигнуть Кулы, при взглядѣ на которую гнѣвъ поднимался въ немъ. Онъ упалъ на землю при воспоминаніи свиданія съ Аѳиной вечеромъ, въ день ея именинъ; припомнилъ онъ и страхъ, испытанный имъ, когда между ними легла таинственная, длинная тѣнь.

— Ей Богу, она должна покаяться, если была мнѣ невѣрна и добровольно ушла; оружіе не коснется ея, нѣтъ, простой камень приготовитъ ей мучительную кончину! И отецъ, посвященному обычаю страны, броситъ первый камень въ опозоренную дочь!

Воевода, видѣвшій изъ своего дома, съ какою бѣшеною стремительностью бѣжалъ Михаилъ по направленію Кулы, послѣдовалъ за нимъ и стоялъ теперь за его спиной.

Дома лежала больная Наталья. Воевода побилъ ее и вытолкалъ. Все-таки она была довольна: ненавистной семьѣ Старовочевичей нанесенъ былъ страшный ударъ; за свой грѣхъ она несла наказаніе, а теперь, хотя она сама и не наносила удара, но направляла руку наносившую его. Это чувство удовлетворенной мести заставляло ее спокойно переносить всю несправедливость воеводы.

Михаилъ спѣшилъ домой; онъ осѣдлалъ своего коня и поѣхалъ въ Каттаро; послѣ именинъ Аѳины онъ ѣхалъ первый разъ въ главный городъ Босніи. Какъ все измѣнилось; весь свѣтъ казался ему въ какомъ-то туманѣ. Боснія сіяла въ вечернемъ освѣщеніи; каждый лучъ заходящаго дневнаго свѣтила пронзалъ его сердце и раздувалъ тамъ цѣлое пламя мести.

Онъ сошелъ съ лошади, упалъ на колѣна и молился, какъ и тотъ разъ, Божіей Матери. Но не о сладкой любви „къ королевѣ розъ“, нѣтъ! Всѣ розы давно отцвѣли для него.

Онъ просилъ дать ему силы совершить смертную казнь надъ той, которую онъ такъ невыразимо любилъ.

И вотъ онъ снова на набережной Каттаро; но она мертва и пуста, такъ пуста и безжизненна, какъ было теперь и въ сердцѣ Михаила. Всѣ поиски въ городѣ были безуспѣшны; онъ спрашивалъ и здѣсь, и тамъ,—и нигдѣ никакого отвѣта! Никто изъ бывшихъ утромъ при отправленіи парохода не встрѣчался ему на пути.

Онъ готовъ былъ отказаться отъ своихъ поисковъ, какъ вдругъ услышалъ, какъ двое разсказывали, что волкъ утонулъ въ морѣ и что черногорская дѣвушка сегодня утромъ тоже едва не утонула.

У Михаила закружилась голова, онъ узналъ достаточно, и безмолвный поѣхалъ домой!..

Наступила ночь, на небѣ сіяли звѣзды; Михаилъ не могъ переносить ихъ свѣта, это причиняло боль глазамъ и сердцу; ему было бы несравненно пріятнѣе, еслибъ непроницаемая тьма спустилась на весь міръ.

Осторожно шла впередъ его лошадь; вдругъ услыхалъ онъ веселое ржаніе. „Траппъ, траппъ“ раздалось близко къ нему; его лошадь насторожила уши. Пристo, еще осѣдланный, но безъ сѣдока, обнюхивалъ хорошо знакомаго товарища. У Михаила сердце остановилось, крикъ ярости вырвался изъ мертвенно-блѣдныхъ губъ. Онъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса, и черезъ минуту мѣткая пуля попала прямо въ лобъ любимицѣ Аѳины.

Лошадь осѣла и упала въ предсмертныхъ судорогахъ; помутившійся взглядъ остановился на убійцѣ, и ужасъ охватилъ Михаила. Какъ безумный, поскакалъ онъ къ опустѣвшей родинѣ!..

Отецъ молча встрѣтилъ его; не будучи въ состояніи произнести ни слова, онъ только покачалъ головой и въ безсознательномъ состояніи бросился на постель. Его трясла лихорадка: иногда, какъ въ бреду, произносилъ онъ безсвязныя слова. Такъ прошелъ день.

Снова наступилъ вечеръ; небо было покрыто густыми облаками; дневной жаръ не уменьшался; тяжелый, знойный воздухъ, какъ пелена, окружалъ горы. Густой туманъ окуталъ вершины горъ; сѣрныя испаренія поднимались надъ плоскою возвышенностью Цетиньи.

Михаилъ лежалъ въ жару, и имя Аѳины иногда срывалось съ его сухихъ губъ!..

Мать его, Зорка, освѣжала ему голову и, ломая руки, умоляла мужа позвать Наталью, чтобъ она заклинаніями отогнала злаго духа, его охватившаго, и облегчила его внутренній жаръ лѣкарствомъ и наговоренными травами.

— Вѣдьма не переступитъ порога моего дома! раздраженно сказалъ тотъ; но материнскій страхъ подкрѣплялъ мужество Зорки и заставлялъ забывать рабское послушаніе, съ которымъ она всегда относилась къ мужу.

— Онъ умретъ! мой сынъ умретъ! Если ты не пойдешь позвать ее, я сдѣлаю это сама!

Мужъ поднялъ руку, но жена не отступила.

Тутъ мужества ея ничто не могло осилить.

— Убей меня, и когда я буду лежать мертвая, мнѣ будетъ лучше, потому что я не буду виновна въ томъ, что мой сынъ будетъ въ гробу.

Старовочевичъ задрожалъ, но не одинъ гнѣвъ противъ дерзости жены былъ тому причиной, скорѣе боязнь за любимаго сына и еще другой страхъ потрясли его до глубины души.

— Останься, я пойду!

Съ благодарностью упала Зорка на колѣна и цѣловала его ноги. Онъ вытащилъ изъ кармана тяжелый ключъ, открылъ тяжелый обитый желѣзомъ сундукъ и, опустивъ руку, захватилъ цѣлую горсть золота, которое и положилъ въ карманъ; снова заперъ сундукъ, завернулся въ шубу и, низко надвинувъ баранью шапку на глаза, вышелъ.

Ночь была темная: ни луны, ни звѣздъ не было видно; только густыя, темныя тучи изрѣдка прорѣзывала яркая молнія на горизонтѣ.

Старовочевичъ тихонько перебиралъ золото, лежавшее въ карманѣ. Не легко ему будетъ разстаться съ этими неправедными сбереженіями.

Онъ дорожилъ золотомъ столько же, сколько собственною жизнью; только сына Михаила любилъ онъ болѣе.

— Нужно отомкнуть ротъ старухи золотомъ, иначе она ничего не скажетъ,—пробормоталъ онъ и направился къ дому воеводы. Вотъ подошелъ онъ; лучина освѣщала полъ. Черезъ окно видѣлъ онъ Наталью, сидѣвшую у стола и чинившую шаровары. Онъ содрогнулся при видѣ ея голыхъ костлявыхъ ногъ.

Старовочевичъ медлилъ. Онъ не могъ рѣшиться отворить дверь и войти въ домъ, чтобъ позвать ее. Свѣтъ былъ такой яркій и слишкомъ ярко освѣщалъ насмѣшливое лицо старухи и ея злые глаза, которые онъ искренно желалъ никогда не видѣть. Лучше бы ночная тьма окружала ихъ во время переговоровъ!

По дорогѣ шелъ мальчикъ. Старовочевичъ закутался въ шубу, далъ мальчику мѣдную монету и поручилъ ему пойти сказать Натальѣ, что ее зовутъ къ больному.

— Куда я долженъ привести ее? спросилъ ребенокъ, не узнавшій его.

— Сюда ко мнѣ; я самъ провожу ее.

Напряженно смотрѣлъ Старовочевичъ черезъ окно въ комнату: видѣлъ, какъ мальчикъ исполнилъ его порученіе, и какъ Наталья, привыкшая къ тому, что ее часто таинственно вызываютъ къ больнымъ, натянула шаровары и собралась слѣдовать за мальчикомъ.

Старовочевичъ задрожалъ; дверь заскрипѣла на петляхъ; вышелъ мальчикъ, а за нимъ показалась темная фигура Натальи.

Вотъ они стоятъ другъ противъ двуга.

Старуха вглядывалась въ темноту, далеко вытянула шею и

близко заглянула ему въ лицо. Она отшатнулась, какъ будто укушенная змѣей.

— Это ты? Старовочевичъ? Ха, ха, я такъ и думала!

Она захихикала, какъ охрипшій сычъ, а здоровый мужчина задрожалъ, какъ осиновый листъ, и плотнѣе закутался въ шубу.

— Пойдемъ, не здѣсь, тихо пробурчала она,—а то еще увидитъ кто, что гордый Старовочевичъ разговариваетъ темною ночью съ нищею Натальей; пойдемъ, Старовочевичъ, пойдемъ! То, что мы должны сказать одинъ другому, не долженъ слышать никто посторонній. Пойдемъ, пойдемъ!

И она потащила его за собой. Старовочевичъ шелъ за нею покорно, какъ ребенокъ. Взрослый человѣкъ задыхался отъ страха, какъ будто преслѣдуемый привидѣніемъ: отъ душнаго воздуха, толстой шубы, теплой шапки и страха потъ градомъ катился съ него.

Наталья сердито ковыляла впереди.

— Такъ, теперь довольно далеко, наконецъ сказала она,— кругомъ никого, только одинъ Богъ, котораго ты не обманешь!

Старовочевичъ остановился; они стояли на самой окраинѣ Цетиньи; это было пустынное мѣсто изъ-подъ стройки: облака разорвались, и на минуту выступившая луна освѣтила едва поднимавшійся надъ землей фундаментъ дома; Наталья прислонилась къ нему, скрестила на впалой груди худыя руки и насмѣшливо спросила:

— Ну, синьоръ Старовочевичъ, чему должна я приписать честь вашего посѣщенія?

Старовочевичъ тяжело вздохнулъ.

— Аѳина бѣжала; гдѣ она? Скажи мнѣ, Наталья. При этомъ онъ зазвонилъ золотыми въ карманѣ.

— Что она ушла, это я хорошо знаю, сказала старуха,—а еслибъ я этого не знала, то мнѣ дали бы знать объ этомъ синяки, которые мнѣ сдѣлалъ воевода. Но гдѣ она, почему я могу знать?

Старовочевичъ снова зазвенѣлъ золотыми.

— Говорятъ, Наталья, ты знаешь многія таинственныя средства; ты читаешь въ картахъ; раскинь ихъ, посмотри не скажутъ ли онѣ, гдѣ я могу найти Аѳину.

— Лучше будущаго знаю я прошедшее.

Старуха покачивала головой изъ стороны въ сторону, произнося непонятныя слова, пока Старовочевичъ вытащилъ изъ кармана полную горсть золота и, показывая ее, сказалъ:

— Мой сынъ Михаилъ лежитъ въ лихорадкѣ, смерть виситъ надъ нимъ; дай ему питье, чтобъ онъ выздоровѣлъ; я заплачу золотомъ, но еще лучше подѣйствуетъ на него, если ты мнѣ скажешь, гдѣ онъ можетъ найти Аѳину.

Наталья засмѣялась. Воевода попробовалъ сунуть ей въ руку золото, но при его прикосновеніи она отскочила, какъ будто ядовитая змѣя укусила ее.

— Поберегите ваше золото, давайте тогда плату, когда увидите, какъ помогаетъ лѣкарство.

Старовочевича передернуло отъ радости.

— Значитъ, ты хочешь помочь мнѣ, Наталья, ты согласна?!

Старуха снова наклонилась.

— Я спрошу сперва карты, что они скажутъ; подожди, я сейчасъ ихъ принесу.

Наталья исчезла; сердце застучало у Старовочевича, когда онъ остался одинъ; у него рябило въ глазахъ отъ темноты; утомленный прислонился онъ къ стѣнѣ. Застучалъ скатившійся камень, и онъ, не знавшій прежде страха, содрогнулся.

Фонарь замерцалъ въ темнотѣ: Наталья приближалась; вотъ она стоитъ предъ нимъ. Молнія освѣтила небо.

— Ну, садись; теперь я посмотрю, что должно случиться.

Онъ послушался и сѣлъ на корточки рядомъ съ Сербкой, передавшею ему карты.

— Сними; трефовый валетъ—Михаилъ! такъ, теперь все готово.

Она разложила карты; косой свѣтъ отъ фонаря падалъ на нихъ; она снова смѣшала ихъ.

— Чтобы время для насъ обоихъ скорѣе шло, я тебѣ разскажу сказку. Видишь, я долго должна мѣшать карты. Что вы любите сказки, Старовочевичъ?

Ужасъ охватилъ его.

— Ну же, начинай, нетерпѣливо торопилъ онъ.

Наталья вынула изъ-за пояса пистолетъ; взведя курокъ, положила его съ правой стороны и стала на него колѣномъ, чтобы не могли вырвать у нея.

— Такъ будетъ лучше; иногда такія сказки вызываютъ злыхъ духовъ, и будетъ лучше, если можно защищаться.

Старовочевичу дѣлалось все страшнѣе, но онъ оставилъ ее продолжать; съ холоднымъ спокойствіемъ продолжая мѣшать карты худыми пальцами, Наталья начала гнусавымъ голосомъ:

— Теперь начинается сказка: жилъ въ старину молодой че-

ловѣкъ, считавшій себя знатнымъ. Полюбилъ онъ прекрасную дѣвушку, которая была бѣдна, но честна; она зарабатывала свой хлѣбъ, служа у другихъ. Они видались по вечерамъ. Дѣвушка повѣрила ему и подарила ему всю любовь молодаго невиннаго сердца. Однажды вечеромъ онъ подошелъ къ двери и сказалъ:

— Отецъ говорилъ мнѣ, что я могу посвататься къ тебѣ, и что онъ приметъ тебя къ себѣ въ домъ, какъ дочь. Завтра я приду, приготовься къ отъѣзду.—Не было человѣка счастливѣе ея! На слѣдующій день вечеромъ она снарядилась въ путь...

Голосъ Натальи понизился до шепота; она все продолжала мѣшать карты.

— Была звѣздная ночь, милый пришелъ!

— Замолчи Наталья! прервалъ ее Старовочевичъ.

— Зачѣмъ, другъ? время идетъ быстрѣе: такимъ образомъ, а я еще далеко не приготовила карты.

— Благополучно отправились они оттуда; въ ближайшей деревнѣ священникъ благословилъ союзъ ихъ сердецъ. Дѣвушка стала законною супругой молодаго человѣка. Путь былъ дальній; они ночевали то тутъ, то тамъ; они не спѣшили пріѣхать въ родной городъ мужа. На третье утро проснулась молодая жена и увидѣла себя одною, покинутою...

— Вѣроломно покинулъ ее мужъ. Ухъ, какъ она была огорчена! Отъ родины невѣрнаго мужа она была далеко, такъ какъ онъ ее умышленно везъ въ противоположную сторону. Но она была горда, оставила его бѣжать, а сама нанялась въ услуженіе... Время шло, и она почувствовала, что скоро станетъ матерью. Она не выдержала далѣе и пѣшкомъ, съ израненными ногами достигла она Цетиньи, гдѣ вблизи города, въ канавѣ, недалеко отъ глубокаго оврага, дала жизнь мальчику!..

— Хитростью вызвала она отца своего ребенка за ворота. Увидѣвъ жену, онъ поблѣднѣлъ, потому что въ это время успѣлъ жениться на другой. Посмотрѣлъ своего ребенка, взялъ въ руки и бросилъ его вонъ туда, въ тотъ оврагъ!

Она вскочила, высоко подняла фонарь и показала въ сторону узкой, крутой разсѣлины скалы, глубина которой терялась въ темнотѣ. Она, казалось, выросла и, какъ богиня мести, стояла предъ Старовочевичемъ и свѣтила ему въ мертвенно-блѣдное лицо.

— Женщина скрылась, но все тянуло ее снова сюда, и она нанималась за самое скудное жалованье, терпѣла побои и все,

чтобы только быть вблизи потому,—потому что она хотѣла его видѣть, такъ какъ каждое біеніе сердца напоминало ей убійцу ея ребенка!

— Наталья! простоналъ Старовочевичъ,—Наталья! прости! прости, перестань!..

Сербка продолжала дрожащимъ голосомъ:

— Въ его сердцѣ не было ни капли жалости; онъ насмѣхался надъ ней и гналъ ее отъ себя при встрѣчѣ. Любовь угасла, но ненависть, неумолимая ненависть наполнила ея изсохшее сердце!

Голосъ Натальи дѣлался все громче, пока не перешелъ въ крикъ, рѣзко раздававшійся ночью. Молнія прорѣзала темноту; раздался глухой ударъ грома.

— И этотъ самый человѣкъ требуетъ отъ этой самой женщины спасти своего сына? Проклятіе, проклятіе тебѣ и всей твоей семьѣ!

Карты полетѣли въ лицо Старовочевича, стоявшаго въ оцѣпѣненіи на томъ же мѣстѣ и безъ сознаніи слѣдившаго за мерцающимъ то тамъ, то сямъ свѣтомъ фонаря, пока онъ совсѣмъ не исчезъ.

— Наталья, Наталья! зарычалъ Старовочевичъ и ринулся по тому же направленію.

Раздался вопль!.. хрипѣніе умирающаго!.. внезапная молнія... ударъ грома! — зловѣщая тишина... Небо точно разверзлось, и страшный дождь полилъ на землю.

XVI.

Торговый пароходъ весело шелъ по зеркальной поверхности Адріатическаго моря.

Аѳина въ своей каютѣ тихо спала и была на нѣкоторое время совсѣмъ далеко отъ міра со всѣми его горестями! Только богъ сновидѣній связывалъ ее съ дѣйствительностью и то, что онъ ей открывалъ, было прекрасно и радостно! Она видѣла, что будто Гиги стоялъ предъ нею и любящею рукой утиралъ ея слезы. Дѣйствительно ли это былъ сонъ? Аѳинѣ казалось, что она физически ощущаетъ прикосновеніе его пальцевъ.

Она вскочила, посмотрѣла на дверь и — это уже не было сномъ—замѣтила, какъ кто-то старался ее притворить.

Она страшно испугалась. Дитя природы, она привыкла спать не запираясь и не защищаясь; ее нисколько не обезпокоило бы, еслибъ полміра пришло въ ея спальню, но при одной мысли, что Гиги видѣлъ ея спящею, она покраснѣла и заперла дверь на задвижку.

Теперь она спала безъ сновидѣній; непривычные ей вздохи и стоны машины были единственными звуками внѣшняго міра, которые долетали до нея.

Габріэлла находилась въ своей каютѣ; княгиня также удалилась. Обѣ дамы были подвержены морской болѣзни и потому все время путешествія моремъ проводили у себя.

Пароходъ быстро двигался впередъ. Не приставая нигдѣ, онъ шелъ прямо отъ Каттаро до Тріеста, такъ что путь этотъ, совершаемый въ нѣсколько дней, сокращался поэтому на двадцать четыре часа.

Гиги и Іесто проводили почти все время на палубѣ; оба были молчаливы и погружены въ свои мысли. Разговоръ ихъ вертѣлся около безразличныхъ предметовъ, какъ-будто каждый изъ нихъ старался скрыть отъ друга то, что его больше всего занимало.

Аѳина отдохнула; платье ея высохло, и она болѣе прекрасная, чѣмъ когда-либо, вышла на палубу. Замѣтивъ Гиги, она быстро повернулась и ушла на заднюю часть парохода. Поборовъ наконецъ свое волненіе, князь спросилъ Іесто:

— Какъ думаешь ты устроить судьбу своей сестры?

Пресаевичъ пожалъ плечами.

— Я еще ничего не знаю; все это слишкомъ неожиданно случилось; я долженъ самъ все обсудить сначала, чтобъ потомъ рѣшить окончательно вмѣстѣ съ ней.

— Я думаю, она можетъ пока помѣститься у насъ вмѣстѣ съ тобой, возразилъ Гиги, опустивъ глаза и упорно смотря въ полъ.

Іесто всталъ, опустилъ руку на плечо друга и грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ, другъ!

Гиги смущенно посмотрѣлъ на него.

— Повѣрь мнѣ, братъ, это будетъ нехорошо! многозначительно сказалъ Іесто: въ Тріестѣ найдется для нея и другое помѣщеніе.

Гиги покраснѣлъ, а Іесто отправился къ своей сестрѣ. Наступилъ вечеръ. Всѣ легли отдохнуть; не видавъ ни княгини, ни Габріэллы, Аѳина тщательно избѣгала встрѣчи съ Гиги.

Только на слѣдующее утро появилась Габріэлла. Она выглядѣла блѣдною и слабою; морское путешествіе утомило ее и грозило довести до дурноты. Она, конечно, слышала, что Аѳина здѣсь же на пароходѣ, что она бѣжала изъ Цетиньи въ Каттаро за своимъ братомъ и, узнавъ тамъ объ его отъѣздѣ, бросилась на пристань, чтобъ найти его. Маудъ передала также страшную сцену, во время которой дѣвушка чуть не погибла въ волнахъ.

Графиня не вѣрила несчастной случайности ея паденія въ воду, ни тому, конечно, что она явилась сюда изъ любви къ брату своему Іесто. Нѣтъ, она считала все это ловкою комедіей Черногорки, желавшею приковать къ себѣ Гиги. Все это въ ея глазахъ бросало новый свѣтъ на отношенія Гиги къ Аѳинѣ, и какъ ни была она мало огорчена сердечно всѣмъ этимъ, гордость ея была страшно уязвлена!

Но ни ея женихъ, а тѣмъ менѣе молодая дѣвушка не должны были подозрѣвать того, что̀ въ ней происходило. Она попрежнему спокойно обращалась съ княземъ и не подарила никакимъ знакомъ вниманія Аѳину, какъ стоящую гораздо ниже ея.

Іесто видѣла она мало. Сдержаннѣе обыкновеннаго онъ держался вдалекѣ и только здоровался и прощался при встрѣчахъ. Габріэллу возмущало это. Въ каждомъ словѣ слышалось ей пренебреженіе, и она была раздражена до послѣдней степени.

При такихъ обстоятельствахъ всѣ участники путешествія благодарили Бога, когда наконецъ башни Тріеста начали какъ бы всплывать на поверхности Адріатическаго моря.

Іесто стоялъ на палубѣ и задумчиво смотрѣлъ на городъ. Онъ съ грустью вспоминалъ то недалекое время, когда уѣзжалъ отсюда съ своимъ другомъ Гиги на свою родину.

Тогда міръ казался ему пустыннымъ и жалкимъ, потому что „ея“ не было около. Теперь „она“ умерла для него, хотя и была очень близко, здѣсь.

Габріэлла прислонилась къ перилам. Случайно взоръ ея упалъ на домъ, стоявшій на дорогѣ къ Мирамара, въ которомъ жилъ Іоганнъ. Ненависть къ себѣ и ко всему свѣту начала смягчаться, уступая мѣсто чувству нѣжной дружбы къ далекому художнику.

Лѣсъ мачтъ дѣлался все гуще и гуще въ гавани; видны были оживленіе и суета, царившія на пристани, и шумъ, который производило все это движеніе, достигалъ до ушей путешествующихъ. Вотъ свистъ парохода, раздается звонъ колокола и падаютъ звеня якорныя цѣпи. Флагіолетто подвелъ мертвенно-блѣдную княгиню

къ приготовленному экипажу. Ея благодарность Іесто и Аѳинѣ была такъ велика, что, несмотря на страшную слабость, она не забыла сердечно просить обоихъ остановиться у нея. Іесто вѣжливо уклонился и сообщилъ свое рѣшеніе остановиться въ гостиницѣ вмѣстѣ съ сестрой. Княгиня попробовала, было, возражать, но напрасно. Габріэлла и Гиги упорно хранили молчаніе.

* * *

Вырвались ли стихіи изъ оковъ, содрогнулась ли земля до основанія или разверзлось небо? Удары грома одинъ за другимъ слѣдовали непрерывно, безостановочно блистала зловѣщая молнія! Тучи точно прорвались, и страшный дождь полилъ на землю...

Промокшая до костей, возвратилась Наталья домой: румяна и краска, которою она красила волосы, пестрыми ручьями текли по ея морщинистому лицу. Воеводы не было дома. Съ той минуты, какъ покинула его Аѳина, онъ не могъ оставаться дома. Безпокойно бродилъ онъ вездѣ; его родительскому сердцу нанесенъ былъ слишкомъ жестокій ударъ: дѣти его оба бѣжали и покинули его совсѣмъ осиротѣвшимъ! Но онъ никому не показывалъ, какъ ему тяжело и горько; всякій видѣлъ только въ немъ холодное упорство и презрѣніе ко всему свѣту. Разумѣется, онъ подозрѣвалъ, гдѣ находятся Іесто и Аѳина. И еслибъ онъ могъ слѣдовать своему желанію, онъ сѣлъ бы на первый пароходъ, идущій изъ Каттаро въ Тріестъ, и поспѣшилъ бы за ними. Но онъ остался. Скорѣе свѣтъ весь перевернется, чѣмъ онъ поѣдетъ разыскивать своихъ дѣтей!

Они не вернутся! Кончено! между ними ничего не будетъ общаго.

Ни мало не упрекалъ онъ себя, что послалъ Іесто свое прощеніе, слѣдуя сердечному влеченію; но Аѳина, можетъ-быть, благодаря именно этому, вздумала противиться волѣ отца.

Въ горахъ его застала гроза; онъ едва слышалъ громкіе удары, не чувствовалъ, какъ дождь билъ его въ лицо и не вздрогнулъ ни разу при ослѣпительномъ блескѣ молніи. Молча пошелъ онъ назадъ, молча вошелъ въ хижину. Наталья подала ему ужинъ. Не притрогиваясь, онъ отставилъ его въ сторону. Съ того времени, какъ Аѳина была далеко, онъ почти не ѣлъ. Его охотничья сумка была пуста, счастье ему измѣнило. Онъ, вообще, мало встрѣтилъ дичи; только разъ выстрѣлилъ онъ и то сдѣлалъ про-

махъ. Это, кажется, было первый разъ въ его жизни, что звѣрь, въ котораго онъ цѣлился, избѣжалъ столь вѣрной когда-то пули. У Черногорцевъ вообще обычай не раздѣваться совсѣмъ на ночь, но Аязитаосъ бросился въ постель, ничего не снимая съ себя, хотя все платье насквозь промокло. Онъ закрылъ глаза, но уснуть не могъ.

У Натальи также прошелъ голодъ и жажда. Встрѣча со старымъ Старовочевичемъ слишкомъ взволновала ее, и она также не перемѣняя платья, скорчившись, сѣла къ едва тлѣющему огню очага и просушивала мокрые лохмотья на своемъ тощемъ тѣлѣ. Тепло ей было, пріятно, члены ея расправились, и она заснула.

На ея изможденномъ лицѣ появился какъ бы отблескъ былой юности, въ чертахъ проглядывало выраженіе тихаго счастья; на поблекшихъ губахъ, произносившихъ только бранныя и насмѣшливыя слова и часто кривившихся отъ злобы, теперь играла счастливая улыбка.

Наталья грезила; разговоръ со Старовочевичемъ разбудилъ въ ней воспоминанія, сладко тревожившія ея старое сердце... Насколько на яву жизнь ея была тяжела при воспоминаніяхъ этой первой и единственной любви, настолько во снѣ эти воспоминанія были ей сладостны.

Зорка Старовочевичъ сидѣла у постели своего сына. Михаилъ спалъ теперь крѣпко, и она могла безъ помѣхи предаться своему материнскому чувству. Въ обыкновенное время она должна была въ присутствіи мужчинъ подавлять нѣжность къ сыну, теперь же она могла свободно любоваться его красотой. Теперь не выбранитъ ее мужъ дурой, Михаилъ не оттолкнетъ ее грубо, если она нѣжно откинетъ его кудрявые волосы со лба, или тихо поцѣлуетъ его въ уста! Вотъ она расправляетъ его волоса, цѣлуетъ въ лихорадочно-горячія губы, освѣжаетъ ему голову холодною водой!..

Первый ударъ грома, первая молнія, — она вздрогнула и боязливо прислушивалась, не вернулся ли мужъ. Полилъ дождь, а его все не было; отъ постели больнаго ходила она къ двери и обратно, въ ожиданіи.

Половина ночи уже прошла, а Старовочевича все еще не было. Смертельный страхъ охватилъ ее. Наталья тоже не пришла. Михаилъ спалъ покойно, а она начала тревожиться неизвѣстностью. Она все пересиливала себя и не двигалась, но когда забрезжило утро, закричали пѣтухи, она не выдержала. Накинувъ на голову

густое покрывало (келимъ), чтобъ защитить себя отъ дождя, она шмыгнула къ Сербкѣ. Воевода встрѣтилъ ее.

— Что тебѣ нужно, Зорка?

Она объяснила ему свою бѣду. Наталья испугалась и не хотѣла видѣть никого изъ Старовочевичей. А между тѣмъ наступило утро. Михаилъ проснулся и чувствовалъ себя совершенно здоровымъ; въ заботахъ Зорки онъ не нуждался болѣе, но теперь его мѣсто занялъ любимый мужъ. Да, Зорка любила его и не могла обойтись безъ его побоевъ и бранныхъ словъ.

Она разбудила служанку, подняла тревогу, вездѣ искала мужа, но напрасно. Пришли каменьщики, работавшіе на постройкѣ, и объявили, что нашли тамъ Старовочевича. Зорка побѣжала туда, и зрѣлище, представившееся ей, было ужасно. Мужъ лежалъ на землѣ, причемъ голова и верхняя часть туловища попали въ яму, гдѣ мѣшаютъ известь, которая отъ сильнаго дождя загорѣлась. Все лицо и руки были объѣдены известью.

Она вскрикнула и зарыдала. Когда нашли тутъ же разсыпанную колоду картъ, она громко начала обвинять Наталью въ смерти мужа.

— Приведите ее сюда, подайте сюда! хрипѣла она, и немного спустя притащили туда Сербку. При видѣ трупа она вскрикнула и содрогнулась,—улика достаточная для обвиненія.

И вотъ она въ тюрьмѣ. Судьи заработали; но, несмотря на всѣ пытки, Наталья молчала. Михаилъ, узнавъ обо всемъ случившемся, вспомнилъ слова, сказанныя ему старухой на перекресткѣ. Какъ только позволили ему его силы, онъ отправился къ ней и просилъ допустить его.

Ему разрѣшили. Тяжелыя желѣзныя двери отворились, и онъ очутился въ узкой, темной комнатѣ, противъ своего врага. Наталья сидѣла, скорчившись, въ углу на пукѣ соломы.. Тяжелыя желѣзныя цѣпи были совсѣмъ лишними. Надломленная душей и тѣломъ, она была такъ слаба, что едва могла шевелить членами.

— Михаилъ, это ты? спросила она едва слышно; онъ подошелъ ближе къ ней.

— Это я, Наталья; неужели ты не дрожишь при видѣ меня?

— Нѣтъ, Михаилъ, чего мнѣ дрожать?

— Нѣтъ? а между тѣмъ я знаю, что ты убила моего отца.

— Я этого не дѣлала!

— Ты не сдѣлала этого? Женщина! а слова, полныя ненависти,

брошенныя тобою на перекресткѣ?—они еще теперь раздаются у меня въ ушахъ!

Наталья слабо покачала старою головой; Михаилу показалось, что ея лицо, лишенное теперь румянъ и бѣлилъ, приняло иное выраженіе: оно какъ будто просвѣтлѣло.

— Скажи мнѣ, что̀ произошло у тебя съ моимъ отцемъ?

— Оставь въ покоѣ мертвыхъ, Михаилъ.

— Откуда эта ненависть къ нему? Я хочу знать.

Дыханіе Натальи сдѣлалось короче и чаще, старые глаза заблестѣли, острыя линіи лица какъ бы сглаживались постепенно, и, умирая, она говорила все тише и тише.

— Я его ненавидѣла, Михаилъ? Нѣтъ, я чувствую теперь, что до послѣдняго вздоха я его безконечно — ахъ, безконечно любила!..

Она сразу опустилась, члены вытянулись, цѣпи зазвенѣли... Наталья умерла и небесное спокойствіе приняли ея черты!

Дрожь пробѣжала по членамъ Михаила; онъ прочелъ молитву, закрылъ старухѣ вѣки и молча покинулъ тюрьму. Страшную тайну, связывавшую ее со Старовочевичемъ, она унесла съ собой въ могилу! Смерть примирила ихъ!

Старовочевичъ покоился на обширномъ кладбищѣ Цетиньи: въ углу, гдѣ зарывали убійцъ и преступниковъ, покоилась Наталья вѣчнымъ сномъ.

Зорка была одна: наканунѣ еще Михаилъ отправился въ путь: оставаться дома онъ не могъ; ему казалось, что и дѣти на улицѣ и родныя горы насмѣхаются надъ нимъ и позорятъ его за то, что невѣста его убѣжала. Мать отпустила его, да и что могла она сдѣлать, чтобъ удержать его?

Постарѣвшій, молчаливый и мрачный, сидѣлъ воевода въ своемъ домѣ. По внѣшнему виду онъ былъ твердъ, какъ мѣдь, а внутренно онъ изнывалъ отъ тоски.

Иногда вечеромъ, когда ночная тьма окутывала горы и онъ былъ увѣренъ, что никого не встрѣтитъ, онъ выходилъ изъ дома и съ тоской смотрѣлъ на пустынный холмъ. Мужество покидало его, сердце невыразимо болѣло, и ему казалось, что тамъ внизу покоится прахъ не только Натальи, а погребено счастье его семьи и всей его жизни.

Княгиня сидѣла за обѣдомъ вмѣстѣ съ Гиги и Габріэллой. Послѣ возвращенія изъ пустынной Черногоріи она вдвойнѣ цѣнила плоды цивилизаціи.

— Вы совсѣмъ и не думаете объ устройствѣ своего домашняго очага, милыя дѣти, обратилась она къ нимъ обоимъ.

— Я постараюсь устроить ваше гнѣздышко какъ можно лучше, только сообщите мнѣ, какъ располагаете вы своимъ будущимъ.

Графиня и князь упорно смотрѣли въ тарелки. Когда они подняли глаза и встрѣтились взглядомъ, Гиги прочелъ въ глазахъ невѣсты только холодную насмѣшку.

— Я сегодня же подамъ въ отставку, сказалъ онъ.—Остальное пусть рѣшаетъ Габріэлла по своему благоусмотрѣнію.

Она холодно засмѣялась.

— Если такъ, то я отправлюсь въ St.-Pietro. Для молодыхъ нѣжныхъ супруговъ трудно найти помѣщеніе идеальнѣе стариннаго замка въ горахъ? Не правда ли, Гиги? Ты вѣдь любишь уединеніе и возвышенную природу?

Князь почувствовалъ язвительность ея словъ.

— Я удивляюсь твоей проницательности, Габріэлла. Ты такъ вѣрно поняла мой характеръ, отвѣтилъ онъ дерзко.

Принесли почту; Гиги пробѣжалъ газету.

— Ха, ха! Вотъ кое-что о Шарренштейнѣ. Наконецъ-то мы узнаемъ, гдѣ онъ таскается.

Онъ читалъ: княгиня не спускала съ него глазъ, а Габріэлла покраснѣла. Она умолчала о своей встрѣчѣ съ нимъ близъ St.-Pietro. Прочитавъ до конца, Гиги засмѣялся, насмѣшливо посмотрѣлъ на свою невѣсту и, передавая матери газету, весело сказалъ:

— Твои заботы о немъ, мама, были неосновательны: Іоганнъ никогда еще не былъ въ такомъ превосходномъ положеніи, какъ теперь. Прочитать вамъ?

Она отдала ему газету обратно, и Гиги, упорно разсматривая при каждомъ словѣ графиню, прочелъ сцену въ циркѣ Майланда, изъ которой корреспондентъ газеты создалъ цѣлую повѣсть.

— Милый Шарренштейнъ! смущенно проговорила княгиня.

Руки Габріэллы, рѣзавшей дичь, нервно дрожали. Ненависть ко всему мужскому роду поднималась въ ея сердцѣ.

* * *

Аѳина попала въ совершенно чуждый ей міръ, и этотъ міръ угнеталъ ее. Она чувствовала себя такою несчастною, какъ никогда. Она передала Іесто свои впечатлѣнія и просила успокоить ее. Онъ тоже рѣшился отказаться отъ предложенія Гиги и отправиться въ Вѣну хлопотать о мѣстѣ тамъ, при черногорскомъ консульствѣ.

Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Тріестъ, отправился онъ вмѣстѣ съ сестрой къ княгинѣ проститься. Аѳина уклонялась отъ этого, но дѣвическая скромность мѣшала ей быть очень настойчивою; она боялась, что братъ спроситъ причину ея нежеланія, а этого она старалась и должна была избѣжать.

Никто не долженъ подозрѣвать причину ея безпокойства, скорѣе готова она мужественно вынести прощаніе съ Гиги.

Съ бьющимся сердцемъ приблизилась она съ братомъ къ дачѣ. Княгиня, по обыкновенію, сидѣла въ качалкѣ на верандѣ, Гиги рядомъ съ ней, а Габріэлла отсутствовала. Іесто сообщилъ о своемъ рѣшеніи, княгиня искренно сожалѣла о предстоящей разлукѣ, Гиги закусилъ губу и молчалъ. Темнѣло немного, вечеръ тихо спускался на землю.

Гиги неудержимо хотѣлось побыть хотя минуту наединѣ съ Аѳиной: онъ желалъ поблагодарить ее за всю любовь, которую она ему выказывала, и чувствовалъ, что при другихъ ему не хватитъ подходящихъ словъ выразить это.

— Не пройдемъ ли посмотрѣть садъ? На верандѣ такъ душно и жарко, обратился онъ ко всѣмъ, всталъ при этомъ и пошелъ впередъ.

Всѣ согласились. Іесто предложилъ руку княгинѣ и повелъ ее по миртовой аллеѣ; Гиги и Аѳина медленно слѣдовали за ними.

Воздухъ былъ теплый и ароматный; въ цвѣтущихъ кустахъ защелкалъ соловей. Опьяняющій воздухъ наполнялъ весь садъ; вода фонтановъ струями поднималась кверху и съ плескомъ падала внизъ.

Сердце Гиги стучало. Замедляя шаги, онъ остановился около резервуара и смотрѣлъ съ Аѳиной на играющихъ золотыхъ рыбокъ. Онъ былъ очень взволнованъ; виски стучали, онъ не въ силахъ былъ выговорить ни слова! То, что̀ ему подсказывало сердце, честь и долгъ запрещали высказать.

А княгиня и Іесто шли все впередъ, разсуждая о своихъ планахъ на будущее. У воротъ зазвонилъ колокольчикъ. Гиги и

Аѳина слышали, какъ отворяли дверь и разговаривали вполголоса. Ясно разслышали они слова Флагіолетто:

— Госпожа съ своими гостями отправилась вонъ туда, я васъ провожу, синьоръ.

Быстрые шаги приближались и дѣлались стремительнѣе. пестрая фигура Черногорца выступила изъ кустовъ и остановилась противъ нихъ, у фонтана.

Аѳина онѣмѣла отъ ужаса, также какъ и Черногорецъ. Видъ у него былъ яростный, налитые кровью глаза блестѣли. Подчиняясь невольному чувству, Аѳина отскочила и обняла Гиги.

— Михаилъ! задыхаясь произнесла она.

— Да, да Михаилъ! пылая гнѣвомъ, воскликнулъ онъ и выхватилъ кинжалъ изъ ноженъ, чтобы вонзить въ офицера. Аѳина вырвалась, подскочила и схватила оружіе.

— Возьми меня, Махаилъ: я одна виновата!

Рука опустилась; у дѣвушки вырвался крикъ: остріе кинжала разрѣзало ей руку; Гиги обхватилъ ее. Михаилъ отшатнулся, увидавъ кровь возлюбленной, и въ отчаяніи ударилъ себя кинжаломъ въ сердце. Безъ сознанія лежала Аѳина на рукахъ Гиги, и его уста прижимались къ ея блѣднымъ губамъ.

— Аѳина! Роза Цетиньи! Если ты умрешь, я умру!.. Ты моя, моя на вѣки!

Предъ лицемъ смерти неудержимо вырвалась наружу неподдѣльная, чистая любовь.

Всѣ прибѣжали. Габріэлла стояла тутъ же блѣдная, окаменѣлая; она покачнулась и схватилась за стволъ олеандра, чтобы не упасть. Она еще не была въ состояніи произнести ни слова. Наконецъ она пришла въ себя и протянула руку: „проклятіе! опять обманъ!“ воскликнула она дрожащимъ голосомъ и поспѣшно вышла.

XVII.

Мертвая тишина царила въ замкѣ С. Піетро; Габріэлла, носившаяся по заламъ и галлереямъ, напоминала злаго духа. Она постарѣла, выраженіе лица было вялое, румянецъ на щекахъ поблекъ. Темныя полосы окружали глаза, и, казалось, даже золотистый цвѣтъ волосъ какъ будто потерялъ прежній блескъ. Мопсы увивались около ея ногъ, но она съ досадой отталкивала ихъ: ни человѣкъ, ни звѣрь не долженъ слышать отъ нея доброе

слово! Она ненавидѣла весь свѣтъ, такъ постыдно ее обманувшій.

Зачѣмъ была она такъ малодушна, зачѣмъ не воспротивилась желанію родныхъ и не порвала съ глупыми фамильными предразсудками. Мрачный взглядъ бросила она на портреты предковъ. Какъ ненавидѣла она ихъ, какъ ненавидѣла все, что ее окружаетъ!

Она встряхнулась. Не хочетъ она быть слабой, женственной! Свѣтъ, такъ ее обманувшій, долженъ узнать, какъ тверда графиня Габріэлла С. Анжело въ своихъ намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ. Сегодня еще она покажетъ, какъ смѣется она надъ нимъ.

Іоганнъ фонъ-Шарренштейнъ находится здѣсь, недалеко; его-то молчаливую любовь она и наградитъ! Онъ не лучше другихъ, это правда; но нужно доказать Гиги, какъ мало она имъ интересовалась. Она приказала осѣдлать лошадь: едва ее подвели, она вскочила на нее и поскакала. Мостъ остался позади. Съ трудомъ сдерживая собственное нетерпѣніе, проѣхала она шагомъ крутой спускъ съ горы и, какъ только лошадь почувствовала подъ ногами твердую почву, она понеслась, какъ стрѣла. Какъ амазонка, мчалась она черезъ виноградники. Лошадь покрылась пѣной, а платье и шляпа наѣздницы были забрызганы бѣлою слюной. Вотъ показался окруженный виноградниками домикъ художника. Она замѣтила его, конечно, но чувствовала себя еще не способной видѣть теперь его самого. Она бросилась далѣе, съ каждымъ шагомъ кровь все сильнѣе бушевала въ ней и грозила порвать просто жилы.

Іоганнъ стоялъ на твердынѣ и видѣлъ съ грустью, какъ она проѣхала мимо. Страстно протянулъ онъ руки впередъ, какъ будто желалъ ее обнять.

— Габріэлла! прозвучало въ прозрачномъ солнечномъ воздухѣ.

Она снова здѣсь! снова его сердце не будетъ знать покоя! Отчаянная мысль пришла ему въ голову; сегодня еще долженъ онъ придти къ окончательному результату и ребяческою выходкой добыть себѣ хотя бы спокойствіе.

Сейчасъ, сію минуту отправится онъ по дорогѣ въ С. Піетро, дождется ея возвращенія, чтобъ, упавъ къ ея ногамъ, высказать ей, невѣстѣ его друга, всю свою безконечную любовь! Съ гнѣвомъ откажетъ она ему, онъ это зналъ вѣрно, но надѣялся, что такое окончаніе, можетъ-быть, доставитъ ему такъ страстно желанный покой...

Медленно вышелъ онъ изъ своей усадьбы и пошелъ по пыльной дорогѣ въ замокъ. Точно укоръ совѣсти чувствовалъ онъ при каждомъ шагѣ впередъ и, какъ будто желая бѣжать отъ нихъ, ускорялъ шаги и, наконецъ, совсѣмъ запыхавшись, достигъ извилистой дорожки, направлявшейся прямо къ замку, который онъ видѣлъ въ первый разъ. Часто пробовалъ онъ дойти до этихъ мѣстъ, но что-то необъяснимое останавливало его всегда на половинѣ пути.

И вотъ онъ наконецъ передъ замкомъ. Ему казалось, что неожиданно исполнилось его страстное желаніе, и все-таки онъ былъ бы счастливъ, еслибъ эти стѣны сейчасъ рухнули и въ своихъ развалинахъ погребли его безпокойное, страстное сердце! Повернуть ему назадъ или идти впередъ? Хотѣлось ему сдѣлать первое, а дѣлалъ онъ послѣднее. Вотъ онъ уже на горѣ и опустился въ изнеможеніи на каменную скамейку подъ тѣнистыми каштанами.

— Такъ, такъ, сюда, Мирза! сейчасъ все рѣшится. Ты упрямишься, подожди я выучу тебя быть послушнымъ, единственный разъ въ жизни не послѣдовала я моему желанію и—и?

Лошадь, стремившаяся скорѣе въ конюшню, упиралась и не шла на боковую дорожку, которая вела къ жилищу Шаренштейна; хлыстъ Габріэллы принудилъ ее, и однимъ скачкомъ лошадь показала, насколько приказаніе было строго и внушительно. Графиня задержала поводья.

— Неужели животное разумнѣе меня? Что это? указаніе свыше, предзнаменованіе? Ба, что такое указаніе свыше, что такое предзнаменованіе? Собственное желаніе—вотъ единственное правило всей моей жизни! А если я буду несчастлива? Счастлива или нѣтъ, что за дѣло? Лишь бы не возбуждать сожалѣнія, не быть осмѣянною!

Она погнала лошадь впередъ, движеніе было ей необходимо. Мысль оставаться на одномъ мѣстѣ казалась ей теперь невыносимой.

— Гопъ, Мирза, гопъ!

Взмыленный скакунъ былъ уже въ виноградникахъ, но рабочіе сообщили на ея вопросъ о Іоганнѣ, что онъ незадолго покинулъ свое жилище. Снова нашло на нее точно предчувствіе, но она гнала его отъ себя. Круто повернула она лошадь и, какъ быстро ѣхала сюда, такъ медленно поѣхала она обратно. И снова

лошадь противилась ея волѣ: вытянувъ шею, раздувая ноздри, поспѣшно устремилась она домой.

— Тише, Мирза! при этомъ она сильно дернула поводъ. Насколько равномѣрно и спокойно было обыкновенно это животное, настолько сегодня оно безпокойно билось и плясало; Габріэлла съ каждою минутой дѣлалась безпокойнѣе. Только, когда лошадь увидала уже замокъ, пошла она, какъ всегда, спокойно.

— Господинъ фонъ-Шарренштейнъ! радостно воскликнула Габріэлла, увидавъ его, сконфуженно стоявшаго подъ каштанами.

Онъ все сомнѣвался, показаться ей или бѣжать отъ встрѣчи. Бросивъ поводья слугѣ, она выскользнула изъ сѣдла; онъ былъ слишкомъ смущенъ, чтобъ оказать ей помощь. Габріэллу тоже охватило замѣшательство, ей было бы гораздо легче идти на встрѣчу шумному, страстному возлюбленному, а не этому скрытному, боязливому Іоганну, который едва осмѣливается намекнуть на то, что чувствуетъ, а не то, чтобы высказать это! Габріэлла поднималась по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы; Шарренштейнъ стоялъ еще внизу и медлилъ слѣдовать за нею. У двери графиня обернулась.

— Развѣ вы не хотите войти? рѣзко сказала она.

Іоганнъ полетѣлъ по лѣстницѣ, а мужество его все болѣе покидало. Высокая, темная фигура Габріэллы неслась подъ сводами галлерей; шлейфъ ея амазонки волочился по мраморнымъ плитамъ. Шаги Шарренштейна снова замедлились; невольно началъ онъ ступать тише.

Наконецъ они въ обширномъ залѣ предковъ. Художнику казалось, что портреты мрачнымъ взоромъ смотрятъ на него, такъ незванно ворвавшагося сюда. Они сѣли у окна. Іоганнъ едва осмѣлился сѣсть на парчевую подушку кресла съ высокою спинкой. Ему было пріятно, что тяжелая старинная драпировка, отдѣлявшая выступъ отъ главнаго зала, лишала его возможности видѣть пронизывающіе взгляды предковъ.

Графиня сидѣла напротивъ. Ей видѣнъ былъ весь мостъ и дорога въ замокъ; рѣзной золоченый столикъ стоялъ между ними. Мопсы съ лаемъ ворвались изъ сосѣдней комнаты чрезъ непритворенную дверь; Габріэлла встала, прогнала ихъ и снова опустилась въ кресло.

Ея большіе глаза покоились на визави. Солнечный лучъ заигралъ на золотистыхъ завиткахъ ея волосъ, а чрезъ расписанныя гербами стекла оконъ падалъ розоватый свѣтъ на ея лобъ и

щеки. Она была очаровательна. Но Іоганнъ не осмѣливался поднять на нее глаза. Смущенно разсматривалъ онъ свои высокіе сапоги, со стыдомъ сознавая, что они всѣ покрыты пылью и что вообще вся его одежда не была подходящей для того, чтобы дѣлать визитъ дамѣ. Совершенно забывая цѣль своего посѣщенія, онъ съ величайшимъ удовольствіемъ вскочилъ бы и ушелъ отсюда. Наконецъ, благодареніе Богу, Габріэлла прервала молчаніе.

— Вы здѣсь бывали часто, господинъ Шарренштейнъ? спросила она, глядя на него блестѣвшими глазами.

Іоганнъ покраснѣлъ; онъ вспомнилъ частыя напрасныя попытки придти сюда.

— На дорогѣ въ зàмокъ я бывалъ довольно часто, графиня, уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Хорошо, что вы не рисковали взбираться на гору, потому что я только недавно пріѣхала сюда.

Въ словахъ ея слышалась горечь.

— Вы путешествовали? спросилъ Шарренштейнъ.

Габріэлла покраснѣла; она должна была произнести имя Гиги, которое онъ также, какъ и она, ни разу еще не произнесли. Но она не могла заставить себя выговорить его.

— Вы вѣроятно слышали, что князь Анжело былъ раненъ, я ѣздила...

Она остановилась, поблѣднѣла, дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ, потому что она увидала внизу на дворѣ что-то, что совершенно помутило ея разсудокъ. Тамъ остановилась почтовая карета, изъ которой выступила блестящая фигура Іесто Пресаевича; въ эту минуту онъ уже поднимался по лѣстницѣ въ зàмокъ. Габріэлла опустилась въ глубокое кресло и поднесла къ лицу носовой платокъ.

Шарренштейнъ вскочилъ и схватилъ ея руку: она была холодная, какъ ледъ.

— Вамъ дурно, Габріэлла?

Первый разъ назвалъ онъ ее по имени.

— Я думаю, беззвучно проговорила она и отстранила его руку.

— Я принесу воды вамъ и позову прислугу!..

Габріэлла едва слышала, чтò онъ говоритъ. Съ закрытыми глазами откинулась она въ кресло. Іоганнъ исчезъ и безуспѣшно бродилъ по обширному замку, не находя никого. Послышались шаги, Габріэлла вскочила, намѣреваясь бѣжать...

— Синьоръ Іесто Пресаевичъ, доложилъ слуга.

Незнакомецъ стоялъ уже позади него и, не дождавшись отвѣта, вошелъ въ залъ. Габріэлла походила на мраморную статую. Спокойно, увѣренно подошелъ къ ней Іесто и взялъ ея руку.

Ни звука... мертвая тишина царила въ обширной комнатѣ. Темные глаза Черногорца покоились на лицѣ Габріэллы, и подъ всемогущимъ ихъ огнемъ оцѣпенѣніе ея таяло, какъ глетчеръ подъ лучами іюльскаго солнца.

Онъ повелъ ее на балконъ. Его сильная рука поддерживала ее. Нѣжно посадилъ онъ ее на подушку. Ея холодная рука покоилась еще въ его рукѣ, и онъ чувствовалъ, какъ постепенно пульсъ ея бился ровнѣе.

— Габріэлла, я пріѣхалъ ходатаемъ за двухъ людей, которые, подчиняясь велѣніямъ высшихъ законовъ природы и вѣчной любви, готовы соединиться на всю жизнь въ этомъ мірѣ и въ будущемъ, но проклятіе тяготѣетъ надъ ними,—снимите его!

Габріэлла задрожала и большими блестящими отъ слезъ глазами смотрѣла на Іесто.

— Я пришелъ освободить ихъ, а взамѣнъ прошу, возьми меня Габріэлла! возьми мое честное, вѣрное, любящее сердце!

Голова Габріэллы лежала у него на груди, и потоки радостныхъ слезъ были единственнымъ отвѣтомъ. Стаканъ съ водой со звономъ упалъ изъ рукъ Іоганна фонъ-Шарренштейна...

. . . . . .

Его тревожное сердце обрѣло, наконецъ, желанный покой.

* * *

Годы прошли. Гиги уже давно окончилъ свое кругосвѣтное путешествіе. Аѳина, оберегаемая нѣжною заботливостью княгини, скоро усвоила себѣ привычки большаго свѣта и чувствовала себя тамъ хорошо. Любовь, какъ хорошій учитель, всегда была тутъ и помогала милой женщинѣ. Чего недоставало Аѳинѣ, тому училъ ее всегда любящій и терпѣливый мужъ.

Въ замокъ С.-Піетро проглянуло солнце; иногда кажется, что даже мрачныя комнаты сдѣлались свѣтлѣе и яснѣе. Обѣ линіи рода Анжело снова расцвѣли, и молодое поколѣніе растетъ веселое и здоровое, чтобы быть достойными носителями старинной фамиліи. Любовь, всепокоряющая любовь, примирила предразсудки предковъ: Іесто Пресаевичъ, благодаря высочайшей ми-

лости, долженъ былъ присоединить къ своему имени титулъ графа С.-Анжело.

Іоганнъ фонъ-Шарренштейнъ не возвращался въ свѣтъ, и спокойствіе хижины, окруженной виноградниками, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ спокойствію его сердца. Кроткая, грустная улыбка играетъ на его лицѣ. Онъ только-что любовался портретомъ своего дорогаго друга, Габріэллы. Галлерея съ портретами предковъ должна включить и этотъ портретъ,—золотистые волосы удались ему лучше всего.

Старый замокъ готовится къ торжеству: великолѣпный портретъ Габріэллы и рядомъ ея супруга должны быть помѣщены среди мрачныхъ предковъ. Ожидаютъ княгиню съ дѣтьми и внуками и сѣдаго, почтеннаго старца съ высокихъ, мрачныхъ горъ Черногоріи.

Воевода Аязитаосъ Пресаевичъ гостилъ теперь у своихъ дѣтей въ имѣніи близъ Аквилего. Онъ рѣшилъ покинуть свою суровую родину,—гдѣ онъ себя чувствовалъ такимъ одинокимъ,—чтобы полюбоваться на счастье своей Аѳины, „Розы Цетиньи", которая подъ солнечнымъ небомъ Италіи стала еще прекраснѣе. Теперь желаетъ онъ передать лично Іесто свое прощеніе и благословеніе. Его дѣти уговариваютъ его остаться у нихъ навсегда, но онъ упорно отказывается. Скалы Черногоріи были ему колыбелью, онѣ же пусть будутъ и могилой!..

КОНЕЦЪ.

ЧУВСТВО, ИДЕАЛЪ И ИДЕАЛИЗАЦІЯ.

(Психологическо-литературный этюдъ.)

II.

Вопросъ объ идеализаціи настолько важенъ, что правильное пониманіе того душевнаго акта, который обозначается этимъ словомъ, представляетъ чрезвычайное значеніе въ нравственномъ отношеніи. Поэтому необходимо, по возможности, выяснить его, и потому мы еще разъ вернемся къ нему и разсмотримъ его нѣсколько подробнѣе, остановившись преимущественно на разборѣ общераспространеннаго взгляда на идеализацію, который очень послѣдовательно изложенъ въ „Психологіи“ покойнаго профессора Владиславлева. На его мнѣніяхъ по этому вопросу мы и остановимся на нѣкоторое время, такъ какъ разсмотрѣніе этихъ мнѣній дастъ намъ случай вполнѣ выяснить, что̀ надо разумѣть подъ словомъ „идеализація“.

Выше сказано было, что обыкновенно думаютъ, что идеализировать значитъ ложно смотрѣть на явленія, представлять ихъ лучшими, чѣмъ они есть въ самомъ дѣлѣ. Такой невѣрный взглядъ на идеализацію мы находимъ и въ „Психологіи“ Владиславлева (т. II). Разсматривая въ отдѣлѣ чувствованій источникъ личныхъ привязанностей человѣка, онъ утверждаетъ (II, 121): „Любовь идеализуетъ: вмѣсто реальнаго существа съ его недостатками и несовершенствами, она *подставляетъ* идеальное, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, на которое реальность

въ лучшемъ случаѣ только неопредѣленно намекаетъ... Для воображенія, при нѣжныхъ отношеніяхъ, даже нѣтъ иногда и надобности въ какихъ-либо намекахъ: въ противорѣчіе съ дѣйствительностью, оно ставитъ идеальный образъ, и, въ смыслѣ его любящій объясняетъ все находимое въ любимомъ существѣ. Не станемъ жалѣть объ этомъ фактѣ. Еслибы мы не способны были идеализовать кого бы то ни было, мы никого и не любили бы, ни къ кому сильно не привязывались бы сердцемъ. Пусть говорятъ, что въ любви человѣкъ обманываетъ самого себя; такой самообманъ, способность къ нему есть самая лучшая черта человѣческаго сердца: она, между прочимъ, возвышаетъ его надъ животными".

Такимъ образомъ, признавая идеализацію обманомъ, выдумкой воображенія, считаютъ, въ то же время, способность къ такому самообману лучшею чертой человѣческаго сердца. Но если идеализація есть только обманъ, фикція, то не только странно признавать такой обманъ какимъ-то преимуществомъ человѣка, но просто странно, не должно мириться съ нимъ. Если идеализація есть обманъ, то, очевидно, правы тѣ, кто протестуетъ противъ него, такъ какъ психическая жизнь человѣка вообще и нравственное его существованіе въ частности не могутъ быть построены на обманѣ.

„Когда любовь
„Есть ложь, то всѣ понятія и чувства,
„Которыя она въ себѣ вмѣщаетъ:
„Честь, совѣсть, состраданье, дружба, вѣрность,
„Религія, законовъ уваженье,
„Привязанность къ отечеству—все ложь!"

(Графъ А. Толстой: *Донъ-Жуанъ*, т. I, стр. 67).

Если любовь идеализируетъ тотъ предметъ, на который она обращена, а идеализація есть обманъ, но, тѣмъ не менѣе, обманъ этотъ признается лучшею чертой человѣческаго сердца, то, очевидно, вопросъ поставленъ неправильно и въ немъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Оно станетъ намъ ясно, если мы вспомнимъ прекрасное стихотвореніе графа А. К. Толстаго (соч. т. I, стр. 286):

„Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая,
„И до чела твоя восходитъ кровь;
„Не вѣрь себѣ! Сама того не зная,
„Ты любишь въ немъ лишь первую любовь.

„Ты не его въ немъ видишь совершенства.
„И не собой привлечь тебя онъ могъ—
„Лишь тайныхъ думъ, мученій и блаженства
„Онъ для тебя отысканный предлогъ.
„То лишь обманъ неопытнаго взора,
„То жизни лучъ изъ сердца ярко бьетъ
„И золотитъ, лаская безъ разбора
„Все, что̀ къ нему случайно подойдетъ.“

Вотъ истинное изображеніе той идеализаціи, о которой говоритъ Владиславлевъ. Оказывается, что поэтъ вѣрнѣе представилъ намъ явленіе, чѣмъ психологъ, и въ этомъ невѣрномъ пониманіи явленія со стороны послѣдняго и заключается все недоразумѣніе. Въ изображеніи графа А. К. Толстаго никакого обмана нѣтъ, а есть ошибка (что далеко не одно и то же), происшедшая отъ неопытности. Настоящій же источникъ ея, внутренняя жизнь самого любящаго, не обманъ, а дѣйствительность: изъ этой *живой* дѣйствительности и вышелъ тотъ „жизни лучъ“, который *безъ разбора* золотитъ все, что ни попадется ему. Отъ этого неумѣнія *разобраться* въ явленіяхъ жизни и произошла ошибка.

Невѣрное толкованіе, допущенное въ одномъ случаѣ, неизбѣжно распространяется и на остальные аналогичные случаи. И дѣйствительно, оказывается, что мы не только можемъ идеализировать (въ общепринятомъ смыслѣ, то-есть украшать, представлять въ ложномъ видѣ) любимаго человѣка, но даже можемъ *идеализировать истину и ложь* (т. II, стр. 175 и 177). Такимъ образомъ, выходитъ, что есть двѣ истины и двѣ лжи: идеализированная и неидеализированная. Которая же изъ нихъ настоящая истина и настоящая ложь? Но этого мало. По мнѣнію Владиславлева (II, 181), можно также *идеализировать добро и зло.* Идеализируя добро, мы представляемъ его себѣ „какъ что-то прекрасное, великое, какъ высочайшую цѣнность“. Такъ какъ идеализація признана обманомъ, украшеніемъ, то выходитъ, что неидеализированное, настоящее добро не прекрасно, не велико и не драгоцѣнно! Не обращая вниманія на возможность такого вывода, авторъ говоритъ: „Добро выше, чѣмъ красота и истина: ибо, кромѣ ихъ, оно заключаетъ въ себѣ еще и святость содержанія.“—Значитъ, истина и красота не святы. Но святое добро, по мнѣнію автора, *кажется* намъ прекраснымъ, великимъ и драгоцѣннымъ только вслѣдствіе идеализаціи. Въ дѣйствитель-

ности же оно не имѣетъ этихъ качествъ. Каковы же, въ такомъ случаѣ, истина и красота, у которыхъ, сверхъ того, нѣтъ и святости! Но и на этомъ идеализація не останавливается у автора. Распространяясь на все, она доходитъ до *идеализаціи Бога* и только тутъ оканчивается, ибо дальше идти ей некуда. „Идеализація относительно высочайшаго существа достигаетъ самыхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ она вообще можетъ развиваться“ (II, 186). Дѣйствительно, послѣ того, какъ человѣкъ договорился до идеализаціи истины, добра и самого Бога, идти больше некуда.

Если мы теперь остановимся и обсудимъ хладнокровно только что приведенныя мнѣнія Владиславлева объ идеализаціи, то окажется, что вся ошибка его заключается въ томъ, что онъ былъ послѣдовательнѣе другихъ. Принявъ общераспространенное пониманіе идеализаціи, онъ совершенно послѣдовательно распространилъ его на всѣ явленія, ибо, дѣйствительно, принимая слово идеализація въ общеупотребительномъ смыслѣ, нѣтъ никакого основанія дѣлить явленія на такія, которыя можно идеализировать и на такія, которыхъ идеализировать нельзя. Такое дѣленіе становится возможнымъ только тогда, когда мы поймемъ слово идеализація въ его настоящемъ значеніи, именно—какъ способность постигать чувствомъ идеальное (то-есть, абсолютное) начало въ явленіяхъ. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, можно и должно раздѣлить явленія на двѣ категоріи: идеализируемыя и неидеализируемыя. Первыя—всѣ явленія положительныя, то-есть такія, въ которыхъ заключена и выражена абсолютная сущность. Идеализація этихъ явленій состоитъ не въ томъ, что мы ихъ украшаемъ, представляемъ въ лучшемъ, чѣмъ они есть, видѣ, а въ томъ, что мы чувствомъ постигаемъ скрытое въ нихъ абсолютное, идеальное начало. Если тутъ и есть украшеніе, если при идеализаціи и становится что-либо лучшимъ, то это именно самъ идеализирующій человѣкъ, а вовсе не идеализируемое явленіе. Идеализація, то-есть постиженіе чувствомъ скрытаго въ явленіяхъ абсолютнаго, идеальнаго начала, возвышаетъ, очищаетъ и, слѣдовательно, нравственно улучшаетъ человѣка, но она ничего не можетъ прибавить къ самымъ явленіямъ.

Что касается до явленій неидеализируемыхъ, но это такія, которыя можно назвать отрицательными, въ которыхъ нѣтъ абсолютной сущности или, иначе говоря, которыя произошли отъ отсутствія сущности абсолютной и существованіемъ своимъ свя-

дѣтельствуютъ объ этомъ отсутствіи. Такъ какъ идеализація есть постиженіе чувствомъ абсолютнаго начала въ явленіяхъ, то очевидно, что она только и можетъ относиться къ явленіямъ первой категоріи, такъ какъ въ явленіяхъ второй категоріи, за отсутствіемъ въ нихъ абсолютной сущности, и постигать нечего.

Неправильное пониманіе идеализаціи обыкновенно соединено съ неправильнымъ пониманіемъ того, что такое идеалъ. Самое обыкновенное, самое распространенное объясненіе его мы находимъ, опять-таки, у Владиславлева (т. I, 402): „Анализируя идеалы, построяемые воображеніемъ", говоритъ онъ,—мы находимъ слѣдующіе отличительные признаки ихъ. *Всякій идеалъ говоритъ намъ не о томъ, что есть, а что должно быть. Имъ мы поправляемъ дѣйствительность.* Мы улучшаемъ ее, представляя ее въ своей фантазіи освобожденною отъ недостатковъ, отъ всѣхъ сторонъ, которыми она часто угнетаетъ насъ. [1]

Теперь спрашивается: откуда мы беремъ представленіе о томъ, что̀ должно быть? Итакъ, мы можемъ знать, что̀ должно быть и чего не должно быть? Если все это создается воображеніемъ и есть плодъ простаго фантазированія, то какую можетъ имѣть это цѣну? На какомъ основаніи можемъ мы придавать своимъ идеаламъ руководящее значеніе?

„Не удовлетворяясь фактическимъ положеніемъ общества, или обыкновеннымъ складомъ и развитіемъ личностей, мы рисуемъ ихъ себѣ въ воображеніи, каковы они должны были бы быть", поясняетъ Владиславлевъ свое понятіе объ идеалѣ.

Такимъ образомъ, по его мнѣнію, построеніе идеала вызывается чувствомъ недовольства настоящимъ и самый идеалъ создается по противоположности. Такое объясненіе оставляетъ неясными самые существенные вопросы.

Вопервыхъ, откуда можетъ возникнуть недовольство настоя-

---

[1] Точно также смотритъ на происхожденіе идеала и г. Троицкій. Въ книгѣ своей *Наука о Духѣ* (I. 77) онъ говоритъ: „*Сравнительное несовершенство* психическаго существованія, *дающее мѣсто идеаламъ*, зависитъ отъ недостатка положительныхъ и *присутствія отрицательныхъ* условій психическаго развитія человѣка". Подчеркнутыя мною слова ясно показываютъ, что авторъ выводитъ идеалъ изъ *отрицательныхъ* сторонъ психическаго существованія человѣка. Между тѣмъ, идеалъ порождается стремленіемъ постигнуть абсолютное начало, основаннымъ на присутствіи этого начала въ самомъ человѣкѣ. Причемъ же тутъ несовершенства психическаго существованія, которыя и сознаны быть не могутъ безъ идеала? *Ф. В.*

щимъ или, вообще, недовольство какимъ бы то ни было явленіемъ? Изъ противорѣчія тому, что должно быть? Значитъ, прежде, чѣмъ человѣкъ почувствуетъ недовольство какимъ-либо явленіемъ, противорѣчащимъ тому, что должно быть, человѣку надо знать, что именно и какъ должно быть. Иначе говоря, въ его душѣ долженъ уже быть элементъ, руководящій имъ въ его отношеніяхъ къ явленіямъ. Вовторыхъ, какъ можетъ человѣкъ доказать, что его представленіе о томъ, что должно быть, истинное и, слѣдовательно, для всѣхъ обязательное? На что онъ можетъ въ этомъ случаѣ опираться? На *свой* идеалъ? Но какое имѣетъ онъ право распространять его обязательность на другихъ людей, если это только *его личный* идеалъ? У другихъ людей могутъ оказаться тоже *свои личные* идеалы, несогласные съ тѣмъ *личнымъ* идеаломъ, который человѣкъ себѣ создалъ. Какія же у него средства устранить изъ жизни чужіе идеалы и водворить свой? Кромѣ внѣшней борьбы—никакихъ. Но всякая внѣшняя борьба сама по себѣ уже есть противорѣчіе идеалу, ибо всякая внѣшняя борьба руководствуется принципомъ внѣшней силы, противъ которой всегда можетъ найтись другая, еще бо́льшая сила, и побѣда достанется не тому, чей идеалъ лучше и выше, а тому, у кого силы больше.

Очевидно, идеалъ, какъ плодъ воображенія, созданный для поправки и прикрасы неприглядной дѣйствительности, не имѣетъ ровно никакого значенія, и это еще въ самомъ лучшемъ случаѣ. Чаще же всего онъ имѣетъ вредное значеніе, какъ всякое „фантазерство“, раздражающее человѣка пустыми мечтаніями и мѣшающее ему жить и дѣлать дѣло, къ которому онъ призванъ. Это не болѣе, какъ маниловщина, ничѣмъ не отличающаяся отъ сентиментальныхъ мечтаній „о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки“, черезъ которую начинаетъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, „строиться мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ“; потомъ можно пріѣхать „въ хорошихъ каретахъ“ „въ какое-то“ общество, гдѣ обворожитъ всѣхъ „пріятностію обращенія“, такъ что „самое высшее начальство, узнавъ о такой дружбѣ... пожалуетъ генералами“. Всѣ мечты, по характеру своему, похожи на это мастерское гоголевское изображеніе, и если идеалъ есть не болѣе,

какъ мечта воображенія, то онъ не имѣетъ никакой нравственственной цѣны по одному уже тому, что всякій воленъ мечтать по-своему.

Столь же мало значенія имѣетъ идеалъ и какъ поправка дѣйствительности. Къ жизни нельзя и не должно относиться мечтательно. Жизнь требуетъ труда и работы, а всѣ мечтатели плохіе работники. Чтобы рисовать себѣ дѣйствительность такою, какою она должна быть, надо *знать*, какою она должна быть, а для этого надо ее изучать; а гдѣ изученіе, тамъ нѣтъ мѣста мечтамъ и фантазіи, а выступаетъ на первый планъ сама дѣйствительность, которая, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ изучаетъ ее, сама же и научаетъ его, какъ ее исправить. Приступать же къ ней съ мечтами опасно, потому что можно забрести въ область утопій, изъ которой не найдешь никакого выхода и въ которой потеряешь изъ глазъ всякую дѣйствительность.

Оказывается такимъ образомъ, что обыкновенное пониманіе идеала не выдерживаетъ критики. Если идеалъ есть мечта воображенія, вызванная недовольствомъ дѣйствительностью, то нѣтъ идеала, а есть *идеалы*, такъ какъ каждый человѣкъ и каждая отдѣльная группа единомысленныхъ людей могутъ построить. и дѣйствительно строятъ, свой собственный идеалъ, и всѣ эти отдѣльные *личные* идеалы будутъ находиться во взаимной борьбѣ, и эта идейная борьба ничѣмъ не лучше всякой другой борьбы. Чтобы устранить эту борьбу, нужно, чтобы были не *идеалы*, а *единый общій идеалъ*, единственный признакъ котораго—*абсолютность*. Идеалы, какъ мечта воображенія, относительны; идеалъ, какъ выраженіе абсолютнаго начала, абсолютенъ постольку, поскольку выразилось въ немъ абсолютное (то-есть божественное) начало. — Въ зависимости же отъ его абсолютности находится и его обязательность: присутствующій въ немъ абсолютный, божественный элементъ можетъ быть постигаемъ всѣми людьми, такъ какъ въ каждомъ человѣкѣ тоже есть абсолютный божественный элементъ.

Для положенія сказаннаго, возьмемъ примѣръ.

Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи „Мицкевичъ“, изображаетъ намъ польскаго поэта чрезвычайно симпатичными чертами:

„Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,

Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили".

Уйдя на Западъ, этотъ „мирный", „благосклонный" поэтъ, проповѣдникъ всеобщаго согласія и мира, сталъ воспѣвать въ своихъ стихахъ злобу и ненависть:

„Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!"

Въ отвѣтъ на этотъ голосъ злобы и ненависти, Пушкинъ оканчиваетъ стихотвореніе такимъ пожеланіемъ:

. . . „О Боже! Возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!"—

Идеаленъ такой поступокъ Пушкина или нѣтъ? Конечно, идеаленъ, ибо что же можетъ быть выше, чище такого примирительнаго, альтруистическаго желанія? Оно не только не отвѣчаетъ на злобу—злобой, на ненависть—ненавистью, оно уничтожаетъ злобу и ненависть въ самомъ ихъ источникѣ, не давая имъ никакой пищи, не признавая ихъ въ самóмъ злобствующемъ, а, наоборотъ, обращаясь къ лучшимъ сторонамъ его души. Но откуда взялъ Пушкинъ такое идеальное желаніе? Создано ли оно игрой его воображенія, какъ противовѣсъ злобному голосу польскаго поэта? Участія воображенія тутъ, очевидно, никакого нѣтъ. Разсматриваемое же какъ противовѣсъ эгоистическому и злобному чувству, сказавшемуся въ пѣсняхъ Мицкевича, альтруистическое желаніе Пушкина прямо приводитъ насъ къ источнику идеала, къ тому абсолютному, божественному началу, которое заключено въ душѣ человѣка и изъ котораго Пушкинъ и почерпнулъ свое альтруистическое желаніе. Изъ этого примѣра мы видимъ, что *идеальное* состоитъ не въ замѣнѣ дѣйствительности

мечтой воображенія, а въ замѣнѣ одной, *отвергаемой* человѣкомъ, дѣйствительности другою, *признаваемой* имъ дѣйствительностью. Пушкинъ на злобный голосъ Мицкевича отвѣтилъ мольбой о ниспосланіи мира его душѣ, то-есть о замѣнѣ въ немъ эгоистическихъ чувствъ альтруистическими.

Въ этой замѣнѣ личнаго, относительнаго и потому эгоистическаго начала началомъ объективнымъ и абсолютнымъ и состоитъ идеализація. Произвести главную замѣну и значитъ создать идеалъ или идеальное представленіе, смотря потому, къ чему относится такая замѣна: ко всей жизни въ ея совокупности или къ отдѣльнымъ жизненнымъ явленіямъ. Это постоянное созданіе идеаловъ и идеальныхъ представленій составляетъ истинное содержаніе всей духовно-нравственной дѣятельности человѣка, проявляющейся въ формѣ науки, искусства и религіи. Во всѣхъ этихъ областяхъ духовно-нравственной дѣятельности человѣка мы только и встрѣчаемся съ идеалами и идеальными представленіями. Не говоря о религіи, идеальный характеръ которой никѣмъ не оспаривается, всякая научно-истинная мысль есть мысль идеальная, есть проникновеніе въ область идеала, есть постиженіе идеала путемъ логическаго мышленія, такъ какъ всякая истинная мысль есть вмѣстѣ съ тѣмъ, въ предѣлахъ своей истинности, и мысль абсолютная.

Въ сферѣ искусства всѣ истинно-художественныя произведенія вводятъ насъ въ сферу идеала (то-есть въ сферу абсолютнаго начала), открывая и объясняя намъ тѣ или другія его стороны. При современномъ взглядѣ на художественное творчество, главнымъ достоинствомъ котораго признается реальность, высказанный мною взглядъ можетъ показаться страннымъ. Въ виду этого, позволю себѣ войти по этому поводу въ нѣкоторыя подробности.

Обыкновенно говорятъ, что художественное творчество есть изображеніе жизни, и потому требуютъ отъ него вѣрности дѣйствительности. Это и вѣрно, и невѣрно. По существу, художественное творчество ничего общаго съ „дѣйствительностью“ не имѣетъ, въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно утверждаютъ. Оно есть выраженіе внутренней и, притомъ, *идеальной* жизни художника. Идеальной не въ томъ смыслѣ, что онъ *украшаетъ* въ своихъ мечтахъ явленія жизни и въ этомъ „украшенномъ“ видѣ преподноситъ ихъ намъ, а въ томъ смыслѣ, что вслѣдствіе бо́льшей, чѣмъ у обыкновенныхъ людей, гармоничности своей

души, а потому и чуткости ея, онъ постигаетъ *идеальный* смыслъ жизненныхъ явленій, постигаетъ то идеальное, абсолютное, божественное начало, которое есть въ нихъ. Чѣмъ больше въ душѣ человѣка гармоніи, тѣмъ, съ одной стороны, легче постигается имъ это идеальное начало, а съ другой — тѣмъ и въ его собственной душѣ оно громче говоритъ, легче проявляется и скорѣй сознается самимъ человѣкомъ. Слѣдовательно, художественныя произведенія суть воплощенія того *идеальнаго* (то-есть абсолютнаго, божественнаго) міра, который художникъ провидитъ въ окружающей его дѣйствительности и, главнымъ образомъ, въ своей собственной душѣ.—Безъ идеальнаго начала въ душѣ самого художника никакая „дѣйствительность" ничего не дастъ. Ибо, кромѣ способности постигать это идеальное начало и способности отзываться на него идеальными состояніями своей души, для художественнаго *творчества* необходима еще способность облечь все это *въ самостоятельную* (то-есть нигдѣ не данную) художественную форму (въ форму картины, статуи, типа, образа и т. п.), облечь такъ, чтобы получилась художественная *личность*, въ которой это идеальное начало выражалось бы какъ ея *личныя* свойства, потому что только при этомъ послѣднемъ условіи получится *живое* созданіе, *живая* личность, а безъ него выйдетъ или манекенъ или абстрактъ. Особенность художественнаго творчества въ томъ и состоитъ, что художникъ пользуется *тѣмъ же* матеріаломъ, какой доступенъ и всѣмъ остальнымъ людямъ; но между тѣмъ какъ простые люди изъ этого матеріала никакого художественнаго произведенія создать не могутъ, художникъ создаетъ произведенія, по справедливости считающіяся безсмертными и притомъ такія, которымъ не только нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности, но никогда и не можетъ быть. Изъ этого не слѣдуетъ, что художественныя произведенія „выдумка", что они „не дѣйствительность". Нѣтъ! Они не только дѣйствительность, но *они дѣйствительнѣе всякой дѣйствительности*, ибо они выражаютъ высшую, идеальную (то-есть абсолютную, божественную) дѣйствительность. Поэтому-то они и безсмертны, какъ безсмертно выражаемое ими идеальное начало. Развѣ Аполлонъ Бельведерскій и Венера Милосская, Мадонна Рафаэля и Мадонна Мурильо, Гамлетъ, Отелло, Фаустъ, Пушкинская Татьяна, Чацкій, Печоринъ, Плюшкинъ, Хлестаковъ, Тургеневская Лиза и т. п. — развѣ это не дѣйствительность? Развѣ это не живыя личности?

Всѣ мы говоримъ объ нихъ, какъ о живыхъ личностяхъ, разбираемъ и обсуживаемъ ихъ характеры, свойства, рисуемъ ихъ изображенія, относимся къ нимъ съ тѣми или другими чувствами, споримъ не только изъ-за нихъ, но и съ ними самими, однимъ словомъ, относимся къ нимъ, какъ къ живымъ и всѣмъ намъ хорошо знакомымъ личностямъ.—А между тѣмъ, развѣ они существовали въ самомъ дѣлѣ? И не только они сами, но развѣ существовали и могутъ существовать въ самомъ дѣлѣ *такія* личности? Очевидно, они созданы *не только* изъ того матеріала, какой давала авторамъ современная имъ „дѣйствительность", но, главнымъ образомъ, изъ глубины ихъ собственнаго духа, на почвѣ того идеальнаго начала, которое они ощущали въ своей душѣ. И, слѣдовательно, въ нихъ надо видѣть изображеніе не *реальной* дѣйствительности, а *идеальной*, но идеальной не въ смыслѣ „выдуманной", „украшенной" (и, слѣдовательно, фальшивой), а въ смыслѣ дѣйствительности, проникнутой и освѣщенной идеальнымъ (то-есть абсолютнымъ, божественнымъ) началомъ.

Такой взглядъ на значеніе идеала въ художественномъ творчествѣ былъ у всѣхъ нашихъ великихъ художниковъ: у Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, художника Иванова, Тургенева.—Но наиболѣе ясно и опредѣленно онъ высказанъ Жуковскимъ и Гоголемъ, на мнѣніяхъ которыхъ мы, поэтому, и остановимся.

Жуковскій не только въ стихахъ выражалъ идею, что „поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли", но въ прозаическихъ своихъ статьяхъ (совершенно незаслуженно забытыхъ) высказывалъ тѣ же идеи.

„Красота есть не иное что, какъ тайное выраженіе божественнаго", говоритъ онъ въ статьѣ „Наука" (т. VI, стр. 61).

Въ этой же статьѣ есть превосходное мѣсто, вполнѣ относящееся къ тому, о чемъ идетъ теперь у насъ рѣчь, и я не могу не воспользоваться имъ. На той же 61 стр. VI т. Жуковскій, объясняя, что̀, по его мнѣнію, составляетъ самое цѣнное въ наукѣ, говоритъ: „Душѣ (я говорю о душѣ взятой отдѣльно) принадлежитъ одно *неизмѣнное*: то, что существуетъ внѣ пространства и времени, что, будучи извлечено изъ науки, остается въ душѣ ея самобытною, неотъемлемою, съ нею сліянною собственностію, независимо какъ отъ самой науки, такъ и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, временную нашу жизнь составляющихъ. — Это вѣчное есть Богъ, источникъ и предметъ всякаго

знанія; *всякій шагъ впередъ науки долженъ быть шагомъ приближающимъ къ Богу, новымъ откровеніемъ въ таинствѣ нашихъ вѣчныхъ къ нему отношеній.* Все, что̀ мы *здѣсь* знаемъ, принадлежитъ здѣшней жизни и, изъ нея истекая, здѣсь съ нею и остается; но итогъ нашихъ знаній, элементъ ихъ животворящій, то, что въ нихъ принадлежитъ исключительно душѣ и съ нею вмѣстѣ уйдетъ изъ здѣшней жизни, это есть наше знаніе Бога и знаніе нашихъ къ нему отношеній". О творчествѣ собственно поэтическомъ, художественномъ, въ томъ же VI т. (стр. 90—103) помѣщено превосходное письмо Жуковскаго къ Гоголю на тему: „Слова поэта—дѣла поэта."

„Это прекрасное", читаемъ въ этомъ письмѣ, „котораго нѣтъ въ окружающемъ насъ вещественномъ мірѣ, но которое въ немъ находитъ наша душа, [1] пробуждаетъ ея творческую силу. Душа бесѣдуетъ съ созданіемъ, и созданіе ей откликается. Но что̀ же этотъ отзывъ созданія? Не голосъ ли самого создателя? Всѣ мелкія, разрозненныя части видимаго міра сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одинъ, самъ по себѣ несущественный, но ясно душей нашею видимый образъ. Что̀ же этотъ несущественный образъ? Красота. *Что же красота? Ощущеніе и слышаніе душей Бога въ созданіи.* И въ ней, истекшей отъ Бога, живетъ стремленіе творить по образу и подобію творца своего, то-есть влагать самое себя въ свое созданіе. Но создатель всего извлекъ это все изъ самого себя: небытіе стало бытіемъ. Человѣкъ не можетъ творить изъ ничего, онъ только можетъ своими, заимствованными изъ созданія средствами повторять то, что̀ Богъ создалъ своею всемогущею волей. Сей произвольный актъ творенія есть возвышенная жизнь души; цѣлью его можетъ быть не иное что, какъ осуществленіе того прекраснаго, *котораго тайну душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится ясно выразить въ твореніи собственномъ.* Сіе ощущеніе и выраженіе прекраснаго, сіе пересозданіе своими средствами созданія Божія есть художество. Что̀ же такое художникъ? Творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это твореніе, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ несоединенное. *Въ чемъ состоитъ актъ творенія? Въ осуществленіи идеи*

---

[1] Изъ предыдущаго видно, что Жуковскій разумѣетъ здѣсь тотъ идеальный элементъ въ окружающемъ насъ мірѣ, котораго *нѣтъ* для внѣшнихъ чувствъ, но который постигается душей. *Ф. В.*

творца... Самое высшее изъ произведеній художества есть то, когда художникъ выражаетъ не только собственную идею, но въ своей идеѣ и самого верховнаго творца; самое низшее то, когда онъ съ рабскою точностію повторяетъ видимое твореніе; между сими двумя крайностями оттѣнки безчисленны, начиная отъ сходнаго во всѣхъ подробностяхъ изображенія насѣкомаго до вдохновеннаго изображенія Троицы. Красота художественнаго изображенія состоитъ *въ истинѣ выраженія*, то-есть въ ясности идеи и въ ея гармоническомъ согласіи съ матеріальнымъ художественнымъ ея образомъ, который съ своей стороны долженъ быть согласенъ съ образомъ, заимствованнымъ изъ созданія внѣшняго. Художество въ тѣсномъ смыслѣ довольствуется только этою относительною истиной; но художество въ обширномъ, высшемъ значеніи имѣетъ предметомъ красоту высшую. *Переводя на свое второбытное созданіе то, что онъ находитъ вокругъ себя въ созданіи первобытномъ, художникъ, повторяю, долженъ выражать не одну собственную, человѣческую идею, не одну свою душу, но въ ней и идею создателя, духъ Божій, все созданное проникающій.*"

Переходя за симъ къ художеству словесному, Жуковскій говоритъ:

„Обыкновенно разсуждая о художествахъ, оставляютъ въ сторонѣ художника, и творца рознятъ съ твореніемъ. Можно ли допускать или оправдывать такой разрывъ, не знаю,—по крайней мѣрѣ не въ теоріи, опредѣляющей не то, что можетъ быть и бываетъ, а то, что всегда должно быть. Поэтъ творитъ словомъ, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно владѣвшею душей поэта, стремительно переходя въ другую душу, *производитъ въ ней такое же вдохновеніе* и ее также могущественно объемлетъ; это дѣйствіе не есть ни умственное, ни нравственное—*оно просто власть*, которой мы ни силой воли, ни силой разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни пріобрѣтеніе какой-нибудь новой, логически-обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художествен-

наго произведенія, или, вѣрнѣе, *смотря по духу самого* художника.

„Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога,— есть, такъ-сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ нимъ въ товарищество созданія. *Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе; поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія.* Таковъ истинный смыслъ его призванія, его великаго дара, который въ то же время есть и страшное искушеніе, ибо въ сей силѣ для полета высокаго заключается и опасность паденія глубокаго.

„Въ произведеніяхъ художества мы наслаждаемся красотой созданія, прелестью частей, гармоніей цѣлаго и тому подобнымъ, но все это есть одна низшая, такъ-сказать, матеріальная сторона нашего наслажденія: мы можемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ насъ увлекаетъ, можемъ указать на возвышенность или пріятность содержанія, на точность, живость, необыкновенность выраженія, на музыку словъ; *но то, что безотчетно и неуловимо и что однако всему этому даетъ жизнь, это есть духъ поэта, въ созданіи его тайно соприсутственный.* И если онъ есть духъ чистоты, если художественное созданіе (какой бы, впрочемъ, ни былъ предметъ его) проникнуто имъ такъ же, какъ образецъ его, Божіе созданіе, духомъ Создателя, то и дѣйствіе поэта (дѣло поэта, заключенное въ его словѣ) будетъ благодатно, какъ дѣйствіе неизглаголаннаго мірозданія на душу, отверстую его святынѣ. Не въ томъ, что составляетъ содержаніе поэтическаго произведенія, заключается его нравственно-образовательное на насъ вліяніе, *а въ томъ, что есть самъ поэтъ* (сколько бы, повторяю, его личность ни далека была отъ избраннаго имъ предмета); увлекаемые прелестью его созданія, мы нечувствительно проникаемся его вѣрой, его любовію, его возвышенностію и чистотой, и она по тайному сходству остается въ сліяніи съ нами, какъ послѣдній результатъ поэтическаго наслажденія.

„Что же, спросятъ, неужели поэтъ долженъ ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ божества и человѣчества? Отвѣтъ простой: не произноси имени Бога, но знай его, вѣрь ему, иди къ нему, веди къ нему—тогда что̀ ни встрѣтилось на пути твоемъ откровенному твоему оку, и что̀ бы ни было это встрѣченное—

высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначущее или легкое, забавное или мрачное — все оно, прошедъ черезъ твою душу, пріобрѣтетъ ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободно...

...*Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлить отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе; что онъ самъ, то будетъ и его созданіе.* Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, нечистые или чудовищные ни представлялъ онъ намъ, какъ художникъ; но и самое святое подѣйствуетъ на насъ какъ отрава, когда оно намъ выльется изъ сосуда души отравленной".

Таковъ взглядъ Жуковскаго на художественное творчество и на значеніе въ немъ *личности* самого художника и того *идеала*, которымъ онъ руководствуется. Изложенный здѣсь подлинными словами самого поэта, онъ не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ.

Гоголь смотрѣлъ на значеніе поэта точно такъ же, какъ и всѣ лучшіе представители нашей поэзіи. По его понятіямъ, поэтъ долженъ быть провозвѣстникомъ божественной истины и для этого долженъ возвыситься до постиженія абсолютнаго, божественнаго начала, выражающагося въ явленіяхъ жизни. А къ этому постиженію ведетъ одинъ только путь, именно путь нравственнаго самоусовершенствованія. Чѣмъ выше будетъ стоять человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ и взглядъ его на жизнь будетъ выше, и съ высоты этого идеальнаго воззрѣнія сама жизнь предстанетъ человѣку въ своемъ истинномъ значеніи. Отсюда и самое творчество его получитъ болѣе высокій, идеальный характеръ, такъ мѣтко выраженный Гоголемъ, назвавшимъ высшую степень творчества возведеніемъ явленія *„въ перлъ созданія"*.

Чтобы выяснить взгляды Гоголя въ этомъ отношеніи, приведемъ его подлинныя слова. Въ письмѣ „О томъ, что такое слово" (въ Перепискѣ съ друзьями) онъ говоритъ:

„Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ—

сказалъ такъ: Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла". Пушкинъ правъ. *Поэтъ на поприщѣ слова дол-*

женъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что бралъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство,— словомъ, мало ли на что можно сослаться? У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виной, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выражался вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку, близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ: „Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почувствовалъ самъ честность званія своего; вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ выгоднѣйшимъ должностямъ и сдѣлалъ это не вслѣдствіе какой-нибудь факторіи; но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе; вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали? Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что нужно для мужа?“

Таковъ взглядъ Гоголя на обязанности и нравственную отвѣтственность писателя. Взглядъ его на значеніе и участіе *личности* писателя въ поэтическомъ творчествѣ мы находимъ въ письмахъ его по поводу *Мертвыхъ Душъ* (въ Перепискѣ съ друзьями). Въ третьемъ письмѣ, на вопросъ: отчего герои его послѣднихъ произведеній, и въ особенности *Мертвыхъ душъ*, будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, *будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ не привлекательнаго, неизвѣстно почему близки душѣ*, точно какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Гоголь отвѣчаетъ: „*Герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія моей собственной души*“. Указавъ далѣе на свое главное свойство, подмѣченное еще Пушкинымъ—даръ выставить во всей силѣ пошлость пошлаго человѣка, Гоголь пишетъ:

...„но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой сплѣ, *еслибы съ нимъ не соединялось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія.* Никто изъ моихъ читателей не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.“

Далѣе Гоголь разсказываетъ, какую безпощадную и упорную борьбу велъ онъ съ человѣческою пошлостью, усмотрѣнною имъ какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ другихъ людяхъ.

„Вслѣдствіе уже давно принятаго плана *Мертвыхъ Душъ*“, говоритъ онъ, „для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди, однако жь, ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, *кромѣ моихъ собственныхъ*, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои. Я тебѣ это покажу послѣ, когда будетъ тебѣ нужно; до времени это моя тайна. *Мнѣ потребно было отобрать отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и гадкое, что они захватили нечаянно, и возратить ихъ владѣльцамъ.* Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я отказывался уже отъ многаго тѣмъ, что, *лишивъ картиннаго вида и рыцарской маски*, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той, которая всѣмъ видна“.

Какое психическое безпристрастіе и *какой высокій идеалъ* нуженъ для того, чтобы усмотрѣть пошлое и гадкое даже въ *прекрасныхъ* людяхъ, *близкихъ* автору по его сердечному къ нимъ расположенію, усмотрѣть это пошлое и гадкое и въ себѣ самомъ даже тогда, когда оно является *въ картинномъ видѣ и подъ рыцарскою маской!*

Въ томъ же письмѣ, на вопросъ, почему онъ не выставилъ читателю явленій утѣшительныхъ и не избралъ въ герои добродѣтельныхъ людей, онъ отвѣчаетъ: „Ихъ въ головѣ не выдумаешь, *пока не станешь самъ хотя сколько-нибудь на нихъ походить; пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силой въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни пишетъ перо твое, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды.*

Уже одна эта нравственная *требовательность* свидѣтельству-

етъ, если не о присутствіи въ душѣ поэта высокаго идеала, то о горячемъ, всепоглощающемъ стремленіи къ нему. Еще яснѣе это стремленіе къ абсолютному идеалу обнаруживается у Гоголя въ XXI письмѣ (Переписка съ друзьями: „Что̀ такое губернаторша“). Совѣтуя своей корреспонденткѣ изучать мѣстныхъ городскихъ жителей, Гоголь чрезвычайно мѣтко выразился: „Всѣ собранныя свѣдѣнія послужатъ къ тому, что очертятъ передъ вами примѣрный образъ мѣщанина и купца, чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ; *въ уродѣ вы почувствуете идеалъ того, чего каррикатурой сталъ уродъ*“.

Опять скажемъ: надо вдуматься въ удивительное значеніе этихъ словъ, чтобы понять, что только съ точки зрѣнія абсолютнаго идеала возможно почувствовать идеальный элементъ даже въ нравственномъ уродѣ, въ каррикатурѣ на идеалъ. Вотъ эта способность—въ уродѣ прозрѣть идеалъ, хотя и искаженный до каррикатуры, и есть настоящая идеализація.

Въ томъ же XXI письмѣ есть мѣсто, которое еще больше уясняетъ намъ идеальныя стремленія Гоголя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уясняетъ вопросъ, что такое идеализація. Прося сообщить ему всякія свѣдѣнія о провинціальной жизни, онъ пишетъ:

„Не смущайтесь мерзостями и подавайте мнѣ всякую мерзость. Для меня мерзости не въ диковинку: я самъ довольно мерзокъ. Пока я еще мало входилъ въ мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходилъ отъ многаго въ уныніе, и мнѣ становилось страшно за Россію: *съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ побольше всматриваться въ мерзости, я просвѣтлѣлъ духомъ*, предо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблагоговѣлъ еще болѣе предъ Провидѣніемъ. И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобилъ Онъ меня хотя отчасти узнать мерзости, какъ мои собственныя, такъ и бѣдныхъ моихъ собратьевъ. И если есть во мнѣ какая-нибудь капля ума, свойственнаго не всѣмъ людямъ, такъ это отъ того, что всматривался я побольше въ эти мерзости. И если мнѣ удалось оказать помощь душевную нѣкоторымъ близкимъ моему сердцу, а въ томъ числѣ и вамъ, такъ это отъ того, что всматривался я побольше въ эти мерзости. *И если я пріобрѣлъ, наконецъ, любовь къ людямъ, не мечтательную, но существенную, такъ это все же, наконецъ, отъ того же самаго, что всматривался я побольше во всякія мерзости*“.

Лучшаго опроверженія той ложной мысли, будто идеализація

есть украшеніе дѣйствительности и идеалъ есть мечта воображенія, созданная человѣкомъ въ противовѣсъ безобразной дѣйствительности, нельзя и придумать. Гоголь не говоритъ, что зрѣлище человѣческихъ мерзостей заставляло его отрѣшаться отъ дѣйствительности и уноситься въ фантастическую область мечтаній и утопій. Нѣтъ. Это зрѣлище заставило его *просвѣтлять духомъ*, увидать исходъ и полюбить этихъ „мерзкихъ" (не „украшенныхъ" никакою фантазіей) людей. А это возможно только тогда, когда человѣкъ отнесется къ дѣйствительности съ точки зрѣнія уже живущаго въ душѣ идеала, который поможетъ ему и въ самой дѣйствительности прозрѣть идеальное начало, въ какія бы „мерзкія" формы ни облеклась эта дѣйствительность, поможетъ даже и въ уродѣ почувствовать идеалъ того, чего каррикатурой сталъ уродъ".

Наконецъ, въ „Авторской исповѣди" Гоголь самымъ категорическимъ образомъ указываетъ все на то же, всего его поглотившее стремленіе къ идеалу, съ точки зрѣнія котораго онъ и хотѣлъ изобразить русскую жизнь въ „Мертвыхъ душахъ". „Я увидѣлъ совершенно ясно", разсказываетъ онъ, „что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію. Нужно заключить въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого—*словомъ, нужно сдѣлаться лучшимъ*" И на раздавшіеся со всѣхъ сторонъ упреки ему за его книгу: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", онъ въ своей „Авторской исповѣди" возразилъ: „Въ отвѣтъ же тѣмъ, которые попрекаютъ мнѣ, зачѣмъ я выставилъ свою внутреннюю клѣть, могу сказать то, что все-таки я еще не монахъ, *а писатель*. Я поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ всѣ тѣ писатели, которые говорили, что было на душѣ. Еслибъ и съ Карамзинымъ случилась эта внутренняя исторія во время его писательства, онъ бы ее также выразилъ. Но Карамзинъ воспитался въ юношествѣ. Онъ образовался уже какъ человѣкъ и гражданинъ прежде, чѣмъ выступилъ на поприще писателя. Со мною случилось иначе. Я не считалъ ни для кого соблазнительнымъ открыть публично, что я стараюсь быть лучшимъ, чѣмъ я есть. *Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и сгорать явно, въ виду всѣхъ, желаніемъ совершенства*, если сходилъ за тѣмъ самъ Сынъ Божій, чтобы сказать намъ всѣмъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный".

Присутствіемъ идеала въ произведеніяхъ искусства, идеала,

которымъ полна душа художника, съ точки зрѣнія котораго судитъ онъ изображаемую имъ жизнь и который выражается въ его произведеніяхъ, объясняетъ Гоголь то впечатлѣніе, которое производятъ на насъ художественныя произведенія. „Истинное созданіе искусства имѣетъ въ себѣ что-то успокоивающее и примирительное. Во время чтенія душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, *не подымается въ сердцѣ движеніе негодованья противу брата, но скорѣе въ немъ струится елей всепрощающей любви къ брату*; и вообще не устремляешься на *порицанье* дѣйствій другаго, но на *созерцанье* самого себя. Если же созданье поэта не имѣетъ въ себѣ этого свойства, то оно есть только благородный, горячій порывъ, *плодъ временнаго состоянья* автора (Письмо къ Жуковскому, т. IV, изд. 10, стр. 283).

И дѣйствительно, идеальный, то-есть абсолютный характеръ художественныхъ произведеній вполнѣ обнаруживается въ томъ впечатлѣніи, которое они на насъ производятъ. Мы привыкли въ особенную похвалу художественнымъ произведеніямъ говорить, что они производятъ на насъ *точно такія же* впечатлѣнія и возбуждаютъ въ насъ *точно такія же* душевныя состоянія, какъ реальныя событія. Смотря на картину, мы говоримъ, что она хороша тѣмъ, что вполнѣ, до послѣднихъ мелочей, изображаетъ, будто бы, дѣйствительную жизнь и изображаетъ именно такою, какою мы ее знаемъ, какою она въ самомъ дѣлѣ, бываетъ, такъ что изображенное на картинѣ стоитъ предъ нами, какъ живое. Въ театрѣ—восхищаемся игрой актера, когда она естественна, то-есть когда актеръ говоритъ, дѣйствуетъ, ходитъ, какъ реальный человѣкъ; восхищаемся пьесой тогда, когда можемъ сказать, что она заставила насъ горевать, радоваться, плакать, какъ будто все совершалось не на сценѣ, а въ самомъ дѣлѣ. Читая поэтическое произведеніе, также измѣряемъ его достоинство психологическимъ и историческимъ правдоподобіемъ и вытекающей изъ него естественностью возбуждаемыхъ имъ въ насъ душевныхъ состояній. Однимъ словомъ, въ произведеніяхъ искусства мы цѣнимъ отраженіе и изображеніе дѣйствительности. Но при этомъ мы не даемъ себѣ отчета, о какой „дѣйствительности“ тутъ идетъ рѣчь. О той ли, которую всѣ мы порознь наблюдаемъ непосредственно, или о той, которая отразилась въ душѣ поэта? А между тѣмъ въ этомъ весь вопросъ. *Реальная, наблюдаемая всѣми нами дѣйствительность никогда не выражается и не мо-*

жетъ выражаться въ произведеніяхъ искусства. Всякое слово всякій эпитетъ, всякій образъ, картина, всякій штрихъ художника выражаютъ *его отношеніе* къ явленіямъ жизни, а вовсе не служатъ и не могутъ служить для изображенія самыхъ явленій. Вѣрность дѣйствительности необходима въ художественныхъ произведеніяхъ не сама по себѣ, ибо въ этомъ смыслѣ она недостижима, а только для предоставленія намъ возможности провѣрить вѣрность отношеній къ ней автора. Сама же дѣйствительность *всегда* въ художественныхъ произведеніяхъ есть *дѣйствительность въ идеѣ, то-есть идеальная, а не реальная.* Оттого и состоянія души, возбуждаемыя въ насъ произведеніями искусства, отличаются отъ состояній, возбуждаемыхъ реальными явленіями, тѣмъ, что первыя получаются отъ переживанія явленій въ идеѣ, то-есть въ болѣе или менѣе абсолютной формѣ. *Поэтому они истиннѣе послѣднихъ.* Это переживаніе явленій въ идеѣ происходитъ не только въ сферѣ искусства. На немъ же основано состраданіе, участіе къ чужой жизни. Когда читаемъ или представляемъ себѣ чужія бѣдствія, даже людей, вовсе намъ неизвѣстныхъ, мы проникаемся участіемъ въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ когда видимъ эти бѣдствія въ дѣйствительности. Почему? Потому что въ первомъ случаѣ мы представляемъ себѣ эти бѣдствія въ ихъ идеѣ, то-есть болѣе или менѣе абсолютной формѣ, лишенной всѣхъ субъективныхъ случайностей (то-есть случайностей мѣста, времени, обстановки, характера людей и т. п.); во второмъ — зрѣлище бѣдствій смягчается именно этими субъективными случайностями, отъ которыхъ намъ надо освободить ихъ, если захотимъ представить себѣ ихъ сущность.—Это переживаніе явленій въ идеѣ относится вполнѣ и къ научной сферѣ. Описаніе хода какой-нибудь болѣзни, ея начала, развитія, видъ измѣненій, вліяніе на организмъ и т. п. относится не къ какому-нибудь данному, реальному человѣческому тѣлу, не къ какому-нибудь дѣйствительно существующему факту, а къ тѣлу человѣческому вообще, то-есть къ идеѣ тѣла. Когда это описаніе прилагается къ реальному факту, то-есть къ больному человѣку, оно значительно видоизмѣняется подъ вліяніемъ субъективныхъ особенностей даннаго больнаго.—Психологія, изучая психическую жизнь человѣка, всегда имѣетъ въ виду душу человѣческую вообще, а не душу даннаго человѣка, и т. п. Однимъ словомъ, человѣкъ живетъ *только* въ мірѣ идей, въ мірѣ образовъ, чувствъ и мыслей, имъ самимъ созданныхъ, и только

чрезъ этотъ міръ можетъ онъ понимать міръ реальный. Въ этомъ заключается разгадка *реализма въ искусствѣ*. Этотъ реализмъ не долженъ переходить границъ идеальнаго, то-есть онъ долженъ быть *реализмъ идеальный*, реализмъ въ идеѣ, а не буквальный.

По этимъ же причинамъ и впечатлѣнія и душевныя состоянія, возбуждаемыя въ насъ художественными произведеніями, совсѣмъ не таковы, какъ тѣ, которыя возбуждаются реальными явленіями. Когда мы видимъ на сценѣ, какъ Отелло душитъ Дездемону, то мы испытываемъ вовсе не то, что испытывали бы, еслибъ это происходило предъ нами въ самомъ дѣлѣ: никому изъ насъ не кажется, что мы въ это время являемся свидѣтелями (а, слѣдовательно, и участниками) преступленія, уголовщины, и не кажется потому, что нѣтъ впечатлѣнія преступленія, а остается впечатлѣніе несчастія. Когда мы плачемъ въ театрѣ, потрясенные какою-нибудь драматическою сценой или особенно выразительною, искусною игрой актера, мы плачемъ вовсе не отъ чувства ужаса, горя, радости и т. п., то-есть вовсе не отъ того, отъ чего плачемъ въ дѣйствительности, а отъ крайняго возбужденія чувства, происшедшаго не отъ реальности разыгранной передъ нами сцены, а отъ того, что чувство, благодаря пособію искусства, вдругъ постигло смыслъ явленія, и, слѣдовательно, это слезы восторга. Вотъ почему истинно-художественныя произведенія никогда не оставляютъ *тяжелаго*, *гнетущаго* впечатлѣнія. Когда получается такое впечатлѣніе, это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что въ произведеніи нѣтъ истинной художественности, что оно не раскрыло намъ того, что̀ обѣщало раскрыть, то-есть абсолютнаго смысла явленій, хотя съ точки зрѣнія реальной дѣйствительности оно можетъ быть безукоризненнымъ. Тѣмъ фактомъ, что художественныя произведенія представляютъ *идеальную* дѣйствительность (то-есть не несбыточную, не выдуманную, а просто болѣе истинную, чѣмъ дѣйствительность реальная) объясняется главная особенность впечатлѣній и душевныхъ состояній, возбуждаемыхъ произведеніями искусства, которая состоитъ въ томъ, что они *истиннѣе*, чѣмъ тѣ, которыя возбуждаются дѣйствительностью реальною, истиннѣе не только въ смыслѣ большей *вѣрности*, но и въ томъ смыслѣ, что ихъ *съ бо́льшимъ правомъ можно назвать настоящими*. Присутствіемъ идеальнаго, абсолютнаго начала въ произведеніяхъ искусства объясняется, наконецъ, и тотъ фактъ, что жизнь, представленная намъ въ созданіяхъ искусства, гораздо

болѣе ясна и понятна намъ, чѣмъ наблюдаемая непосредственно нами самими въ реальной дѣйствительности. Эта послѣдняя обращена къ намъ, по большей части, своею относительною, субъективною стороной. Между тѣмъ какъ истинный смыслъ явленій заключается не въ томъ, что̀ есть въ нихъ относительнаго и субъективнаго, а въ томъ, что̀ есть въ нихъ абсолютнаго. Этотъ абсолютный элементъ въ явленіяхъ жизни мы только и можемъ постигать черезъ религію, науку и искусство. — Неразрывно соединенныя однимъ, общимъ имъ всѣмъ идеальнымъ элементомъ, они составляютъ ту идеальную область, проникая въ которую, человѣкъ пріобрѣтаетъ способность „съ высоты взирать на жизнь", по выраженію Пушкина. Только въ этой идеальной области религіи, науки и искусства человѣкъ освобождается отъ гнетущаго его сознанія своего безсилія, своей ничтожности; только въ этой идеальной области выростаютъ у него орлиныя крылья, которыя уносятъ его „за грани тучъ, къ лазури дальной". Этотъ могучій полетъ человѣческаго духа прекрасно изображенъ въ стихотвореніи современнаго нашего поэта, графа Голенищева-Кутузова, „Орелъ". Этимъ стихотвореніемъ я и закончу свою бесѣду:

„Въ разумьи мрачномъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокій,
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.
Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился,
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился;
Но недвижимъ—питомецъ скалъ—
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу.—
Когда-жь, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья,
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья...
И—царь заоблачныхъ высотъ,
Случайный гость земли печальной,—
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной.
Высоко отъ тщеты земной
Вознесся, праху не подвластный,
И, къ дольней жизни безучастный,
Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

Ѳ. Витбергъ.

РОССІЯ И АНГЛІЯ.

VIII.

Торговый трактатъ былъ подписанъ; теперь надо было озаботиться заключеніемъ союзнаго договора, котораго одинаково желали и Англія и Россія. Взглядъ англійскаго министерства выраженъ въ слѣдующей депешѣ англійскаго министерства. „Всѣ наши надежды скрѣпить союзъ должны сильно пострадать въ случаѣ, если Панинъ будетъ упорствовать въ столь ошибочныхъ и неосновательныхъ понятіяхъ объ уменьшеніи значенія и кредита Англіи въ общей европейской системѣ. Въ виду устраненія таковыхъ предразсудковъ я постараюсь указать на нѣсколько вопросовъ, которыми вы, быть-можетъ, воспользуетесь въ будущихъ конференціяхъ вашихъ съ этимъ министромъ, если только ходъ разговора доставитъ вамъ удобный случай коснуться этихъ предметовъ. Дѣйствительно, удивительно, чтобы въ настоящее время министръ какой бы то ни было части свѣта, хотя бы самой отдаленной, не имѣлъ бы понятія не только о значеніи, но о величіи и славѣ англійской націи. Безпримѣрные успѣхи послѣдней войны, естественныя послѣдствія столь же безпримѣрныхъ заявленій силы и энергіи, поставили Англію на столь высокую степень славы, что зависть нашихъ сосѣдей внушаетъ болѣе опасеній, чѣмъ противоположное тому чувство, и главная цѣль нашихъ министровъ состоитъ болѣе въ томъ, чтобы ослабить ревность европейскихъ державъ, чѣмъ въ усиленіи ихъ уваженія къ намъ. Не вслѣдствіе однихъ только побѣдъ, но вслѣдствіе значительныхъ пріобрѣтеній во всѣхъ частяхъ свѣта

успѣхъ нашего оружія является не пустымъ блескомъ славы, но источникомъ существеннаго увеличенія могущества и богатства, которыя доставитъ націи прочнѣйшія выгоды. Событія, происшедшія въ Англіи со времени заключенія мира, хотя и менѣе поразительны для глаза, однако вполнѣ соотвѣтствуютъ успѣхамъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Заботы короля увѣнчались успѣхомъ почти во всѣхъ предпріятіяхъ. Изъ государственнаго долга выплачено больше чѣмъ у какого бы то ни было народа въ теченіе того же періода времени. Финансы увеличены безъ всякаго отягощенія для народа. Наша торговля, отъ которой такъ много зависитъ положеніе финансовъ, усиливается почти по всѣмъ отраслямъ. Земледѣліе и улучшеніе почвы, основаніе богатства, быть-можетъ, еще болѣе прочнаго, распространяется по всѣмъ отдаленнѣйшимъ уголкамъ острова. Повсемѣстный значительный успѣхъ въ постройкахъ и въ великолѣпіи всякаго рода служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ цвѣтущаго богатства народа. Но въ то же время, какъ король столь успѣшно заботится о развитіи всѣхъ отраслей мирнаго благосостоянія, желая, чтобы оно продлилось какъ можно долѣе, онъ тѣмъ не менѣе не теряетъ изъ вида и военной силы; всякій согласится, что никогда въ прежнее время нація эта не имѣла столькихъ средствъ защищаться отъ враговъ или наступать на нихъ. Въ настоящую минуту въ строю находятся до двадцати пѣхотныхъ полковъ, кромѣ тѣхъ, которые и прежде сохранялись въ мирное время. Сообразно съ этимъ увеличено число матросовъ на постоянномъ жалованьи. Нашъ сильный флотъ сохраняется въ полномъ порядкѣ, а увеличеніе нашей торговли дастъ намъ возможность при первой надобности набрать на него людей въ количествѣ недоступномъ для всякаго другаго королевства. Но я не могу обойти молчаніемъ одно изъ соображеній, самыхъ отрадныхъ въ настоящемъ и самыхъ успокоительныхъ въ будущемъ, которыя только представляетъ настоящее положеніе. Я говорю объ единодушной привязанности всѣхъ лицъ и сословій къ настоящему правительству; о ихъ полномъ признаніи власти короля и ихъ преданности королю. Ручаюсь въ томъ, что если какія-либо европейскія державы могли остаться вполнѣ независимыми отъ прочихъ, то таковы бы были Россія и Англія. Отдаленность одной изъ нихъ въ своемъ собственномъ элементѣ, повидимому, служитъ имъ достаточнымъ обезпеченіемъ, безъ всякой внѣшней помощи. Тѣмъ не менѣе очевидно, что хотя онѣ никогда не будутъ имѣть

повода вмѣшиваться въ дѣла другъ друга, многія обстоятельства побуждаютъ эти обѣ державы къ тому, чтобы возобновить и упрочить ихъ старинный союзъ. Взаимная ихъ торговля весьма полезна для Англіи и выгодна для Россіи: могущество первой изъ нихъ на морѣ значительно и можетъ при случаѣ оказать помощь второй; сухопутныя же силы Россіи могутъ при случаѣ быть равно полезны для Англіи; послѣдняя богата деньгами, а первая людьми; такимъ образомъ каждое изъ этихъ государствъ какъ-будто назначено самою природой для пополненія недостатковъ другаго; и въ случаѣ, еслибы союзъ ихъ состоялся и получилъ всеобщую извѣстность, это усилило бы значеніе каждаго изъ нихъ, давъ имъ въ то же время возможность не къ завоеваніямъ отъ сосѣдей, такъ какъ императрица объявила, что это не входитъ въ ея виды, но къ безпрепятственному развитію всѣхъ мирныхъ отраслей наукъ и искусствъ, составляющихъ истинное величіе и благосостояніе народа, и въ настоящую минуту, повидимому, служащихъ главною цѣлью этой великой и мудрой монархини".

Панинъ съ своей стороны увѣрялъ англійскаго посланника, что императрица не менѣе искренно чѣмъ король желаетъ достигнуть сближенія съ Великобританіей. „Императрица,—сказалъ онъ,—вступаявъ союзъ съ королемъ, желала бы, чтобы для Россіи исчезла необходимость возобновить прежнія свои отношенія съ австрійскимъ домомъ. Она считаетъ союзъ съ Англіей достаточнымъ для своей безопасности и полагаетъ, что онъ не только долженъ быть совершенно независимъ отъ всякихъ другихъ отношеній, но долженъ послужить основаніемъ этихъ отношеній."

Для заключенія союза были назначены новые представители при петербургскомъ и лондонскомъ дворахъ: въ Лондонѣ графъ Чернышевъ, въ Петербургѣ лордъ Каскартъ, по словамъ нашего посланника, отмѣнно извѣстный и почтенный здѣсь, какъ за оказанныя по военному искусству услуги, такъ и за собственныя достоинства. По странной случайности оба представителя при своемъ назначеніи поспорили о соблюденіи церемоніала и до болѣе серьезныхъ переговоровъ пришлось улаживать недоразумѣнія, которыя по существу были довольно пустыми.

У насъ было принято, что всѣ дамы, представлявшіяся императрицѣ, цѣловали ей руку, но леди Каскартъ отказалась исполнить это и могла вызвать этимъ инцидентъ, еслибы ея мужъ не по-

старался устранить недоразумѣнія. „Отъ меня зависитъ,—доносилъ Каскартъ,— уклониться отъ представленія леди Каскартъ ко двору или слѣдовать церемоніалу. Если не случится ничего, что могло бы измѣнить мое мнѣніе, я намѣреваюсь исполнить послѣднее. Въ случаѣ, еслибы я отказался, такъ какъ церемоніалъ утвержденъ еще въ началѣ царствованія императрицы Елизаветы, и въ то время всѣ посланники, находившіеся здѣсь, согласились на него, то я бы отказомъ своимъ подалъ основаніе предполагать, что мнѣ положительно воспрещено согласиться на представленіе леди Каскартъ, и съ этой точки зрѣнія заслужилъ бы осужденіе за то, что привезъ ее сюда. Взявъ на себя согласиться, я тѣмъ устраню гораздо большее число неудобствъ, чѣмъ имѣю возможность изложить то въ настоящей депешѣ, и къ тому же неудобствъ весьма серьезныхъ для дружбы, которую король желалъ бы видѣть между обоими дворами, и въ то же время поступлю вполнѣ пріятнымъ для императрицы образомъ. Увѣряю васъ, что послѣднее обстоятельство не послужило бы достаточнымъ для меня аргументомъ, еслибы я не былъ убѣжденъ, что относительно обѣихъ державъ въ данномъ случаѣ не требуется ничего такого, что при подобныхъ же обстоятельствахъ не было бы соблюдено въ Лондонѣ; цѣлованіе руки составляетъ обычай, утвердившійся здѣсь съ незапамятныхъ временъ, и вовсе не разсматривается въ томъ смыслѣ, который придается ему у насъ, такъ какъ я видѣлъ, что императрица цѣловала руку всему духовенству, цѣловавшему ея руку, и всѣ придворныя дамы сначала цѣлуютъ другъ другу руку и уже послѣ того раскланиваются и слѣдовательно это—принадлежность этикета, противъ которой нашъ дворъ никогда не возражалъ; единственная же посольша, бывшая здѣсь (посольша шведская) цѣловала руку императрицы Екатерины, а жена испанскаго посланника, отказавшаяся отъ этого, поступила такъ лишь вслѣдствіе желанія ея двора оскорбить императрицу, такъ какъ она, находясь въ томъ же званіи, согласилась поцѣловать руку шведской королевы. Допустивъ самое худшее, всегда будетъ зависѣть отъ короля на будущее время предписывать своимъ посламъ оставлять женъ въ Англіи или женамъ ихъ, въ случаѣ, если имъ не понравится это условіе, оставаться дома. Слѣдуетъ добавить, что на основаніи этикета послы и прочіе министры обязаны цѣловать руку, лишь при представленіи своемъ, такъ же какъ дѣлаютъ и Русскіе, но они относятся къ этому до того охотно, что цѣлуютъ руку импе-

ратрицы всякій разъ, какъ она выходитъ въ пріемныя залы дворца, а такъ какъ это съ самаго начала дѣлается совершенно добровольно, и до сихъ поръ еще не принято подданными императрицы, то вслѣдствіе этого Русскимъ весьма трудно понять, чтобы въ цѣлованіи руки при здѣшнемъ дворѣ, гдѣ оно такъ давно въ обычаѣ, усматривалось что-либо неприличное или унизительное, хотя оно и не принято при дворахъ тѣхъ пословъ, которые такъ охотно на него соглашаются". Каскартъ объяснилъ Панину, что считаетъ обычай посланниковъ цѣловать руку императрицы, всякій разъ какъ они являются къ двору, отличіемъ, которымъ онъ всегда будетъ весьма радъ пользоваться, но такъ какъ русскія дамы цѣлуютъ руку императрицы только при представленіи, онъ не можетъ согласиться на примѣненіе этого обычая къ леди Каскартъ. Панинъ далъ согласіе, чтобы посольша поцѣловала руку императрицы только въ первый разъ и то при частной аудіенціи; такимъ образомъ вопросъ о церемоніалѣ былъ улаженъ. [1]

Важнѣе было недоразумѣніе, возникшее въ Лондонѣ. Графъ Чернышевъ прибылъ въ Лондонъ въ началѣ ноября 1768 года и былъ встрѣченъ пушечною пальбой и изысканною любезностію со стороны короля Георга III и его министровъ. Тѣмъ не менѣе съ нимъ случилось непріятное происшествіе. Въ день рожденія короля былъ при англійскомъ дворѣ большой балъ. Въ дипломатической ложѣ, откуда смотрѣли на танцующихъ, были амфитеатромъ поставлены три скамейки. Чернышевъ пріѣхалъ одинъ изъ первыхъ и занялъ первое мѣсто на первой скамейкѣ. Потомъ пріѣхалъ австрійскій посолъ Сейлернъ и сталъ подлѣ русскаго посла. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ испанскій посолъ, который занялъ третье свободное мѣсто на скамейкѣ. Всего было только три мѣста на скамейкѣ. Наконецъ пріѣхалъ французскій посолъ Шарлэ и сталъ разговаривать съ Чернышевымъ и австрійскимъ посломъ, занялъ мѣсто на второй скамейкѣ. „Будучи на второй лавкѣ,—доноситъ Чернышевъ,—онъ былъ гораздо выше тѣхъ, которые на первой стояли, и потому способно ему было, когда по окончаніи съ нимъ обыкновенныхъ разговоровъ оборотился я къ нему паки спиной, воспользоваться симъ случаемъ. Просунувъ неожиданнымъ ни отъ кого образомъ тихонько лѣвую ногу въ то же время толкнувъ Сейлерна, чтобы симъ себѣ мѣсто сдѣлать,

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* Т. XII, стр. 311—317, 345—347, 354.

онъ самъ такъ жестоко кинулся, что не только совсѣмъ упалъ бы, буде бы не оперся на балясы, что противъ первой лавки, но послѣдовало то и съ Сейлерномъ, буде бы онъ за нихъ же не схватился. Французскій посолъ толкнулъ австрійскаго такъ сильно, что онъ вскомъ до фижбинной юбки жены сардинскаго министра досталъ. Симъ наглымъ образомъ Шарлэ занялъ мѣсто между Чернышевымъ и Сейлерномъ. Русскій посолъ былъ крайне возмущенъ поведеніемъ французскаго посла, которому онъ сказалъ, что онъ укралъ мѣсто. Тогда Шарлэ замѣтилъ ему: между мужчинами этого нельзя терпѣть. Услышавъ эти слова, Чернышевъ пошелъ за французскимъ посломъ и предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ въ паркъ, гдѣ онъ хотѣлъ потребовать отъ него сатисфакціи. Подали карету Чернышева, въ которую сѣли русскій и французскій послы. Оказалось, что всѣ лондонскіе парки были уже закрыты и драться на дуэли нельзя было. По мѣрѣ того какъ оба посла катались по городу, ихъ пылъ остывалъ. Наконецъ Шарлэ воскликнулъ: какъ же вы хотите мнѣ запретить дѣлать то, что̀ мнѣ предписано? Если приказываютъ идти напроломъ, развѣ можно не повиноваться? Русскій посолъ успокоился объясненіями Шарлэ и отвезъ его спокойно домой. На другой день французскій посолъ еще разъ пріѣхалъ къ Чернышеву извиняться и повторилъ, что ему приказано занимать всегда мѣсто подлѣ австрійскаго посла, но что онъ нисколько не имѣлъ намѣренія оскорбить русскаго посла.

Въ своихъ донесеніяхъ Чернышевъ писалъ, что иностранные министры при с.-джемскомъ дворѣ и сами англійскіе министры опасаются представителей Россіи, которые постоянно претендуютъ на первое мѣсто; онъ рекомендовалъ своему правительству отправить циркуляръ ко всѣмъ представителямъ Россіи за границей и напомнить имъ, какія они имѣютъ права и обязанности въ отношеніи придворнаго этикета. Эта мысль получила осуществленіе въ циркулярѣ отъ 2 февраля 1769 года. Въ этомъ актѣ сообщается прежде всего о столкновеніи, бывшемъ въ Лондонѣ, и затѣмъ прибавляется, что версальскій дворъ не только одобрилъ поступокъ Шарлэ, но даже предписалъ всѣмъ французскимъ представителямъ за границей полюбовно или силой занимать повсюду высшее мѣсто передъ представителями Россіи. На основаніи особеннаго высочайшаго повелѣнія представителямъ императорскаго правительства предписывается полюбовно или силой защищать въ отношеніи французскихъ дипломатиче-

скимъ агентовъ свои мѣста и ни въ какомъ случаѣ не уступать ихъ. [1]

Каскартъ въ Петербургѣ и Чернышевъ въ Лондонѣ одновременно вели переговоры о союзномъ трактатѣ. Взглядъ русскаго правительства изложенъ въ запискѣ, доставленной Панинымъ англійскому послу. „Личныя чувства императрицы и короля, —говорится въ этомъ документѣ,—и выгоды, проистекающія отъ взаимныхъ отношеній ихъ владѣній, столь же сильно какъ общее положеніе дѣлъ въ Европѣ побуждаетъ ихъ къ возобновленію начатыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ переговоровъ касательно союзнаго трактата. Было бы излишне перечислять его выгоды, ибо привычка разсматривать себя самыми естественными, вѣрными и полезными другъ для друга союзниками выработалась путемъ убѣжденія монарховъ, такъ же какъ и обѣихъ націй. Слѣдовательно, остается только дать этимъ выгодамъ примѣненіе, насколько это возможно въ предѣлахъ трактата, опредѣляя ихъ, на основаніи общихъ обоимъ союзникамъ интересовъ, и особенно интересовъ частныхъ и мѣстныхъ, для каждаго изъ нихъ. Взаимное объясненіе всѣхъ ихъ намѣреній и того, на что именно каждый изъ союзниковъ естественно можетъ разсчитывать со стороны другаго, въ видахъ исполненія этихъ намѣреній, составляетъ единственное средство положить твердое основаніе для будущихъ переговоровъ: и съ этою цѣлью, не сохраняя ничего изъ предыдущихъ переговоровъ, объясненій и меморіаловъ, обмѣненныхъ обѣими сторонами и нынѣ разсматриваемыхъ обоими дворами, какъ бы не имѣвшими мѣста, исходною точкой настоящихъ сношеній будетъ служить то начало, что оба двора всегда имѣли, и теперь имѣютъ самое рѣшительное намѣреніе соединиться между собой, что они поведутъ взаимные переговоры, съ довѣренностью и откровенностью, которыя придадутъ ихъ союзу новый вѣсъ въ глазахъ Европы, и для того, чтобы усилить его значеніе, каждая изъ нихъ постарается сдѣлать этотъ союзъ дополненіемъ общей системы своей, внеся въ него всѣ ихъ сношенія съ остальными державами и союзниками, подозрительными и завистливыми къ ихъ вліянію. Императрица со времени своего вступленія на престолъ, вслѣдъ за собственною безопасностью своихъ владѣній и прочнымъ миромъ, который желала бы доставить своей имперіи, не имѣла иной цѣли, какъ заслу-

---

[1] Собр. трактатовъ, т. IX, стр. 266—268.

жить довѣріе своихъ сосѣдей и пріобрѣсти у нихъ вліяніе, тѣмъ болѣе основательное и прочное, что, будучи чужды всякому честолюбію, виды ея по этому предмету вполнѣ миролюбивы. Планъ этотъ равно относится къ общимъ дѣламъ Европы и къ собственному благосостоянію Россіи. Общественное спокойствіе слишкомъ часто было нарушено попытками далекаго иностраннаго вліянія, давно укоренившагося при различныхъ сѣверныхъ дворахъ. Императрицѣ предстояло уничтожить это вліяніе, прежде чѣмъ замѣнить его своимъ, и собственные ея интересы подвигались лишь по мѣрѣ упроченія общаго мира. На одну лишь независимость этихъ различныхъ державъ отъ иностраннаго вліянія можно было разсчитывать для того, чтобы составить перевѣсъ значительному и опасному союзу бурбонскаго дома, и достиженіе таковой независимости являлось особенно труднымъ, потому что Франція, освободясь отъ соперницы, которую до тѣхъ поръ разсматривала единственною опасною для себя державой континента, и даже будучи подкрѣплена ея силами и возвышена ея вліяніемъ, должна была по меньшей мѣрѣ надѣяться сохранить за собою до нѣкоторой степени присвоенное ею себѣ право, управлять по собственному произволу системой сѣверныхъ державъ, употребляя ее какъ орудіе для достиженія собственныхъ политическихъ видовъ. Дѣйствительные интересы Русской имперіи, вслѣдствіе положенія ея границъ относительно Швеціи, предписываютъ ей правило, сохранять въ этой странѣ настоящую форму правленія и въ то же время поддерживать тамъ значительную партію, подобную существующей тамъ въ настоящую минуту и пріобрѣтенной ею на свою сторону. Россія не можетъ отъ себя скрыть, что такъ какъ эта держава русскимъ оружіемъ лишена своихъ лучшихъ провинцій, весьма естественно, что въ видахъ сохраненія того, что у ней осталось, она, несмотря на согласіе и дружбу съ Россіей, старается защититься отъ могущихъ возникнуть событій, помощью сильнаго союза, не будучи въ состояніи благоразумно полагать полнѣйшую для себя безопасность въ гарантіи или помощи Россіи, или Даніи, относительно которой она находится приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ и положеніи по вопросу о границахъ. Сама Россія не можетъ разсматривать свой союзъ со Швеціей и помощь, обозначенную имъ, иначе какъ средствомъ утвердить тамъ необходимое для себя вліяніе. Между тѣмъ прочность и независимость сѣверной системы въ отпоръ соединеннымъ уси-

ліямъ бурбонскихъ домовъ, быть-можетъ, существенно потребуетъ, чтобы эта держава вступила въ союзъ такого рода, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе шаткаго состоянія этой страны, какъ по отношенію къ внутреннему управленію, такъ и относительно внѣшней политики, въ странѣ этой нельзя не признать гнѣзда, откуда Франціи будетъ всего легче и удобнѣе возстановить свое вліяніе и распространить его по всему Сѣверу. Да позволено же будетъ коснуться здѣсь тѣхъ соображеній, которыя великобританскій дворъ не преминетъ оцѣнить на основаніи незыблемыхъ политическихъ видовъ и вслѣдствіе какъ ближайшихъ своихъ интересовъ въ равновѣсіи Европы, такъ и естественныхъ и тѣснѣйшихъ своихъ узъ съ Россіей. Не естественно ли было бы со стороны Великобританіи удостовѣриться въ томъ, что эта держава лишится возможности участвовать въ первой возникшей въ Европѣ ссорѣ и дѣйствовать или противъ нее самой, оказавъ прямо черезъ море помощь ея врагамъ, въ чемъ виды Франціи были достаточно заявлены передъ послѣднимъ шведскимъ сеймомъ, или противъ ея враговъ посредствомъ диверсіи на твердой землѣ. Выгода для Англіи была бы двойная, такъ какъ она утвердила бы за собою то, чего бы лишились ея враги. Когда сѣверная система соединится такимъ образомъ подъ ближайшимъ управленіемъ императрицы и англійскаго короля, то, обезпечивая абсолютную независимость этой части Европы, она въ то же время послужитъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ общемъ спокойствіи. Будучи неприступенъ по силѣ и согласію, союзъ этотъ не только не сдѣлается, какъ въ прежнее время, орудіемъ честолюбія другихъ, но, напротивъ того, составитъ самый надежный оплотъ противъ проявленія этого честолюбія. Данія, личныя симпатіи которой всегда предпочтительно клонились къ Великобританіи, нынѣ имѣетъ въ силу союза, заключеннаго съ Россіей, сильнѣйшія побужденія для того, чтобы хотя на нѣкоторое время принять участіе въ видахъ этой державы. Дружескій трактатъ, возобновленный между Швеціей и Великобританіей, и жертва, которую первое изъ этихъ государствъ принесло второму, отказавшись отъ убѣжденій его соперницы, подкрѣпленныхъ обѣщаніемъ уплатить значительныя долговыя обязательства, въ чемъ Швеція крайне нуждалась, тѣмъ не менѣе доказываютъ сговорчивость, на которую бы можно было разсчитывать съ ея стороны. Утвердить ее въ таковомъ расположеніи, извлечь изъ нея возможно большую выгоду и предупредить об-

стоятельства, могущія вызвать въ ней перемѣну,—вотъ что повидимому заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны обѣихъ союзницъ. Императрица будетъ попрежнему прилагать заботы и усилія къ тому, чтобы поддержать свое дѣло, но союзница ея пойметъ, что здѣсь недостаточно одной ея доброй воли и что содѣйствіе ея становится положительно необходимо. Положеніе Швеціи равно извѣстно Россіи и Англіи. Приверженцы обѣихъ державъ, овладѣвъ въ настоящую минуту дѣлами, принуждены постоянно бороться съ привычкой, глубоко вкоренившейся въ нѣкоторыхъ сословіяхъ націи; долги Франціи имѣютъ важное значеніе въ глазахъ обремененнаго народа. Дворъ, постоянно интригующій для расширенія своей власти, будетъ всегда отыскивать случай, пустить въ ходъ столь дѣйствительное средство, и, по всей вѣроятности, при малѣйшей возможности войны, Франція щедро откроетъ свой кошелекъ для возстановленія того вліянія, которое всегда будетъ считать за одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ своей политики. Къ этому побужденію присоединится еще сила естественная, зависть къ Россіи: и эта держава въ случаѣ такой перемѣны въ обстоятельствахъ, будучи отвлечена предметомъ столь близкимъ, лишится возможности поддержать издали свою союзницу всею силой своего могущества. Для союзниковъ уже проложена дорога; можно даже разсматривать дѣло совершенно оконченнымъ, остается только упрочить его, удаливъ необходимость обращаться къ субсидіямъ Франціи и предложивъ шведскому народу существенную гарантію его владѣній противъ самой Россіи. Послу графу Чернышеву приказано откровенно и подробно изложить великобританскому двору эту систему, до сихъ поръ принадлежащую, собственно говоря, единственно императрицѣ, но, по ея мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствующую всѣмъ интересамъ Великобританіи. Онъ долженъ объясниться съ британскимъ министерствомъ и сообщить ему, что такъ-какъ вслѣдствіе естественнаго положенія взаимныхъ владѣній и личной дружбы государей въ Россіи разсматриваютъ державу великобританскую лучшею и самою естественною союзницей, то никогда не переставали искренно желать, чтобы узы, столь естественныя между обоими государствами, были бы скрѣплены и опредѣлены условіями, соотвѣтствующими времени и обстоятельствамъ; что излагая, такимъ образомъ, по точному приказанію двора, виды императрицы и намѣреніе ея, соединяясь съ Великобританіей, внести въ этотъ союзъ все, что можетъ усилить вѣсъ ея высшаго вліянія, при-

обрѣтеннаго по всему Сѣверу, уже состоящему въ союзѣ съ ней, государыня не сомнѣвается, что таковое съ ея стороны желаніе будетъ принято ея союзницей какъ залогъ искренности, прочности и значенія союза, въ который они намѣреваются вступить; что онъ спрашиваетъ и имѣетъ право ожидать того, что Великобританія со своей стороны объяснится также ясно и откровенно, вслѣдствіе чего онъ проситъ британское министерство сообщить ему проектъ трактата, излагающаго собственные виды Великобританіи и все то, что она согласна принять изъ мыслей императрицы, такъ какъ онъ снабженъ инструкціями по всѣмъ пунктамъ и уполномочіемъ достаточно обширнымъ для того, чтобъ обсудить и рѣшить вмѣстѣ съ британскимъ министерствомъ самыя статьи трактата."

Дѣйствительно, въ инструкціи графу Чернышеву было сказано, „что императрица усматриваетъ въ возобновленіи союзнаго трактата съ Англіей одинаковыя выгоды на обѣ стороны, а особливо для насъ способность къ сооруженію сѣверной системы, которую мы съ начала государствованія нашего положили намѣреніемъ и цѣлью всего нашего въ будущія времена политическаго поведенія. Эта система единожды навсегда долженствуетъ быть первымъ и главнымъ предметомъ вашего министерства. Подъ этой сѣверною системой разумѣемъ мы сколько можно большее и тѣснѣйшее соединеніе сѣверныхъ державъ въ одинъ безпосредственный пунктъ нашего общаго союзнаго интереса. Въ Швеціи интересы Россіи и Англіи совершенно солидарны, и обѣ державы должны противодѣйствовать французской инфлюэнціи."

Такъ какъ камнемъ преткновенія для заключенія союза служитъ постоянный отказъ Англіи помогать намъ противъ Турціи, то Чернышеву поручено было сказать, что въ крайнемъ случаѣ Екатерина согласна исключить Турцію изъ casus foederis, если только Англія согласится ежегодно платить Швеціи субсидію въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Но выставить эту послѣднюю и крайнюю уступку Чернышеву разрѣшено было только въ томъ случаѣ, когда всѣ другія уступки оказались бы недѣйствительными для сломленія англійскаго упорства.

Въ 1708 году отношенія наши къ Турціи были очень натянуты, война становилась неизбѣжною, а потому Россіи было особенно важно обезопасить себя со стороны Швеціи, старинной союзницы Порты, готовой отомстить намъ за земли, отнятыя у нея Елисаветой Петровной. Поэтому Панинъ говорилъ Каскарту,

что если англійское правительство назначитъ субсидію на пять лѣтъ, выплачивая ее ежегодно, то это не составитъ для Англіи слишкомъ обременительнаго расхода, а между тѣмъ уплата этой субсидіи дала бы королю возможность стать вмѣстѣ съ Россіей во главѣ сѣверной системы; кромѣ того, лишивъ Французовъ того положенія, которое постоянно преслѣдовалось ихъ политикой въ Швеціи, король защитилъ бы Россію отъ вражеской державы, угрожавшей ей въ то время, какъ она была занята на противоположной своей границѣ. Это единственное условіе,—говорилъ Панинъ,—при которомъ Англія можетъ оказать услугу Россіи, а безъ этого союзъ съ Россіей былъ бы безполезенъ для Англіи, такъ какъ Россія, будучи занята собственною защитой, не имѣла бы возможности оказать помощь союзницѣ; иначе я не усматриваю въ будущемъ для обѣихъ націй ничего, кромѣ взаимныхъ, но безплодныхъ благожеланій.

Переговоры Чернышева съ самаго начала пошли неудачно. Англійскій министръ Рошфоръ увѣрялъ посла, что онъ лично чрезвычайно желаетъ союза съ Россіей, но англійскій парламентъ никогда не одобритъ обязательства, въ силу котораго Англія должна въ мирное время платить иностранной державѣ субсидіи. Когда же нашъ посолъ сталъ самымъ энергическимъ образомъ настаивать на уплатѣ Швеціи сорока или пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, Рошфоръ далъ ему въ секретнѣйшей конфиденціи слѣдующій отвѣтъ: „Я еще не знаю, согласятся ли у насъ на выдачу такой или какой бы то ни было суммы, только долженъ вамъ открыть одному, что всякое затрудненіе можетъ произойти въ королевскомъ совѣтѣ по вопросу, кому повѣрить деньги. Гудрику (англійскому посланнику въ Стокгольмѣ) повѣрить не захотятъ; всѣмъ извѣстно, что онъ на руку не чистъ. Онъ лучшій у насъ изъ всѣхъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ, ему все повѣрить можно, кромѣ денегъ.“ Поэтому Чернышевъ заявилъ Рошфору, что границы даннаго ему полномочія къ заключенію желаемаго съ королемъ, его государемъ, трактата столь означены, что кажется излишне мнѣ теперь ему повторять, что я безъ того приступить ни къ чему бо-бѣе власти не имѣю; слѣдственно и почитаю, что то порученное мнѣ дѣло симъ совершенно пресѣклось. Рошфоръ спросилъ посла, нужно ли отдавать ему почти готовый проектъ трактата. Чернышевъ отвѣтилъ: „не знаю, ибо я сказываю, что моя власть не простирается, съ изъятіемъ субсидіи Швеціи оной заключить, а

дана мнѣ принимать отъ здѣшняго министерства всякое таковое открытіе, которое поспѣшествовать можетъ къ продолженію и утвержденію взаимныхъ дружескихъ обращеній." Когда Рошфоръ чрезъ нѣсколько дней представилъ Чернышеву проектъ союзнаго трактата, посолъ его принялъ нехотя и безъ всякаго уваженія для пересылки въ Петербургъ съ курьеромъ. [1]

Посылая проектъ договора Каскарту, Рошфоръ писалъ ему: „Главная мысль, которую вы должны всячески стараться внушить Панину, состоитъ въ искреннемъ и твердомъ расположеніи короля вступить въ самую тѣсную и прочную дружбу съ русскою императрицей, дружбу, основанную на побужденіяхъ личнаго уваженія, взаимныхъ интересовъ обѣихъ націй между собою и совпаденія ихъ видовъ относительно поддержанія общаго мира въ Европѣ, а въ особенности на Сѣверѣ, какъ условія существенно связаннаго съ нимъ. Такъ какъ виды обоихъ дворовъ тождественны-единственное, могущее возникнуть между ними различіе состоитъ въ способѣ достиженія этихъ цѣлей. Король и его министры убѣждены въ необходимости отнять у Франціи возможность употреблять Швецію какъ орудіе для нападенія на Россію. Ими принято средство, оказавшееся до сихъ поръ столь успѣшнымъ и состоящее въ томъ, чтобы заодно съ Россіей поддерживать въ этомъ королевствѣ правительство, сочувствующее этимъ видамъ и готовое отвергнуть всякое предложеніе версальскаго двора, могущее побудить ихъ къ дѣйствіямъ, слѣдствіемъ которыхъ явилась бы опасность для общественнаго спокойствія. Мѣра эта горячо преслѣдуется королемъ, положительно предписавшимъ своему министру въ Стокгольмѣ во всемъ поступать по соглашенію съ Остерманомъ (русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ). Послѣ того, какъ мною было написано начало этого письма. Чернышевъ въ видахъ собственнаго своего удобства предложилъ отсрочить отъѣздъ курьера: это дало мнѣ случай подробнѣе переговорить съ нимъ, причемъ я замѣтилъ, что въ немъ преобладаетъ мысль о томъ, будто бы мы намѣреваемся только потѣшить петербургскій дворъ; я постарался убѣдить его, что онъ совершенно заблуждается насчетъ мнѣнія короля и его министровъ касательно этого предмета, а такъ какъ онъ, повидимому, придавалъ существенное значеніе небольшимъ различіямъ между

---

[1] *Сб. Ист. Общ.*, т. XII. стр. 371—379. 415—416. *Собр. трактатовъ*, т. IX, стр. 268—276.

прежнимъ проектомъ, выданнымъ Россіи, и тѣмъ, который былъ сообщенъ мною, я осмѣлился увѣрить его, что, по всей вѣроятности, не предстояло никакого затрудненія къ принятію русскаго проекта съ соблюденіемъ только слѣдующихъ условій: чтобы война съ Турціей была исключена, Англіи предоставлялось бы право уплачивать деньги, вмѣсто того, чтобы выслать свой флотъ, въ случаѣ если бы сохраненіе его въ предѣлахъ своихъ владѣній оказалось бы необходимымъ для огражденія собственной ея безопасности и, наконецъ, относительно Швеціи не было бы принято никакихъ обязательствъ."

Понятно, говоритъ проф. Мартенсъ, что ни императрица, ни Панинъ не были довольны такимъ результатомъ переговоровъ насчетъ союзнаго трактата. Польза дружескихъ сношеній съ Англіей становилась для Россіи все болѣе и болѣе проблематическою. Англійское правительство не противодѣйствовало успѣху французскихъ интригъ при Портѣ, потому что осенью 1768 года Турція объявила войну Россіи. Съ другой же стороны оно отказывалось остановить шведское правительство на опасномъ пути враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, на который оно готово было вступить, благодаря той же французской инфлуэнціи. Панинъ убѣдился изъ переговоровъ съ Каскартомъ, что Чернышевъ правъ, подозрѣвая англійскихъ министровъ въ единственномъ искреннемъ желаніи выиграть во что бы то ни стало время для принятія окончательнаго рѣшенія.

Въ одномъ письмѣ къ Чернышеву Панинъ высказалъ очень ясно свое неудовольствіе. По его мнѣнію, доводы англійскихъ министровъ противъ дачи Швеціи субсидій совершенно неубѣдительны, потому что они исключительно основываются на соображеніяхъ объ экономіи. Между тѣмъ есть разница между правилами приватнаго домоводства, или экономіи, и государственнаго сбереженія. Правила сего послѣдняго часто научаютъ не только давать, но и много давать, чтобы тѣмъ еще того болѣе сберечь. Безразсудно правило давать субсидіи только когда наступила нужда, хотя бы тогда даже вдесятеро больше. Хорошо такъ обходиться съ товарами, и ихъ тогда покупать, когда нужда въ нихъ есть, но торговымъ духомъ объятые Англичане весьма ошибаются, увѣряясь, что людьми такъ торговать можно.

Во время первой турецкой войны, продолжавшейся до 1774 г., англійское правительство старалось вмѣшаться въ нашу восточную политику и любезно предлагало свое посредничество для

примиренія съ Портой. Но Екатерина была рѣшительно противъ этого вмѣшательства. На одномъ донесеніи Чернышева она написала слѣдующія слова для руководства Панину: „Берегитесь, чтобъ эти вертуны-Англичане не вздумали бы навязать вамъ при первомъ случаѣ мнимый миръ, который вы должны будете отвергнуть. Лучше всего будетъ просить ихъ не вмѣшиваться такимъ горячимъ образомъ. Друзья и недруги намъ уже завидуютъ изъ-за выгодъ, которыя мы можемъ имѣть, и пріобрѣтеніе одной только пяди земли на Черномъ морѣ совершенно достаточно для возбужденія зависти Англичанъ, которые преслѣдуютъ въ эту минуту мелочные интересы и которые всегда останутся лавочниками".

Тѣмъ не менѣе англійское правительство продолжало хлопотать о союзномъ договорѣ, надѣясь, что этотъ союзъ дастъ ему законную причину къ направленію нашей политики по-своему. Англійскій министръ Рошфоръ писалъ Каскарту 25 августа 1770 г.: „Хотя со времени перерыва нашихъ переговоровъ я постоянно обдумывалъ средства, могущія дать намъ возможность возобновить съ надеждой на успѣхъ великое дѣло союза, взаимножелаемаго обоими дворами, тѣмъ не менѣе я вынужденъ былъ долгое время хранить молчаніе касательно этого предмета, такъ какъ, судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ вами, время не являлось благопріятнымъ для того, чтобы побуждать петербургскій дворъ поспѣшить заключеніемъ этого вопроса или устранить тѣ возраженія, которыя до тѣхъ поръ затрудняли его со стороны Великобританіи. Настоящее критическое положеніе дѣлъ, повидимому, даетъ поводъ къ преодолѣнію прежнихъ затрудненій. Подозрительное за послѣднее время поведеніе версальскаго двора, выславшаго на Востокъ четыре фрегата, усилія, употребленныя имъ при Портѣ для продолженія войны, достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что онъ имѣлъ виды повсемѣстно возбуждать противъ Россіи враговъ, а въ особенности склонить Венеціанскую республику къ дѣйствіямъ на Средиземномъ морѣ, а болѣе всего недавно открытое важное обстоятельство, что герцогъ Шуазель (французскій министръ) составилъ проектъ наступательнаго и оборонительнаго союза между Франціей и Портой со включеніемъ Швеціи, послѣ того какъ Франція подготовитъ къ тому почву посредствомъ трактата между Россіей и Портой, котораго она надѣется достигнуть съ помощію интригъ; по моему мнѣнію, всѣ эти обстоятельства а также зависть, которая, какъ можно

предполагать, будетъ возбуждена въ Вѣнѣ значительнымъ перевѣсомъ Россіи, должны послужить для императрицы сильнымъ побужденіемъ къ заключенію союза, который бы далъ возможность съ успѣхомъ и честно окончить настоящую войну, составивъ при этомъ на будущее время перевѣсъ противъ державы, показавшей, что благосостояніе Россіи служитъ предметомъ ея если не явныхъ, то тайныхъ покушеній, такъ же какъ и благосостояніе Великобританіи. Съ другой стороны объясненіе, полученное отъ васъ касательно существующаго въ Петербургѣ мнѣнія о пріобрѣтеніяхъ наиболѣе желательныхъ для Россіи, какъ въ виду собственнаго единенія ея выгодъ, такъ и въ избѣжаніе опасности отъ дальнѣйшаго нарушенія спокойствія Европы, вполнѣ совпадающаго съ первоначально принятымъ здѣсь мнѣніемъ, представляетъ королю возможность осуществить желанія русской императрицы, въ то же время не отступая отъ постояннаго его образа дѣйствія относительно Оттоманской Порты и усиливая значеніе и достоинство его дружбы съ обѣими этими державами, вмѣсто того, чтобъ имѣть видъ подчиненія обременительному условію. Вамъ извѣстно, что когда по заключеніи мира были начаты переговоры о возобновленіи союза съ Россіей, главное возраженіе, высказанное съ нашей стороны, состояло въ недостаткѣ взаимности, ибо петербургскій дворъ настаивалъ на томъ, чтобы война съ Турціей была принята за casus foederis, не предлагая при этомъ никакого условія съ цѣлью уравновѣсить вопросъ въ нашу пользу. Наше желаніе не оскорблять Порту, какъ древнюю нашу союзницу, связанную съ нами въ торговыхъ отношеніяхъ, составило дальнѣйшее соображеніе, и Россія предложила ослабить силу этого возраженія, измѣнивъ условіе въ смыслѣ уплаты въ такомъ случаѣ денежной суммы. Когда это не удалось, Россія предложила принять отъ Англіи въ видѣ вознагражденія субсидію Швеціи, но такъ какъ объ этомъ не могло быть рѣчи и вопросъ этотъ теперь не подлежитъ разсмотрѣнію, то императрица снова обратилась къ турецкому casus foederis или какой-либо иной равносильной тому мѣрѣ, ибо, какъ она объясняетъ, она связана честью по отношенію къ своимъ союзникамъ, согласившимся на то, не заключать никакого трактата безъ этого условія и безъ чего-либо иного, восполняющаго недостатокъ этого условія. Почему я нынѣ имѣю повелѣніе короля предписать вамъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы сообщить

Панину, что король въ видахъ пользы Россіи согласенъ распространить условіе о военныхъ корабляхъ, кои онъ въ силу проекта обязуется выставить въ такомъ смыслѣ, чтобъ они могли служить на всякомъ европейскомъ морѣ, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться однимъ Балтійскимъ, а также при заключеніи между императрицей и Портой трактата при его посредничествѣ король согласенъ гарантировать такой трактатъ, причемъ поставитъ одною изъ главныхъ цѣлей инструкцій своему послу настаивать на уступкѣ Россіи Азова, области кубанскихъ Татаръ и всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ею на этомъ берегу, а равно мореплаваніе по Черному морю. Полагаю, что вамъ не трудно будетъ убѣдить русскихъ министровъ въ томъ, что король въ сущности уступитъ больше выдачей своей гарантіи, чѣмъ одной лишь уплатой условленной суммы денегъ въ случаѣ будущей войны съ Турціей, и что будетъ всегда въ его власти посредствомъ своей морской силы придать этой гарантіи характеръ дѣйствительный. Вы объясните русскому двору, что это предложеніе гарантіи по свойству своему не можетъ составить статьи настоящаго трактата, и что всякія подозрѣнія относительно благопріятныхъ для Россіи видовъ короля по поводу Азова и Чернаго моря въ настоящую минуту могутъ ослабить ту пользу, которую король окажетъ Россіи, ведя переговоры съ Портой. Поэтому до наступленія удобнаго времени вопросъ этотъ слѣдуетъ предоставить чести короля, что, я надѣюсь, будетъ принято за ручательство столь же священное, какъ самое форменное обязательство. Съ своей стороны король разсчитываетъ лишь на слѣдующія прибавленія къ уже предложенному плану, которыя, какъ я имѣю поводъ заключить изъ вашихъ депешъ, не встрѣтятъ затрудненія; я разумѣю замѣнъ сухопутныхъ силъ въ случаѣ требованія Великобританіи 14-линейными кораблями и признанія нападеній какой бы то ни было европейской державы на владѣнія короля или на подданныхъ его въ Америкѣ или въ Остъ-Индіи за casus foederis. Вообще вы приложите все стараніе къ тому, чтобы внушить, что такъ какъ король при всякомъ удобномъ случаѣ дѣйствуетъ самымъ дружелюбнымъ образомъ относительно русской императрицы и доказываетъ, на сколько онъ разсматриваетъ ея честь и выгоду, связанными съ своими собственными, то для него является крайне необходимыми получить существенное доказательство въ томъ, что она принимаетъ одинаковое участіе въ благосостояніи Великобрита-

ніи, а также чтобы было глубоко сознано, до какой степени обѣ державы должны на случай будущихъ событій разсматривать себя связанными другъ съ другомъ взаимнымъ интересомъ."

Изъ одного письма того же Рошфора видно, почему Англія предлагаетъ свое посредничество: она боялась, что если Черное море будетъ открыто для русскихъ судовъ, они могутъ тогда выйти и въ Средиземное море и нанести ущербъ англійской торговлѣ. „Не могу не высказать вамъ,—пишетъ Рошфоръ Каскарту,—что мысль, которой держатся въ Петербургѣ относительно открытія торговли на Черномъ морѣ для всѣхъ народовъ, повидимому подастъ поводъ къ сильнымъ возраженіямъ. Какъ хорошо извѣстно вамъ, Турки съ давняго времени не допускали ни одного изъ европейскихъ народовъ къ участію въ этой торговлѣ. Цѣль Россіи при этомъ проектѣ очевидно состоитъ въ томъ, чтобы проложить себѣ кратчайшій путь въ Средиземное море, что, въ случаѣ согласія Порты, являющагося, впрочемъ, весьма сомнительнымъ, неизбѣжно возбудило бы зависть тѣхъ народовъ, въ чьихъ рукахъ до тѣхъ поръ находилась торговля на этомъ морѣ и, по всей вѣроятности, могло бы внушить на будущее время опасенія за ихъ владѣнія, расположенныя въ этой мѣстности; съ другой стороны, не прибѣгая къ столь важной перемѣнѣ по отношенію ко всей европейской торговлѣ, плаваніе по Черному морю вмѣстѣ съ Турками и при исключеніи всѣхъ прочихъ народовъ должно послужить для Россіи значительнымъ и прочнымъ увеличеніемъ силы и богатства. Улучшеніе ея владѣній въ этой мѣстности относительно населенія и обработки должно естественно составить для нея вторую, весьма важную роль. Словомъ, здѣсь открывается широкое поле для усиленія славы и могущества Россіи безъ всякаго посягательства на право другихъ державъ, которое, конечно, возбудило бы ихъ безопасность, чтобы не сказать болѣе."

Нѣсколько мѣсяцевъ Каскарту не давали никакого категорическаго отвѣта на его предложенія. Въ декабрѣ 1770 года англійскій посланникъ обратился къ Панину и поставилъ ему на видъ, что въ Англіи очень удивляются его молчанію, что король всѣми средствами пытался усовершенствовать естественный союзъ съ Россіей, что его посланнику очень тяжело оставаться въ неизвѣстности относительно намѣреній Россіи въ такое время, когда энергическое и дружественное рѣшеніе, принятое здѣсь,

усилило бы ихъ значеніе какъ дома, такъ и за границей. Панинъ со всевозможными извиненіями сослался на множество занятій.

Въ маѣ 1772 года на мѣсто Каскарта былъ назначенъ новый посланникъ Гуннингъ, и въ данной ему инструкціи говорилось между прочимъ: „Если на будущее время императрица пожелаетъ нашего посредничества между воюющими державами, вы выскажете нашу постоянную готовность предлагать наши услуги, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы явились главною стороной въ посредничествѣ и сообщите таковое предложеніе для нашего обсужденія. Но каковъ бы ни былъ исходъ настоящихъ переговоровъ, вы не преминете изгладить въ умѣ императрицы и ея министровъ всякое подозрѣніе относительно того, будто бы мы питаемъ зависть къ морскимъ и сухопутнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя могутъ быть сдѣланы ею на Черномъ морѣ, въ виду доставленія свободнаго прохода русскихъ кораблей изъ этого моря въ Средиземное“. Новый англійскій посланникъ жаловался, что Панинъ принялъ его очень холодно и не отнесся съ восторгомъ къ сдѣланному ему предложенію. „На основаніи различныхъ разговоровъ съ Панинымъ, - писалъ Гуннингъ,—и самаго усиленнаго вниманія ко всѣмъ его дѣйствіямъ, насколько я имѣлъ случай наблюсти за ними, я прихожу къ тому заключенію, что онъ не питаетъ и никогда не питалъ къ Англіи той дружбы, о которой намъ передавали“.

Англійское правительство было недовольно отказомъ Россіи принять его посредничество, и еще болѣе недовольно оно было раздѣломъ Польши. „Мы испытываемъ со стороны петербургскаго двора лишь равнодушіе,—писалъ Гуннингу англійскій министръ Суффолькъ;—кромѣ того да будетъ мнѣ позволено поставить на видъ существенный вредъ, причиненный нашей странѣ немедленными послѣдствіями раздѣла Польши, которое, какъ ни несправедливо оно, должно быть названо дѣломъ русской императрицы, ибо безъ ея позволенія и содѣйствія оно никогда бы не состоялось. Торговля съ Данцигомъ, составляющая одну изъ главныхъ и самыхъ выгодныхъ отраслей великобританской торговли, почти совершенно разорена и утрачена вслѣдствіе требованій друга и союзника императрицы (то-есть короля прусскаго). Мы не можемъ не приписывать этой тягостной для націи потери дѣйствіямъ Россіи“.

Въ то время какъ въ Петербургѣ отказывались отъ англійскаго посредничества, нашъ посланникъ въ Лондонѣ Мусинъ-

Пушкинъ дѣйствовалъ наперекоръ получавшимся имъ инструкціямъ и усложнялъ наши отношенія къ Англіи. Онъ объявилъ Суффольку, сколько желательно, чтобы заключеніе съ Портой мира было совершено англійскими руками безъ всякой формальной медіаціи. Панинъ объяснилъ Мусину-Пушкину, что онъ самъ вызываетъ вмѣшательство Англіи, между тѣмъ какъ русское правительство такое посредничество съ пристойными привѣтствіями всякій разъ отклоняло по той причинѣ, дабы чрезъ принятіе или допущеніе съ нашей стороны англійскаго посредства не подать взаимно Туркамъ случая и предлога требовать равномѣрнаго допущенія для Франціи. „Въ заключеніе,—писалъ Панинъ Мусину-Пушкину,—хочу я еще изъ благонамѣренности моей къ вамъ примѣтить, что и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и случаяхъ вообще не должно осторожному министру поступать собою на многозначущіе отзывы или внушенія, ибо сколько бы онъ самъ по себѣ ни имѣлъ природной остроты, однакожь ею одною не можетъ въ отсутствіи проникать совершенно всей связи и прямыхъ намѣреній двора своего. Сверхъ же того и самое политическихъ дѣлъ свойство не таково, чтобъ требовало скоропостижности, недозволяющей испросить себѣ точныхъ повелѣній отъ тѣхъ, кои цѣлымъ кругомъ дѣлъ управляютъ. Въ нихъ бываютъ сверхъ того нерѣдко и такія перемѣны, кои въ наружности своей и навсегда сокровенными остаются для всѣхъ тѣхъ, кои въ нихъ безпосредственнаго участія не имѣютъ“. Несмотря на это наставленіе, нашъ посланникъ ходатайствовалъ предъ своимъ правительствомъ за англійскаго министра, интересы котораго почему-то были очень близки его сердцу. „Суффолькъ съ ласкательнымъ удовольствіемъ увѣрялъ меня,—писалъ Мусинъ-Пушкинъ Панину,—въ томъ, что онъ принялся бы работать здѣсь со мной о томъ, чтобы императрица могла даровать небезнужный уже Россіи покой, послѣ такихъ, правда, преславныхъ, но долговременныхъ и потому же изнурительныхъ военныхъ подвиговъ, еслибы отъ васъ былъ поданъ ему надлежащій къ тому поводъ“. Въ другой разъ Мусинъ-Пушкинъ пишетъ, что „общіе короля сентименты, а особливо усердныя лорда Суффолька намѣренія столь мнѣ извѣстны, что и могу я напередъ смѣло вамъ донесть, что дѣло сіе (о посредничествѣ) было бы принято здѣсь совсѣмъ такимъ ревностнымъ попеченіемъ, какого можно только ожидать отъ добронамѣреннаго и естественнаго союзнаго двора. Всякая же къ тому довѣренность неинако какъ утвердитъ еще болѣе такія

полезныя намѣренія". Панинъ еще разъ подтвердилъ Мусину-Пушкину, что русское правительство не можетъ принять англійской медіаціи и совѣтуетъ ему вопросъ этотъ оставить отъ сего времени въ совершенномъ молчаніи.

Въ 1774 году безъ всякаго европейскаго посредничества былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ съ Турціей, по которому Россія пріобрѣла свободное мореплаваніе по Черному морю, Кинбурнъ, Керчь, Еникале и всю степь между Бугомъ и Днѣпромъ. [1]

IX.

„Возстаніе сѣверо-американскихъ колоній,—говоритъ профессоръ Мартенсъ,—поглотило на нѣсколько лѣтъ все вниманіе англійскаго правительства и заставило его на время позабыть свои интересы въ восточной Европѣ. Но въ то же время это возстаніе и вызванная имъ новая война съ Франціей еще больше убѣдили англійское правительство въ важности не только дружественныхъ, но еще болѣе союзныхъ отношеній къ Россіи. Переговоры о союзномъ трактатѣ получили совершенно новое направленіе послѣ 1774 года. Возстаніе англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ привело прежде всего къ разоренію англійской торговли и затѣмъ обнаружило полное безсиліе Англіи въ сухопутной войнѣ. Наступилъ моментъ, когда англійскому правительству пришлось горько сожалѣть о своемъ упрямствѣ въ переговорахъ о союзномъ трактатѣ съ Россіей. Тогда оно напало на мысль, что императрица Екатерина могла бы оказать Англіи помощь отправленіемъ русскихъ войскъ въ Америку".

„Возстаніе,—писалъ Суффолькъ Гуннингу,—въ большей части американскихъ колоній короля такого свойства, что осторожность предписываетъ озаботиться всѣми возможными мѣрами, которыхъ, быть-можетъ, потребуетъ неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, дабы приготовиться на встрѣчу имъ всѣми нужными свѣдѣніями; хотя въ настоящую минуту самая мысль о нѣкоторыхъ изъ средствъ, представляющихся для изслѣдованія, можетъ показаться необыкновенною и романтическою или, по крайней мѣрѣ, на основаніи вѣроятныхъ соображеній ни въ какомъ случаѣ для насъ

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* Т. XIX, стр. 55—60, 128—129, 161—162, 267, 276, 326, 334—335. *Собр. трактатовъ.* Т. IX, стр. 275—286.

не нужною. Послѣ подобнаго объясненія могу изложить вамъ свое частное желаніе насчетъ того, чтобы вы постарались узнать, если со временемъ окажется потребность употребить въ Сѣверной Америкѣ иностранныя войска, то можетъ ли въ такомъ случаѣ король разсчитывать на русскую императрицу для снабженія ею въ виду этой цѣли значительнымъ корпусомъ пѣхоты. Считаю лишнимъ объяснять вамъ, что порученіе это весьма деликатнаго свойства и можетъ быть возложено лишь на министра столь испытанной осторожности и искусства; польза его вполнѣ зависитъ отъ его выполненія; и какимъ бы образомъ вы ни коснулись этого разговора, будетъ ли это съ Панинымъ или съ самою императрицей, вы постараетесь высказать это какъ-будто нечаянно, придавая вашимъ словамъ лишь видъ простаго и личнаго вашего предположенія и ни въ какомъ случаѣ не положительнаго предложенія."

Исполняя возложенное на него порученіе, англійскій посланникъ въ разговорѣ съ Панинымъ незамѣтнымъ образомъ навелъ разговоръ на этомъ предметъ и сказалъ ему, что насколько могутъ быть достовѣрны человѣческіе событія, настолько не подлежитъ сомнѣнію, что мѣры, нынѣ предпринимаемыя королемъ, вскорѣ положатъ конецъ возстанію, но тѣмъ не менѣе сила его привязанности къ государю и отечеству невольно заставляетъ его останавливаться надъ всѣми средствами, могущими прекратить смуты, въ случаѣ еслибы какое бы то ни было непредвидѣнное и неожиданное обстоятельство продлило бы ихъ; и хотя съ его стороны весьма смѣло предлагать свои собственныя мнѣнія, однако онъ надѣется, что побужденіе имъ руководящее послужитъ ему извиненіемъ, и потому въ силу дружбы, которою отличаетъ его Панинъ, и на основаніи частыхъ увѣреній, слышанныхъ изъ собственныхъ устъ императрицы, въ частныхъ разговорахъ съ нею, смѣетъ спросить его, не можетъ ли онъ подтвердить этихъ увѣреній королю, своему повелителю, сообщивъ ему, что въ случаѣ, если обстоятельства дѣла потребуютъ поддержки иностранныхъ войскъ, онъ можетъ разсчитывать на корпусъ русской пѣхоты. Панинъ отвѣтилъ любезными фразами, и обѣщалъ поговорить съ императрицей. „Екатерина—доносилъ Гуннингъ,—повелѣла Панину сильнѣйшимъ образомъ и въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ увѣрить меня въ полной ея готовности, какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ случаѣ, оказать королю всякую помощь, какой онъ только можетъ пожелать

въ томъ видѣ и тѣмъ путемъ, какіе онъ признаетъ нужными, и въ томъ, что она съ величайшимъ удовольствіемъ воспользуется этимъ случаемъ заявить свою признательность королю и англійскому народу. Она поручила Панину передать мнѣ, что чувствуетъ въ себѣ врожденную привязанность къ моему народу, который всегда будетъ любить. Ничто не могло быть искреннѣе и радушнѣе выраженій, употребленныхъ Панинымъ для сообщенія мнѣ о расположеніи императрицы, и я полагаю, что въ случаѣ если окажется необходимость въ иностранной помощи, чего надѣюсь никогда не случится, то несомнѣнно, что король можетъ разсчитывать на дѣятельную поддержку со стороны этого государства".

Такое категорическое завѣреніе подало поводъ въ Англіи думать, что можно разсчитывать на русскую помощь противъ Американцевъ; любезныя фразы Екатерины и ея министра были приняты за чистую монету, и король англійскій Георгъ написалъ Екатеринѣ письмо въ такомъ тонѣ, какъ будто согласіе русской императрицы было уже получено. „Великодушное заявленіе,— писалъ король,— съ которымъ вамъ угодно было обратиться черезъ министра вашего къ Гуннингу, вызываетъ съ моей стороны самую искреннюю признательность, въ которой и прошу ваше величество принять увѣреніе и быть убѣжденною, что я принимаю предложенную вами мнѣ помощь нѣкоторой части вашихъ войскъ, въ чемъ, быть-можетъ, окажется необходимость, вслѣдствіе непокорности моихъ подданныхъ въ нѣкоторыхъ изъ моихъ американскихъ колоній".

Отсылая это письмо Гуннингу, Суффолькъ писалъ ему: „Когда я писалъ частное письмо свое, я только считалъ возможнымъ, но никакъ не вѣроятнымъ, что усиливающееся безуміе несчастныхъ и заблуждающихся подданныхъ короля по ту сторону Атлантическаго океана приметъ со временемъ такіе размѣры, при которыхъ окажется полезною иностранная помощь. Успѣхи, оказанныя съ тѣхъ поръ возстаніемъ, таковы, что нынѣ является потребность въ тѣхъ энергическихъ мѣрахъ, которыя такъ долго были откладываемы. Вопросъ находился въ такомъ положеніи, когда было получено ваше письмо и, такъ какъ признано полезнымъ, хотя, слава Богу, не необходимымъ, употребить средства, указанныя вами, для усиленія многочисленнаго войска, которое мы предполагаемъ имѣть въ Сѣверной Америкѣ, то мнѣ поручено передать вамъ повелѣніе короля испросить въ возможной

скорости аудіенцію у императрицы и вручить ей прилагаемое письмо. Приступивъ такимъ образомъ къ дѣлу, вы вслѣдъ затѣмъ объясните, что желательно, чтобы испрашиваемая помощь состояла изъ 20 тысячъ пѣхоты, пріученной къ дисциплинѣ, вполнѣ вооруженной и готовой, какъ только весной откроется плаваніе по Балтійскому морю, къ отплытію на транспортныхъ судахъ, которыя будутъ высланы отсюда и затѣмъ перевезутъ большую часть войскъ въ Канаду, гдѣ они поступятъ подъ начальство Британскаго главнокомандующаго. Отвѣтъ на это требованіе и неизбѣжныя ваши сношенія съ министрами императрицы выяснятъ обсужденіе и опредѣленіе условій и много другихъ подробностей, кои въ настоящую спѣшную минуту еще не представляются мнѣ; но мнѣ повелѣно королемъ отправить къ вамъ чрезъ недѣлю другаго курьера съ проектомъ, полномочіемъ и всѣми другими документами и инструкціями".

Черезъ недѣлю Гуннингу дѣйствительно посланъ былъ проектъ трактата, по которому Екатерина обязана была выставить въ Америку корпусъ войска, а англійскій король обязывался содержать его. Когда англійскій посланникъ явился съ этимъ проектомъ къ Панину, министръ отвѣтилъ, что императрица весьма тронута искренними чувствами, выраженными ей королемъ, и что собственная ея дружба къ нему не менѣе горяча, но что она весьма не расположена употреблять свои войска въ Америкѣ, гдѣ они были бы лишены всякихъ сношеній съ родиной, и что требуемое число полковъ такъ велико, что она не полагаетъ возможнымъ удовлетворить подобному требованію при настоящемъ положеніи ея арміи, ослабленной продолжительностью послѣдней войны, что она думала, что Испанія служила предметомъ опасенія для Англіи, и это предположеніе побудило ее высказать увѣренія, которыя она несомнѣнно выполнила бы.

Въ письмѣ на имя короля Екатерина прямо отказала посылать въ Америку русское войско. „Получивъ письмо вашего величества,—писала императрица,—я была тѣмъ болѣе тронута откровенностью и искренностью, съ которыми вамъ угодно было говорить со мной о настоящемъ положеніи вашихъ дѣлъ, что вы не могли дать мнѣ болѣе очевиднаго доказательства довѣрія вашего къ моей дружбѣ. Въ отвѣтѣ моемъ мнѣ предстоитъ заявить вамъ мое полное сочувствіе, и съ этою цѣлью слова мои, равно подсказанныя сердцемъ, будутъ также откровенны, какъ и ваши собственныя. Громадныя военныя приготовленія въ Испаніи при-

влекали взгляды всей Европы, и общее мнѣніе заключалось въ томъ, что они направлялись противъ владѣній вашего величества; самъ британскій народъ раздѣлялъ это мнѣніе и съ безпокойствомъ помышлялъ о томъ. Въ такую минуту и посреди подобныхъ политическихъ обстоятельствъ министръ вашего величества при моемъ дворѣ пожелалъ имѣть подтвержденіе моихъ чувствъ, всегда громко высказываемыхъ мною въ пользу вашего величества и вашего народа. Я не усумнилась отвѣтить ему чрезъ посредство моего министра, что ваше величество можете разсчитывать на мою добрую волю и готовность быть вамъ полезной и оказывать вамъ существенныя услуги, независимо отъ какихъ бы то ни было предварительныхъ обстоятельствъ между нами. Но такъ какъ опасенія со стороны Испаніи разъяснились, и нынѣ ваше величество увѣдомили меня, какъ содержаніемъ вашего письма, такъ и посредствомъ требованій, высказанныхъ вашимъ министромъ, что вы объясняете и опредѣляете примѣненіе данныхъ мною увѣреній пособіемъ, состоящимъ изъ двадцати тысячъ человѣкъ моего войска, съ тѣмъ, чтобы будущей весной перевезти ихъ въ Канаду, я не могу скрыть отъ вашего величества, что подобный размѣръ пособія и мѣсто его назначенія не только измѣняютъ смыслъ этихъ предложеній, но даже превосходятъ тѣ средства, которыми я могу располагать для оказанія услуги вашему величеству. Я едва только начинаю наслаждаться миромъ, и вашему величеству извѣстно, что моя имперія нуждается въ спокойствіи. Вамъ также извѣстно, въ какомъ состояніи выходитъ армія, хотя и побѣдоносная, изъ долгой и упорной войны въ убійственномъ климатѣ. Прежде всего признаюсь вамъ, что срокъ отъ настоящаго времени до весны слишкомъ кратокъ, хотя бы для того только, чтобы дать моему войску отдохнуть отъ потерпѣнныхъ трудовъ и озаботиться приведеніемъ его въ надлежащій порядокъ. Затѣмъ, не говоря о неудобствахъ, которыя возникли бы при употребленіи столь значительнаго корпуса въ другомъ полушаріи, гдѣ онъ находился бы подъ властью, почти неизвѣстною ему, и былъ бы почти лишенъ всякихъ сношеній со своимъ монархомъ, собственная моя увѣренность въ мирѣ, стоившемъ мнѣ столькихъ усилій, положительно воспрещаетъ мнѣ въ столь непродолжительномъ времени лишить себя значительной части своихъ войскъ, и вашему величеству извѣстно, что кромѣ того при этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе едва задремавшія дѣла въ Швеціи и неокончательно рѣшенныя дѣла польскія.

Не могу также не разсмыслить и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя должны возникнуть для нашего достоинства, а также для достоинства обѣихъ монархій и обѣихъ націй отъ подобнаго соединенія нашихъ силъ единственно для усмиренія возстанія, не поддержаннаго ни одной изъ иностранныхъ державъ. Быть-можетъ также мнѣ слѣдуетъ высказать, что ни одна изъ державъ, утвердившихся въ Новомъ Свѣтѣ, не отнеслась бы благосклонно къ перевозкѣ туда столь значительнаго иностраннаго войска. Между тѣмъ какъ до сихъ поръ онѣ, повидимому, не принимали никакого участія въ ссорѣ англійскихъ колоній со своею метрополіей, призывъ народа значительнаго и столь новаго въ Америкѣ могъ бы побудить ихъ къ вмѣшательству въ это дѣло. Это, по всей вѣроятности, отразилось бы волненіемъ въ Европѣ, и театръ для иностранной войны былъ бы открытъ, вмѣсто того, чтобы доставить Англіи спокойствіе и миръ въ той сторонѣ, куда стремились бы мои виды и желанія. Подобная будущность, не стану скрывать отъ вашего величества, такъ сильно поражаетъ меня, что хотя я глубоко сожалѣю о невозможности оказать вамъ услугу, требуемую вами отъ моей дружбы, по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что это не причинитъ вамъ затрудненій, которыхъ можно бы ожидать съ перваго взгляда.“ [1]

Въ 1778 году на сторону Америки стала Франція, и положеніе Англіи значительно ухудшилось. Англійское правительство опять стало хлопотать о союзѣ съ Россіей. Новый англійскій посланникъ Гаррисъ вручилъ Панину ноту, къ которой былъ приложенъ новый проектъ союзнаго трактата. Въ нотѣ указывалось на вѣроломное поведеніе версальскаго кабинета, всегда бывшаго врагомъ Россіи, и доказывалось, что наступилъ удобный случай для императрицы посредствомъ союза съ Англіей нанести чувствительный ударъ Франціи. Въ концѣ ноты было прибавлено: „исключительно коммерческія соображенія заставляютъ короля не согласиться на casus foederis въ случаѣ войны съ Турками“. Отвѣтъ Екатерины устранилъ возможность дальнѣйшихъ переговоровъ о союзѣ на предложенныхъ основаніяхъ. Изъ всѣхъ державъ, отъ которыхъ Россія можетъ опасаться враждебныхъ дѣйствій, первое мѣсто принадлежитъ Турціи. Между тѣмъ именно эту державу англійскій кабинетъ исключаетъ изъ случаевъ дѣйствія союзнаго трактата. „Въ виду этого

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. XIX, стр. 463—464, 471—479, 492—493, 500—502.

обстоятельства императрица вынуждена согласиться, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности заключить союзъ между обоими дворами.“

Политика Россіи въ отношеніи Англіи охарактеризована въ инструкціи, данной нашему посланнику въ Лондонѣ Симолину, замѣстившему въ 1779 году Мусина-Пушкина. „Несомнѣнно, что положеніе Англіи весьма затруднительно, но доколѣ время и обстоятельства не приведутъ новыхъ идей, кои впредь могутъ востребовать начертанія частной и ближайшей стези, надлежало бы теперь держаться однихъ неопредѣлительныхъ генеральностей, и для того удовольствуемся мы къ учрежденію поступковъ вашихъ сослаться съ одной стороны на собственную вашу патріотическимъ усердіемъ къ службѣ нашей руководствуемую прозорливость, а съ другой—на наши предшественникамъ вашимъ данныя повелѣнія“. Изъ послѣднихъ актовъ Симолинъ долженъ былъ удостовѣриться, что всѣ переговоры съ Англіей о союзномъ трактатѣ не увѣнчались успѣхомъ, благодаря только лондонскому двору. Правда, съ той поры послѣдовали многія важныя перемѣны, но и то не меньше же правда, что теперь самый вопросъ о союзномъ трактатѣ существовать не можетъ.

Въ 1780 году издана была извѣстная декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ. Въ этомъ документѣ говорится, что должное къ предписаніямъ универсальнаго права народовъ уваженіе не могло обезпечить во время турецкой войны подданныхъ императрицы отъ безпокойствъ, коимъ они часто подвергались въ судоходствѣ, и отъ препятствій ихъ операціямъ со стороны воюющихъ державъ. Затрудненія эти, причиняемыя свободѣ общей торговли и торговлѣ русской, таковы, что должны обратить на себя вниманіе государей и всѣхъ націй нейтральныхъ. Поэтому должны быть приняты слѣдующія правила: 1) чтобы нейтральные корабли могли свободно плавать отъ одной пристани къ другой и у береговъ воюющихъ націй: 2) чтобы товары, принадлежащіе подданнымъ воюющихъ державъ, были свободны на нейтральныхъ корабляхъ, исключая заповѣдные товары; 3) что для опредѣленія того, что можетъ ознаменовать блокированный портъ, долженъ таковымъ почитаться только тотъ, ко входу въ который настоитъ очевидная опасность по сдѣланнымъ отъ атакующей ея державы разставленными въ близости онаго кораблями. Провозглашая сіи правила, императрица не колеблется заявить, что для поддержанія ихъ и для охраны чести ея флага,

безопасности торговли и мореплаванія ея подданныхъ противъ кого бы ни было она повелитъ отрядить значительную часть своихъ морскихъ силъ.

На основаніи новыхъ архивныхъ матеріаловъ проф. Мартенсъ разъяснилъ вопросъ о происхожденіи вооруженнаго нейтралитета и союза нейтральныхъ державъ. „Необходимо,—говоритъ онъ,—констатировать самымъ положительнымъ образомъ, что мысль о созданіи союза нейтральныхъ державъ дала сама Англія. Нескончаемыя насилія именно англійскихъ каперовъ заставили императрицу Екатерину искать дѣйствительнаго средства для обузданія ихъ хищническихъ нападеній на нейтральныхъ подданныхъ. Дипломатическая переписка съ лондонскимъ дворомъ за 1778—80 годы изобилуетъ настоятельными жалобами русскаго правительства на образъ дѣйствій англійскихъ арматоровъ и адмиральскаго суда. Прусскій, датскій, шведскій, голландскій, португальскій и венеціанскій посланники неустанно подавали англійскому правительству письменныя жалобы на безчинства, безнаказаннымъ образомъ совершаемыя англійскими корсарами и требовали вознагражденія за причиненные ущербъ и убытки. Англійскіе министры прибѣгали къ весьма простому способу, чтобъ избѣжать непріятныхъ словесныхъ объясненій съ представителями нейтральныхъ державъ: они не принимали ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и избѣгали всякой съ ними встрѣчи. Наконецъ Екатерина рѣшилась объявить англійскому правительству, что съ весны 1779 года русская эскадра будетъ крейсировать въ Сѣверномъ морѣ и останавливать каждаго корсара, который тамъ покажется. Эта мѣра принимается по общему соглашенію Россіи съ Даніей и Швеціей. Англійское правительство приглашалось сдѣлать распоряженіе, чтобъ англійскіе каперы совсѣмъ не показывались въ предѣлахъ Сѣвернаго моря. Безчинства однако продолжались, и въ мартѣ 1779 года англійскій посланникъ получилъ отъ Панина протестъ противъ захвата русскаго судна изъ Выборга. Въ ноябрѣ того же года сообщается посланнику о незаконномъ захватѣ англійскимъ арматоромъ рижскаго судна. Понятно, что Екатерина была крайне недовольна образомъ дѣйствій англійскаго двора, потому что англійское правительство потворствовало корсарамъ. Она сама сказала Гаррису: „Вы притѣсняете мою торговлю, вы задерживаете мои корабли; всему этому я придаю особенное значеніе; моя торговля—мое дѣтище, и вы не допускаете, чтобъ я сердилась?“

Всѣ требованія объ освобожденіи захваченныхъ русскихъ судовъ и о вознагражденіи за причиненный убытокъ оставались безъ удовлетворенія.

Вотъ эти обстоятельства и навели императрицу на мысль о декларацiи, и вооруженный нейтралитетъ былъ созданіемъ самой Екатерины, а не Панина, какъ это доказано проф. Мартенсомъ. Въ Англіи были, конечно, очень недовольны декларацiей о вооруженномъ нейтралитетѣ. „Общественное мнѣніе Англіи,—говоритъ г. Мартенсъ,—находило свой отголосокъ въ оживленныхъ преніяхъ въ парламентѣ, вызванныхъ февральскою декларацiей. Всѣ англійскіе ораторы въ обѣихъ палатахъ парламента были согласны между собою въ томъ, что эта декларація самое враждебное дѣйствіе противъ Англіи со стороны Россіи, разрывъ съ которою казался многимъ членамъ парламента неизбѣжнымъ. Знаменитый англійскій юристъ, лордъ Камбденъ, въ пространной рѣчи доказывалъ, что русская императрица намѣрена диктовать всѣмъ европейскимъ морскимъ державамъ свои законы и низвергнуть основные принципы международнаго права, которое никогда не предписывало уважать непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ. Лордъ назвалъ Екатерининскую декларацію опаснымъ и произвольнымъ актомъ, вслѣдствіе котораго Англія должна или объявить войну Россіи и ея союзникамъ, или же позволить неограниченно помогать всѣмъ врагамъ Англіи.

Постепенно почти вся Европа приступила къ вооруженному нейтралитету, и Англія принуждена была силой обстоятельствъ измѣнять данныя своимъ катерамъ инструкціи и вмѣнять имъ въ обязанность уважать повсюду русскій флагъ и права остальныхъ членовъ союза вооруженнаго нейтралитета.

Вооруженный нейтралитетъ былъ послѣднимъ крупнымъ фактомъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Англіей за прошлое столѣтіе.[1]

X.

Въ заключеніе приведу нѣсколько отзывовъ англійскихъ дипломатовъ о Россіи и русскомъ правительствѣ, изъ которыхъ видно будетъ, какъ относились къ намъ Англичане.

Вотъ что писалъ англійскій посланникъ Макартней въ 1766 году: „Наша ошибка по отношенію къ Русскимъ состоитъ въ

[1] *Собр. трактатовъ*, т. IX, стр. 287—317.

томъ, что мы считаемъ ихъ народомъ образованнымъ и такъ и относимся къ нимъ. Между тѣмъ они нисколько не заслуживаютъ подобнаго названія и, несмотря на мнѣніе людей незнакомыхъ съ этимъ вопросомъ, я осмѣлюсь утверждать, что Тибейское королевство имѣетъ столь же права величаться этимъ именемъ. Ни одинъ изъ здѣшнихъ министровъ не понимаетъ латинскаго языка, и весьма немногіе знакомы съ общими основаніями литературы. Гордость нераздѣльна съ невѣжествомъ, и потому не удивляйтесь, что дѣйствія этого двора часто проникнуты гордостью и тщеславіемъ. Въ разговорѣ съ русскими министрами упоминать о Гроціусѣ и Пуфендорфѣ было бы все равно какъ толковать о Кларкѣ и Тиклотсонѣ съ Диваномъ константинопольскимъ. Увѣряю васъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Мнѣ говорили, что только со времени нынѣшняго царствованія здѣсь введены обычныя формы дѣлопроизводства, употребляемыя при другихъ дворахъ. Панинъ и вице-канцлеръ увѣряли меня, что во времена императрицы Елизаветы Бестужевъ подписывалъ всѣ трактаты, конвенціи и декларацiи безъ всякихъ полномочій со стороны государыни. Вы поймете, что международные законы не могли достигнуть особенныхъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на университетъ. Принимая во вниманіе ихъ варварство и незнаніе тѣхъ искусствъ, которыя, развивая способность и освѣщая умъ, приводятъ къ открытіямъ, я нимало не опасаюсь ихъ успѣховъ въ торговлѣ и попытокъ въ мореплаваніи. Ихъ, какъ дѣтей, привлекаетъ всякая новая мысль, которую они преслѣдуютъ на минуту, а затѣмъ оставляютъ ее, какъ только въ воображеніи ихъ возникнетъ что-нибудь новое. Самое поверхностное знакомство съ ихъ исторіей доказываетъ, что они всегда поступали такимъ образомъ".

„Русскіе,—писалъ Каскартъ въ 1769 г.,—по большей части люди необразованные и не имѣющіе основательныхъ познаній, ни по какой отрасли, хотя одаренные довольно быстрыми способностями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большія претензіи, и политику подобныхъ личностей нельзя назвать иначе, какъ хитростью, которая можетъ только обманывать иностранцевъ и причинять затрудненія соперникамъ, но никогда не окажется достаточною для веденія дѣлъ или пріобрѣтенія довѣрія со стороны проницательныхъ друзей".

Во время турецкой войны тотъ же Каскартъ писалъ: „Обѣ арміи раздражены; офицеры всѣхъ чиновъ выходятъ въ отставку;

люди измучены болѣзнями, усталостью и дурнымъ управленіемъ, болѣе разрушительнымъ чѣмъ непріятельское оружіе: рекрутскіе наборы пагубны для огромной, но мало заселенной страны. Флотъ въ Архипелагѣ дурно построенъ, дурно управляется. Безконечные расходы, жестокости въ Польшѣ; никакихъ шаговъ къ умиротворенію; большіе расходы и потери вслѣдствіе затратъ въ Польшѣ и для содержанія флота; никакихъ средствъ получить денегъ посредствомъ займовъ за границей; никакихъ средствъ получить денегъ внутри государства усиленіемъ налоговъ, такъ какъ бѣдные и средніе классы были бы раздавлены прежде чѣмъ богатые начали бы страдать: для правительства опасно раздражать богатыхъ. Казна еще не совершенно истощена, но весьма обѣднѣла. Дѣла банка въ безпорядкѣ, что еще усилится, такъ какъ скоро всѣ налоги будутъ выплачиваться бумагой; къ монетѣ прибавлено много лигатуры, и она становится весьма рѣдкою. Недостатокъ людей способныхъ, свѣдущихъ и честныхъ. Зависть и ненависть къ иностранцамъ и неспособность ко всѣмъ дѣламъ, какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ. Никакого согласія, никакой любви и довѣрія между ними и недостатокъ той дѣятельности и энергіи, которыя въ другихъ странахъ побуждаютъ людей недовольныхъ высказывать свое недовольство, противодѣйствовать мѣрамъ, ими осуждаемымъ, и отдѣляться отъ лицъ, разсматриваемыхъ ими врагами государства. Таково правдивое изображеніе этой имперіи, нѣсколько времени тому назадъ возведенной Провидѣніемъ на такую степень могущества и которую одно только Провидѣніе можетъ спасти отъ величайшихъ несчастій безъ участія средствъ, недоступныхъ человѣческой проницательности".

Въ то время какъ Каскартъ былъ восхищенъ Екатериной, его преемникъ Гуннингъ далъ нелестный отзывъ даже объ этой замѣчательной государынѣ. „Императрица здѣсь далеко не популярна,—писалъ онъ,—и даже не стремится къ тому; она нисколько не любитъ своего народа и не пріобрѣла его любви; чувство, которое въ ней пополняетъ недостатокъ этихъ побужденій, есть безграничное желаніе славы, а что достиженіе этой славы служитъ для нея цѣлью, гораздо выше истиннаго блага страны, ею управляемой, это, по моему мнѣнію, можно основательно заключить изъ того состоянія, въ которомъ по безпристрастномъ разсмотрѣніи оказываются дѣла этой страны. Еслибы мы не предполагали, что она руководствуется подобнымъ принципомъ, мы

были бы принуждены обвинить ее въ непослѣдовательности и безразсудствѣ, видя, что она предпринимаетъ огромныя общественныя работы, основываетъ коллегіи и академіи въ широкихъ размѣрахъ и цѣной крупныхъ расходовъ, а между тѣмъ не доводитъ ни одного изъ этихъ учрежденій до нѣкоторой степени совершенства и даже не оканчиваетъ постройку зданій, предназначенныхъ для нихъ. Несомнѣнно, что такимъ образомъ растрачиваются громадныя суммы, принося странѣ лишь весьма малую долю истинной пользы, но съ другой стороны несомнѣнно и то, что этого достаточно для распространенія славы этихъ учрежденій между иностранцами, которые не слѣдятъ и не имѣютъ случая слѣдить за дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ и результатомъ".

Всего недоброжелательнѣе отзывался о насъ Гаррисъ, главнымъ образомъ потому, что не удалась его дипломатическая миссія. Онъ увѣрялъ, что Екатерина въ своей политикѣ руководится исключительно тщеславіемъ и женскимъ кокетствомъ. „Въ дружбѣ этой страны,—писалъ онъ въ 1778 году,—отражается ея климатъ: свѣтлое блестящее небо съ холоднымъ пронизывающимъ воздухомъ; только слова и никакого дѣла; пустыя изліянія и коварные извороты. Для тѣхъ, которые живутъ внѣ предѣловъ Россіи и которые могутъ себѣ составить свое мнѣніе только на основаніи великихъ событій, произведенныхъ ея вмѣшательствомъ и могуществомъ, должно казаться, что она управляется высокимъ умомъ и ея правительство никакого существеннаго недостатка не имѣетъ. Съ другой же стороны для лицъ, живущихъ въ этомъ государствѣ и наблюдающихъ безпорядочность и ошибочность всѣхъ дѣйствій здѣшняго правительства и неудачный выборъ его исполнительныхъ органовъ, должно казаться удивительнымъ, что здѣшнее правительство не терпитъ неудачъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ". [1]

П. Безобразовъ.

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* Т. XII, стр. 248—249, 427; т. XIX, стр. 166—167, 298—299. *Собр. трактатовъ*, т. IX, стр. 291—292.

ПАМЯТИ А. А. ФЕТА.

1.

На утесѣ дикомъ дубъ стоялъ могучій...
Солнце-ль ярко свѣтитъ, иль нависнутъ тучи,
Молнія ли блещетъ, или воетъ вьюга,—
Осени унылой скорбная подруга,—
Или ночью лунной, свѣтлой ночью мая
Соловей зальется звонко, не смолкая,—
Каждый гласъ природы, жизненный, разумный,
Пробуждалъ въ немъ откликъ, гимнъ широкошумный...
Вѣчно дубъ могучій пѣсню пѣлъ природы:
Про зиму—старуху, про ея невзгоды,
И про вечеръ лѣтній, тихій, безмятежный,
Какъ улыбка счастья, сладостный и нѣжный.
И подъ сѣнью дуба, свѣжей, сладкозвучной,
Путникъ, утомленный думою докучной
И борьбою съ жизнью и ея нуждою,
Въ свѣтломъ мірѣ счастья отдыхалъ мечтою...

Но подкрался недругъ, злой и безпощадный,
До листвы коснулся онъ рукою жадной
И листву развѣялъ. Скорбно, сиротливо
Дубъ поникъ главою, мощной, горделивой
И замолкъ печально... Но подъ тучей черной

Врагъ уже таился, грозный и упорный;
Налетѣлъ онъ бурей, смерть неся и горе...
Содрогнулся витязь, и, въ неравномъ спорѣ,
Протянулъ онъ вѣтви съ скорбною мольбою
Къ небу, что̀, нахмурясь тучей грозовою,
Опустилось низко, грозно надъ землею.
Не смягчилось небо скорбною мольбою...
И, когда на утро на утесѣ дикомъ
Вороны усѣлись со зловѣщимъ крикомъ,
Не было тамъ слышно звучныхъ пѣсенъ болѣ,
И лишь вѣтеръ листья разносилъ по волѣ...

В. С.

2.

— Муза, слышишь: вдохновенный,
Твой любимый сынъ,
Жрецъ искусства неизмѣнный,
Умеръ Фетъ-Шеншинъ!...

„Сердцу больно, но повѣрьте“,—
Муза шлетъ отвѣтъ,—
„Пусть *Шеншинъ* угасъ, но смерти
„Не подвластенъ *Фетъ!*“...

Анатолій Александровъ.

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

XIV.

Обратный путь. Аѳины.

Я собрался уже ѣхать въ Галилею, какъ вдругъ пришло извѣстіе о холерныхъ карантинахъ. Проѣхать въ Галилею было возможно, но оттуда предъ Яффой пришлось бы сидѣть десять дней въ карантинѣ, что совершенно не входило въ мои разсчеты. Пришлось отложить посѣщеніе святынь Галилеи до другаго раза, если Богъ приведетъ меня вторично въ Святую Землю. Нужно было спѣшить, такъ какъ ожидали съ часу на часъ, что Яффа будетъ объявлена подозрительною и пароходы перестанутъ заходить въ ея гавань.

Сказать правду, я былъ отчасти доволенъ, что не попалъ въ Галилею. Посѣщенныя мною мѣста Іудеи проникнуты трагическимъ характеромъ. Бѣдная природа, каменистыя горы, безлюдье, бѣдность и запустѣніе, палящій сухой зной и глубокое, прекрасное небо надъ сожженною землей соотвѣтствуютъ мрачному драматизму евангельскихъ событій, совершившихся въ Іудеѣ. Здѣсь должна была вспыхнуть ожесточенная ненависть іудейскихъ старовѣровъ противъ обновляющаго міръ евангельскаго ученія; здѣсь прогремѣли грозныя обличенія Спасителя и предсказано было разореніе Іудейства и упраздненіе обветшавшаго закона; здѣсь любовь взошла на крестъ искупительною жертвой. Отсюда переходъ въ Галилею, страну мирныхъ чудесъ и притчей, преисполненныхъ умилительною поэзіей, въ Назаретъ, гдѣ протекло въ

смиренномъ городкѣ дѣтство и отрочество Христа, въ Кану, на Тиверіадское море, гдѣ такъ много кроткаго и мирнаго,—только ослабилъ бы подавляющее впечатлѣніе Іудеи, нарушилъ бы цѣльность воскресшихъ воспоминаній и дѣйствіе ихъ на душу. Я боялся не найти въ себѣ расположенія къ свѣтлому и тихому раздумью, безъ котораго нельзя ходить по галилейскимъ тропамъ. Я не сожалѣлъ о Галилеѣ, не чувствуя въ себѣ силы оцѣнить ея идиллическую прелесть и проникнуться ея евангельскимъ духомъ.

Воротившись изъ Хеврона, поклонившись Св. Гробу, на другой день рано утромъ я и мой случайный петербугскій спутникъ, г. Б., оставили нашъ уютный и привѣтливый русскій домъ, нашу небольшую дружественную русскую семью, такъ хорошо сплотившуюся, вопреки распространенному мнѣнію, что мы не можемъ жить безъ раздоровъ. Прощанье было самое сердечное и теплое. Тройка борзыхъ коней бойко понесла насъ по яффской дорогѣ. Еще одинъ прощальный взглядъ на бурые холмы, на сѣрыя стѣны, на куполъ Св. Гроба и русскую бѣлую башню, и Іерусалимъ обратился въ воспоминаніе, которому суждено оставаться въ душѣ навсегда у каждаго, сподобившагося посѣтить его. Былъ прелестный осенній день, теплый, солнечный. Волнообразно змѣилась дорога междѣ холмами, постепенно понижаясь къ приморской низинѣ. Мы совершали теперь нисхожденіе отъ Іерусалима.

И вотъ святой городъ уже скрылся изъ глазъ. Казалось, мы взяли все, что могли. Покидать его было не жаль. Лишь спустя много времени воскресаетъ одно за другимъ видѣнное и пережитое въ немъ, и душа вновь начинаетъ томиться по немъ, проситься туда, а книги и бесѣды—подсказывать пренебреженное или забытое. Но на этотъ разъ было довольно.

Стемнѣло, когда мы пріѣхали въ Яффу и послѣ долгихъ блужданій по разнымъ закоулкамъ добрались до гостиницы Гардена, американскаго вице-консула, принадлежащаго къ какой-то мудреной сектѣ. Поужинавъ довольно плохо,—послѣ русскаго подворья кухня г. Гардена показалась невкусною, — мы разошлись по спальнямъ. Въ каждой двѣ широкихъ кровати съ занавѣсами. Всѣхъ спаленъ шесть и каждая посвящена двумъ патріархамъ. Я провелъ ночь у Дана и Иссахара. На другой день г. Гарденъ подарилъ мнѣ на память книгу Pilules au tannin biblique. Книжечка помѣчена городомъ Симона Кожевника, т. е. Яффой, и

раздѣляется на 366 пилюль. Цѣль ея—укрѣплять нравственную семейную жизнь. Принимать по одной пилюлѣ въ день, и въ это время слѣдуетъ воздерживаться отъ чтенія беллетристики и отъ свѣтскихъ развлеченій. Пилюли состоятъ изъ библейскихъ текстовъ и размышленій г. Гардепа. Курсъ лѣченія разсчитанъ на высокосный годъ. Я не имѣлъ возможности провѣрить цѣлебности этого лѣкарства.

На наше счастье въ среду 15 октября русскій пароходъ пришелъ, и мы могли ѣхать въ путь. Утро мы провели въ яффскихъ садахъ. Сидя подъ развѣсистыми пальмами, среди апельсинныхъ деревьевъ, отягченныхъ гирляндами огромныхъ зеленыхъ апельсиновъ, съ наслажденіемъ потягивая холодную воду съ апельсиннымъ сокомъ, подъ горячими лучами солнца, мы невольно вспоминали петербургское сѣрое небо, слякоть, мелкій дождь, неизбѣжныя простуды, насморки, кашель.... и все-таки тянуло туда, гдѣ суждено намъ трудиться каждому на своемъ мѣстѣ, которое безъ насъ пустовало, гдѣ мы признаны необходимою частицей общественнаго механизма. Исключительно индивидуальная жизнь, которую мы вели въ Святой Землѣ, должна была придти къ окончанію, противъ нея начинала говорить совѣсть.

Нашъ милѣйшій вице-консулъ былъ такъ добръ, что взялся доставить насъ на пароходъ въ своемъ баркасѣ. На сей разъ море было непокойно и съ пѣной бурлило у каменнаго рифа, окружающаго Яффу. Теперь мы могли любоваться ловкостью гребцовъ, какъ подведя лодку къ скаламъ, они вдругъ вскочили и перебросили лодку черезъ камни съ возвратною волной.

Мы шли прямо на Смирну, минуя Триполи и Бейрутъ. У береговъ Крита мимо насъ проплыла величественная вереница четырнадцати англійскихъ броненосцевъ, направляясь къ Александріи. Чѣмъ выше мы поднимались къ сѣверу, тѣмъ чувствительнѣе становилось осеннее время. По небу ходили сѣрыя тучки, а сѣверный вѣтеръ, вырвавшись изъ лабиринта острововъ, бурно вздымалъ темныя волны, обдавая насъ сыростью и холодомъ. Пассажировъ было немного; кромѣ трехъ Русскихъ съ нами ѣхалъ параличный Грекъ-банкиръ съ женой, племянницей назаретскаго митрополита Анѳима. Потерпѣвъ неудачу на выборахъ, Анѳимъ удалился въ почетное изгнаніе въ Аѳины, и къ нему спѣшила племянница съ мужемъ. Болтливыя греческія газеты не преминули дать свои объясненія объ этой родственной привязанности. Русскія свѣдѣнія о семъ іерархѣ неособенно для него вы-

годны. Разговорясь со мной, банкиръ рекомендовалъ Анѳима, какъ горячаго сторонника Россіи. По словамъ моего спутника, новый патріархъ Герасимъ человѣкъ мягкій и просвѣщенный. Его правая рука—Фотій Синайскій, талантливый и горячій патріотъ, но гордый и крутой. Съ негодованіемъ отозвался мой Грекъ о Никифорѣ, митрополитѣ Петри Аравійской, не лучше отзывался онъ и о прочихъ іерархахъ. Впрочемъ, то, что намъ пришлось узнать изъ греческихъ газетъ о іерусалимскихъ архипастыряхъ, оставило далеко за собой разсказъ его и нашихъ іерусалимскихъ старожиловъ. Мы не можемъ по-русски передать всѣ эти гадости, но скажемъ только, что—увы!—далеко этимъ старцамъ до евангельскихъ добродѣтелей, которыя приписываетъ имъ авторъ *Новыхъ Поборниковъ Православія!*[1] Другимъ спутникомъ былъ французскій аббатъ, принявшій насъ въ Палестинѣ за Ирландцевъ, потому что, садясь завтракать, мы перекрестились. Любезный и сообщительный, онъ охотно вступилъ въ бесѣду о палестинскихъ дѣлахъ. О Грекахъ онъ отозвался съ худо скрываемымъ презрѣніемъ, но выражалъ много симпатій къ Русскимъ *свѣтскаго* званія. Палестинское общество, по его мнѣнію, дѣлаетъ въ Палестинѣ много, слишкомъ много, во вредъ католицизму. Заговоривъ о соединеніи церквей и не согласившись со мной насчетъ флорентійской уніи, онъ заявилъ, что не въ соборахъ дѣло, а въ духѣ мира и любви, что только отъ этого можно ожидать возсоединенія Востока съ Западомъ.

Общности нашихъ интересовъ въ Европѣ не вполнѣ соотвѣтствуютъ взаимныя отношенія Франціи и Россіи въ Святой Землѣ. Протекторатъ надъ латинянами по стариннымъ договорамъ принадлежитъ Франціи, которая заинтересована въ поддержаніи латинской пропаганды. Противъ Франціи дѣйствуютъ итальянскіе и нѣмецкіе католическіе миссіонеры. Коллегія пропаганды не благоволитъ къ французскимъ миссіонерамъ и новоявленнымъ святынямъ, изобрѣтаемымъ ими. Францисканцы выставляютъ итальянское происхожденіе ордена. Французы обособляются, усиливаютъ орденъ алжирскихъ миссіонеровъ и выставляютъ впередъ ученыхъ доминиканцевъ и іезуитовъ. Послѣдніе пока принимаютъ горячее участіе въ собственно палестинскихъ дѣлахъ только пока путемъ печати (La Terre Sainte). Отдавая

---

[1] Νεαὶ Ἰδέαι, 1883. № 1611, статья: Эллинисты или шарлатаны? (Ἑλλινίσται ἢ ἀγύρται).

должную справедливость набожности русскихъ паломниковъ, іезуитская литература, тѣмъ не менѣе, сильно ратуетъ противъ Русскихъ въ Святой Землѣ.

Въ Смирнѣ ждало насъ печальное извѣстіе, что мы будемъ стоять трое сутокъ и въ Аѳины насъ не пустятъ, а пойдемъ въ Салоники и оттуда въ Одессу. Однако въ воскресенье пришла телеграмма съ разрѣшеніемъ идти въ Аѳины, куда черезъ четверо сутокъ придетъ пароходъ прямаго сообщенія изъ Александріи и возьметъ насъ въ Одессу. Лучшаго ничего не могло быть. Смирна наскучила безмѣрно своей торговою, провинціальною сутолокой и грязными улицами. 21 октября въ 4 часа пополудни мы снялись съ якоря. Часовъ въ десять пошелъ дождь и поднялся густой туманъ. Мы остановились не выходя изъ Смирнскаго залива и подавая время отъ времени сигнальные огни. Утромъ поднялась сильная качка. Мы переходили широкій проходъ между Спорадами и Кикладами, и вѣтеръ бурно гулялъ не сдерживаемый островами. Моросилъ дождь. Было сыро и непривѣтливо. Греки и Французы покинули насъ въ Смирнѣ. Я стоялъ на палубѣ, уцѣпившись за мачту, пока безпрерывная качка и рѣзкій вѣтеръ не заставили меня добраться кое-какъ до койки и заснуть мертвымъ сномъ. Какъ только мы вошли въ средину Кикладъ, волненіе стихло и пароходъ пошелъ среди живописныхъ, красивыхъ островов съ разноцвѣтными высокими скалами и скромною растительностью. Безъ всякихъ приключеній мы пришли къ 10 часамъ вечера въ Пирей. Входъ въ гавань узокъ и небезопасенъ. За нѣсколько часовъ до нашего прихода у самаго входа одинъ купеческій корабль сѣлъ на мель. Въ гавани было много пароходовъ Набережная была освѣщена очень скупо. Кромѣ портика таможни не было видно ничего. Аттики видѣть было нельзя ранѣе разсвѣта.

Утромъ 23 октября мы вступили на классическую почву, въ преддверіе Аѳинъ. Куда не оглянешься, повсюду звучатъ имена, сроднившіяся съ нами еще въ дѣтскіе годы. За нами стоялъ Саламинъ. Глазъ тщетно ищетъ мраморныхъ львовъ Пирея съ руническою надписью, вырѣзанною на нихъ Варягами Василія Болгаробойцы. Львы давно въ Венеціи. Отсюда къ Аѳинамъ когда-то Ѳемистоклъ выстроилъ широкій путь, огражденный длинными стѣнами. По этому проходу прошли всѣ великіе люди древности. Ихъ именами означены первые великіе образы, которыми озарялась въ отрочествѣ область нашего духа. Мы были въ оте-

чествѣ, еще не въ столицѣ, нашего умственнаго и эстетическаго развитія. Славное прошедшее совершенно подавляло невзрачную дѣйствительность. Великое посланіе, выполненное древнею Греціей, совершилось въ такой полнотѣ, что нынѣшнимъ обитателямъ Эллады уже ничего не осталось, кромѣ пользованія плодами завершеннаго дѣла древнихъ предшественниковъ, исчерпавшихъ задачу своего племени и своей родины. Наука и искусство давно уже вышли за предѣлъ Аттики, имъ широко раскрыли свои двери, имъ воздвигли величественные храмы, имъ благоговѣйно служатъ народы, самыя имена которыхъ были невѣдомы мудрецамъ Эллады. Воспитанная древнею культурой духовная жизнь человѣчества пошла по новымъ путямъ, на которыхъ нынѣшніе Эллины послѣдовали скромными спутниками за вождями иного племени и языка. Эллада осталась и останется для всякаго образованнаго человѣка незабвеннымъ мѣстомъ нашего воспитанія, гдѣ впервые пробудился нашъ умъ, гдѣ зажглось сознательное отношеніе къ изящному и прекрасному, гдѣ изъ области чувства, взлелѣяннаго въ семьѣ, въ церкви, мы перешагнули въ міръ идей. Воспоминанія здѣсь такъ грандіозны, что грязноватый приморскій городокъ съ суетливою толпой, съ извощиками, съ лавчонками является на великолѣпномъ прошломъ какимъ-то случайнымъ налетомъ, плѣсенью, которая должна исчезнуть при первыхъ теплыхъ дняхъ.

Было пріятно одно: мы почувствовали себя въ Европѣ; не требовалось ни кавасовъ, ни бакшишей; вокругъ насъ были люди, не глядѣвшіе на насъ, какъ на заморское диво, какъ на людей иного міра. Насъ выпустили скоро изъ таможни; безъ труда мы усѣлись въ плохенькіе вагоны и поѣхали въ Аѳины, „блистательныя, прославленныя пѣснями Аѳины, столпъ Эллады (Ἑλλάδος ἔρισμα, κλειναὶ Αθῆναι), какъ говоритъ Пиндаръ; „въ запустѣлыя Аѳины“, какъ говоритъ Горацій (Vacuas Athenas). Съ одной стороны между желтыми холмами мелькало море, съ другой—невысокія горы, покрытыя мѣстами скудною растительностью. Справа то показывалась, то исчезала желтоватая гора и стѣны Акрополя... Низенькіе домики съ небольшими садами не прерывались на всемъ пути. Иногда попадались фабричныя трубы. Прекрасными классическими письменами вывѣски увѣдомляли о производствѣ шоколада, о складѣ дровъ, объ увеселительныхъ заведеніяхъ. Передъ нами земляки Платона, Перикла, Эсхила сидѣли въ пиджакахъ и котелкахъ и курили папи-

росы, прочитывая утреннюю газету, грязновато напечатанную на плохой сѣрой бумагѣ.

Точно также и въѣздъ въ Аѳины не представляетъ ничего особеннаго. Улицы, дома, публика почти такая же, какъ гдѣ-нибудь въ Рязани или Тулѣ. Вы не подозрѣваете, что вы ѣдете по Священному Пути (Via Sacra), по которому когда-то двигались великолѣпныя процессіи, по которому Сократъ хаживалъ въ Керамикъ, занимаясь геніально-остроумными разговорами, безъ которыхъ міръ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ. Мы останавливаемся на Площади Согласія (Πλατεῖα Ὁμονίας) въ красивомъ и высокомъ отелѣ „Александръ Великій", и ливрейный *швейцаръ* беретъ нашъ багажъ, а быстроногій *гарсонъ* ведетъ насъ въ комнаты и приносятъ кофе. Въ открытыя окна съ улицы до насъ долетаютъ громкіе голоса разнощиковъ, выкрикивающихъ свои газеты. Античныя имена, греческія слова на улицѣ, „варварская" современная обстановка сплетаются въ то странное, арлекинскипестрое сочетаніе. Я точно во снѣ, когда ярко и выпукло то, чего уже нѣтъ, а то, что есть, врывается въ видѣ ненужной, несообразной путаницы.

Октябрьскій день былъ тепелъ и свѣтелъ и звалъ насъ на улицу, на асфальтъ, въ эту странную толпу, которая говоритъ греческія слова и торгуетъ пивомъ и парижскими издѣліями подъ вывѣсками, писанными красивыми лапидарными буквами.

Утративъ политическое значеніе, но сохранивъ важность какъ центръ греческой образованности, какъ высшее проявленіе аттицизма и сокровищница непреходящихъ памятниковъ высшей эпохи греческаго искусства, въ чемъ заключалось неоспоримое преимущество надъ ученою Александріей, Аѳины во времена Римской имперіи хотя и признавались свободнымъ городомъ, но постепенно падали, подобно всѣмъ нѣкогда важнымъ городамъ Эллады. Императоры и фавориты ихъ относились съ неизмѣннымъ благоволеніемъ къ столицѣ Аттики, но городъ уже утратилъ внутреннюю жизненность и жилъ памятью прошлой славы. При Адріанѣ вторично онъ пережилъ внѣшнюю блестящую эпоху, расширился, украсился новыми колоссальными великолѣпными постройками, но это было временнымъ, искусственнымъ оживленіемъ. Закрытіе языческихъ храмовъ, прекращеніе философскаго преподаванія открываетъ собою долгую эпоху глубокаго и неудержимаго паденія. Аѳины покрываются такимъ мракомъ, что нѣкоторые историки предполагали, что съ VI по X вѣкъ

Аѳины были въ полномъ запустѣніи. Изслѣдованія Грегоровіуса опровергли это мнѣніе. Въ христіанскую эпоху значеніе Аѳинъ маловажно. Христіанскій эллинизмъ нашелъ себѣ твердыню въ Константинополѣ, Антіохіи, Александріи. Аѳины, какъ развѣнчанная царица, сторонились отъ новой вѣры, не заявили себя ни словомъ, ни дѣломъ на новомъ историческомъ пути человѣчества. Упадокъ Эллады и Аѳинъ наглядно выражается въ томъ, что престолъ Константина занимаютъ уроженцы Египта, Малой Азіи, Арменіи, а изъ Аѳинъ и Эллады изрѣдка берутся только императрицы (Евдоксія-Аѳинаида, Ирина, Ѳеофано). Съ паденіемъ языческихъ школъ Аѳины падаютъ на степень незначительнаго провинціальнаго городка и въ этомъ видѣ становятся въ XIII вѣкѣ на цѣлыя четыреста лѣтъ столицей латинскаго герцогства. Въ оффиціальныхъ актахъ самое имя Аѳинъ исчезаетъ и замѣняется названіемъ Сетина (Setines, Séthines), подобно тому какъ Ѳивы получаютъ названіе Эстива (Estives). Непрерывныя феодальныя междоусобія, привилегированное положеніе Франковъ разгоняютъ лучшихъ греческихъ жителей Аѳинъ. На смѣну французскимъ жителямъ является наемная дружина Каталонцевъ и учреждаетъ въ Аттикѣ и Віотіи оригинальное солдатское государство, которое, однако, въ силу внутренней несостоятельности превращается въ итальянское герцогство подъ управленіемъ флорентійскаго дома Аччаюли. При этой династіи Турки безъ усилій включаютъ Элладу въ число своихъ провинцій. Въ половинѣ XVI вѣка Крузіусъ обращался съ запросомъ въ Константинопольскую патріархію: существуютъ ли Аѳины? Великій городъ представлялъ изъ себя жалкую деревушку среди развалинъ, влачившую существованіе подъ покровительствомъ начальника султанскихъ евнуховъ!

Послѣ ожесточенной борьбы за независимость, во время которой, въ 1827 году, городъ былъ совсѣмъ покинутъ христіанскимъ населеніемъ, Аѳины были объявлены въ 1834 году резиденціей эллинскаго правительства; Навплія и Коринѳъ оспаривали у нихъ эту честь, но Аѳины, какъ столица, были такой же необходимостью для Греціи, какъ Римъ для Италіи. Имя Аѳинъ было знаменемъ, водруженнымъ на величайшемъ изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ Эллады — развалинахъ Парѳенона, — около котораго могли собраться наслѣдники древнихъ гражданъ Эллады. Здѣсь, среди великихъ тѣней, между величественныхъ развалинъ прошлаго закипѣла работа возрожденія греческой націо-

нальности и взлелѣяна была „великогреческая идея“, въ сущности совершенно чуждая настоящей Элладѣ, въ особенности же историческому характеру аттическихъ Аѳинъ, такъ какъ сторонники ея мечтаютъ о *македонскомъ* эллинизмѣ и о *византійской* имперіи, о всемъ нѣкогда эллинизованномъ Востокѣ и о Константинополѣ: не на почвѣ Эллады взойдутъ такія сѣмена.

Прошло съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ, и Аѳины превратились въ городъ съ сотней тысячъ жителей, занявъ улицами и площадями такое пространство, какого не занимали даже въ эпоху наибольшаго процвѣтанія при Антонинахъ. Украшеніе города сдѣлалось обязанностью греческихъ патріотовъ. Банкиры и купцы, обогащаясь за предѣлами Греціи, не щадятъ крупныхъ издержекъ на построеніе учебныхъ и общественныхъ зданій или пріѣзжаютъ съ накопленными капиталами оканчивать въ Аѳинахъ остатокъ своей жизни. Аѳины сдѣлались такимъ же международнымъ центромъ для археологическаго изученія греческаго міра, какъ Римъ для изслѣдованія латинскихъ древностей. Французы, положившіе въ XVII вѣкѣ начало изученію Аѳинъ, учредили здѣсь такую же Ecole d'Athénes, какъ и въ Римѣ. Ихъ примѣру послѣдовали Нѣмцы и Американцы, заведя подобныя же правительственные институты для молодыхъ ученыхъ эллинистовъ. Важныя открытія въ области античныхъ и средневѣковыхъ древностей оправдали уже сдѣланныя затраты. Изъ великихъ державъ одна Россія блистаетъ своимъ отсутствіемъ на этомъ благородномъ состязаніи. Говорятъ, что Византія намъ ближе, но что̀ же подобное имѣемъ мы даже тамъ?

Послѣ многолѣтнихъ потугъ мы завели, наконецъ, въ Константинополѣ — *элементарную школу!* Молодые русскіе ученые начинаютъ заглядывать въ Аѳины, но отдѣльныя командировки всегда будутъ имѣть временный и случайный характеръ и не образуютъ такой традиціи, какая существуетъ во французскихъ институтахъ Аѳинъ, Рима и Каира. Какъ бы хорошо ни относились къ нашимъ ученымъ дипломатическіе представители Россіи, они не замѣнятъ ученаго братства, могущаго дать пріѣзжему молодому ученому совѣтъ, указаніе и помощь.

Замѣчательно, что въ нынѣшнихъ Аѳинахъ можно найти или что-нибудь античное, или что-нибудь самоновѣйшее. Ни Византія, ни Франки, ни Турки, не оставили рѣшительно ничего. Древнія Аѳины оставили такъ много зданій, что всѣ послѣдующіе пришельцы приспособляли только ихъ къ своимъ религіознымъ міро-

созерцаніямъ, къ своимъ политическимъ потребностямъ, довольствуясь незначительными пристройками и не возводя ни соборовъ, ни готическихъ храмовъ, ни узорчатыхъ мечетей. Къ Парѳенону былъ пристроенъ минаретъ, къ Пропилеямъ — крѣпкая башня и дворецъ Аччаюоли, но эти наросты исчезли безъ слѣда. Четыреста лѣтъ въ Аѳинахъ жили франкскіе вельможи и рыцари, веселились, слушали трубадуровъ, управляли Аттикой, но въ языкѣ не осталось почти ни одного французскаго или каталонскаго слова, а среди Аѳинянъ нѣтъ потомковъ этихъ властителей греческой земли.

Аѳинскія улицы красивы, широки, окаймлены асфальтовыми тротуарами и шоссированы. Осенніе дожди надѣлали, впрочемъ, немало грязи. Дома, рѣдко выше трехъ этажей, выстроены изъ бѣлаго камня, съ обиліемъ мраморныхъ украшеній и, если претендуютъ на красоту—непремѣнно въ іоническомъ стилѣ. Вѣнскій пряничный ренесансъ, вошедшій теперь повсюду въ такую тошнотворную моду, здѣсь незамѣтенъ. Большихъ зданій немного, а потому скромный, изящный іоническій стиль примѣняется очень умѣстно, но, встрѣчаясь на каждомъ шагу, немного надоѣдаетъ, становится шаблоннымъ. Чувствуется, что этотъ стиль уже не составляетъ живаго продукта почвы, свободно не раскрывается, какъ живая, родная рѣчь, но вычитывается изъ школьныхъ руководствъ, не дерзающихъ шагнуть за предѣлы формъ, уже освященныхъ употребленіемъ и памятниками. Нигдѣ ни малѣйшаго проблеска оригинальности, всюду чувствуется повтореніе задовъ. Не говоря уже о современной готикѣ и ренесансѣ, даже мотивы русской архитектуры у насъ разрабатываются съ большею жизненностью, хотя и не особенно удачно, нежели примѣняется классическій стиль въ Аѳинахъ.

Всѣ улицы окрещены именами знаменитыхъ мужей Эллады. Аристиды, Гермесы, Аристотели—пестрѣютъ на всѣхъ перекресткахъ, но этимъ и ограничиваются знаки почтенія. Лѣсъ статуй и бюстовъ, украшавшихъ столицу Аттики, исчезъ безвозвратно. Въ цѣломъ городѣ мы видѣли только пять статуй, вдохновленныхъ древностью: Аѳину, Палладу и Аполлона на прекрасныхъ іонійскихъ колоннахъ, Платона съ Сократомъ предъ академіей барона Сина и прелестную группу Одиссея съ собакой въ саду наслѣднаго принца. Затѣмъ передъ университетомъ прекрасныя статуи патріарха Григорія и поэта Риги, одного изъ коноводовъ въ борьбѣ за независимость, котораго Австрійцы выдали Тур-

камъ, а Турки съ него содрали кожу; да, кромѣ того, на краю города статуи братьевъ Варвакки, изъ коихъ одинъ въ русской генеральской формѣ. Зданіе, украшенное двумя послѣдними статуями, называется Варвакіонъ и назначено для выставокъ. Оно выстроено изъ бѣлаго мрамора, какъ университетъ и академія, и колонны его—коринѳскаго стиля, но съ той особенностью, что капитель не отдѣляется пояскомъ отъ стержня колонны и аканѳы ростутъ прямо изъ него; это отнимаетъ у капители ея законченность и монументальность.

Пресыщеніе іонійскимъ стилемъ отчасти препятствуетъ отдать надлежащую справедливость превосходному учрежденію барона Сина (греческаго банкира въ Вѣнѣ), академіи. Широкая мраморная лѣстница, на которой стоятъ статуи Платона, Сократа, Аѳины и Аполлона, ведетъ въ залу публичныхъ собраній, отъ которой на улицу выступаютъ флигеля съ помѣщеніями библіотеки и кабинетовъ для ученыхъ занятій. Зала расписана прекрасными фресками, изображающими миѳъ Прометея и битву Олимпійцевъ съ Гигантами. Фрески очень хороши и писаны иностранными художниками. Въ портикѣ университета фризы украшены живописными изображеніями героевъ Греціи съ древнихъ временъ до освобожденія отъ Турокъ. Фигуры, довольно аляповатыя, писаны на золотомъ фонѣ, вѣроятно, въ видахъ примиренія классицизма съ византійскою иконописью. Фреска также писана иностраннымъ, кажется нѣмецкимъ, художникомъ.

На площади Конституціи стоитъ королевскій дворецъ, строенный Нѣмцами въ дорическомъ стилѣ. Высокое трехъэтажное зданіе бѣдно и мрачно, несмотря на мраморную облицовку стѣнъ. Невѣдомо зачѣмъ, мраморъ оштукатуренъ и покрашенъ желтою краской. Убійственно-скучную плоскую стѣну дворца разнообразитъ только мраморный портикъ, не выступающій за линію стѣнъ. Парламентъ помѣщается на другой улицѣ и напоминаетъ наружностью театръ провинціальнаго города.

Аѳинскія церкви немногочисленны и незначительны. Отъ множества языческихъ храмовъ, обращенныхъ въ церкви, отъ множества христіанскихъ церквей, сохранилось немного жалкихъ остатковъ. Соборъ удивляетъ своимъ безвкусіемъ и страннымъ механическимъ сочетаніемъ западной и византійской архитектуры. Самая интересная церковь — Старый Соборъ, или Панагія Горгопико, низенькое, темное купольное зданіе, сложенное изъ античныхъ и византійскихъ камней съ рельефами и над-

писями. Наибольшимъ изяществомъ внутри и снаружи отличается русская церковь св. Никодима, отдѣланная заново въ 1852 году и окончательно украшенная арх. Антониномъ. Основаніе ея приписываютъ извѣстной императрицѣ Аѳинаидѣ, аѳинской уроженкѣ, жившей въ V вѣкѣ, но достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ.[1] Церковь пятиглавая, средній куполъ на высокомъ тамбурѣ, внутри расписана по золотому полю орнаментами и медальонами. Живописныя и архитектурныя работы исполнены, *конечно*, нѣмецкими мастерами: работаютъ дешево и прилично, а попробуйте обратиться къ своимъ — заломятъ несмѣтную сумму или совершенно неспособны къ стильной работѣ. Греческая королева нерѣдко присутствуетъ при совершеніи литургіи. Служба происходитъ съ рѣдкимъ благолѣпіемъ и стройностью.

Я не буду останавливаться на немногихъ остаткахъ античныхъ сооруженій въ городѣ: всѣмъ извѣстны памятникъ Лизикрата, Башня Вѣтровъ, адріановскія арка и колоннада Олимпіона. О послѣдней скажу, впрочемъ, что ничего болѣе грандіознаго, какъ эти уцѣлѣвшія колонны я не видалъ. Представьте себѣ рядъ колоннъ изъ бѣлаго мрамора, съ коринѳскими капителями, позолоченныхъ солнцемъ, имѣющихъ сажень въ діаметрѣ и сажень десять въ высоту, и такихъ было въ храмѣ 132!

Аѳинскіе музеи небогаты. Ихъ три: Центральный съ отдѣленіемъ для шлимановскаго собранія микенскихъ и др. древностей, акропольскій и зарождающійся христіанскій. Мраморное зданіе Центральнаго музея великолѣпно, но памятники его имѣютъ болѣе археологическое, чѣмъ художественное значеніе. Первоклассныя произведенія искусства со временъ Римлянъ силой и обманомъ расхищались изъ Аѳинъ. Хотя каждая раскопка даетъ болѣе или менѣе интересныя находки, но до сихъ поръ почва Эллады не внесла въ музей крупныхъ сокровищъ искусства. Наиболѣе замѣчательными представляются три плиты съ рельефнымъ изображеніемъ состязанія Аполлона съ Марсіей. Сатиръ съ архаическою заостренною бородой, разставя ноги, играетъ на флейтѣ (средина плиты), справа сидитъ Аполлонъ, задрапированный отъ пояса, спокойный, но строгій, слѣва стоитъ рабъ съ ножемъ. На двухъ плитахъ — превосходныя изображенія шести музъ въ разнообразныхъ позахъ. Этотъ прекрасный рельефъ найденъ въ Дельфахъ. Полагаютъ, что именно онъ описанъ Павса-

---

[1] *Gregorovius*. Geschichte der Stadt Athen. I. стр. 63.

ніемъ, который помѣщаетъ его на подножіи статуи Аполлона, работы Праксителя. Другой барельефъ пользуется широкою извѣстностью и относится къ V вѣку: Персефона, Триптолемъ и Деметра, подающая Триптолему ячменное или пшеничное зерно. Эта *стела* найдена въ Элевзисѣ, гдѣ совершилось и миѳическое событіе. Строгое изящество композиціи и религіозность, которыми проникнуты всѣ три фигуры, производятъ такое же впечатлѣніе, какъ образа Мантеньи или Перуджина. Главное и оригинальное богатство Центральнаго музея заключается въ огромномъ количествѣ надгробныхъ плитъ, стелъ. Прежде всего упомянемъ о наиболѣе важныхъ для исторіи искусства—украшенныхъ живописью. Въ настоящее время уже нѣтъ сомнѣній о высокомъ состояніи античной живописи. Античные художники, будучи прекрасными рисовальщиками, знали линейную и воздушную перспективу, разрѣшали трудныя задачи раккурсовъ и въ совершенствѣ владѣли колоритомъ. Еслибъ ихъ произведенія были пощажены временемъ, новое искусство не было бы принуждено въ теченіе столѣтій упорнымъ трудомъ шагъ за шагомъ добиваться техническихъ результатовъ, уже пріобрѣтенныхъ художниками Эллады. Отъ одноцвѣтныхъ фигуръ, извѣстныхъ намъ по вазамъ, греческіе художники перешли къ раскрашеннымъ. Стела Лизея представляетъ умершаго въ широкомъ пурпуровомъ плащѣ, съ каймой. Подъ нимъ—онъ же на конѣ. Раскраска плоская; контуры наведены черною краской, ею же означены складки плаща. Такую же манеру письма видимъ на другой стелѣ, изображающей пѣтуха. Краски сильно поблекли и осыпались; на пѣтухѣ осталось только нѣсколько пятенъ. Такимъ образомъ писалъ еще одинъ изъ величайшихъ художниковъ Греціи—Полигнотъ. Употребляя только четыре краски и не прибѣгая къ моделировкѣ фигуръ, но только раскрашивая рисунокъ, онъ достигалъ полной экспрессіи однимъ рисункомъ. Содержаніе картинъ его, украшавшихъ Дельфы и Аѳинскую Пинакотеку, извѣстно по древнимъ описаніямъ и отрывкамъ на вазахъ. Полигнотъ жилъ въ V вѣкѣ до Р. Хр., но Павсаній видѣлъ его картины во II вѣкѣ по Р. Хр. и восхищался ими, хотя живопись ушла впередъ въ техническомъ отношеніи. Полигнотъ писалъ такъ, какъ писали до него во всѣхъ культурныхъ странахъ, въ Египтѣ и Месопотаміи. Но въ томъ же музеѣ находится полустертый дискъ тоже V вѣка, изображающій бородатаго мужа, и здѣсь замѣтны слѣды свѣта и тѣней, въ краскахъ. — Переходъ къ моделировкѣ отъ плоской

раскраски составляетъ громадный прогрессъ въ живописи, которая этимъ средствомъ пріобрѣтаетъ возможность состязаться съ ваяніемъ въ жизненности своихъ образовъ.

Стелы, украшенныя скульптурными изображеніями, доставляютъ высокое наслажденіе. Несмотря на то, что онѣ изготовлялись, вѣроятно, ремесленниками-монументщиками, художественное значеніе ихъ очень высоко и свидѣтельствуетъ о вліяніи искусства на тогдашнихъ ремесленниковъ и о способности послѣднихъ пользоваться назиданіемъ прекрасныхъ произведеній искусства. Но, кромѣ этого, стелы вводятъ зрителя въ кругъ тѣхъ представленій, которыя Аѳинянинъ классической эпохи имѣлъ о смерти, о загробномъ мірѣ. Эллинъ встрѣчалъ смертный часъ какъ неизбѣжное событіе, спокойно, съ тихою грустью, не впадая въ отчаяніе и паѳосъ. Умирающій разстается съ родными и друзьями, какъ бы отправляясь въ далекій путь. Его провожаютъ и родные, и друзья и слуги. На рѣдкой стелѣ нѣтъ маленькой домашней собачки, печально свернувшейся у ногъ, или подъ стуломъ хозяина. Женщина нерѣдко отбираетъ изъ шкатулки какое-нибудь украшеніе, въ которомъ ее, вѣроятно, и хоронили. Смерть не пугаетъ и не повергаетъ въ безнадежное горе: она только переходъ къ иной жизни, болѣе спокойной и, быть-можетъ, болѣе счастливой. Печальны лишь провожающіе; только на одной стелѣ Поликсена грустно задумалась, разставаясь съ этой жизнью; ее, видимо, безпокоитъ одиночество покидаемаго сына-ребенка, около котораго нѣтъ взрослыхъ родственниковъ, а только одна служанка. Интересно изображеніе атлета, умершаго въ юныхъ годахъ. Онъ стоитъ лицомъ къ зрителю и въ задумчивой позѣ пристально смотритъ впередъ. Позади стоитъ пожилой отецъ, какъ бы въ недоумѣніи предъ неожиданною раннею смертью. Маленькій слуга печально съежился у ногъ атлета, держа въ рукахъ ненужный болѣе стригиллъ (скребокъ для очистки отъ пота). Здѣсь чувствуется иное настроеніе: умершій какъ будто бы отвернулся отъ земли, отрѣшился отъ земныхъ отношеній, и живетъ иною жизнью, при которой нѣтъ мѣста ни сожалѣнію, ни памяти о прошедшемъ. На большинствѣ собранныхъ стелъ преобладаетъ идея разлуки съ близкими, на этой—ожиданіе новой жизни.

Сценами прощанья не ограничивается содержаніе надгробныхъ стелъ. На трехъ плитахъ мы видимъ аѳинскихъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ гоплитъ Аристіонъ, павшій при Мараѳонѣ, даетъ пол-

ное представленіе о вооруженіи въ эту героическую эпоху Аттики и очень напоминаетъ по композиціи кафельныя изображенія стражей персидскаго царя, открытыя недавно Двелафуа въ развалинахъ Сузы. Другой гоплитъ изображенъ въ сильномъ движеніи, какъ бы во время нападенія, съ тяжелымъ круглымъ щитомъ и въ шишакѣ, а не въ изящномъ коринѳскомъ шлемѣ. Наконецъ стела Дексилея составляетъ превосходное произведеніе лучшей эпохи скульптуры, которое не посрамило бы себя даже среди всадниковъ парѳенонскаго фриза. Дексилей, изящно посаженный на вздыбившагося коня, поражаетъ опрокинутаго врага. Фигуры, конь, драпировка, общій рисунокъ композиціи—верхъ совершенства. Сцена выполнена въ условномъ характерѣ, какъ принято въ чисто-художественныхъ произведеніяхъ. Дексилей въ легкой туникѣ и короткомъ гиматіи, красиво развивающемся, безъ панцыря и шлема; поражаемый совсѣмъ безъ одежды, чтобы не скрывать красивыхъ изгибовъ тѣла и движенія мускуловъ. Стела Дексилея—перлъ между надгробными плитами музея.

На всѣхъ стелахъ лучшей эпохи мы видимъ примиряющія сцены. Усопшіе умирали въ моментъ подвига, или сопровождаемые до могилы близкими людьми, которые не забудутъ ихъ и за могилой, помянутъ ихъ жертвой и послѣ разлуки и сохранятъ ихъ память въ родномъ городѣ. Геній жизни тихо гасилъ свой факелъ, и духъ мирно отлеталъ въ Елисейскія поля. Однако есть стелы иного рода. Простенькій плоскій рельефъ изображаетъ высокую надгробную урну, замѣнявшую иногда стелы; на вазѣ вырѣзано одинокое изображеніе молодой женщины, играющей на лирѣ. Нѣтъ ни родныхъ, ни друзей вокругъ. Одна надежда, что кто-нибудь изъ поклонниковъ таланта, украшавшаго умершую на землѣ, взглянетъ, вспомнитъ и помянетъ ея душу благодарностью за испытанное когда-то художественное наслажденіе, доставленное ея музыкой и пѣніемъ. Кажется, что до сихъ поръ, спустя двадцать столѣтій, кроткая художница попрежнему проситъ о сочувствіи къ себѣ отъ проходящихъ поклонниковъ изящнаго. Но вотъ памятникъ, идущій въ совершенный разрѣзъ съ общимъ мягкимъ и гуманнымъ настроеніемъ аттическаго кладбища. Онъ лежитъ до сихъ поръ на своей могилѣ въ Керамикѣ (за городомъ) и напоминаетъ не Элладу, а жесткія надписи латинскихъ кладбищъ. Изображенъ огромный, сильный песъ. Онъ лежитъ на плитѣ и приподнялъ свою морду къ небу. Изваяніе

превосходно, и обошлось, вѣроятно, недешево. Присутствіе его на кладбищѣ, мѣстѣ священномъ, указываетъ, что подъ псомъ погребенъ его господинъ. Ни надписи, ни символа, ни друзей, ни родныхъ. Одинъ громадный песъ воетъ о покойникѣ. Одного этого друга имѣлъ умершій при концѣ жизни и желалъ видѣть на своей могилѣ. Люди, очевидно, были въ его глазахъ хуже собаки. Едва ли даже Тимонъ Аѳинскій доходилъ до такой мизантропіи.

Міръ невидимый, священная иконографія отсутствуетъ на могильныхъ памятникахъ, хотя на стелахъ другаго назначенія божества встрѣчаются нерѣдко. Умершій идетъ предстать предъ Аидомъ и Корой, Миносомъ, Эакомъ и Радомантомъ и увидитъ ихъ, какъ и тѣ, которые провожаютъ его, въ свое время; зачѣмъ же поднимать завѣсу, скрывающую отъ живущихъ страшныя тайны Аида? Такъ, вѣроятно, разсуждали современники Перикла, великихъ художниковъ, трагиковъ и философовъ. Но въ болѣе раннюю эпоху думали иначе. На древнѣйшихъ стелахъ мы видимъ странныхъ грифоновъ и чудовищъ. На одной изображенъ *юноша*-Харонъ, перевозящій умершаго черезъ Стиксъ на *парусной* лодкѣ.

Любопытны оффиціальные акты, высѣченные на стелахъ, напримѣръ, союзный договоръ Аѳинъ съ островомъ Коркирой, отчетъ казначея, законъ о дарованіи гражданства. Они иллюстрированы изваяніями въ заголовкѣ акта. Аѳины представляются своею богиней съ обычными атрибутами; Коркира—своею богиней; Аѳина-Дѣва принимаетъ отъ новаго гражданина какой-то предметъ, похожій на крылатую побѣду; Аѳина, какъ царица города, благосклонно протягиваетъ руку общественному казначею, сдавшему безукоризненно свой отчетъ. Надписи вырѣзаны замѣчательно изящными письменами, строгая красота которыхъ вполнѣ гармонируетъ съ прекрасными изваяніями.

Въ отдѣлѣ бронзъ и терракоттъ мы отмѣтимъ только частое повтореніе Фрикса съ бараномъ. Эти нехитрыя подобія нашихъ тверскихъ пряниковъ найдены въ могильникахъ и, вѣроятно, принадлежали людямъ, плававшимъ по Геллеспонту въ Византію и черноморскія колоніи.

Акропольскій музей составляетъ нераздѣльное цѣлое съ Акрополемъ, потому о немъ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о христіанскомъ музеѣ. Нѣсколько древнихъ глиняныхъ лампадъ съ крестами, круглая ваза съ дельфинами и кой-какія

мелочи занимаютъ витрину въ Центральномъ музеѣ. Теперь учреждается особый христіанскій музей. Онъ невеликъ. Въ двухъ небольшихъ комнаткахъ собраны старинные образа, облаченія, нѣсколько рукописей, кресты, посохи. Между образами особенно замѣчательно распятіе изъ Чериго XV или XVI вѣка. Тѣло Спасителя чрезвычайно выгнуто вправо, тогда какъ голова, съ мертвенно висящими волосами, низко повисла налѣво. Слѣды итальянскаго вліянія несомнѣнны въ рисункѣ, моделлировкѣ и сѣромъ колоритѣ. Фресковое изображеніе Богоматери съ Младенцемъ относится къ эпохѣ франковъ; на полѣ написаны два герба. Фреска, повидимому, взята изъ прежней латинской капеллы и напоминаетъ сіенскую икону Дуччіо. Крылатый Предтеча и др. образа не представляютъ особенностей отъ обычныхъ изображеній этого рода. Отрывки евангелія XIII вѣка содержатъ нѣсколько миніатюръ на золотомъ фонѣ, но краски сошли, оставя нѣсколько пятенъ, и сохранились одни контуры, сдѣланные красными чернилами. Старая грубая гравюра изображаетъ св. Георгія, поражающаго язычество, олицетворенное дракономъ. Отрокъ съ сосудомъ, означающій спасенную душу, сидящій на крупѣ коня, одѣтъ въ костюмъ турецкаго кафеджи, и самый сосудъ похожъ на кальянъ. Изъ вещей интересенъ костяной жезлъ, скрѣпленный металлическими кольцами, на одномъ изъ которыхъ написано: Іоасафъ. Такъ какъ жезлъ доставленъ изъ Метеоровъ (ѳессалійскихъ горныхъ монастырей), именно изъ монастыря св. Стефана, то полагаютъ, что онъ принадлежалъ императору Іоанну Кантакузину, въ иночествѣ Іоасафу, который, отрекшись отъ треволненій политическихъ, тамъ окончилъ свою бурную жизнь, среди подвиговъ благочестія и трудовъ надъ исторіей своего времени.

Аѳинскій акрополь—завѣтная святыня европейской цивилизаціи. Высшій моментъ художественно-религіознаго сознанія Эллады нашелъ себѣ великолѣпное выраженіе въ Парѳенонѣ, жилищѣ Дѣвы-Аѳины, покровительницы Аѳинъ. Ея бѣло-мраморный храмъ до сихъ поръ составляетъ прекраснѣйшее созданіе архитектуры всѣхъ временъ и народовъ; тамъ же стоитъ Эрехѳіонъ, лучшій образецъ изящнаго іоническаго стиля, и его портикъ съ неподражаемо-прекрасными каріатидами - канефорами. Въ священную ограду вводитъ великолѣпная мраморная галлерея — Пропилеи. Одни эти имена уже воскрешаютъ воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ аѳинской славы и древне-эллинской жизни, о вѣкѣ великаго демагога Перикла-Олимпійца, Фидія, Иктина, Полигнота, Софокла.

Ежегодно аѳинскій народъ торжественно приносилъ божественной дѣвѣ драгоцѣнное покрывало, изготовленное руками благороднѣйшихъ матронъ и дѣвъ Аттики. Величественная процессія двигалась по улицамъ, переполненнымъ жителями и иноземцами, отовсюду стекавшимися на праздники Панаѳиней, проходила по Пниксу, холму народныхъ собраній, между скалой Ареопага и строго-дорическимъ храмомъ древняго царя и героя Ѳисея и поднималась по ступенямъ Пропилеевъ къ Парѳенону. Передачѣ покрывала предшествовало жертвоприношеніе на площади предъ храмомъ. Это всенародное торжество Фидій избралъ темой для украшенія внутренности Парѳенона. Невидимые смертнымъ, олимпійскіе боги уже прибыли и, сидя на тронахъ, съ благосклоннымъ вниманіемъ взираютъ на приготовленія къ жертвоприношенію, обмѣниваясь замѣчаніями. Идеально-прекрасные боги отличаются отъ смертныхъ не только величавымъ видомъ, *но и размѣрами*. Этотъ художественый архаизмъ въ эпоху Фидія, когда искусство вполнѣ подчинило себѣ природу и было въ силѣ извлечь идеальную сущность изъ видимыхъ формъ, чрезвычайно замѣчателенъ. Фидій и Рафаэль (Преображеніе, Диспута, Мадонна Фолиньо) переживали такіе моменты творческой жизни, когда общепризнанныя условія естественности являлись стѣсненіемъ для выраженія ихъ идеи и смѣло переступали за предѣлы ихъ. Глубиной мысли и красотой ея пластическаго выраженія они заставляли признать вѣчную жизненность тѣхъ образовъ, непосредственно созерцать которые внѣ условій обыденной дѣйствительности дано было только ихъ творческимъ очамъ. Между тѣмъ изъ храма уже вышли жрицы-богини, чтобъ произнести всенародно молитву за весь народъ аѳинскій, и жрецъ. Послѣдній заранѣе снимаетъ гиматій, стѣсняющій движенія его при закланіи жертвы, и отдаетъ его отроку-прислужнику. Двѣ дѣвицы подаютъ стулья жрецу и жрицѣ. Процессія понемногу приближается. Во главѣ идутъ сановитые старцы, за ними юноши, степенныя, полногрудыя жены въ длинныхъ и широкихъ туникахъ, падающихъ красивыми складками, дѣвы-канефоры, граціозно поддерживая на головахъ корзинки, неся жертвенныя принадлежности, сосуды, изящныя гидріи, зонтики. Далѣе юноши въ полномъ цвѣтѣ молодыхъ силъ ведутъ массивныхъ быковъ и упитанныхъ барановъ, присланныхъ въ даръ богинѣ Аѳинянами, живущими за предѣлами Аттики. За ними толпой идутъ музыканты, оглашая воздухъ звуками флейтъ и киѳаръ; несутъ чаши

и сосуды, ѣдутъ нарядныя колесницы, запряженныя горячими конями, и шествіе заключается изящною группой всадниковъ; ихъ ретивые скакуны нетерпѣливо рвутся, потрясаютъ мускулистыми шеями съ короткою гривой, становятся на дыбы; даръ могучаго Посейдона рвется на просторъ и свободу, но разумная воля, главное свойство Аѳины-Паллады, мощно укрощаетъ дикую вольную силу и подчиняетъ ее закономѣрному стройному порядку. Запоздавшій юноша спѣшитъ сѣсть на коня и присоединиться къ товарищамъ, уже легкимъ галопомъ вошедшимъ въ линію. Спокойно-величавыя движенія головной части процессіи съ высокимъ художественнымъ тактомъ уравновѣшиваются оживленными группами всадниковъ и коней, благороднѣе которыхъ искусство никогда ничего не создавало. [1]

Красота типовъ, благородство выраженія, изящество драпировокъ—поразительны. Родъ человѣческій никогда и нигдѣ не выступалъ въ искусствѣ, какъ масса, въ болѣе достойномъ и прекрасномъ представительствѣ, какъ эти мраморные современники Перикла, чествующіе свою національную богиню. Подъ яснымъ небомъ Аттики, на фонѣ изящно очерченныхъ горъ, кое-гдѣ въ мѣру украшенныхъ скромною зеленью оливковыхъ садовъ, среди бѣло-мраморныхъ прекрасныхъ зданій и стройныхъ колоннадъ эта торжественная процессія блистала не варварскимъ изобиліемъ золота, тканей, оружія, но тѣмъ художественнымъ изяществомъ, которое достоинствомъ внутренняго содержанія даетъ высшее освященіе своему матеріалу, какъ бы скроменъ онъ ни былъ.

Эту несравненную сцену изобразилъ Фидій съ своими сотрудниками на длинномъ и широкомъ фризѣ, огибавшемъ внутри Парѳенона верхнюю часть стѣнъ. Группа боговъ находилась на восточной стѣнѣ; панаѳинейскій ходъ начинался на юго-западномъ углу и оттуда двумя линіями направлялся по южной и сѣверной стѣнѣ на востокъ. Многое погибло при взрывѣ зданія въ 1687 году венеціанскою бомбой, пущенной нѣмецкимъ артиллеристомъ Кенигсмарка; большую часть уцѣлѣвшаго лордъ Эльджинъ обманомъ увезъ въ Англію, испросивъ у султана разрѣшенія взять „нѣсколько плитъ съ барельефами и надписями“; все это находится теперь въ національной галлереѣ Лондона; кое-

[1] Одинъ изъ нашихъ коннозаводчиковъ сообщилъ мнѣ, что лошади этого фриза—высшій типъ конской красоты.

что осталось на стѣнахъ. Слѣпки и рисунки, позволяющіе возстановить до нѣкоторой степени этотъ чудный скульптурный гимнъ, собраны въ скромномъ музеѣ Акрополя.

Акрополь стоялъ среди древнихъ Аѳинъ; нынѣ онъ находится на юго-восточномъ углу:—городъ передвинулся къ сѣверу, оставя среди пустырей прежніе центры городской жизни: Пниксъ, Ареопагъ, Ѳисіонъ. Высоко вздымается скалистый, обрывистый холмъ, окруженный крѣпкими стѣнами, изрытый пещерами, въ которыхъ въ древности были капища, впослѣдствіи же въ пещерѣ Пана помѣстилась небольшая церковь Пещерной Божіей Матери. Мы видѣли небольшой водоемъ родниковой воды и отсырѣвшую стѣнную живопись поздняго византійскаго стиля. Нынѣ Аѳины примыкаютъ къ подножію скалы бѣдными и грязными кварталами. Путешественникъ огибаетъ по отличной дорогѣ скалу съ сѣвера и подъѣзжаетъ къ крутой пѣшеходной дорогѣ, ведущей къ Пропилеямъ, на западномъ углу Акрополя.

Даже въ нынѣшнемъ разрушенномъ состояніи Пропилеи поражаютъ своею величавою красотой. Сѣрыя стѣны кремля разступаются, чтобы дать мѣсто мраморной лѣстницѣ между маленькимъ возвышеннымъ храмомъ Побѣды и Пинакотекой. Дорога по натуральной скалѣ разрѣзаетъ лѣстницу посрединѣ и ведетъ къ среднему широкому пролету Пропилей. Мраморныя ступени слѣва разрушены; справа онѣ возобновлены извѣстнымъ археологомъ Бёле (Beulé). Лѣстница приводитъ къ прекраснѣйшей дорической колоннадѣ; шесть колоннъ тончайшей отдѣлки, нѣсколько укорочены, сравнительно съ колоннами Парѳенона, а это придаетъ имъ массивность и выраженіе серьезной силы. Изъ-за красотъ размѣровъ, изъ-за настроенія, навѣяннаго величавостью зодчества, входящій сначала не замѣчаетъ, что постройка выведена изъ огромныхъ мраморныхъ глыбъ. Въ стѣнѣ Плача въ Іерусалимѣ вниманіе сразу приковывается къ размѣрамъ гигантскихъ камней, положенныхъ въ стѣну; здѣсь только случайно замѣчается механическая сторона архитектуры. Составляя съ Парѳенономъ идеально прекрасное выраженіе дорическаго стиля, вмѣстѣ съ тѣмъ Пропилеи только снаружи имѣютъ дорическій характеръ. Они занимаютъ 58 футовъ въ ширину и между наружными и внутренними проходами стоитъ два ряда колоннъ іоническаго стиля. Архитравы, отчасти сохранившіеся, удивляютъ величиной огромныхъ и великолѣпно отполи-

рованныхъ мраморныхъ плитъ. Пропилеи были построены при Периклѣ зодчимъ Мнесикломъ въ 436—431 годахъ.

За Пропилеями стояла знаменитая Аѳина-Воительница, колоссальная (9 метровъ) бронзовая статуя Фидія, извѣстная по древнимъ воспроизведеніямъ и монетамъ. Покровительница города держала щитъ и копье и, слегка склонивъ многодумную голову, осѣненную шлемомъ, взирала изъ-за высокихъ стѣнъ на возлюбленный городъ, лежащій у ея ногъ. Византіецъ Зосима, повѣствуя о нашествіи Алариха, говоритъ, что Готы, поднявшись по лѣстницѣ Пропилеевъ, отступили въ ужасѣ, встрѣтивъ Аѳину на порогѣ Акрополя.

Площадь Акрополя теперь расчищена до скалистой почвы. Всѣ обломки подобраны, вставлены на мѣсто или сложены въ музей. Она поката и покрыта нарѣзками, чтобы не скользить. На юго-восточной сторонѣ ея стоитъ Парѳенонъ, на сѣверной—Эрехѳіонъ, величайшіе образцы дорической и іонической архитектуры.

Несмотря на страшныя поврежденія, Парѳенонъ производитъ необыкновенно цѣльное впечатлѣніе. Исчезли драгоцѣнные фронтоны, выше которыхъ скульптура не произвела ничего, кромѣ Зевса Олимпійскаго, исчезли метопы, разрушенные или похищенные Англичанами, но колонны и стѣны стоятъ въ прежней спокойной красотѣ, восхищая изяществомъ линій и пропорцій, покрытыя янтарно-золотистою патиной, которую мраморъ пилъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ изъ яркихъ лучей аттическаго солнца

Помостъ храма на нѣсколько ступеней возвышается надъ площадью и занимаетъ пространство въ 101 ф. ширины и 227 ф. въ длину. Храмъ окруженъ колоннами дорическаго стиля въ 34 ф. высоты и 6 ф. толщины у основанія; обыкновенная высота дорической колонны 5½ поперечниковъ. На узкихъ сторонахъ прямоугольника по 8 колоннъ, на длинныхъ—17. Однѣ бусы надъ триглифами смягчаютъ строгость дорическихъ линій. Мы поставили шляпу на одномъ концѣ лѣстницы, и съ другаго конца шляпа была невидна; прямыя, повидимому, линіи ступеней оказались кривыми, поднятыми посрединѣ. Въ Парѳенонѣ нѣтъ прямыхъ линій. Незамѣтная для глазъ кривизна оказывается повсюду, въ стѣнахъ, карнизахъ, фронтонѣ, не говоря о колоннахъ, все нѣсколько утолщенныхъ въ нижней половинѣ. Тонко разв[illegible] эллинскому глазу прямая линія ка-

залась неподвижною, сухою, мертвенною; онъ всюду видѣлъ жизнь, выраженную въ движеніи, которое въ природѣ всегда совершается по кривой линіи.

Внутри перистиля стояло жилище богини, целла, 63 фут. въ ширину и 98 ф. въ длину. Храмъ былъ обращенъ входомъ на востокъ. Геліосъ, поднимаясь изъ-за Гиметскихъ горъ, посылалъ свои первые лучи въ открытыя врата храма и озарялъ прежде всего чудныя изваянія фронтона, изображавшія рожденіе богини. Внутри храмъ распадался на двѣ неравныя части. Статуя Фидія стояла въ продолговатой залѣ, раздѣленной двумя рядами колоннъ на три нефа. Западное отдѣленіе храма, описѳодомъ, было ризницей и государственнымъ казначействомъ и имѣло особый входъ съ западной стороны. Ни потолка, ни крыши теперь не существуетъ. Предполагаютъ, что средній нефъ былъ открытъ и стоялъ безъ крыши.

Постройка Парѳенона началась въ 453—452 до Р. Хр. и окончена въ 438—437. Созданіемъ этого храма и переводомъ въ него союзной казны Периклъ завершилъ гегемонію Аѳинъ въ островной Греціи. Во главѣ работъ стоялъ величайшій изъ ваятелей, Фидій, другъ великаго демагога. По его указаніямъ и подъ его наблюденіемъ, Иктинъ и Каллкратъ вели архитектурныя работы, Агоракритъ и Алкаменъ, соперники Фидія, Кресилъ, Колотъ и множество менѣе извѣстныхъ ваятелей исполняли скульптурныя украшенія храма; фронтонъ, метопъ, фризъ, кровельныя украшенія, отчасти по рисункамъ Фидія. На фронтонѣ были 52 статуи, всѣхъ метоповъ, т. е. плитъ вставленныхъ снаружи между колоннами въ поясъ триглифовъ, лежавшій на колоннахъ, было 92. Внутри безчисленныя фигуры фриза шли по верху стѣнъ лентой, длиной въ 522 фута, отъ которой уцѣлѣло до 400 футовъ. На себя взялъ Фидій созданіе главной статуи внутри храма: матеріаломъ для нея должны были служить слоновая кость и золото. Статуя имѣла 40 футовъ высоты. Кость и золото были укрѣплены на дерево. Очевидно, вооруженіе и волосы были изъ золота, руки и лицо—изъ слоновой кости, глаза изъ драгоцѣнныхъ камней. Высокій шлемъ богини былъ украшенъ сфинксомъ посрединѣ и двумя грифами по бокамъ. На груди богини висѣла чешуйчатая эгида съ костянымъ изображеніемъ медузиной головы. Правою рукой Аѳина поднимала изображеніе Побѣды, шести футовъ вышины, въ лѣвой—держала копье и щитъ, опущенный на землю. Снаружи на щитѣ

изваяно было сраженіе съ Амазонками, на внутренней сторонѣ— гигантомахія. Даже на подошвѣ сандалій были скульптурныя украшенія, изображавшія битву съ кентаврами. На базисѣ статуи изваяно было рожденіе Пандоры. Такимъ образомъ строгія линіи лика богини и ея широкой величественной одежды сочетались съ богатствомъ детальныхъ украшеній, нимало ненарушавшихъ серьезности цѣлаго произведенія. Древніе признавали эту статую такимъ же чудомъ искусства, какъ и главное твореніе Фидія—статуя Зевса Олимпійскаго. Когда исчезла статуя—неизвѣстно, но безчисленныя подражанія ей, болѣе или менѣе отдаленныя отъ оригинала, извѣстнаго по описанію, свидѣтельствуютъ о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ Аѳиной Фидія на весь древній міръ; лучшее понятіе о возвышенной красотѣ этой статуи могутъ дать фрагменты статуй, украшавшихъ фронтоны Парѳенона, увезенные въ Лондонъ. Древняя эпиграмма сравниваетъ Фидіевскую Аѳину съ Книдской Афродитой Праксителя и обзываетъ Париса настоящимъ пастухомъ за то, что онъ отдалъ яблоко Кипридѣ.

Цѣлый міръ блистательныхъ образовъ былъ сведенъ съ Олимпа и воплотился передъ очами современниковъ Перикла въ безчисленныхъ изваяніяхъ, которыми Фидій и его сотрудники покрыли фронтонъ, метопъ и фризъ Парѳенона. Дѣтски радостное міросозерцаніе Гомера и туманно колоссальныя представленія Гезіода отжили свое время. Наивные миѳы смѣнились возвышеннымъ представленіемъ объ Олимпійцахъ, какъ о существахъ мудрыхъ, благосклонныхъ и прекрасныхъ. Ихъ величавая красота обусловлена возвышеннымъ нравственнымъ характеромъ; этимъ они отличаются отъ веселыхъ боговъ Гомера, но, съ другой стороны, индивидуальною жизненностью они рѣзко отличаются отъ позднѣйшихъ аллегорій, въ которыя обратили ихъ философы. Философскій анализъ еще не коснулся греческаго многобожія, еще не подорвалъ индивидуальной жизненности боговъ, еще не положилъ пропасти между философски образованными людьми и массой, вѣрующей въ своихъ старыхъ боговъ. Глубокая вѣра и высокое умственное развитіе руководили Фидіемъ, и въ его произведеніяхъ выразилось столько же блистательное состояніе искусства, сколько и прекраснѣйшее выраженіе религіозной мысли древняго міра: Фидій былъ провозвѣстникомъ и пророкомъ высшей эпохи политеистическаго богопознанія. Безъ искренней и глубокой вѣры въ божественное міроправленіе не-

мыслимы были бы ни Фидій, ни Рафаэль, ни Микелъ Анджело, а этими именами исчерпывается все искусство.

Великій зодчій въ такой же степени, какъ и ваятель, Фидій придалъ храму то внутреннее художественное единство, безъ котораго невозможно истинное художественное созданіе. Храмъ былъ посвященъ Аѳинѣ и Аѳинамъ, потому его изваянія представляли миѳъ Аѳины и аѳинскія преданія. На восточномъ, главномъ фронтонѣ была многоличная сцена рожденія Аѳины, отъ которой уже въ концѣ XVII вѣка сохранились только шесть угловыхъ фигуръ; на западномъ фронтонѣ были дары Посейдона и Аѳины городу: Посейдонъ далъ коня, символъ воинскаго могущества; Аѳина—маслину. Въ XVII вѣкѣ французскій художникъ Каре (Carey) нарисовалъ все, что было еще налицо изъ скульптуръ Парѳенона. Западный фронтонъ еще былъ почти весь въ цѣлости. Видна была могучая фигура морскаго бога, его кони, обезглавленное тѣло богини. Теперь отъ него остался только безрукій, безногій и безголовый корпусъ рѣчнаго бога (Илисса или Кеѳиса). Сохранившіеся обломки пышно драпированныхъ женскихъ фигуръ и обнаженное тѣло Ѳесея такъ величавы по композиціи, благородны по движенію и прекрасны формами, что не имѣютъ себѣ равнаго во всей области скульптуры. Метопы южной стороны изображали любимый миѳъ о битвѣ Кентавровъ съ лапиѳами. На свадьбѣ Пириѳоя, гдѣ былъ и царь аѳинскій Тезей, кентавры посягнули на похищеніе лапиѳскихъ женщинъ, и пиръ кончился жестокою битвой. Чтобы разнообразить повтореніе парныхъ фигуръ лапиѳа борящагося съ кентавромъ, которыхъ могла вмѣстить каждая плита метопа, скульпторы вводили между ними изображенія подвиговъ Иракла. Фигуры метоповъ были горельефами, фризъ внутри храма, напротивъ, очень слабо выступалъ изъ плоскости, дыры у ноздрей и ртовъ коней указываютъ на металлическія украшенія; можетъ-быть на фризѣ были и краски.

Совершенство дошедшихъ до насъ обломковъ даетъ идею о высокомъ достоинствѣ произведеній самого Фидія. Если статуи, метопы и фризъ до сихъ поръ признаются величайшими образцами ваянія, то каковы же были собственноручныя статуи Фидія, возбуждавшія единодушное восхищеніе всѣхъ древнихъ писателей, видѣвшихъ эти созданія и какъ мало передаютъ ихъ многочисленныя статуи Аѳины, до сихъ поръ открываемыя въ

аѳинской почвѣ и фигуры богини на монетахъ, признаваемыя за воспроизведеніе Фидіевой статуи.

Долгое время Парѳенонъ стоялъ въ полной неприкосновенности. Римляне и варвары относились къ нему съ почтеніемъ. Впервые наложили на него руку христіане. Неизвѣстно въ точности, когда Парѳенонъ былъ обращенъ въ христіанскую церковь. Святилище должно было перейти съ запада на востокъ. Описѳодомъ былъ обращенъ въ притворъ, нарѳиксъ; въ промежуточной стѣнѣ устроили широкія двери въ церковь. Восточный входъ былъ закрытъ, перестроенъ въ алтарную апсиду съ возвышенною солеей. Въ апсидѣ появилась мозаичная икона Аѳинской Богоматери, въ видѣ оранты или нашего Знаменія Пресвятыя Богородицы. Престолъ (трапеза) былъ покрытъ балдахиномъ на Коринѳскихъ порфировыхъ колоннахъ съ капителями изъ бѣлаго мрамора. Посреди церкви стоялъ возвышенный амвонъ и престолъ епископа, для чего, по мнѣнію Грегоровіуса,[1] было взято мраморное сѣдалище изъ театра Діониса: оно было открыто въ 1836 г. въ мусорѣ, покрывавшемъ полъ Парѳенона. Наконецъ, для освѣщенія алтаря въ восточной стѣнѣ было пробито окно, для чего одна плита фриза съ изображеніемъ Аѳины была вынута и сохранилась за церковными вратами до половины XVII в., потомъ безслѣдно исчезла. Въ такомъ видѣ является Парѳенонъ въ концѣ XVII вѣка нашей эры. Еще бо̀льшимъ перемѣнамъ онъ подвергается въ XI вѣкѣ.

Сокрушивъ послѣ долголѣтней борьбы болгарское царство, Василій II Болгаробойца посѣтилъ въ 1018 году Аѳины. Это былъ послѣдній императоръ, побывавшій въ Аѳинахъ. Обремененный несмѣтною добычей, Василій съ царскою щедростью украсилъ каѳедральный соборъ. Въ это время внутренность церкви раздѣлялась двойнымъ рядомъ колоннъ, по 23 въ каждомъ, на три нефа. Надъ боковыми нефами былъ устроенъ гинекей, хоры для женщинъ. Василій снялъ плоскій, расписной потолокъ и кровлю и покрылъ церковь сводами. Колонны наружныхъ портиковъ были связаны одна съ другою невысокою стѣной и въ проходъ были устроены придѣлы. Мраморныя внутреннія стѣны были покрыты живописью, слѣды которой уцѣлѣли отчасти до нашихъ дней: на западной стѣнѣ, направо отъ входа, видны медальоны съ неясными изображеніями святителей; около этого на

[1] Gregorovius, l. c. 97.

сѣверной стѣнѣ двѣ фигуры: женщина въ красномъ покрывалѣ со свиткомъ въ рукахъ и царица. Медальоны почти совсѣмъ исчезли, обѣ фигуры сильно стерлись и вылиняли. Онѣ писаны на мраморѣ, кажется, безъ штукатурки. Не прошло сто лѣтъ, какъ въ 1205 году бургундскій рыцарь Отто де-ла-Рошъ дѣлается аѳинскимъ герцогомъ, начиная для Парѳенона новую эпоху, въ которой звуки греческаго богослуженія смѣняются латинскими. Черезъ четыре вѣка съ половиной (1458 или 1460 года) Парѳенонъ дѣлается добычей Турокъ и превращается въ мечеть. Фрески и мозаики были изглажены или заштукатурены и на юго-западномъ углу нарѳикса былъ выстроенъ высокій минаретъ, слѣды котораго видны и до сего дня. Скульптуры Парфенона пережили всѣ эти перемѣны до 1687 года, когда въ одну изъ войнъ съ Турками Венеціане осадили Аѳины съ моря и суши. Бомба, пущенная въ Парѳенонъ, гдѣ Турки устроили пороховой магазинъ, взорвала его на воздухъ. Почти вся средина, целла, была разрушена и съ нею большая часть фриза; восемь колоннъ сѣвернаго портика, шесть колоннъ южнаго были разбиты вмѣстѣ съ архитравами. Овладѣвъ Акрополемъ, Морозини приказалъ снять съ фронтона статуи, сохранившіяся въ неприкосновенности двѣ тысячи лѣтъ: при снятіи онѣ упали и разбились въ дребезги. Съ тѣхъ поръ Парѳенонъ не подвергался разореніямъ до пришествія Англичанъ, которые изъ развалинъ унесли двѣсти футовъ фриза, почти всѣ статуи фронтоновъ и семнадцать метоповъ, наиболѣе сохранившихся, не пощадили даже колоннъ, капителей и архитектурныхъ фрагментовъ. Ободранный, полуразрушенный Парѳенонъ, давно переставшій служить мечетью, въ 1832 году, наконецъ, вновь перешелъ во владѣніе Грековъ послѣ 627-лѣтняго плѣна.

30 марта 1833 года турецкій гарнизонъ навсегда покинулъ Аѳины. Новое правительство вскорѣ приступило къ упорядоченію Акрополя, задавшись мыслію, по возможности, возстановить его первоначальный античный видъ. Въ теченіе тысячелѣтій онъ сильно измѣнился. Массивная башня была выстроена Франками у Пинакотеки, которая была обращена въ капеллу и жилье. Пропилеи вошли въ составъ флорентійскаго дворца Аччаюоли. Минаретъ еще поднимался надъ полуразрушеннымъ, заваленнымъ обломками и мусоромъ Парѳенономъ. Въ портикѣ канефоръ былъ гаремъ аѳинскаго аги, площадь была наполнена жилыми строеніями турецкаго гарнизона и покрыта толстымъ слоемъ щебня.

Теперь все расчищено: нѣтъ ни башни, ни минарета, ни франкскихъ построекъ, ни жилыхъ строеній. Всѣ обломки подобраны, разбросаны и сложены въ акропольскомъ музеѣ. Раскопки обнаружили многое, принадлежавшее Акрополю въ эпоху до разоренія его Мидянами. Фронтоны храма Паллады украшались тогда архаическими, ярко раскрашенными изваяніями тритона въ борьбѣ съ Иракломъ; другой фронтонъ представляетъ побѣду того же героя надъ Лернейскою гидрой. Скульптурныя изображенія животныхъ, чудовищъ и сфинксовъ архаическаго стиля изъ мѣстнаго камня, вообще, встрѣчались въ значительномъ количествѣ. Уже до персидскаго нашествія Акрополь былъ украшенъ множествомъ статуй, покрытыхъ пестрыми красками. Большая часть ихъ была бережно зарыта въ землю при обновленіи Акрополя и дошла до нашего времени въ замѣчательной сохранности. Большая часть этихъ статуй представляетъ стоящихъ женщинъ, одѣтыхъ въ хитонъ и гиматій; лѣвой рукой онѣ приподнимаютъ хитонъ; волосы раздѣлены посрединѣ проборомъ и заплетены въ косички, спущенныя на грудь и спину, на головѣ повязка, украшенная пальметтой или меандромъ; правая рука согнута и держитъ что-то вродѣ гранаты или яблока. На головѣ ихъ въ черепъ вбитъ бронзовый гвоздь, укрѣплявшій, какъ полагаютъ, зонтикъ, предохранявшій отъ дождя статую. Лица значительно круглѣе, чѣмъ въ классическую эпоху. Глаза помѣщены слегка наискось, а уста сложены въ улыбку, приподнявшую углы рта, какъ на всѣхъ женскихъ изваяніяхъ архаической эпохи. Статуи раскрашены сверху до низу—четырьмя красками: зеленой, красною, голубою и сѣрой. По краямъ хитона и гиматія идетъ кайма изъ краснаго и зеленаго меандра; по одеждѣ писаны розетки и пальметты; волосы были краснаго цвѣта, глаза тоже были разрисованы, а на одной статуѣ вставлены и сдѣланы изъ стекловидной массы. Руки и ноги обломаны; изъ четырнадцати статуй у восьми сохранились головы. Физіономіи различны. Художникъ, очевидно, принималъ въ соображеніе индивидуальныя особенности оригиналовъ. Несомнѣнно, что статуи изображаютъ аѳинянокъ VI вѣка.

Эти статуи, впервые познакомившія съ состояніемъ аттической скульптуры въ эпоху предшествующую дѣятельности великихъ классическихъ ваятелей, составляютъ главное богатство акропольскаго музея, выдающагося, впрочемъ, массой и другихъ любопытныхъ предметовъ, на которыхъ мы, однако, не считаемъ

себя въ правѣ останавливать вниманіе нашихъ читателей; упомянемъ только объ архаическомъ изображеніи Аѳины. Оно вырѣзано на двухъ бронзовыхъ пластинкахъ, скрѣпленныхъ гвоздями. Изображеніе плоское; это первый шагъ къ скульптурѣ. Когда статуи были изгнаны изъ православнаго искусства, подобныя вырѣзныя иконы вновь появляются (въ силу атавизма) напримѣръ въ изображеніи Распятія съ предстоящими, въ Геѳсиманской иконѣ усопшей Богоматери.

Любители археологіи, столь популярной въ наше время, конечно, останутся очень довольны раскопками и очисткой Акрополя. Мы теперь можемъ видѣть въ сохранномъ и очищенномъ видѣ все, что только сохранилось отъ временъ Перикла. Кромѣ слабыхъ слѣдовъ живописи въ Парѳенонѣ ничто не напоминаетъ о тысячелѣтней христіанской эпохѣ Акрополя. Вычеркнуты цѣлые періоды исторической жизни, прекращена вся жизнь Акрополя; онъ оставленъ за штатомъ и лежитъ въ такомъ же запустѣніи, какъ Пальмира или Луксоръ. Развалины его храмовъ вызываютъ восторженное удивленіе, но съ нимъ закрадывается въ душу чувство скорби и сожалѣнія, какъ бы о дорогомъ покойникѣ, на котораго смерть явно наложила свою разрушительную руку. Между тѣмъ жизнь не прерывалась здѣсь до самаго исхода Турокъ. Священнослужители, правители, епископы имѣли мѣстопребываніе въ Акрополѣ. Первоначальный проектъ выстроить королевскій дворецъ тамъ былъ преждевременнымъ,—нужно было расчистить Акрополь, что̀ теперь и сдѣлано,—но самъ по себѣ вполнѣ правиленъ, ибо избавлялъ священную гору Аѳинъ отъ нынѣшняго печальнаго запустѣнія. За гимнами великихъ Панаѳиней, здѣсь прославляли Дѣву Марію, здѣсь посвоему молились Турки Аллаху. 2270 лѣтъ Парѳенонъ служилъ храмомъ для жителей Аѳинъ. Самая непрерывность его назначенія служитъ доказательствомъ высокаго художественнаго достоинства его, признаваемаго политеистами, христіанами и даже мусульманами: всѣ они посвящали его божеству, какъ лучшій изъ даровъ человѣческихъ, какъ лучшее мѣсто, въ которомъ душа человѣческая молитвой можетъ воспарить къ Богу. Равносильно ли этому любопытство, влекущее къ Парѳенону и Эреѳіону немногихъ спеціалистовъ и толпу праздныхъ туристовъ? Акрополь сталъ исключительно ареной археологическихъ изысканій, но не развѣнчиваетъ ли древнюю славу храмовъ такая секуляризація? Нынѣшній Акрополь уже не національная свя-

тыня, а пустынное кладбище, забытое тѣми, которые считаютъ себя потомками великихъ мужей, витающихъ грандіозными призраками надъ развалинами древнихъ святилищъ. Въ Акрополѣ мы видѣли иностранцевъ и не встрѣтили ни одного Грека, кромѣ сторожей и гидовъ. Весьма почтенные люди увѣряли меня, что даже среди образованнаго аѳинскаго общества есть такіе, которые отъ роду не бывали въ Акрополѣ!

Но позволительно ли такъ рѣшительно вычеркивать изъ исторіи Акрополя ея долгій христіанскій періодъ?

Подъ знаменемъ креста началась и ведется борьба турецкихъ христіанъ, начатая Греками, и побѣды ея — побѣды евангелія надъ кораномъ. Нынѣшніе Греки потомки не перикловыхъ Аѳинянъ, а клефтовъ и палікаровъ, и античныя традиціи для нихъ далеки и чужды наравнѣ съ классическимъ языкомъ Аттики. Протянуть руку древнимъ нынѣшніе Эллины не могутъ, минуя христіанство, непосредственно примкнувшее къ древней эпохѣ, безъ котораго нѣтъ законной, исторической преемственности. Освобожденіе отъ Турокъ равносильно возвращенію Парѳенона христіанской церкви, ибо не язычники же боролись съ Турками и Божіе должно быть отдано Богу, а не сдано въ археологію. Силой просвѣтленныхъ потребностей духа народы, оставляя прежнихъ боговъ, обращались ко Христу и чтили Его въ древнихъ храмахъ, получавшихъ новую святость и тѣмъ удерживавшихъ жизненное свое значеніе. До сихъ поръ Santa Maria Rotonda дорога массѣ Римлянъ, молящихся Богоматери въ Пантеонѣ Агриппы.

Секуляризація Акрополя, побѣда археологіи надъ религіознымъ чувствомъ свидѣтельствуютъ о безсиліи христіанскихъ началъ въ современной греческой интеллигенціи и открываютъ ея внутреннюю несостоятельность. Претендуя на византійское наслѣдство, на первенство среди православныхъ народовъ, она забываетъ, что Византія прежде всего была христіанскою державой. Въ политическомъ отношеніи между классическою Аттикой и Византіей нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Омертвѣлому Акрополю возвратитъ жизненную силу только христіанство; онъ обновится и займетъ свое мѣсто въ національной жизни Эллады, когда вновь станетъ тѣмъ, чѣмъ былъ четыре вѣка тому назадъ, то-есть соборомъ Божіей Матери Аѳинской, и снова сдѣлается живоносною святыней христіанскаго царства. Объединенная Эллада процвѣтаетъ въ экономическомъ довольствѣ, скромно

подвизаясь въ наукѣ и совсѣмъ уже не блистая въ искусствѣ: да не возмнитъ она, что одна археологія возстановитъ ея родство съ отдаленными предками, молившимися Аѳинѣ-Палладѣ, презрѣвъ ближайшихъ, рожденныхъ древними и славословившихъ въ Парѳенонѣ Приснодѣву!

Живое чувство вѣры влечетъ на поклоненіе святынямъ Іерусалима и Палестины. Стряхнувъ съ себя грѣховное бремя, странникъ удаляется оттуда, какъ изъ церкви, послѣ молитвъ и богослуженія, съ обновленными силами, чтобы вновь, послѣ отдыха, пойти на предлежащее жизненное дѣло. Путешествіе въ Святую Землю, при современныхъ удобствахъ, всегда сохранитъ за собою значеніе подвига потому, что не паломнику, а разрядному туристу она представляетъ чрезвычайно мало привлекательнаго: природа не красива и не привѣтлива; пестроту восточной жизни, величественные памятники древности и стариннаго мусульманскаго искусства удобнѣе и шире наблюдать въ Египтѣ, Константинополѣ и другихъ мѣстахъ; туземное населеніе чуждо по языку и враждебно европейскимъ гостямъ. Въ Іерусалимѣ лишь тотъ иноземецъ на своемъ мѣстѣ, которому Іерусалимъ дѣлается своимъ, какъ Градъ Бога Живаго, какъ завѣтная святыня общехристіанская. Для всѣхъ восточныхъ христіанъ онъ остался духовною столицей: у Латинянъ его значеніе умаляется Римомъ. Богатство вѣры, раскрываемое въ Іерусалимѣ, даетъ этому городу реальное значеніе въ средѣ вѣрующихъ, поддерживаетъ ихъ силы, передается въ устныхъ разсказахъ и силой непосредственнаго воздѣйствія паломниковъ на своихъ земляковъ, по возвращеніи домой, другимъ не бывшимъ у Святыхъ мѣстъ, и затѣмъ неизбѣжно, хотя и неуловимо отражается въ различнѣйшихъ сторонахъ ихъ дѣятельности.

Другое дѣло—Аѳины. Какъ благоустроенная, зажиточная столица маленькаго государства они, конечно, не могутъ интересовать никого. Туда ѣдутъ, главнымъ образомъ, ради эстетическихъ интересовъ и то очень немногіе, ибо удовлетвореніе эстетическаго чувства совершается въ тѣсномъ кругу немногихъ сильно изуродованныхъ памятниковъ, сохраняющихъ одну тѣнь прежняго величія, память о которомъ мы усвояемъ съ отроческихъ лѣтъ и сквозь призму раннихъ радужныхъ представленій созерцаемъ то, что осталось въ дѣйствительности. Большинству изъ насъ, простыхъ смертныхъ, Аѳины дороги тѣмъ, что съ ихъ именемъ соединяются не только историческія воспоминанія, но и наша

юность въ ея чистыхъ и возвышенныхъ сторонахъ. Изъ Іерусалима выѣзжаешь глядя на будущее съ надеждой и вѣрой; въ Аѳинахъ съ улыбкой оглядываешься на прошедшее. Оттого и разстаешься съ ними, какъ бы со старымъ другомъ юности, послѣ доброй и веселой бесѣды о старыхъ друзьяхъ, учителяхъ, юношескихъ иллюзіяхъ, приключеніяхъ, послѣ такой бесѣды, которая никогда не исчерпываетъ всего, что нужно припомнить, и при разлукѣ заставляетъ жалѣть, что многое осталось забытымъ и незатронутымъ. Такія встрѣчи случайны, могутъ повториться, могутъ и не повториться: необходимости въ нихъ нѣтъ и, въ качествѣ удовольствія, отъ нихъ отказаться не трудно.

Покидая Аѳины, я какъ бы разставался съ такимъ другомъ. Я не отходилъ отъ окна, ловя мгновенія, когда изъ-за холмовъ на синевѣ неба показывался желтый Акрополь съ своими стѣнами, колоннами и фронтонами. День сіялъ, поѣздъ мчался впередъ, священная твердыня скрылась навсегда... Прощай Парѳенонъ!

М. Соловьевъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ).

XXX.

Le Russe, нѣчто особенное и диковинное для Эльзы и для Этьена, и monsieur d'Atalin, близкій человѣкъ для семейства графа Отвиля, былъ въ сущности наименѣе русскимъ изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, подолгу пребывающихъ за границей.

Георгій Андреевичъ Аталинъ человѣкъ уже сорока пяти лѣтъ отъ роду, но казавшійся гораздо моложе на видъ, былъ происхожденіемъ москвичъ и даже замоскворѣцкій уроженецъ, единственный сынъ такого московскаго купца былаго времени, которымъ, увы, теперь и слѣдъ простылъ.

Двадцатилѣтній бобыль изъ государственныхъ крестьянъ, Андрей Тихоновъ Аталинъ, пришелъ въ Москву изъ-подъ Новгорода въ лаптяхъ и съ семью рублями ассигнаціями, зашитыми въ ладонкѣ.

Послонявшись и пооглядѣвшись въ Бѣлокаменной, онъ долго былъ „ни причемъ“ и, наконецъ, нанялся простымъ работникомъ на ситцевую фабрику при содѣйствіи случайно встрѣченнаго на улицѣ земляка. Но чрезъ три года онъ былъ уже прикащикомъ, довѣреннымъ лицомъ хозяина.

Въ двадцать два года отъ роду онъ изъ-за нужды выучился правильно подписывать свое имя и фамилію а дальше въ грамотѣ не пошелъ, упрямо не желая идти, и подъ семьдесятъ лѣтъ подписывался тѣмъ же самымъ почеркомъ, что въ двадцать.

Чрезъ десять лѣтъ послѣ этого прибытія въ первопрестольную съ семью рублями Аталинъ имѣлъ уже свою ситцевую фабрику подъ Москвой и былъ купцомъ, наиболѣе извѣстнымъ на Поволжьѣ, куда преимущественно шелъ ходко его ситецъ. „Аталинскіе колера“ были извѣстны.

Правда, что капиталъ на это затраченный былъ лишь частью нажитой и его собственный; главная часть была принесена женой въ видѣ приданаго, а остальное компаньонами.

Чрезъ тридцать лѣтъ онъ наконецъ владѣлъ полмилліоннымъ состояніемъ и, пройдя черезъ всѣ гильдіи, не пожелалъ стать потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ.

Въ одинъ и тотъ же знаменательный въ его жизни 1845 годъ Андрей Тихоновъ и женился, и сдѣлался купцомъ-фабрикантомъ и сталъ отцомъ здоровеннаго крикуна-Егорушки.

Родившійся на свѣтъ Георгій Аталинъ, крѣпышъ, румяный какъ маковъ цвѣтъ, съ вострыми глазами и волчьимъ аппетитомъ, принесъ съ собой отцу счастіе и удачу. Дѣла шли до его рожденія „ни шатко, ни валко, ни нá сторону“, какъ говорилъ Андрей Тихонычъ, а съ появленіемъ на свѣтъ Егорки они пошли такъ, что „хоть лопатами деньги загребай“.

Дѣти рождались затѣмъ у Аталиныхъ часто, но не жили, и уцѣлѣла лишь одна дѣвочка Елена, на пятнадцать лѣтъ моложе сына Георгія. И эта дѣвочка своею судьбой повліяла въ послѣдствіи на судьбу отца и брата.

Она была болѣзненная, какъ и всѣ ея умершія сестры, а въ семь лѣтъ стала совсѣмъ хирѣть. Доктора посовѣтовали Аталинымъ, если они не хотятъ потерять ребенка такъ же, какъ потеряли чуть не десятокъ дѣтей, тотчасъ отправить дѣвочку въ теплые края, то-есть за границу.

Не сразу рѣшился на это замоскворѣцкій купецъ, потому что приходилось разставаться, такъ какъ Андрей Аталинъ не былъ изъ тѣхъ людей, которые поѣдутъ въ чужіе края себя чужимъ людямъ показывать. На такое предложеніе кого-то изъ близкихъ Андрей Тихонычъ отвѣчалъ:

— Слава Богу, я еще въ своемъ разумѣ и въ твердой памяти.

Ребенокъ былъ порученъ семьѣ московскихъ дворянъ, которые часто ѣздили за границу, охотно взялись свезти дѣвочку въ Швейцарію и отдать въ первоклассный пансіонъ на берегахъ Женевскаго озера.

Между тѣмъ Георгій Аталинъ былъ уже двадцатидвухлѣтній, красивый молодой человѣкъ и былъ, однако, еще болѣе „ни причемъ", чѣмъ его отецъ, въ такіе же годы пришедшій въ Москву. Вина была не его, молодой малый былъ и уменъ, и прилеженъ и даровитъ. Онъ стремился когда-то въ гимназію, а теперь въ университетъ, но отецъ, тоже самодуръ на свой особый ладъ, безповоротно стоялъ на своемъ, что у него, мужика, не будетъ сына чиновника и дворянина.

— Учися сколько хочешь дома, говорилъ онъ.—Всю подноготную учености осиль. Но чтобы все это было безъ надувки.

А „надувкой" Андрей Тихонычъ называлъ подозрѣваемое имъ въ сынѣ поползновеніе послѣ университета получить чинъ и начать служить, чтобы не быть купцомъ, а стать бариномъ.

И дѣйствительно Георгій Аталинъ много и прилежно занимаясь дома съ учителями, а затѣмъ и съ профессорами, вращаясь съ семнадцати лѣтъ среди самыхъ образованныхъ людей Москвы, могъ бы шутя сдать въ университетѣ экзаменъ и получить степень кандидата математическаго факультета... Но отецъ выгналъ бы этого кандидата изъ дому, хотя не только любилъ, но обожалъ единственнаго своего „Егорушку".

— Довольно съ меня, угрюмо шутилъ Андрей Тихонычъ,— что дочь будетъ—мамзель и по-русски говорить разучится. А чтобы еще заполучить сына колежскаго секретаря... помилуй Богъ! Нѣтъ, братъ, будь покуда я живъ купецкій сынъ... Ты знаешь ли, что̀ мы такое?.. Есть вотъ столбовые дворяне... А мы самые эти столбы, на коихъ и дворяне и вся Россія стоитъ— сирѣчь мужики.

Юному Георгію Аталину, конечно, хотѣлось надѣть студенческій мундиръ, хотѣлось бы потомъ быть съ чиномъ на государственной службѣ, а иногда онъ даже мечталъ о возможности надѣть послѣ студенческаго и иной какой мундиръ. Но о такихъ постыдныхъ мечтаніяхъ онъ не смѣлъ и заикнуться не только съ отцемъ, но даже и съ доброю безхарактерною и безгласною матерью. Боготворившая свое ненаглядное дитятко, Анна Кузминишна не могла въ этихъ стремленіяхъ помочь сыну, и „страха

ради“ мужа, и по искреннему убѣжденію, что сынъ по молодости лѣтъ не знаетъ чего хочетъ. А она хорошо знала:

— Студенты всѣ озорники. За прошлый годъ лавку мясную въ Охотномъ ряду разграбили. А чиновники всѣ плуты и кляузники и лапы въ чернилахъ. А дворяне-то?.. Что̀ за утѣха красные штаны, да чужіе.

Впрочемъ Георгій Андреевичъ вскорѣ пересталъ мечтать и, начавъ заниматься дѣломъ отца, сталъ совершенствовать его.

Пребываніе маленькой сестры за границей, нежданно повліяло на его судьбу и на его образъ мыслей. Послѣ трехлѣтняго отсутствія дѣвочка была привезена домой, но въ половинѣ зимы пришлось ее опять увозить отъ русскихъ морозовъ... Повезъ сестру въ Швейцарію Георгій Аталинъ и, оставивъ ее въ пансіонѣ, проѣхалъ яко бы „ради ознакомленія съ иностраннымъ производствомъ тканей“ въ Парижъ и въ Лондонъ.

Пробывъ три мѣсяца за границей Аталинъ видѣлъ мало тканей, но вернулся другимъ человѣкомъ. Врядъ ли на кого-либо изъ Русскихъ молодыхъ людей, умныхъ и образованныхъ, произвели когда-либо чужіе края бо̀льшее и сильнѣйшее впечатлѣніе... И при этомъ впечатлѣніе особаго рода... Видно Георгій Аталинъ, двадцатипятилѣтній замоскворѣцкій купеческій сынъ, былъ выродкомъ въ семьѣ.

Вернувшись домой и оглянувшись, онъ тайно и твердо рѣшилъ, что когда отецъ волей Божьею скончается, то онъ ликвидируетъ дѣла и покинетъ совсѣмъ свое отечество.

Умный и проницательный Андрей Тихонычъ, настоящій прозорливецъ, тотчасъ все увидѣлъ, почуялъ или пронюхалъ перемѣну, совершившуюся въ сынѣ. И онъ немного испугался въ первый разъ въ жизни.

„Стало-быть за границей зараза такая есть! подумалъ онъ.— Или же иное. Голова начинена была всякими науками, а онѣ ехидныя всѣ вѣдь оттудова. И химія, и механика, и астрономія, все вѣдь это заморскія выдумки, а не русскія... Ну, стало-быть, надо женить.

Женитьба сына и немедленная являлась уму Андрея Тихоныча якоремъ спасенія по отношенію къ зачумленному сыну.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ первой мысли объ этомъ Андрей Тихонычъ уже нашелъ для сына невѣсту, богатую дѣвушку, дочь петербургскаго потомственнаго почетнаго гражданина, воспитанную въ извѣстномъ пансіонѣ, содержимомъ француженкой, госпожей Шеминэ.

Молодой человѣкъ легко согласился на предложеніе отца. Противорѣчить отцу было невозможно, да и на умъ даже не могло придти. Такъ былъ онъ воспитанъ. Вдобавокъ Георгій Андреевичъ до этой минуты странно относился къ женщинамъ. Онѣ для него еще не существовали. Поэтому онъ взглянулъ на женитьбу такъ же, какъ еслибъ отецъ приказалъ ему обзавестись своей собственною фабрикой.

И въ одно прекрасное утро Георгій Аталинъ былъ обвѣнчанъ съ хорошенькою дѣвушкой, бойкою, веселою, не глупой, а на пустяки, болтовню и наряды очень умною.

Разумѣется, молодые супруги зажили весело.

Молодая женщина любила общество, обожала театръ и поклонялась модѣ, какъ божеству.

Чрезъ полгода старикъ Аталинъ уже сталъ однако изрѣдка говорить сыну:

— Попридержи жену... Не давай ужь такъ раскачиваться. Зашибется... Тогда вѣдь и намъ больно будетъ.

Георгій Андреевичъ обѣщался, но ничего не предпринималъ, не зная, какъ взяться.

Полтора года не прошло послѣ свадьбы, какъ Андрей Тихонычъ, призвавъ однажды сына въ свой кабинетъ, объявилъ ему взволнованно:

— Ну, братъ, Егорушка! Коли я виноватъ, то прости... Не сумѣлъ тебѣ найти подруги. Выбралъ тебѣ сороку-бабу. Но покуда время, надо унять шалую. Или ты ничего не видишь?..

Дѣйствительно, Георгій Андреевичъ ничего не видалъ изъ того, что видѣла вся имъ знакомая Москва.

За его женой была всюду всегда вереница кавалеровъ и военныхъ, и статскихъ, и на сколько ея кокетничанье было невинно, опредѣлить никто бы не рѣшился.

Молва называла одного драгунскаго капитана тайнымъ фаворитомъ госпожи Аталиной, съ которымъ она всюду у всѣхъ знакомыхъ якобы случайно встрѣчалась и съ которымъ два раза видѣли ее и одну въ Сокольникахъ и въ Нескучномъ.

По совѣту и приказу отца Георгій Аталинъ сталъ внимательнѣе относиться къ поведенію жены, и однажды, явившись къ отцу возмущенный и потрясенный, объявилъ ему, что жена „безчестная женщина“.

По строжайшему распоряженію Андрея Тихоныча молодая женщина была съ этого самаго дня почти заперта на ключъ. Ее

никуда одну не выпускали, а гостей почти перестали принимать. Чрезъ мѣсяцъ отецъ и мать молодой женщицы явились изъ Петербурга къ дочери на помощь и, обозвавъ Аталиныхъ московскими мужиками, потребовали „уваженія къ личности“ молодой женщины и защиты отъ клеветы, а не деспотическихъ мѣръ на основаніи вранья кумушекъ.

Андрей Тихонычъ заявилъ, что невѣстка никогда, покуда онъ живъ, не переступитъ порога дома иначе, какъ въ сопровожденіи мужа или наемной старухи-компаніонки. А ради развлеченія ея и утѣхи старикъ обѣщалъ накупить невѣсткѣ: „полну́ горницу любимыхъ предметовъ, шпоръ, сабель и апалетовъ“.

Чрезъ недѣлю послѣ этого объясненія отецъ и мать угнетенной Аталиной выѣхали обратно въ Петербургъ, но въ тотъ же день и сама молодая женщина исчезла изъ своего дома... Впрочемъ въ тотъ же вечеръ и мужъ и свекоръ были увѣдомлены ея запиской, что она уѣхала съ родными, къ нимъ на жительство, навсегда.

Это событіе въ семьѣ подсѣкло бодраго, почти цвѣтущаго здоровьемъ, Андрея Тихоныча. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но на видъ всегда казалось гораздо меньше, а послѣ ужаснаго и срамнаго событія стало сразу казаться за семьдесятъ. Внезапно, нежданно и грубо разрушенныя мечтанія и помыслы о будущей семейной жизни съ женатымъ сыномъ и внучатами, жизни хотя бы до четвертаго поколѣнія, отозвались на здоровьѣ старика неимовѣрно сильно. Не петербургскую барышню обвинялъ, впрочемъ, Андрей Тихонычъ, а клялъ времена новыя, мудреныя, непонятныя, ожесточенныя...

— Конецъ міру! говорилъ онъ грустно.—Да не тотъ конецъ, что мертвые возстанутъ или свѣту преставленіе начнется... Нѣтъ... Стараго прежняго свѣта преставленіе уже теперь происходитъ и новые времена, новые люди, новый міръ зачинается, звѣриный... Антихристъ уже въ людяхъ. Явленъ, царствуетъ и подавляетъ. И все ему покорствуетъ.

Пріѣздъ изъ Швейцаріи дочери, за которой былъ посланъ сынъ, повліялъ на старика только къ худшему... Онъ отнесся къ ней сначала горячо, но скоро охладѣлъ и грустно объяснялъ:

— Француженка...

И правда, на молоденькой Леночкѣ былъ сильный отпечатокъ чего-то совершенно чуждаго старику.

Она и ходила и говорила не такъ, какъ всѣ кругомъ, да вдо-

бавокъ въ свою русскую рѣчь, будто картавую и дѣланную, вставляла сплошь и рядомъ заморскія слова, какъ бы родныя ей и любезныя, а отцу даже непонятныя.

Чрезъ три года послѣ срамнаго въ семьѣ событія Андрея Тихоныча не стало, хотя онъ ничѣмъ не болѣлъ, а только хирѣлъ, слабѣлъ и, заснувъ однажды въ креслѣ, не проснулся. Вскорѣ же вслѣдъ за нимъ ушла и его старуха.

XXXI.

Смерть стариковъ Аталиныхъ, разумѣется, повліяла кореннымъ образомъ на судьбу ихъ дѣтей. И молодой „соломенный вдовецъ", какъ онъ самъ себя назвалъ грустно шутя, и дѣвочка-подростокъ—были свободны, могли начать жить, какъ имъ хотѣлось.

При этомъ оказалось, что влеченіе у Аталина, которому не было еще 30 лѣтъ, и у сестры его, которой минуло только четырнадцать, было одно и то же—уѣхать за границу. Его манило во Францію, которая изъ всѣхъ странъ была ему наиболѣе симпатична, а сестра стремилась въ свою дорогую Швейцарію на берега милаго Лемана по близости къ Dent du Midi, гдѣ у нее завелись уже давно друзья-товарки всевозможныхъ національностей и гдѣ была милая старушка, которую она, какъ и всѣ эти подруги, звала maman.

И чрезъ два мѣсяца чада замоскворѣцкаго купца, хваставшагося тѣмъ, что онъ мужикъ, и гордившагося тѣмъ, что онъ пришелъ въ Москву въ лаптяхъ, съ семью рублями ассигнаціями—его родной сынъ и родная дочь—въ восхищеніи искреннемъ и восторженномъ переѣзжали границу русской земли.

Аталинъ везъ сестру въ пансіонъ съ намѣреніемъ затѣмъ проѣхать далѣе... И уже не съ цѣлью „ознакомленія съ производствомъ всякихъ тканей", а просто „такъ"... И не на два мѣсяца, а настолько времени, сколько Богъ на душу положитъ.

По странному стеченію обстоятельствъ при переѣздѣ чрезъ границу Леночка, совершенно чуждая своему отечеству и не знавшая, иногда даже не понимавшая иныхъ россійскихъ обычаевъ и порядковъ, разспрашивала брата и просила разъяснить нѣчто изъ ея послѣднихъ впечатлѣній. Такъ на похоронахъ отца было семейство, про которое сказали ей, что это дворяне, былъ одинъ господинъ, плѣшивый и въ синихъ очкахъ, про котораго

говорили, что онъ „совѣтчикъ“, при томъ „колясскій“ или каретный, вообще что-то по части экипажей.

Аталинъ объяснилъ сестрѣ, что̀ такое мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ, что̀ такое чиновникъ и даже пытался объяснить, что̀ такое „баринъ“ въ наше время.

Леночка, говорившая плохо по-русски когда дѣло касалось до обихода обыденной жизни, окончательно не могла говорить на родномъ языкѣ когда дѣло шло объ серьезныхъ вопросахъ. Было это потому, что она „думала“ по-французски.

Выслушавъ объясненіе брата, она спросила, отчего въ Швейцаріи этой сортировки людей на сословія нѣтъ. Тамъ только есть простолюдинъ и господинъ.

— Des paysans et des barines! сказала она.

Аталинъ замѣтилъ, что и бариновъ нѣтъ.

— Но вѣдь по твоему баринъ — c'est un individu bien mis. Стало-быть въ дворяне жалуетъ король или царь, а въ барины— портной, съострила она.

И бесѣда кончилась тѣмъ, что самолюбивая Леночка заявила о своемъ непремѣнномъ желаніи по окончаніи ученья оставаться въ Швейцаріи и выдти замужъ за Швейцарца.

— Что-жь? Пожалуй. Я противъ этого ничего не буду имѣть, отозвался Аталинъ.

Довезя сестру до Лозанны, затѣмъ сдавъ съ рукъ на руки въ пансіонъ, онъ уѣхалъ въ Парижъ и безвыѣздно прожилъ въ немъ около года.

Только крайняя необходимость, дѣла по фабрикѣ заставили его вернуться въ Москву. Но проживъ три зимнихъ мѣсяца въ своемъ домѣ около Ордынки, онъ счастливый и довольный снова очутился въ Парижѣ уже въ своемъ собственномъ домикѣ среди парка Нельи, который тотчасъ по пріѣздѣ купилъ съ аукціона.

Эта покупка ясно доказывала, что, пробывъ годъ въ Парижѣ и только три мѣсяца въ Москвѣ, Аталинъ окончательно убѣдился, гдѣ ему живется вольно и гдѣ не живется... Въ причины онъ не вникалъ. Онъ зналъ только, что по его натурѣ ему нужна Европа, что переѣзжая границу онъ замѣчалъ въ себѣ то же чувство или ощущенье, которое является у человѣка, когда онъ подходитъ къ отворенному окну поглядѣть на небо вмѣсто потолка и подышать не комнатнымъ воздухомъ.

Съ этого года въ продолженіе многихъ лѣтъ Аталинъ акку-

ратно пріѣзжалъ въ Москву два раза въ годъ, ради контроля дѣла, ему чуждаго, но дающаго большой доходъ. Остальное время года онъ жилъ въ Парижѣ или путешествовалъ, побывавъ всюду въ предѣлахъ Европы. Америка или Востокъ его не интересовали.

За это время Леночка выросла и похорошѣла, стала невѣстой, и Аталинъ привезъ однажды изъ швейцарскаго пансіона въ Парижъ, чтобы вывозить въ свѣтъ, une grande et belle fille avec un fort magot.

Разумѣется чрезъ одну зиму баловъ и вечеровъ въ нѣсколько мѣшаномъ и экзотическимъ обществѣ, въ которомъ они вращались, mademoiselle Helène d'Ataline стала по мужу vicomtesse de Raucourt, а вскорѣ истою парижанкой, едва помнившею замоскворѣчье и называвшею его въ разговорахъ съ родней и друзьями la rive gauche de Moscou.

— Le quartier latin?! удивлялись Французы.

— Oh!.. Le quartier crétin... plutôt! острила виконтесса.

На вопросы о дѣтствѣ, о Россіи она не любила отвѣчать и всегда восклицала:

— Ne m'en parlez pas... Russie, cecité, choléra, enfer, malheur—c'est tout un!..

Это отношеніе виконтессы Рокуръ къ ея отечеству было однако не афектаціей и не кривляньемъ, было настолько естественно и глубоко, что даже самые „квасные" патріоты изъ ея соотечественниковъ извиняли молодую женщину и даже забавлялись иногда ея искреннимъ ужасомъ при воспоминаніяхъ о морозахъ, тулупахъ, щахъ, поросенкѣ съ кашей, извозчикахъ...

За это время Аталинъ жилъ холостякомъ и почти не зналъ, что дѣлаетъ его благовѣрная супруга, а зналъ только, что она живетъ въ Петербургѣ и извѣстна всѣмъ лѣтнимъ обывателямъ Павловска по своимъ туалетамъ. Госпожа Аталина принадлежала къ очень большому и очень пестрому кругу общества, гдѣ вращались и купцы, и офицеры, и чиновники, и разночинцы, то-есть всякіе „barines" въ смыслѣ и по опредѣленію Леночки.

Два раза за это время госпожа Аталина присылала однако къ мужу повѣреннаго съ предложеніемъ „ради приличія" снова сойтись и жить вмѣстѣ частью въ Петербургѣ, частью въ Парижѣ.

Въ первый разъ Аталинъ, будучи въ Италіи, отвѣтилъ на сло-

вахъ, что только изумленъ ея дерзостью. Во второй разъ, будучи въ Біаррицѣ, онъ не выдержалъ и написалъ записку, которую повѣренный бережно повезъ въ Петербургъ.

Онъ отвѣчалъ кратко:

„Я все думалъ, милостивая государыня, что вы развратная и нахальная женщина, а теперь убѣждаюсь, что вы просто-напросто—дура. Георгій Аталинъ.“

На этотъ разъ въ парижскомъ резидентѣ сказался должно быть замоскворѣцкій уроженецъ. Однако, если не всякій на мѣстѣ Аталина отвѣтилъ бы также, то все-таки это была сущая правда. Въ госпожѣ Аталиной сочетались безнравственность съ ограниченностью.

Разумѣется за время своего соломеннаго вдовства и пребыванія въ Парижѣ Аталинъ перевидалъ и „близко перезнавалъ“ много женщинъ. Но всѣ онѣ были исключительно одного сорта, изъ тѣхъ, что кометами и даже иногда метеорами появляются и исчезаютъ на горизонтѣ парижскихъ бульваровъ, театровъ и ресторановъ.

Про всѣхъ этихъ женщинъ, съ которыми сближался онъ иногда на мѣсяцъ, иногда на цѣлый годъ, можно было сказать, что всѣ онѣ были красивы, веселы и жадны. И всѣ онѣ были простодушны до ребячества во всемъ, что не касалось денегъ.

Ихъ мѣрило Божьяго міра — червонецъ. Ихъ принято презирать! И напрасно... Онѣ только тѣмъ виновны, что опередили вѣкъ, живутъ и мыслятъ столѣтіемъ впередъ, какъ существа конца двадцатаго вѣка.

— День мой—вѣкъ мой! Не обходи ничего на пути. Все испробуй! Ничѣмъ не брезгай и все презирай. Прежде всего мужчинъ, затѣмъ приличія, дружбу, законы, религію, даже смерть и послѣ всего, больше всего, опять-таки мужчинъ. Міръ марево и ложь и обманываетъ тебя съ колыбели до гроба. Отвѣчай тѣмъ же... и оно путь къ удачѣ и счастью. Жить — лгать, а лгать — жить. Ou il y a de l'honnêteté, il n'y a pas de plaisir! Honneur et bonheur — chien et chat. Міръ глупъ, жизнь глупость. Но на землѣ есть одно геніальное человѣческое изобрѣтѣнье, если только не божеское откровеніе—деньги. Червонецъ не желтый кружочекъ... Это платье, обѣдъ, карета, домъ, помѣстье, amant de coeur, людское удивленіе и уваженіе. Онъ—всѣ вещи и предметы земные. Онъ — всѣ чувства, ощущенья и наслажденья человѣческія... Какъ зеркало отражаетъ въ себѣ весь

міръ, такъ этотъ кружочекъ даетъ тебѣ весь міръ... Онъ всемогущъ во всемъ возможномъ, но подчасъ... и чудеса дѣлаетъ! Не сотвори себѣ кумира инаго какъ Маммона и будешь счастливъ!

Но по фатуму, эти существа жертвы исповѣдуемаго ими Бога!

Конечно умный, честный и глубоко правдивый по природѣ Аталинъ только забавлялся этими женщинами и ни разу не увлекся серьезно ни одной изъ нихъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ истый Парижанинъ: онѣ аксессуаръ современной комфортабельной жизни.

Однажды, лѣтъ пять назадъ, Аталинъ вдругъ серьезно увлекся молодою дѣвушкой, съ которою провелъ цѣлое лѣто въ замкѣ зятя. Она была дальнею родней виконта Рокура...

Сестра, угадавъ его чувства къ кузинѣ, стала стремиться женить брата на этой по истинѣ прелестной дѣвушкѣ, красавицѣ, даровитой музыкантшѣ съ ангельскою душой. Виконтесса стала уговаривать брата развестись съ женой, а въ случаѣ ея упрямства откупиться отъ нея, что̀ было очень возможно, пожертвовавъ большою суммой.

Аталинъ сознался сестрѣ въ своемъ серьезномъ увлеченіи, но отвѣчалъ отказомъ жениться, такъ какъ не допускалъ и мысли о разводѣ.

Послѣ долгихъ убѣжденій и просьбъ сестры онъ наконецъ признался, что умирающій отецъ взялъ съ него клятву, никогда не разводиться съ женой ради втораго брака. Старикъ сказалъ ему:

„Вѣнчаетъ священникъ, служитель Бога, и въ храмѣ, а развѣнчиваетъ ябедникъ-стрекулистъ и въ судѣ. То таинство, а то скоморошество. Помни это, сынъ. И не предстань на судъ Божій двоеженцемъ, насмѣявшимся надъ заповѣдями Господними. Лучше плоти поблажку дай, да душу свою соблюди. Плоть здѣсь останется. А душу твою, не оскверненную, моя будетъ безбоязно ждать...“

Эти предсмертныя слова отца Аталинъ хорошо помнилъ, и они стали ему завѣтомъ.

— C'est russe! Exceptionnellement russe! отозвалась на это его сестра досадливо и грустно. C'est même trop russe... И требованіе это, и клятва эта, и соблюденіе ея.

— Тѣмъ больше чести для Россіи! отвѣчалъ онъ.

— Какъ однако много въ тебѣ еще осталось русскаго, печаловалась она.

— Да много, отзывался улыбаясь Аталинъ,—но я, право, только самое лучшее оставилъ въ себѣ, а остальное растерялъ.

И бракъ этотъ, несмотря на взаимную любовь и на всѣ усилія сестры и зятя, все-таки не состоялся. Аталинъ бѣжалъ даже отъ искушенія въ Россію и жилъ до тѣхъ поръ, покуда не изгналъ совсѣмъ изъ памяти и изъ сердца милаго облика чудной дѣвушки.

За то въ душѣ была теперь пустота и все болѣе накоплялась... Да, эта пустота не есть—ничто... Эта пустота—гигантская гранитная глыба, ложащаяся на сердце и мозгъ и гнетущая ихъ пуще, чѣмъ болѣзни и печали.

Со времени этой послѣдней вспышки сердца, потребности любить и быть любимымъ, прошло пять скучныхъ лѣтъ.

Аталину шелъ уже сорокъ шестой годъ, онъ былъ пожилой человѣкъ, а сердце было будто юно, еще вовсе не жило, но и не хотѣло или отчаивалось жить. И Аталинъ началъ наконецъ поговаривать съ оттѣнкомъ лѣниво простодушной грусти объ „хорошемъ“ самоубійствѣ, простомъ, спокойномъ, порядливомъ безъ проклятій и стенаній.

Такъ порой ребенокъ на крайне заманчивое предложеніе простодушно отвѣчаетъ:

— Спать хочу.

XXXII.

На утро послѣ встрѣчи и бесѣды подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ Эльза около девяти часовъ снова шла по дорогѣ въ замокъ Отвиль. Она была задумчива, и на лицѣ, хотя спокойномъ и сосредоточено грустномъ, все еще будто отражались слѣды душевной смуты, пережитой наканунѣ.

Вчерашній день былъ незаурядный. Вчера она нравственно потеряла сестру, объ которой такъ часто мечтала за все время ея безвѣстнаго отсутствія. Вчера же она, нежданно и странно, встрѣтила человѣка, къ которому въ ней вдругъ возникло что-то... Какъ будто это не чужой ей человѣкъ, а родственникъ. Она вдругъ „увидѣла“ его, совершенно такъ же, какъ случается нежданно найти среди глуши на дорогѣ цѣнную вещь, чужую, но неизвѣстно чью. И первое возникшее чувство было только одно удивленіе, перешедшее тотчасъ въ радость, но затѣмъ къ радости примѣшалось смутное опасеніе: вѣдь эта находка, эта цѣнная вещь—чужая, и ея права на нее сомнительны.

Встрѣча и бесѣда Эльзы съ Аталинымъ, приведеннымъ внезапно подъ желѣзнодорожный мостъ ея братишкой, была какъ нельзя болѣе похожа на подобный случай: находку чужой цѣнной вещи на дорогѣ.

Этотъ иностранецъ сталъ для нее вдобавокъ загадкой. Онъ слишкомъ походилъ на Француза и на хорошаго Француза.

Въ немъ было что-то привлекательное, притягивающее, и во внѣшности спокойно привѣтливой, ласковой, и въ томъ, что онъ говорилъ кротко, добродушно, но твердо... Главное поразившее Эльзу была одна едва уловимая особенность во всемъ этомъ человѣкѣ, даже въ глазахъ и голосѣ.

„Онъ честный“ объяснила Эльза эту особенность.

Дѣйствительно дѣвочка, подозрительно относившаяся ко всѣмъ, видящая во всѣхъ притворство, обманъ, ложь, не только на языкѣ, но и въ глазахъ, даже „ложь руками и ногами“, какъ объясняла она, теперь видѣла въ Аталинѣ только правду и правду. Она чувствовала глубоко эту правду въ лицѣ его, во взглядѣ, въ словахъ и во всякомъ движеніи. И его естественность и искренность неотразимо вліяли на нее, будто очаровывали и манили къ себѣ.

Аталинъ былъ для нее тотъ же Фредерикъ, хотя между обоими была громадная разница. Альзасецъ былъ Аталинъ въ дурнѣ, а Русскій былъ Фредерикомъ въ хорошѣ. Въ ея расположеніи къ Фредерику была доля снисхожденія и жалости. Она будто поневолѣ дозволяла ему тихонько прокрадываться, чтобы занять мѣсто въ ея сердцѣ... Въ ея влеченіи къ Аталину сочетались чувства уваженія и сладкой боязни, и она позволяла себѣ поневолѣ самой стремиться къ нему всею душой.

Пробывъ вчера вмѣстѣ около часу, они разстались потомъ какъ давнишніе знакомые и даже друзья. Какъ это произошло, Эльза не понимала. Кажется потому только, что Русскій думалъ и говорилъ про все такъ же, какъ и она. Когда онъ недоговаривалъ или умалчивалъ что-либо, то она все-таки знала его мысль, угадывая и чуя ее.

Къ Этьену онъ относился дружелюбно и ласково, объ сестрѣ Марьеттѣ отозвался сухо и хотя ничего не сказалъ про нее рѣзкаго, но она почувствовала, что онъ презираетъ Марьетту. Мать ея онъ будто снисходительно сожалѣетъ. Баптистъ, котораго онъ видѣлъ одно мгновеніе, все-таки ему не нравился. Дружескія отношенія его къ Отвилямъ Эльза вполнѣ угадать не

могла, но поняла, что въ зàмкѣ ближайшее лицо Аталину графиня, что къ виконту и къ Монклеру онъ относится добродушно, а къ старому графу какъ-то совершенно особенно и непонятно для нея. При этомъ Аталинъ удивилъ Эльзу, сказавъ буквально то же, что она сама втайнѣ думала.

— Знаете ли, кто самый милый человѣкъ въ зàмкѣ? Старикъ Изидоръ.

Аталинъ сталъ упрашивать Эльзу тотчасъ ѣхать съ нимъ въ зàмокъ, чтобы позировать и тѣмъ успокоить Монклера, который родилъ озлобленный и несетрпимо надоѣлъ всѣмъ своимъ ворчаньемъ.

Но Эльза, отказавшись сначала безъ всякихъ объясненій, кончила тѣмъ, что откровенно созналась, почему не можетъ ѣхать тотчасъ. Ея присутствіе въ домѣ было, по ея мнѣнію, необходимо, покуда въ немъ сестра. На утро Марьетта собиралась уйти непремѣнно къ сестрѣ Ренъ, и Эльза могла тоже отлучиться.

На вопросъ Аталина, зачѣмъ именно нужно въ домѣ ея присутствіе, Эльза прямо и грустно поглядѣла въ глаза этого новаго пріятеля и не сказала ни слова. Но ея взглядъ сказалъ ему многое, что̀ не рѣшилась бы она никогда выразить словами. Аталинъ понялъ дѣвочку, задумался почти печально и затѣмъ долго молча глядѣлъ на нее. И этотъ долгій взглядъ неотразимо манилъ и приманилъ ея сердце къ нему.

Теперь Эльза шла къ Отвилямъ, думая исключительно о томъ, какъ встрѣтится со своимъ новымъ другомъ, Русскимъ.

Когда она задумчиво и безсознательно подошла къ воротамъ зàмка и хотѣла звонить, то увидѣла стоящаго на порогѣ калитки привратника. Старикъ улыбался, но, приглядѣвшись къ ней, вымолвилъ участливо:

— Что̀ съ вами было, ma petite Gazelle. Вы перемѣнились. Хворали вы?

— Нѣтъ, monsieur Isidor.

— Но отчего же вы будто похудѣли?

— Я вчера много плакала, прямо отвѣтила Эльза.

— О чемъ... Горе какое-нибудь?

— Долго разсказывать, да и не любопытно, г. Изидоръ.

— Помочь я вамъ не могу?

— Нѣтъ, улыбнулась Эльза, тряхнувъ кудрявою головой.

— Жаль. Но входите. Посидимъ, поболтаемъ, покуда всѣ встанутъ.

Эльза вошла въ свѣтленькій и привѣтливый домикъ привратника и тотчасъ съ удовольствіемъ сѣла. Она чувствовала легкую усталость, и это удивило ее. Ей случалось бѣгать по пятнадцати километровъ безо всякаго утомленія, а разстояніе отъ дома въ зàмокъ должно было для нее быть простою прогулкой.

— Знаете, о чемъ я хочу просить васъ, Газель, заговорилъ старикъ.—Когда вы опять пойдете домой, то приведите ко мнѣ вашего брата. Я его хочу видѣть.

— Съ удовольствіемъ! отвѣтила Эльза, и во взглядѣ ея было удивленіе.

— Я хочу на него поглядѣть, и если monsieur d'Atalin правъ, то я охотно займусь имъ. Пускай онъ ходитъ ко мнѣ всякій день, и я буду съ нимъ заниматься. Буду его учить всему, чтò онъ только пожелаетъ.

— А чтò сказалъ г. Аталинъ? смущаясь спросила Эльза.—По какому поводу могли вы заговорить объ Этьенѣ?

Изидоръ объяснилъ, что когда Аталинъ, ѣздившій за ней вчера, вернулся одинъ, то онъ спросилъ, почему Эльза не поѣхала, и между ними произошла бесѣда объ ней и о братѣ.

— Онъ назвалъ васъ des pauvres enfants abandonnés и говорилъ, что готовъ бы былъ всячески помочь вамъ обоимъ, еслибы на это былъ поводъ или какая либо возможность. Онъ говорилъ, что вашъ братишка—очень странный мальчикъ, умный не по лѣтамъ.

— Это правда, г. Изидоръ Онъ очень, очень умный! оживилась Эльза.—И какъ я вамъ благодарна за ваше предложеніе. Вы увидите, какой онъ понятливый, любознательный. Il veut tout savoir... Онъ умнѣе меня. Онъ часто спрашиваетъ у меня такія вещи, которыхъ я не понимаю и ничего поэтому ему объяснить не могу. А вы можете.

— Онъ болѣзненный?

— Нѣтъ... А чтò? Развѣ вамъ сказали это...

Изидоръ хотѣлъ отвѣчать, но запнулся. Эльза поглядѣла ему въ глаза и замѣтила, что старикъ будто скрываетъ что-то отъ нее...

— Скажите мнѣ всю правду, г. Изидоръ. Вамъ что-то сказали про Этьена.

— Сказали? Г. Аталинъ сказалъ. Никто другой.

— Ну да... смутилась невольно дѣвочка за свое невинное лукавство.

— Le Russe очень умный человѣкъ. Столько же умный, сколько хорошій... Онъ мнѣ сказалъ, что вашъ маленькій братъ неестественно уменъ по своимъ годамъ и что это даже не совсѣмъ хорошо... C'est plutôt mauvais!

— Какъ?! Я васъ не понимаю! изумилась Эльза.

— Это вредно... Мозгъ не долженъ опережать возрастъ и ростъ сказалъ г. Аталинъ.—И я съ нимъ согласенъ... Это вредно...

— Что̀ же можетъ быть? слегка взволновалась Эльза.

Изидоръ развелъ руками, замялся и, очевидно, не хотѣлъ сказать то, что̀ было у него на умѣ.

— Что̀ сказалъ г. Аталинъ?

Изидоръ снова сдѣлалъ то же движеніе руками.

— Ради Бога, скажите.

— Вредно... Можетъ дурно кончиться. Болѣзнью. Надо бы... Остановить что ли это раннее развитіе ума...

— Какъ остановить. Развѣ это возможно?

— Направить умъ на что-нибудь другое.

— На что̀ же другое?

— Да я не знаю... Это говоритъ г. Аталинъ. Я понимаю его мысль, но вамъ объяснить не могу... Надо бы занять умъ такими вещами... Или надо бы больше тѣлеснаго труда... Работа нужна руками, ногами...

Изидоръ говорилъ неувѣреннымъ голосомъ. И Эльза тотчасъ поняла, что старикъ самъ еще не уяснилъ себѣ вполнѣ того, что̀ слышалъ отъ Аталина.

Она тревожно задумалась и перестала слушать, что старикъ снова заговорилъ.

— Болѣзнью! прошептала она наконецъ.—Почему же? Развѣ быть понятливымъ и умнымъ, значитъ болѣть. Я не понимаю. Надо узнать.

И въ ту же минуту, прислушавшись къ словамъ Изидора, она услыхала:

— Un charme! Un charme!

— Что такое? спросила она.

— Онъ это говоритъ, отозвался Изидоръ.

— Да, что именно—un charme?

— Вы. Вы—un charme.

Эльза не поняла.

— Онъ говоритъ, что не встрѣчалъ еще никогда не только въ Россіи, но и у насъ во Франціи une enfant aussi ravissante...

Такую красивую, симпатичную, умную и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастную. Un charme qui vous fait venir les larmes.

Эльза вдругъ смутилась и вся вспыхнула.

— И я съ нимъ согласенъ. Вы милая дѣвочка и жалкая дѣвочка... Еслибъ я былъ богатъ, я бы васъ спасъ отъ вашей обстановки... И васъ и вашего брата... И я ему это сказалъ. Онъ отвѣтилъ: „Да. Но какъ? По какому праву? Въ какой формѣ?“ И это... увы! правда. Мало иногда желать и имѣть возможность сдѣлать доброе дѣло. Надо на него имѣть право и нужна еще форма. Нищій проситъ милостыню и его протянутая рука, даже молчаливо снятая шапка даетъ всякому право помочь ему, а монета есть форма этой помощи! восторженно началъ философствовать Изидоръ, самъ себя слушая.—А здѣсь кто дастъ это право? Сами вы еще не совершеннолѣтняя, чтобы распоряжаться собой. А форма? Ну, положимъ, Этьена можно отдать въ хорошую школу, хоть въ Парижъ. А вы? Съ вами что дѣлать? Учиться вамъ уже немного поздно. Въ школѣ—не въ такой, куда вы ходите теперь,—въ настоящей школѣ вамъ будетъ стыдно очутиться среди десятилѣтнихъ дѣвочекъ. А со сверстницами вамъ быть нельзя - васъ не примутъ... Что же? Выдать васъ замужъ, давъ приданое, за хорошаго человѣка. Пожалуй. Да вѣдь его надо искать, надо найти. А гдѣ...

— Я этихъ чужихъ денегъ и не возьму! холодно произнесла Эльза.

— Ну вотъ видите... Я тоже это думалъ. Вы не изъ такихъ... Мало этого... Вы съ простымъ рабочимъ счастливы не будете, а человѣкъ общества... Un monsieur... польстится конечно на вашу красоту, но жениться... Вѣнчаться онъ не захочетъ.

Эльза вздохнула, понурилась и, глубоко задумавшись, снова перестала слушать ораторствовавшаго старика.

XXXIII.

Вся семья Отвилей привыкла къ дѣвочкѣ и полюбила ее, но за время ея пребыванія у матери всѣ часто поминали ее, называя всякій своимъ прозвищемъ, ей даннымъ.

— Mais que fait donc notre... Gazelle, Lutin, Psyché, Négrillon, Singe, Cherubin, спрашивали всѣ другъ у друга.

Эти разнородныя прозвища, выражавшія понятія, не имѣющія ничего общаго между собой,—какъ Психея и обезьяна, бѣсёнокъ и херувимъ,—свидѣтельствовали лучше всего, что дѣвочка была не заурядное существо и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывали, что Эльзу никто вполнѣ еще не зналъ, не понялъ и не опредѣлилъ вѣрно ея нравственнаго облика.

Самымъ вѣрнымъ, хотя и неполнымъ опредѣленіемъ было все-таки выраженіе Аталина:

„Прелестный несчастный ребенокъ.“

„Un diamant dans la boue“ думалъ про себя Изидоръ.

И это опредѣленіе было еще ближе къ истинѣ.

Едва только графиня проснулась, какъ спросила у Жюли, явилась ли Газель, и горничная доложила, что она давно уже сидитъ у привратника, но не въ духѣ или хвораетъ.

Монклеръ, посвистывая, прохаживался въ своей мастерской улыбающійся, довольный и уже отдалъ приказъ, чтобы какъ-только le petit singe напьется кофе, чтобы сейчасъ же посылать къ нему.

Графиня, выйдя изъ уборной, поздоровалась съ ожидавшимъ ее пасынкомъ и тотчасъ объявила ему:

— Ну, слава Богу, сегодня Монклеръ насъ пощадитъ. La Psyché пришла, а съ ней вмѣстѣ и миръ въ домъ вернулся.

— Миръ! воскликнулъ виконтъ комично.—Я думаю—наоборотъ, междуусобица. Le potin, le diable et son train!

— Почему же...

— А плечи? Плечи вѣдь нужны теперь.

— Такъ что же?

— Я вамъ, maman, говорилъ и повторяю. Ce lutin лучше дастъ себя зарѣзать, нежели надѣть платье, которое вы ей приготовили.

— Quelle idée!

— Вѣрно вамъ говорю. Повѣрьте моему опыту и знанію женщинъ... Этотъ Негритенокъ все-таки женщина.

— Однако надо это устроить, заявила графиня, раздумывая.— Иначе Монклеръ опять намъ отравитъ существованіе своимъ ворчаніемъ. Да, оно ему и дѣйствительно необходимо, чтобы окончить работу.

— Капризъ художника... Лицо, я еще понимаю, необходимо. Иныхъ чертъ лица не выдумаешь, когда и уловить-то ихъ нужно вдохновеніе, нуженъ талантъ... А плечи, бедра, une jambe, un

bras—пустяки. Монклеръ можетъ придѣлать плечи съ васъ, даже съ Жюли.

— Такъ ты полагаешь, лукаво улыбнулась графиня,—что я могу еще тоже poser pour une Psyché? Спасибо за комплиментъ.

— Pas tout du long, разсмѣялся Камиллъ и прибавилъ вдругъ такую остроту, что графиня взмахнула обѣими руками, потомъ оглянулась, нѣтъ ли кого въ горницѣ и затѣмъ вымолвила отходя:

— Ты невозможенъ! Тебѣ что гостиная, что бульваръ, что un estaminet—все равно...

Между тѣмъ самъ графъ и Аталинъ гуляли вмѣстѣ въ паркѣ, и когда они приближались къ дому чрезъ палисадникъ, то услыхали голосъ повелительный и отчасти нетерпѣливый:

— Не задержите мнѣ, mon singe!

Это былъ Монклеръ, стоявшій на своемъ балконѣ въ бѣлой рабочей блузѣ и съ руками въ карманахъ панталонъ. Въ зубахъ торчала большая сигара. Взлохмаченные длинные волосы, борода клиномъ и выразительное лицо художника дѣлали его фигуру оригинальною. Въ ней было какое-то могущество, власть и порывъ... Монклеръ чувствовалъ приступъ вдохновенья, зналъ, что сегодня онъ будетъ работать хорошо, оживленно, отдастся своей глинѣ весь, corps et âme...

Графъ и Аталинъ подошли подъ самый балконъ, выступавшій на высотѣ двухъ саженъ и, закинувъ головы, стали глядѣть на художника. Имъ обоимъ одновременно пришла та же мысль.

— Вы такъ въ духѣ,—что Газель явилась, что даже издали видно, сказалъ графъ Отвиль.

— Все, что̀ вы сегодня сдѣлаете—вы поправлять не будете, добавилъ Аталинъ и, обернувшись къ графу, прибавилъ шепотомъ: Вы часто спрашивали, что̀ такое хорошій русскій мужикъ, породистый и характерный. Вотъ вамъ.

— Vrai? удивился графъ, больше задирая голову на балконъ и Монклера.

— Да. Только надо подпоясать блузу шнуркомъ или веревочкой.

— Зачѣмъ?

— Русскую рубашку подпоясываютъ всегда. А это мужественное лицо, эти длинные волосы и борода на бѣломъ полотнѣ... Vous avez la un paysan russe... peu s'en faut.

— Вы слышите... проговорилъ Монклеръ сквозь зубы и грызя сигару. Не задержите мнѣ моего Негритенка вашимъ любезничаньемъ. Я какъ на угольяхъ въ ожиданіи, ибо чувствую себя въ ударѣ... Да, messieurs... Въ такія минуты я счастливъ, что я скульпторъ, а не депутатъ, не министръ, даже не пейзажистъ или музыкантъ. Да... Священная Исторія не солгала, когда сказала, что послѣднее и главное дѣяніе Творца въ концѣ міротворенія было — скульптурный сеансъ. Первый ваятель былъ Господь Богъ Да. Богъ былъ прежде скульпторомъ, а затѣмъ уже сталъ правителемъ міра.

— Qu'est ce que vous nous chantez là! воскликнулъ графъ. Но Аталинъ, уже догадавшійся, началъ смѣяться.

— А сотвореніе Адама и Евы, mes frères! Изъ чего и какъ они произошли на свѣтъ?! вскрикнулъ Монклеръ съ балкона съ такимъ жестомъ и поддѣльнымъ паѳосомъ, къ какимъ прибѣгаютъ католическіе священники, проповѣдуя съ каѳедръ церквей... Oui, mes frères! Le Seigneur avant de devenir maître et juge suprême à daigné se faire sculpteur.

— Позвольте, однако... Исключите Еву... Она не изъ глины и не тѣмъ способомъ... началъ было Отвиль, но художникъ прервалъ его и, продолжая театрально жестикулировать, заговорилъ нараспѣвъ:

— Исключаю, уступаю, mes frères... Но фокусовъ не допускаю... Ева тоже изваяна, но при содѣйствіи самого Адама. Только одинъ мужчина,—въ минуты тягостнаго одиночества и восторженныхъ мечтаній о товарищѣ, себѣ подобномъ, но лучшемъ, идеализированномъ,—могъ выдумать, зачать и выполнить то, что именуется нами женщина. Oui, mes frères. Eve est le chef d'oeuvre du Créateur, mais Adam aidant...

И вдругъ Монклеръ быстро обернулся къ дверямъ балкона, спиной къ стоящимъ внизу и вскрикнулъ:

— Viens! Viens, fille d'Eve... N'aiye pas peur. Je n'ai pas de fruit à t'offrir.

Чрезъ мгновенье въ дверяхъ балкона появилась Эльза, задумчивая и угрюмая, но увидя стоящихъ внизу, она тотчасъ попятилась и снова скрылась изъ ихъ глазъ.

— Ба, ба, ба... воскликнулъ громко художникъ. Ну счастье мое, что я окончилъ лицо... Что съ вами было...

Аталинъ хотѣлъ увидѣть дѣвочку, но вѣроятно Эльза, отвѣтивъ что-нибудь удивившее художника, совсѣмъ вошла въ гор-

ницу, потому что Монклеръ развелъ руками и, тоже уйдя съ балкона, затворилъ за собою дверь.

— Я замѣтилъ еще вчера, что она немного чѣмъ-то разстроена, сказалъ Аталинъ графу.—Мнѣ жаль эту дѣвочку. Странная эта семья, прибавилъ онъ, двинувшись за нимъ.—И мать, и сестра, и братишка... И этотъ сожитель неизвѣстной національности.

Но графъ ничего не отвѣтилъ. Полагая, что онъ думаетъ о другомъ, Аталинъ взглянулъ на него, и двусмысліе лица старика, какое-то лукавое равнодушіе озадачило его.

„Онъ это все знаетъ лучше меня, подумалось Аталину, а говорить объ этомъ не хочетъ. Почему?“

И идя около молча шагающаго графа, онъ задумался.

Между тѣмъ Монклеръ, оглядывая Эльзу, становился все мрачнѣе. Онъ ожидалъ ее въ другомъ новомъ платьѣ бальнаго покроя съ вырѣзнымъ лифомъ ради того, чтобы лѣпить шею и плечи... Эльза смѣнила свое нелѣпое голубое платье на тоже подаренное ей графиней, въ которомъ она ходила первые дни пребыванія въ замкѣ.

— Вамъ приготовили другое платье. Въ этомъ вы мнѣ не нужны, сурово заявилъ Монклеръ.

— У того лифа нѣтъ. Его нельзя надѣть, отвѣтила она.

— Какъ нѣтъ? Я его видѣлъ. Что̀ вы сочиняете.

— Я вамъ говорю, что того надѣть нельзя! тихо, твердо и рѣшительно вымолвила Эльза.—Я его сейчасъ видѣла у Жюли.

— Qu'est ce que vous bavassez! рѣзко вскрикнулъ артистъ. Грубо тривіальное слово вырвалось у него какъ бы поневолѣ, настолько былъ онъ разсерженъ.

Но едва Эльза успѣла назвать имя горничной, какъ кто-то постучался въ дверь и на порогѣ появилась сама Жюли. Многозначительно и двусмысленно улыбаясь, она вошла театральнымъ шагомъ, ради шутки приблизилась къ Монклеру и, присѣвъ не хуже маркизы временъ Людовика XV, граціозно, чинно подала ему записку.

Монклеръ, сердито удивляясь, развернулъ листокъ бумаги и, пробѣжавъ его глазами, выговорилъ:

— Vous m'embetez avec toutes vos simagrées. Это еще что̀? Я сегодня въ ударѣ, въ духѣ и долженъ изъ-за прихотей...

— Это очень, очень серьезно, сударь, сказала Жюли.—Можно все совсѣмъ испортить. Немного терпѣнія—и все устроится отлично.

Монклеръ быстро обернулся къ Эльзѣ, очевидно собираясь что-то спросить у нея, но Жюли предупредила его.

— Графиня проситъ васъ никому не говорить о томъ, что̀ она вамъ тутъ пишетъ. Никому! многозначительно прибавила горничная.

— Sacré nom de nom!.. уже смягчаясь, но нетерпѣливо и досадливо заворчалъ Монклеръ.—Надо быть съ вами святымъ, а не человѣкомъ. Ну ступайте. Скажите, что я волосы на лбу и ухо буду исправлять. Какъ это пріятно... Чувствуя въ себѣ удачное настроеніе, заниматься ушами... Sacré nom... Ступайте...

Жюли вышла изъ комнаты и, пройдя весь за́мокъ, явилась съ докладомъ къ графинѣ.

— Разумѣется, взбѣсился, сказала она.—Но не особенно. Я думала, кидаться начнетъ и кусаться. Я вошла, ломаясь и кривляясь, чтобъ его разсмѣшить и показать видъ, что мы смѣемся этой незадачѣ. И это удалось. Онъ займется сегодня волосами и ухомъ. Самое лучшее, графиня, ne pas le prendre au serieux. Вѣдь эти артисты тѣ же дѣти.

XXXIV.

Среди дня, когда Эльза освободилась отъ художника, вся семья Отвилей сидѣла въ гостиной, вернувшись съ прогулки. Виконтъ Камиллъ разсказывалъ что-то наканунѣ случившееся въ Парижѣ, куда онъ ѣздилъ на одинъ день. Онъ смѣшилъ всѣхъ, изображая какую-то пожилую даму съ зонтикомъ, причемъ роль зонтика играли щипцы, взятые имъ отъ камина.

Больше всѣхъ смѣялись графъ и два мальчика. Миссъ Кетъ ёжилась и сдерживалась ради приличія... Аталинъ сидѣлъ поодаль у окна за газетой, но, изрѣдка отрываясь отъ чтенія при взрывахъ хохота, невольно улыбался, хотя не слушалъ и не зналъ въ чемъ дѣло.

Шутовство Камилла и общій смѣхъ вдругъ прекратились. Въ комнату вошла Эльза сказать графинѣ, что Монклеръ проситъ ее придти тотчасъ къ нему въ мастерскую.

Молодая женщина лѣниво и неохотно поднялась.

Художникъ былъ давнишній общій другъ семьи, и балованный ребенокъ въ домѣ, даже болѣе избалованный и капризный, не-

жели двое мальчугановъ сыновей. Всѣ ему повиновались ради того только, чтобъ онъ не ворчалъ и не брюзжалъ.

Пропустя графиню мимо себя изъ гостиной, Эльза хотѣла послѣдовать за ней, но увидала въ углу комнаты Аталина и невольно остановилась. Лицо ея прояснилось, и она пристально глядѣла на него...

— Какъ вы поживаете, la fille prodigue? вскрикнулъ Камиллъ добродушно.

Аталинъ глянулъ чрезъ газету, увидѣлъ Эльзу и слегка кивнулъ ей головой. Но лицо его было серьезно. Не таково оно показалось дѣвочкѣ, какимъ было вчера, когда они весело бесѣдовали въ травѣ подъ мостомъ.

Лицо Эльзы вдругъ омрачилось и она быстро вышла вонъ, не отвѣтивъ виконту.

— Этого звѣрка нельзя упрекнуть въ излишней вѣжливости, сказалъ Камиллъ.

Англичанка захихикала.

— Она съ душкомъ, замѣтилъ графъ ухмыляясь.—Потому что африканская кровь... Къ тому же quoi donc? Вѣдь это почти крестьянка.

— Я этого не нахожу, вдругъ отозвался Аталинъ изъ своего угла.—Она напротивъ... Très bien elevée et distinguée de nature.

— Un sauvageon! воскликнулъ графъ.

— Да, дичокъ, но въ котораго однако можно и влюбиться, странно произнесъ Камиллъ, перемигиваясь съ миссъ Кетъ.

Англичанка умышленно ужаснулась и многозначительно вытаращила на него глаза, какъ бы говоря: „Что вы дѣлаете? Догадается“.

Аталинъ закрылся газетой и думалъ:

„На чей счетъ? На счетъ графа или на мой?“

Эльза, выйдя изъ гостиной, задумчивая и почти грустная, снова отправилась къ своему другу Изидору.

Она сама не знала, что чувствуетъ, но на сердцѣ сказывалось что-то болью. Ее будто сейчасъ обидѣли. *Онъ* сдѣлалъ кивокъ головой и равнодушное выраженіе лица...

„Но чего же я ждала? Чего я хочу?.. спрашивала себя дѣвочка. Не могъ же онъ вскочить и броситься ко мнѣ. Конечно нѣтъ. . А все-таки это лицо... Онъ будто даже не сознавалъ, что это я... а кивнулъ головой кому-то, вошедшему въ комнату... Не зная и не видя, кому...“

И Эльза, будто споря сама съ собою, тихо двигалась черезъ дворъ въ домикъ привратника. Она защищала Аталина отъ невидимаго обвинителя, который упорно нашептывалъ ей что-то. Этотъ обвинитель было ея сердце.

— Encore plus triste—la petite Gazelle, встрѣтилъ дѣвочку Изидоръ.—Mat-tin!?

А между тѣмъ въ домѣ былъ уже цѣлый заговоръ противъ этой маленькой газели.

Утромъ графиня совѣщалась съ Жюли, а теперь о томъ же совѣщалась съ Монклеромъ. Предъ тѣмъ, чтобы идти на сеансъ къ художнику, Эльза собралась было перемѣнить платье свое на подаренное графиней, но къ ея удивленію Жюли стала предлагать ей надѣть другое, новое, сшитое за ея отсутствіе. Платье понравилось дѣвочкѣ, но когда она его взяла въ руки, то увидѣла, что лифъ сдѣланъ на половину или даже былъ просто какъ-то странно обрѣзанъ. Матеріи не хватило на плечи и шею. Совершенно такъ же, какъ въ сорочкахъ, которыя видѣла она на сестрѣ Марьеттѣ. А, эти сорочки?! Какъ часто смѣялся надъ ними презрительно ея покойный отецъ, говоря о безстыдствѣ женщинъ. Однажды Эльза замѣтила, что такія сорочки съ открытымъ воротомъ и короткими рукавами вѣроятно должны быть болѣе удобны для сна, нежели ея собственныя съ длинными рукавами и воротомъ, образуемымъ грубою сборкой полотна на шнурѣ.

— Покуда я живъ, воскликнулъ отецъ,—у тебя другихъ не будетъ. Послѣ этого не далеко и до платьевъ, въ какихъ ходятъ по вечерамъ Парижанки. Съ голою грудью и съ голою спиной!

И теперь, оглядывая новое платье, принесенное горничной, Эльза спрашивала себя:

„Не кончено и не дошито это платье, или именно такое, про какое говаривалъ отецъ. Но тогда, что же всѣ они? Насмѣхаются надъ ней!“

Хитрая Жюли поняла прозорливо мысли дѣвочки и, тотчасъ же взявъ обратно новое платье, сказала, что отдастъ его докончить.

— Сразу, вдругъ, мы ничего не добьемся, доложила барынѣ смышленая горничная.—Ни лаской, ни угрозой ничего не сдѣлаемъ. Надо потихоньку и хитростью... Обманомъ.

— Но какъ обманомъ.. Не сонную же или спящую одѣть ее и нести къ Монклеру.

— Придумаемъ какъ убѣдить ее... Но главное не спѣша...

И теперь графиня, вернувшись отъ Монклера, снова совѣщалась съ горничной, какъ заставить Эльзу надѣть это новое платье, съ совершенно открытымъ, вырѣзнымъ лифомъ.

И горничная придумала хитро и ловко. Объяснившись она кончила:

— Надо сразу, при всѣхъ очутиться ей. И не одной конечно, а съ вами. Послѣ этого при одномъ Монклерѣ оно ей уже будетъ ни по чемъ.

— Вѣрно, вѣрно. Умница вы, Жюли, отвѣтила графиня.

И вдоръ обѣдомъ, когда графиня сообщила что-то на ухо своему пасынку, виконтъ вскрикнулъ:

— Браво! Геніально! Кто это придумалъ?

— Жюли.

— Не можетъ быть. Вотъ не думалъ. Въ ней стало-быть de l'étoffe Христофора Колумба.

— Ты правъ, вымолвила графиня.—Открыть Америку, право легче, нежели...

— Открыть иныя плечи, разсмѣялся Камиллъ.

За обѣдомъ всѣмъ обитателямъ зàмка было объявлено графиней, что такъ какъ сегодня день рожденія г. Монклера, то онъ даетъ soirée monstre у себя въ мастерской. Дамы приглашаются décoltées et manches courtes, а кавалеры en habit noir et cravate blanche.

Всѣ удивились и стали переглядываться. Аталинъ удивился больше всѣхъ.

— Правда? спросилъ Отвиль.

— Rien de plus serieux, mon ami, отвѣтила графиня.

— Сколько вамъ лѣтъ минуло сегодня? усмѣхаясь обернулся виконтъ къ артисту.

— Сорокъ три, безъ четырехъ мѣсяцевъ и семи дней, отвѣтилъ Монклеръ.

— Чтò это значитъ! спросилъ Аталинъ. — Тутъ какая-то загадка?

— Разгадка простая, отвѣтила графиня. — Мы начинаемъ скучать... Надо разнообразить существованіе всякими невинными затѣями. И вотъ г. Монклеръ даетъ балъ по случаю дня рожденія.

— Хотя онъ родится только чрезъ четыре мѣсяца, а покуда еще находится въ утробѣ матери, добавилъ Камиллъ.

Графиня покачала головой, поглядѣла на пасынка и показала ему глазами на гувернантку.

— Что же, maman? Подобное ни для кого не тайна. Mademoiselle a aussi passe par là.

— Камиллъ! воскликнула графиня.—Я наконецъ не хочу, не позволяю тебѣ такъ острить.

— Послушайте, mon cher ami, строго выговорилъ Аталинъ.— Увѣряютъ, что Французы тоньше другихъ понимаютъ или чуютъ гдѣ границы приличія. На васъ эта пословица не оправдывается.

— Ужь онъ давно... сухо и сурово вымолвилъ графъ.—Il a perdu le sentiment... de toute chose.

— Merci, mon père! рѣзко отозвался виконтъ. — Я дѣйствительно по молодости и неопытности de moeurs relachése, но больше на словахъ... Когда я состарѣюсь, то пойду по стопамъ старшихъ.

— Voyons! Voyons! произнесла графиня укоризненно. — Что мы дѣлаемъ послѣ обѣда?..

Но никто не отвѣтилъ и не помогъ ей перемѣнить разговора. Всѣмъ было неловко, кромѣ двухъ мальчиковъ, ничего не понявшихъ въ словахъ брата.

— Желаю тебѣ въ мои годы, сухо вымолвилъ графъ сыну,— такъ же какъ и я—быть депутатомъ, ораторомъ и спортсменомъ,

— И носить кавалерійскую курточку покроя des chasseurs de Vincenne! добавилъ посмѣиваясь Монклеръ.

Всѣ улыбнулись переглядываясь, но графъ поглядѣлъ побѣдоносно на миссъ Кетъ, затѣмъ обвелъ всѣхъ глазами и выговорилъ самодовольно:

— Je chasse encore...

— Oh!.. раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Tant va la cruche a l'eau, началъ было Монклеръ, но графиня нетерпѣливо и даже строго перебила его:

— Я васъ прошу... Довольно. Здѣсь три существа, о присутствіи которыхъ вы забываете.

— Два, maman... вмѣшался Камиллъ.

— Assez, je vous dis! разсердилась графиня.

И за столомъ на минуту наступило неловкое молчанье.

Къ этому однако постоянному препирательству между отцомъ и сыномъ въ семьѣ давно привыкли. Отношенія между графомъ и его старшимъ сыномъ отъ первой жены были странныя, какъ бы отношенія двухъ братьевъ-забіякъ, но казались дикими только

русскому сердцемъ и разумомъ Аталину. Монклеру и другимъ эта постоянная маленькая война и какое-то соперничество старика и молодаго человѣка казалось только забавнымъ...

Вставъ изъ-за стола, все общество собралось гулять въ паркъ, и всѣ одновременно и единогласно потребовали:

— La Gazelle.

Дѣвочка, тоже кончивъ обѣдъ въ своей комнатѣ, куда по новому распоряженію графини приносили ей кушанья со стола господъ, уже ушла снова къ другу-привратнику.

Общество двинулось въ паркъ, а графиня приказала лакею поскорѣе позвать къ нимъ Эльзу, но Аталинъ вдругъ предложилъ зайти за ней самъ и привести въ паркъ.

— Tiens, tiens, tiens! пропѣлъ виконтъ.

— Мнѣ нужно переговорить съ ней! просто объяснилъ Аталинъ.

— У васъ уже взаимныя тайны?

— Знаете, что я вамъ скажу, милый Камиллъ, выговорилъ вдругъ нѣсколько серьезно Аталинъ... Впрочемъ нѣтъ... Не скажу ничего...

— Признайтесь, monsieur Georges, сказалъ виконтъ... Что этотъ Негритенокъ vous a tapé dans l'oeil.

— Да, она мнѣ нравится. Но не такъ, какъ кому другому. Я пересталъ бы самъ себя уважать, еслибы былъ способенъ ухаживать за пятнадцатилѣтней дѣвочкой вообще, и въ мои годы въ особенности.

— Почему?

— Ce serait hideux! пожалъ Аталинъ плечами.

— Вотъ какъ? воскликнулъ иронически графъ. Pruderie de cosaque et de...

— Mangeur de chandelles! добавилъ виконтъ смѣясь.

— Толкуйте какъ хотите, улыбаясь отвѣтилъ Аталинъ, но вы знаете мой взглядъ на это. Я лучше предпочту быть mangeur de chandelles, que mangeur de coeurs.

— Тѣмъ лучше, мой другъ, сказалъ графъ, кладя руку на плечо комически-торжественно... Мы заключимъ договоръ и свято воспользуемся предоставленными взаимно правами. Вамъ предоставляются всѣ свѣчи въ замкѣ, а вы оставьте мнѣ и Камиллу прекрасный полъ...

— Согласенъ, разсмѣялся Аталинъ, — но все-таки иду за Эльзой.

Когда Аталинъ, выйдя съ подъѣзда безъ шапки, прямо напра-

вился къ домику Изидора, Эльза, увидѣвшая его, быстро выскочила изъ комнаты, скользнула въ калитку и исчезла за оградой парка. Она догадалась, что онъ идетъ къ нимъ, и не захотѣла ни видѣться, ни говорить съ Русскимъ. Почему? Она даже не могла отдать себѣ отчета.

Изидоръ объяснилъ Аталину:

— Выпорхнула сейчасъ какъ спугнутая птичка. Отъ васъ! Это даже странно?..

Аталинъ хотѣлъ предупредить дѣвочку, что въ замкѣ противъ нее что-то затѣвается. Но что̀ именно онъ не зналъ самъ...

Въ тотъ же вечеръ мастерская Монклера была освѣщена a giorno, люстрой, лампами и свѣчами, и артистъ прохаживался во фракѣ въ ожиданіи гостей... Онъ былъ въ духѣ, но бурчалъ:

— Sacrées simagrées! Все графиня со своей деликатностью. Просто бы прикрикнуть или насильно... Церемонится со всякой дѣвчонкой... Ну, да я, еще погодите, не того еще добьюсь. Что-жь я Психею въ платьѣ что ли дѣлать буду? Тогда ужь прямо въ пальто.

Посреди комнаты стояла его работа, обернутая мокрымъ холстомъ, и Монклеръ, походивъ, сталъ снимать его... Открывъ фигуру молодой дѣвочки въ натуральную величину, онъ отступилъ на шагъ, и проницательнымъ, чуткимъ глазомъ художника окинулъ ее...

Голова была совершенно окончена, и въ лицѣ было поразительное сходство съ Эльзой... Но не съ той Эльзой, что была утромъ въ мастерской, а съ той, что сидѣла предъ Аталинымъ въ травѣ подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ.

Эльза улыбающаяся невинно и наивно, но съ огонькомъ въ широко раскрытыхъ глазахъ и съ граціозно наклоненной на плечо головой... Художникъ искусно и даровито поймалъ тотъ моментъ, когда лицо Эльзы, измѣнчивое какъ калейдоскопъ, бывало ребячески-страстнымъ и какъ бы наивно-пылкимъ... Въ минуты такого сочетанія чертъ лица оно было менѣе характерно красиво, нежели въ минуты сознательнаго пыла или гнѣва и даже горя. Но подобный моментъ былъ не нуженъ художнику, былъ не подходящимъ для его произведенія.

Психея Монклера не сидѣла и не стояла, а шла и даже кралась со свѣтильникомъ въ протянутой рукѣ. Художникъ выбралъ тотъ моментъ легенды, когда Психея робко идетъ увлекаемая

страстью и любопытствомъ, чтобъ освѣтить и увидѣть то предполагаемое ею чудовище, которое она любитъ и не знаетъ.

Обнаженныя плечи и грудь фигуры были слегка очерчены и какъ бы только намѣчены. Это былъ бюстъ еще недоразвитой юницы, полу-ребенка, полу-дѣвушки. Но въ этомъ бюстѣ недоставало чего-то, будто не было жизни... И главное, этотъ бюстъ не шелъ къ головкѣ.

Монклеръ это видѣлъ, чувствовалъ, и оно бѣсило его. Онъ не былъ изъ числа художниковъ, которые могутъ „придумывать" и довольны своей выдумкой... Монклеръ могъ только улавливать въ натурѣ поэзію линій и жизнь въ ихъ сочетаніи и умѣлъ, владѣлъ даромъ влагать эту жизнь въ свои статуи, то-есть умѣлъ, какъ говорится, вдохнуть жизнь въ свои произведенія.

Онъ видѣлъ ясно теперь въ своей Психеѣ, что ея плечи мертвы, кромѣ того, они не соотвѣтствуютъ груди. Они малы или худы, или наконецъ, просто, отсутствуетъ въ нихъ что-то законное, необходимое. А что̀? Художникъ не зналъ...

— Пари держу, пробурчалъ онъ,—что я увижу совершенно другія плечи... Такія, какія должны быть у этой головки, а не это измышленіе... А если она дурно сложена? Нѣтъ! Оно и чрезъ платье было бы замѣтно... Нѣтъ... Кажется вся будетъ годиться. А нѣтъ... Тогда въ Парижѣ найду другой торсъ.

Бурчанье и бесѣда художника съ самимъ собой были прерваны появленіемъ виконта, пришедшаго тоже во фракѣ и съ цвѣткомъ въ петлицѣ.

— Eh bien, après tout, ça m'amuse, воскликнулъ онъ, оглянувъ комнату а затѣмъ артиста и себя одѣтыми по бальному. Я себя здѣсь въ за́мкѣ не видалъ во фракѣ со времени крестинъ втораго сына maman.

Онъ подошелъ къ фигурѣ и сталъ внимательно разсматривать ее.

— Курьезное энигматическое сходство, выговорилъ онъ наконецъ.—Но не сходство это замѣчательно. Загадка въ томъ, что лицо, лицо Психеи, и въ то же время похоже на лицо этого бѣсёнка Эльзы. А плечи? Pardon. Они слишкомъ... Слишкомъ четвероугольны. Croyez moi. Я на балахъ и на собраніяхъ только окружающей наготою бываю занятъ... Это моя спеціальность... И я скажу вамъ, что для дѣвочки плечи слишкомъ тяжелы, слишкомъ четвероугольны, trop carrées... Trop grosso-modo... quoi? Понимаете? Аляповаты. Дикое слово, но иначе я не могу

выразить мою мысль... У подростковъ, вообще у полу-отроковицъ, плечи всегда какъ бы болѣе покаты и есть какая-то мягкая неопредѣленность въ линіяхъ, недодѣланность. Если хотите, нѣжная или граціозная дряблость и хилость... Впрочемъ, все это вы можете принять какъ вранье диллетанта въ скульптурѣ, но однако спеціалиста во всемъ, что женское. J'aime, tout ce qui est féminin... Je préfére l'oie au faisan par ce que son nom est du genre féminin, кончилъ виконтъ по обыкновенію шуткой.

— Нѣтъ, мой милый другъ, отозвался Монклеръ задумчиво, вы правы, вы чертовски правы... Да. Эти плечи скорѣе четырнадцати-лѣтняго мальчика, чѣмъ дѣвочки.

И артистъ запѣлъ громко:

. . . Brigadier, repondit Montclair,
Brigadier, vous avez raison!

Виконтъ разсмѣялся этому припѣву неприличной пѣсенки, въ которую артистъ вставилъ свою фамилію вмѣсто имени дурака рекрута, вѣчно поддакивающаго своему фельдфебелю.

XXXV.

Въ тѣ же самыя минуты, когда Камиллъ и Монклеръ разглядывали Эльзу изъ глины и порицали чужія ей плечи, въ уборной графини происходило тоже нѣчто подобное.

Графиня въ красивомъ сиреневомъ платьѣ и Англичанка-гувернантка въ желтомъ, обѣ décoltées по бальному, стояли предъ туалетомъ по бокамъ Эльзы, которую горничная Жюли застегивала въ свѣто-розовое платье съ такимъ же открытымъ лифомъ. Обѣ женщины были заняты тѣмъ же, чѣмъ и артистъ съ виконтомъ. Онѣ разглядывали шею, плечи и полуобнаженную грудь дѣвочки и мысленно критиковали ее.

Англичанка сравнивала себя съ Эльзой и находила, что сама она полнѣе, круглѣе, много бѣлѣе и стало-быть много красивѣе... Она убьетъ сегодня своею особой этого „тщедушнаго Негригёнка“, котораго всѣ въ зáмкѣ почему-то считаютъ красивымъ,

— Passablement maigrelette! думалось совершенно офранцуженной Альбіонкѣ.

Графиня удивлялась смуглости тѣла Эльзы и, разглядывая ее. еще болѣе дивилась массѣ темно-синихъ жилокъ, сѣтью сквозившихъ чрезъ матовую кожу ея груди и рукъ.

Она еще болѣе спрашивала себя мысленно—красиво это или нѣтъ? Конечно, съ точки зрѣнія мужчинъ.

Затѣмъ она замѣтила, что Эльза черезчуръ узка въ плечахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно будто идетъ къ ея сложенію и типу ея лица.

„Все-таки же не такова, какъ мы всѣ... думалось графинѣ. А въ наше время, пресыщенія всѣмъ, нравится все, что исключительно, а не обыденно. Pas comme toutes, et c'est tout—pour plaire!“

Жюли была вполнѣ довольна своею любимицей, а главное своею выдумкой и успѣхомъ. Вѣдь она придумала это ряженіе, чтобы заставить дѣвочку надѣть декольтированное платье.

А среди нихъ, предъ зеркаломъ туалета, стояло существо далеко умчавшееся мысленно отъ этой комнаты и этихъ полуобнаженныхъ женщинъ... Мысли Эльзы были на кладбищѣ Теріэля, около дорогой могилы.

Она стояла понурившись, грустная, съ кротко-открытыми, но влажными глазами, отъ двухъ слезинокъ, задержанныхъ подъ вѣками усиліемъ воли...

Ей было стыдно и больно... Ей было жалко самой себя... И разумѣется мысли унеслись туда, гдѣ легъ на вѣки человѣкъ, который никогда бы не допустилъ ничего подобнаго да еще за деньги... за подачку!.. Онъ всегда презиралъ тѣхъ женщинъ, которыя такъ одѣваются.

Эльза знала и видѣла, что обнажены только плечи ея и верхъ груди, но внутреннее чувство и даже внѣшнее ощущеніе говорили ей другое... Они говорили, что она вся голая... Ей это ясно чудилось... Не потому ли, что еслибъ она была обнажена вся, то чувство стыда и позора было бы такое же, не бо́льшее... Сильнѣе, тяжелѣе, жгучее, даже ядовитѣе ощущеніе это быть уже не могло...

Эльза сообразила и понимала на половину, что вечеръ этотъ у Монклера и вся эта затѣя умышленно подстроена такъ искусно, что она попала какъ бы въ западню. Будь все это затѣяно днемъ, она бы убѣжала, отказавшись даже отъ ихъ денегъ, то-есть отъ картуза, кашнэ и сапогъ для Этьена.

Графиня нарядилась сама и нарядила гувернантку только затѣмъ, чтобы показать ее, Эльзу, полу-голую... Показать имъ всѣмъ!.. Они всѣ будутъ на нее смотрѣть больше. Она, а не онѣ обѣ—для всѣхъ забавой. И онъ будетъ тамъ. Русскій!..

Когда-то однажды ночью она отворяла ему заставы, и онъ могъ увидѣть подъ нечаянно распахнувшимся платкомъ растегнутый воротъ ея платья. И она тогда ужаснулась своей оплошности. А теперь что̀ же? Во сто разъ худшее...

И вдругъ, размышляя такъ, Эльза почувствовала, что ее грустный стыдъ проходитъ и замѣняется совершенно инымъ чувствомъ... Она начинаетъ озлобляться и готова, кажется, сейчасъ идти туда и вызывающе глянуть на нихъ на всѣхъ.

„Ну, что̀ же? Да! И я тоже, какъ онѣ!.. готова она крикнуть имъ грозно.—Что̀ же? Я не уродъ... Я не бѣлая, какъ онѣ, но не безобразна, не отвратительна... А срамъ этотъ? Что̀ же? Свѣтъ это выдумалъ, а не я...“

И волнуясь, озлобляясь все болѣе, Эльза украдкой, съ любопытствомъ глянула на себя въ большое зеркало и удивилась... Ей показалось, даже бросилось въ глаза, что тамъ, въ зеркалѣ, стоитъ предъ ней какая-то очень эффектная женская фигура... Она не разъ видѣла дома свое отраженіе въ одной сорочкѣ. Но теперь это было не то... Свѣтло-розовое платье, кружева, ленты, переливъ складокъ шелковистой матеріи преобразили ее непостижимо. Развѣ это Эльза-Газель? Никогда!.

Она смотрѣла на себя, удивлялась и, по справедливости своей натуры, тотчасъ прямо созналась себѣ, что она стала хороша. И радостное довольство самою собой тотчасъ заставило замолчать въ ней и стыдъ и боль стыда. Женщина проснулась въ ней мгновенно и повелительно... Гнетъ спалъ, и гордое сознаніе „я красива“ подняло поникнутую голову, блеснуло въ глазахъ, шевельнуло губы въ лукаво-побѣдную улыбку.

Они будутъ шутить и смѣяться, но насмѣхаться надъ ней они не будутъ. Нельзя! Она, вотъ эта, видимая ею въ зеркалѣ, ей, здѣсь стоящей, это говоритъ. И она вѣритъ. Она даже увѣрена, что и они будутъ удивлены и пойманы. Насмѣшка не удастся. А онъ? Русскій!.. О, какъ дорого бы она дала, чтобы онъ не былъ тамъ, не приходилъ туда и не видалъ ее такою.

И наконецъ Эльза въ какомъ-то туманѣ, который окутывалъ все кругомъ нее—и лица, и предметы, и стѣны горницъ,—двинулась вслѣдъ за идущей графиней... Казалось, что всѣ чувства послѣ борьбы замерли въ ней или ушли внутрь, спрятались, замкнулись гдѣ-то... Только одно ясно ощущаетъ она—вѣянье воздуха на плечахъ и груди.

Но по мѣрѣ того, что она шла черезъ весь за́мокъ за графи-

ней, сопутствуемая Англичанкой, снова безпомощное отчаяніе и потерянность возвращались къ ней... Зеркало осталось тожь, она не видѣла себя, и снова сталъ сказываться одинъ стыдъ и стыдъ.

Чрезъ минуту въ мастерской артиста, окруженная всѣми, при яркомъ освѣщеніи, Эльза чувствовала себя какъ въ чаду, и всѣ чувства, замкнутыя по-прежнему гдѣ-то далеко, молчали, уступивъ мѣсто одной, всплывшей и будто хлынувшей потокомъ, ненависти къ этимъ людямъ.

Дѣвочка слышала голоса, видѣла около себя и артиста, и графа, и Камилла, но ни разу не взглянула никому въ лицо.. Аталина не было въ комнатѣ, и отъ этого на мигъ радостно встрепенулось сдрдце.

Ее посадили отдѣльно, ближе къ Психеѣ, и она сидѣла не шелохнувшись и опустивъ глаза въ землю. Изрѣдка она смотрѣла себѣ на плечи и на грудь и, разглядывая свою смуглую кожу, которая казалась ей еще темнѣе и желтѣе около розоваго шелка, она думала:

„Я вижу и они тоже видятъ!“

И это казалось ей дико, невозможно... И она пуще озлоблялась, а сердце громче стучало порывомъ гнѣва. Но затѣмъ быстро этотъ пылъ спадалъ, и снова сказывалосъ какое-то болѣзненное безсиліе и угнетеніе.

Между тѣмъ всѣ внутреннія терзанія, которыя испытывала дѣвочка, отражались на ее лицѣ. Гости артиста, сидѣвшіе за столомъ съ чаемъ и фруктами, изрѣдка приглядываясь къ ней, переставали болтать, перешептывались и улыбались, то забавляясь ея растерянностью, то удивляясь вдругъ смѣнившей ее суровости.

Виконтъ первый замѣтилъ, что „бѣсёнокъ“ укрощенъ только тѣмъ однимъ, что его немного обнажили. Стыдливость заглушила строптивость. Но изрѣдка пылъ прорывается...

Старый графъ часто взглядывалъ на Эльзу и первый замѣтилъ оригинальную сѣтку красивыхъ синихъ жилокъ, которыми была будто разрисована матовая смуглота тѣла.

Монклеръ сначала стоялъ истуканомъ, не спускалъ глазъ съ дѣвочки и быстро глянувъ на свою глиняную Психею, снова смотрѣлъ на Эльзу. Онъ будто сравнивалъ обѣихъ, но въ сущности соображалъ, что измѣнить въ бюстѣ своей статуи. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ, схватилъ со стола десертный ножикъ и началъ быстро скоблить, почти строгать плечи и руки своей Психеи.

— Ага! Что̀? крикнулъ ему виконтъ.—Le brigadier avait raison!

Много ли времени прошло съ тѣхъ поръ, что Эльза сидѣла то смущенно, то сурово понурившись среди весело болтавшаго и смѣявшагося общества, она даже не знала. Но вдругъ она двинулась, даже вздрогнула и, оторопѣвъ, будто сразу вся съежилась. Кровь стукнула въ голову, яркой краской зарумянивъ ей щеки, перехватила дыханіе.

Она увидѣла отворенную дверь и на порогѣ Аталина.

Онъ двинулся, подошелъ къ ней ближе и сталъ. Онъ, очевидно, смотрѣлъ на нее, даже разглядывалъ ее, но она этого не видѣла и сидѣла, приковавъ глаза къ полу, сгорбившись, какъ старуха, или какъ осужденная.

Всѣ заговорили заразъ, называя ее по имени, но она слушала и не понимала, будто оглушенная появленіемъ этого человѣка, котораго ей было во сто разъ стыднѣе всѣхъ другихъ.

Постепенно вновь прійдя въ себя, но еще съ бо̀льшимъ чувствомъ горечи при мысли, что и онъ теперь тоже видитъ ее, Эльза стала прислушиваться къ общему разговору. Всѣ говорили и спорили по поводу какой-то лошади, которая скакала и взяла призъ въ двѣсти тысячъ... Это изумило Эльзу... Но ей было не до того... Она спрашивала себя, отчего не слыхать голоса Аталина. Гдѣ же онъ и что̀ онъ?

Дѣвочка украдкой вскинула глаза къ столу гдѣ всѣ сидѣли кучкой, и увидѣла Аталина поодаль отъ нихъ, въ креслѣ, задумчиво молчащаго и глядящаго пристально на нее.

Глаза ихъ встрѣтились на одну секунду, и Аталинъ тотчасъ же поднялся и пошелъ къ дверямъ.

— Вы насъ покидаете? крикнула графиня.

— Для очень важнаго дѣла... отозвался онъ серьезно и вышелъ.

Эльза вздохнула свободнѣе, лицо ея пугливо-печальное слегка прояснилось... Теперь ей было чуть ли не все равно быть въ этомъ платьѣ. Послѣ чувства быть такъ при Аталинѣ, теперешнее ощущеніе было уже вполнѣ выносимо.

Но не прошло пяти минутъ, какъ снова отворилась дверь и снова онъ же былъ на порогѣ. Эльза вздохнула и снова понурилась больше и поникла головой.

„Опять му́ки начинаются!“

Но не успѣла дѣвочка подумать это, какъ Аталинъ подошелъ къ ней вплотную и наклонился къ ней съ поднятыми руками. Тѣнь отъ него, заслонившаго люстру, упала на нее.

— Господи! Что это! чуть не вслухъ вырвалось у нее.

Онъ близко, близко нагнулся къ ней. Дыханіе его повѣяло ей въ лицо. Онъ хочетъ обнять ее! Но вдругъ... ея обнаженныхъ плечей и груди коснулось что-то.

Эльза вздрогнула, а чрезъ мигъ тихо ахнула.

Огненно пылкимъ порывомъ, не отдавая себѣ отчета, она поймала обѣ его руки, протянутыя къ ея плечамъ, схватилась за нихъ и сильно стиснула ихъ въ своихъ рукахъ. Слезы показались въ глазихъ ея... Она зашевелила губами, но ничего не вымолвила, задавленная полнотою чувства.

Аталинъ принесъ и накинулъ ей на плечи большой креповый платокъ графини.

Все общество уже поднялось съ мѣстъ какъ по командѣ и совершенно заголосило вопрошая Аталина.

— Trahison! Traitre! кричалъ Камиллъ.

Въ отвѣтъ на смолкнувшій гулъ Аталинъ произнесъ тихо, но рѣшительно, съ суровымъ оттѣнкомъ въ голосѣ:

— Мнѣ ея стало жаль. Я не могъ этого вынести. Ей холодно съ непривычки.

— C'est ridicule, mon cher, воскликнула графиня и прибавила почто сердито:—Все-таки, Эльза, вы должны будете привыкать, потому что вы должны позировать такъ. Я этого требую.

Эльза румяная, улыбающаяся, съ веселымъ блескомъ въ глазахъ и во всемъ лицѣ, прежняя обычная Эльза—радостно обвела всѣхъ глазами.

— Я согласна... вымолвила она громко.—Но все-таки теперь позвольте...

— Да, да. Vous garderez cela, сказалъ Аталинъ, какъ бы приказывая. Мнѣ стало самому холодно глядя на васъ... прибавилъ онъ будто конфузясь.

— Merci, шепнула Эльза и, будто съ любовью прижимая къ груди скрещенными руками бѣлый платокъ, глянула ему въ глаза съ той же любовью.

— Oh, j'ai vu le manège! воскликнулъ Камиллъ, замѣтившій и оцѣнившій этотъ взглядъ прежде самого Аталина.

— Mais c'est à payer les places! громогласно вскрикнулъ Монклеръ. Дѣвочка сочла себя опозоренной, а Русскій ея спасаетъ отъ позора и боится сказать ей эту ужасную правду. Онъ говоритъ ей о холодѣ среди жары и духоты... Oh, sainte pudeur! Oh, ma mère...

— Мнѣ не было холодно, рѣзко обернулась къ нему Эльза, снова слегка вспыхнувъ. Мнѣ было стыдно. Я не привыкла. И никогда не привыкну. Это гадко! Для васъ я съ завтрашняго дня буду такъ позировать. Вы—мнѣ все равно... Но носить такія платья когда-либо?.. Никогда! Quelle horreur d'invention! съ отвращеніемъ воскликнула она.

Затѣмъ она повернула голову къ Аталину и съ лицомъ магически быстро измѣнившемся, яснымъ, привѣтливымъ, любящимъ, прибавила страстно:

— Merci monsieur... Je ne l'oublierai jamais!

Все общество искренно и гулко разсмѣялось, покатилось со смѣху отъ оттѣнка ея голоса. Но Аталинъ, все еще стоя предъ ней недвижимо, даже не улыбнулся.

Эльза мотнула на нихъ головой, потомъ посмотрѣла прямо ему въ глаза и шевельнула губами:

— Laissez les... чуть внятно долетѣло до него.

XXXVI.

На утро въ за́мкѣ, когда всѣ поднялись, жизнь пошла не обычно просто... Между обитателями и русскимъ гостемъ будто пробѣжала черная кошка.

Вопервыхъ вечеръ художника не удался, ибо разстроился раньше чѣмъ предполагали. Послѣ исторіи съ платкомъ Аталинъ былъ сумраченъ, молчалъ и чувствуя, что стѣсняетъ общество, вскорѣ простился и ушелъ, холодно посовѣтовавъ отпустить спать и дѣвочку.

— Menez la faire dodo vous meme, сухо отозвалась графиня ему вслѣдъ. Эльзу однако тотчасъ отпустили и, оставшись одни, всѣ стали обсуждать поступокъ Аталина въ особенности и характеръ полудикой его націи вообще.

Монклеръ называлъ исторію съ платкомъ и съ „холодомъ"— аффектаціей, кривляньемъ.

Графъ увѣрялъ, что подобное въ нравахъ Русскихъ, у которыхъ много пуританизма въ мелочахъ и отчасти водится pruderie mal placée.

Виконтъ Камиллъ рѣшилъ окончательно и безповоротно, что Аталинъ влюбился въ красивую креолку и самъ этого еще не знаетъ.

Что касается до графини, то она только замѣтила кратко,

что умные люди на то и умные, чтобы быть способными на всякія глупости. Однако она была серьезно разсержена на Аталина и вскорѣ уйдя къ себѣ, какъ бы подала сигналъ расходиться.

На утро она все еще дулась на своего гостя. Это повело къ объясненію между ними, и они наговорили другъ другу колкостей. Графиня находила поступокъ Аталина глупымъ и даже невѣжливымъ по отношенію къ ней, какъ хозяйкѣ. А онъ находилъ ея затѣю съ декольтированнымъ платьемъ—жестокостью по отношенію къ дѣвушкѣ-полуребенку.

Затѣмъ Монклеръ при утренней встрѣчѣ съ Аталинымъ сказалъ ему, пожимая плечами:

— Вы стóите другъ друга... Эта обезьяна, потому ли, что Креолка и вы, потому ли, что Русскій,—видите вещи ясно, но къ верху ногами. Вы умны на словахъ, но будто ограничены въ поступкахъ... И въ концѣ-концовъ и вы, и она,—извините, de droles de pistolets.

Аталинъ въ отвѣтъ на это сказалъ, что артисты властные люди въ дѣлѣ „формы", когда касается искусства, по странному психологическому противорѣчію почти всегда люди не понимающіе или просто не признающіе формы въ общежитіи и сношеніяхъ съ людьми. Они не желаютъ стѣснять себя даже въ своихъ прихотяхъ до невѣжливости и до жестокости... Что загорѣлось,—вынь да положь, хоть удавись.

Наконецъ виконтъ окончательно разсердилъ Аталина, высказавъ серьезно подозрѣніе, что онъ влюбленъ въ Эльзу, хотя въ этомъ не сознается даже себѣ самому.

Аталинъ отозвался, что у бульварныхъ франтовъ, героевъ изъ café Americain, только и на умѣ, что дешевая влюбчивость на сутки во всякую шмыгнувшую мимо носу юбку.

И всѣ были не въ духѣ. Даже промолчавшая наканунѣ весь вечеръ миссъ Кетъ была мрачна. Вопервыхъ, несмотря на ея decolté, ее вчера будто никто не замѣтилъ, и ни одного комплимента она не получила, а вовторыхъ, „тщедушный Негритенокъ" очевидно имѣлъ полный успѣхъ. Всѣ четверо мужчинъ каждый на свой ладъ интересовались ею. И Англичанка, разбранивъ мальчиковъ за утреннимъ урокомъ, сказала затѣмъ дерзость графу, отославъ его къ юбкамъ Негритенка, а послѣ отца набросилась на сына и наговорила виконту tout un paquet de sottises, какъ пожаловался онъ мачихѣ.

И угрюмо бродившіе по горницамъ обитатели и не воображали,

что въ за́мкѣ предстоитъ еще худшее, нежданное и негаданное...

Монклеръ, отпустивъ наканунѣ гостей отъ себя, проработалъ до разсвѣта съ пыломъ и азартомъ истаго художника и пробившись надъ плечами и грудью своей Психеи, былъ въ возбужденномъ и нервномъ состояніи. Онъ почти не притронулся къ завтраку, и идя къ себѣ рѣзко-капризно и повелительно сказалъ, какъ бы приказалъ, графинѣ немедленно послать къ нему для сеанса Эльзу во вчерашнемъ открытомъ платьѣ...

— Если она его надѣнетъ, отозвалась графиня

— Пустяки. Не надѣнетъ, такъ надѣньте.

— У нея есть защитники, иронически усмѣхнулась хозяйка.

— Я васъ прошу не шутить, почти желчно сказалъ артистъ.— Мнѣ не до шутокъ. Я ловлю моменты, въ которые я творю, а не просто пачкаюсь въ глинѣ. Мнѣ дорого это время. И я вамъ заявляю, что церемониться не стану съ вашею обезьяной. Не надо было начинать. А когда фигура почти окончена въ чернѣ и нужны детали, то не бросать же мнѣ избранную модель и лѣпить статую съ Жюли... А то предложите ужь Изидора... А выдумывать, чтобы портить, я не хочу. Ждать тоже не хочу... Такъ поэтому soyez assez bonne, faites moi grace de vos simagrées.

И Монклеръ вышелъ быстро изъ комнаты.

Художникъ дѣйствительно чувствовалъ себя какъ на угольяхъ отъ нетерпѣнія работать и скорѣе справиться съ бюстомъ своей Психеи... Для всего торса онъ уже рѣшилъ ѣхать въ Парижъ. Но теперь, сейчасъ, нужны плечи и грудь. Въ его настроеніи раздражительно-нетерпѣливомъ, но восторженномъ, жгучемъ и властномъ былъ залогъ для него полнаго и быстраго успѣха. Это были минуты вдохновенія, независимаго, ни отъ него самого, ни отъ обстоятельствъ. Оно приходитъ и даже будто падаетъ съ неба и летитъ, мчится мимо. И надо ловить, поймать... Это сладкая дремота съ грезами и надо дремать, не надо допускать себя пробудиться къ дѣйствительной жизни и очутиться среди безсилія въ себѣ и пошлости кругомъ.

— Да, сейчасъ! бормоталъ онъ придя въ мастерскую. — Я знаю, что̀ схвачу. И сочетаю, солью въ одно... Живое, живущее, говорящее... Не свѣтильникъ въ рукѣ долженъ объяснять, кто она и что̀ дѣлаетъ... А само лицо и тѣло пусть говорятъ почему рука схватила свѣтильникъ. Она идетъ палимая страстью и снѣдаемая любопытствомъ женщины, но съ робостью и трепе-

томъ дѣвочки наивно вѣрящей, что обрѣтетъ страшное чудовище, во тьмѣ ее восхитившее и ею боготворимое... Да, да... Такъ... Только скорѣе, скорѣе... Ахъ, проклятая обезьяна. Будь эта простая натурщица... Triple singe, trois fois maudit!

Только чрезъ часъ отворилась дверь мастерской и Эльза во вчерашнемъ розовомъ платьѣ, но съ тѣмъ же бѣлымъ платкомъ на груди вошла тихо и сумрачно.

— Enfin! воскликнулъ Монклеръ.

Онъ затворилъ дверь балкона, поправилъ занавѣси на окнахъ и обернулся. Эльза стояла, не двигаясь, среди горницы.

— Ну-съ... Пожалуста, sans grimaces. Мнѣ это начинаетъ надоѣдать. Не надо было соглашаться, если у васъ такой милый характеръ. А теперь поздно. Это вотъ... показалъ онъ на статую,—важнѣе вашихъ причудъ... Снимайте платокъ и садитесь.

Эльза не отвѣтила ни слова... Она сбросила платокъ на диванъ и, слегка смущаясь, приблизилась. Художникъ невольно улыбнулся. Матовая смуглота дѣвочки, благодаря розовому платью, казалась при дневномъ свѣтѣ еще оригинальнѣе. Она была еще красивѣе и эффектнѣе, чѣмъ при вечернемъ обманчивомъ освѣщеніи.

Эльза сѣла на стулъ около своего глинянаго двойника и тотчасъ задумалась.

„Да, не надо было соглашаться! начала она мысленную рѣчь. Да, но тогда не повстрѣчать бы и не узнать Русскаго, этого добраго Русскаго. Oh, comme je l'aime... Немногимъ меньше Этьена. И это въ три дня...“

XXXVII.

Прошелъ часъ. Монклеръ, страстно принявшись за работу, ни на минуту не оторвался, усиленно дыша и часто вздыхая глубоко.

Плечи и руки были наконецъ побѣждены.. Было то, что онъ вчера надѣялся уловить только отчасти, а теперь взялъ полностію...

Выкуривъ сигаретку молчаливо и будто озабоченно, художникъ снова вооружился своей скульпторскою лопаточкой. Постоявъ недвижно и молча середи горницы, онъ сталъ какъ-то бродить вокругъ глиняной фигуры на постаментѣ и вокругъ сидящей Эльзы. Онъ странно взглядывалъ на обѣихъ дѣвочекъ, и на ко-

ричневую глиняную и на живую смуглянку... Онъ будто волновался... Собирался заговорить и сдерживался. То останавливался онъ, глядя въ полъ, то снова взглядывалъ пристально на Эльзу блестящими глазами и снова шелъ кругомъ нея и кругомъ своей Психеи.

— Послушайте... вымолвилъ онъ наконецъ, нервно сжимая въ рукѣ свою лопаточку. — Послушайте. Будьте умницей... Будьте милы... Поймите, сообразите, прежде чѣмъ отвѣчать. Я васъ прошу, умоляю. Мнѣ необходимо, какъ художнику... Мы здѣсь одни, и это останется между нами. Никто не узнаетъ!.. Я васъ прошу на нѣсколько минутъ разстегните и опустите... Вотъ это...

Онъ подошелъ къ Эльзѣ и показалъ ей край открытаго лифа, обхватившій ея плечо.

Она устремила на него удивленные глаза и очевидно почти ничего не поняла изъ его словъ.

— Вотъ это, повторилъ онъ. — Только съ одного плеча. На нѣсколько минутъ. Я для васъ не мужчина. Я художникъ... Мнѣ нужно это взять и ей дать... восторженно показалъ онъ на свою работу.

— Что̀ взять... Я васъ не понимаю.

— Разстегните и опустите лифъ и сорочку... Вотъ такъ... До сихъ поръ... показалъ онъ до пояса.

— Что̀?!. воскликнула Эльза. И перемѣнившись въ лицѣ, она вспыхнула, но стала снова быстро блѣднѣть.

— Я васъ умоляю.

— Это... Это вѣдь... Отъ васъ я этого не ждала, произнесла Эльза глухо, но съ негодованіемъ. — Это безсмысленно! И это уже дерзость грубаго или невоспитаннаго человѣка.

— Это мольба артиста... Поймите! Это мнѣ необходимо... Ради Бога.

— Vous perdez la raison! Я васъ прошу прекратить этотъ неприличный разговоръ...

— Такъ я насильно заставлю васъ! вскрикнулъ вдругъ Монклеръ, тоже измѣнившись въ лицѣ отъ гнѣва.

— Par exemple! злобно вырвалось у Эльзы. Меня?! Заставить!! И она разсмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

Монклеръ шагнулъ къ ней, протягивая руку, но она вскочила со стула и выпрямилась гордо и вызывающе. Глаза ея будто искрились, а губы подергивало...

Монклеръ, совершенно взбѣшенный, подступилъ ближе, и, схва-

тивъ край лифа, потянулъ его съ плеча... Эльза порывисто рванулась и шелкъ съ полотномъ конечно не выдержали... Рука артиста выскользнула изъ широко-разорванной одежды дѣвочки, а клочья, повиснувъ, обнажили часть груди... Эльза кинулась къ дивану за платкомъ.

— Я настою на своемъ! вскрикнулъ онъ внѣ себя и вдругъ быстро пройдя къ двери, схватился за ручку и ключъ. Замокъ гулко звякнулъ два раза.

Но въ тотъ же мигъ Эльза блѣдная, какъ полотно, съ искаженными чертами лица бросилась къ противуположной стеклянной двери и, размахнувъ ее съ дребезгомъ стеколъ, выскочила на балконъ.

Монклеръ сталъ, какъ вкопаный, среди комнаты и глядѣлъ на нее будто изумленный предположеніемъ.

— Вы съ ума сходите, крикнулъ онъ.—Войдите.

Эльза покачала головой и пристально смотрѣла на него злобнымъ взглядомъ.

— Войдите... Я отопру дверь... Входите...

— Позовите графиню.. А такъ? Ни за что! глухо проговорила она.

Монклеръ сталъ тихо приближаться къ балконной двери.

Эльза быстро и ловко перемахнула чрезъ перила балкона и стала наружѣ, просунувъ носки въ рѣшетку и держась за нее руками...

— Вы безумная... Вы расшибетесь... Идите. Входите. Я васъ не трону. Не надо...

И Монклеръ уже на порогѣ балкона совершенно испуганный стоялъ въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать.

„Поймать ее! думалось ему.—Свалится какъ-нибудь и расшибется... Надо сразу...

— Я васъ умоляю... Я вамъ обѣщаю, что отопру дверь и не буду болѣе настаивать... Полноте... Идите.

— Позовите графиню!

— Я не хочу. Это скандалъ. Надо тогда объяснить ей все. Оставимте это промежъ насъ... Будьте умницей. Идите.

Эльза молча замотала головой, не спуская съ него горящаго взгляда.

Монклеръ вдругъ однимъ махомъ бросился къ ней и, схвативъ ее за обѣ руки, хотѣлъ обхватить вокругъ туловища, чтобы перенести насильно чрезъ перила... Но Эльза съ мужскою силой

вырвала одну руку и сильнымъ толчкомъ въ его грудь совсѣмъ оторвалась отъ него. А затѣмъ, повиснувъ обѣими руками за рѣшеткой на одно мгновеніе, она вдругъ исчезла совсѣмъ изъ его глазъ.

Монклеръ вскрикнулъ и, перевѣсившись чрезъ перила, глянулъ внизъ.

Эльза упала, лежала на боку среди клумбы, обдѣланной каменьями, и не вставала... Онъ съ трепетомъ въ голосѣ три раза назвалъ ее, но она не двигалась...

Онъ кинулся вонъ изъ мастерской и бѣгомъ пустился по зàмку.

Разстояніе болѣе двухъ саженъ и неловкій скачокъ сдѣлали то, что Эльза, упавъ на ноги, съ маху повалилась навзничь, и попала головой на крупный камень бордюра клумбы. Ударъ ошеломилъ ее и лишилъ сознанія.

Чрезъ минуту весь домъ, отъ самой графини до прислуги включительно, былъ на ногахъ, и всѣ, сбѣжавшись подъ балконъ, окружили дѣвочку, лежавшую безъ чувствъ... Всѣ суетились, совѣтывали, спорили и не сразу столковались.

— Pauvre ange! воскликнула графиня, когда Эльзу подняли и понесли бережно въ замокъ.

— Un ange?! крикнулъ въ отвѣтъ Монклеръ внѣ себя.—Un ange endiablé alors...

Графъ Саліасъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо первое.

Исторія одного предпріятія конца XIX вѣка. — Переименованіе башни Эйфеля. — Сказка старой башни. — «Великій воинъ, ты въ то же время плутъ.» — Газетная музыка. — Пляска милліоновъ. — Homo novus. — Мысль дороже совѣсти. — Такса парламентскихъ голосовъ.

Парижъ, 1 (13) декабря 1892.

La pena e Zoppa, ma pure arriva!

(Итальянская пословица).

Изъ окна комнаты, гдѣ я пишу это письмо, я вижу стройную вышку башни Эйфеля, выползающую изъ вечерняго тумана. Когда ночная мгла окутаетъ Парижъ, медленно задвигается электрическій фонарь на башнѣ, и при каждомъ поворотѣ его я увижу на небѣ яркую красную, синію или бѣлую точку, сверкающую точно новая, невѣдомая звѣзда. Иногда фонарь остановится, кладя на Парижъ длинный и бѣлый косой лучъ, который всегда кажется мнѣ фантастическою рукой фантастическаго гиганта. Сколько разъ я любовался этою башней, сколько разъ, возвращаясь ночью по Елисейскимъ полямъ, я мечталъ при ласковомъ свѣтѣ ея огоньковъ. Этотъ величайшій въ мірѣ памятникъ человѣческихъ рукъ являлся для меня олицетвореніемъ XIX вѣка съ его ненасытною жаждой знанія, съ его гордыми побѣдами надъ грозными и таинственными силами природы, вѣка пара и электричества, телефона и воздушныхъ шаровъ, вѣка продлившаго человѣческую жизнь, въ милліонъ разъ увеличившаго силу человѣческаго слуха и зрѣнія, открывшаго безконечное количество безконечно малыхъ и безконечно большихъ міровъ. Да, все

это олицетворялось для меня башней Эйфеля. Ей я обязанъ многими счастливыми минутами мечты и волненія. Помню, — не смѣйтесь — слезы душившія меня, когда въ первый разъ, въ день открытія всемірной выставки, я увидѣлъ ее въ сверкающемъ огненномъ одѣяніи съ головы до ногъ, гордою и торжествующею при свѣтѣ бенгальскихъ огней, при страстныхъ звукахъ Марсельезы, вырывавшихся изъ милліона грудей. „Ты скажешь будущимъ поколѣніямъ, думалъ я, что XIX вѣкъ былъ вѣкомъ большихъ усилій и большихъ побѣдъ благородной мысли надъ грубою матеріей, и благодарное потомство будетъ смотрѣть съ благоговѣніемъ на твое старое, но вѣчно стройное тѣло!“

Теперь мнѣ стыдно за всѣ эти экстазы. Вотъ уже нѣсколько дней, когда мнѣ случится ночью взглянуть въ окно и я увижу эту башню, мнѣ хочется ей показать кулакъ. Когда я увижу длинный и бѣлый косой лучъ, который она бросаетъ на Парижъ, онъ все еще кажется мнѣ рукой фантастическаго гиганта, но гиганта вора, протянувшаго руку въ ночной темнотѣ, чтобъ ограбить мирно спящихъ жителей, стянувъ съ нихъ даже одѣяло. Когда я вижу яркія точки ея электрическаго фонаря, я вспоминаю Бретонцевъ временъ Юлія Цезаря и Среднихъ Вѣковъ, гонявшихъ ночью по морскому берегу быковъ съ привязанными къ ихъ рогамъ фонарями, чтобы привлечь на берегъ заблудившихся моряковъ и, посадивши на мель, ограбить. Подлая башня! Она будетъ торчать цѣлые вѣка, но будетъ свидѣтельствовать вовсе не о нашихъ трудахъ и побѣдахъ, а объ одномъ изъ величайшихъ, безпримѣрномъ въ исторіи мошенничествѣ, и будетъ она называться не башней Эйфеля, а „башней Панамскаго вора“. Это ли не скандалъ! И ежели бы она говорила только о позорѣ одного человѣка. Такъ нѣтъ же. Она будетъ свидѣтельствовать о нравахъ цѣлаго общества доживаемаго нами вѣка, будетъ разсказывать потомству страшныя сказки. „Въ то время,—будетъ она шептать всѣмъ своимъ желѣзнымъ скелетомъ,—были люди, которые добивались величайшей въ мірѣ чести—права представлять собою согражданъ, издавать законы, охранять общество отъ хищниковъ и злодѣевъ, — и эти люди продавали за деньги свои полномочія. Въ то время были люди, которые послѣ долгой и кровавой борьбы многихъ поколѣній получили въ руки одно изъ самыхъ святыхъ и могучихъ орудій, когда-либо данныхъ человѣчеству,—свободу печати. Посредствомъ нея они должны были исправлять общество, говоря ему правду, проповѣдуя на-

чала добра и честности, охраняя отъ лицемѣровъ, развратителей, соблазнителей, отъ мыслящихъ дурное, отъ посягающихъ на достояніе его и членовъ его. И люди, имѣвшіе въ рукахъ это орудіе, какъ Исавъ, какъ Іуда, продали его за чечевичную похлебку, за тридцать сребрениковъ. И послѣ этого они даже не повѣсились! Напротивъ, они наслаждались цѣною своей измѣны, а обманутые ими сограждане отправлялись по міру просить милостыню, многіе изъ нихъ помирали съ голоду, другіе сходили съ ума, вѣшались, топились, стрѣлялись". И въ доказательство башня будетъ разсказывать изумленному и негодующему потомству исторію о томъ, какъ въ XIX вѣкѣ рылись каналы, имѣвшіе соединить между собою моря и океаны. Много достанется тогда Фердинанду Лесепсу, Эйфелю, современнымъ финансистамъ и банкирамъ!

* * *

Вчера еще „великій Французъ" былъ побѣжденный, лежачій, котораго не бьютъ. Въ обществѣ, въ летучихъ листкахъ, продававшихся на улицахъ особыми разносчиками, очень рѣдко въ книгахъ, и еще рѣже въ газетахъ говорились, правда, ужасныя вещи. Но о какомъ выдающемся человѣкѣ чего не говорятъ! Было само собою понятно, что все противное Лесепсу—клевета, вызванная шантажными намѣреніями, и на которой серьезному человѣку не стоитъ даже останавливаться. Съ дѣтства мы всѣ привыкли уважать это имя, окруженное ореоломъ славы, энергіи и безкорыстія. Дипломатъ, замѣшанный въ историческомъ событіи сорокъ восьмаго года, другъ Маццини, съ которымъ онъ столько разъ обнимался (онъ самъ это много разъ разсказывалъ на своихъ публичныхъ конференціяхъ и въ своей книгѣ Les origines du canal de Suez), затѣмъ авторъ Суэзскаго канала, сдѣлавшагося достояніемъ всего цивилизованнаго міра. Человѣкъ, который съ такой гордостью говорилъ: „Я не могу предать моего дѣтища коршунамъ и волкамъ-финансистамъ. Я работаю не для того, чтобы наполнять ихъ сундуки. Я хочу сдѣлать великое дѣло безъ задней мысли, безъ личнаго денежнаго интереса. Вотъ почему Богъ далъ мнѣ до сихъ поръ видѣть ясно и избѣжать подводныхъ камней; я останусь непоколебимо на этомъ пути!" Развѣ можно было заподозривать такого человѣка, облеченнаго кличкой „великаго Француза", помня, что Христофоръ Колумбъ, благодаря лжи и клеветѣ, кончилъ жизнь въ тюрьмѣ и въ кандалахъ?

Нельзя было, рѣшительно нельзя было. Стоило, впрочемъ, увидѣть разъ его мощную и открытую фигуру, услышать его простодушную, фамильярную рѣчь, чтобы разъ и навсегда убѣдиться, что Лесепсъ—олицетворенная прямота, абсолютная честность. За то какъ же его любили, какъ ему вѣрили! Помню,—я только что пріѣхалъ тогда въ Парижъ,—я прочелъ въ газетахъ, что Лесепсъ прочтетъ въ большомъ залѣ Сорбонны публичную лекцію о проектѣ капитана Рудера превратить Сахарскую пустыню въ море. И я не могъ дождаться вечера, чтобъ отправиться послушать великаго человѣка. Когда я подходилъ къ ученому зданію, узенькая улица была загромождена великолѣпными купе, фіакрами и пѣшеходами. Весь дворъ былъ биткомъ набитъ публикой. Мнѣ однако удалось цѣной большихъ усилій пробраться въ залъ. Огромный амфитеатръ за часъ до начала былъ уже переполненъ сверху до низу, дышать нельзя было. И вся эта масса головъ вдругъ заволновалась, нѣсколько тысячъ рукъ протянулось впередъ, и вмѣстѣ съ нескончаемымъ трескомъ аплодисментовъ раздались восторженные крики: Vive Lesseps! когда внизу, въ небольшомъ полукругѣ появился лекторъ. Это было въ 1880 году. Знаменитый строитель представлялъ собою тогда, несмотря на свои семьдесятъ пять лѣтъ, здороваго старика съ круглою, коротко-остриженною головой и съ могучими плечами. Привыкшій къ оваціямъ, онъ ласково улыбнулся, опустилъ голову, опять поднялъ ее и заговорилъ тономъ добраго учителя съ учениками. Одна фраза изъ тогдашней его конференціи до сихъ поръ раздается еще въ моихъ ушахъ. Она произвела на меня большое впечатлѣніе. Говоря о затрудненіяхъ, которыя встрѣтилъ вначалѣ его проектъ Суэзскаго канала, онъ напомнилъ между прочимъ, что Академія Наукъ отвергла его потому, что этотъ каналъ никогда не наполнится водой.—„А я, воскликнулъ старецъ, выпрямляясь, взялъ ее за шиворотъ и втолкнулъ въ мой каналъ“!. Еслибы вы знали, какой энтузіазмъ вызвала эта гордая фраза! Сколько восторговъ, сколько овацій даже потомъ на улицѣ, когда лекція кончилась и Лесепсъ въ сопровожденіи свиты пробирался къ своей каретѣ!

Мнѣ случалось потомъ не разъ встрѣчать его въ Булонскомъ лѣсу въ его знаменитомъ шарабанѣ, наполненномъ безконечнымъ количествомъ маленькихъ Лесепсовъ. Ихъ было не меньше десятка. Ежегодно газеты съ большою радостью сообщали о новомъ прибавленіи его обширнаго семейства. И толпа на гуляньѣ

привѣтливо провожала глазами популярный шарабанъ, очень многіе ломали шляпы. Все, что касалось Лесепса, все что онъ сказалъ, что сдѣлалъ, даже рожденіе на свѣтъ новаго Лесепса,—все интересовало, все умиляло, все возвышало его въ глазахъ публики.—Великіе люди, говорили, во всемъ необыкновенны: въ восемьдесятъ лѣтъ у него еще рождаются дѣти!.. Правда, эта плодовитость великаго старца внезапно прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ лошадь разбила его интимнаго друга, блестящаго и молодаго офицера. Но все равно, маленькихъ Лесепсовъ довольно родилось какъ разъ въ самое нужное время: затѣвалось Панамское предпріятіе, и враги утверждали, что оно не удастся, потому что душа его, Лесепсъ,—старъ и разслабленъ. Рожденіе у него дѣтей—было лучшимъ опроверженіемъ этихъ злостныхъ клеветъ.

Позже я самъ познакомился съ „прорывателемъ каналовъ" и нашелъ его тогда очень измѣнившимся. Но объ этомъ въ свое время. Пока важно только слѣдующее сопоставленіе. Былъ себѣ человѣкъ великъ и славенъ въ теченіе по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцати пяти. Всѣ правительства Франціи, смѣнившіяся за послѣднія сорокъ слишкомъ лѣтъ, относились къ нему съ почетомъ, съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. При революціонномъ правительствѣ 1848 года онъ былъ посланникомъ въ Мадридѣ и въ Римѣ, при имперіи состоялъ кузеномъ императрицы, при третьей республикѣ—„великимъ Французомъ", и еще очень недавно сравнительно правительство г. Фрейсине отправило его въ качествѣ какъ бы чрезвычайнаго посла въ Берлинъ. Въ этомъ своемъ качествѣ Лесепсъ былъ приглашенъ за императорскій столъ, гдѣ за десертомъ, развернувши планъ Панамскаго канала, объяснялъ высокимъ хозяевамъ и ихъ гостямъ „свою" идею и въ какомъ положеніи находятся работы. Не знаю, приглашалъ ли онъ присутствующихъ на торжество открытія канала, но это очень возможно... И вдругъ повѣстка отъ судебнаго слѣдователя: пожалуйте для объясненій, вы обвиняетесь въ *мошенничествѣ* (буквально такъ)!

Это извѣстіе не какъ громомъ, нѣтъ,—такое сравненіе слишкомъ слабо,—какъ колоссальный динамитный взрывъ, который сдѣлалъ бы огромное количество жертвъ, поразилъ Парижъ. Еще наканунѣ было много людей, которые вѣрили, хотѣли вѣрить, что въ Панамскомъ крахѣ Лесепсъ былъ морально невиновенъ, что онъ самъ сдѣлался жертвой его, что, наконецъ, онъ могъ ошибаться, но рукъ своихъ не пачкалъ, сѣдой головы своей не

позорилъ. Всѣмъ извѣстно было, что правительство больше кого бы то ни было щадило этого человѣка, какъ предметъ національной гордости, и что если оно могло быть пристрастно, то только въ его пользу. Ежели, несмотря на все это, оно все-таки рѣшилось преслѣдовать его, значитъ улики были черезчуръ очевидны, дѣло слишкомъ преступно, прятать его не представлялось никакой возможности. Не забудьте, что слѣдствіе длилось болѣе двухъ лѣтъ; его намѣренно затягивали въ надеждѣ, что смерть своимъ чернымъ крыломъ укроетъ главнаго обвиняемаго отъ преслѣдованій и закроетъ уста обвинителямъ. Но восьмидесятисемилѣтній старикъ упорно отказывался умирать, а общественное правосудіе больше ждать не могло.

Дѣло, въ которомъ обвиняются Лесепсъ и К°, возмутительно до отвращенія. Они пустили по міру 800.000 маленькихъ людей, погубили, то-есть раскрали, главнымъ образомъ, полтора милліарда, развратили печать и парламенты безпримѣрными въ исторіи подкупами, и, провалившись, бросили на всю современную Францію крайне невыгодную тѣнь. Дѣло это было зачато во лжи и обманѣ, жило воровствомъ и насиліемъ, и умерло такъ же нечисто, какъ родилось. Исторію его необходимо знать всякому.

* * *

Мысль о прорытіи Панамскаго перешейка принадлежитъ одному изъ членовъ семьи Бонапартовъ, по побочной линіи, Люсьену Бонапарту Уайзу. Это родной братъ извѣстной madame Ратацци, скандальный процессъ которой занималъ въ прошломъ году одно время вниманіе Франціи. Вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ генераломъ Тюрромъ Уайзъ основалъ въ 1876 году общество съ цѣлью привести въ исполненіе давно лелѣянный имъ планъ. Въ томъ же году Уайзъ и одинъ флотскій офицеръ, Арманъ Реклю, отправлены были на мѣсто съ порученіемъ изслѣдовать область, по которой долженъ былъ пройти предполагаемый каналъ и получить на сооруженіе его разрѣшеніе правительства Колумбіи. Изслѣдованіе было сдѣлано слишкомъ на скорую руку (въ 14—15 дней), чтобъ его можно было считать серьезнымъ. Но разрѣшеніе было получено,— а въ этомъ вся суть. Вернувшись въ Парижъ, Уайзъ сталъ подумывать о томъ, чтобы выпустить акціи и немедленно приступить къ дѣлу. Время было благопріятное: только что оправившаяся отъ „ужаснаго года“ страна искала дѣла для своихъ капиталистовъ, еще не напуганныхъ крахами. Удача могла

быть. На бѣду, ни Тюрръ, итальянскій выходецъ, ни самъ Уайзъ не пользовались достаточной извѣстностью, чтобъ ихъ имена могли привлечь нужныя сотни милліоновъ. Естественнѣе всего было поставить во главѣ предпріятія человѣка, имя котораго было извѣстно всему міру, и который былъ силенъ тѣмъ, что онъ уже привелъ въ исполненіе одно такое дѣло, къ великой радости кармановъ акціонеровъ. Я говорю о Лесепсѣ. Къ нему Уайзъ и обратился. Лесепсъ еще раньше интересовался этимъ проектомъ, то-есть проектомъ соединенія Атлантическаго океана съ Тихимъ, все равно, какъ это будетъ достигнуто. Такъ, онъ публично одобрилъ проектъ канала черезъ Никарагуа. Но когда Уайзъ предложилъ ему свой, онъ безъ колебаній одобрилъ его и согласился содѣйствовать ему. Содѣйствіе это заключалось въ томъ, что онъ, ни мало не задумываясь, присвоилъ себѣ чужую мысль и планъ, выдавъ себя на бывшемъ тогда въ Парижѣ международномъ географическомъ конгрессѣ за единственнаго исполнителя. Вотъ буквально что̀ онъ сказалъ: „Предъ тѣмъ, какъ мы разстанемся, я долженъ сознаться, что въ теченіе этого конгресса пережилъ большую борьбу. Двѣ недѣли тому назадъ я не думалъ, что принужденъ буду стать во главѣ новаго предпріятія. Лучшіе друзья мои старались отговорить меня отъ этого, говоря, что послѣ Суэца я долженъ отдохнуть. Такъ нѣтъ же! Когда спрашиваютъ генерала, выигравшаго первое сраженіе, хочетъ ли онъ выиграть второе, онъ не можетъ сказать: нѣтъ“.

Вы понимаете, что настоящимъ генераломъ этого дѣла былъ Уайзъ. Лесепсъ самовольно занялъ мѣсто. Но послѣ такого публичнаго заявленія дѣлать было нечего: отстранить его—значило испортить все. Лесепсъ это отлично понялъ и потому сразу перемѣнилъ тонъ съ Уайзомъ и его обществомъ. „Господа, сказалъ онъ имъ, я не могу взяться организовать такое предпріятіе съ посторонними людьми, которые могли бы обязать мою отвѣственность. Вы очень почтенные господа, отдаю вамъ сколько угодно справедливости, но я не могу, взявшись за такую задачу, какъ эта, раздѣлять отвѣтственность съ кѣмъ бы то ни было. У меня свои идеи, которыя не принадлежатъ первому встрѣчному: я долженъ имѣть, стало-быть, полную свободу дѣйствій“. Однимъ словомъ, пріемный отецъ вытолкалъ изъ дома законнаго. Но Уайзу особенно жаловаться нечего: онъ получилъ за свои труды десять милліоновъ франковъ отступныхъ. Въ горѣ было чѣмъ утѣшиться!

Лесепсъ такимъ образомъ оказался новымъ хозяиномъ пред-

пріятія. Онъ находился въ это время въ самомъ радужномъ настроеніи, но слишкомъ понадѣялся на собственныя силы. „Мнѣ не нужны, говорилъ онъ, ни печать, ни банкиры. Я самъ лично обращусь къ народу, и онъ придетъ ко мнѣ на помощь". Такъ онъ и сдѣлалъ. Для человѣка его лѣтъ онъ обнаружилъ чрезвычайную энергію. Онъ разъѣзжалъ по провинціи, читалъ вездѣ публичныя лекціи, разсказывалъ свою біографію (вышеприведенный разговоръ съ Уайзомъ взятъ изъ одной изъ этихъ лекцій), обѣщалъ золотыя горы, прибѣгалъ, какъ тонкій психологъ, ко всевозможнымъ хитростямъ современной рекламы, особенно къ тѣмъ, которыя могутъ дѣйствовать на женское воображеніе. Въ іюнѣ (дѣйствіе происходитъ въ 1879 году), наканунѣ перваго выпуска облигацій, онъ пріѣзжаетъ въ Нантерръ (городокъ, лежащій въ двухъ шагахъ отъ Парижа), какъ разъ въ то время, когда тамъ происходило вѣнчаніе „rosiere". По окончаніи церемоніи великій человѣкъ обнялъ сконфуженную дѣвственницу и обратился къ ней съ такими словами: „Mademoiselle, первая акція Панамской компаніи будетъ записана на ваше имя!" Этотъ эпизодъ, о которомъ протрубила печать по всѣмъ концамъ Франціи, произвелъ большую сенсацію въ женскомъ мірѣ; великій Французъ поставилъ свое предпріятіе подъ покровительство прекрасной половины рода человѣческаго. Два года спустя Лесепсъ могъ заявить на общемъ собраніи акціонеровъ, что „въ числѣ ихъ находится 16.000 женщинъ лично подписавшихся, помимо семейныхъ подписокъ".

Да, только два года спустя. Въ первый разъ подписка потерпѣла ужаснѣйшее фіаско, деньги пришлось возвратить. Произошло это потому, что печать и банкиры обидѣлись. Человѣкъ вздумалъ весь пирогъ съѣсть одинъ, ни съ кѣмъ не подѣлившись. Это ли не эгоизмъ! А потому Лесепса не поддержали достодолжнымъ образомъ, доказавъ наглядно, что въ наше время, когда и т. д. каждый пирогъ обязательно долженъ быть раздѣленъ на три части. Позже оказалось, что даже на четыре, дабы всѣмъ власть имущимъ попало въ ротъ.

Убѣдившись въ вѣрности этой аксіомы, старикъ началъ дѣло сначала. Какъ великій человѣкъ, онъ все дѣлаетъ въ великихъ размѣрахъ. Мы видѣли, что за уступку концессіи, которая по с мымъ либеральнымъ разсчетамъ стоила милліонъ, онъ заплати десять милліоновъ. Также точно онъ поступилъ съ печатью. У коли давать на водку, такъ давать, чтобы люди не скупились

словословіе и работали съ веселою душой, во всю ивановскую. Нужно было привести въ движеніе народное сбереженіе всей страны, устроить вакханалію съ бѣшеными вальсами и галопами сотенъ и сотенъ милліоновъ,—такъ греми же газетная музыка, разжигай же восторги привратницъ, тяжелыхъ на подъемъ, и подозрительныхъ крестьянъ, экономныхъ горничныхъ, усталыхъ рабочихъ и жадныхъ дѣвицъ!..

По оффиціальнымъ отчетамъ Панамской компаніи печать получила за свое содѣйствіе 88 милліоновъ, и эта цифра ниже дѣйствительной. За то какъ же она играла, какъ заливалась. Она брала то нѣжныя, почти меланхолическія ноты, то буйныя, ухорскія, то торжественныя, патріотическія и воинственныя. Каждый день сотни газетъ разыгрывали новыя партитуры. Сегодня „мы имѣемъ основаніе думать, что г-жа Лесепсъ опять беременна", завтра имѣемъ другое основаніе: „Англія интригуетъ, чтобы захватить возможно больше Панамскихъ акцій, и тѣмъ присвоить себѣ вліяніе въ этомъ *національно французскомъ* предпріятіи. Но всѣмъ извѣстный патріотизмъ французской демократіи не допуститъ" и т. д. Каждая газета играла свою партію. Одна превозносила республиканскія чувства великаго старика, другая—реакціонная—какъ, напримѣръ, еврейскій *Gaulois*,—съ умиленіемъ разсказывала: „Съ религіозной точки зрѣнія, нынѣшній мѣсяцъ, мѣсяцъ Богородицы, серьезно конкуррируетъ со Св. недѣлей. Число вѣрующихъ, которые приблизились къ св. алтарю вчера, въ день Вознесенія, было очень велико. И, не въ обиду будь сказано свободнымъ мыслителямъ, мужчины были въ большинствѣ. Въ часовнѣ на Мадридской улицѣ вереница набожныхъ не прерывалась съ восьми часовъ утра до полудня. И можно было присутствовать при трогательномъ зрѣлищѣ, видя (!) какъ г. и г-жа Лесепсъ причащались рядомъ со своими двумя старшими сыновьями, Измаиломъ и Матвѣемъ. Вотъ что утѣшаетъ отъ всѣхъ гражданскихъ и иныхъ китайщинъ (?)". Не было того закоулка во Франціи, гдѣ бы мѣстная газетка—какого бы направленія ни была—не славословила „грандіознаго національнаго предпріятія". Для насъ съ вами такія выраженія—напыщенныя фразы и ничего больше. Но для крестьянина, обитателя какой-нибудь юрской трущобы, это совсѣмъ другое. Когда онъ читаетъ „Sur son journal" сегодня и завтра и черезъ полгода восторженные диѳирамбы финансовому предпріятію, его покой нарушенъ, его жадность разгорѣлась. Съ кѣмъ онъ пойдетъ совѣтоваться? Или къ кюре, или

къ народному учителю: другихъ нѣтъ. Оба эти представителя деревенской интеллигенціи во враждѣ между собою: когда одинъ скажетъ бѣло, другой скажетъ черно. Но относительно Панамы оба согласны: великое, выгодное дѣло. Одинъ вычиталъ это въ оффиціальномъ журналѣ эпархіи, *La Semanie religiéuse*, другой въ *Petit journal*. А коли такъ, то и крестьянинъ отъ другихъ отстать не хочетъ, онъ идетъ, осторожно оглядываясь, къ горшку, въ которомъ хранится шерстяной чулокъ съ его экономіями, вынимаетъ все, что есть, и покупаетъ акціи. Кому не охота учетверить въ короткое время свой капиталъ! Примѣръ на лицо — суэзскія акціи того же Лесепса. А разъ человѣкъ уложилъ всѣ свои денежки въ предпріятіе, ему уже нужно для собственнаго спокойствія вѣрить въ него и другихъ увѣрять въ его надежности. Съ этой минуты онъ сдѣлался безсознательнымъ, но вѣрнымъ агентомъ Лесепса. Онъ читаетъ въ газетѣ: „Великій Французъ" взялъ ручной сакъ-вояжъ и поѣхалъ осмотрѣть работы, и умиляется. Онъ говоритъ въ другой разъ: знаменитый прорыватель перешейковъ вмѣстѣ съ женою и малолѣтними дѣтьми отправился въ экскурсію на нѣсколько мѣсяцевъ въ Панаму, и у подписчика покрываются влагой глаза. „Какая преданность дѣлу, какая честность у этого маститаго старца!" А другіе думаютъ: если Лесепсъ рѣшился повести съ собою дѣтей, значитъ все что̀ говорятъ о дурномъ климатѣ Панамы—сущій вздоръ, клевета завистниковъ и шантажистовъ.

Лесепсъ на самомъ дѣлѣ провелъ на Панамскомъ перешейкѣ не нѣсколько мѣсяцевъ, а нѣсколько дней, но этого довольно, легенда создана. По возвращеніи онъ имѣетъ право говорить все, что̀ угодно, — ему повѣрятъ. А онъ говоритъ вещи очень интересныя, точныя, свидѣтельствующія что онъ до тонкости изучилъ все. Прорытіе канала будетъ стоить 512 милліоновъ, ни грошемъ больше, ни грошемъ меньше, и работы будутъ кончены 31 декабря 1886 года. Это категорично, надѣюсь? Другой бы сталъ увиливать, давать приблизительныя цифры: 8—10 лѣтъ, 500—600 милліоновъ: этотъ даетъ цифры математически точныя! Другой бы сказалъ публикѣ: когда вы дадите деньги, подпишетесь на наши акціи, мы законтрактуемъ подрядчиковъ, и дѣло закипитъ. Этотъ, обращаясь къ подписчику, даетъ совсѣмъ готовое дѣло: контрактъ заключенъ съ извѣстными подрядчиками Эрсанъ и Кувре, которые находятъ возможнымъ сдѣлать все такъ, какъ предвидѣлъ

геніальный человѣкъ! Стало-быть, пожалуйте, пожалуйте, почтенные господа, сейчасъ начинается.

* * *

Теперь, какъ говорится въ старыхъ романахъ, я попрошу читателя перенестись со мною на Панамскій перешеекъ одиннадцать мѣсяцевъ спустя. Заемъ 1880 года удался какъ нельзя лучше. Печать и „волки-финансисты“ за приличное вознагражденіе наполнили сверкающіе новизной, но пустые сундуки компаніи 300 милліонами. Это все, что на первый разъ требовалось. Какъ же пошли работы? Одиннадцать мѣсяцевъ спустя на мѣстѣ находился обширный штатъ чиновниковъ-директоровъ, помощниковъ директоровъ, инспекторовъ, докторовъ, аптекарей и т. д., но *ни одного рабочаго*. Правда, седьмой по счету директоръ работъ, Денглеръ, занялся этимъ вопросомъ очень серьезно. Онъ отправилъ своего шурина (бывшаго супрефекта) Форнтье и своего аптекаря Эльо въ Мексику съ миссіей привезти съ собою нѣсколько тысячъ рабочихъ. Посланные получили кромѣ жалованья по 250 франковъ въ день на мелкіе расходы, но возвратились восемь мѣсяцевъ спустя, если не съ пустыми руками, то безъ одного рабочаго. Они никогда раньше не бывали въ Мексикѣ, не знали ни нравовъ страны, ни одного слова по-испански. За труды они, однако, получили по 20.000 франковъ наградныхъ! Тѣмъ не менѣе канцелярская работа кипѣла. Эрсанъ и Кувре, имена которыхъ фигурировали въ качествѣ подрядчиковъ на афишахъ-воззванія и какъ приманка подписчикамъ, немедленно послѣ подписки стушевались, получивши 1.200.000 франковъ вознагражденія. За то подписывались условія съ новыми подрядчиками, въ Парижѣ и въ самой Панамѣ. Подряды давались кому угодно, кто попроситъ. А просило много, потому что гарантій не требовалось никакихъ, а деньги, вы сейчасъ увидите, въ какихъ количествахъ выдавались впередъ. Такъ что, когда работы наконецъ были начаты, въ числѣ подрядчиковъ находились: одинъ супрефектъ, одинъ стряпчій, одинъ докторъ, нѣсколько аптекарей и одинъ отставной капельмейстеръ-Итальянецъ! По контракту подрядчикъ получалъ отъ компаніи весь матеріалъ, необходимый для исполненія работъ своего участка. Ему отводились кромѣ того дома для него самого и его подчиненныхъ, и помѣщеніе для его рабочихъ. Ежели матеріалъ и дома не существовали на перешейкѣ, подрядчикъ имѣлъ право построить эти дома на счетъ

компаніи и заставить ее выписать недостающее изъ Европы. Но что̀ могли строить аптекари, стряпчіе и капельмейстеръ? А, главное, почему компанія довѣряла такимъ людямъ работы? Теперь это было достаточно ясно; но и въ свое время нетрудно было догадаться, почему капельмейстеръ и докторъ предпочитались инженерамъ... Нѣкій врачъ Жиреръ, помиравшій съ голоду въ Парижѣ, отправляется въ качествѣ компанейскаго доктора въ Панаму. Онъ пробылъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ и вдругъ догадался: хорошія деньги зарабатываются вовсе не путемъ лѣченія ямайскихъ Негровъ, а способомъ болѣе легкимъ и пріятнымъ. Въ одинъ прекрасный день онъ садится на пароходъ и возвращается въ Парижъ. Спустя два мѣсяца узнаютъ, что онъ сдѣлался подрядчикомъ: панамская компанія поручила ему снести холмы Минди, съ платой по 8 фр. 50 сантимовъ съ куб. метра. Другіе получали за ту же работу только 4 франка, самое бо̀льшее 4½. Проходитъ два года. Жиреръ продолжаетъ оставаться въ Парижѣ, въ ожиданіи, что гора къ нему придетъ, такъ какъ онъ къ ней идти не хотѣлъ. Да и не зачѣмъ было: онъ получилъ достаточно авансовъ, чтобы ему не зачѣмъ было утруждаться... Другой примѣръ. Американская компанія „Contracting and Dredging C-ie“, во главѣ которой стоитъ аптекарь Слевенъ, берется снести 36.000.000 куб. метровъ земли по 1½ франка. Дѣло прекрасное, потому что этотъ подрядъ представляетъ собою четвертую часть всѣхъ работъ, и эта часть обошлась бы всего 40—50 милліоновъ. Слевенъ (Slaven) привозитъ на мѣсто семь землечерпательныхъ машинъ, которыя получаютъ громкія имена (Фердинандъ Лесепсъ, городъ Парижъ, городъ Нью-Іоркъ и т. д.), Панамская компанія выдаетъ подъ каждую изъ нихъ по 100.000 піастровъ (всего болѣе трехъ милліоновъ франковъ) аванса, остается только привести машины въ движеніе. Вмѣсто работъ начинается безконечная цѣпь кляузъ. Согласившись на 1½ франка вмѣсто четырехъ, Американцы разсчитывали, само собою разумѣется, не на работы, а именно на кляузы, чтобы заработать возможно большее количество долларовъ. Контрактъ былъ составленъ въ томъ смыслѣ, что Слевену выгодно было поминутно останавливать работы: за каждый часъ остановки компанія Панамы имѣла платить ему 120 франковъ, то-есть около 3.000 фр. въ сутки. И машины стояли, а компанія платила. Она переплатила такимъ образомъ милліона два. Наконецъ контрактъ передѣлали: вмѣсто 36 милліоновъ Слевенъ обязывался вычерпать

только 17 милліоновъ куб. метровъ; компанія обязывалась со своей стороны выплатить ему всѣ протори и „убытки". Слевенъ спряталъ деньги въ карманъ, а на другой день кляузы начались попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало. Контрактъ передѣлывается еще два раза. Но чѣмъ больше уступокъ дѣлается американскому аптекарю, тѣмъ больше алчность его разгорается. Дѣло тянулось такимъ образомъ отъ сентября 1884 года до іюня 1887 года, когда обѣ стороны согласились передать свою тяжбу на разсмотрѣніе третейскаго судьи. Имъ выбранъ былъ Американецъ, который постановилъ рѣшеніе противъ Панамской компаніи, присудивши ее выплатить Слевену новую пеню въ *одинъ милліонъ*. Представитель компаніи горячо протестовалъ противъ такого несправедливаго приговора, такъ горячо, что Слевенъ испугался. Тогда онъ, по примѣру Жирера, отправился защищать свое дѣло въ первой инстанціи, то-есть уѣхалъ въ Парижъ и обратился прямо къ Лесепсу и сыну. Предо мною лежитъ текстъ состоявшагося соглашенія между Шарлемъ Лесепсомъ съ одной стороны и Г. Б. Слевеномъ съ другой,—и вотъ его содержаніе: Слевенъ получилъ вмѣсто одного милліона, присужденнаго ему третейскимъ судьей, *девять милліоновъ!*.. Почему? Догадайтесь!

Идемъ дальше, потому что самое интересное впереди. Компанія покончила съ Слевеномъ 12 ноября 1887 года. Но еще въ декабрѣ 1885 года Шарль Лесепсъ заключилъ съ Société de Travaux Publics контрактъ на условіяхъ совершенно фантастическихъ. Вмѣсто 1½ франковъ за метръ, платимыхъ Слевену, компанія обязалась платить новому обществу *13 франковъ*. Она обязалась кромѣ того доставить добавочнаго матеріала на шесть милліоновъ и выстроить на свой счетъ 717 домовъ для рабочихъ. За эти дома общество получило отъ компаніи 26 милліоновъ франковъ, а дома предназначались для рабочихъ, для Негровъ съ Ямайки. Выстроивъ дома, общество предложило строить больницы. Заключается новый контрактъ. Больницы готовы, пора бы, кажется, подумать тогда о самомъ каналѣ? Вовсе нѣтъ! Общество предлагаетъ *дѣлать изысканія* за счетъ компаніи для отведенія двухъ рѣкъ—Шагра и Обиспо. Дѣлать изысканія, составлять смѣты для работъ, которыя оно же и должно выполнить! Компанія и на это соглашается, она на все согласна и за все платитъ впередъ. „Изысканія" обходятся ей около милліона франковъ, но когда планы представлены и дивизіонный инженеръ компаніи, нѣкій Тома, просматриваетъ ихъ,

онъ формально заявляетъ, что „ими пользоваться нельзя, что деньги, уплаченныя за эту работу обществу—потерянныя деньги, и что все слѣдуетъ начать сначала“. Что̀ же это такое, спросите вы, зачѣмъ бросать деньги зря, безо всякой пользы для компаніи? Это, увы! очень просто. Société de Travaux Publics находилось наканунѣ банкротства; оно должно было банку des Dépots et Comptes-Courants, администраторомъ котораго состоялъ Шарль Лесепсъ, 20.000.000 франковъ. Давши ему нажиться, ему давали въ то же время возможность расплатиться съ банкомъ, интересы котораго принимались близко къ сердцу сыномъ Лесепса. Это было то же воровство, только хитро придуманное, не бросающееся въ глаза! Общество Публичныхъ Работъ получило такимъ образомъ внѣ всякой работы для канала, и даже просто даромъ, въ видѣ авансовъ, вознагражденій за изысканія и подъ разными другими предлогами 42 милліона съ лишнимъ. Это даетъ уже нѣкоторое понятіе о томъ, куда ушли панамскія деньги. Но это общество было не одно. Ихъ было много. Подводя итогъ всему, что̀ было выброшено за окно и разграблено только такимъ способомъ, мы получаемъ сумму въ *сто пятьдесятъ шесть милліоновъ восемьсотъ тысячъ франковъ.*

Никогда, даже въ самомъ началѣ предпріятія, компанія не вѣрила въ его успѣхъ. Поэтому все, что̀ она дѣлала, она дѣлала на показъ, чтобъ ослѣпить глаза довѣрчивой публикѣ. Предъ первою подпиской она заключаетъ контрактъ съ подрядчикомъ Кувре и К°, чтобы сдѣлать видъ, будто работы на чеку и предприняты серьезными, опытными людьми. Когда кассы начали пустѣть, заключаются новые контракты съ новыми компаніями, въ виду новыхъ займовъ. Подрядчики отлично понимаютъ, что ихъ имена служатъ только вывѣской, что они нужны компаніи, и потому они ставятъ ей драконовскія условія, зная напередъ, что ей нельзя отступать, что она на все согласится. Вотъ почему разъ контрактъ заключенъ, авансъ полученъ, никто (кромѣ мелкихъ подрядчиковъ) не думаетъ о работѣ. Напротивъ, каждый старается ничего не дѣлать, ожидая только одного,—чтобы компанія предложила разорвать контрактъ полюбовно, потому что въ этомъ случаѣ она заплатитъ неустойку. Суммы, которыя она выплачивала подъ этимъ видомъ, росли съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ компанія запутывалась больше, по мѣрѣ того, какъ необходимость поставить себя подъ покровительство крупныхъ предпринимательскихъ обществъ дѣлалась настоятельнѣе,

и наконецъ эти суммы достигли небывалыхъ, баснословныхъ размѣровъ. Отъ полумилліоновъ, уплаченныхъ Карсенаку, Метивье, Танги. Раше, она поднялась до 5, 10, 12, 17 и до 27 милліоновъ, выданныхъ въ видѣ неустойки упомянутому Обществу Публичныхъ Работъ, American Contracting and Dredging C-ie, подрядчикамъ Парансо, Кулебра и наконецъ (самая высшая цифра) компаніи Барату и Летелье. Послѣдніе получили 27 милліоновъ, потому что послѣдній актъ трагедіи близился къ концу, панамская компанія уже видѣла на горизонтѣ приближающійся призракъ злостнаго банкротства, съ сопровождающею его толпой городовыхъ, судебныхъ слѣдователей, вопіющихъ о правосудіи, обворованныхъ 800.000 крестьянъ, кухарокъ, горничныхъ, привратницъ. Нужно было поставить послѣднюю карту, faire le grand coup, гипнотизировать въ послѣдній разъ общество именемъ человѣка, которое какъ разъ въ то время гремѣло на весь цивилизованный и не цивилизованный міръ. Я говорю объ Эйфелѣ. Авторъ желѣзной башни прекрасно зналъ дѣла компаніи, онъ зналъ, что ея спасеніе въ немъ, и что ей некогда торговаться. И онъ поставилъ свои условія хладнокровно, какъ хорошо вооруженный бандитъ дряблому и перепуганному путнику въ лѣсу: плати или умирай! Онъ возьмется сдѣлать все, что нужно, ежели ему заплатятъ такъ, какъ никому и никогда еще не платили. Другіе получали за метръ 4, 8, 13 франковъ. Онъ потребовалъ *36* франковъ. На двухъ милліонахъ метрахъ онъ выгадывалъ, такимъ образомъ, сравнительно съ другими подрядчиками, 50 милліоновъ франковъ. Затѣмъ въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ подписанія контракта, онъ имѣлъ получить—и получилъ, въ видѣ авансовъ и подъ разными другими предлогами, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста, *двадцать восемь милліоновъ двѣсти тысячъ франковъ.* Нужно ли прибавлять къ этому комментаріи? Контрактъ этотъ былъ подписанъ въ декабрѣ 1887 года, наканунѣ новаго и послѣдняго займа. Довѣрчивость публики была уже сильно поколеблена. Какъ ни увлечена она была именемъ Эйфеля, она все-таки деньги свои прижимала къ груди и не хотѣла съ ними разставаться. Что дѣлать? Какимъ образомъ совершить надъ ней новое многомилліонное кровопусканіе? Изобрѣтательность Лесепсовъ и К° была очень велика, теперь и она изсякла.

* * *

Тогда на сцену выступилъ новый человѣкъ, homo novus во всѣхъ отношеніяхъ, типичнѣйшій представитель нашего времени. Банкиръ, меломанъ, любитель belles petites за кулисами Большой Оперы, биржевой игрокъ, составитель балетнаго либретто, свѣтскій человѣкъ, принимавшій въ своихъ салонахъ всю политическую и художественно-литературную знать Парижа, іерусалимскій дворянинъ и прусскій баронъ, Рейнакъ торговалъ мыслями и, за неимѣніемъ собственной, чужою совѣстью. При этомъ настоящій grand seigneur, щедрый, блестящій, обворожительный, онъ умѣлъ ласково залѣзть въ чужой карманъ или въ чужую душу, и не выдавая своихъ тайнъ, вывѣдать всѣ чужія. Рейнакъ во время узналъ тайну Лесепсовъ, и въ одно дождливое зимнее утро его роскошный купе остановился у воротъ дома строителя каналовъ. Разговоръ этихъ двухъ почтенныхъ особъ былъ краткій и поучительный.

— Вамъ нужно, cher maître, выпустить облигаціи съ выигрышами.

— Облигаціи съ выигрышами! воскликнулъ Лесепсъ. — Для этого нужно разрѣшеніе парламента!

— Объ этомъ не безпокойтесь. Я возьму это на себя.

И сдѣлка была тутъ же сдѣлана. Рейнакъ получалъ въ свое безконтрольное, полное распоряженіе 9.800.000 франковъ. Съ помощью этой суммы онъ вознаградитъ себя за мысль и хлопоты и купитъ совѣсть народныхъ представителей. Справедливость требуетъ сказать, что свою мысль Рейнакъ оцѣнилъ гораздо дороже, чѣмъ совѣсть законодателей. Больше 6 милліоновъ онъ потратилъ на себя или спряталъ въ свой карманъ и только остатокъ раздѣлилъ между тѣми, кто предпочитаетъ вещественное невещественному. Но слово свое онъ сдержалъ, обѣщаніе исполнилъ. По-своему, баронъ—былъ честный человѣкъ!

Рейнакъ отлично зналъ среду, въ которой ему пришлось дѣйствовать. Онъ относился къ ней даже (въ душѣ) высокомѣрно и презрительно. Это ясно изъ того, что многихъ депутатовъ и сенаторовъ онъ не удостоилъ даже самолично подкупать, довѣривши это дѣло своему агенту, нѣкоему Артону. Другихъ, съ которыми Рейнакъ трактовалъ лично, онъ оцѣнилъ баснословно дешево. Двадцать пять тысячъ Леону Реньо, сенатору, бывшему префекту полиціи, знаменитому юристу! Двадцать тысячъ бывшему министру Антонену Прусту! Двадцать тысячъ брату президента республики, Альберту Греви! Это просто даромъ. Но Рей-

накъ имѣлъ на это свои основанія. Въ то время, какъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитости получали гроши, темные люди получали отъ него иногда цѣлыя состоянія. Они, очевидно, имѣли право торговаться, а другіе нѣтъ. Такова исторія съ мало извѣстнымъ нынѣ, бывшимъ депутатомъ Сансъ-Леруа. Этотъ господинъ состоялъ членомъ парламентской коммиссіи, которой поручено было представить докладъ о предложенномъ правительствомъ проектѣ закона о дозволеніи панамской компаніи выпустить облигаціи съ выигрышами. Коммиссія раздѣлилась на двѣ неравныя части: шесть членовъ, въ томъ числѣ Сансъ-Леруа, были *противъ*, пять *за*. Увидѣвъ, что участь компаніи находится въ его рукахъ, Сансъ-Леруа предложилъ ей свой голосъ... за 200.000 франковъ. Компанія нашла, что это дорого, и отказалась. Но когда она узнала, что̀ дѣлается въ коммиссіи, она спохватилась. Ея агентъ явился въ корридоры палаты и вызвалъ Сансъ-Леруа.

— Сто тысячъ, угодно?

— Двѣсти, отвѣтилъ депутатъ и повернулся на каблукахъ.

— Получайте.

Депутатъ положилъ пакетъ въ карманъ, пожалъ руку агенту и вернулся въ коммиссію. Когда приступили къ голосованію, оказалось, что одинъ голосъ перемѣстился: шесть *за* и только пять *противъ*. Стали вотировать открыто.—Сансъ-Леруа подалъ голосъ *за*.

— Позвольте, замѣтилъ ему одинъ коллега:—вы четверть часа тому назадъ были противъ.

— Я имѣю право вотировать, какъ мнѣ вздумается, нагло отвѣтилъ онъ,—это васъ не касается.

Конечно, не со всѣми можно было дѣйствовать такъ откровенно. Между взяточниками находились „порядочные люди“: маститые республиканцы когда-то, за что-то боровшіеся, патріоты со слезами на глазахъ говорившіе о „величіи націи“, о „народныхъ интересахъ“, о „соперничествѣ Англіи“ и „интригахъ Нѣмцевъ.“ Съ этими нельзя было дѣйствовать нахрапомъ. „Сколько сто̀итъ? Получайте.“ Съ этими и разговоръ былъ другой:—Cher maître, вся надежда на васъ. Вы знаете, съ какою жадностью альбіонскій ястребъ стережетъ насъ на Панамѣ. Малѣйшая оплошность—и мы погибли. Великое національное предпріятіе, куда вложено столько народныхъ сбереженій, попадетъ въ руки Англичанъ и янки. Ради отечества, поддержите насъ.

согласитесь войти членомъ въ синдикатъ-гарантію. Ваше имя и т. д.

И старый взяточникъ, проливъ крокодилову слезу, жалъ руку и благодарилъ. А черезъ день-другой онъ получалъ чекъ на круглую сумму при коротенькомъ письмецѣ: „вотъ сумма, которая приходится на вашу долю, cher maître.“ Другой, веселый, остроумный господинъ, краса французской трибуны и салоновъ дамъ полусвѣта. Онъ исповѣдуетъ очень крайнія идеи и даже имѣетъ въ палатѣ партію. Нельзя съ нимъ говорить въ возвышенномъ стилѣ потому, вопервыхъ, что онъ большой скептикъ, а вовторыхъ, хорошо знаетъ свой Парижъ. Къ нему нужно подходить умѣючи и корректно. Онъ издаетъ газету; вся то ей цѣна грошъ, сотрудникамъ не платятъ, читателей нѣтъ, а газета живетъ себѣ да живетъ многіе годы. Всѣ знаютъ, какъ это чудо дѣлается. Вотъ и подходитъ къ нему панамскій агентъ:—Г. депутатъ. намъ нужны объявленія.—Ахъ, это по поводу новаго выпуска! Грабите вы бѣдный народъ. Это ни на что не похоже.—Помилуйте!—Ну, да что̀ толковать! Объявленія меня не касаются. Обратитесь въ контору.

Обращаются. Контора получаетъ заказъ на объявленія, а директоръ ненарокомъ чекъ на 500.000 (говорятъ даже на цѣлый милліонъ). Смотришь, въ корридорахъ палаты всѣ радикалы распинаются за Панаму: общественное мнѣніе—де требуетъ, избиратели жалуются, всеобщіе выборы на носу, не защити мы бѣдныхъ акціонеровъ, — прощай, республика. И это говорится многими искренно, потому что лидеръ такъ сказалъ, потому что, благодаря подкупамъ, создалась атмосфера благопріятная „панамскому предпріятію“, и атмосфера эта заражаетъ даже тѣхъ, кто ни подъ какимъ видомъ не согласился бы на взятку. Можно сказать, что каждая газета имѣетъ во главѣ или въ числѣ сотрудниковъ членовъ парламента. А такъ какъ теперь доказано, что всѣ большія газеты—всѣ, безъ исключенія,—были подкуплены, сосчитайте, сколько депутатовъ имѣли прямой или косвенный интересъ защищать панамскихъ дѣльцовъ!

Подкупы были сдѣланы въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, они опутали всю страну такою обширною сѣтью, что всякій протестъ, каждое дурное слово о Панамѣ считались даже честными людьми злою клеветой, вызванною шантажническими поползновеніями. Во всей странѣ нельзя было найти газеты, которая рѣшилась бы напечатать обличительную статью очевидца. имѣв-

шаго документы въ рукахъ, способнаго доказать все, что онъ утверждалъ. Во всей исторіи человѣчества нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, другаго примѣра такого колоссальнаго и систематическаго обмана цѣлой страны въ теченіе многихъ лѣтъ, обмана, который такъ бы и остался безнаказаннымъ, еслибъ очень дурныя политическія страсти не вывели бы вдругъ на свѣжую воду всѣхъ и все. Подкупатели и подкупленные, большіе и малые хищники, растраты, обманы, фальшивые контракты, безстыдныя рекламы, воровство министровъ, сенаторовъ, депутатовъ,—все всплыло наверхъ и наполнило воздухъ удушливою вонью. Теперь мы знаемъ ужасныя вещи. Если взять за несомнѣнную цифру стоимость дѣйствительности исполненныхъ работъ, въ томъ числѣ стоимость машинъ, всѣ вмѣстѣ оцѣненныя правительствомъ Колумбіи въ 450 милліоновъ. Если принять, что стоимость желѣзной дороги (Panama-Rail-Road), купленной у американскаго общества за 94 милліона, дѣйствительно стóитъ этихъ денегъ; а по самымъ скромнымъ разсчетамъ компанія переплатила за нее 60 милліоновъ. Если къ этой суммѣ прибавить еще упомянутыя выше 156 милліоновъ, розданныхъ безъ смысла и толка разнымъ подрядчикамъ. Если, говорю я, все это считать въ приходѣ, то все-таки останется ужасающая сумма въ 800 съ лишнимъ милліоновъ, о которой до сихъ поръ неизвѣстно куда она дѣлась,—провалилась сквозь землю и дѣло съ концомъ! Судъ, конечно, все распутаетъ, все найдетъ до послѣдняго сантима. Но это будетъ на бумагѣ. Легче ли станетъ бѣдному акціонеру отъ того, что онъ узнаетъ кто и подъ какимъ соусомъ съѣлъ его кровныя денежки! Впрочемъ денежный вопросъ въ этой исторіи—вопросъ второстепенный. Насъ занимаетъ въ ней только одна соціальная сторона. А въ этомъ отношеніи судъ надъ панамскими дѣльцами будетъ судомъ надъ софизмами и аппетитами современнаго общества, судомъ надъ буржуазною моралью и золотымъ тельцомъ, поставленнымъ на мѣстѣ изгнаннаго Распятія. Судъ покараетъ не Ивана и Петра, а въ ихъ лицѣ представителей всѣхъ руководящихъ слоевъ націи, потому что всѣ они будутъ находиться въ числѣ обвиняемыхъ.

* * *

Я не стану передавать вамъ во всѣхъ подробностяхъ, впрочемъ уже извѣстныхъ изъ газетъ, почему и какъ панамскіе скандалы загорались и зажгли всю Францію именно теперь, а не два,

даже три года назадъ, когда все то, о чемъ теперь кричатъ, передавалось шепотомъ и на ухо. Главная причина понятна сама собой: ни одно правительство не рѣшилось сознательно зажечь пожаръ, который потушить невозможно, который—по понятіямъ правящихъ сферъ — можетъ все разрушить, вплоть до самаго республиканскаго режима. И дѣло прятали, старались задушить. Одного наивнаго искателя популярности, провинціальнаго „государственнаго мужа", попавшаго на старости лѣтъ и неожиданно для себя самого въ министры юстиціи, достаточно было, чтобы поджечь эту динамитную бомбу. Министръ принялъ ее за простой фонарь, хотѣлъ при свѣтѣ ея только показать странѣ свою собственную великолѣпно-честную фигуру, но бомба разорвалась. Первою жертвой ея сдѣлался самъ искатель славы и почестей, а затѣмъ и всѣ кто окружалъ его. Страна переполошилась, раскрыла широко глаза и пришла въ негодованіе. Она не подозрѣвала и сотой доли измѣнъ, мошенничества, грабежей, нравственнаго разврата, которыя совершались кругомъ нея. Мужъ узнающій о невѣрности нѣжно-любимой и добродѣтельной супруги, съ которою прожилъ много лѣтъ, не приходитъ въ такую ярость, какая охватило теперь общественное мнѣніе: всѣ—воры, всѣ—обманщики, предатели, даже честные люди!

Предвидя этотъ шумъ и свалку, прежде всѣхъ удалился отъ скандала, тихо и незамѣтно, по-англійски, главный зачинщикъ исторіи—баронъ Рейнакъ. Онъ явился домой и отравился. Съ него теперь взыскивать нечего. Но его смерть послужила сигналомъ къ той ужасающей свалкѣ, при которой мы теперь присутствуемъ.

Но объ этомъ мы будемъ имѣть еще случай поговорить въ другой разъ, такъ какъ дѣло въ сущности еще только начинается.

И. Яковлевъ.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.[1]

Письмо третье.

Надняхъ, 3 декабря, въ Ливерпулѣ праздновалось событіе, удивившее всю Англію, но болѣе всѣхъ—самого виновника торжества, Гладстона.

Ливерпуль заключаетъ въ себѣ квинтъ-эссенцію англійскаго консерватизма, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, на него повѣяло какимъ-то новымъ воздухомъ, и на собранномъ для сего митингѣ рѣшено было, громаднымъ большинствомъ, пожаловать теперешнему премьеру, главѣ либеральной партіи, права гражданства города Ливерпуля.

Въ жизни много условныхъ понятій, играющихъ роль, необъяснимую раціонально. Къ числу ихъ принадлежитъ и значеніе, приписываемое подносимому праву гражданства; но, какъ бы то ни было, жителямъ Ливерпуля хотѣлось оказать великій почетъ Гладстону, который и былъ принятъ престарѣлымъ вождемъ либераловъ съ достоинствомъ и благодарностью.

Само собою разумѣется, что зала, назначенная для предстоящей церемоніи, была переполнена, что публика заняла мѣста за два часа до появленія виновника торжества. Новаго въ такихъ пріемахъ ничего нѣтъ; но любопытная черта именно этого митинга заключалась въ томъ, что если не главный, то одинъ изъ главныхъ представителей политической жизни въ Англіи употребилъ все свое стараніе, чтобы въ своей рѣчи и далекимъ намёкомъ не обмолвиться, коснувшись какого-нибудь политическаго вопроса. Онъ воскрешалъ самыя отдаленныя воспоминанія своего дѣтства; описывалъ, какъ, трехлѣтнимъ мальчикомъ, стоя у окна со своею няней, онъ смотрѣлъ на торжественный въѣздъ въ Ливерпуль

[1] См. №№ 8 и 11 *Русскаго Обозрѣнія*, 1892 г.

министра Конинча, указывалъ на примитивное состояніе тогдашняго Ливерпуля, а затѣмъ на его быстрое развитіе. По поводу послѣдняго сказано было нѣсколько вещей, интересныхъ и для русскихъ читателей.

„Я увѣренъ,—сказалъ ораторъ,—что Ливерпуль, продолжая накоплять богатства, будетъ одновременно развивать и благотворительность—эту необходимую спутницу богатства, искупляющую его иногда безнравственныя стороны. *(Рукоплесканія.)* Мнѣ извѣстны старанія въ этомъ направленіи, которыя съ большимъ успѣхомъ прилагались гражданами Ливерпуля къ ихъ городской жизни. Ото всей души желаю успѣха вашему городу, не только въ матеріальномъ развитіи, но и въ нравственномъ подъемѣ духа.

„Намъ всѣмъ слѣдуетъ глубоко запечатлѣть въ умѣ и сердцѣ сознаніе стыда за великую язву пьянства. *(Одобреніе.)* Она гуляетъ по нашей странѣ, портитъ и губитъ людей и разрушаетъ семейное счастіе, причемъ обыкновенно жертвами своими избираетъ не самыхъ испорченныхъ мужчинъ и женщинъ, а людей только слабохарактерныхъ. Не забывайте, господа, что эта язва составляетъ народное проклятіе, бѣдствіе и соблазнъ. *(Громкія и продолжительныя рукоплесканія.)*

„Во многихъ отношеніяхъ мы заняли высокое положеніе среди другихъ народовъ міра. Къ сожалѣнію, однако, намъ нужно сознаться, что мы занимаемъ видное мѣсто и въ отношеніи привычнаго намъ порока пьянства. Господа! Я думаю, что нигдѣ не было приложено бо̀льшихъ стараній для противодѣйствія этому злу, какъ въ Ливерпулѣ. Такъ мнѣ неоднократно приходилось слышать, что благотворительный и просвѣщенный планъ устройства чайныхъ и кофеенъ, гдѣ продаются безвредные напитки, вводился здѣсь съ необычайнымъ рвеніемъ и успѣхомъ. Безспорно, каждый изъ насъ имѣетъ случай наблюдать на частныхъ примѣрахъ страшныя послѣдствія несчастной привычки пьянства. Мнѣ хотѣлось бы поэтому, чтобы каждый изъ насъ въ отдѣльности проникся глубокимъ и яснымъ сознаніемъ этого зла и серьезнымъ намѣреніемъ посильно работать въ своемъ кругу надъ его устраненіемъ!

„Матеріальный прогрессъ самъ по себѣ хорошъ, но составляетъ не цѣль, для которой мы посланы въ сей міръ, а только лишь вспомогательное средство для осуществленія этой цѣли, чего, надѣюсь, Ливерпульцы никогда не забудутъ. Пусть Ливерпульцы непрестанно помнятъ, что несмотря на всю пользу и желатель-

ность матеріальнаго прогресса, который такъ увеличилъ въ наше время благосостояніе всей массы народонаселенія, кромѣ этого прогресса есть и другой прогрессъ, есть, нѣчто высшее: имъ слѣдуетъ имѣть въ виду другія незримыя цѣли, коихъ нельзя измѣрять коммерческими доходами. Говорю о тѣхъ цѣляхъ, которыя находятся въ связи съ развитіемъ высшихъ качествъ человѣка. Для Ливерпуля нужно пріобрѣсти имя, столь же почетное въ литературѣ и искусствахъ, сколь почтенное снискалъ онъ въ исторіи коммерческой предпріимчивости. Впрочемъ, конечная цѣль нашего существованія не ограничивается только задачами изъ области литературы и искусствъ, но распространяется далѣе на всѣ вопросы, относящіеся до незримаго, до высшихъ душевныхъ и духовныхъ стремленій человѣка. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы будете и впредь постоянно поощрять тѣ стремленія и преслѣдовать тѣ цѣли, которыя переносятъ насъ за предѣлы матеріальныхъ чувствъ, и которыя однѣ способны вѣрно направить насъ къ благосостоянію прочнаго свойства, то-есть къ истинному назначенію человѣка.“ *(Продолжительныя рукоплесканія.)*

* * *

Успѣхъ — полный; но этому удивляться нечего. Когда представляется возможность поговорить о нравственныхъ вопросахъ, Гладстонъ входитъ въ свою любимую сферу, какъ будто исключающую изъ его памяти всѣ остальныя. Въ самой ранней молодости его любимою мечтой было поступленіе въ духовное званіе; родители этому воспротивились, и онъ, какъ вѣрующій христіанинъ, не могъ на дѣлѣ идти въ разрѣзъ съ ученіемъ Церкви, ознаменовывая первые шаги своей жизни сыновнимъ ослушаніемъ. Но и до сей минуты религіозные вопросы составляютъ основную подкладку всей его жизни. Никогда не забуду моего свиданья съ нимъ въ началѣ этой весны. Вся Великобританія ожидала новыхъ выборовъ. Большинство консерваторовъ, съ самонадѣянною увѣренностью, презрительно отзывалось о „дряхломъ старцѣ“, снѣдаемомъ честолюбіемъ и „приговоренномъ къ неминуемому пораженію“.—Либералы неувѣренно старались себя ободрить. Гладстону же, какъ будто, было не до того! При видѣ меня, чуть не первою его фразой было: „Читаю я теперь книгу о Восточной Церкви, крайне слабую и недобросовѣстную; она вся проникнута подчиненіемъ Западной Церкви и возмутительной несправедливостью относительно

Восточной. Ея авторша слишкомъ увлеклась Римомъ и не поняла ученія и великаго предназначенія Востока".

— О какой говорите вы *авторшѣ?* спросила я, не вѣря своимъ ушамъ и съ трудомъ сдерживая улыбку, совсѣмъ не подходящую къ богословскому разговору.

— Да, вотъ о дамѣ, которая мнѣ прислала эту книгу изъ Парижа. Возьмите и прочтите ее, посмотрите до чего можетъ доходить заблужденіе, серьезно отвѣтилъ Гладстонъ.—„Всегда полезно знать мнѣніе даже заблуждающихся противниковъ". Тутъ онъ написалъ на заглавномъ листѣ: audiatur altera pares.

— Вы ошибаетесь, поспѣшила я сказать, не скрывая болѣе улыбки,—книга прислана вамъ Русской, живущею очень давно въ Парижѣ, но написана она однимъ очень даровитымъ русскимъ ученымъ, проживающимъ въ Москвѣ. — „A very, very poor book," настаивалъ онъ на своемъ.—„Мнѣ всѣ эти вопросы хорошо растолковалъ мой знаменитый другъ, старо-католикъ Деллингеръ. Онъ еще до провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости сознавалъ уже съ глубокимъ душевнымъ прискорбіемъ заблужденія римско-католической доктрины."

— Старо-католики еще не сказали своего послѣдняго слова, отвѣтила я, не желая указывать подробнѣе на это „послѣднее слово" въ разговорѣ съ протестантомъ. Но онъ, какъ будто, угадалъ мою тайную мысль и съ грустью заговорилъ о другомъ...

Гладстонъ развилъ въ себѣ драгоцѣнную способность деспотически руководить своими мыслями. Какъ бы ни былъ онъ всецѣло поглощенъ какимъ-либо вопросомъ, онъ умѣетъ мгновенно перенестись въ совершенно иную, постороннюю сферу. Въ повсемѣстномъ разгарѣ политическихъ страстей, во время самой упорной, и подчасъ даже коварной, избирательной борьбы онъ пишетъ трактатъ о Гомерѣ или Шекспирѣ или примется разрабатывать какой-нибудь наисложнѣйшій богословскій вопросъ. Онъ какъ будто отсылаетъ свою утомленную мысль на покой, и снова пускаетъ ее въ ходъ, какъ свои карманные часы, по собственному усмотрѣнію. Неполитическій ливерпульскій митингъ, ему, вѣроятно, пришелся такъ же по сердцу, какъ и недавняя поѣздка въ Оксфордъ, гдѣ онъ толковалъ болѣе часа въ переполненной слушателями залѣ объ одномъ, давно почившемъ и забытомъ оксфордскомъ богословѣ.

Всѣ эти уклоненія не помѣшаютъ ему, однако, съ новою силой приняться за предначертанныя реформы, насколько это допу-

ститъ ему сдѣлать оппозиція, имѣющая такого упрямаго и изворотливаго вожака, какъ лордъ Солсбери.

Гладстонъ не скрываетъ намѣренія исполнить свой долгъ, даже наперекоръ желанію Камеры Лордовъ.

Вотъ что̀ пишетъ, ему въ отвѣтъ, лордъ Солсбери: въ ноябрьской книжкѣ (американской) *National Review*. „Прошлою осенью, по поводу нѣсколькихъ произнесенныхъ мною словъ, г. Гладстонъ сказалъ:

„Только и есть одинъ составной элементъ конституціи, способный на такую шалость, какъ воспрепятствовать обдуманному рѣшенію всего народа воплотиться въ формѣ закона, это—Палата Лордовъ. Надѣюсь и даже полагаю, что эта Палата отвергнетъ несчастный совѣтъ перваго министра. Одно только я знаю, что, если онъ унижался до такой жалкой роли, то имъ же первымъ придется объ этомъ сожалѣть". (Рѣчь отъ 2 октября 1891 г.).

Та же мысль, облеченная въ парламентскую фразировку, была выражена при преніяхъ объ адресѣ къ престолу, въ августѣ сего года.

„Я думаю, что когда этотъ законопроектъ будетъ внесенъ въ Палату Лордовъ, то смѣло можно будетъ сказать, что никогда еще имъ не представлялся болѣе крупный вопросъ какъ по своей общегосударственной важности, такъ и, быть-можетъ, по своему значенію для нихъ же самихъ". (9 августа 1892).

Даже подъ напоромъ недавней избирательной борьбы онъ не поддался искушенію нескромнаго разоблаченія. Въ Честерѣ, 27 іюня, онъ сказалъ:

„Я вамъ скажу прямо, что я никогда не допускалъ и никогда не допущу, чтобы сопротивленіе Палаты Лордовъ какому-нибудь частному мѣропріятію могло бы послужить причиной распущенія палатъ. Народъ не допуститъ, чтобы Палата Лордовъ мучила его и надоѣдала ему распущеніями, когда это ей заблагоразсудится. Такое событіе можетъ послужить поводомъ къ тому, чтобы *позаняться* Палатой Лордовъ, но не можетъ быть причиной распущенія".

Изъ такихъ темныхъ прорицаній нельзя заключить ничего, кромѣ общаго возвѣщенія о предстоящей бѣдѣ. Если лорды будутъ голосовать по своему собственному сужденію, а не согласно съ г. Гладстономъ, то ими „*позаймутся*". Одно только ясно, что эта политическая кара не приметъ формы распуще-

нія, которое могло бы повести къ тому, что и безъ того ограниченный сонмъ его англійскихъ и шотландскихъ приверженцевъ потеряетъ часть своихъ мѣстъ. Лордамъ, однако, придется „первымъ сожалѣть“ о голосованіи, которое должно считать *шалостью*, на основаніи какой-то невыясненной политической философіи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, генеральный прокуроръ и г. Justin Maccarthy тоже произносили тревожныя предсказанія на этотъ счетъ; къ сожалѣнію, ихъ изреченія не даютъ никакого понятія о свойствѣ того процесса, который будетъ примѣненъ къ Палатѣ Лордовъ. Но недавно насъ нѣсколько просвѣтилъ г. Фредерикъ Гэррисонъ, который никогда не грѣшитъ неопредѣленностью и двусмысленностью. По всѣмъ политическимъ вопросамъ, онъ, вѣроятно, въ точности представляетъ теперешнюю степень развитія убѣжденій г. Гладстона, которому, однако, нужно было много лѣтъ, чтобы догнать г. Гэррисона, хотя ему и теперь еще не удается сравниться съ нимъ въ прямодушіи. Г. Гэррисонъ объясняетъ безъ утайки тотъ способъ, по которому, какъ надѣются г. г. Гэррисонъ съ друзьями, премьеръ долженъ *позаняться* Палатою Лордовъ. Операція эта, повидимому, можетъ быть двоякой.

„Такъ какъ пэры могутъ не пропустить билль объ ихъ собственномъ упраздненіи, то всего проще фактическое исчезновеніе Верхней Палаты, на подобіе того, какъ церковная конвокація исчезала въ продолженіе столѣтій.

Великія послѣдствія возникли въ древнемъ Римѣ отъ простой резолюціи, объявившей декреты *плебса* обязательными для всей націи. Формальное согласіе Палаты Лордовъ могло бы быть получено отъ нѣсколькихъ спокойныхъ чиновниковъ, подобно тому, какъ дѣла Тайнаго Совѣта и теперь еще торжественно производятся по древнему обычаю“. (Fortnightly Review. сентябрь 1892 г., стр. 276).

Это предложеніе весьма интересно, хотя не оригинально. Оно очень похоже на образъ дѣйствій Палаты Общинъ въ 1649 г. Но такое обращеніе съ Палатой Лордовъ потребовало исполнительной власти, вооруженною такою военною силой, которою г. Гладстонъ пока еще не располагаетъ; не говоря уже о томъ, что прибѣгнувшая къ этому средству Палата Общинъ не долго бы просуществовала, наслаждаясь своимъ одинокимъ величіемъ.

Другое предложеніе болѣе оригинально, какъ по изложенію

прошедшихъ событій, такъ и по своимъ планамъ для будущаго.

„Мы теперь дошли, въ нашей конституціонной исторіи, до оборотной точки, на которой Палатѣ Лордовъ приходится подражать въ точности престолу, то-есть отказаться на практикѣ отъ наложенія veto или терпѣть то, что перестрадалъ престолъ, и рисковать революцій. Предержащее министерство имѣетъ техническое право рекомендовать престолу созданіе пэровъ и можетъ, такимъ образомъ, пожаловать съ королевскаго согласія пэрство пятистамъ трубочистамъ. Въ случаѣ же королевскаго несогласія, Палата Общинъ имѣетъ техническое право отказать въ ассигновкѣ бюджета и тѣмъ пріостановить правительственный механизмъ“.

Г. Гэррисонъ нѣсколько жестокъ къ престолу.

Разумѣется, что Палата Общинъ вольна отрѣзать бюджетъ, то-есть отказать арміи и флоту въ жалованіи, когда это ей заблагоразсудится. Но весьма сомнительно, властенъ ли престолъ учинить то, за упущеніе чего г. Гэррисону хотѣлось бы его наказать. Я не могу говорить съ увѣренностью о вопросѣ, который никогда не разбирался и, поэтому, никогда не рѣшался. Но Палата Лордовъ неоднократно отказывала новосозданнымъ пэрамъ въ правѣ засѣдать, если только ихъ пожалованіе обличало, со стороны престола, желаніе посягать на независимость Верхней Палаты. Въ 1711 году рѣшено было не допускать къ засѣданію и голосованію шотландскихъ пэровъ, только что пожалованныхъ въ великобританскіе пэры, вслѣдствіе того, что ихъ подозрѣвали въ чрезмѣрной услужливости къ престолу. Резолюція эта оставалась въ силѣ до 1782 года. Болѣе новымъ и подходящимъ прецедентомъ была королевская попытка создать, по совѣту лорда Пальмерстона, пожизненнаго пэра прерогативнымъ порядкомъ, въ 1856 году. Палата Лордовъ не могла протестовать противъ этого назначенія. Но, принимая во вниманіе устарѣлость этой прерогативы и опасность, которою она угрожала законодательной независимости Палаты, эта послѣдняя рѣшила не дозволить новопожалованному пэру занять его мѣсто. Лордъ Уэнслидейль оставался, поэтому, нѣкоторое время съ титуломъ пэра соединеннаго королевства, но безъ мѣста въ Палатѣ Лордовъ. Если можно вообразить себѣ пожалованіе пэрства „пятистамъ трубочистамъ“, то можно позволить себѣ дѣлать догадки о послѣдствіяхъ такого производства. Опасаясь, что имъ пришлось бы

раздѣлить участь лорда Уэнслидейля, котораго остроумный судья того времени окрестилъ именемъ „дежурнаго лорда при Пальмерстонѣ“ (Palmerston's Lord in attendance). Пятьсотъ новоиспеченныхъ лордовъ (или „трубочистовъ“, какъ ихъ величаетъ г. Гэрриссонъ) будутъ памятны въ исторіи, какъ „дежурные лорды при особѣ г. Гладстона“.

„Вообще говоря, я бы рекомендовалъ процессъ резолюціоннымъ порядкомъ, какъ простѣйшій способъ „разобрать“ Палату Лордовъ. Еслибы Палата даже разрѣшила *„трубочистамъ“* занять свои мѣста, то все же нѣкоторые изъ нихъ, чего добраго, могутъ подать голосъ въ противную сторону, въ минуту, когда окажется необходимость въ единодушномъ содѣйствіи всего новаго, такъ-называемаго, „чернаго пэрства“.

„Вѣдь этихъ „трубочистовъ“, въ свою очередь, можно было бы тоже *„запрудить“* новыми пэрами другаго лагеря.

„Отчего не рѣшить вопроса о Камерѣ Лордовъ, аппеллируя ко всей странѣ, руководствуясь народнымъ чувствомъ? Я ничуть не сомнѣваюсь въ полной искренности угрозъ г. Гладстона, которыя онъ приведетъ въ исполненіе съ большимъ вкусомъ. Но пока онъ не успѣетъ получить добровольно согласія Англійскаго народа, такія угрозы не имѣютъ большой важности. Онѣ лишь важны, какъ указанія того, что, въ случаѣ принятія, въ роковой часъ, Палатой Общинъ законопроекта объ ирландской автономіи, большое давленіе, увѣщательное и угрожательное будетъ произведено на Палату Лордовъ, дабы побудить ее покинуть долгъ, налагаемый на нее конституціей. Чтобы содѣйствовать обсужденію этого вопроса, я бы желалъ обратить вниманіе на законодательство другихъ демократическихъ странъ, въ большей степени, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ по отношенію къ пересмотру конституцій. Мнѣ кажется, что изъ такого сравненія мы вынесемъ убѣжденіе *не въ томъ, что Палата Лордовъ является излишнею* охраной противъ поспѣшныхъ измѣненій нашихъ основныхъ законовъ, а въ томъ, что намъ даже не достаетъ дополнительныхъ гарантій для того, чтобы сравниться съ другими народами въ этомъ отношеніи.“

Я позволила себѣ привести большія выдержки изъ статьи лорда Солсбери, потому что многіе на нее здѣсь смотрятъ, какъ на вѣрную программу оппозиціи при предстоящей неминуемой борьбѣ двухъ страстно возбужденныхъ враждебныхъ силъ.

О. К. (Ольга Новикова.)

(10 декабря) 28 ноября.

ЗИМА.

Кругомъ, какъ бѣлой ризою,
Одѣты всѣ поля,
И спитъ подъ снѣжнымъ саваномъ
Кормилица земля.

Хрустальнымъ чуднымъ кружевомъ
Стоитъ уряженъ лѣсъ;
И мглой, какъ сѣрымъ пологомъ,
Окутанъ сводъ небесъ.

Въ поляхъ кружитъ и мечется,
Какъ звѣрь шальной, метель;
Скрипитъ и воетъ жалобно
Надломленная ель.

Какъ сталью, рѣки скованы
Бронею ледяной;
Избушки спятъ, закутаны
Парчею снѣговой.

Въ сугробахъ блещутъ яркіе
Алмазы зимнихъ слезъ;
Трещитъ, гуляя въ улицѣ,
Сѣдой старикъ морозъ.

И съ неба мутно-сѣраго
Холодный солнца лучъ
Чуть грѣетъ землю-матушку
Сквозь дымку темныхъ тучъ.

Но какъ-бы прочны ни были
Оковы зимнихъ льдовъ,
Дохнетъ весна, и сгинетъ онъ —
Зимы сѣдой покровъ.

Ив. Ивинъ.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Состояніе православныхъ храмовъ въ Западной Россіи.—Митрополитъ Филаретъ, какъ подвижникъ.—Уменьшеніе территорій существующихъ епархій.—Новое постриженіе въ монашество свѣтскихъ лицъ.—*Церковныя Вѣдомости* о статьѣ Л. Тихомирова.

Несомнѣнно, русское дѣло въ Западномъ краѣ находится въ прямой зависимости отъ положенія тамъ Православной Церкви. Чѣмъ выше это положеніе, тѣмъ прочнѣе становится связь окраины съ центромъ, тѣмъ скорѣе идетъ дѣло ассимиляціи ея съ коренною Русью. Такъ всегда было; исторически Русь росла не столько завоеваніями, сколько успѣхами миссіонерской проповѣди среди иновѣрцевъ и молитвами предстателей за русскую землю. Такъ оно и теперь есть; гдѣ строится православный храмъ, а при немъ школа, тамъ вбивается новая свая утвержденія основъ русской государственности и народности.

Къ сожалѣнію, внѣшнее положеніе православія въ Западномъ краѣ оставляетъ желать еще очень многаго; говоря о внѣшнемъ положеніи, мы подразумѣваемъ здѣсь только состояніе нашихъ храмовъ и положеніе духовенства; болѣе глубокія стороны этого дѣла мы пока не затрогиваемъ. Но внѣшнее, матеріальное, положеніе нашихъ храмовъ въ Западномъ краѣ и всего того, что напоминаетъ о Православной Церкви, таково, что заставляетъ задуматься объ этомъ. Каждая газетная корреспонденція изъ того края приноситъ какую-либо нерадостную вѣсть. Недавно пришлось намъ встрѣтиться въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* съ подобнаго рода вѣстью изъ Виленской губ. *Виленскій Вѣстникъ* сообщаетъ, что въ 40 верстахъ отъ Лиды есть село Сабакинцы, въ которомъ

существуетъ православный храмъ. Церковь построена при М. Н. Муравьевѣ, великомъ борцѣ за русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Со времени постройки этой церкви прошло около 30 лѣтъ, и за все это время не было ни одной серьезной ремонтировки, вслѣдствіе чего внѣшность храма находится въ самомъ плачевномъ состояніи.

„Меня поразило, пишетъ корреспондентъ *Виленскаго Вѣстника*, то обстоятельство, что въ августѣ, въ большой праздникъ, въ церковь пришло всего только 12 душъ мужчинъ и женщинъ, проживающихъ въ самой деревнѣ; между тѣмъ, по словамъ мѣстнаго священника, въ этомъ приходѣ считается до трехъ тысячъ прихожанъ. Изъ дальнѣйшаго разговора со священникомъ и причетникомъ я узналъ, что такое грустное явленіе объясняется вреднымъ вліяніемъ католическаго духовенства, которое, для того, напримѣръ, чтобы отвлечь считающихся православными по спискамъ и метрикамъ отъ посѣщенія православной церкви, устроило въ сосѣднихъ мѣстечкахъ свои „фесты“ и „кирмаши“, отвлекающіе народъ отъ православной церкви во время большихъ праздниковъ. Что касается дома, въ которомъ помѣщается мѣстный священникъ, то онъ находится въ весьма жалкомъ состояніи: крыша продыравлена, полъ въ немъ сгнилъ, стѣны неоштукатурены, вездѣ дуетъ, и зимой жить въ немъ невозможно; таково же и помѣщеніе здѣшняго псаломщика; отъ мѣстныхъ помѣщиковъ ждать помощи не приходится, такъ какъ всѣ они католики.“

Мы цѣликомъ привели всю корреспонденцію не потому, что она представляла бы какой-нибудь выдающійся интересъ, а потому, что она представляетъ изъ себя типъ заурядныхъ корреспонденцій—которыхъ можно встрѣтить сотни въ разныхъ газетахъ. Тѣмъ-то она и важна, что трактуетъ о заурядномъ, обыденномъ явленіи, а не объ исключительномъ. Оставимъ пока въ сторонѣ обыкновенныя причитанія о происках ксендзовъ, ихъ вредномъ вліяніи и т. п. Странно удивляться тому, что ксендзы ревностно дѣлаютъ *свое* дѣло и по *своей* совѣсти. Гораздо важнѣе для насъ строго блюсти свое дѣло и заботиться о томъ, чтобы не было въ немъ прорухъ. Это хорошо понималъ незабвенный М. Н. Муравьевъ и главное свое вниманіе обращалъ на то, чтобы высоко поставить внѣшнее положеніе въ краѣ Православной Церкви. — Множество построенныхъ имъ новыхъ цер-

квей свидѣтельствуетъ о его дѣлѣ; множество пришедшихъ въ ветхость и 30 лѣтъ не ремонтированныхъ церквей свидѣтельствуетъ о тяжкихъ прорухахъ, допущенныхъ нами въ этомъ дѣлѣ. Намъ лично приходилось видѣть въ Западномъ краѣ храмы, въ которыхъ лѣтомъ дождь идетъ сквозь крышу, а зимой снѣгъ. Видѣли мы храмы, въ которыхъ существуетъ только одно священническое облаченіе и служитъ въ немъ священникъ и въ будни и въ пасхальную заутреню. Объ иконахъ и колоколахъ говорить нечего. Даже въ каѳедральныхъ соборахъ колокола такъ уныло звучатъ, что способны привести въ отчаяніе всякаго пріѣзжаго великорусса, привыкшаго къ красному звону. И тѣ мѣста, которыя должны быть особенно дороги нашему русскому чувству, служатъ теперь намъ лучшимъ упрекомъ въ нашемъ нерадѣніи и забвеніи. Вотъ, напримѣръ,—могила священника А. Прокоповича, замученнаго Поляками во время мятежа 1862 г., могила въ той мѣстности Гродненской губерніи, которая населена мазовецкимъ племенемъ; крестъ надмогильный уже пошатнулся; надпись полуистерлась, а церковь кладбищенская (она же и приходская) такъ покривилась на бокъ, что жалко смотрѣть на нее. Такъ мы бережемъ памятники нашего русскаго дѣла, политаго мученическою кровью! И можно было бы исписать множество страницъ, еслибы взяться описывать положеніе православныхъ храмовъ и святыни въ Западномъ краѣ. Это положеніе вопіющее, и само по себѣ, и по тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, какія влечетъ за собой. Блескъ внѣшности нигдѣ не имѣетъ такого громаднаго значенія, какъ въ Западномъ краѣ, гдѣ народъ пріученъ вѣковымъ католическимъ воспитаніемъ къ благоговѣнію передъ внѣшностью. Тамъ народъ не задумываясь идетъ туда, гдѣ больше блеску. Съ одной стороны онъ видитъ каменный костелъ съ прекраснымъ орга́номъ, съ пышнымъ церемоніаломъ обрядовъ, разсчитанныхъ на эффектъ, съ другой стороны — деревянную церковь, съ скуднымъ освѣщеніемъ, съ бѣдною утварью, съ хриплымъ дьячкомъ на клиросѣ... Выборъ не труденъ. Католики эту слабость народную знаютъ хорошо и пользуются ею, насколько могутъ. Намъ они въ этомъ не примѣръ, но и оставлять наши храмы въ томъ нищенскомъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся, тоже нельзя.

Гдѣ же взять средства для этого? Это главный вопросъ; въ этомъ главное затрудненіе. Конечно, мѣстное общество ничего не можетъ сдѣлать: мѣстное общество состоитъ изъ чиновниковъ,

живущихъ двадцатымъ числомъ; купцовъ православныхъ тамъ нѣтъ, помѣщиковъ богатыхъ очень мало. Мы знаемъ одно церковно-приходское попечительство въ богатомъ уѣздномъ городѣ Гродненской губерніи, которое собирало подаянія среди мѣстнаго общества, чтобы поставить какую-нибудь ограду кругомъ новаго православнаго кладбища; несмотря на всѣ усилія и всю готовность общества помочь — болѣе 300 рублей въ годъ не могли собрать; кончили тѣмъ, что сдѣлали *въ долгъ* проволочную ограду. И это въ оживленномъ областномъ центрѣ! Что же въ глуши?

И на правительство возлагать въ этомъ дѣлѣ всю свою надежду тоже нельзя. Въ этомъ отношеніи мы избалованы и любимъ полагаться на средства „казенныя". Забывая, что у правительства—заботы обще-государственныя и что если въ шестидесятыхъ годахъ правительство щедрою рукой жертвовало на поддержку православныхъ храмовъ въ Западномъ краѣ, то теперь это невозможно въ виду другихъ возникшихъ потребностей и задачъ. Впрочемъ и до сихъ поръ крупная сумма ассигнуется ежегодно на поддержку храмовъ въ Западномъ краѣ, и она распредѣляется на самыя главныя неотложныя нужды.

Намъ кажется, что на помощь нашимъ меньшимъ братьямъ въ Западной Россіи могло бы придти наше русское православное общество; намъ кажется — это единственный способъ поддержать русское и православное дѣло на западной окраинѣ. Тѣ милліоны, которые жертвуются ежегодно на благоукрашеніе храмовъ во внутренней Россіи, тѣ золотыя главы московскихъ церквей, которыя съ каждымъ годомъ все прибавляются въ числѣ, тѣ мраморные иконостасы и серебряные престолы, которыми стали украшаться наши храмы въ послѣднее время—привлекаютъ взоры нашихъ западныхъ братій къ сердцу Россіи, къ Москвѣ. Правда, и теперь они питаются крохами, падающими со стола господъ; и теперь пожертвованія въ храмы Западной Россіи стекаются преимущественно изъ Москвы, но пожертвованія эти случайны, неопредѣленны, не направлены къ одному опредѣленному центру. Въ такомъ дѣлѣ строгая организація помощи необходима прежде всего. Теперь, быть-можетъ, иная церковь, благодаря счастливымъ случайностямъ, получитъ нѣсколько пожертвованій, съ разныхъ сторонъ, а иная, гдѣ-нибудь въ глуши, забытая, одинокая, ни одного не получитъ, благодаря тому, что некому о ней напомнить. Для того чтобъ этого не было, необходимо организовать сборъ пожертвованій; необходимо, чтобъ

одно центральное учрежденіе вѣдало это дѣло и направляло стекающіяся пожертвованія въ извѣстномъ порядкѣ туда, гдѣ наиболѣе чувствуется нужда. Такимъ центромъ для Литовской епархіи могло бы быть Виленское Свято-Духовское Братство, а для Варшавской—Холмское Братство; а для того, чтобы сборъ пожертвованій не имѣлъ случайнаго характера—этимъ центральнымъ учрежденіямъ можно было бы открыть свои мѣстныя отдѣленія въ разныхъ концахъ Россіи. Такимъ только путемъ можно знакомить общество съ нуждами западно-русской церкви и сборомъ пожертвованій удовлетворять правильно эти нужды.

* * *

19 ноября исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня кончины знаменитаго іерарха Русской земли, митрополита Московскаго Филарета.

Приснопамятный святитель оставилъ послѣ себя богатое наслѣдство; сокровищница его мудрости, его глубокихъ знаній, его православнаго мышленія такъ велика, что еще не скоро мы въ состояніи будемъ оцѣнить ее по достоинству. Его труды по управленію Церковью создали цѣлую школу извѣстнаго направленія; его непосредственное участіе въ дѣлахъ государственныхъ оцѣнитъ исторія; его великій духъ наложилъ глубокую печать на все, съ чѣмъ онъ соприкасался, и съ каждымъ годомъ мы открываемъ все новыя стороны этого духа.

До послѣдняго времени много говорили о Филаретѣ, какъ святителѣ, какъ проповѣдникѣ, администраторѣ, государственномъ дѣятелѣ, ученомъ богословѣ, но только въ послѣднее время стали говорить о Филаретѣ, какъ великомъ подвижникѣ и праведникѣ; самая сокрытая внутренняя сторона духа стала раскрываться предъ нашими глазами позже другихъ.

„Достойно замѣчанія, говоритъ протоіерей П. Смирновъ въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, что даже клевета, преслѣдуя иногда святителя Филарета въ его общественной и церковной дѣятельности, до сихъ поръ ни разу не коснулась святыни его собственной внутренней жизни. Для всѣхъ несомнѣнно, что онъ былъ строгій инокъ, искренній молитвенникъ и высокій подвижникъ. По вступленіи за порогъ келліи, ощущалась какъ бы иная атмосфера, чувствовался иной міръ, не тѣ, къ какимъ мы привыкли въ своей обыденной жизни. Уже это одно не могло не внушать уваженія къ подвижнику и въ то же время не могло не влечь къ нему. Прислушайтесь, за что̀ славилъ и славитъ

нашъ православный народъ Филарета: „это праведникъ“, говорили и говорятъ, „постникъ, подвижникъ, святой человѣкъ!“ Вокругъ него тѣснились толпы народа, жаждавшаго принять его архипастырское благословеніе, и всѣ были искренно увѣрены, что съ благословеніемъ этимъ изліяется благословеніе свыше и почіетъ Божій миръ на ихъ главахъ, семьяхъ, домахъ, дѣлахъ, всей жизни. Къ нему прибѣгали въ семейныхъ горяхъ, за разрѣшеніемъ тяжкихъ недоумѣній, за умиротвореніемъ совѣстей. „Пойду, говорили, спрошу мудраго Филарета и сдѣлаю, какъ онъ велитъ“. И извѣстно не мало случаевъ, когда по преизбытку дѣйствовавшей въ немъ благодати, мысль его прозрѣвала въ будущее, когда молитвою его исцѣлялись безнадежные больные. Въ послѣдней книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* напечатанъ трогательный разсказъ протоіерея Виноградова, какъ одна бѣдная женщина, въ тяжелой скорби о болѣзни мужа, страдавшаго запоемъ, обратилась къ святителю Филарету, о которомъ такъ много слышала, съ какою отеческою любовью отнесся къ ней святитель и утѣшилъ ее въ горѣ, какую дивную прозорливость при семъ обнаружилъ, какъ дѣйственна была его молитва къ исцѣленію болящаго, и какимъ благоговѣніемъ преисполнена эта женщина къ его памяти. И такъ святительствовалъ онъ не годъ, не два, а цѣлыя сорокъ шесть лѣтъ. Мудрено ли, что эта великая нравственная сила дѣйствовала и подчиняла всѣхъ къ послушанію искреннему и безпрекословному? Итакъ, онъ дорогъ былъ всѣмъ по преимуществу какъ великій подвижникъ благочестія, отецъ и святитель. Такимъ остается онъ и теперь. Будемъ о немъ молиться, внимать его ученію и наставленіямъ и, по возможности, подражать его жизни.“

* * *

Съ назначеніемъ митрополита Палладія на Петербургскую каѳедру, изъ нея выдѣлены двѣ новыя епархіи: Финляндская и Новгородская. Это—событіе громадной важности, имѣющее кромѣ практической пользы, еще и принципіальное значеніе. Практическая польза та, что духовныя нужды православной паствы финляндской и новгородской теперь будутъ удовлетворяться скорѣе и проще, чѣмъ это было прежде. Это особенно важно для Финляндіи, гдѣ Православная Церковь находится въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ жизни. Положеніе ея тамъ должно быть боевое, какъ и на всякой окраинѣ, но до сихъ поръ оно было только страдательное. Лютеранскія власти старались уни-

зить, насколько возможно, православное вѣроисповѣданіе и внести въ него чуждые ему элементы. При такомъ отношеніи властей къ православію возможны были даже такія проявленія вражды къ Церкви, какія были въ Выборгѣ, гдѣ, напримѣръ, одинъ сапожникъ, въ насмѣшку надъ молящимися, курилъ въ каѳедральномъ православномъ соборѣ папиросу, зажженную о церковную свѣчу. Конечно, теперь все подобное безобразіе отойдетъ въ область преданій. Порукою за то твердый характеръ и замѣчательный тактъ, отличающіе перваго архипастыря Финляндіи—архіепископа Антонія.

Принципіальное же значеніе состоявшееся раздѣленіе Петербургской епархіи имѣетъ то, что въ этомъ раздѣленіи мы видимъ путь, которому отнынѣ намѣрено слѣдовать высшее духовное правительство. Путь этотъ—уменьшеніе территорій существующихъ епархій посредствомъ выдѣленія новыхъ каѳедръ. Намъ кажется, не надо много распространяться о значеніи и неотложной важности этой мѣры. Каждому ясно, какой ущербъ для развитія духовнаго дѣла заключается въ громадныхъ территоріяхъ современныхъ епархій. Вѣдь среднимъ числомъ на каждую епархію считается 560 приходовъ. Можетъ ли епископъ, какою бы онъ энергіей ни обладалъ, хорошо знать нужды всѣхъ этихъ приходовъ и тѣхъ пастырей которые руководятъ этими приходами? Можетъ ли онъ дѣлать живое дѣло и одушевлять на это пастырей, если обширность ввѣренной ему епархіи подавляетъ его прежде всего обширностью одного бумажнаго производства, которое неизбѣжно въ такомъ большомъ механизмѣ? Въ результатѣ получается то, что чисто *внѣшнія* условія жизни, какъ, напримѣръ, обширность территоріи епархіи, поневолѣ, независимо отъ личныхъ качествъ, ставятъ нашихъ архипастырей въ положеніе обыкновенныхъ администраторовъ, пользующихся всѣми бюрократическими средствами управленія. Имъ *физически невозможно,* при такихъ внѣшнихъ условіяхъ, проявлять живую дѣятельность, лично видѣть все на мѣстѣ, лично вникать въ нужды приходовъ, „быть всѣмъ вся“ по слову Апостола. Все это возможно теперь одному только финляндскому архипастырю, епархія котораго состоитъ изъ 35 приходовъ и 40 тысячъ душъ, ввѣренныхъ его попеченію. Только онъ одинъ имѣетъ физическую возможность сказать смѣло какъ добрый пастырь „Знаю—моя“. И такое ненормальное положеніе вещей заставляетъ отъ души желать скорѣйшаго разрѣшенія вопроса объ уменьшеніи территорій существующихъ епархій.

Для нѣкоторыхъ епархій желать этого заставляютъ еще и причины политическаго характера. Мы имѣемъ въ виду наши западныя окраины. Тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, желательно самое близкое участіе архипастыря въ жизни ввѣренной ему паствы, самый бдительный надзоръ и за этой жизнью и за враждебными ей элементами. Малѣйшій промахъ или упущеніе тамъ съ нашей стороны даютъ лишнее оружіе нашимъ врагамъ. Это тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что значительное неравенство силъ также служитъ не въ нашу пользу. Тамъ, въ Привислиньи на 6.200.000 католиковъ имѣется десять католическихъ епископовъ, а въ Волынской губерніи на 180.000 католиковъ—два епископа. Однимъ словомъ, на каждаго католическаго епископа нашихъ западныхъ окраинъ приходится приблизительно около 150.000 католиковъ, тогда какъ на каждаго православнаго епископа не менѣе одного милліона православныхъ, а кое-гдѣ и два. Неравенство слишкомъ замѣтное, чтобы надо было его еще подчеркивать.

Менѣе важны, конечно, условія этнографическаго характера, но и ихъ надо принять въ соображеніе въ томъ же Западномъ краѣ. Литовская епархія состоитъ изъ трехъ губерній: Виленской, Ковенской и Гродненской; число приходовъ въ ней около пятисотъ,—не болѣе чѣмъ въ другихъ епархіяхъ,—но этнографическій составъ этихъ приходовъ самый разнообразный. Каждая губернія тамъ представляетъ нѣчто особенное по племенному составу; житель Гродненской губерніи не пойметъ жителя Ковенской не только по обычаямъ и строю жизни, но и по языку; одну губернію населяютъ чистые Литовцы, другую Бѣлоруссы въ смѣси съ Малоруссами. Такой составъ этихъ губерній вліяетъ на разнообразіе духовныхъ нуждъ православной паствы Литовской епархіи; въ одной губерніи эти нужды однѣ, въ другой—совсѣмъ иныя; въ одной—задачи духовной власти однѣ, въ другой противоположныя. И это положеніе дѣла—достаточно серьезная причина, чтобы желать раздѣленія литовской епархіи на части, соотвѣтственно духовнымъ нуждамъ ея населенія.

* * *

Число свѣтскихъ лицъ, получившихъ высшее свѣтское образованіе и посвящающихъ свою жизнь на служеніе Церкви, все болѣе и болѣе увеличивается. Этотъ фактъ намъ особенно отрадно отмѣтить.

По сообщенію *Церковныхъ Вѣдомостей* во второй половинѣ ноября мѣсяца въ Кіево-Печерской лаврѣ принялъ монашескій пос-

тригъ студентъ 1-го курса Кіевской Духовной Академіи, грузинскій князь Давидъ Абашидзе. Новопостриженный инокъ нареченъ въ монашество Димитріемъ. По происхожденію онъ сынъ офицера кавказской арміи. Молодой князь Давидъ, послѣ домашняго образованія, воспитывался въ тифлисской гимназіи, которую окончилъ въ 1888 году въ числѣ первыхъ учениковъ съ золотою медалью Живой, впечатлительный отъ природы, князь Давидъ уже въ юности обнаруживалъ духовно-созерцательное настроеніе и особую любовь къ церковности. По окончаніи курса въ гимназіи молодой князь намѣревался завершить свое образованіе въ духовной академіи и поступить въ монашество. Но уступая волѣ родителей, болѣе желавшихъ видѣть сына на свѣтскомъ поприщѣ, князь Давидъ поступилъ въ Новороссійскій университетъ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1892 году по юридическому факультету и сдалъ государственный экзаменъ. Но ни новыя условія жизни въ Одессѣ, ни университетская среда, ни искушенія человѣческой мудрости не измѣнили высокорелигіознаго настроенія молодаго человѣка и не изгладили его стремленій къ духовной жизни. Во весь университетскій курсъ князь Давидъ, какъ и въ гимназіи, былъ чтецомъ и пѣвцомъ на клиросѣ университетскаго храма. При выходѣ изъ университета онъ получилъ святую икону и адресъ за подписью ректора и профессора богословія за труды по церкви и прекрасное чтеніе, привлекавшее многихъ во храмъ. Видя непреклонность сына и его любовь къ наукамъ богословскимъ, родители нынѣ лѣтомъ отпустили князя Давида въ Кіевъ для поступленія въ духовную академію. Послѣ установленнаго экзамена князь Давидъ Абашидзе былъ принятъ на первый курсъ въ числѣ лучшихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ.

Въ свою очередь изъ Сергіева Посада сообщаютъ въ *Московскія Вѣдомости*, что тамъ 2 декабря въ академическомъ храмѣ совершено было постриженіе въ монашество вольнаго слушателя Московской Духовной Академіи Николая Николаевича Безсонова. Новопостриженный родомъ изъ Могилевской губ. и по происхожденію изъ свѣтскаго званія. До поступленія въ академію онъ получилъ уже свѣтское образованіе въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ. Новопостриженному дано имя Никона — въ честь преподобнаго Никона, Радонежскаго чудотворца.

* * *

Церковныя Вѣдомости, издаваемыя при Св. Правительствующемъ Синодѣ, въ № 47 отмѣтили статью *Л. Тихомирова*, помѣщенную въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* („Духовенство и Общество въ современномъ религіозномъ движеніи") слѣдующими сочувственными строками: „г. Тихомировъ касается важнаго современнаго вопроса, а именно обсуждаетъ свѣтское учительство въ дѣлахъ вѣры и Церкви. Мысли г. Тихомирова заслуживаютъ полнаго вниманія. Есть выраженія не совсѣмъ точныя, но они легко исправимы и не лишаютъ этихъ мыслей ни вѣрности, ни основательности". Затѣмъ, перепечатавъ почти цѣликомъ означенную статью г. Тихомирова, редакція *Церковныхъ Вѣдомостей* дѣлаетъ поправки къ нѣкоторымъ выраженіямъ: такъ, напримѣръ, слова „клиръ" и „духовенство" замѣняетъ болѣе точнымъ словомъ „пастыри Церкви", такъ какъ къ клиру принадлежатъ и церковнослужители, которымъ, какъ и мірянамъ, права церковнаго учительства не дано; точно также слова г. Тихомирова, что „Церковь вообще, а духовенство въ частности обладаютъ истиной", редакція *Церковныхъ Вѣдомостей* поправляетъ такъ: „Церковь, по обѣтованію Господа, обладаетъ истиной, а пастыри только возвѣщаютъ ее въ духѣ послушанія Церкви".

Въ виду важности затронутаго г. Тихомировымъ въ своей статьѣ вопроса и множества толковъ, возбужденныхъ ею въ обществѣ и печати, обращаемъ вниманіе читателя на сочувственное отношеніе къ этой статьѣ со стороны *Церковныхъ Вѣдомостей* и на тѣ поправки неточныхъ выраженій, которыя ими сдѣланы.

—ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Панамское дѣло.—Бѣлыя нитки тройственнаго союза.—Заботы Германіи, Австріи, Италіи, Англіи, Турціи, Сербіи и Болгаріи. — По поводу столѣтія со дня смерти Фонвизина.—† А. А. Фетъ.

Взоры всего міра вновь обращены на Францію... Парижъ, опять приковалъ къ себѣ общее вниманіе и заставилъ безъ умолку говорить о себѣ. Его ораторы, почувствовавъ на себѣ отовсюду устремленные взгляды, вновь начинаютъ позировать и стараются говорить красивыя фразы...

Но въ чемъ же дѣло? Что̀ же такое случилось?

А случилось нѣчто далеко не красивое и бѣдной Франціи чести не дѣлающее... Произошелъ грандіозный скандалъ, обнаружено мошенничество небывало-крупныхъ размѣровъ. Мы разумѣемъ, конечно, „знаменитый“ Панамскій процессъ.

Излагать сущность этого дѣла, входить въ подробности его возникновенія и развитія мы, разумѣется, не будемъ. Объ этомъ успѣли уже прокричать во всеуслышаніе газеты всего міра, необыкновенно падкія до всего сенсаціоннаго и скандальнаго. Что̀ касается собственно читателей нашего журнала, то они въ этой же книгѣ его, въ „Письмѣ изъ Парижа“ нашего спеціальнаго корреспондента, найдутъ весьма обстоятельное, ясное и живое изложеніе всего этого дѣла.

Мы же, съ своей стороны, попытаемся заняться лишь внутреннею его стороной, указать его истинное значеніе, вскрыть, такъ сказать, его сокровенный смыслъ, намекнуть на его источникъ и причину, обозначить и опредѣлить взростившую его почву.

Панамское дѣло вспоено тѣмъ же источникомъ, вскормлено тою же почвой, какъ и европейскій анархизмъ, о которомъ мы говорили прошлый разъ по поводу послѣднихъ динамитныхъ взрывовъ въ Парижѣ. Это — тотъ же анархизмъ, только выра-

зившійся въ иной формѣ: не въ формѣ динамитнаго взрыва, а въ формѣ скандальнаго процесса... Причина все та же: необыкновенная нравственная распущенность, страшная расшатанность и спутанность нравственныхъ понятій, вытекающая изъ отсутствія прочныхъ религіозныхъ устоевъ, изъ отсутствія страха Божія, твердой вѣры въ живаго, конкретнаго Бога и загробную жизнь.

Отсюда—стремленіе къ здѣшнему, земному благополучію, къ возможно бо́льшему комфорту, къ возможно бо́льшему числу матеріальныхъ наслажденій и, какъ необходимое слѣдствіе этого, неистребимая, ничѣмъ не сдерживаемая жажда наживы, возможно болѣе легкой и скорой,—наживы, во что̀ бы то ни стало и какими бы ни было средствами. Одни, ради этой жажды наживы, начинаютъ беззастѣнчиво грабить, другіе, благодаря ей же, легко попадаются на удочку грабителей...

Въ душѣ человѣка вытравленъ страхъ Божій, свѣтлые, высокіе духовные идеалы потускнѣли, голосъ совѣсти понизился до невнятнаго шопота, печатное слово сдѣлалось предметомъ торговли, конечное стало брать верхъ надъ безконечнымъ, плоть надъ духомъ...

Вотъ то внутреннее значеніе Панамскаго дѣла, на которое мы хотѣли обратить вниманіе, тотъ глубоко поучительный, сокровенный смыслъ его, полный высокаго трагизма и леденящей душу печали, надъ которымъ сто̀итъ очень и очень призадуматься!..

* * *

Но народы Западной Европы не хотятъ, повидимому, серіозно задуматься надъ печальнымъ и поучительнымъ смысломъ Панамской исторіи. У каждаго изъ нихъ свои особыя думы и заботы.

Тройственный союзъ все думаетъ о самомъ себѣ: о своей силѣ, прочности и грядущей политической судьбѣ,—причемъ все болѣе и болѣе выходятъ наружу тѣ бѣлыя нитки, которыми онъ сшитъ.

Однимъ изъ доказательствъ этого можетъ служить, напримѣръ, такой случай.

Органъ нынѣшняго итальянскаго министра-президента г. Джіолитти, *Gazzeta Piemontese*, напечатала надняхъ передовую статью, въ которой, обсуждая отношеніе Италіи къ тройственному союзу, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Германія нашихъ дней подавлена тяжестію послѣдствій, вызванныхъ преувеличенною эксплуатаціей плодовъ ея побѣдъ 1870

года и мнимаго пораженія, нанесеннаго Россіи въ 1878 году. Конечно, Германія до сихъ поръ еще въ достаточной мѣрѣ обладаетъ гарантіями прочности тройственнаго союза, въ вѣрности леновъ котораго трудно сомнѣваться впродолженіи ближайшаго будущаго. Тѣмъ не менѣе, должно считаться съ возможностію, *даже съ вѣроятностію, что интересы Италіи и Австріи не всегда останутся солидарными.*"

Германская газета *Berliner Tageblatt* по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее:

„При обсужденіи значенія тройственнаго союза въ Италіи всегда вызываетъ сомнѣніе одинъ пунктъ. Итальянцы никогда ничего не возражали бы противъ союза, еслибы только *въ немъ не участвовала Австрія*; присущая Итальянскому народу непреоборимая вражда къ Австріи выступаетъ наружу при всякомъ случаѣ, этотъ фактъ невозможно отрицать. Каждый Итальянецъ въ глубинѣ души своей всегда прреденти́стъ по отношенію къ Австріи, все равно, принадлежитъ ли онъ къ приверженцамъ Барцилая, Криспи или Джіолитти. Въ Римѣ успѣли лишь на время заглушить анти-австрійскія чувства, но искоренить ихъ не могли. Нѣтъ также сомнѣнія, что тройственный союзъ, который не представляется вѣчнымъ договоромъ, ранѣе или позже, какъ пророчитъ органъ г. Джіолитти, разобьется объ антипатіи итальянскаго народа къ Австріи."

* * *

Имѣя въ виду эти бѣлыя нитки, проглянувшія, между прочимъ, въ вышеприведенномъ случаѣ, кажется, съ достаточною ясностью, правительство Германіи продолжаетъ усиленно думать о своемъ новомъ военномъ законопроектѣ, долженствующемъ, по его мнѣнію, обезпечить эту страну, на всякій случай, независимо отъ ея „вѣрныхъ" союзниковъ. Судьба этого законопроекта, уже внесеннаго на обсужденіе рейхстага, все еще продолжаетъ оставаться въ неизвѣстности, хотя, насколько можно судить изъ настоящаго положенія дѣлъ, ему едва ли удастся пройти въ рейхстагѣ безъ нѣкоторыхъ, весьма, впрочемъ, значительныхъ измѣненій въ своей первоначальной редакціи.

Австрія погружена въ свои парламентскія пренія (въ которыхъ, со всею очевидностію, сказывается взаимное неудовольствіе всѣхъ партій), а также въ думы о томъ, что дружба съ Россіей можетъ, пожалуй, оказаться при настоящемъ положеніи дѣлъ нѣсколько выгоднѣе, чѣмъ дружба съ Германіей.

Въ Италіи навертывается что-то въ родѣ своего собственнаго „Панамскаго процесса“.

Англія все еще, по-преимуществу, занята г. Гладстономъ и его ирландскою политикой.

Турція призадумалась надъ своимъ старымъ должкомъ Россіи, о которомъ напомнила ей дипломатическая нота г. Нелидова, сейчасъ же обнародованная чуткой и зоркой въ этомъ отношеніи Англіей.

Бѣдная Сербія все еще страдаетъ отъ распрей либераловъ съ радикалами и все еще никакъ не можетъ разобрать, кто же собственно желаетъ ей истиннаго блага: партія г. Аввакумовича или партія г. Пашича.

Болгарія очень занята вопросомъ, стòитъ или не стòитъ ей заняться пересмотромъ своей конструкціи, и можетъ или не можетъ изъ этого выйти что-либо путное.

И т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, всякая страна занята исключительно своими собственными заботами, — и ни одно изъ европейскихъ государствъ, ни одинъ изъ народовъ Европы не хочетъ, повидимому, серьезно вдуматься въ истинное значеніе и сокровенный смыслъ того, чтò совершается на передовомъ посту ея цивилизаціи, какимъ издавна считается Франція, а во Франціи Парижъ...

* * *

А между тѣмъ уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ нашелся человѣкъ, который сразу постигъ и удивительно мѣтко охарактеризовалъ всю сущность этого направленія, которое привело теперь къ динамитнымъ взрывамъ и процессамъ, подобнымъ Панамскому, а въ то время, едва лишь только нарождалось и возникало. Мы разумѣемъ знаменитаго нашего писателя, автора *Бригадира* и *Недоросля*, Дениса Ивановича Фонвизина, со дня смерти котораго 1 декабря текущаго года исполнилось ровно сто лѣтъ.

Вотъ чтò писалъ Фонвизинъ, побывавъ въ Парижѣ и познакомившись съ ученіемъ философовъ, родоначальниковъ новаго направленія:

„Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи; но они, которые, ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ?

Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интересъ божествомъ своимъ, и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сама наука сдѣлалась источникомъ непримиримой вражды между семьями... Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій, и почему признаніе бытія Божія мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ. Но надлежитъ только взглянуть на самихъ господъ нынѣшнихъ философовъ, чтобъ увидѣть, каковъ человѣкъ безъ религіи, и потомъ заключить, какъ прочно было бы безъ оной все человѣческое общество".

Въ этихъ словахъ сказался и глубокій здравый смыслъ Фонвизина, и присутствіе въ его міровоззрѣніи прочныхъ религіозно-нравственныхъ основъ, и яркій отблескъ тѣхъ свѣтлыхъ идеаловъ, во имя которыхъ онъ боролся со зломъ, при свѣтѣ которыхъ шелъ безбоязненно освѣщать самыя темныя пятна своей горячо любимой родины.

Оттого-то слово его живо и сильно до сихъ поръ, оттого-то имя его вписано крупными буквами, среди самыхъ дорогихъ и почетныхъ именъ въ лѣтописяхъ русской литературы...

* * *

Литература эта за нѣсколько дней до столѣтія со дня смерти Фонвизина понесла новую, тяжелую утрату: 21 ноября текущаго года скончался нашъ незабвенный сотрудникъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и талантливыхъ поэтовъ Россіи, Аѳанасій Аѳанасіевичъ Шеншинъ-Фетъ...

Кромѣ удивительнаго по силѣ, гибкости, нѣжности и граціи, необыкновеннаго таланта поэта-лирика, способнаго чутко подмѣчать и геніально-смѣло запечатлѣвать вдохновеннымъ словомъ самыя неуловимые оттѣнки и переливы человѣческихъ чувствъ и красокъ природы, А. А. Фетъ обладалъ еще недюжиннымъ гражданскимъ и литературнымъ мужествомъ, позволившимъ ему высоко пронести въ безтрепетной рукѣ свое знамя „чистаго искусства", въ самое неблагопріятное для этого время, подъ градомъ насмѣшекъ слишкомъ одностороннихъ литературныхъ судей со спутавшимися эстетическими понятіями.

Это также не малая заслуга передъ родною литературой... И заслуга эта не будетъ ему позабыта...

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

ЧТО ТАКОЕ НАРОДНИЧЕСТВО?

I.

Было бы слишкомъ большимъ пробѣломъ закончить 1892 годъ, не упомянувъ о *народничествѣ*. Это одна изъ наиболѣе оживленныхъ темъ года. О народничествѣ говорили журналы и писатели самыхъ различныхъ направленій. Особенное вниманіе естественно возбудили статьи г. В. В.—„Попытки обоснованія народничества“ (*Русское Богатство*, №№ 2, 3 и 6 [1]), а въ смыслѣ критики—наиболѣе обстоятельна статья г. А. В—на, „Теоріи народничества“ (*Вѣстникъ Европы*, октябрь).

Народничество—направленіе чрезвычайно извѣстное по названію и по дѣятельности внѣшней. Но смыслъ и содержаніе его для всѣхъ туманны, и даже среди самихъ „народниковъ“ возбуждаютъ постоянныя разногласія. Этою темнотой объясняются, мнѣ кажется, старанія другихъ направленій завербовать народничество къ себѣ. Такое стремленіе замѣчается у всѣхъ, писавшихъ о народникахъ. Такъ и г. А. В—нъ упрекаетъ ихъ въ нежеланіи примкнуть къ либерализму, хотя бы въ видѣ одного изъ подраздѣленій его. „Относясь, говоритъ онъ, болѣе спокойно къ явленіямъ нашей общественной жизни и литературы, теоретики народничества увидѣли бы, что ихъ *основныя мысли* встрѣчаютъ гораздо болѣе *сочувствія* и болѣе *союзниковъ*, нежели они полагаютъ.“ Что такое однако „основныя мысли“ народничества? Правильно ли понимаетъ это либеральный наблю-

[1] По сверстки статьи я получилъ *четвертую* статью г. В. В., которой уже не могъ принять въ соображеніе для своего обзора.

датель? Не заключаютъ ли эти „основныя мысли“ такихъ противорѣчій, которыя сами по себѣ исключаютъ возможность „союзничества“ со всякимъ другимъ направленіемъ, послѣдовательнымъ и логичнымъ? Мы видимъ во всякомъ случаѣ, что народничество очень свысока относится къ такому „союзничеству“. На заявленіе г. Влад. Соловьева, тоже находившаго сближенія между собой и народниками, г. В. В. отвѣчаетъ, что „хотя въ системѣ воззрѣній г. Соловьева имѣются мысли, при дальнѣйшемъ развитіи приводящія къ заключеніямъ, характеризующимъ народничество, но эти мысли *остались авторомъ неразвитыми*.“ Союзническая любезность г. В. В. не идетъ далѣе ободренія г. Соловьева на дальнѣйшія старанія приблизиться къ народничеству. „Мы, говоритъ онъ, не считаемъ г. Соловьева, какъ публициста, вполнѣ установившимся, и думаемъ, что если онъ поработаетъ серьезно надъ задачами, диктуемыми *народными* (а не національными) интересами Россіи, онъ прійдетъ къ такимъ же мнѣніямъ“, какъ г. В. В. Ободрительная перспектива! Не болѣе снисходителенъ г. В. В. и къ „западникамъ“, какъ онъ называетъ либераловъ. Ихъ образъ мыслей отличается для него отсталостью и узостью. Дѣйствительное передовое движеніе это—народничество. Западники берутъ у Европы *формы*, а народники развиваютъ „основную идею прогресса“. Вообще хотя г. В. В. и не отказываетъ либераламъ въ „объединеніи“ съ ними своихъ усилій, но подъ условіемъ „искренняго отношенія къ дѣлу“, и вообще продолжая сознавать себя на большой высотѣ предъ ними.

Въ какой мѣрѣ правъ г. В. В., такъ высоко помышляя о своемъ направленіи? Въ какой мѣрѣ писатели и дѣятели другихъ направленій правы, стараясь сблизиться съ народниками? На эти вопросы, казалось бы, лучше всего можно было ждать отвѣта, или хотя основательныхъ данныхъ для отвѣта, именно отъ г. В. В., который, съ давнихъ поръ принадлежа къ народникамъ, сверхъ того пользуется среди нихъ репутаціей самостоятельнаго и наблюдательнаго ума. Экономическимъ работамъ г. В. В. нельзя дѣйствительно отказать въ извѣстномъ остроуміи и умѣньи группировать факты. При большой тенденціозности, г. В. В.,—какъ экономистъ—все же обладаетъ достаточными свѣдѣніями и аргументаціей для того, чтобы постоять за себя. Естественна надежда услыхать отъ него что-либо обстоятельное о направленіи, къ которому онъ принадлежитъ.

II.

Этихъ надеждъ, въ прямомъ смыслѣ, г. В. В. не оправдываетъ. Въ трехъ статьяхъ, на восьмидесяти большихъ страницахъ, способныхъ составить цѣлый томикъ, г. В. В. касается всѣхъ вопросовъ на свѣтѣ, критикуетъ своихъ предшественниковъ (гг. Юзова и В. Пругавина), возражаетъ либераламъ и г. Соловьеву, вспоминаетъ русскую и всемірную исторію, говоритъ о происхожденіи народничества, о его сущности, о теоріи и практикѣ. Но въ концѣ концовъ получается нѣчто туманное по формѣ, путанное и противурѣчивое по мысли. Критикъ *Вѣстника Европы*, г. А. В—нъ, совершенно въ правѣ заявить, что и одолѣвшіе всю эту премудрость все-таки ничего не понимаютъ.

„Въ чемъ же заключается народничество, спрашиваетъ онъ.— Не можемъ скрыть, что статьи г. В. В. оставили насъ въ большомъ недоумѣніи“ (стр. 745). Мы, говоритъ г. А. В—нъ, ничего не имѣемъ противъ того, чтобы какое-нибудь направленіе выдѣлялось съ особымъ названіемъ „народничества“ и готовы быть даже особенно снисходительны къ нему, въ виду благой его цѣли служить именно *народу*. Но нужно, однако, чтобы направленіе имѣло нѣкоторый опредѣленный смыслъ. Г. А. В—ну кажется, что если въ народничествѣ есть какой-нибудь смыслъ, то онъ подходитъ къ стремленіямъ либеральнаго демократизма. Но тогда почему же не сознать этого, почему не соединиться съ либералами? Нужно бы не „выдѣляться въ особую секту“, а стремиться „къ тому, чтобы примыкать къ родственнымъ группамъ и направленіямъ... У этихъ направленій нашлось бы не мало общаго, какъ есть также и общія, враждебныя для нихъ ученія, съ которыми обоимъ въ концѣ-концовъ придется встрѣчаться“ (705).

Разсужденіе очень естественное. Если, дѣйствительно, народники и либералы, хотя въ различной степени, стоятъ одинаково за демократическій прогрессъ, то они, очевидно, должны соединить усилія противъ общихъ имъ враговъ. И, однако, у всѣхъ „народническихъ“ писателей мы находимъ одинаковое отрицаніе этого, вполнѣ логическаго требованія. Почему это такъ выходитъ? Отвѣтъ на это нужно, полагаю, искать въ *историческомъ* изученіи народничества. Оно въ настоящемъ своемъ такъ спутано, что разбирать логику его противурѣчій крайне трудно.

Исторія же происхожденія, *условія рожденія*, легко объясняютъ то, что безъ этого кажется совершенно непонятнымъ капризомъ. Къ сожалѣнію, г. А. В—нъ совершенно не обладаетъ нужными свѣдѣніями для историческаго пониманія народничества. „Довольно трудно сказать, говоритъ онъ,—гдѣ впервые явилось слово *народникъ*—мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ этого припомнить". Поэтому г. А. В — нъ начинаетъ влагать въ народничество содержаніе, основываясь лишь на *смыслѣ слова* „народникъ". Пріемъ столь же удачный, какъ еслибы мы вздумали уяснить смыслъ англійской революціи, анализируя смыслъ клички „круглоголовые", данной Пуританамъ. Не мудрено, что А. В—нъ. отыскивая начало народничества, готовъ подняться до самого Посошкова, какъ „писателя съ *сознательно народнымъ* интересомъ". Такимъ образомъ г. А. В—нъ самъ себя сбилъ съ пути, изъ-за филологическаго смысла слова, вложивъ совершенно произвольное понятіе въ „народничество", какъ яко бы направленіе какого-то „сознательно-народнаго интереса". Г. В. В. долженъ, безъ сомнѣнія, лучше знать исторію своего направленія, и онъ, дѣйствительно, не повторяетъ ошибки г. А. В—на. Хотя слегка и туманно, но вполнѣ утвердительно, онъ указываетъ на *семидесятые* года, какъ моментъ рожденія народничества. Это совершенно вѣрно. Но г. В. В. ограничивается хронологическимъ указаніемъ, да еще высокопарными фразами о гражданскихъ добродѣтеляхъ эпохи и людей ея. Конкретныхъ фактовъ, способныхъ дать читателю возможность разобраться въ этихъ добродѣтеляхъ, г. В. В. не сообщаетъ. Такимъ образомъ самый важный моментъ, время складыванія типа, остается въ полномъ туманѣ. Присмотримся же конкретнѣе, изъ какихъ элементовъ и при какихъ условіяхъ сложилось то, что нынѣ называется *народничествомъ*. Тогда мы легче поймемъ его дѣйствительное содержаніе и, быть-можетъ, уже не станемъ удивляться его противурѣчіямъ. Они явились, полагаю я, съ роковою неизбѣжностью, и если народничество можетъ чему-нибудь научить Россію, то исключительно ими. Это противурѣчія крайняго *западничества*, упершагося лбомъ въ сплошную стѣну *національной* Россіи и одинаково неспособнаго ни понять, ни сломить ее.

III.

Времена эти еще свѣжи въ памяти у многихъ. Собственно о *словахъ* „народникъ", „народничество" должно сказать. что они

до 1872 года совсѣмъ не существовали, и я хорошо помню, какъ они возникли. Извѣстное „пропагандистское“ движеніе первоначально направлялось собственно въ среду студенчества и вообще въ такъ называемые „образованные“ слои. Въ 1872—73 году оно направилось въ *народъ*, не безъ противодѣйствія со стороны представителей прежней системы пропаганды. Новые пропагандисты, созданные учениками Бакунина, и явившіеся у насъ, какъ *анархисты*, прозвали старыхъ въ насмѣшку „образованниками“, а эти ихъ въ свою очередь прозвали „народниками“. Такъ возникло слово. Первоначально никто самъ себя такъ не называлъ: это было бы странно и даже смѣшно. Новое слово получило права гражданства въ терминологіи „движенія“ только послѣ извѣстнаго „шальнаго лѣта“ 1874 года съ его массовымъ хожденіемъ „въ народъ“, а *народничество*, въ видѣ опредѣленнаго кружка и опредѣленной программы („опредѣленной“ въ томъ смыслѣ, что она была написана на бумагѣ) явилось еще позднѣе, въ 1877 году, въ такъ-называемомъ „землевольчествѣ“, затѣмъ обособилось тѣснѣе отъ остальнаго движенія въ видѣ группы „Чернаго передѣла“, въ это время уже уяснившись и для правительства, какъ направленіе болѣе „мирное“. Еще нѣсколько лѣтъ и „народничество“, уже нисколько не преслѣдуемое и само отбросившее „бунтовскія“ стремленія, проповѣдуется открыто, въ цензурныхъ журналахъ, и можетъ распространяться, какъ всякое другое допускаемое направленіе.

Это внѣшняя сторона дѣла. Посмотримъ теперь *понятія* и ихъ развитіе. Г. В. В. въ этомъ случаѣ, благодаря своей туманности, мало помогаетъ, въ историческомъ смыслѣ. Онъ признаетъ, что первоначально въ народничествѣ трудно разобраться, но будто бы потому что въ семидесятыхъ годахъ къ нему „примазались“ самые различные и неподходящіе элементы. Сверхъ того „періодъ формированія разсматриваемаго направленія былъ въ то же время моментомъ оживленія практической дѣятельности общества (?!), которая и поглощала большую часть его силъ, а на научное (sic) обоснованіе различныхъ программъ не оставалось ни времени, ни желанія“. [1] Это лишь отчасти вѣрно. Прежде всего г. В. В. спутываетъ читателя, толкуя объ *обществѣ* (очевидно въ смыслѣ вообще русскаго общества). Конечно, общество не могло не оказывать своего вліянія на народничество, но во

[1] Ст. первая, стр. 40.

всемъ нужно помнить и соблюдать перспективу. Изо всѣхъ революціонныхъ теченій (каковымъ *первоначально* было народничество) [1]—это наименѣе подвергалось вліянію общества, имѣло наиболѣе замкнутый характеръ, такъ что въ обществѣ его плохо даже понимали. „Программа“ народниковъ была уже написана, прежде чѣмъ появились въ цензурныхъ журналахъ *первыя* статьи, сколько-нибудь знакомящія общество съ этимъ движеніемъ. Первая статья этого рода (г. Морозова въ *Отечественныхъ Запискахъ*, если не ошибаюсь) прямо и говоритъ, что народничество развилось самостоятельно, внѣ литературныхъ вліяній.

Итакъ объ обществѣ *на первомъ планѣ* нечего говорить. Не въ немъ было дѣло. Та молодежь, которая создала народничество, получила отъ общества своего времени „вѣру въ революцію“, фантастическое убѣжденіе въ томъ, будто бы мы живемъ въ началѣ какого-то полнаго переворота всѣхъ соціальныхъ отношеній. Содержаніе этого предполагаемаго переворота было [2] очень смутно для всѣхъ. Но собственно въ тотъ слой молодежи, отъ котораго пошло народничество, понятіе о *содержаніи* этой революціи было внесено не изъ „общества“, а прямымъ путемъ изъ-за границы, отъ такъ-называемыхъ *анархистовъ*.

Анархизмъ западный есть прямой продуктъ соціальнаго *разложенія*, при которомъ больное и скомпрометированное *цѣлое* (государство, нація) исчезаетъ въ умахъ. Остаются живыми только *части*, элементы, изъ которыхъ состояло цѣлое, прежде живое. При такихъ условіяхъ самосознаніе этихъ частей болѣзненно обостряется, онѣ видятъ и ощущаютъ только *себя*, а не цѣлое. Такъ возникаетъ теорія новѣйшаго соціализма, классовой борьбы и т. д. Анархизмъ — *крайній* продуктъ этого разложенія. Если въ этомъ разложеніи *прогрессъ*, то анархизмъ—долженъ быть признанъ „основною идеей прогресса“. Если въ этомъ разложеніи смерть, то анархизмъ — передовой водитель къ смерти. Но губительно или „прогрессивно“, все это *серьезно* лишь въ соціально разлагающихся странахъ. У насъ наоборотъ получилось не столько опасное, сколько курьезнѣйшее (съ формально логической точки зрѣнія) явленіе, и именно архи-отрицатели, архи-

---

[1] Народничество, повторяю, очень быстро утратило свой революціонный характеръ. Это было признано и правительствомъ. Въ настоящее время мы можемъ свободно говорить объ этомъ прошломъ, не опасаясь никого «подвести».

[2] Могу сослаться для подробностей на свою брошюру «Начала и Концы».

бунтовщики, анархисты,—принуждены были прежде всѣхъ покинуть революцію и стать *мирными* дѣятелями.

Какимъ же образомъ это случилось?

Исторически народничество у насъ вышло изъ анархизма. Первые народники всѣ были анархисты, и притомъ изъ заграничныхъ историковъ. Изъ мѣстныхъ вліяній, русскихъ, немного дѣйствовали на нихъ кой-какіе смутные отголоски славянофильства (да и то въ Герценовско-Бакунинскомъ истолкованіи), да еще Добролюбовъ, своими безсознательно анархическими склонностями. Анархизмъ, открываемый намъ Бакунинымъ, и произвелъ то явленіе, котораго, повидимому, не понимаетъ хорошенько г. В. В. „Практическая дѣятельность" началась „оживленная" а на „научную ея обосновку"—не оказывалось ни времени, ни даже, признается г. В. В.—*желанія*. Совершенно вѣрно. Но что̀ за странные люди, которые „оживленно дѣйствовали", сами не зная почему и для чего? Да потому, что дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ изображаетъ г. В. В. Никакихъ „научныхъ обосновокъ" вовсе и не требовалось для анархистовъ. „Старая культура" отрицалась. *Политическая* дѣятельность точно также, ибо какая можетъ быть политическая дѣятельность, если государство по существу есть понятіе ложное и подлежитъ упраздненію? *Новый строй* долженъ сложиться самъ, изъ свободной гармоніи личностей, создаваемой „коллективною мыслью" массы. Чему учиться? Въ старомъ нечему. Въ новомъ? Но оно еще молчитъ, его еще нужно „пробудить". Поэтому всякое ученіе было брошено. Отцы нынѣшнихъ народниковъ, во всемъ революціонномъ „движеніи", прославились особливымъ и преднамѣреннымъ невѣжествомъ. Никакихъ научныхъ обосновокъ не только не могли они дѣлать (за самымъ отрицаніемъ существующей науки), но и не имѣли надобности.

Но въ этомъ блаженномъ состояніи имъ недолго пришлось оставаться. Анархія ихъ толкнула въ народъ и только въ народъ, къ источнику „коллективной мысли". А дойдя до народа, они, при всей склонности жить иллюзіями, не могли не почувствовать, что дошли до прямой противуположности своимъ фантазіямъ. Французскій анархистъ, являясь куда-нибудь къ рудокопамъ, попадаетъ въ среду ему родственную, если не сознательно, то по настроенію. Этотъ рабочій ничего не имѣетъ, ничего въ государствѣ и въ обществѣ не уважаетъ, хозяинъ для него только эксплуататоръ, депутаты или министры—„tas des voleurs", „cra-

„pule“ и т. п. Въ Бога онъ не вѣритъ, въ жизни—матеріалистъ поклонникъ не дающагося ему „легкаго звона легкой радости земной“. Нашъ анархистъ, дойдя до мужика, наоборотъ нашелъ массу, только что освобожденную Царемъ, надѣленную землей, массу, сплоченную въ общество, которое твердо сознавало, что оно и политически организовано — величайшею силой общаго повелителя и попечителя Царя. Мужикъ даже и „барина“ не отрицалъ по существу, какъ слугу царскаго. Мужикъ этотъ серьезно вѣрилъ въ Бога, былъ въ значительной степени идеалистъ, и лучшія свои думы направлялъ не на комфортъ житейскій, а— куда-то туда—въ непонятную пропагандисту небесную высоту. Анархистъ, имѣвшій идеи, созданныя *соціально-разлагающимся строемъ*, встрѣчалъ тутъ, „въ народѣ“, среду, глубоко пропитанную *живымъ соціальнымъ сознаніемъ*. Противурѣчіе было до того полно, что анархистъ-бунтарь вмѣсто девиза „ni Dieu ni maitre“ принужденъ былъ прибѣгать къ самозванству и сочинять фальшивые указы съ „Божіею милостью“ въ началѣ и „быть по сему“ на концѣ.

Еслибы люди, пошедшіе въ народъ, были поразвитѣе, еслибъ они знали нѣсколько лучше хотя европейскую *дѣйствительность*, они бы изъ столкновенія своего съ народомъ, при работѣ мысли на дѣйствительныхъ фактахъ, пришли бы вѣроятно болѣе или менѣе къ *славянофильству*. Но это былъ слой, хотя и не лишенный природныхъ способностей, особливо мало свѣдущій и мало развитой умственно. Передумать свои мысли у нихъ не было силы. Однако и совсѣмъ не имѣть впечатлѣній отъ народа они тоже не могли. Остаться анархистами имъ было даже практически невозможно. Мужикъ, источникъ „коллективной мысли“, встрѣчалъ „разстройщиковъ“ черезъ-чуръ нелюбезно, и „представлялъ“ ихъ „куда слѣдуетъ“ такъ неукоснительно, какъ еще и не видывала интеллигенція ни въ одномъ дотолѣ извѣстномъ ей слоѣ населенія. И вотъ мысль мало развитая, несмѣлая — кончаетъ тѣмъ, что не рѣшаясь отказаться ни отъ своего стараго, ни отъ новаго, народнаго,—пытается совмѣстить то и другое въ нескладномъ *компромиссѣ*, въ видѣ первой народнической программы. „Народники“ сохранили для себя свои анархическія идеи, какъ бы въ отвлеченіи, а практически согласились опираться на то, что̀ даетъ народъ. Компромиссъ оправдывался рѣдкимъ по слѣпотѣ утвержденіемъ будто бы по существу это стремленія однородныя. Отъ бунтовства „народ-

ники“ сначала еще не отказались, толкуя то о самозванствѣ, то объ „аграрномъ террорѣ“. Но позднѣе, въ *Черномъ передѣлѣ* еще болѣе усилили уступки мирному „народу“, а отдѣльныя лица, проживавшія „въ народѣ“, уже всю свою „борьбу“ свели на закономъ не воспрещаемую и даже предписываемую защиту крестьянъ отъ злоупотребленій. Такъ черезъ нѣсколько лѣтъ, „нелегальное“ народничество мало-по-малу совсѣмъ стушевывается, мы видимъ, наконецъ, народниковъ, какъ самыхъ обыкновенныхъ работниковъ дѣятельности журнальной, земской, статистической и т. д. Дѣятельность „бунтовская“ исчезаетъ, и народничество даже объявляется за границей явленіемъ „реакціоннымъ“. Въ средѣ русскихъ направленій оно занимаетъ совершенно „легальное“ мѣсто.

Вся эта эволюціи, прошедшая на нашихъ глазахъ, въ теченіи 20 лѣтъ, безъ сомнѣнія, до извѣстной степени говоритъ въ пользу народничества, но собственно съ точки зрѣнія *здраваго смысла*. Хорошо, за неимѣніемъ лучшаго, когда указанія здраваго смысла по крайней мѣрѣ не отбрасываются людьми хоть на практикѣ. Но мы до сихъ поръ еще не видѣли въ средѣ народниковъ той силы ума, которая способна изъ указаній здраваго смысла сдѣлать теоретическое обобщеніе, выводъ болѣе осмысленный чѣмъ простой эмпирическій компромиссъ.

До сихъ поръ оно оставалось простымъ механическимъ слѣпкомъ непродуманной теоріи съ противурѣчащимъ ей и признаннымъ, но непонятнымъ ей фактомъ. Что же привноситъ къ этому положенію г. В. В., со своими широковѣщательными „научными обосновками“?

IV.

Двойственность, заложенная въ народничествѣ условіями его рожденія, видна въ полной мѣрѣ и у г. В. В. Теоріи европейской (разложенной) демократіи у него только блѣдны, и развѣваются въ видѣ лохмотьевъ знамени, но не исправлены, не перекрашены въ цвѣта русской народной дѣйствительности. Какъ мы видѣли, нашъ авторъ съ особенною выразительностью подчеркиваетъ, что для него важенъ интересъ народный не въ смыслѣ *національнаго*, а народный въ смыслѣ *классовомъ*. Народничество преслѣдуетъ „задачи, диктуемыя народными (а не

національными) интересами Россіи“ [1]. Отсюда видно коренное различіе народниковъ со славянофилами, которые тоже стремились къ народу, „къ простонародью“, но собственно съ тѣмъ, чтобы научиться у него понимать „національно-народный“ типъ, безъ знанія котораго нельзя понимать *интересовъ* народа, а можно только навязывать ему свои. Такого здороваго уваженія къ народной самостоятельности нѣтъ въ основѣ міросозерцанія г. В. В. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ европейскій демократъ, способный, казалось бы, протянуть руку *Вѣстнику Европы*. Черты европейскаго демократизма дословно повторяются и въ формулѣ, которую г. В. В. почему-то считаетъ самобытно-народническою. Его „сущность содержанія народничества“ выражена въ трехъ пунктахъ:

1) Цѣль—составляетъ *народный интересъ*,

2) Средства дѣйствія должны давать тѣ *соціальныя формы*, которыя *вырабатываются народомъ* или свободно (то-есть не по принужденію) имъ усваиваются,

3) Наконецъ двигательною силой развитія должна быть *самодѣятельность народа*. [2]

Г. В. В. не видитъ, что все это *у насъ* пустыя фразы, разъ только онъ отрицаетъ „національный“ интересъ, а беретъ народъ въ смыслѣ классовомъ. Но сверхъ того въ формулѣ его нѣтъ ничего самобытнаго, своего. Это старая формула европейской демократіи: „tout pour le peuple, tout par le peuple“. Разница только въ томъ, что Французы выразили мысль кратко и ясно, а іероглифы г. В. В., чтобы понять ихъ, нужно расшифровывать.

Итакъ г. В. В. и его народники обыкновеннѣйшіе *демократы* и г. А. В—нъ можетъ только повторить свое приглашеніе идти объ руку?

Нѣтъ, отвѣчаетъ г. В. В., „западники“ усвоиваютъ только форму, а народники „основную идею прогресса“. Въ чемъ же она однако заключается? Вотъ въ чемъ: „Правильное развитіе общества требуетъ, чтобы формы національнаго быта вырабатывались и осуществлялись самостоятельно и органически всѣмъ обществомъ“. [3] Но развѣ „западники“ либералы этого не признаютъ? Въ существенныхъ частностяхъ, говоритъ г. В. В., — нѣтъ. Такъ они

---

[1] Статья 3-я, стр. 119. Примѣчаніе, адресованное г. В. Соловьеву.

[2] Ст. 2-я, стр. 68. Излагаю своими словами.

[3] Ст. 3 я, стр. 41.

толкуютъ о политическихъ демократическихъ учрежденіяхъ, а г. В. В. къ „конституціи“ относится подозрительно. Она только передаетъ власть „буржуазіи“. Это, положимъ, правда. Однако же нельзя существовать безъ какихъ бы то ни было политическихъ формъ, и если г. В. В. не нравится „конституція“ (въ чемъ не я буду спорить противъ него), то онъ долженъ признать удовлетворительность нынѣ существующихъ политическихъ формъ нашихъ. Если же такъ, то куда помѣститъ онъ свою формулу о томъ, что все должно создаваться народною *самодѣятельностью?* „Все посредствомъ народа“, а „конституціи“—не нужно.. Народничество—развиваетъ „основную идею прогресса“, которая требуетъ, чтобы „національныя формы вырабатывались *всѣмъ* обществомъ“, и однако то же самое народничество обращаетъ вниманіе не на интересы *всего* общества, а только на „народные“ (не національные)... Возможно ли понять такія несообразности? Не въ томъ ли просто дѣло, что народники затвердили старыя анархическія слова объ отрицаніи политической дѣятельности, но, усмирившись, позабыли ихъ смыслъ? Не потому ли у нихъ выходитъ нѣчто такое, что „самъ квартальный не разберетъ“.

Но мудреность идей г. В. В. идетъ еще гораздо глубже. Народники, говоритъ онъ, усвоили и развиваютъ „основную идею прогресса“. Допустимъ. Откуда же они ее взяли? Изъ какого дѣйствительнаго процесса развитія выведена ихъ „основная идея“? Изъ того, какой представляетъ европейская цивилизація. Это ясно видно изо всѣхъ разсужденій и положеній г. В. В. (насколько у него что-либо можно понять). Во всякомъ случаѣ онъ свою „идею“ переноситъ по собственному сознанію изъ Европы. Допустимъ еще разъ. Но если то, что представляетъ исторія Европы, есть процессъ *прогресса*, и если народники усвоиваютъ основную идею этого прогресса, то кажется ясно, что они должны вывести Россію на путь развитія Европы. Но г. В. В. опять протестуетъ. Онъ этого не хочетъ. Онъ предполагаетъ видѣть въ Россіи нѣкоторый особенный, свой путь развитія... Славянофилы думаютъ то же самое, но потому что „основную идею прогресса“ ищутъ не въ Европѣ. Тогда все понятно. Но какъ понять надежды г. В. В.?

Есть у него, правда, маленькій „рессурсъ“, только слабый до послѣдней степени. Собственно говоря—идеалы, мечты г. В. В., очевидно чисто западные. Прійдемъ—въ *то же* мѣсто, согласно

„основной идеѣ прогресса“. Но, говоритъ г. В. В.,—мы не будемъ слѣдовать (или можемъ не слѣдовать) по всему пути европейской эволюціи (какъ ее понимаютъ одинаково г. В. В. и разные „передовые“, по его мнѣнію, люди рабочей демократіи). И вотъ почему можемъ идти иначе. „Наука“ будто бы допускаетъ, что „исходной точкой пути, пройденнаго человѣчествомъ были формы общежитія, обезпечивающія индивиду тѣ условія существованія, какихъ онъ тщетно добивается въ настоящее время—*экономическое равенство* и *свободу*“. Въ этотъ золотой вѣкъ, будто бы нѣкогда существовавшій, всѣмъ будто бы жилось хорошо, люди были очень добры и счастливы.

Изъ этой яко бы „догадки“ „науки“ г. В. В. какимъ-то особымъ процессомъ умозаключаетъ: можно, стало быть, допустить, что „направленіе, принятое исторіей *въ дѣйствительности*, было *болѣзненное, патологическое*.“ Оно „не вытекаетъ неизбѣжно изъ положительныхъ свойствъ человѣческой природы“. Посему далѣе: „Человѣкъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ бы пройти историческій путь, не отказываясь отъ основныхъ чертъ первобытнаго строя.“ [1]

Въ чемъ же эти „черты?“ Сопоставляя мысли г. В. В., и особенно зная, что говорится въ этомъ родѣ „на Западѣ“, должно думать, что г. В. В. предполагаетъ въ „исходномъ пунктѣ исторіи“ нѣкоторый коммунистическій строй, въ которомъ всѣ были равны, свободны, счастливы и добры. Гибель этого золотаго вѣка началась съ расчлененія на сословія.

Все это, однако, въ видѣ „научной обосновки“, немножко неприлично для серьезнаго „направленія“. *Такого* строя никакая „наука“ не предполагаетъ. Есть гипотеза „матріархата“, предшествовавшаго „патріархату“, но объ удобствахъ жизни матріархата (если онъ былъ въ видѣ частнаго фазиса), никакая наука не осмѣлится судить. Лучше тогда было или хуже? Объ этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ. Самое существованіе матріархата допускается лишь по кое-какимъ остаткамъ обычаевъ, да по анализу филологическому. Но во всякомъ случаѣ тѣ изслѣдователи первобытныхъ учрежденій, которые допускаютъ существованіе матріархата, — признаютъ въ то же время, что онъ окончился „революціей“ мужчинъ и основаніемъ семьи на женахъ-рабыняхъ. Итакъ—ужь по крайней мѣрѣ для мужской половины „человѣче-

[1] Статья 3-я, стр. 118—119.

ства“ при матріархатѣ было, должно полагать, не сладко. Иначе не сдѣлали бы революціи. Засимъ, по той же теоріи, наступилъ строй *патріархальный*. Онъ намъ уже хорошо извѣстенъ. Мѣстами онъ, дѣйствительно, складывался въ коммунистическія общества, болѣе или менѣе извѣстныя. Но никакая „наука“ не говоритъ, чтобы въ патріархальный періодъ всѣ были равны и свободны.

Положительно извѣстно напротивъ, что этотъ строй также былъ основанъ на внутреннемъ *разслоеніи*, и на извѣстной системѣ весьма крѣпкаго неравенства и разносторонняго ограниченія свободы.

Итакъ, въ основу самобытнаго развитія Россія г. В. В. кладетъ совершенную фантазію. Но еслибы даже предположить, что золотой вѣкъ коммунистическаго равенства и свободы существовалъ въ допотопныя времена, то причемъ тутъ *современная Россія?* Допустимъ, по г. В. В., что историческій прогрессъ былъ „ненормаленъ“, что „нормально“ лишь то, чего не было въ дѣйствительности, допустимъ, что „изъ положительныхъ свойствъ человѣка“ вытекаетъ то, чего „въ дѣйствительности“ не было, и не вытекаетъ то, что въ дѣйствительности произошло и вообще согласимся, что при Царѣ Горохѣ снѣгъ горѣлъ, а соломой тушили. Допустимъ, также, что еслибы послѣ потопа остался въ живыхъ не праведный Ной, а г. В. В., то исторія человѣчества пошла бы инымъ путемъ. Но причемъ тутъ Россія? Развѣ она находится въ „золотомъ вѣкѣ“, развѣ въ ней снѣгъ до сихъ поръ горитъ? Развѣ она съ самаго своего начала, съ Гостомысловъ, Вадимовъ и Рюриковъ —не извѣстна уже въ состояніи общественнаго разслоенія, этого „первороднаго грѣха“, которымъ г. В. В. пародируетъ Ж. Ж. Руссо? Еслибы даже человѣчество и могло не пойти по „ненормальному пути дѣйствительности“, то оно все же *пошло*, и Россія пошла съ прочими заблудшими. Того первобытнаго блаженства, которое воображаетъ г. В. В., у насъ во всякомъ случаѣ *теперь* нѣтъ. Стало-быть народникамъ все-таки не на чемъ строить свои воздушные замки.

Сверхъ того ужь если вся исторія была „ненормальна“, то какъ у г. В. В. не хватаетъ логики оставить, по крайней мѣрѣ, въ покоѣ „основную идею прогресса?“ Вѣдь эта идея порождена только историческимъ („ненормальнымъ“ по г. В. В.) ходомъ развитія Европы. Ни изъ какихъ другихъ источниковъ она не могла явиться у г. В. В. Только недостатокъ умственной смѣ-

лости заставляетъ его, отрицая историческій прогрессъ, все-таки выступать не отъ себя, а прячась за спину „основной идеи прогресса“, „науки“ и т. п. Нужно все-таки имѣть за собою какой-нибудь „авторитетъ!“ *Самому* страшно остаться.

Но боязливая непослѣдовательность г. В. В. этимъ не ограничивается. Анархисты мечтаютъ тоже объ обществѣ „не разслоенномъ“, но они за то и не требуютъ никакой помощи у „интеллигенціи“ и у „власти“. Они стараются уничтожать и портить всѣ учрежденія, все поддерживающее „разслоеніе“, чтобъ тѣмъ привести человѣческую массу въ хаотическое смѣшеніе, увѣренные (положимъ—безумно, но послѣдовательно), что „положительные свойства человѣческой природы“ не замедлятъ создать въ этомъ хаосѣ „свободную гармонію“. Эта смѣлость мысли исчезла у народниковъ, подъ давленіемъ здраваго смысла, но замѣнилась только робкой непослѣдовательностью. Отрицая разслоеніе, историческое орудіе соціальной жизни, г. В. В. однако же думаетъ опереться на это самое разслоеніе, и призываетъ на помощь „интеллигенцію“ и неограниченную государственную власть.

Всѣ его практическія надежды на то, чтобъ повести Россію по основной идеѣ отрицаемаго имъ прогресса прямо съ исходнаго пункта несуществующихъ въ Россіи первобытныхъ учрежденій—покоются на фактѣ существованія интеллигенціи и независимой власти. Поэтому онъ очень защищаетъ интеллигенцію противъ своихъ собратьевъ и неограниченную власть противъ конституціоналистовъ. Это конечно очень „благонамѣренно“ съ точки зрѣнія порядка и спокойствія, но съ точки зрѣнія логики—нѣчто весьма невообразимое.

V.

Еслибы г. А. В—нъ *Вѣстника Европы* представилъ себѣ, *что такое народничество* по своему дѣйствительному, данному условіями происхожденія, содержанію, онъ бы конечно не сталъ тратить времени на полемику противъ частныхъ противурѣчій г. В. В. Народничество по существу ничто иное какъ противурѣчіе теоріи и факта. Оно явилось въ результатѣ того, что идеи крайняго соціальнаго разложенія столкнулись со средою (русскаго крестьянства)—наиболѣе въ Европѣ соціально-крѣпкою, а

потому—отказались отъ своего логическаго осуществленія, а въ то же время не переработались по существу. Такимъ именно „механическимъ“, а не „органическимъ“ сліяніемъ забытой теоріи и непонятаго факта остается оно и до сихъ поръ у г. В. В. И пока оно останется такимъ, никакой *общей* цѣлой работы оно не можетъ создать.

Главная ошибка народничества г. В. В. состоитъ въ томъ, что оно не умѣетъ разсмотрѣть въ нашемъ крестьянствѣ живаго *національнаго слоя*, а все думаетъ видѣть въ немъ оторванный *классъ*. Отъ этого оно лишаетъ себя возможности научиться у мужиковъ главному, чему способно научить ихъ наблюденіе. Если оторвать нашего мужика отъ его національнаго цѣлаго—онъ теряетъ всякую поучительность и даже всякую характерность. Тогда невозможно разсуждать о его „интересахъ“, нельзя требовать, чтобы все совершалось „посредствомъ народа“, его „самодѣятельностью“. Это все равно, что оторвать ногу или руку отъ тѣла, а потомъ предоставить ей „самодѣятельность“. Мужикъ, каковъ онъ есть, имѣетъ „интересъ“ и способенъ къ „самодѣятельности“ только въ своей національной средѣ, которую вѣрой и правдой создавалъ и поддерживалъ столько сотенъ лѣтъ. И вотъ еслибы „народники“ подлинно захотѣли дѣйствовать въ интересахъ народа (русскаго, а не парижскаго), дѣйствительно признали его самодѣятельность, то имъ прежде всего пришлось бы отказаться отъ противуположенія „народнаго“—„національному“. О „народномъ“ внѣ національнаго можно заботиться тамъ, гдѣ національное разложилось и „народъ“ изъ него волей неволей выдѣлился. Но у насъ (какъ и во всякой соціально живой странѣ) — это никакъ не мыслимо. Какъ же въ Россіи отрекаться отъ „политической“ дѣятельности, когда „народъ“ не можетъ представить своей „самодѣятельности“ безъ своихъ политическихъ формъ, то-есть безъ самодержавія, безъ „начальства“—„слугъ царевыхъ“ и т. д.? Какъ толковать о народной „самодѣятельности“ и „интересѣ“, ставя своею цѣлью внести ему европейски „научное“ міросозерцаніе, когда этотъ народъ свой „интересъ“ и свою „самодѣятельность“ во всѣхъ сферахъ жизни ставитъ въ связь съ „ненаучнымъ“ религіознымъ міросозерцаніемъ? Если кто хочетъ идти съ народомъ, для народа и посредствомъ народа,—ему приходится немедленно принять основы его міросозерцанія нравственныя и политическія, изъ которыхъ выростаетъ цѣлый „національный“ строй. Какъ заботиться о

мужикѣ, не заботясь ipso facto о церкви или о царѣ? Но введите въ кругъ интересовъ народныхъ эти двѣ основы—придется заботиться и о приходѣ, и объ епископѣ, и о томъ, чтобы былъ порядочный земскій начальникъ и дѣльный министръ. Вотъ разница между славянофилами и народниками. Славянофилы—подошли къ мужику *искренно*, взяли его каковъ есть, старались вникнуть въ *его* душу, чувство, понятіе и желаніе. Народники—пришли (первоначально) къ мужику только какъ предполагаемому „революціонному матеріалу", и—обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, хотя и принуждены были считаться съ фактомъ такой громадной силы, какъ нашъ мужикъ, но *искренне* его не приняли. Ихъ слова о народномъ будто бы интересѣ и самодѣятельности остаются пустыми фразами, потому что произносящіе ихъ не хотятъ служить дѣйствительному интересу, какой мужикъ *самъ* имѣетъ, не хотятъ признать его дѣйствительной самодѣятельности, выразившейся и выражающейся въ созданіи „національной Россіи", „цѣлаго", внѣ котораго нашъ мужикъ—такъ же самодѣятеленъ, какъ рыба, выброшенная изъ воды на берегъ.

Ничего этого народники не умѣютъ и едва ли даже желаютъ понять. Много видно по Россіи дѣятельности ихъ, случается даже *частно* не безполезной, но въ общемъ—не видно у нихъ ни проблеска духовной родственности съ „народомъ", ни даже простой искренности. Каковъ бы ни былъ „либералъ", онъ, по крайней мѣрѣ, *откровенно* старается передѣлать народъ, а народничество—вѣчно въ какихъ-то „имитаціяхъ", включительно до сектанства „толстовцевъ", изданій „Францисковъ Ассизскихъ" и т. п. Сомнительно, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. Сомнительно, чтобы союзъ такого направленія могъ быть кому-нибудь полезенъ. Сомнительно даже, чтобъ оно надолго пережило поколѣніе семидесятыхъ годовъ.

Л. Тихомировъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСУ О СВѢТСКОМЪ УЧИТЕЛЬСТВѢ.

Журнальный сезонъ 1892—93 года, съ осени начавшійся довольно вяло, оживился къ декабрю ожесточенною полемикой по поводу свѣтскаго учительства въ дѣлахъ вѣры. Эта полемика возбуждена моею статьей „Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи", помѣщенною въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* и затѣмъ изданною отдѣльною брошюрой.

Статья эта указывала, казалось бы, не подлежащую никакому оспариванію мысль, что міряне для своего религіознаго наученія должны обращаться къ наставленію пастырей церкви, которымъ ввѣрено церковное учительство. Правильность мысли статьи этой была признана и такимъ авторитетнымъ журналомъ, какъ *Церковныя Вѣдомости*, органъ Святѣйшаго Синода.

Однако представители движенія, выросшаго на „самочинномъ умствованіи", остались крайне недовольны статьей моею, прикоснувшеюся къ самому больному мѣсту ихъ. Они горячо выступили на защиту своей системы „религіознаго самообразованія". Съ конца ноября до сихъ поръ въ газетахъ и журналахъ не перестаютъ сыпаться статьи по поводу „Духовенства и общества". Лишь немногіе благопріятно встрѣтили мою статью, какъ напримѣръ, г. Ю. Николаевъ въ *Моск. Вѣд.* Остальные—отвѣчаютъ запальчиво и рѣзко, иногда неприлично. Особенно это должно сказать о статьѣ г. Аристова въ „Благовѣстѣ" (№ 45 отъ 1 декабря). Г. Владиміръ Соловьевъ помѣстилъ свое возраженіе въ *Вѣстникѣ Европы* (декабрь). Въ *Гражданинѣ*, сначала отнесшемся довольно снисходительно къ моей статьѣ, съ № 332 (1 декабря)—появляется рядъ критическихъ статей г. Александра Саломона „Въ Каноссу", изъ коихъ я окончанія еще не видалъ. Затѣмъ весьма рѣшительно уничтожаетъ меня г. Заточникъ (*Гражданинъ* № 341). Въ *Новомъ Времени* (№ 6.026)

г. Алексѣй Веригинъ помѣстилъ противъ меня свои „Отклики". Эта статья появилась и въ *Journal de S.-Petersbourg* (№ 332). Изъ духовныхъ журналовъ, кромѣ помянутаго, писалъ еще *Церковный Вѣстникъ*. Не отмѣчаю нѣкоторыхъ провинціальныхъ отзывовъ.

Моя *Лѣтопись Печати* для декабрьской книжки *Русскаго Обозрѣнія* уже была составлена и заполнена текущимъ матеріаломъ, когда разразился этотъ нѣсколько запоздавшій полемическій ливень. Я не имѣю уже ни времени, ни мѣста отвѣчать на возраженія моихъ оппонентовъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ находится г. Александръ Саломонъ, котораго статья,—несмотря на свое неумѣстное названіе, — содержитъ много дѣльнаго, заслуживающаго серьезнаго обсужденія. Такимъ образомъ я долженъ пока ограничиться простой отмѣткой этой оживленной полемики, несомнѣнно доказывающей какъ отзывчивость современной прессы на вопросы религіи, такъ и чрезвычайный „протестантизмъ" религіозныхъ настроеній, задѣтыхъ моею статьей.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Изъ газетныхъ статей не относящихся къ помянутой полемикѣ, обращаетъ на себя вниманіе „Свобода, три закона соціальной психологіи" г. Spectator'а въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 336).

Знаменитая формула революціи „свобода, равенство, братство" (хотя въ 1789 г. „братство" болѣе благоразумно замѣнялось „собственностью" „liberté, égalité, proprieté")—внесла въ умы народовъ XIX вѣка столько „соціальныхъ суевѣрій", что нужна долгая и настойчивая критика для ихъ разоблаченія. Статья г. Spectator'а, составляющая, очевидно, лишь начало разбора революціонной формулы указываетъ, что *свобода*, какъ принципъ, всюду производитъ только деморализацію.

„Да развѣ свобода есть зло? спрашиваетъ авторъ. Развѣ она приводитъ къ нравстенной распущенности?

„Свобода; отвѣчаетъ онъ, сама по себѣ не можетъ быть ни зломъ, ни добромъ; она можетъ быть тѣмъ или другимъ, смотря по своему примѣненію.

„Свобода есть прежде всего понятіе не положительное, а отрицательное: она означаетъ лишь *„отсутствіе стѣсненія"*.

„Предоставьте свободу, не стѣсняйте мошенника, глупца, су-

масшедшаго, развратника—и свобода будетъ *зломъ*; предоставьте свободу, не стѣсняйте человѣка глубоко-нравственнаго, серьезнаго ученаго, великаго художника—и свобода будетъ *добромъ*.

„Предположимъ теперь, что вы дадите свободу не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому народу, или цѣлому классу народа. Чѣмъ она будетъ: *добромъ* или *зломъ?*

„Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо имѣть въ виду слѣдующіе три естественные закона человѣческой или, скорѣе, общественной природы:

1) Въ каждомъ народѣ, въ каждомъ обществѣ и въ каждой части народа всегда *гораздо больше ограниченныхъ* и *не строго-нравственныхъ* посредственностей, чѣмъ дѣйствительно умныхъ и честныхъ людей, или, говоря словами Вольтера: *„на одного мудреца* всегда приходится по меньшей мѣрѣ *сто мерзавцевъ и дураковъ*;

2) *Честные* люди могутъ бороться противъ злоупотребленій свободы только *честнымъ* оружіемъ, а *безчестные* могутъ отстаивать и увеличивать свои злоупотребленія несравненно болѣе сильнымъ оружіемъ *безчестности* и *безнравственности*; такимъ образомъ, при режимѣ свободы и равноправности, *„мерзавцы и дураки“ всегда будутъ сильнѣе „мудрецовъ“ не только своею численностью, но и средствами своей борьбы*;

3) Неизбѣжная, при этихъ условіяхъ, *побѣда безчестности надъ честностью* дѣйствуетъ *заразительно* и на тѣхъ честныхъ людей, которые *не обладаютъ твердымъ характеромъ*, а таковые, какъ извѣстно, въ каждомъ современномъ обществѣ всегда гораздо многочисленнѣе, чѣмъ люди одаренные твердымъ характеромъ. Вслѣдствіе этого, при подобномъ режимѣ, *число честныхъ людей постепенно убываетъ, а число безчестныхъ увеличивается*“.

Эти мысли свои г. Spectator иллюстрируетъ нѣсколькими примѣрами изъ русской и французской жизни. Какіе, напримѣръ, результаты даетъ во Франціи принципъ свободы, хотя бы въ приложеніи къ печати?

„Въ самомъ дѣлѣ, разъ *большинство* читающей публики состоитъ изъ людей ограниченныхъ и не строго-нравственныхъ (первый законъ), наибольшимъ успѣхомъ среди нихъ должна пользоваться та газета, которая свободно эксплуатируетъ эту ограниченность публики безчестными, безнравственными средствами.

„Еслибы честные журналисты захотѣли вступить въ борьбу, въ конкурренцію съ этими безсовѣстными шарлатанами, они непремѣнно потерпѣли бы пораженіе, такъ какъ безсовѣстные люди

свободно пускаютъ въ ходъ такія сильныя средства борьбы, до которыхъ честный человѣкъ никогда не прикоснется (второй законъ).

„И вотъ, въ концѣ-концовъ, при этихъ условіяхъ, создается такая своеобразная атмосфера „свободной“ журналистики, въ которой задаютъ тонъ мошенники и шарлатаны, а потому всякій, кто захочетъ дѣйствовать въ этой атмосферѣ, невольно становится самъ и мошенникомъ, и шарлатаномъ, и самъ въ свою очередь содѣйствуетъ распространенію безчестности и безнравственности среди народа (третій законъ).

„Можемъ ли мы, поэтому, обвинять Французскій народъ въ томъ, что онъ, *по существу своему*, безнравственъ, или, что онъ сдѣлался таковымъ по *собственнымъ* внутреннимъ законамъ разложенія?“

Къ статьямъ г Spectator'а мы еще возвратимся, когда онѣ будутъ окончены.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Г. Е. И. Жигачевъ помѣстилъ въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли* статью „Задолженность частнаго землевладѣнія въ Россіи“. Статья—весьма фактична, а выводы ея имѣютъ столь тревожный характеръ, что не могутъ не обратить вниманія всякаго, дорожащаго судьбами Россіи.

Существенный недостатокъ статьи г. Жигачева составляетъ то, что онъ разсматриваетъ положеніе русскаго землевладѣнія внѣ всякихъ освѣщающихъ вопросъ сравненій съ другими странами. Между тѣмъ обремененіе земель долгами составляетъ зло *общеевропейское*. Оно происходитъ, очевидно, отъ причинъ болѣе глубокихъ, нежели можно подумать при разсмотрѣніи вопроса въ одной какой-либо странѣ. Г. Жигачевъ склоненъ всю бѣду сводить къ предполагаемой имъ хозяйственной малоспособности и расточительности нашего дворянства.

„Къ 1870 г. помѣщикамъ причиталось получить выкупныхъ ссудъ 493.801.064 р. Изъ этой суммы въ уплату долга бывшимъ кредитнымъ установленіямъ было разсчитано 230.607.340 руб. и т. д. Остальные 265 милліоновъ съ лишнимъ выданы были процентными бумагами и наличностью... Приведенная цифра ссудъ настолько значительна, что казалось бы въ достаточной мѣрѣ могла удовлетворить потребности новаго хозяйства въ оборот-

ныхъ средствахъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія пореформенной жизни помѣщики получали ежегодно въ среднемъ 26 милліоновъ рублей... Между тѣмъ для стараго дворянства эти суммы оказались совершенно ничтожными".

Отсюда быстро явилась задолженность имѣній.

Нельзя не замѣтить, что положеніе „пореформеннаго" помѣщика представляется г. Жигачеву въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. Задалживаясь на 230 милліоновъ въ бывшихъ кредитныхъ установленіяхъ, наши дворяне имѣли въ виду правильное постепенное погашеніе этого долга. Между тѣмъ—съ нихъ долгъ взыскали *сразу*, внѣ установленнаго срока, и притомъ въ самый тяжкій моментъ перелома всѣхъ хозяйственныхъ отношеній. Не касаясь вопроса о законности такой мѣры, нельзя во всякомъ случаѣ не видѣть, что никакой Ротшильдъ не выдержалъ бы такого способа выполненія своихъ долговыхъ обязательствъ. Засимъ—помѣщики много теряли на реализаціи выдаваемыхъ имъ бумагъ (что г. Жигачевъ хотя и признаетъ, но слегка, какъ нѣчто не важное). Наконецъ, 26 милліоновъ на 100.000 хозяйствъ, составляетъ на каждое всего 260 рублей въ годъ. Эти 260 руб., по мнѣнію г. Жигачева, „казалось бы достаточно могли удовлетворить потребности новаго хозяйства въ оборотныхъ средствахъ"! Тенденціозность, казалось бы, не можетъ идти далѣе.

Само собою на 260 руб. „оборотнаго капитала" немного нахозяйничаешь, особенно въ такое время, когда крестьяне, только что освобожденные, весьма неохотно предлагали свой трудъ. И вотъ начинается эпоха залоговъ имѣній, опустошенія лѣсовъ и т. п. Пришлось тронуть самый основной капиталъ.

„Въ 1880 году въ главныхъ земскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ Россіи было заложено 18.799 имѣній, съ 18.672.000 дес. земли... Общая поимперская задолженность выразилась залогомъ 20% частновладѣльческой земли." Впрочемъ „прогрессъ задолженности землевладѣнія за пятилѣтіе 1875—79 г. развивался уже значительно медленнѣе, нежели за предыдущій періодъ." Въ 1885 году въ залогѣ состояло 25.017 имѣній съ 22 милл. десятинъ. Хотя такимъ образомъ задолженность все возрастаетъ, но интенсивность ея уменьшается въ 1½ раза противъ пятилѣтія 1875—79 годовъ. Но въ 1890 году эта интенсивность снова возрастаетъ. Вслѣдствіе открытія дѣйствій Дворянскаго Поземельнаго Банка, процессъ задолженности принялъ страшные размѣры.

Задолженность имѣній выражается такъ:

Годы.	Заложен. имѣній.	Десят.		Долгъ на 1 десят.	
Въ 1870.....	1.128	2	милл.	12 р.	58 к.
— 1875.....	10.805	12	„	19 „	84 „
— 1880.....	18.799	18	„	22 „	9 „
— 1885.....	25.017	28	„	22 „	78 „
— 1890.....	41.119	31	„	24 „	29 „

За эти земли—владѣльцамъ къ 1890 г. поступило 1.564.000.000 рублей, сверхъ того они имѣли 570 мил. р. выкупныхъ, и 62 мил. р. за проданную землю, всего 2.196.000.000 р. Конечно, эта сумма приходится не на долю одного дворянства (что не умѣетъ отмѣтить г. Жигачевъ), а въ нѣкоторой значительной степени разнаго рода спекулятóрамъ, захватившимъ ослабѣвшія дворянскія имѣнія.

Какъ бы то ни было—эта задолженность кончается, разумѣется, аукціонами. Эта сторона въ статистическомъ смыслѣ наименѣе обработана у г. Жигачева. Однако отдѣльные примѣры, имъ собранные, безъ сомнѣнія показываютъ, что „дворянское землевладѣніе уменьшается, и на счетъ его растетъ землевладѣніе купцовъ и крестьянъ.“ Г. Жигачевъ отсюда полагаетъ, что „процессъ мобилизаціи съ теченіемъ времени прогрессивно увеличивается, вслѣдствіе чего при наблюдаемомъ нынѣ повсемѣстномъ переходѣ дворянскихъ земель въ руки купцовъ и крестьянъ, *полное исчезновеніе дворянской собственноти придется рано или поздно признать совершившимся фактомъ.*“

Хотя этотъ выводъ и недостаточно обоснованъ фактически, однако онъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, какъ очень грозное *предостереженіе.*

Л. Тихомировъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Святой Благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій. Подробное жизнеописаніе съ рисунками, планами и картами. М. Хитрова. Москва 1893. (?) Цѣна 2 рубля.

Среди немногочисленныхъ историческихъ источниковъ, могущихъ пролить свѣтъ на темное прошлое нашей родины, видное мѣсто должно отвести житіямъ Святыхъ.

И это понятно.

Мы знаемъ, какова была жизнь русскаго человѣка того отдаленнаго отъ насъ времени — до-московскаго періода русской исторіи; мы знаемъ, что̀ наиболѣе, если не исключительно, занимало его вниманіе, служило предметомъ его постоянныхъ думъ и заботъ.

Это—была Церковь, которая въ то время всецѣло поглощала все вниманіе русскаго человѣка, обнимала и наполняла собой всю его жизнь отъ колыбели до могилы.

Церковь была его школой; въ ней онъ получалъ высшія, доступныя ему въ то время, эстетическія наслажденія; въ ней онъ видѣлъ и чувствовалъ помощницу и защитницу отъ разныхъ бѣдъ и напастей; къ ней обращался всегда, ежедневно, ежечасно, если не словомъ и дѣйствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, мыслью.

Просвѣщеніе было исключительно церковное; книги, обращавшіяся въ то время, почти всецѣло были духовнаго содержанія, и среди нихъ довольно видное мѣсто занимали житія Святыхъ.

Большинство житій, ходившихъ по рукамъ начитанныхъ людей того времени, были переводныя съ греческаго: житія оригинальныя, жизнеописанія отечественныхъ Святыхъ появились нѣсколько позже и въ меньшемъ числѣ.

И вотъ эти-то послѣдніе памятники древней русской письменности, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, не изданные, а иногда даже не описанные еще, представляютъ богатѣйшій матеріалъ, который, по приведеніи его въ порядокъ, долженъ дать много новаго для исторіи древне-русскаго быта, какъ общественнаго, такъ и семейнаго.

Матеріалъ этотъ во многихъ случаяхъ представляетъ еще нетронутое поле для изслѣдованій: нужно въ немъ разобраться, надо его описать, привести въ порядокъ. Матеріалъ этотъ очень обширенъ, но онъ разсѣянъ по всѣмъ концамъ нашего отечества, по всѣмъ рукописнымъ собраніямъ государственнымъ, монастырскимъ и частныхъ лицъ...

Многое еще и неизвѣстно изъ этого матеріала, ибо далеко не всѣ еще книгохранилища, въ особенности находящіяся у частныхъ лицъ, имѣютъ описи...

Итакъ, дѣла на этомъ поприщѣ не мало, дѣла благороднаго, хорошаго, хотя и не легкаго. Надо систематизировать и разобрать все богатство древнихъ русскихъ оригинальныхъ житій, нужно тщательно сличить всѣ извѣстные списки и варіанты и затѣмъ издавать отдѣльныя житія на общую пользу, на общее поученіе.

Дѣло есть,—найдутся ли дѣятели?

Будемъ надѣяться, что да.

Мы видимъ многихъ свѣтски-образованныхъ лицъ, искренно обращающихся къ Церкви, проникнутыхъ желаніемъ не *учить*, а *поучаться*. Они спрашиваютъ, они ищутъ дѣла полезнаго себѣ и Церкви.

Вотъ имъ дѣло.

Извлечь изъ пыли книгохранилищъ давно забытыя нашимъ свѣтскимъ „обществомъ“ сказанія и житія и снова пустить ихъ въ обращеніе на общую пользу.

Если приступить къ этому дѣлу съ горячею вѣрой, съ любовью къ родной старинѣ, съ благоговѣніемъ къ памяти великихъ подвижниковъ земли Русской, стяжавшихъ себѣ вѣнецъ святости, то польза можетъ быть несомнѣнная и большая.

Наше общество почти не знаетъ прошлаго своего отечества и главнымъ образомъ незнакомо съ церковною стороной этого прошлаго.

Познакомить его съ этой стороной жизни русскаго народа, которая собственно и составляла главное ея содержаніе, мож-

но, пользуясь богатымъ матеріаломъ житій, излагая ихъ, *строго придерживаясь подлинника*, стараясь по возможности проникнуться духомъ древняго агіобіографа.

Наше общество не знаетъ, или знаетъ очень мало, русскихъ Святыхъ, этихъ народныхъ героевъ въ благороднѣйшемъ значеніи слова; въ погонѣ за модными новинками западно-европейскаго прогресса наше общество забыло чтить ихъ память.

Пора напомнить объ этихъ герояхъ, украшенныхъ ореоломъ святости, пора снова заговорить о ихъ подвигахъ и трудахъ на пользу Православія и Русской земли.

Священный долгъ благодарности повелѣваетъ сдѣлать *это*.

Именно такимъ желаніемъ, такою мыслью побужденъ былъ и М. Хитровъ составить свое жизнеописаніе Святаго князя Александра Невскаго.

Авторъ не скрываетъ отъ себя трудности предпринятаго имъ дѣла, онъ понимаетъ, что „чѣмъ выше значеніе священной личности въ исторіи и памяти народной, тѣмъ труднѣе для позднѣйшаго жизнеописателя воспроизвести его свѣтлый образъ“.

Трудность эта для вѣрующаго человѣка усугубляется благоговѣніемъ къ памяти Святаго и благочестивою боязнью невольно оскорбить ее; въ данномъ случаѣ она увеличивается и тѣмъ обстоятельствомъ, что до насъ дошло, или намъ извѣстно, очень немного варіантовъ житія Святаго князя Александра Невскаго.

М. Хитровъ, какъ видно изъ его книги, тщательно воспользовался всѣмъ доступнымъ ему рукописнымъ и печатнымъ матеріаломъ и составилъ весьма интересное и поучительное жизнеописаніе великаго Святаго и героя.

Конечно, онъ не сказалъ ничего новаго ни о Святомъ благовѣрномъ князѣ Александрѣ, ни вообще о русской жизни и историческихъ событіяхъ той эпохи: трудъ М. Хитрова исключительно компилятивный. Его цѣлью было не отыскивать новые источники, проливающіе свѣтъ на неизвѣстныя или мало извѣстныя черты изъ жизни Святаго Александра и его современниковъ, а „хоть нѣсколько ввести читателя въ глубокую древность, въ родную завѣтную старину, дать возможность подышать ея воздухомъ, оживить въ душѣ читателя свѣтлый образъ святаго и великаго подвижника земли Русской, обновить чувства любви и благоговѣнія къ его великой памяти“.

Этой цѣли авторъ достигъ вполнѣ.

Книга его написана легкимъ языкомъ, снабжена множествомъ

примѣчаній, имѣющихъ научный интересъ; издана весьма прилично, съ обиліемъ иллюстрацій и съ приложеніемъ исполненнаго красками на золотомъ фонѣ изображенія Святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Но вотъ одно замѣчаніе относительно иллюстрацій.

Книга М. Хитрова, предназначена, очевидно, не для простаго народа, которому она недоступна по цѣнѣ (два рубля). Она предназначена для читателей болѣе или менѣе образованныхъ, предъявляющихъ ко всякому печатному произведенію извѣстныя эстетическія требованія, какъ по отношенію къ тексту, такъ и по отношенію къ иллюстраціямъ, его сопровождающимъ. И вотъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ иллюстрацій въ книгѣ Хитрова производятъ очень непріятное анти-художественное впечатлѣніе, какъ по замыслу, такъ и по исполненію.

Таковы, напримѣръ, „Видѣнія Пелгусія“ (на стр. 63) и „Выступленіе въ походъ“ (стр. 142).

Такіе рисунки являются темными пятнами на общемъ свѣтломъ фонѣ; они рѣжутъ глазъ и нарушаютъ гармонію всего произведенія.

Виньетки и заставки тоже можно было бы подобрать съ бо́льшимъ вкусомъ и разнообразіемъ.

Повторять одинъ и тотъ же рисунокъ нѣсколько разъ—положительно негодится.

Это мелочи, положимъ, но онѣ непріятны вездѣ и въ особенности въ такой книгѣ, посвященной жизнеописанію Святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Если за эту цѣну нельзя было дать дѣйствительно хорошихъ иллюстрацій, то лучше дать мало, но отличныхъ, чѣмъ много, но безвкусныхъ и плохо исполненныхъ.

Но вотъ, что уже не мелочь.

На заглавномъ листѣ книги мы читаемъ: *Москва. 1893.*

Книга продается въ Москвѣ съ половины ноября...

Что̀ это означаетъ, къ чему это завѣдомо ложное показаніе года изданія?

За послѣднее время такое явленіе стало обычнымъ: всѣ книги, выходящія въ концѣ года (иногда даже *только* въ началѣ второй половины его) помѣчаются не текущимъ, а слѣдующимъ годомъ; и дѣлается это съ исключительною цѣлью *искусственно* продлить новизну книги...

Такая мѣра, такой *обманъ* публики, быть-можетъ, годятся для

какого-нибудь изданія, имѣющаго временный интересъ злобы дня, но отнюдь не для такой книги, какъ жизнеописаніе Святаго князя Александра Невскаго. Искусственно длить новизну лежащей предъ нами книги и пользоваться для этого обманомъ—нѣтъ нужды: книга эта сохранитъ свой интересъ и значеніе вплоть до той минуты, когда въ печати появится другая, еще болѣе подробная и лучше написанная, агіобіографія Святаго Александра Невскаго.

Если же этотъ обманъ въ годѣ изданія объясняется просто общимъ обычаемъ, то надо бы, кажется, понять, что этотъ обычай вреденъ, помимо своей безнравственности, какъ обманъ довѣрчивыхъ покупателей, еще и тѣмъ, что будетъ вводить въ заблужденіе лицъ, занимающихся статистикой книгопечатанія.

А. Ш.

Н. Страховъ. *Воспоминанія и Отрывки.* С.-Петербургъ. 1892.

Едва ли среди современныхъ намъ писателей найдется кто-либо болѣе Н. Н. Страхова имѣющій основаніе собирать и издавать въ отдѣльныхъ книжкахъ свои статьи.

Не только крупные труды автора, какъ напримѣръ *Борьба съ Западомъ*, *Міръ какъ цѣлое*, *Объ основныхъ понятіяхъ* и друг., но и самыя небольшія статьи его, написанныя по поводу разныхъ „злобъ дня“, никогда не служатъ только интересамъ дня. Напротивъ, статьи его рѣдко производятъ шумъ среди читающей публики.

Болѣе тридцати лѣтъ Н. Н. Страховъ трудится на поприщѣ нашей литературы, но никогда не былъ и не будетъ писателемъ популярнымъ. И это совершенно понятно.

Большинство ищетъ въ писателѣ такого руководителя, который избавлялъ бы своихъ послѣдователей отъ труда думать, давая имъ скорое и легкое разрѣшеніе всякихъ вопросовъ, и среди подобнаго рода читателей статьи г. Страхова не способны возбудить живой интересъ.

Люди же, серьезно относящіеся къ человѣческой мысли, всегда оцѣнятъ рѣдкія достоинства его литературныхъ трудовъ: строгую обоснованность и осторожность его выводовъ, тонко развитое чувство изящнаго, обширность образованія, точность и простоту его языка и наконецъ самое положеніе его, почти единственнаго безпристрастнаго свидѣтеля всѣхъ умственныхъ движеній, кото-

рыя имѣли мѣсто въ нашемъ обществѣ за послѣдніе тридцать лѣтъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ—періодъ нашего Drang und Sturm.

На первыхъ страницахъ книжки, заглавіе которой мы выписали, помѣщены воспоминанія г. Страхова о его поѣздкахъ на Аѳонъ, въ Италію и Крымъ.

Русскіе люди вообще любятъ путешествовать, а русскіе литераторы кромѣ того еще любятъ дѣлиться съ читателями впечатлѣніями своихъ поѣздокъ, и въ нашихъ журналахъ встрѣчается достаточное количество разнаго рода „дорожныхъ замѣтокъ“ и „путевыхъ впечатлѣній“. Не мало существуетъ ихъ изданными и въ отдѣльныхъ книгахъ. Было бы несправедливо упрекнуть нашихъ туристовъ въ томъ, что отчеты ихъ грѣшатъ безжизненностью описаній или же шаблонностью ихъ восторга по поводу южныхъ ночей, глазъ итальянскихъ или испанскихъ красавицъ и пр. Конечно, попадаются произведенія и такого сорта, но не эти особенности составляютъ характерную черту „впечатлѣній“ современныхъ путешественниковъ. Эта черта заключается въ странной способности замѣчать исключительно только то, для чего не было никакой надобности предпринимать самое путешествіе и еще менѣе сообщать о замѣченномъ намъ.

У нѣкоторыхъ желаніе „престранно себя атестовать“ въ подобномъ направленіи достигаетъ степени высокаго комизма. Съ большою добросовѣстностью они разскажутъ, удобно или нѣтъ имъ было ѣхать, какъ они спали, что кушали и кто былъ ихъ сосѣдомъ за обѣденнымъ столомъ, а въ особенности, какіе лакеи имъ прислуживали; тщательно отмѣтятъ, гдѣ и какого рода дурной запахъ оскорбилъ ихъ обоняніе.

Въ какую бы страну они не направили свой путь, повсюду ихъ наблюдательность не возвышается надъ этимъ уровнемъ, повсюду они съумѣютъ не замѣтить того, что̀ дѣйствительно имѣетъ интересъ и цѣну въ глазахъ чужеземца. Основываясь на ихъ впечатлѣніяхъ, читатель долженъ заключить, что самая главная достопримѣчательность Венеціи есть дурной запахъ ея каналовъ, а Константинополя—изобиліе собакъ на улицахъ. Привыкнувъ встрѣчаться въ этой области почти исключительно съ подобными писаніями, насквозь пропитанными уличною пылью и кухоннымъ чадомъ ресторановъ, тѣмъ съ большею отрадой, слушаешь разсказъ человѣка, принадлежащаго къ числу немногихъ избранныхъ, для которыхъ чужеземная природа, бытъ страны,

ея обитатели, памятники прошлаго являются не рядомъ пестрыхъ картинъ, ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу, а живымъ источникомъ мысли, и настроеній.

Особую поучительность для насъ безспорно представляетъ „Воспоминаніе о поѣздкѣ на Аѳонъ", какъ по роду впечатлѣній, вынесенныхъ оттуда Н. Н. Страховымъ, такъ и по степени интереса, который мы, Русскіе, должны были бы имѣть къ этому уголку земли. Самъ Н. Н. Страховъ такъ характеризуетъ сумму своихъ впечатлѣній: „И въ моей жизни было рѣдкое и прекрасное событіе: я видѣлъ Аѳонъ". И эти слова его и весь тотъ теплый и свѣтлый колоритъ, которымъ проникнуто его описаніе Святой Горы и ея обитателей-монаховъ, дѣлаются тѣмъ болѣе знаменательны, если мы вспомнимъ, что авторъ явился туда не паломникомъ, съ заранѣе уже готовымъ настроеніемъ, а, по его же словамъ, „похоть очей" привела его туда. Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ общимъ духомъ воззрѣній г. Страхова, согласится, что нельзя заподозрить его въ пристрастіи къ мистицизму. За подтвержденіемъ не нужно далеко обращаться.

Въ этой же книжкѣ помѣщено три статьи его, въ которыхъ онъ съ наибольшею ясностью излагаетъ свои взгляды о вопросахъ религіи и нравственности. И едва ли кто-либо изъ отцовъ Святой Горы раздѣляетъ ихъ съ нимъ. Такъ, изъ общаго смысла статьи его: „Справедливость, Милосердіе и Святость" явствуетъ, что онъ считаетъ настроеніе святости (по нашему мнѣнію, здѣсь было бы умѣстнѣе употребить слово праведность) дѣломъ разумно направленной воли человѣка, между тѣмъ какъ по ученіямъ мистическимъ и самая вѣра, служащая главнѣйшей основой святости, есть дѣло благодати, то-есть чуда.

Далѣе, выступая (въ статьѣ своей „Толки объ Л. Н. Толстомъ" и въ дополняющемъ ее „Отвѣтѣ на письмо неизвѣстнаго", защитникомъ пути, по которому графъ Толстой дошелъ до того, что̀ онъ, графъ, полагаетъ истиной, Н. Н. Страховъ опять расходится въ самомъ корнѣ съ мистическими ученіями, не знающими иного пути къ ней, кромѣ молитвы о *ниспосланіи* ея.

Въ статьѣ своей о Л. Н. Толстомъ г. Страховъ, по его же словамъ, не разбираетъ самаго ученія его по существу; онъ только желаетъ показать „истинную серьезность, чрезвычайную глубину религіознаго стремленія Толстаго", отдать должную дань „неустанной работѣ его ума и совѣсти" и противуполагаетъ его личности „состояніе нашего общества, сбившагося со всѣхъ пу-

тей", указывая, что „поворотъ умовъ, произведенный Л. Н. Толстымъ, имѣетъ благотворное значеніе и дѣйствіе".

Справедливо негодуя по поводу толковъ о Толстомъ людей ничего общаго съ религіознымъ стремленіемъ не имѣющихъ, Н. Н. Страховъ, повидимому, упускаетъ изъ виду, что кромѣ таковыхъ, среди противниковъ Толстаго есть еще и другіе, въ глубинѣ и серьезности религіознаго стремленія, которыхъ сомнѣваться было бы неосновательно.

Но и самая постановка вопроса о Толстомъ у Н. Н. Страхова, вполнѣ умѣстная по отношенію къ Л. Толстому, *ищущему истину*, является, по нашему мнѣнію, запоздалой въ настоящее время, когда графъ Толстой *учитъ насъ истинѣ*.

Кромѣ статей, содержанія которыхъ мы коснулись выше, въ книгѣ Н. Н. Страхова помѣщены еще: статья о картинѣ Куинджи „Ночь на Днѣпрѣ" и критическая статья „Теорія благополучія", написанная по поводу романовъ М. В. Авдѣева. „Поминки по Аполлонѣ Григорьевѣ", „Послѣдній изъ идеалистовъ", „Отрывокъ изъ ненаписанной повѣсти" и стихотворенія.

Особою содержательностью отличается статья о романахъ Авдѣева. Авторъ ихъ умеръ, и романы его почти забыты, но „теорія благополучія", однимъ изъ проповѣдниковъ которой онъ былъ, остается въ своей силѣ и понынѣ, а потому статья Н. Н. Страхова, написанная болѣе двадцати лѣтъ назадъ, вполнѣ сохраняетъ весь свой интересъ

Будемъ надѣяться, что Н. Н. Страховъ не ограничится этимъ однимъ томикомъ своимъ „Воспоминаній и отрывковъ".

Д.

Какъ охранять жизнь и здоровье своихъ дѣтей. Э. Брюкке, переводъ Ильиной, подъ редакціей женщины-врача М. Волковой. С.-Петербургъ 1892 года. (Цѣна 2 руб.).

Нельзя не привѣтствовать появленія на русскомъ языкѣ сочиненія знаменитаго физіолога, недавно умершаго профессора Вѣнскаго университета Эрнеста Брюкке. Сотни людей прочтутъ его съ интересомъ и пользой для себя и скажутъ большое спасибо и автору, и переводчику. Въ русской литературѣ вообще мало книгъ, въ которыхъ лица, ищущія указаній по вопросамъ гигіены дѣтскаго возраста, могли бы найти толковые и заслуживающіе довѣрія совѣты. Большинство подобныхъ книгъ или спе-

ціальные трактаты, доступные только для спеціалистовъ и врачей, или такія популярныя сочиненія, которыя по-своему тону и обилію встрѣчающихся тамъ противорѣчій не могутъ разсчитывать на довѣріе читателя. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Брюкке представляетъ прямо выдающееся явленіе. Знаменитый физіологъ написалъ книгу для публики, а не для врачей, и заключающіяся въ ней ученія, по его словамъ, изложены не съ общей государственной, а съ родительской точки зрѣнія. Различіе между этими двумя точками зрѣнія онъ опредѣляетъ такъ. Государство, какъ таковое, стремится къ воспитанію крѣпкаго, способнаго носить оружіе поколѣнія и вслѣдствіе этого не щадитъ отдѣльнаго индивидуума, какъ оно не щадитъ его въ рѣшительные моменты на войнѣ: такова государственная точка зрѣнія. Но отдѣльная личность имѣетъ право оберегать и сохранять свое потомство, каковы бы ни были физическія свойства его. Задача Брюкке и состоитъ въ томъ, чтобы помочь отдѣльнымъ личностямъ достигнуть своей цѣли. „Многочисленные, не получившіе медицинскаго образованія писатели“, говоритъ авторъ, „рекомендовали въ своихъ книгахъ и статьяхъ такія правила, которыя я съ вышеозначенной точки зрѣнія одобрить не могу; можетъ быть, это происходило вслѣдствіе недостаточнаго знанія твердо установленныхъ физіологіей фактовъ или вслѣдствіе выведенныхъ изъ нихъ неправильныхъ заключеній; можетъ-быть, вышеупомянутую государственную точку зрѣнія они смѣшали съ лично родительской, но только рекомендованныя ими правила для укрѣпленія здоровья идутъ въ ущербъ жизненной вѣроятности“. Въ виду этой точки зрѣнія автора, нѣкоторыя главы его сочиненія представляютъ особенный интересъ, такъ напримѣръ, глава о закаливаніи здоровья. Въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія, говоритъ авторъ, царствовала въ нѣкоторыхъ кружкахъ манія закаливанія здоровья. Даже новорожденныхъ совали въ холодную воду, но полученные дурные результаты заставили отказаться отъ этого. Закаливаніе, по мнѣнію Брюкке, является однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ. Зайти въ немъ далеко—значитъ увеличить шансы ребенка на смерть; недостаточно обратить на него вниманіе—значитъ выростить разслабленнаго, нервнаго субъекта. Извѣстная же степень изнѣженности тоже уменьшаетъ жизнеспособность. Приходится держаться середины между этою Сциллой и Харибдой и не впадать ни въ ту, ни въ другую крайность. Авторъ весьма подробно и обстоя-

тельно разсматриваетъ различные роды закаливанія, разбираетъ ихъ критически, указываетъ ихъ пользу и пригодность, смотря по возрасту ребенка, а также по временамъ года. Закаливаніе никогда не должно распространяться на ночной покой. Дѣтямъ надо позволять спать, сколько они хотятъ. Знаменитый физіологъ настаиваетъ на томъ, что количество сна, необходимаго для человѣка, зависитъ отъ его сложенія вообще и отъ его нервной системы въ особенности: тѣ натуры, которыя нуждаются въ продолжительномъ снѣ, вовсе не принадлежатъ къ сонливымъ въ точномъ смыслѣ этого слова; бо́льшая потребность сна, какъ извѣстно по опыту, можетъ встрѣчаться у людей, умственно богато одаренныхъ и въ высшей степени дѣятельныхъ и энергичныхъ.

Въ цѣломъ рядѣ главъ авторъ подробно и послѣдовательно разбираетъ вопросы, касающіеся кормленія ребенка, ухода за нимъ, искусственнаго вскармливанія, питанія, одежды, жилища и т. д. Каждый вопросъ разбирается всесторонне, и каждому совѣту авторъ старается дать физіологическое объясненіе. Эта научная подкладка представляетъ особенность разбираемаго сочиненія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ хочетъ оградить себя отъ упрека въ пристрастіи къ теоретическимъ соображеніямъ, и приводитъ нѣсколько случаевъ, гдѣ теорія идетъ далеко впереди практики. Какъ было съ колыбелью? спрашиваетъ авторъ. Была ли она уничтожена вслѣдствіе ея дурныхъ результатовъ, которые, страннымъ образомъ, были замѣчены послѣ того, какъ дѣти въ ней уже убаюкивались, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи лѣтъ? Нѣтъ, войну ей объявили теоретическія соображенія объ акеміи и гипереміи мозга, о головокруженіи и о сильномъ подавленіи мозговой дѣятельности. Въ виду современнаго увлеченія физическими упражненіями большой интересъ представляетъ мнѣніе знаменитаго физіолога по этому поводу въ главѣ о физическихъ упражненіяхъ. Онъ предостерегаетъ противъ практикующихся въ настоящее время слишкомъ раннихъ упражненій. Физическое переутомленіе такъ же вредно въ ранніе годы жизни, какъ и умственное, противъ котораго теперь такъ много справедливо возстаютъ. Собственно гимнастикой, по мнѣнію Брюкке, можно начать заниматься съ дѣтьми только съ одиннадцатаго года, да и то съ большою осторожностью и выборомъ, причемъ надо наблюдать, чтобы мускулы не подвергались продолжительному напряженію и утомленію. Въ этомъ отношеніи всего болѣе ре-

комендуется шведская гимнастика. Только на пятнадцатомъ году можно начать настоящую гимнастику на аппаратахъ, но и здѣсь надо избѣгать переутомленія, которое, повторяясь часто, не можетъ пройти безслѣдно. Даже молодые люди въ пятнадцать—восемнадцать лѣтъ часто плохо переносятъ усиленную гимнастику, они блѣднѣютъ, даже могутъ падать въ обморокъ.

Большой практическій интересъ представляетъ также послѣдняя глава „Предохраненіе отъ заразныхъ болѣзней".

Вся книга написана такъ просто, ясно, популярно, что буквально является общедоступною. Съ другой стороны, въ каждой фразѣ чувствуется основательное знаніе и глубокое убѣжденіе, такъ что авторъ сразу пріобрѣтаетъ довѣріе читателя. Переведена книга хорошо и читается легко.

Александръ Бёмъ и Альбертъ Оппель. Compendium микроскопической техники, съ нѣмецкаго перевелъ съ согласія авторовъ врачъ Ѳ. В. Семеновъ. С.-Петербургъ, 1892 г. Изданіе Пантелѣева. Ц. 1 р. 50 к.

Ассистенты при гистологическомъ институтѣ въ Мюнхенѣ А. Бёмъ и А. Оппель еще въ 1890 году написали руководство микроскопической техники. Нѣмецкая литература богата подобнаго рода руководствами. Несмотря на это, названное сочиненіе заняло весьма видное мѣсто среди лучшихъ руководствъ подобнаго рода; мы можемъ даже сказать, представляетъ едва ли не самое лучшее изъ нихъ во многихъ отношеніяхъ. Не даромъ гистологическій институтъ въ Мюнхенѣ пріобрѣлъ репутацію одного изъ лучшихъ гистологическихъ институтовъ въ Германіи. Въ нынѣшнемъ году сочиненіе это переведено на русскій языкъ. У насъ въ настоящее время очень много лицъ, занимающихся бактеріологіей и вообще микроскопіей, для которыхъ эта книга принесетъ громадную пользу. Дабы она не прошла незамѣченной, какъ многія подобныя спеціальныя книги и руководства, мы и обращаемъ на нее вниманіе читателей. Въ русской литературѣ вообще мало подобныхъ руководствъ; тѣ же, которыя есть, слишкомъ кратки и несовершенны, такъ что лица, занимающіяся микроскопіей, жалуются на отсутствіе хорошаго руководства, въ которомъ можно было бы дѣлать справки и находить отвѣты на возникающіе вопросы. Смѣло можно сказать, что это первое хорошее руководство микроскопической техники

на русскомъ языкѣ. Поэтому нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія его среди лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ. Руководство дѣлится на двѣ части: общую и спеціальную. Въ общей части излагается употребленіе микроскопа и микротома, приготовленіе препаратовъ, фиксированіе и уплотненіе тканей, приготовленіе красокъ и реактивовъ, окрашиваніе препаратовъ, заключеніе объектовъ въ целлоидинъ и парафинъ и пр. Въ спеціальной части излагаются способы изученія отдѣльныхъ тканей и органовъ. Послѣдняя часть содержитъ особый отдѣлъ, касающійся особой области микроскопической техники, именно эмбріологіи. Изложеніе весьма сжатое, ясное и разсчитано очевидно для начинающихъ, такъ что по этому руководству можно прямо учиться самостоятельно микроскопической техникѣ. Для краткости изложенія и удобства ссылокъ на предыдущее все содержаніе раздѣлено на параграфы. Параграфы кратки и опредѣленны, такъ что не оставляютъ никакихъ сомнѣній. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно. Хотя и есть нѣкоторыя неловкости въ терминологіи (какъ напримѣръ названіе „кормовыя клѣтки"), но ихъ не много.

Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію средне-русскихъ цвѣтковыхъ растеній. Составилъ П. Маевскій. Москва. 1892 г. Изданіе Е. В. Барановской.

Нѣтъ надобности быть спеціалистомъ, чтобы съ успѣхомъ и пользой заниматься изслѣдованіемъ отечественной флоры; для этого нужна та любовь къ дѣлу и охота, которыя превращаютъ не малый и не всегда легкій трудъ собиранія и опредѣленія растеній, въ привычное любимое занятіе и мало-по-малу изъ простаго любителя дѣлаютъ опытнаго знатока. Къ сожалѣнію, у насъ обстоятельства таковы, что изъ множества любителей очень немногимъ удается справиться съ различными трудностями, неизбѣжными для всякаго начинающаго. Въ большинствѣ случаевъ любитель, заинтересованный и увлеченный дѣломъ, съ самаго начала теряется въ кучѣ ошибокъ, противорѣчій, затрудненій и не находитъ не только совѣта или указанія опытнаго руководителя, но даже удовлетворительной книжки, сколько-нибудь примѣнимой къ его потребностямъ. Этими словами, заимствованными изъ сочиненія извѣстнаго знатока русской флоры В. Я. Цингера, авторъ поясняетъ мотивы, побудившіе его составить ука-

занное руководство къ опредѣленію растеній. Нельзя не согласиться въ этомъ отношеніи съ авторомъ. У насъ очень много любителей природы среди всѣхъ классовъ общества, много лицъ, интересующихся фауной или флорой Россіи. Много такихъ лицъ въ провинціи, въ глуши, въ деревнѣ, вдали отъ центровъ просвѣщенія. Между тѣмъ хорошихъ руководствъ для опредѣленія какъ животныхъ, такъ и растеній въ русской учебной литературѣ такъ мало (а по нѣкоторымъ отдѣламъ и совсѣмъ нѣтъ), что многіе, несмотря на увлеченіе и охоту, останавливаются на первомъ шагу и поневолѣ бросаютъ дѣло. Между тѣмъ участіе любительскаго труда въ дѣлѣ изученія родной фауны и флоры имѣетъ весьма большое значеніе. Масса любителей можетъ облегчить и ускорить знакомство съ фауной и флорой страны и устанавливаетъ до извѣстной степени связь между спеціалистами и обществомъ. Многіе факты, на которые направлено вниманіе спеціалистовъ-ученыхъ, часто становятся извѣстными изъ сообщенія любителя, случайно натолкнувшагося на подобный фактъ. Отсюда ясно, какое важное значеніе имѣютъ всѣ подобныя руководства, стремящіяся облегчить первые шаги на этомъ пути, пріохотить къ труду и дать запасъ свѣдѣній, которыя позволятъ съ успѣхомъ заниматься дѣломъ; къ такого рода полезнымъ руководствамъ принадлежитъ и означенное сочиненіе талантливаго, къ сожалѣнію, слишкомъ рано похищеннаго у науки ботаника П. Ф. Маевскаго. [1] Авторъ уже извѣстенъ по своимъ прежнимъ выходившимъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ болѣе краткимъ опредѣлителямъ: *Весенняя флора*, *Осенняя флора*, *Полевыя травы*, *Опредѣлитель злаковъ*. Всѣ они отличаются большими достоинствами, которыя въ свое время были единодушно отмѣчены критикой. Тѣми же достоинствами отличается и *Флора средней Россіи*. Къ области средней Россіи отнесены губерніи: Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимірская, Нижегородская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская и отчасти Саратовская. Въ характеристикахъ семействъ и родовъ приведены главнымъ образомъ лишь тѣ примѣты, которыя свойственны растеніямъ, указаннымъ для средней Россіи. Описанія видовъ въ большинствѣ случаевъ составлены довольно полно; при этомъ указаны размѣры растенія (высота стебля) и продолжительность жизни.

---

[1] П. Ф. Маевскій умеръ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ руководства.

При названіи вида приведены главнѣйшіе синонимы. Затѣмъ указано время цвѣтенія и мѣстонахожденіе растенія; приведены описанія разновидностей и помѣсей и замѣчанія о значеніи растенія въ сельскомъ хозяйствѣ, медицинѣ и т. п. Здѣсь также находятся критическія замѣтки и нерѣдко поясняются начинающимъ тѣ примѣты, по которымъ данное растеніе легко узнается и отличается отъ растеній, съ нимъ схожихъ по внѣшности. При большинствѣ перечислены губерніи, въ которыхъ растеніе было найдено; при растеніяхъ болѣе рѣдкихъ обозначены уѣзды, а иногда мѣстонахожденіе указано болѣе подробно. Чтобы помочь начинающимъ, приведены многочисленныя примѣчанія, прямо касающіяся хода опредѣленія. Въ этихъ примѣчаніяхъ указаны особенно трудные случаи опредѣленія, дабы предостеречь начинающаго отъ ошибокъ, гдѣ послѣднія особенно возможны. Чтобъ облегчить опредѣленіе, къ тексту присоединено сто рисунковъ, причемъ на каждомъ рисункѣ, кромѣ вѣточки растенія (а иногда и цѣлаго растенія) съ цвѣтами, изображены отдѣльно: листъ, цвѣтокъ и отдѣльныя части цвѣтка даннаго растенія. Книга издана съ внѣшней стороны очень хорошо, и рисунки сдѣланы отчетливо, такъ что даютъ ясное представленіе о растеніи.

Настольный Энциклопедическій словарь. Изданіе бывш. товарищ. А. Гарбель и К° Вып. 1—56.

Потребность въ энциклопедическомъ словарѣ давно уже народилась въ русскомъ обществѣ, и начиная съ 40 годовъ у насъ вышло уже нѣсколько подобнаго рода изданій; но всѣ они или уже устарѣли и сдѣлались библіографическою рѣдкостью или съ самаго начала никуда не были годны, такъ что появленіе въ 1890 году разомъ двухъ энциклопедическихъ словарей можно было признать вполнѣ своевременнымъ, тѣмъ болѣе что они преслѣдуютъ не вполнѣ одинаковыя цѣли и разнятся по своему характеру. Разбираемый нами словарь издается въ Москвѣ; съ 43-го выпуска изданіе его перешло въ новыя руки, вмѣстѣ съ чѣмъ перемѣнилась и редакція. Эта перемѣна значительно отразилась и на содержаніи словаря. Прежняя редакція стремилась прежде всего къ тому, чтобы дать объясненіе возможно большему количеству словъ, сравнительно мало заботясь о самомъ объясненіи; по этому въ первыхъ трехъ томахъ (каждые 14 выпусковъ словаря образуютъ томъ) вы найдете излишнюю полноту въ количествѣ объясняемыхъ словъ и почти не встрѣтите про-

пусковъ (хотя безъ нихъ все-таки дѣло не обошлось); но зато, прочитавъ объясненіе слова, вы сравнительно мало изъ него вынесете. Не замѣтно строгаго плана, содержаніе статей и ихъ размѣръ обусловливались, видимо, совершенно случайными обстоятельствами, редакторской руки почти вовсе не было видно. Описывая подробно авантюры какого-нибудь Никиты Афанасьевича Бекетова, словарь почти ничего не говоритъ о Боклѣ и Берне, едва упоминаетъ о Дюрингѣ и совсѣмъ пропускаетъ Гумиловича, не говоря уже о другихъ болѣе мелкихъ лицахъ. Новая редакція отнеслась къ своему дѣлу гораздо серьезнѣе: она стремится не къ тому, чтобы сообщить внѣшніе факты жизни какого-нибудь лица, дать описаніе внѣшней стороны какого-нибудь событія или явленія, а къ тому, чтобы дать полную, по мѣрѣ возможности, характеристику этого лица или событія, выяснить его значеніе и поставить въ связь съ другими событіями. Слѣды редакторской руки теперь гораздо замѣтнѣе, статьи соразмѣрнѣе, менѣе встрѣчается совершенно ненужныхъ артикловъ, а также и ошибокъ, нерѣдкихъ въ первыхъ томахъ. Все же и теперь словарь не вполнѣ свободенъ отъ недостатковъ, что, повидимому, обусловливается почти полнымъ отсутствіемъ спеціальныхъ подготовительныхъ работъ. Различные отдѣлы ведутся въ словарѣ далеко не съ одинаковою полнотой и тщательностью. Между тѣмъ какъ упоминаются почти всѣ даже и третьестепенные художники, многіе изъ литературныхъ дѣятелей прошлыхъ и современныхъ пропущены; такъ, раскрывъ словарь на букву К, мы не нашли, напр., Е. Я. Колбасина, Н. Колюпанова, Д. Коропчевскаго, Л. Котелянскаго, Кроткова, Кулишера, В. Кюхельбекера и др. Кромѣ неравномѣрности отдѣловъ, статьи одного и того-же отдѣла составляются иногда далеко не одинаково: однѣ полнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, другія короче, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Одинаковое, напр., мѣсто въ словарѣ отводится Канту и Кузену, между тѣмъ какъ эти два философа заслуживаютъ во всякомъ случаѣ не одинаковой оцѣнки. Не свободенъ словарь и отъ фактическихъ ошибокъ: участникъ перваго крестоваго похода Стефанъ Блуаскій названъ Стефаномъ Шартрскимъ, Вас. Наз. Каразинъ ошибочно названъ профессоромъ Харьковскаго университета; сказано, что Кіевъ присоединенъ къ Литовскому княжеству Гедыминомъ въ 1320 году послѣ войны, между тѣмъ какъ это совершилось мирнымъ путемъ при Ольгердѣ (тутъ, видимо, проскользнуло старое мнѣніе, теперь всѣми уже

оставленное). Правда, эти ошибки немногочисленны и особенно крупныхъ и вопіющихъ нѣтъ, но въ справочныхъ книгахъ онѣ вреднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и потому здѣсь необходима чрезвычайная осторожность. Небрежное веденіе дѣла прежнею редакціей повело къ тому, что одно и то же лицо попадаетъ два раза въ словарь: Эдвардъ Гидъ лордъ Кларендонъ и его дочь Анна Гидъ, жена Іакова II, помѣщены въ словарѣ и подъ словомъ Кларендонъ и подъ словомъ Гидъ, при чемъ годъ рожденія л. Кларендона въ обоихъ случаяхъ показанъ разно; Жоржъ Кадудаль помѣщенъ и подъ словомъ Кадудаль и подъ словомъ Жоржъ (?). Иллюстраціи довольно многочисленны, но нѣкоторыя изъ нихъ хотѣлось бы видѣть лучшими. Не вполнѣ раздѣляя мнѣніе редакціи, чтобы энциклопедическій словарь могъ, какъ она полагаетъ, „достаточно полно освѣщать для читателя незнакомые до того вопросы и явленія жизни и явиться истиннымъ руководителемъ для пробивающихся къ знанію собственными силами“, мы однако считаемъ это изданіе полезнымъ и желаемъ ему успѣха, такъ какъ оно, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительно, не смотря на указанные нами промахи, которые могутъ быть исправлены въ дополненіяхъ къ словарю.

Желаемъ редакціи и сотрудникамъ словаря довести благополучно до конца свое, во всякомъ случаѣ, *весьма полезное* дѣло.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ ВИЧУГИ.

Нельзя не сочувствовать стараніямъ правительства о благоустроеніи быта фабрично-заводскаго люда, какъ относительно гигіеническихъ условій, такъ и правильныхъ отношеній между рабочимъ и нанимателемъ. Человѣкъ съ сердцемъ и христіанскими чувствами всегда сочувственно отзовется на такія благія начинанія.

Каждая мѣра относительно нашего народа (какъ и всякаго другаго) должна быть обсуждаема и приводима въ исполненіе, сообразуясь съ его жизнью, обычаями, а главное, съ нравственнымъ его, въ данный моментъ, развитіемъ. Хороша европейская гуманность, заманчивы ея обѣщанія, сулящія эдемскую жизнь во имя свободы, равенства и братства, но обѣщанія эти основаны пока только на софизмахъ и словахъ, не примѣнимыхъ на практикѣ, что̀ мы и видимъ на самомъ дѣлѣ: недавній примѣръ во Франціи, въ Кармо, у всѣхъ на глазахъ. Есть русская вѣрная пословица, что воля приводитъ въ неволю, и она доказывается, напримѣръ, свободой ставить кабаки и пропивать въ нихъ мірскія деньги. Улучшать жизнь рабочихъ слѣдуетъ, и это есть даже святая обязанность какъ правительства, такъ и предпринимателей, но взаимныя обязанности между ними должны быть одинаково обязательны для обѣихъ сторонъ; теперь, слава Богу, видится поворотъ къ лучшему со стороны властей, которымъ ввѣрено правительствомъ регулированіе этихъ отношеній и наблюденіе за ними. Къ прискорбію, раньше были увлеченія не въ пользу справедли-

вости и законности: они клонились къ притѣсненію предпринимателя и были съ оттѣнкомъ соціалистическихъ воззрѣній на рабочаго, то-есть рабочимъ внушались только *права* ихъ относительно хозяевъ, а *объ обязанностяхъ* почти умалчивалось. Не удивительно, что фабричныя волненія совпадали со временемъ введенія фабричной инспекціи. Разумѣется, и въ этой области бывали люди достойные и справедливые, коихъ нельзя не уважать и не благодарить за справедливое и безпристрастное отношеніе къ дѣлу, но они слишкомъ, къ сожалѣнію, немногочисленны.

Теперь ожидается введеніе новыхъ общихъ правилъ для фабрично-промышленныхъ предпріятій. Желательно, чтобы они были практичны и удобо-исполнимы какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ и притомъ не излишне отяготительны для промышленности, то-есть, чтобы, какъ говорится по-русски, были безъ *пересолки*, на каковую часто бываютъ падки люди кабинетные, не испытавшіе на практикѣ самаго дѣла. Да, нужно принять въ соображеніе и то, что излишнія требованія, вызывая дороговизну товара, ведутъ къ затратамъ капитала, тяжело ложащимся на производство; такъ, одна изъ большихъ фабрикъ не работаетъ вполнѣ, то-есть не работаетъ день и ночь, потому только, что нуженъ двойной комплектъ рабочихъ, а помѣщеніе для этого, по новымъ правиламъ, должно быть таково, чтобы приходилось на каждаго человѣка не менѣе одной кубической сажени воздуха. И слѣдовательно, нужно еще казарму въ милліонъ рублей, что̀, само собою разумѣется, тяжело ляжетъ на производство. На это конечно, возразятъ, что де люди дороже денегъ. Это правда, но вопервыхъ, необходимо ли, чтобы только изъ-за этого тормозилось развитіе промышленныхъ дѣлъ, вовторыхъ—отнимать ли такимъ образомъ заработокъ у нѣсколькихъ тысячъ семействъ, которыя кормились бы отъ фабричной работы? Не говорю уже о томъ, что вслѣдствіе этого разнообразные матеріалы, потребляемые на фабрикахъ на сотни тысячъ или, вѣрнѣе, милліоны рублей, остаются втунѣ, и затѣмъ само правительство лишается многихъ доходовъ прямыхъ и косвенныхъ, которые явились бы при усиленномъ ходѣ промышленности.

Какъ понимать законъ относительно кубической сажени воздуха на каждаго живущаго въ фабричномъ помѣщеніи? Есть много фабрикъ, работающихъ на двѣ смѣны; слѣдовательно, одна смѣна всегда бываетъ въ корпусахъ, а другая въ квартирахъ. Если нужно имѣть на каждаго живущаго на фабрикѣ по одной куби-

ческой сажени воздуха, то поэтому въ рабочихъ корпусахъ надо имѣть по двѣ кубическихъ сажени. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы сдѣлать такъ, чтобы правило о кубической сажени воздуха на душу относилось только къ казармѣ,—это не было бы отяготительно для фабриканта и полезно для рабочаго.

Любопытно, какъ будетъ поступлено съ тѣми рабочими, которые сплошь и рядомъ не живутъ на фабрикахъ въ казармахъ, а помѣщаются на квартирахъ, гдѣ, конечно, далеко не будетъ соблюдаться потребная кубическая сажень воздуха. И что говорить о крестьянахъ, живущихъ зиму часто вмѣстѣ со скотомъ въ душной избѣ, которая почти всегда хуже фабричнаго помѣщенія, даже плохаго; конечно, есть исключенія и здѣсь, но они очень рѣдки. Опять приходитъ на умъ неизбѣжная у насъ *пересолка*.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе гуманныхъ лицъ, заботящихся о здравіи и благоденствіи рабочаго люда, что главный источникъ безобразія, бѣдности и болѣзней есть наставленныя возлѣ фабрикъ питейныя мѣста: они суть самое худшее изъ золъ, но о нихъ ни слова, какъ будто такъ и надо быть! Работай, а въ кабакахъ пропивай, теряй здоровье и часто голодай семья... охъ, *гуманность, гуманность!* (см. § 54 пр. Пит. Уст.)

Затѣмъ посмотримъ на отношенія фабричныхъ инспекторовъ къ фабричнымъ харчевымъ и товарнымъ лавкамъ. По закону инспекторъ долженъ наблюдать надъ качествомъ товара и утверждать цѣну на товары въ лавкахъ. И такого рода надзоръ или, вѣрнѣе, опека, а главное, обидное недовѣріе только къ лавкамъ фабричнымъ, т.-е. къ фабрикантамъ и заводчикамъ! Какъ-будто всѣ они какіе-то безсовѣстные и безсердечные люди. А что рядомъ съ фабриками, у кабатчиковъ имѣются свои лавки, особенно при провинціальныхъ фабрикахъ и заводахъ, и что тамъ *нѣтъ ни таксы на товаръ, ни надзора за доброкачественностью продуктовъ*, до этого ни кому нѣтъ дѣла.

Поэтому надо думать, что кабатчикъ въ глазахъ тѣхъ, кому о семъ вѣдать должно, гораздо добросовѣстнѣе владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ на стеклянныхъ заводахъ около Мурома владѣльцы послѣднихъ вынуждены были закрыть съѣстныя заводскія лавки вслѣдствіе совершенно неумѣстныхъ требованій лицъ, коимъ ввѣрено почти безконтрольное надзираніе за этими лавками, и затѣмъ рабочіе этихъ заводовъ попали въ руки мелкихъ кулаковъ или кабатчиковъ, имѣющихъ при ка-

бакахъ лавки; и теперь, конечно, безъ зазрѣнія совѣсти обираются рабочіе цѣловальникомъ какъ въ кабакѣ, такъ и въ лавкахъ.

Въ подобныхъ случаяхъ опека надъ фабрикантами и заводчиками крайне обидна и, полагаю, совершенно безполезна, такъ какъ рабочаго никто не можетъ принудить брать въ фабричныхъ лавкахъ, и потому нѣтъ надобности назначать цѣны или, какъ дѣлается, *утверждать ихъ*, что̀ все равно, такъ какъ инспекторъ можетъ почему-либо и *не утвердить* ихъ. Да и можетъ ли онъ знать на каждой фабрикѣ, какъ поставлены цѣны, дорого или дешево; онъ, вѣдь, не можетъ имѣть каждый мѣсяцъ вѣрныя справки о существующихъ базарныхъ цѣнахъ. Слѣдовательно, это есть ни болѣе, ни менѣе, какъ одна чиновничья процедура. За злоупотребленіями въ торговомъ дѣлѣ,—напримѣръ, за дурнымъ качествомъ съѣстныхъ припасовъ и проч.,—предоставлено общимъ закономъ слѣдить полиціи, земскимъ начальникамъ, но повторяю, что такое недовѣріе къ фабрикантамъ и заводчикамъ и, рядомъ съ этимъ, довѣріе къ кабатчикамъ и кулакамъ оскорбительно, и недоумѣваю, какое было разумное основаніе усвоить такой взглядъ на фабрикантовъ. Что̀ говорить, „въ семьѣ не безъ урода“, но для этихъ есть общее законное взысканіе. Нужно и должно слѣдить за тѣмъ, чтобы фабричный не былъ принуждаемъ брать товары въ фабричной лавкѣ, а не оцѣнять послѣдніе. Всякій торговецъ въ Россіи имѣетъ право ставить свои цѣны, а фабриканты и заводчики на имѣющійся въ ихъ лавкахъ товаръ не имѣютъ права!

Въ числѣ фабричныхъ инспекторовъ есть врачи; это очень хорошо относительно указаній ихъ на фабрикахъ—въ санитарномъ отношеніи; но такъ какъ инспекторъ имѣетъ право вмѣшиваться по своему усмотрѣнію и въ дѣла свойства техническаго и механическаго, то на своемъ ли мѣстѣ въ такомъ случаѣ врачъ? По нашему мнѣнію, тутъ долженъ быть исключительно техникъ, и то не прямо со школьной скамейки, а испытавшій дѣло практически.

Считаю нужнымъ остановиться на слѣдующемъ, въ большинствѣ случаевъ весьма вредномъ для фабричныхъ, правилѣ, которое, недоумѣваю, для чего нужно, и—какимъ мотивомъ руководились составители его:

§ 12. „Выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ не болѣе мѣсяца; при наймѣ на срокъ *неопредѣленный*—не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ.“

Если рабочимъ нужна выдача заработанныхъ денегъ *по два раза въ мѣсяцъ*, то непонятно, для чего она необязательна для нанятыхъ на извѣстный срокъ; а если она не нужна, тогда нельзя понять, для чего дана особая привилегія для рабочихъ поряженныхъ *на срокъ неопредѣленный*; на практикѣ видно, что дача денегъ два раза въ мѣсяцъ *положительно вредна* для самихъ рабочихъ: рабочій слабый къ вину (а таковыхъ очень много), имѣя два раза въ мѣсяцъ въ рукахъ деньги, два раза запьетъ и сдѣлаетъ непремѣнно два прогула, за что его оштрафуютъ два раза, тогда какъ получая деньги одинъ разъ, онъ пьетъ только одинъ разъ въ мѣсяцъ и одинъ разъ штрафуется за прогулъ. Отсюда очевидно, что отъ такого способа выдачи является главный вредъ—рабочему, да и нанимателю тоже убытокъ отъ неизбѣжныхъ въ этомъ случаѣ прогуловъ.

Желательны и необходимы для фабрикъ и заводовъ правила гигіеническихъ условіяхъ жизни рабочихъ и огражденія ихъ отъ несчастныхъ случаевъ и проч.; но при этомъ надо помнить, что хороши и полезны только тѣ правила, которыя удобопримѣнимы на практикѣ,—и, подобныя правила каждый благоразумный предприниматель приметъ и примѣнитъ къ дѣлу охотно и съ благодарностію. Но иногда предлагаются фабрикантамъ такіе регламенты, которые почти не могутъ быть примѣнимы, такъ, напримѣръ, *Обязательныя постановленія Владимірскаго Губернскаго по фабричнымъ дѣламъ Присутствія.*

Въ числѣ обязательныхъ постановленій имѣются рекомендуемыя въ общихъ *обязательныхъ* правилахъ указанія для остановки *двигателя* въ самый короткій промежутокъ времени, не выходя изъ того помѣщенія, гдѣ случилось несчастіе. Такія полезныя указанія, конечно, весьма желательны, но, къ сожалѣнію, едва ли могутъ быть исполнимы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, вслѣдствіе того, что они малоизвѣстны относительно своего устройства. Въ сочиненіяхъ объ огражденіи машинъ и о защитѣ рабочихъ отъ увѣчья, указываемыхъ фабричнымъ Присутствіемъ для пользованія ими при устройствѣ огражденій, есть описанія аппаратовъ, которые находились при машинахъ, бывшихъ на Берлинской выставкѣ; но въ нихъ не сказано, были ли первоначальные опыты производимы при большихъ двигателяхъ или при малыхъ. Вѣроятнѣе, что при малыхъ и на небольшія пространства и не на многоэтажныя зданія,—и это весьма важно. Приспособленія такого рода отличаются чрез-

вычайною многосложностію своего механизма и тѣхъ манипуляцій, которыя должны быть ими выполнены; это составляетъ главную причину препятствія для примѣненія на практикѣ рекомендуемыхъ аппаратовъ, въ особенности для такихъ большихъ двигателей, какіе имѣются на большихъ прядильняхъ и другихъ фабрикахъ.

Что же касается примѣненія приспособленій для быстраго разъединенія приводовъ рабочей залы отъ главнаго привода, то оно можетъ быть примѣнимо съ пользой при освобожденіи двигателя *отъ небольшаго* сопротивленія, но когда дѣло идетъ объ освобожденіи его отъ сопротивленія напримѣръ въ 250 или болѣе индикаторныхъ силъ, въ такомъ случаѣ оно можетъ имѣть весьма нежелательныя послѣдствія. Отцѣпивши приводъ цѣлаго этажа, напримѣръ въ прядильной фабрикѣ, двигатель моментально облегчается на тѣ же 250 силъ, и вслѣдствіе этого ему сообщается настолько быстрый ходъ, что работа на остальныхъ машинахъ будетъ невозможна, и рабочіе будутъ принуждены немедленно ихъ остановить; освободившись же совершенно отъ работы сопротивленія, для преодолѣнія котораго машина, скажемъ примѣрно, развивала до 800 силъ, быстрота хода ея неминуемо мгновенно увеличится, и послѣдствіемъ этого можетъ быть довольно *крупное несчастіе.* Въ виду этого примѣненіе къ двигателямъ подобныхъ приспособленій можетъ принести болѣе вреда нежели пользы, а потому Присутствіе, давая подобныя указанія какъ *обязательныя*, едва ли поступаетъ цѣлесообразно. Кромѣ сего, противъ примѣненія муфтъ говоритъ то обстоятельство, что даже при самой лучшей ихъ конструкціи необходимо примѣнять большую силу для того, чтобъ ихъ разъединять, а передавать такую силу изъ дальнаго пункта оказывается очень часто затруднительнымъ (Прессъ, „Защита жизни и здоровья рабочихъ“).

Въ обязательныхъ постановленіяхъ (параграфъ 5) для фабрикъ и заводовъ, пользующихся механическими двигателями, говорится: „въ опасныхъ мѣстахъ смазка движущихся частей должна быть устроена автоматическая: вообще же чистка и смазка частей машины на ходу разрѣшается только въ томъ случаѣ, когда имѣются спеціальныя приспособленія, дѣлающія эту работу безопасною, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ это воспрещается.“

Во время работы паровыхъ машинъ паровщикъ (рабочій, завѣ-

дующій паровою машиной) и смазывальщикъ обязаны слѣдить, не нагрѣвается ли отъ тренія главный валъ машины, палецъ кривошипа, или какая-либо часть приводовъ, потому что, несмотря на пристройство и приспособленіе различнаго рода автоматически смазывающихъ аппаратовъ, необходимо еще удостовѣряться, не нагрѣваются ли упомянутыя части вслѣдствіе быстраго хода машины, а это влечетъ за собою болѣе или менѣе долговременную остановку двигателя и даже могущую произойти отъ этого поломку. Чтобы удостовѣриться, не нагрѣвается ли та или другая часть машины или привода, производится изслѣдованіе посредствомъ наложенія руки на тѣ части машины или привода, гдѣ подозрѣвается возможность нагрѣванія; при этомъ нагрѣвающаяся часть машины смазывается прямо изъ рукъ обыкновенной масленкой. Устранить таковыя періодическія изслѣдованія нельзя потому, что никакимъ приспособленіемъ паровщикъ или смазывальщикъ не можетъ узнать, спокойно ли, правильно ли работаетъ машина или приводъ или грѣется.

Затѣмъ, между прочимъ, правиломъ инспекціи требуется, чтобы промежутки между машинами были не менѣе ¾ аршина. На большинствѣ прядильныхъ фабрикъ промежутки между „чесальныхъ“ машинъ имѣютъ разстояніе не болѣе одного фута,—и это вполнѣ достаточно для свободнаго прохода между ними, а оконечности машинъ (шкива) не могутъ имѣть огражденій потому, что по длинѣ корпуса получится рядъ перегородокъ, препятствующій проходу между машинами, а равно и въ другихъ отношеніяхъ такое постановленіе неудобо-примѣнимо на дѣлѣ. Кромѣ всего этого требуется еще устройство изъ разныхъ мѣстъ проводниковъ (вѣроятно, электрическихъ) для сигнальныхъ аппаратовъ въ помѣщеніе паровой машины—для того, чтобы въ случаѣ несчастія могъ быть данъ сигналъ объ остановкѣ машины. Сигнализація можетъ быть полезна, но едва ли въ данномъ случаѣ, такъ какъ несчастія случаются почти всегда мгновенно, катастрофа кончается, вслѣдствіе быстраго хода машинъ, ранѣе того, чѣмъ успѣютъ добѣжать до сигнальнаго аппарата, а потому едва ли можетъ удовлетворить требованіе инспекціи, относительно безопасности рабочихъ. Польза отъ сигналовъ можетъ быть другаго рода, напримѣръ, гдѣ-либо на машинѣ запутался ремень или что-нибудь сломалось и пр., тогда по сигналу, конечно, машину можно остановить скорѣе; но для этого нужна очень большая сѣть проводниковъ, и ручаться за

всегдашнюю ихъ исправность трудно, вслѣдствіе сотрясенія корпуса, шалости и любопытства рабочихъ; впрочемъ сигнализація, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, очень можетъ быть, что и принесетъ пользу.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о фабричномъ чиноначаліи.

Въ настоящее время надъ фабриками и заводами имѣется очень большое многоначаліе; въ небольшихъ заведеніяхъ оно начинается съ урядника, а затѣмъ—становой, исправникъ, земскій начальникъ, врачъ, инспекторъ, податной чиновникъ, губернскій механикъ и пр., а хозяинъ иногда чуть не въ отставкѣ; поневолѣ приходитъ на умъ пословица о „семи нянькахъ"...

Александръ Морокинъ.

ОДЕССА.

(Духовныя нужды мѣстныхъ войскъ.)

Странное впечатлѣніе выноситъ каждый Русскій, впервые пріѣзжающій въ Одессу. Если онъ подъѣзжаетъ къ городу съ моря, то вмѣсто куполовъ православныхъ храмовъ онъ видитъ прежде всего громаднее, красивое зданіе городскаго театра; если же въѣзжаетъ онъ въ городъ съ желѣзной дороги, то и съ этой стороны его православному чувству ничто не подскажетъ, что онъ находится въ русскомъ городѣ. Еврейскія синагоги на видныхъ мѣстахъ, множество иностранцевъ на улицахъ и не-русская, чуждая рѣчь на каждомъ шагу—дополняютъ первое неприглядное впечатлѣніе.

Внѣшнему виду соотвѣтствуетъ и внутренняя жизнь города. Исключительныя обстоятельства, повліявшія на быстрый ростъ города до современныхъ размѣровъ, кладутъ яркую печать на эту жизнь. Прежде всего — торговля, и болѣе всего — торговля. Оттого и скопленіе въ городѣ людей всѣхъ національностей съ преобладаніемъ еврейскаго элемента и тотъ узко-меркантильный цвѣтъ, которымъ окрашена вся жизнь современной Одессы.

Въ городѣ въ настоящее время считается до 280 тысячъ жителей, изъ которыхъ до 150 тысячъ—православныхъ. И на это число православныхъ имѣется всего только шестнадцать приходскихъ церквей. Ясное дѣло, что этого слишкомъ недостаточно для удовлетворенія духовныхъ нуждъ православнаго населенія

города. А это въ свою очередь имѣетъ очень большое значеніе тамъ, гдѣ встрѣчаются и сталкиваются пришлые люди со всѣхъ концовъ Россіи. Смѣшеніе лицъ различныхъ по происхожденію и мѣсту жительства составляетъ прекрасную почву для сектантской дѣятельности, и нѣтъ сомнѣнія, что штунда, свившая свое гнѣздо на югѣ Россіи, въ Одессѣ находитъ для себя хорошую жатву. При такомъ положеніи дѣла лучшее средство для борьбы съ этимъ зломъ—постройка новыхъ церквей; каждый новый храмъ въ такой мѣстности то же, что новая крѣпость въ районѣ военныхъ дѣйствій—видимый, укрѣпленный центръ для борьбы.

Если духовныя нужды православнаго населенія Одессы мало удовлетворяются за недостаткомъ приходскихъ храмовъ, то тѣмъ болѣе это надо сказать о нуждахъ мѣстныхъ войскъ. Одесскій гарнизонъ доходитъ численностью до шестнадцати тысячъ человѣкъ и имѣетъ всего только двѣ полковыхъ церкви—въ Модлинскомъ и Люблинскомъ пѣхотныхъ полкахъ; первая вмѣщаетъ въ себя до двухъ сотъ, а вторая до четырехъ сотъ человѣкъ. Есть еще домовыя церкви въ юнкерскомъ училищѣ и военномъ госпиталѣ, но онѣ такъ малы, что въ счетъ не могутъ идти. Затѣмъ четыре стрѣлковыхъ полка, казачій полкъ и вся пятая саперная бригада ни особаго духовенства, ни церквей не имѣютъ. Такое положеніе дѣла крайне прискорбно, такъ какъ большинство нижнихъ чиновъ за все время пребыванія своего въ Одессѣ лишено возможности слушать богослуженіе въ храмахъ и быть подъ духовнымъ руководительствомъ пастырей Церкви. Приходскіе священники настолько заняты своими требами (какъ это всегда бываетъ въ большихъ городахъ), что не въ состояніи удовлетворить духовныя нужды нижнихъ чиновъ гарнизона. Такимъ образомъ православный солдатикъ въ Одессѣ находится внѣ всякаго воздѣйствія на него Церкви. Въ храмъ онъ почти никогда не можетъ попасть; пастыря никогда не видитъ и слова его не слышитъ. Намъ кажется это положеніе дѣла настолько важнымъ, что нѣтъ возможности игнорировать его; не надо забывать, что главный контингентъ новобранцевъ для одесскаго военнаго округа доставляютъ наши южныя губерніи, болѣе другихъ зараженныя сектантствомъ.

Къ счастію военное вѣдомство хорошо сознаетъ это ненормальное положеніе дѣла и давно уже изыскиваетъ средства для измѣненія его. Есть два способа удовлетворить духовныя нужды одесскаго гарнизона. Первый способъ — это *устроить* двѣ, три

небольшія полковыя церкви; второй—*построить* большой военный соборъ. Тотъ и другой способъ имѣютъ не равное значеніе, что видно изъ простаго сравненія.

На первый взглядъ конечно удобнѣе и проще устроить нѣсколько маленькихъ полковыхъ церквей; это гораздо дешевле, а стало-быть возможнѣе, чѣмъ построить громадный соборъ. Такъ обыкновенно и дѣлается на окраинахъ Россіи, гдѣ существуетъ скопленіе войскъ; каждый полкъ имѣетъ въ своей казармѣ свою небольшую церковь. Но въ Одессѣ приходится считаться съ такими особыми условіями жизни, что общая мѣрка здѣсь становится недостаточною.

Дѣло въ томъ, что части одесскаго гарнизона расположены не въ казармахъ, а въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Стало-быть для сооруженія церквей для отдѣльныхъ частей войскъ необходимо или строить ихъ на купленныхъ для того участкахъ земли, или же помѣщать ихъ въ наемныхъ домахъ. И то и другое весьма затруднительно. Для постройки отдѣльныхъ церквей при частяхъ войскъ было бы необходимо купить участки земли: это значитъ истратить большія деньги, такъ какъ земля въ Одессѣ неприступно дорога. И, все-таки, если рѣшиться на это, то пользы будетъ немного. Войска стоятъ въ наемныхъ домахъ, и по этому сегодня они здѣсь, а завтра будутъ въ другомъ концѣ города, церкви же останутся на мѣстѣ, быть-можетъ на громадномъ разстояніи отъ части. Еще болѣе неудобствъ заключаетъ въ себѣ способъ устройства *временныхъ* церквей въ наемныхъ помѣщеніяхъ.

Не говоря о многихъ неудобствахъ, такой церкви прежде всего грозитъ опасность оказаться въ одно прекрасное время въ еврейскомъ домѣ. Подобный случай одинъ разъ уже былъ въ Одессѣ: домъ, гдѣ помѣщалась церковь Модлинскаго полка, былъ пріобрѣтенъ съ торговъ Евреями.

Всѣ эти недостатки и неудобства не имѣютъ мѣста при второмъ способѣ рѣшенія нашего вопроса, то-есть при постройкѣ большаго военнаго собора для всего одесскаго гарнизона. Въ этомъ случаѣ надо считаться только съ однимъ препятствіемъ—съ большою стоимостью этой постройки; но мы думаемъ, что это препятствіе при нѣкоторыхъ условіяхъ легко преодолимо. За то какія большія преимущества и выгоды находятся на сторонѣ этого способа рѣшенія вопроса! Затраты на покупку земли для этого дѣлать не надо, такъ какъ для этой цѣли можетъ служить площадь, находящаяся во владѣніи казны, тотъ нагор-

ный участокъ карантина, который называется крѣпостью и находится у мыса Ланжерона. Затѣмъ нечего и говорить, какое большое воспитательное значеніе имѣлъ бы соборъ для гарнизона; вѣдь въ него приходила бы не одна какая-либо часть, не двѣсти—четыреста человѣкъ, а по крайней мѣрѣ четвертая часть всего гарнизона; здѣсь участвовали бы въ общей молитвѣ чины разныхъ родовъ оружія, иногда и ратники ополченія, и чины запаса, призываемые ежегодно въ спеціальные сборы. А какое громадное *сближающее* значеніе имѣетъ участіе въ общей молитвѣ! Здѣсь велись бы и внѣ-богослужебныя бесѣды, спеціально для извѣстныхъ слушателей, которыя имѣютъ такое громадное значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія нашего народа; усиленный штатъ духовенства далъ бы возможность поставить эти бесѣды на твердую почву.

Наконецъ при обсужденіи вопроса о постройкѣ военнаго собора въ городѣ Одессѣ надо принять во вниманіе интересы города. Мы подразумѣваемъ, конечно, интересы религіозные, а отчасти и эстетическіе. Новый громадный храмъ для Одессы это—неисчислимое пріобрѣтеніе для ея духовной жизни, это великое дѣло для подъема религіозно-нравственной жизни ея православныхъ жителей. Новый, величественный соборъ для Одессы—это величайшее украшеніе для нея, особенно, если построенъ онъ будетъ на горѣ Ланжеронъ; гора эта видна со всѣхъ улицъ, идущихъ отъ вокзала къ центру города; со стороны же моря необходимо обогнуть мысъ Ланжеронъ, прежде чѣмъ попасть въ гавань. Соборъ, построенный въ этой мѣстности, будетъ виденъ отовсюду и, возвышаясь надъ полуиностраннымъ городомъ, придастъ ему нашъ родной русскій видъ.

Относительно средствъ для постройки такого, достойнаго русскаго имени, собора, необходимо замѣтить, что извѣстная часть ихъ можетъ быть ассигнована военнымъ вѣдомствомъ, а недостающая часть, несомнѣнно, покроется общею подпиской по всей Имперіи, лишь бы только она была разрѣшена. Одна Москва за себя постоитъ. Это ея родное дѣло. Поддерживая каждое православное дѣло на окраинахъ Россіи, Москва этимъ связываетъ ихъ съ собой, какъ съ центромъ. „Собираніе“ Россіи еще не кончилось; оно продолжается Москвой и теперь, хоть медленно, но вѣрно; чѣмъ ярче на окраинѣ сіяетъ крестъ православный, тѣмъ ближе къ сердцу Россіи становится эта окраина!..

Осипъ Ивановъ.

СО ЖМУДИ.

Въ послѣднее время „дѣла“ заставили меня прожить нѣсколько недѣль на Жмуди, занимающей сѣверные уѣзды Виленской губерніи, бо́льшую часть Ковенской и Сувалкской. Приглядываясь къ жизни и быту населенія въ этой богатой и своеобразной странѣ, я былъ пораженъ огромною и быстрою перемѣной въ ней въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была не болѣе десяти лѣтъ назадъ. Жмудинъ—„добрый католикъ“. Но онъ любилъ жить особнякомъ. У него все было особенное, своеобразное, собственное: свой жмудскій „бискупъ“, свои ксендзы непремѣнно изъ Жмудиновъ, для приготовленія которыхъ существуетъ своя жмудская семинарія. Былъ у него и свой молитвенникъ на жмудскомъ языкѣ; дополнительное богослуженіе, проповѣдь и исповѣдь и вся костельная литература на томъ же языкѣ. Русскій языкъ до послѣдняго польскаго мятежа былъ мало извѣстенъ на Жмуди, а польскій былъ ненавистенъ. Какъ Поляки въ былыя времена ни старались ополячить эту страну, всѣ ихъ усилія разбились о жмудскую устойчивость.

Но не то я видѣлъ въ послѣднее время. Жмудскій „бискупъ“, хотя и Жмудинъ по происхожденію, несомнѣнно ведетъ свое дѣло въ польскомъ духѣ и интересѣ. Для доказательства я сошлюсь на его рѣчь при недавнемъ посѣщеніи имъ Поневѣжа, сказанную имъ по-польски и по-жмудски. Самъ онъ—Жмудинъ; говорилъ Жмудинамъ; зачѣмъ же ему говорить по-польски? Или зачѣмъ вмѣсто польскаго языка не сказалъ рѣчь по-русски?

Многіе ксендзы, теперь служащіе на Жмуди, суть или природные Поляки, или ополяченные Жмудины; польскій языкъ болѣе и болѣе вводится въ богослуженіе, въ проповѣдь и весь костельный бытъ. (Польскій языкъ вводить въ богослуженіе даже для Жмудиновъ *можно*, а русскій языкъ даже для Бѣлоруссовъ *нельзя.)* Теперь вы встрѣтите польскій молитвенникъ здѣсь повсюду вытѣсняющимъ жмудскій молитвенникъ. Жмудины теперь распѣваютъ польскіе гимны, не только по охотѣ, но и по неволѣ; потому что ихъ ксендзы-Поляки грозятъ не допустить на исповѣдь и къ причастью тѣхъ, кто не научится или не захочетъ пѣть польскіе гимны и читать польскія молитвы. Не болѣе какихъ-нибудь десяти лѣтъ назадъ здѣшніе Поляки-помѣщики говорили со своею прислугой только по-жмудски, для чего сами должны были учиться этому языку; теперь же они говорятъ съ

нею по-польски. Даже между собою Жмудины изъ молодыхъ стараются щеголять польскимъ говоромъ.

— А гдѣ же русскій языкъ?—спроситъ читатель.

Въ школѣ. Сидитъ себѣ въ школѣ и изъ нея не выходитъ. Внѣ школы и оффиціальныхъ отношеній вы на Жмуди не услышите русскаго языка. Человѣкъ, хорошо и давно знающій жмудскія дѣла, говорилъ мнѣ, что русскій языкъ даже служитъ для Жмудина пособіемъ къ изученію польскаго языка. Въ жмудской народной школѣ (министерской) русскій языкъ изучается удовлетворительно, Жмудины охотно посылаютъ въ нихъ своихъ дѣтей, и ксендзы, властители ихъ душъ, смотрятъ на это одобрительно. Чѣмъ же объяснить эту одобрительность? Слѣдующимъ: прежде, до изученія Жмудинами русскаго языка, польскій языкъ былъ для нихъ крайне труденъ, какъ не имѣющій никакого сродства со жмудскимъ языкомъ; теперь же Жмудину, въ значительной степени изучившему въ школѣ русскій языкъ, и польскій языкъ, какъ близко-родственный съ русскимъ, становится болѣе легкимъ и знакомымъ. Такъ даже то, что̀ должно было бы служить здѣсь къ усиленію русской народности, обращается польскою справой къ усиленію полонизма!

Жмудиновъ, вмѣстѣ съ Литвинами, считается свыше двухъ милліоновъ душъ обоего пола. Во время послѣдняго Польскаго мятежа въ жмудскихъ лѣсахъ наиболѣе продолжительно держались мятежническія банды и жмудскіе ксендзы отличались наиболѣе мятежнымъ духомъ. Потому графъ Муравьевъ обратилъ особенное вниманіе на Жмудь для изгнанія изъ нея польщизны. Въ числѣ мѣръ къ тому находилось введеніе между Жмудинами кириллицы вмѣсто латинки. Для такой мѣры есть авторитетное историческое основаніе. „Статутъ Витовскій“ (Законы Великаго Княжества Литовскаго) печатанъ по-русски, русскими писменами; и въ концѣ его узаконено, чтобы всѣ дѣла въ великомъ княжествѣ велись по-русски и писались русскими писменами. Слѣдовательно, эта мѣра была только возстановленіемъ стараго права. Сначала она шла успѣшно, но со времени Потапова была совсѣмъ заброшена, и латинка снова овладѣла Жмудскимъ краемъ, куда контрабандно теперь ввозится масса польскихъ молитвенниковъ и жмудскихъ, печатанныхъ латинкою, также жмудскихъ журналовъ и газетъ, проникнутыхъ враждебнымъ Россіи духомъ и печатанныхъ въ Пруссіи и Америкѣ.

А. Владиміровъ.

СЪ ДУНАЯ.

Я прочиталъ въ *Вѣстникѣ Финансовъ* № 45 отрадную для насъ торговыхъ людей вѣсть, что въ правительственныхъ сферахъ принимаются нынѣ *мѣры къ правильному разрѣшенію вопроса* о русскихъ консульствахъ за границей. Позвольте мнѣ, какъ русскому человѣку, живущему по торговымъ дѣламъ за границей, сказать нѣсколько словъ, по поводу этого вопроса.

Что̀ значитъ *правильное разрѣшеніе вопроса?* Мнѣ кажется, что прибавка „правильное", указываетъ на то, что консульскій вопросъ получитъ, наконецъ, такое разрѣшеніе, которое будетъ удовлетворять торгово-промышленный людъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что намъ, Русскимъ, не придется искать подчасъ защиты своихъ интересовъ у консуловъ иностранныхъ, какъ это теперь сплошь и рядомъ бываетъ.

Можетъ-быть люди серединной Россіи не могутъ взять въ толкъ, какъ это можетъ быть? А это очень просто: мнѣ самому по дѣламъ торговымъ приходилось просить защиты у иностранныхъ консуловъ и находить защиту дѣйствительную; конечно, не самъ лично обращался къ нимъ, а чрезъ купцовъ ихъ національности. Привезъ я разъ изъ Одессы въ Браилу сушеный горохъ—не пускаютъ, поѣхалъ къ нашему консулу. Говорятъ въ канцеляріи, что я пришелъ рано; поѣхалъ попозднѣе, говорятъ—поздно; поѣхалъ на другой день и засталъ, хотя ждалъ выхода его часа два; я къ нему съ жалобой, а онъ даже по-русски не понимаетъ. Сталъ я съ нимъ объясняться по-румынски. Вышло такъ,—горохъ привозить я не имѣлъ права. Пошелъ къ одному пріятелю-Нѣмцу; и тотъ чрезъ своего консула получилъ разрѣшеніе, и не потребовалось на это болѣе трехъ часовъ времени. Другой примѣръ: привезъ я въ Сулинъ „образа" для вымѣна; румынскія власти стали дѣлать мнѣ всякія притѣсненія; и къ консулу, и тутъ оказалось, что этотъ господинъ по-русски не понимаетъ—Нѣмецъ, да къ тому же австрійскій чиновникъ. Пошелъ я тогда къ консулу греческому—православному; и тотъ помогъ. Вотъ еще на моей памяти было что̀: собралось насъ человѣкъ двадцать Русскихъ на Пасхѣ въ Букурештѣ; отстояли заутреню, пошли было къ посланнику по русскому обычаю христосоваться, а насъ даже не допустили, сказавъ, что у посланника Пасха уже кончилась, онъ справляетъ ее не по нашему. Впрочемъ это было давно.

Торговецъ по Дунаю **Иванъ Струнинъ.**

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Повышеніе пошлины на пиво, спички и спиртъ.—Заключенія Коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія.—Послѣдствія слуховъ о повышеніи пошлинъ на иностранный хлопокъ.

Изыскивая мѣры къ увеличенію средствъ Государственнаго Казначейства, Министерство Финансовъ нашло возможнымъ повысить налоги на пиво, спички, спиртъ и вино. Возвышеніемъ акциза на спички, имѣется въ виду достигнуть не только увеличенія поступленія акциза, но и поощреніе фабрикъ, изготовляющихъ такъ-называемыя шведскія спички. Закономъ 4 января 1888 года установленъ былъ акцизъ на спички безъ различія ихъ свойствъ. Теперь же для сѣрныхъ спичекъ акцизъ возвышенъ, а для шведскихъ оставленъ прежній. Съ сѣрныхъ или фосфорныхъ спичекъ будетъ взиматься по $^1/_2$ коп. съ каждой коробочки, содержащей не болѣе 75 штукъ, — по 1 коп. съ коробки въ 75—150 шт., $1^1/_2$ коп.—въ 150—225 шт., и 2 коп.—225—300 шт. По словамъ *Вѣстника Финансовъ*, эта мѣра можетъ доставить казначейству приблизительно 3 милліона рублей въ годъ (см. *Русское Обозрѣніе* окт. 92 г., стр. 896).

Акцизъ на пиво, установленный закономъ 1 іюля 1879 въ размѣрѣ 20 коп. съ каждаго ведра емкости заторнаго чана за каждый заторъ повышенъ на 10 к.; то-есть вмѣсто 20 к. установлено 30 к. Предполагается, что казна получитъ отъ этой мѣры отъ 2—3 милліоновъ рублей въ годъ. (См. *Русское Обозрѣніе* окт. 92, стр. 896).

Возвышеніемъ акциза на спиртъ предполагается достигнуть увеличеніе средствъ Государственнаго Казначейства на пять—во-

семь милліоновъ болѣе противъ 1891 года. Чтобы судить объ отношеніи количества потребленія у насъ спирта къ размѣру акциза за послѣднія восемь лѣтъ, приводимъ табличку, изъ которой явствуетъ, что возвышеніемъ акциза не всегда достигалось увеличеніе поступленій.

	Потребленіе: общее. Ведра безводнаго спирта.	Потребленіе: на душу. Градусы.	Размѣръ акциза съ каждаго градуса. Коп.	Поступленіе акциза. Рубли.
1883..	28.499.705	33	8	225.104.727
1884.....	26.780.536	30	8	217.126.406
1885.....	25.318.630	27	8 и 9	207.318.418
1886.	24.301.382	27	9	209.168.919
1887.....	25.067.719	27	9	229.488.154
1888.....	25.385.736	26	9¼	237.161.569
1889.....	25.140.774	25	9¼	246.980.026
1890....	23.762.214	23	9¼	239.268.590
1891.....	22.069.861	22	9¼	220.083.030

Отсюда можно заключить, между прочимъ, что однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ количества поступленія акциза является благосостояніе населенія, а не самый размѣръ акциза; такъ, напримѣръ, въ прошломъ году, несмотря на то, что акцизъ былъ тотъ же, что въ 1888 году, недоборъ выразился болѣе чѣмъ 17.000.000 рублей.

Коммиссія по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія (образованная въ 1888 году) нынѣ окончила свои засѣданія; вотъ въ краткихъ чертахъ выводы, къ коимъ она пришла:

Сельскіе хозяева сами себѣ помочь не въ состояніи, и помочь имъ можетъ только государство. Самая слабая сторона нашихъ сельскихъ хозяевъ заключается въ недостаткѣ капиталовъ основныхъ и оборотныхъ. Необходимо упорядочить русскій хлѣбный рынокъ, чтобы производитель хлѣба могъ свободно выбирать время для его продажи и переплачивалъ бы при этомъ возможно менѣе разнымъ посредникамъ между имъ и его заграничными покупателями, и чтобы русскій хлѣбъ продавался на заграничныхъ рынкахъ по цѣнамъ *настоящимъ*, и эти послѣднія должны быть извѣстнымъ образомъ ограждены отъ разныхъ вредныхъ вліяній.

Дабы поддержать наше сельское хозяйство, коммиссія намѣтила слѣдующія мѣропріятія: 1) устроить сѣть элеваторовъ при желѣзныхъ дорогахъ и водныхъ путяхъ; 2) устроить хлѣбные склады въ селахъ и городахъ, удаленныхъ отъ желѣзныхъ и водныхъ путей; 3) устроить при складахъ и элеваторахъ необходимыя приспособленія для очистки хлѣба, сортировки, взвѣшиванія и перегрузки его, а равно и коммерческую контору для выдачи варрантовъ и ссудъ, пріема хлѣба на продажу и т. п., и 4) соорудить элеваторы на казенный счетъ, и управленіе ими ввѣрить правительственнымъ чиновникамъ, при участіи мѣстныхъ общественныхъ учрежденій.

Имѣя однако же въ виду, что осуществленіе изложеннаго плана потребуетъ значительнаго времени, Коммиссія остановилась на учрежденіи хлѣбной инспекціи, которая могла бы обуздать торговцевъ, вывозящихъ за границу хлѣбъ дурнаго качества, весьма часто несоотвѣтствующій образцамъ, по коимъ сдѣланы заказы. Чтобъ упорядочить отношенія между производителями и посредниками, Коммиссія полагаетъ, что необходимо усовершенствовать существующіе на нашихъ биржахъ порядки вообще, и въ частности на биржахъ собственно хлѣбныхъ.

Затѣмъ Коммиссія полагаетъ необходимымъ имѣть дѣятельное представительство нашихъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ за границей. Такъ какъ колебанія морскихъ фрахтовъ значительно затрудняютъ разсчеты, то, по мнѣнію Коммиссіи, весьма желательно, чтобы Россія перешла отъ пассивной морской торговли къ активной, путемъ увеличенія своего торговаго флота.

Но такъ какъ послѣднее, подобно устройству элеваторовъ, потребуетъ много времени, Коммиссія нашла полезнымъ: 1) учредить въ портахъ необязательную зерновую инспекцію, по образцу существующей въ Ригѣ; 2) издавать правила о производствѣ хлѣбной торговли въ портахъ и на внутреннихъ рынкахъ; 3) отнести къ обязанностямъ консуловъ и вице-консуловъ: надзоръ за хлѣбными грузами, приходящими изъ Россіи, и выясненіе возникающихъ при этомъ вопросовъ и недоразумѣній; ближайшее ознакомленіе съ хлѣбной торговлей, въ особенности съ Россіей, и представленіе подробныхъ по всѣмъ частямъ хлѣбной торговли отчетовъ, публикуемыхъ въ особомъ изданіи, и 4) выяснить существующіе способы разсчета фрахтовъ, обязавъ биржевые комитеты портовъ издавать таблицы, въ которыхъ всѣ подобные разсчеты были бы сдѣланы на русскіе мѣру, вѣсъ и монету.

Признавая необходимость упорядоченія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, Коммиссія слѣдующимъ образомъ формулировала свои заключенія.

При томъ значеніи, которое пріобрѣли желѣзныя дороги въ нашей хлѣбной торговлѣ, упорядоченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ является однимъ изъ необходимыхъ условій улучшенія положенія сельскихъ хозяевъ на рынкѣ и для этого, по мнѣнію Коммиссіи, слѣдуетъ: 1) понизить предѣльный тарифъ для земледѣльческихъ грузовъ чрезъ увеличеніе установленныхъ скидокъ при перевозкахъ на отдаленныя разстоянія, причемъ таковыя скидки производить не на каждой дорогѣ въ отдѣльности, а по разсчету всего разстоянія перевозки; 2) распространить на всѣ роды желѣзнодорожныхъ тарифовъ правило о недопущеніи для дальнѣйшихъ разстояній низшихъ платъ, нежели для кратчайшихъ; 3) установить для малоцѣнныхъ земледѣльческихъ грузовъ провозную плату, пониженную противъ принятой для хлѣбныхъ грузовъ (примѣрно на 25%), и при угнетенномъ состояніи цѣнъ на рожь и овесъ понижать нѣсколько перевозочныя платы для этихъ хлѣбовъ противъ тарифовъ, принятыхъ для прочихъ хлѣбовъ; 4) принять мѣры къ тому, чтобы на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, какъ въ прямомъ, такъ и внутреннемъ сообщеніяхъ, провозныя платы на переработанный хлѣбъ были уравнены съ платами на зерновой хлѣбъ, причемъ, еслибы принятыя нынѣ мѣры къ поощренію отпуска хлѣба за границу въ переработанномъ видѣ оказались недостаточными, не останавливаться предъ установленіемъ дальнѣйшихъ льготъ въ пользу переработаннаго хлѣба, назначаемаго для заграничной отправки; 5) распространить на всѣ дороги завозные или перемолочные тарифы; 6) издать въ законодательномъ порядкѣ правило, чтобы тарифы для хлѣбныхъ грузовъ въ прямомъ и въ мѣстномъ сообщеніяхъ назначались, по возможности, на продолжительные сроки, причемъ измѣненія въ тарифахъ внѣ установленнаго срока могли бы быть допускаемы высшимъ тарифнымъ учрежденіемъ лишь въ виду обстоятельствъ, не терпящихъ отлагательства, напримѣръ, при установленіи таможенныхъ пошлинъ иностранною державой, при неурожаѣ въ какой-либо части страны и т. п.; 7) проектъ тарифныхъ измѣненій публиковать въ оффиціальномъ изданіи и разсылать на предварительное разсмотрѣніе въ сельскохозяйственныя общества, биржевые комитеты и земскія управы съ назначеніемъ опредѣленнаго срока для представленія замѣчаній со стороны

этихъ учрежденій. Нѣкоторыя изъ этихъ предложеній были приняты во вниманіе при изданіи новаго свода, другія ждутъ еще осуществленія.

Переходя къ воднымъ путямъ, Коммиссія пришла къ заключенію, что необходимо:

1) учредить для содѣйствія Министерству Путей Сообщенія по завѣдыванію судоходствомъ на водныхъ путяхъ мѣстные рѣчные комитеты изъ чиновъ Министерства Путей Сообщенія и представителей отъ земствъ прибрежныхъ губерній, отъ главнѣйшихъ городовъ, расположенныхъ на данномъ пути, отъ мѣстныхъ пароходныхъ компаній и частныхъ судовладѣльцевъ; 2) преобразовать судоходный сборъ, сдѣлавъ его спеціальнымъ, съ тѣмъ, чтобы потребные для гидротехническихъ работъ капиталы могли получаться авансомъ подъ обезпеченіе будущихъ сборовъ; сборъ подраздѣлить на нѣсколько категорій и ввести особый сборъ съ емкости судовъ не паровыхъ и силы судовъ паровыхъ, спеціальныхъ сборовъ не свыше 1% стоимости судовъ и общій сборъ, соотвѣтствующій нынѣшнему 1,4% сбору; 3) составленіе дорожнаго устава, въ которомъ были бы опредѣлены условія и порядокъ сооруженія, а также исправленія поѣздныхъ путей и обыкновенныхъ грунтовыхъ дорогъ, съ указаніемъ отношеній къ дорожному дѣлу административныхъ и земскихъ учрежденій; 4) возможно болѣе широкое примѣненіе къ этому дѣлу натуральной повинности и 5) учрежденіе техническаго надзора на мѣстахъ за состояніемъ дорогъ.

Предлагая всѣ вышеизложенныя мѣры, Коммиссія тѣмъ не менѣе не считаетъ, что ими исчерпывается все, что надо сдѣлать для того, чтобы пособить горю. Обращая свое вниманіе на климатическія и почвенныя условія и различные способы хозяйствованія въ различныхъ мѣстахъ имперіи, Коммиссія полагаетъ, что думать объ какой-либо одной общей для всей имперіи программѣ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій не имѣетъ смысла.

Достигнуть желанной цѣли, по ея мнѣнію, можно постояннымъ наблюденіямъ за экономическою жизнью страны надлежащими органами государственнаго управленія и своевременнымъ воздѣйствіи послѣдняго тамъ, гдѣ это оказывается нужнымъ.

Одною изъ главнѣйшихъ задачъ государства въ дѣлѣ упорядоченія нашего сельскаго хозяйства, является, по мнѣнію Коммиссіи, организація государственнаго кредита въ такой формѣ, чтобы ссужаемыя землевладѣльцамъ средства расходовались подъ

должнымъ контролемъ, то-есть въ видѣ меліоративнаго кредита. Давая земледѣльцу средство на пріобрѣтеніе орудій, удобреній, сѣмянъ и пр., надлежащія власти вмѣстѣ съ тѣмъ должны указывать заемщику, какъ пользоваться ими возможно производительнѣе. Коммиссія думаетъ, что значительную долю пользы могли бы принести крестьянскія опытныя поля и хозяйства; но это возможно только при разумномъ веденіи крестьянскаго хозяйства. А такое веденіе немыслимо до тѣхъ поръ, покуда не устранится недостаточная обезпеченность крестьянъ землею, путемъ аренды казенной, удѣльной или частной земли, и затѣмъ покуда не улучшатся способы крестьянскаго хозяйства, и не увеличится производительность крестьянскаго труда путемъ поддержки кустарныхъ промысловъ и, наконецъ, покуда не упорядочится переселенческое дѣло.

Не меньшаго вниманія Коммиссія заслужила и неизбѣжность приспособленія порядковъ общиннаго землевладѣнія къ условіямъ новаго хозяйства, то-есть, чтобы частная предпріимчивость отдѣльныхъ хозяевъ не была стѣснена неумѣстными требованіями остальныхъ членовъ общества.

Вотъ въ общихъ чертахъ заключенія Коммиссіи, работавшей подъ этими вопросами слишкомъ четыре года.

Остается пожелать скорѣйшаго осуществленія всѣхъ намѣченныхъ Коммиссіей мѣропріятій.

* * *

Слухи о возвышеніи пошлины на иностранный хлопокъ вызвали сильное повышеніе цѣнъ на хлопокъ средне-азіатскій. Въ концѣ минувшаго октября хлопокъ изъ мѣстныхъ сѣмянъ продавался по 7 р. 60 к. за пудъ, а изъ американскихъ по 9 р. 60 к.; въ началѣ же декабря цѣны дошли до 8 р. 90 к. за первый и до 10 р. 50 к. за второй. Вслѣдствіе этого въ Ташкентѣ и Коканѣ всячески спѣшатъ отправлять хлопокъ въ Москву. И съ этою цѣлью отправители не стѣсняются занимать деньги изъ 2—3% въ мѣсяцъ, чтобы купить хлопокъ. Слѣдствіемъ такой горячки несомнѣнно явится излишнее скопленіе хлопка въ Москвѣ къ февралю мѣсяцу и затруднительное положеніе средне-азіатскихъ продавцевъ, такъ какъ разсчитывать имъ продать хлопокъ съ особенными барышами нельзя, въ виду того, что запасы его уже сдѣланы. Можно даже предполагать, что имъ

придется потерпѣть убытки по примѣру прошлаго года. А это послѣднее обстоятельство несомнѣнно отзовется на фабрикантахъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, имѣющихъ дѣло съ Среднею Азіей.

Цѣны на американскій хлопокъ поднялись за послѣднее время на всѣхъ международныхъ рынкахъ почти на 20% не столько вслѣдствіе плохаго сбора, сколько вслѣдствіе дурнаго качества волокна. Несомнѣнно, что такое положеніе дѣла на руку спекулянтамъ, такъ какъ нарушаетъ правильное спокойное теченіе дѣлъ. Сколько намъ извѣстно, главною причиной, вызвавшею такое положеніе дѣлъ, являются устарѣвшія учрежденія, кои представляютъ собою нѣкоторымъ образомъ посредствующую ступень между торгово-промышленнымъ міромъ и Министерствомъ Финансовъ и исполняютъ свою роль и небрежно и неумѣло. Слухи о преобразованіи сихъ остатковъ временъ покоренія Крыма, можно надѣяться, оправдаются въ недалекомъ будущемъ.

Московскіе фабриканты, не имѣя ничего противъ повышенія пошлины на ввозимый хлопокъ; и находя даже эту мѣру весьма цѣлесообразной, не скрываютъ однако, что моментъ для оглашенія намѣреній Министерства выбранъ неудачно, такъ какъ дѣйствительное положеніе хлопковаго рынка не было таково, какъ предполагали въ Петербургѣ, и потому именно можно ожидать—вышеупомянутыя обстоятельства произведутъ затрудненія, крайне нежелательныя во всѣхъ отношеніяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ шестой.

НОЯБРЬ.

Стр.

Театральный цвѣтокъ. Гл. IX—XVII. *(Окончаніе.)* **К. Орловскаго** 5

По Элладѣ. Изъ путевыхъ воспоминаній. Гл. III. **И. Цвѣтаева** 45

Чувство, идеалъ и идеализація. Психологическо-литературный этюдъ. Гл. I. **Ѳ. Витберга** 75

Какъ винить? **О. Демерта** 101

Родовой грѣхъ философіи. **П. Е. Астафьева** 134

Стихотореніе. **В. Гиляровскаго** 165

По Святой Землѣ. Гл. XII. **М. П. Соловьева** 166

Американскій претендентъ. Романъ Марка Твэна. (Переводъ съ англійскаго). Гл. XII—XIX 204

Письма объ Англіи. Письмо II. **О. К. (Ольга Новикова)** ... 257

Роза Цетиньи. Романъ Е. Вальдъ-Зедвица. (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. XII—XIII 269

Россія и Англія. Гл. V—VII. **П. В. Безобразова** 302

Надежда. (Стихотвореніе.) **В. Булгакова** 343

О комедіи. **Д. В. Аверкіева** 344

Какъ исполняются международныя обязательства на Дунаѣ. **К—въ** 392

Вопросы церковной жизни. Памяти К. Н. Леонтьева.—Дѣятельность нашего духовенства во время эпидеміи.—**ь.** 406

Современная лѣтопись. Посѣщеніе Вѣны Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Тронная рѣчь Германскаго императора.—Новый взрывъ динамита въ Парижѣ.—Русская картинка.—Пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности И. Е. Забѣлина 414

Лѣтопись печати. Славянофилы и западники въ современныхъ отголоскахъ. *(Окончаніе.)* **Л. А. Тихомирова** ... 420

Театральная хроника. **С. Васильева** 436

Критика и библіографія:

1) *О папской непогрѣшимости.* Изъ переписки католическаго ученаго съ русскимъ генераломъ А. А. Кирѣева. Переводъ Е. Л. **Ал. В—на** 449

2) *La peinture antique* par *Paul Girard*, Paris 1892 (Librairies imprimeries réunies). **К. Чичагова** 452

3) Ruge. *S. Chistoph Columbus* Dresden. 1892. **В. С.** 458

Стр.

4) *О значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы.* Э. А. Казалета. Москва, 1892 г. **І. Ф.** 460

5) а) *Русская классная библіотека*, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. *Пособіе при изученіи русской литературы.* С.-Петербургъ, 1891—92 гг., 11 выпусковъ. Изданіе И. Глазунова. б) *Плутархъ, сравнительныя жизнеописанія*, переводъ съ греческаго. Б. Алексѣева. С.-Петербургъ. *Дешевая библіотека*, изд. А. С. Суворина. **А. Г.** 462

6) Лангстротъ. *Пчела и улей.* Переводъ съ англійскаго Шарля Дадана. Въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Г. П. Кондратьева..... 464

Экономическое обозрѣніе. Германская печать о Россіи.—Россія какъ поставщица хлѣба на Западную Европу и ея конкурренты: Сѣверная Америка, Индія и Австралія.—Увеличеніе таможенной пошлины на хлопокъ.—Хлопковое производство въ Средней Азіи и возможность его расширенія.—Брюссельская монетная конференція. Новый французскій законъ о трудѣ дѣтей, несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и женщинъ. 466

ДЕКАБРЬ.

Убыль души. Повѣсть. **Ивана Щеглова**..... 479

Дворяне, разночинцы и крестьяне въ современномъ русскомъ землевладѣніи. **Князя Н. К. Имеретинскаго**.... 548

Американскій претендентъ. Романъ Марка Твэна. (Переводъ съ англійскаго). Гл. XX—XXV..... 600

Наше знаніе о себѣ. **П. Е. Астафьева**..... 647

Роза Цетиньи. Романъ Е. Вальдъ-Зедвица. (Переводъ съ нѣмецкаго.) Гл. XIV—XVII..... 694

Чувство, идеалъ и идеализація. (Психологическо-литературный этюдъ.) Гл. II. *(Окончаніе.)* **Ѳ. Витберга**..... 736

Россія и Англія. Гл. VIII—X. (*Окончаніе.*) **П. В. Безобразова** 759

Памяти А. А. Фета. (Два стихотворенія.) I. **В. С.** и II. **Анатолія Александрова**..... 791

По Святой Землѣ. Гл. XIV. *(Окончаніе.)* **М. П. Соловьева**. 794

Новая Сандрильона. Романъ. (Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.) Гл. XXX—XXXVII. **Графа Е. А. Саліаса**..... 825

Письма изъ Парижа. Письмо I. **И. Яковлева**..... 867

Письма изъ Англіи. Письмо III. **О. К.** (**Ольга Новикова**)... 887

Зима. (Стихотвореніе.) **Ив. Ивина**..... 895

Стр.

Вопросы церковной жизни. Состояніе православныхъ храмовъ въ Западной Россіи.—Митрополитъ Филаретъ, какъ подвижникъ.—Уменьшеніе территорій существующихъ епархій.—Новое постриженіе въ монашество свѣтскихъ лицъ.—*Церковныя Вѣдомости* о статьѣ Л. Тихомирова. —ь. 896

Современная лѣтопись. Панамское дѣло.—Бѣлыя нитки тройственнаго союза. —Заботы Германіи, Австріи, Италіи, Англіи, Турціи, Сербіи и Болгаріи,—По поводу столѣтія со дня смерти Фонвизина.—† А. А. Фетъ. 906

Лѣтопись печати. Что такое народничество? 2) Изъ газетъ журналовъ. **Л. А. Тихомирова**. 911

Критика и библіографія:

1) *Святой Благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій.* Подробное жизнеописаніе съ рисунками планами и картинами. М. Хитрова. Москва 1893. Цѣна 2 рубля. **А. Ш**. 933

2) Н. Страховъ. *Воспоминанія и Отрывки.* С.-Петербургъ. 1892. **Д**. 937

3) *Какъ охранять жизнь и здоровье дѣтей.* Э Брюкке, переводъ Ильиной, подъ редакціей женщины-врача. М. Волковой. С.-Петербургъ, 1892 г. (Цѣна 2 руб.). 940

4) *Александръ Бёмъ и Альбертъ Оппель.* Compendium микроскопической-техники. съ нѣмецкаго перевелъ съ согласія авторовъ врачъ Ѳ. В. Семеновъ. С.-Петербургъ, 1892 г. Изданіе Пантелѣева. Ц. 1 р. 50 к. 943

5) *Флора средней Россіи.* Иллюстрированное руководство къ опредѣленію средне-русскихъ цвѣтковыхъ растеній. Составилъ П. Маевскій. Москва. 1892 г. Изданіе Е. В. Барановской. 944

6) *Настольный энциклопедическій словарь.* Изданіе бывш. товарищества А. Гарбель и К°. Вып. 1—56. . . . 946

Областной отдѣлъ:

1) Изъ Вичуги. **Александра Морокина**. 949

2) Изъ Одессы. **Осипа Иванова**. 956

3) Со Жмуди. **А. Владимірова**. 960

4) Съ Дуная. **Ивана Струнина**. 962

Экономическое обозрѣніе. Повышеніе пошлинъ на пиво, спички и спиртъ. —Заключеніе Коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія.—Послѣдствія слуховъ о повышеніи пошлинъ на иностранный хлопокъ. 963

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1893 году.

Изданіе журнала „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1893 году, тридцать четвертомъ съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ. При благословеніи преосвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, несшаго труды по редакціи ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ ровно тридцать лѣтъ, и при его полномъ и постоянномъ содѣйствіи, новая редакція и въ настоящемъ (теперь уже четвертомъ) году въ собственномъ смыслѣ будетъ прямымъ продолженіемъ прежней, содѣйствуя основной и постоянной задачѣ журнала — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія. съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Обсужденію этихъ явленій посвящаются особыя статьи. 3) Церковно-историческіе разсказы. 4) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Слова, поученія и преимущественно *внѣбогослужебныя* чтенія, отличающіяся особенною назидательностію. 8) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) По возможности документальныя и въ то же время *общепонятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ и другихъ сектахъ и разборъ ихъ ученій и обрядовъ. На этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе редакціи. 11) Имѣющія руководственное для пастырей и мірянъ значеніе резолюціи, мнѣнія, донесенія и письма Моск. митрополита Филарета. 12) Разныя извѣстія и замѣтки.

Съ конца 1891 года въ нашемъ журналѣ обращено особенное вниманіе на выдающееся служеніе въ Бозѣ почившаго оптинскаго „старца“ іеросхимонаха отца **АМВРОСІЯ**. Редакція *Душеполезнаго Чтенія* полагаетъ, что его жизнь, письма и „статьи“ представляютъ вполнѣ авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи. **Сборникъ его писемъ и статей**, сообщаемыхъ редакціи *непосредственно изъ Оптиной пустыни* (который будетъ продолжаться и въ 1893 году) составляетъ лучшее собраніе поученій и отвѣтовъ на различные вопросы и на всевозможные случаи,—поученій не школьныхъ, а такихъ, за которыми русскій народъ шелъ къ „Батюшкѣ **АМВРОСІЮ**“ за тысячи верстъ.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ въ 1893 году по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

При общепонятности журнала и цѣна его общедоступна: за 12 книжекъ, содержащихъ въ себѣ, какъ, напримѣръ, въ 1891 и 1892 годахъ, болѣе ста двадцати пяти печатныхъ листовъ, безъ доставки 3 р. 50 коп., съ доставкой и пересылкой въ Россіи 4 р., за границей 5 руб.

Многіе изъ опоздавшихъ подписаться на **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** 1892 года должны были ждать втораго изданія книжекъ журнала январской, февральской и мартовской (на что конечно требовалось не мало времени). Во избѣжаніе этого, всѣ желающіе получать журналъ своевременно естественно сдѣлаютъ лучше, если не будутъ очень медлить своей подпиской и тѣмъ дадутъ редакціи возможность знать хотя приблизительно количество экземпляровъ, какое потребно по числу подписчиковъ.

Подписка на **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** принимается: въ Москвѣ, въ редакціи (*новый* домъ церкви святителя Николая, что въ Толмачахъ, *рядомъ* съ прежнимъ), также въ Складѣ духовно-нравственныхъ книгъ при Петровскомъ монастырѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы; въ Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова, Бол. Садовая.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно такъ: въ Редакцію **ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ**, въ Москвѣ.

Редакторъ-издатель проф. прот. **Дим. Ѳеод. КАСИЦЫНЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на общепонятно-научный, иллюстрированный еженедѣльный журналъ

(52 №№ ВЪ ГОДЪ)

НАУКА и ЖИЗНЬ.

Единственный въ Россіи научный журналъ **ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ,** дающій возможность всѣмъ любителямъ знанія слѣдить за успѣхами точныхъ наукъ въ общепонятномъ изложеніи, причемъ къ тексту дается до 500 гравюръ въ годъ. Для учащихся и дѣтей отведенъ отдѣлъ „научныхъ игръ и развлеченій", а также *задачъ* въ объемѣ гимназическаго курса. Кромѣ того, журналъ удовлетворяетъ и чисто практическимъ цѣлямъ, имѣя постоянные отдѣлы „Новостей по сельскому хозяйству, домоводству и пр.", а также „Врачебно-гигіеническихъ новостей и совѣтовъ". Такъ какъ спеціальные журналы дороги и понятны только для спеціалистовъ, то эти отдѣлы имѣютъ цѣлью въ понятномъ для всѣхъ изложеніи дать практическія указанія, особенно важныя для сельскихъ жителей. Масса матеріала помѣщается въ журналѣ, благодаря весьма убористому шрифту.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА журнала такова:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигіена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія. 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объявленія.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Наука и Жизнь" *„одобренъ для ученическихъ* (старшаго возраста) *библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній"* сего Министерства. — Кромѣ того, журналъ *„допущенъ къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ"*.

Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе профессоры высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и за границей, а также врачи, инженеры, архитекторы и пр. Согласно постановленію общаго собранія членовъ Нижегородскаго *Кружка Любителей Физики и Астрономіи,* 28 сентября сего года, журналъ *Наука и Жизнь* избранъ постояннымъ органомъ этого кружка, для сообщенія новостей по физикѣ и астрономіи въ популярной формѣ.

Въ важнѣйшихъ центрахъ за границей имѣются постоянные корреспонденты для быстраго сообщенія всѣхъ открытій, изобрѣтеній и всевозможныхъ научныхъ новостей.

Для вполнѣ обстоятельнаго ознакомленія съ журналомъ желающіе могутъ пріобрѣсть журналъ **за два первые года (1890 и 1891) по**

уменьшенной цѣнѣ, а именно по **ТРИ** рубля за каждый годъ, съ пересылкой во всѣ города.

Одинъ № для ознакомленія высылается за двѣ 7 коп. почтовыя марки, два—за три такія-же марки, три № за четыри марки и т. д.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ **всѣ** вышедшіе №№ съ № 1 по обычной цѣнѣ, т.-е. за **ПЯТЬ** руб. въ годъ съ пересылкой.

ЦѢНА на 1893 годъ: на годъ **ПЯТЬ** руб. и на полгода **ТРИ** рубля съ пересылкой.

Адресъ: Москва, Журналу **НАУКА и ЖИЗНЬ** (Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ).

Редакторъ-издатель Dr. **М. Н. Глубоковскій.**

ГОДЪ III ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ ГОДЪ III

НА

ЛИСТОКЪ СПОРТА

И ОБЪЯВЛЕНІЙ

выходитъ (съ рисунками, относящимися къ тексту) въ дни бѣговъ и скачекъ, а въ остальное время года отъ 1 до 3 разъ въ недѣлю. (Всего до 100 №№ въ годъ).

ПРОГРАММА: правительственныя распоряженія, относящіяся до коннозаводства, коневодства, ремонта и кавалеріи руководящія статьи по текущимъ вопросамъ коннозаводства и спорта, результаты скачекъ и бѣговъ, малочи, разсказы и стихотворенія изъ охотничьей жизни и спорта. Кромѣ того помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ охоты: птицеводству, рыболовству и рыбоводству, отчеты о садочной стрѣльбѣ, о состязаніяхъ велосипедистовъ, о гонкахъ Яхтъ-Клуба, конькобѣжцевъ, краткія извѣстія по шахматамъ, театральныя и торговыя свѣдѣнія и пр.

всѣмъ годовымъ подписчикамъ, какъ премія, будетъ выданъ альбомъ, состоящій изъ портретовъ рысистыхъ и скаковыхъ лошадей. Премія разсылается безплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	СЪ ПЕРЕС. ВЪ ГОРОДА:
съ дост. въ Москвѣ: за годъ 3 р., 1/2 г. 2 р.	на годъ 5 руб., полгода 3 руб.

Объяленія за строку петита на 1 стр. 25 к., на 4—10 к., среди текста 50 к,

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Столешниковъ пер., д. Карзинкина, контора объявленій В. Гиляровскаго. Телефонъ 1052. Въ Петербургѣ подписка принимается: въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ и у И. К. Кузьмина, Невскій, пассажъ.

Редакторъ-издатель **В. Гиляровскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

26-й годъ **„ДОНЪ“** XXVI г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

на 1893 годъ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ 1893 года газета „Донъ“ начинаетъ второе 25-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 25-ть лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1893 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 1/2 г.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежѣ.	6 р.	3 р. 50 к.	2 р. — „	— „ 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города. .	7 р.	4 р. — „	2 р. 50 к.	1 р. — „

Открыта подписка на журналъ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

(годъ 4-й, съ 1 ноября 1892 года).

Въ послѣднихъ книгахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица Б. Н. Чичеринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, Вл. С. Соловьевъ, кн. Е. и С. Трубецкіе, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. А. А. Козловъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. А. И. Введенскій, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Я. Н. Колубовскій, Н. А. Иванцовъ, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Е. И. Челпановъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. М. А. Мензбиръ, В. А. Вагнеръ, К. Н. Вентцель, В. И. Штейнъ и др.

Изданіе будетъ продолжаться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде

Подписка принимается:

въ конторѣ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д. Абрикосовой, № 8) **и у всѣхъ книгопродавцевъ.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки—7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р., за границу—9 р. 50 к.

На годъ (съ 1-го января 1893 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки—6 р., съ доставкой и пересылкой—6 р. 50 к., за границу—7 р. 50 к.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка по 1-е ноября 1893 года НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Редакторъ проф. **Н. Я. Гротъ.**

Издатель **А. А. Абрикосовъ.**

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(XIII ГОДЪ ИЗДАНЯ).

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ"

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

Дѣтскій Отдыхъ особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

Въ 1893 году *Дѣтскій Отдыхъ* будетъ выходить ежемѣсячно, въ объемѣ отъ 8 до 10 листовъ печатнаго текста, со многими рисунками, по той же программѣ, что и въ предыдущіе двѣнадцать лѣтъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. П. Аксаковъ, А. А. Бахтіаровъ, Н. П. Боголюбовъ, П. В. Безобразовъ, П. Вольногорскій, Н. И. Ге, А. Н. Догановичъ, В. Е, Ермиловъ, В. П. Желиховская, Н. А. Иваницкій, А. В. Кругловъ, М. Н. Лаухина, М. В. Киселева, М. Куклинъ, Ап. Коринфскій, Н. М. Невѣжинъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Ольга N, Н.-Н. Островская, В. П. Островскій, Д. Н. Прянишниковъ, Л. В. Постникова, проф. Н. И. Стороженко, А. Сизова, А. П. Смирновъ, В. А. Сысоевъ, С. В. Сѣриковъ, К. И. Тумскій, М. Юрьева, И. В. Юркевичъ, А. В. Щепкива и много друг.

Условія подписки на 1893 годъ.

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ **6** р.
„ „ „ „ на полгода **3** р. **50** к.
Безъ доставки въ Москвѣ (конт. Н. Печковской. . . . **5** р. **50** к.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1887 до 1887 гг. включительно продаются въ конторѣ редакціи по **3 р. 50 к.** съ пересылкой.

Подписка принимается въ Москвѣ:—въ конторѣ объявленій **Н. ПЕЧКОВСКОЙ** (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и въ другихъ городахъ Имперіи.

Господъ иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала *Дѣтскій Отдыхъ*:
Москва, Сивцевъ-Вражекъ, домъ князя Туркестанова.

Редакторы-издательницы { **Е. Сарачева-Фрейбергъ.**
Е. Напалкова.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА,

будетъ выходить въ будущемъ 1893 г. на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосахарную промышленность, лѣсоводство и пр.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, при чемъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.

3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя.

4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.

5) Повѣсти, разсказы и романы.

6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фельетонъ).

7) Обозрѣніе русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.

8) Критика литературная, художественная и театральная.

9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ Юго-Западнаго края.

10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылки — на годъ — 8 р., на 6 м. — 5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ доставк. и перес. при подпискѣ 5 р. и къ 1 іюня вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Другіе сроки не допускаются. Выписка газеты въ кредитъ допускается для служащихъ въ правительств. и обществ. учрежденіяхъ чрезъ ихъ казначеевъ. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ ВЪ КІЕВѢ: 1) Въ главной конторѣ редакціи, на Большей Владимірской, д. № 35, профессора Антоновича, противъ Золотыхъ воротъ. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: Б. В. Корейво, П. Барскаго и Н. Оглоблина.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ редакцію „Кіевскаго Слова“, Большая Владимірская домъ № 35. Редакторъ-издатель профессоръ А. Я. Антоновичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(съ толкованіями на Ветхій Завѣтъ).

С.-Петербургская духовная академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служила до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ, будетъ издавать въ 1893 году „Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“ по слѣдующей программѣ.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ будутъ печататься: 1) *передовыя статьи*, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) *мнѣнія печати* свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя *изученію и частнѣйшей разработкѣ* церковныхъ вопросовъ; 4) обозрѣніе *духовныхъ журналовъ*; 5) обозрѣніе *свѣтскихъ журналовъ* со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) *библіографическія замѣтки*, или обозрѣніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) *корреспонденціи* изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) *въ области церковно-приходской практики* — отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) *постановленія и распоряженія правительства*; 10) *лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ; 11) *лѣтопись церковной и общественной жизни за границей*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) *разныя извѣстія и замѣтки*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ „Христіанское Чтеніе“ войдутъ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно историческаго, апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединена будетъ и общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта, а также неизданные памятники минувшей жизни отечественной Церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.—Годовая цѣна въ Россіи: *за оба журнала* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ **5 р.**, за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р.**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес. *Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. *Подписывающіеся въ Петербургѣ* обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й ул. и Дегтярной, д. № 28—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣстникѣ“.

Годъ изд. 58-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1893

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ **3—4** листа большаго формата, на тоновой бумагѣ, съ **7—10** рисунками альбомнаго размѣра.

Еженедѣльные нумера журнала и ежемѣсячныя книжки въ 1893 г. будутъ реформированы и увеличены въ объемѣ листовъ.

Кромѣ того при нумерахъ журнала будетъ выдано:

12 КНИГЪ „Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія“, выходящихъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.—24 НУМЕРА „Парижскихъ модъ“ съ рисунками (выходятъ ДВА раза въ мѣсяцъ.)—12 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“.—12 ВЫКРОЕКЪ въ натуральную величину. — ЧЕТЫРЕ КАРТИНЫ извѣстныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ.—4 НУМЕРА „Образцовъ для выпиливанія“ по новѣйшимъ рисункамъ. — 12 „НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПІЕСЪ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя піесы). — СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ (съ картою Россіи).—„ЖИЗНЬ и ХОЗЯЙСТВО“ и „ЗАБАВЫ для ЮНОШЕСТВА“ (съ иллюстраціями).

Въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній въ 1893 г. будетъ, между прочимъ, выдано полное иллюстрированное собраніе сочиненій

В. ШЕКСПИРА.

Въ прозѣ и стихахъ, въ новомъ переводѣ **П. А. Каншина**, съ послѣднихъ, дополненныхъ англійскихъ изданій.

Изданіе это будетъ сопровождаться статьею и историческими примѣчаніями извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы—проф. Московскаго университета **Н. И. Стороженко** и **П. И. Вейнберга**, портретомъ автора, fac-simile съ его рукописи, видами мѣстностей и зданій, относящихся къ біографіи, виньетками и гравюрами, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: проф. **К. Е Маковскаго**, **Грюцлера**, **Пилотти**, **Тумана**, **Каульбаха** и др.

ПРЕМІЯ БЕЗПЛАТНО.

Всѣ годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подписную сумму, получатъ прозрачную картину, замѣняющую живопись на стеклѣ и изображающую ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ

«СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!» («ECCE HOMO!»)

Воспроизведенную въ 18 красокъ съ знаменитой картины **Гвидо Рени** (размѣръ 11×13 дюймовъ).

Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, на выборъ, ОДНО изъ ЧЕТЫРЕХЪ новыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за первое, безъ доставки **75** к., съ доставкою **1** руб., а за остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, безъ доставки **1** р. **50** к., съ доставкою—**2** руб. за каждое.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ (ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ РОССІИ).

1) двѣ картины (Genre Watteau) на роскошномъ атласѣ—а) „**СВИДАНІЕ**“ (отдѣльно не выдаются) б) „**ПРИЗНАНІЕ**“. Картины эти воспроизведены въ 20 красокъ и замѣняютъ дорогую ручную акварель на атласѣ.

2) **Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесар. Николай Александровичъ.** Е. И. В. изображенъ на сѣромъ, скачущ. конѣ, въ парадной лейбъ-гусарской формѣ. Картина писана подъ наблюденіемъ профес. **Б. Виллевальде** и отпечатана въ 23 краски. (Размѣръ: выш. 30 дюйм., шир. 23 дюйм.).

3) **Княжна Тараканова (во время наводненія).** Проф. **К. Д. Флавицкаго.** Отпечатана въ 20 красокъ (выш. 28 дюйм., шир. $17^1/_2$ д.).

4) **Новый альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.** Рисовалъ извѣстный художникъ **Н. Каразинъ.** Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и вложены въ изящную обертку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ: безъ доставки въ Спб. **6** р. **60** к., съ доставкой и пересылкой по Имперіи **8** руб.

Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно.

3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1893** ГОДЪ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

IX г. изд. „СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ **IX г. изд.**

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	4 р. 50 к.	На годъ	5 р. 50 к.
„ полгода	2 „ 50 „	„ полгода	3 „ — „
„ 3 мѣсяца	1 „ 50 „	„ 3 мѣсяца	1 „ 75 „

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками)

Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи „Сѣвернаго Кавказа“.

3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1893** ГОДЪ

(XII годъ изд.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

„РОДНИКЪ“

И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

(подъ редакціей Е. Сысоевой и Алѣксея Альмедингена).

„РОДНИКЪ“ въ 1893 году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 11 лѣтъ.

„РОДНИКЪ“ выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большаго формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Содержаніе „РОДНИКА“ составляютъ: I. Стихотворенія, повѣсти, разсказы и сказки. II. Біографіи замѣчательныхъ людей. III. Историческіе очерки. IV. Статьи научнаго содержанія, по различнымъ областямъ знанія. V. Очерки изъ современной жизни. VI. Смѣсь (мелкія статьи). VII. Игры, занятія, загадки и проч.

„РОДНИКЪ“ рекомендованъ и одобренъ Учеными и Учебнымъ Комитетами Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.

Вмѣстѣ съ „РОДНИКОМЪ“ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе“.

Условія подписки на 1893 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой:	На г.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ „Родникъ“.....	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На „Родникъ“ и педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе“...	6 „	3 „ — „	1 „ 50 к.
За границу.....	8 „	4 „ — „	2 „ — „
Отдѣльно на педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе“.....	2 „	1 „ — „	— 50 „

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская, 27.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр. 106. при „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ Н. Н. Морева.

Годъ изд. 81-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1893.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(безъ предварительной цензуры).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ ежемѣсячными, еженедѣльными приложеніями и книжками «Романы и повѣсти»:

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, военной и духовной сферахъ, а также важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммамъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета—*Сынъ Отечества* въ первомъ изданіи вполнѣ замѣняетъ собою **дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ**.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, подписчики ПЕРВАГО изданія получатъ БЕЗПЛАТНО:

1) **ВОСКРЕСНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ** въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала. 2) Книжки „Романы и повѣсти". Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ. 3) „Моды и рукодѣлія"—12 нумеровъ, замѣняющихъ для семьи *Модный журналъ*. 4) „Стѣнной календарь" въ три краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп. на одинъ мѣсяцъ **1** руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты *Сынъ Отечества* выходитъ ежедневно листами и въ дни, слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 нумеровъ). Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевыя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Кромѣ того на страницахъ втораго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ достав. и пересылкою по Россіи):

На годъ **4** руб., на полгода **2** руб., на три мѣсяца **1** руб. За границу (на годъ) **6** руб.

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики ПЕРВАГО или ВТОРАГО изданія газеты *Сынъ Отечества*, уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить (на выборъ) ОДНО изъ ЧЕТЫРЕХЪ новыхъ художественныхъ изданій, съ уплатою за первое, выбранное: безъ доставки 75 коп., съ доставкою ОДИНЪ рубль. За остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, уплачивается: безъ доставки 1 руб. 50 коп., съ доставкою 2 руб. за каждое.

1) **«СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!» («ЕССЕ НОМО!»)**. Прозрачная картина, замѣняющая живопись на стеклѣ и изображающая ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.— Воспроизведена въ 18 красокъ съ картины **Гвидо Рени** (разм. 11×13 д.).

2) **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВ. НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.** Его Император. Высоч. изображенъ на сѣромъ, скачущемъ конѣ, въ лейбъ-гусарской парадной формѣ. Оригиналъ картины писанъ подъ наблюденіемъ профессора батальной живописи Императ. академіи **Б. П. Виллевальде.** Картина отпечатана въ 23 краски (размѣръ вышина 30 дюйм., ширина 23 дюйма).

3) **КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНІЯ).** Копія съ картины извѣстнаго профессора исторической живописи **К. Д. Флавицкаго,** отпечатанная въ 20 красокъ (размѣръ картины: вышина 28 дюйм., ширина 17½ дюймовъ).

4) **Альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.** Рисовалъ извѣстный иллюстраторъ-художникъ **Н. Н. Каразинъ.** Каждая картина сопровождается описаніемъ ея содержанія. Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и переплетены въ изящную папку, украшенную портретомъ **Ѳ. М. Достоевскаго.**

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Желающіе ознакомиться съ газетою могутъ получить нумеръ таковой или подробное иллюстрированное объявленіе БЕЗПЛАТНО.

—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(7-й годъ изданія).

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

ГАЗЕТА ДОНСКАГО КРАЯ.

Выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ.

Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донскаго края и сосѣднихъ губерній, фельетонъ, очерки, разсказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ теченіе шести лѣтъ изданія редакція постоянно стремилась къ всестороннему улучшенію газеты, чему будетъ слѣдовать и теперь. Какъ и въ минувшіе годы, въ газетѣ „Донская Рѣчь“ читатели найдутъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція въ настоящее время имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ каждомъ болѣе населенномъ пунктѣ области. Свѣдѣнія изъ С.-Петербурга сообщаются спеціальнымъ корреспондентомъ. Держась вышеприведенной программы, редакція въ настоящемъ году помѣститъ, между прочимъ, рядъ статей, касающихся военнаго быта казаковъ, экономическаго положенія края, рядъ очерковъ, разсказовъ и набросковъ изъ современной и прошлой жизни области и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 5 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р.

Адресъ: Новочеркасскъ, въ редакцію „Донской Рѣчи.“

Редакторъ-издатель **Ив. Поповъ.**

3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1893** Г.

НА

общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

выходящую въ Казани ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ послѣ праздниковъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—воможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Камскаго и Приволжскаго края. Казанская хроника. Судебная хроника. Библіографія. Театръ и музыка. Ежедневное обозрѣніе текущей международной жизни. Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство и промышленность. Народное образованіе и педагогика. Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы. Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго содержанія, составленныя спеціалистами. Справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Барановъ, Н. Н. Блиновъ, проф. А. В. Васильевъ, Н. Г. Гаринъ, А. С. Гацискій, В. А. Гольцевъ, И. М. Гвоздевъ, проф. Ѳ. Г. Дормидонтовъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, проф. В. В. Ивановскій, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, Н. Я. Капустина, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. К. М. Леонтьевъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, проф. Ѳ. Г. Мищенко, А. Д. Мысовская, проф. Е. А. Нефедьевъ, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, проф. В. Л. Орловъ, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, М. И. Поповъ, (Анд. Любый), Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. И. Н. Смирновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, Е. Н. Чириковъ, проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Н. Ѳ. Юшковъ, Н. Н. Ѳирсовъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ, съ пересылкой: на годъ—9 руб., на полгода—5 р., на 3 мѣсяца—2 руб. 75 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб. Допускается слѣдующая разсрочка платы: при подпискѣ вносится 5 р., къ 1 мая—4 руб. Для священниковъ, народныхъ учителей и учащихся—льготныя условія подписки.

Гг. иногородніе подписчики требованіе на газету и высылку денегъ благоволятъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція „Волжскаго Вѣстника“. Редакторъ-Издатель. **Н. Рейнгардтъ.**

ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ по прежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „Русская Жизнь“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода—5 р., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; заграницу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газеты высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе ноября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднимъ, желающимъ ознакомиться съ „Русской Жизнью“, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за восемь семикопѣечныхъ марокъ.

Главная Контора: **С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.**

Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ 1893 году.

(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Саратовскій Дневникъ“ въ 1893 году будетъ, въ общихъ чертахъ, слѣдовать программѣ послѣднихъ лѣтъ. Особенное вниманіе редакція обратитъ на „мѣстный отдѣлъ“ газеты, т.-е. на возможную полноту свѣдѣній о жизни Саратова и его области, обнимающей, кромѣ Саратовской, смежныя части сосѣднихъ губерній и, въ особенности,—Самарское Заволжье до Урала. Интересы этой области, благодаря проведенію въ ней цѣлой сѣти новыхъ желѣзныхъ дорогъ, должны теперь тѣснѣе сгруппироваться около естественнаго центра—Саратова. Продолжая начатое уже въ нынѣшнемъ году расширеніе „мѣстнаго отдѣла“ и располагая болѣе обильнымъ для него матеріаломъ, редакція направитъ свои старанія на разработку многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей сельско-хозяйственной, торгово-промышленной и общественной жизни края. При этомъ редакція, какъ и прежде, будетъ строго разграничивать интересы большинства населенія отъ выгодъ отдѣльныхъ или случайныхъ его группъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ:	Съ пересылкою въ друг. города.
На 12 мѣсяцевъ 6 руб. — к.	На 12 мѣсяцевъ 7 руб. — к.
„ 6 „ 3 „ 50 „	„ 6 „ 4 „ — „
„ 3 „ 2 „ — „	„ 3 „ 2 „ 50 „
„ 1 „ — „ 75 „	„ 1 „ 1 „ — „

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ, редакція допускаетъ РАЗСРОЧКУ подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ; первые вносятъ: при подпискѣ 2 р., 1 марта 2 р. и 1 мая 2 р.; иногородніе—при подпискѣ 3 руб., 1 марта 2 руб. и 1 мая 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Уфимцева. Въ гор. Вольскѣ подписка на „Саратовскій Дневникъ“ и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ гг. Хохрякова и Фармаковскаго.

Объявленія принимаются: на первой страницѣ первые три раза 20 к. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.: на третьей и четвертой—первые три раза по 7 коп., а послѣдующіе разы—по 5 коп.—Годовыя объявленія пользуются особою уступкой.—Объявленія изъ-за границы и всѣхъ мѣстъ Россійской Имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и Приволжскихъ губерній ПРИНИМАЮТСЯ исключительно въ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРѢ ОБЪЯВЛЕНІЙ, БЫВШ. МЕТЦЛЬ, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій ка: на первой страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп. за строку эптита.

ялРозничная продажа газеты по 5 коп. за экземпляръ.

Лица, подписавшіяся на 1893 годъ, получаютъ газету въ нынѣшнемъ году со дня подписки БЕЗПЛАТНО

—2. Издатель Н. П. ШТЕРЦЕРЪ.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ НА 1893 ГОДЪ.

Въ наступающемъ 1893 году *Варшавскій Дневникъ* будетъ выходить по утрамъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ, кромѣ слѣдующихъ за двунадесятыми праздниками и нѣкоторыми табельными днями—въ количествѣ 345 нумеровъ въ годъ.

Подписная цѣна, при значительно расширенномъ размѣрѣ газеты, остается прежняя, а именно:

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ.....	9 руб. 60 коп.	На годъ.....	12 руб.
„ полгода.....	4 » 80 »	» полгода.....	6 »
„ три мѣсяца.....	2 » 40 »	» три мѣсяца.....	3 »
„ мѣсяцъ.....	— » 80 »	» мѣсяцъ.....	1 »

За границу (подъ бандеролью): на годъ 15 руб. (20 гульд. или 40 франк.), полгода 8 р. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца 4 р. 50 к. (5 гульд. 10 фр.), мѣсяцъ 1 р. 60 к.

Въ числѣ литературнаго матеріала на будущій годъ редакція имѣетъ въ виду слѣдующія статьи: 1) Австро-польское Entente cordiale; 2) Роль католическаго духовенства въ возстаніи 1861—64 годовъ; 3) Подпольная литература послѣдняго польскаго мятежа; 4) По Галичинѣ, путевыя замѣтки; 5) Верховный уголовный судъ надъ участниками мятежа 1830—31 годовъ; 6) О русскомъ землевладѣніи въ Привислинскомъ краѣ; 7) Положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Привислинскомъ краѣ; 8) Нѣсколько белетристическихъ разсказовъ и этнографическихъ, путевыхъ очерковъ Вс. Крестовскаго.

Что касается до направленія газеты подъ новою редакціей, то таковое изложено во вступительной статьѣ № 221 *Варшавскаго Дневника*, изъ коей напоминаемъ теперь главнѣйшія наши основоположенія:

1. Точка зрѣнія наша, съ которой мы относимся ко всѣмъ вообще явленіямъ мѣстной жизни, это—русскіе государственные интересы, при неуклонномъ служеніи имъ словомъ и дѣломъ.

2. Никакой племенной или инаго рода ненависти къ Полякамъ; желаніе краю, какъ странѣ славянской, всякаго процвѣтанія подъ крѣпкою сѣнію Русской государственной власти и въ нравственномъ единеніи съ великимъ Русскимъ народомъ, что, по нашему глубокому убѣжденію, ни мало не препятствуетъ нашимъ Полякамъ не только сохранить свои религіозныя, національныя, этнографическія и культурныя особенности, но и даетъ возможность преслѣдовать ихъ дальнѣйшее развитіе на общее ихъ и наше благо.

3. Поэтому всякое явленіе мѣстной жизни въ области культуры, въ сферѣ экономическихъ, общественныхъ и иныхъ интересовъ—по скольку оно будетъ согласуемо съ русскими государственными интересами—всегда встрѣтитъ съ нашей стороны полное сочувствіе и поддержку. И наоборотъ:—всякое явленіе, не только идущее въ разрѣзъ этимъ послѣднимъ интересамъ, но и малѣйше имъ противорѣчащее, или обнаруживающее тенденцію явнаго или тайнаго отклоненія отъ сихъ интересовъ во враждебную имъ сторону, будетъ нами немедленно разоблачаемо и преслѣдуемо честнымъ путемъ печатнаго слова.

4. Вполнѣ искреннее желаніе и надежда додуматься и договориться съ благоразумною частью польскаго общества относительно взаимнаго, сноснаго и безобиднаго для обѣихъ сторонъ *modus vivendi*

5. Поэтому мы предпочитаемъ спокойное и взаимно безпристрастное обсужденіе нашихъ «больныхъ» вопросовъ. Если же окажется необходимою полемика, то съ нашей стороны таковая будетъ безъ грубостей, личностей и инсинуацій. Нашъ принципъ—открытый, честный бой, но не инсинуація противъ кого бы то ни было.

6. Отношеніе наше къ еврейскому вопросу, по скольку дѣло касается эксплуатаціи еврействомъ христіанскихъ элементовъ населенія, — безусловно-враждебное.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр. № 48, въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ № 65.

ГОДЪ XII. ПОДПИСКА на 1893 ГОДЪ. ГОДЪ XII

„РЕБУСЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Вступая въ двѣнадцатый годъ своего существованія, журналъ сохранитъ прежнее направленіе, хорошо извѣстное нашимъ читателямъ. Для желающихъ же ознакомиться съ нимъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о нашей одиннадцатилѣтней дѣятельности. Въ дни основанія нашего журнала не только русская, но и иностранная пресса, исключая спеціальной, не говорила почти ни слова о самой важнѣйшей области человѣческаго знанія: о психическихъ, сверхчувственныхъ явленіяхъ. Мы отвели обширное мѣсто въ журналѣ образу фактовъ и наблюденій въ этой области. Помѣщенныя нами статьи о **гипнотизмѣ, механизмѣ, ясновидѣніи** и **медіумизмѣ** (спиритизмѣ) даютъ полную картину современнаго взгляда на эти таинственныя явленія. Журналъ нашъ единственный изъ всей русской прессы шагъ за шагомъ слѣдилъ за энергическою дѣятельностью „Лондонскаго общества для психическихъ изслѣдованій“, руководимаго извѣстными англійскими учеными. Мы заимствовали изъ его „Трудовъ“ статьи о передачи мысли на разстояніи (телепатія), описанія тщательно повѣренныхъ членами Общества случаевъ явленія призраковъ: прижизненныхъ, присмертныхъ и посмертныхъ. Статьи извѣстныхъ дѣятелей и ученыхъ по всѣмъ вопросамъ этой мало еще изслѣдованной области тоже нашли мѣсто въ нашемъ журналѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и противорѣчатъ нашимъ взглядамъ, какъ, напримѣръ, сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго философа Эд. Гартмана—„Спиритизмъ“, стремящееся нанести спиритизму смертельный ударъ.

Существующая уже нынѣ обширная литература неопровержимо свидѣтельствуетъ, что интересъ къ психизму все болѣе и болѣе растетъ; факты и наблюденія въ этой области накопляются съ поразительною быстротой и даютъ намъ богатый матеріалъ для нашей дальнѣйшей дѣятельности.

Въ теченіе года будетъ печататься **отвѣтъ А. Н. Аксакова** на сочиненіе Гартмана „Спиритизмъ“. Въ *беллетристическомъ отдѣлѣ* помѣщаются романы, повѣсти и разсказы, а подъ рубрикою *смѣсь* извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а также выдающіяся событія ежедневной жизни.

ЦѢНА на годъ **5** руб., на полгода **3** р. съ дост., а безъ дост. **4** руб. и **2** р. **50** к. Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** р., 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **1** руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (книжный магазинъ Мартынова, Невскій, 45); въ книжн. магаз. Вольфа, Мелье, *Новаго Времени*, и др. *Чрезъ почту* деньги высылаются по адресу: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала *Ребусъ*.

Можно получить журналъ 1884—1889 гг. по **3** р., за годъ, 1890 г.—**4** р., 1891 и 1892 г.—по **5** руб. за годъ.

Редакторъ-Издатель **В. Прибытковъ.**

Стр

4) *Александръ Бёмъ и Альбертъ Оппель.* Compendium микроскопической техники, съ нѣмецкаго перевелъ съ согласія авторовъ врачъ Ѳ. В. Семеновъ. С.-Петербургъ, 1892 г. Изданіе Пантелѣева. Ц. 1 р. 50 к. 943

5) *Флора средней Россіи.* Иллюстрированное руководство къ опредѣленію средне-русскихъ цвѣтковыхъ растеній. Составилъ П. Маевскій. Москва. 1892 г. Изданіе Е. В. Барановскій. 944

6) *Настольный Энциклопедическій словарь.* Изданіе бывшаго товарищества А. Гарбель и К°. Вып. 1—56..... 946

XVIII. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ:

1) Изъ Вичуги. **Александра Морокина**..... 949

2) Изъ Одессы. **О. Иванова**..... 956

3) Со Жмуди. **А. Владимірова**..... 960

4) Съ Дуная. **И. Струнина**..... 962

XIX. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Повышеніе пошлинъ на пиво, спички и спиртъ. — Заключенія Коммиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія.—Послѣдствія слуховъ о повышеніи пошлинъ на иностранный хлопокъ. 963

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ теченіе декабря въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія“ поступили слѣдующія книги:

Аверкіевъ Д. В. О драмѣ. Критическое разсужденіе съ приложеніемъ статьи: „Три письма о Пушкинѣ“. Изд. тщательно пересмотрѣнное и значительно пополненное. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1893 г.

Головинъ К. Ѳ. Соціализмъ, какъ положительное ученіе. Спб. 1892 года. Ц. 1 р. 60 к.

Кирѣевъ А. А. Конгрессъ старокатоликовъ въ Люцернѣ въ 1892 г. Спб. 1892 г.

Бестужевъ-Рюминъ К. Н. акад. Исторія русской этнографіи А. Н. Пыпина. Т. I—IV.

Modrich J. N. Russia Note e Ricordi di Viagio. Torino—Roma. 1893 г. Ц. 3 р.

А. Гарбель и К°. Настольный Энциклопедическій словарь. 3 тома въ 42 выпускахъ (оканчивается словомъ „Кальдеронъ“).

Майковъ М. Исторія одного брака. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Фирсовъ В. Горькій опытъ. Романъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бургеръ А. И. Мясная пища съ точки зрѣнія вегетаріанца. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

М. Туллій Цицеронъ. Философскіе трактаты о. старости и о дружбѣ. Пер. И. Семенова. Москва. 1893 г. Ц. 35 к.

Отчетъ коммиссіи народныхъ чтеній за 1891 г. Казань 1892 г.

J. Scheff. / **В. Ѳ. Грубе.** — Руководство къ лѣченію зубныхъ болѣзней. Харьковъ. 1892 г. Изд. Фрейфельда. Т. II. Вып. 3.

ИЗДАНІЯ К. Л. РИККЕРА въ СПБ:

Вагнеръ Р. / **Фишеромъ Ф.** обработано — Химическая технологія. Выпуски 7 и 8. Спб. 1893 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подъ новою редакціей журналъ „Русское Обозрѣніе“ будетъ издаваться по прежней программѣ, *безъ предварительной цензуры*, выходя 15-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатн. листовъ.

Въ составъ каждой книги журнала войдутъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) **Изящная словесность** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д.) 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Критика**. 4) **Вопросы церковной жизни**. 5) **Современная лѣтопись**. 6) **Иностранныя корреспонденціи**. 7) **Лѣтопись печати**. 8) **Искусство** (обозрѣнія музыкальныя, театральныя, художественныя и др.) 9) **Библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 10) **Новыя книги**. 11) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 12) **Экономическія замѣтки**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ и другихъ городахъ съ пересылкой и доставкой.

На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Октябрь.
15 руб.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.	3 р. 75 к.	3 р. 75 к.	3 р. 75 к.
	За границей, въ государства почтоваго союза.					
18 руб.	9 р. —	9 р. —	5 р. —	5 р. —	5 р. —	4 р. —

☞ **Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ** подписная цѣна на 1893 годъ назначается: 1 годъ—**12 руб.**, 6 мѣс.—**6 руб.**, 3 мѣс.—**3 руб.**, 1 мѣс.—**1 руб.**

Отдѣльная книга журнала съ доставкой и пересылкой 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ редакціи и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкой.

Журналъ „Русское Обозрѣніе“ за прежніе годы продается по 12 р., подписчикамъ по 10 р., а отдѣльныя книжки по 1 рублю.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: *Москва, редакція Русскаго Обозрѣнія.*

Контора и редакція помѣщаются на Тверской ул., д. Гинцбурга.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.**

При сей книжкѣ прилагаются объявленія объ открытіи подписки на 1893 г. на журналы „НИВА“, „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ и газету „НОВОСТИ ДНЯ“.

AP
50
R86
g.3
Dec.

Russkoe obozrîenie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY